ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы II Международной научно-практической конференции

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТРОСОЮЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КООПЕРАЦИИ»
САРАНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы II Международной научно-практической конференции

Саранск, 29–30 апреля 2026 г.

Часть 1

Текстовое электронное издание

САРАНСК 2026

УДК 334.7(063)
ББК 65
Т 291

Редколлегия:
Р. Р. Хайров (отв. редактор),
Т. Е. Шилкина (зам. отв. редактора),
Е. В. Зотова (отв. секретарь),
Т. В. Дворецкая

Печатается по решению ученого совета
Саранского кооперативного института (филиала) РУК

Т 291 **Теория и практика кооперации в современном обществе** : материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 29–30 апр. 2026 г.) / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. редактор) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (филиал) РУК. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2026. – Ч. 1. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8156-2018-6

Материалы, вошедшие в настоящий сборник, затрагивают актуальные проблемы, связанные с интеграцией теории права и правоприменительной практикой, социальными, гражданскими и уголовными детерминантами развития законодательства.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и студентов вузов.

Минимальные системные требования

IBM PC – совместимые; ОЗУ 512 Мб; 100 Мб на жестком диске; Windows (XP, Vista, Windows 7, 8); видеосистема: от 128 Мб и выше; Adobe Reader

© Саранский кооперативный институт (филиал) РУК, 2026
© Авторский коллектив, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Абдуллаев Махир Адил Оглы — ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕСУРСНЫЕ РАЗРЫВЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Абдуллаев Махир Адил Оглы — ЭВОЛЮЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Абдуллаев Махир Адил Оглы, Жирнова Юлия Александровна — ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Абрамов Алексей Алексеевич, Беспалова Виктория Алексеевна — ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Адикаев Адель Ринатович — НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баряева Диана Станиславовна, Белова Татьяна Борисовна — КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕОКЛАССИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Безруков Егор Германович — МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ: ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Безруков Егор Германович — НЕЗАВИСИМАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Берест Анастасия Васильевна — СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЙСТВИЯМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Беспалов Станислав Игоревич — ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Беспалов Станислав Игоревич — ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Биряев Александр Дмитриевич — ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ В ОВД

Бояркина Дарья Николаевна — ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ И ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА РОССИИ

Ведяков Вадим Алексеевич — ЭВОЛЮЦИЯ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОГМАТИКИ К СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

Вешнякова Дарина Юрьевна — ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ И ПРОЦЕДУРНЫХ ПРАКТИК

Вешнякова Дарина Юрьевна	**МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ: ДИАГНОСТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ**
Голубев Владимир Владимирович	**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУБЪЕКТОВ В МЕХАНИЗМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА**
Гулькина Екатерина Николаевна	**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Замотаева Ольга Николаевна Биряев Александр Дмитриевич	**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД К УСЛОВИЯМ СЛУЖБЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ**
Замотаева Ольга Николаевна Долганова Евгения Николаевна	**ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ТУРИСТСКОЙ СФЕРЕ**
Замотаева Ольга Николаевна Милешкина Альбина Сергеевна	**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**
Замотаева Ольга Николаевна Шишканов Максим Алексеевич	**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**
Кабачий Николай Сергеевич	**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ И МАТРИЦА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**
Кайминов Никита Андреевич	**УРОВЕНЬ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ**
Кайминов Никита Андреевич	**КРИТЕРИИ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**
Канайкин Андрей Андреевич	**МЕХАНИЗМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**
Катаев Артем Алексеевич Ямбушев Фаиль Шамильевич	**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
Киушкина Юлия Дмитриевна	**ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**
Кондратьева Ксения Алексеевна	**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ**
Крылов Андрей Олегович	**ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФИНАНСОВЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1802–1850): СУБЪЕКТЫ, СОСТАВЫ, САНКЦИИ**
Кугушева Анастасия Игоревна	**ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В МЕХАНИЗМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА**

Кузнецова Яна Владимировна	**АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В СИСТЕМЕ СТАДИЙ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**
Кулагина Екатерина Викторовна	**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**
Менчайкин Артём Иванович	**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА: ГЕНЕЗИС И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ**
Моисеева Юлия Владимировна	**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СУДА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ**
Павлов Денис Игоревич	**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ**
Павлов Денис Игоревич	**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**
Павлов Денис Игоревич	**ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРИНУЖДЕНИИ В РОССИИ**
Петкин Юрий Вячеславович	**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ВОДИТЕЛЕЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**
Петкин Юрий Вячеславович	**СПЕЦИФИКА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ СРЕДСТВАМИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФОТО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ**
Печаткин Александр Сергеевич Скворцова Нина Михайловна	**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ**
Поршин Алексей Владиславович	**КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**
Поршина Дарья Игоревна, Подсеваткина Анастасия Александровна	**НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**
Свешникова Лариса Николаевна Булашева Ольга Васильевна	**СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**
Сурков Михаил Владимирович	**РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ: СТАНДАРТЫ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ**
Сурков Михаил Владимирович	**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Тараканова Наталья Геннадьевна Пяткина Татьяна Юрьевна	**ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ**
Федин Александр Николаевич Печаткин Александр Сергеевич Андрюшин Даниил Игоревич	**ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ В РОССИИ**
Фунин Владислав Алексеевич	**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**
Чавкин Булат Дамирович	**МЕТОДЫ И МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ**
Чичкин Михаил Борисович	**АРХИТЕКТУРА И ДИНАМИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**
Чичкин Михаил Борисович	**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: ЭТАПЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**
Явкина Анастасия Михайловна	**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Абдульмянова Татьяна Владимировна Безунова Алёна Михайловна	**ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ХУЛИГАНСКИЕ ПОБУЖДЕНИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОТ УЛИЧНОГО БЕСЧИНСТВА К ЮРИДИЧЕСКОЙ АБСТРАКЦИИ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна, Глухов Никита Сергеевич	**КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна, Забатурина Елена Андреевна	**ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГУМАНИЗАЦИИ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна Лашин Алексей Александрович	**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Абдульмянова Татьяна Владимировна, Мелешина Юлия Андреевна	**ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРЕДИТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна, Орехин Вадим Игоревич	**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна, Студеникина Ирина Владимировна	**ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОТ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА ДО СОВРЕМЕННОГО УК РФ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна, Усачева Алина Владимировна	**ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ**
Абдульмянова Татьяна Владимировна, Чалдышев Даниил Александрович	**УБИЙСТВО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА: ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ**
Авдошкин Александр Анатольевич, Асанова Ирина Павловна	**О ПРОБЛЕМАХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НЕЙРОСЕТЯМИ В ИНТЕРНЕТЕ**
Агафонова Екатерина Андреевна	**ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**
Алямкин Алексей Иванович	**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ**
Арапов Владислав Николаевич	**НЕЗАКОННАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**
Арапов Владислав Николаевич Асанова Ирина Павловна	**СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ УГОЛОВНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**
Бабин Дмитрий Олегович	**МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**
Барашкин Сергей Андреевич	**НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННОЙ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ**

Барашкин Сергей Андреевич	**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА НАРКОКОНТРАБАНДЫ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ**
Барцаев Владислав Владимирович	**К ВОПРОСУ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИОТМЫВОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РОССИИ**
Беспалов Александр Юрьевич	**ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ**
Беспалов Александр Юрьевич	**ДАННЫЕ О СПЕЦИФИКЕ СПОСОБОВ, ОРУДИЙ И СЛЕДОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**
Бондарев Илья Игоревич	**ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ**
Борисов Владислав Сергеевич	**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ**
Вагнер Ольга Валерьевна	**ОСОБЕННОСТИ ЭВТАНАЗИИ КАК ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО ВИДА УБИЙСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ**
Вагнер Ольга Валерьевна	**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО ВИДА УБИЙСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 106 УК РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**
Волков Кирилл Владиславович	**ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ МАСКИРОВКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНОСТИ**
Волков Кирилл Владиславович	**ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ С МОДИФИЦИРОВАННОЙ ВНЕШНОСТЬЮ**
Волков Кирилл Владиславович	**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И УЧАСТИЯ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА В УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ**
Волостнова Дарья Александровна	**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ**
Глухова Ангелина Станиславовна	**СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОЗЫСКНЫХ ГРУПП В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ**
Данилов Вадим Владимирович Инкина Кристина Владимировна	**СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Данилов Вадим Владимирович Барашкин Сергей Андреевич	**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ**
Данилов Вадим Владимирович, Беспалов Александр Юрьевич	**СВЕДЕНИЯ ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ**
Данилов Вадим Владимирович, Кизрин Кирилл Вячеславович	**КЛАССИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЙ, ВЛЕКУЩИХ ОТМЕНУ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРИГОВОРОВ**
Еремкина Надежда Васильевна	**ОТ СОЗДАНИЯ НОРМЫ К ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
Журавлева Мария Андреевна	**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ**
Жуткина Наталья Павловна	**ФССП РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
Зайцев Николай Борисович	**КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЯ ПО СТ. 158 УК РФ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**
Инкина Кристина Владимировна	**ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**
Кечайкина Елена Михайловна, Борисов Владислав Сергеевич	**ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА**
Кибаков Никита Юрьевич, Абдульмянова Татьяна Владимировна	**ТРУДНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ КОРЫСТНОГО МОТИВА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**
Климкина Кристина Михайловна	**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ УГРОЗ И СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**
Кузнецова Ксения Александровна	**ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ**
Кузнецова Ксения Александровна, Асанова Ирина Павловна	**ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Куликова Татьяна Андреевна	**ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
Кяшкин Ярослав Олегович	**ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 126 И 127 УК РФ К ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ РОДИТЕЛЕЙ ПО УДЕРЖАНИЮ РЕБЁНКА: ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ**
Кяшкин Ярослав Олегович, Асанова Ирина Павловна	**ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РФ**
Липатов Антон Александрович	**ВОЗРАСТНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ**
Липатов Антон Александрович	**КЛАССИФИКАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ**
Липатов Антон Александрович	**СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РАССЛЕДОВАНИЯ**
Логутенков Александр Владимирович, Харитонова Мария Игоревна	**К ВОПРОСУ О СТРАХОВЫХ СЛУЧАЯХ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РОССИИ**
Лунькин Максим Витальевич	**АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ**
Лунькин Максим Витальевич	**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ**
Лунькин Максим Витальевич	**ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ**
Макаров Владислав Анатольевич	**ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ**
Макарова Ольга Дмитриевна	**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ХИЩЕНИЯХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**
Маланьина Алина Алексеевна	**НАРКОТИЧЕСКАЯ ВИКТИМНОСТЬ И «НАРКОТИЗИРОВАННАЯ СЕМЬЯ» КАК ВИКТИМОГЕННЫЙ ФАКТОР НАРКОПРЕСТУПНОСТИ**
Минеева Ирина Николаевна, Колоколова Елена Олеговна	**К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАКА В ШВЕЦИИ**
Моисеева Елена Николаевна	**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ДРАЙВЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ОФОРМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Надин Евгений Андреевич	**ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ СОУЧАСТНИКОВ**
Нелюбина Екатерина Андреевна, Симонова Елена Витальевна	**ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТНИКА К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**
Никишова Наталья Валерьевна	**ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**
Орлова Татьяна Витальевна	**КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР**
Орлова Татьяна Витальевна, Асанова Ирина Павловна	**КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ**
Попова Татьяна Валерьевна	**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ «КОЛУМБАЙН» И ЕЁ ПРОФИЛАКТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**
Савельева Дарья Михайловна	**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ В УСЛОВИЯХ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**
Сальникова Ангелина Олеговна	**СТРУКТУРА И СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Саушкин Никита Сергеевич	**НАЁМНИЧЕСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**
Саушкин Никита Сергеевич, Асанова Ирина Павловна	**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**
Синдянкин Сергей Николаевич, Асанова Ирина Павловна	**МОШЕННИЧЕСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ**
Синдянкин Сергей Николаевич	**СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**
Спиридонова Мария Николаевна	**СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ОВД (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ)**
Становкина Анна Викторовна	**ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ**
Становкина Анна Викторовна	**ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ**
Становкина Анна Викторовна	**ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И СПОСОБОВ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)**

Стрелков Иван Валерьевич	**ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И КОМПАРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ США И ЕВРОПЫ**
Теричева Марина Юрьевна	**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**
Тимошкин Павел Сергеевич	**НАРКОМАНИЯ И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**
Турчын Игорь Осипович	**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ**
Тюляков Виталий Васильевич, Асанова Ирина Павловна	**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАВЫ 22 УК РФ**
Тюляков Виталий Васильевич	**ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ**
Умряев Дамир Ильдарович	**ПРЕСТУПНОСТЬ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: ПОНЯТИЕ И СОСТОЯНИЕ**
Умряев Дамир Ильдарович	**ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**
Умряев Дамир Ильдарович	**ОХРАНА БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**
Учайкина Наталья Юрьевна, Прокина Екатерина Васильевна	**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ**
Черушова Мария Алексеевна	**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВОВ УБИЙСТВ ПРИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
Шемякин Илья Михайлович	**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли материалы II Международной научно-практической конференции «Теория и практика кооперации в современном обществе», проходившей в Саранском кооперативном институте (филиале) РУК 29–30 апреля 2026 г.

В своих выступлениях преподаватели, аспиранты, магистранты изложили собственное видение современных тенденций развития науки и образования в эпоху трансформации экономических, социальных и политических процессов общества

В совокупности вопросов, рассмотренных на конференции, выделяются следующие их комплексы:

1. Актуальные вопросы реформирования законодательства в условиях трансформации общественных отношений»

2. Правовые проблемы и инструменты реформирования современного законодательства

УДК 351.84:364-2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕСУРСНЫЕ РАЗРЫВЫ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Абдуллаев Махир Адил Оглы, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st819167@ruc.su

INSTITUTIONAL SUSTAINABILITY OF SOCIAL GUARANTEES IN THE RUSSIAN FEDERATION: RESOURCE GAPS AND CONSTITUTIONAL LIMITS

Abdullaev Mahir Adil Oglu, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье вводится и обосновывается понятие институциональной устойчивости системы социальных гарантий как комплексной характеристики, отражающей способность публично-правовых институтов сохранять во времени объём, качество и доступность мер социальной поддержки в условиях ресурсных ограничений и изменений нормативной среды. Обосновывается тезис о необходимости конституционно-правового закрепления принципов устойчивости социальных гарантий и создания институциональных механизмов их обеспечения.

Ключевые слова: социальные гарантии, институциональная устойчивость, ресурсные разрывы, конституционные пределы, межбюджетные отношения, нефинансируемые мандаты, социальное государство.

The article introduces and substantiates the concept of institutional stability of the system of social guarantees as a comprehensive characteristic reflecting the ability of public legal institutions to maintain the volume, quality and availability of social support measures in time under resource constraints and changes in the regulatory environment. The thesis on the need for constitutional and legal consolidation of the principles of sustainability of social guarantees and the creation of institutional mechanisms for their provision is substantiated.

Keywords: social guarantees, institutional stability, resource gaps, constitutional limits, intergovernmental relations, unfunded mandates, social state.

Социальные гарантии – не просто совокупность выплат и льгот, а фундаментальный элемент конституционной идентичности российского государства. Статья 7 Конституции Российской Федерации, провозглашающая Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, задаёт нормативный идеал, который должен быть реализован через систему публичной власти. Однако за четверть века действия Конституции сложилась парадоксальная ситуация: формальный объём социальных гарантий неуклонно расширялся, а способность оставаться доступными, предсказуемыми и полноценно финансируемыми в долгосрочной перспективе оказывалась под вопросом.

Актуальная проблема современности состоит в необходимости усовершенствования действующих в государстве социальных гарантий, – как по сути содержания, так и в отношении механизма их реализации, не забывая, что главное – не декларация социальных гарантий, не количество обещаний, а практическая помощь нуждающимся. Социальная поддержка и участие особенно важны в современном правовом государстве, поскольку между конституционным закреплением и реальным предоставлением – громадное расстояние [1].

В научный оборот категория «устойчивость» применительно к социальным системам вошла преимущественно из экономической и экологической теории. Однако в контексте социальных гарантий она приобретает специфическое измерение. Под «институциональной устойчивостью» системы социальных гарантий мы предлагаем понимать способность правовых, организационных и финансовых институтов, образующих эту систему, сохранять свои сущностные характеристики (объём, качество, доступность, предсказуемость мер поддержки) в течение длительного времени, несмотря на внешние шоки и внутренние противоречия.

Ключевыми элементами институциональной устойчивости выступают:

– нормативная определённость – степень ясности и непротиворечивости правового регулирования оснований, условий и порядка предоставления социальных гарантий. Размытые формулировки, отсылочные нормы, частая смена правил подрывают устойчивость, поскольку создают неопределённость для граждан и правоприменителей.

– финансовая обеспеченность – соответствие объёма публичных обязательств реальным бюджетным возможностям на всех уровнях публичной власти. Критическим фактором здесь выступает

устойчивость межбюджетных отношений: если полномочия передаются без соответствующего финансового обеспечения (феномен «нефинансируемых мандатов»), устойчивость неизбежно снижается.

– организационная состоятельность – наличие на каждом уровне публичной власти кадровых, материально-технических и информационных ресурсов, достаточных для реализации социальных гарантий. Даже при наличии нормативной базы и финансирования отсутствие квалифицированных кадров или современных технологий приводит к сбоям.

– предсказуемость изменений – способность системы адаптироваться к новым вызовам без резкой ломки сложившихся ожиданий граждан. В социальной сфере особенно значим принцип недопустимости ухудшения, который, хотя и не закреплён прямо в российском законодательстве, присутствует в практике Конституционного Суда как требование сохранения сущностного уровня социальной защиты.

В отличие от понятий «стабильность» или «неизменность», устойчивость предполагает «динамическое равновесие» т.е. система может меняться, но эти изменения не должны нарушать её базовых функций и доверия к ней. Именно в этом смысле мы говорим об устойчивости социальных гарантий как институциональной характеристике, а не просто о постоянстве выплат.

Конституция Российской Федерации закрепляет широкий круг социальных прав: право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца (ст. 39), право на жилище (ст. 40), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). Однако эти права, как неоднократно подчёркивал Конституционный Суд, не являются абсолютными и могут ограничиваться федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц (ч. 3 ст. 55). Более того, реализация социальных прав «зависит от финансово-экономических возможностей государства».

Проблема, однако, в том, что конституционные пределы не формализованы в процедурном отношении. Отсутствует нормативно установленный механизм, позволяющий оценить, насколько те или иные социальные гарантии соответствуют реальным бюджетным возможностям на момент их принятия. В результате законы, вводящие новые льготы или повышающие размеры выплат, часто принимаются без расчёта долгосрочных финансовых последствий и без определения источников финансирования. Это порождает феномен «иллюзорных гарантий» т.е. формальное право существует, но его реализация либо затруднена, либо осуществляется не в полном объёме.

Конституционный Суд неоднократно указывал на необходимость соблюдения баланса между социальными правами и принципами бюджетной сбалансированности. В постановлении от 16 декабря 1997 года № 20-П была сформулирована правовая позиция, согласно которой законодатель, устанавливая социальные выплаты, обязан предусматривать механизмы их финансирования. Однако эта позиция долгое время оставалась декларативной: вплоть до 2010-х годов продолжалась практика принятия законов с неопределёнными источниками финансирования. Лишь введение института оценки регулирующего воздействия (ОРВ) и финансово-экономического обоснования к законопроектам несколько упорядочило процедуру, но не устранило проблему полностью.

Особую остроту конституционные пределы приобретают в федеративном государстве, где социальные гарантии могут устанавливаться на разных уровнях публичной власти. Конституция разграничивает предметы ведения: социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов (ст. 72). Это означает, что регионы вправе вводить дополнительные меры поддержки сверх федеральных. Однако они же несут и бремя их финансирования. Здесь возникает «вертикальный разрыв», который заключается в том, что регионы с низкой бюджетной обеспеченностью либо не могут реализовать даже минимальный набор гарантий, либо вынуждены делать это за счёт сокращения других расходов, что подрывает устойчивость системы в целом.

Категория «ресурсного разрыва» позволяет описать ключевое противоречие российской модели социальных гарантий. Под ресурсным разрывом мы понимаем несоответствие между объёмом публичных обязательств (полномочий) и финансовыми, организационными, кадровыми возможностями того уровня публичной власти, на который эти обязательства возложены. В сфере социальных гарантий можно выделить несколько типов таких разрывов.

Вертикальные разрывы возникают между федеральным центром и субъектами Федерации. Федеральное законодательство нередко устанавливает «рамочные» гарантии, обязывая регионы обеспечивать их реализацию, но не предоставляя в полном объёме необходимых субвенций. Так например: система социальной поддержки инвалидов, ветеранов, многодетных семей. Федеральные законы определяют категории льготников и перечень мер поддержки, однако значительная часть этих мер финансируется из региональных бюджетов. В результате регионы-доноры с развитой экономикой

могут позволить себе расширенные гарантии, тогда как дотационные регионы вынуждены либо сокращать объём поддержки в рамках допустимого, либо прибегать к задержкам и очередям.

Горизонтальные разрывы проявляются между регионами с разной бюджетной обеспеченностью. Поскольку единых федеральных стандартов социальных гарантий (за исключением узкого круга федеральных выплат) не существует, фактический уровень социальной защиты граждан становится функцией места проживания. Это противоречит конституционному принципу равенства прав и свобод независимо от места жительства (ст. 19). Механизмы бюджетного выравнивания (дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, субсидии, субвенции) лишь частично компенсируют этот разрыв, но не устраняют его полностью.

Внутри уровневые разрывы касаются муниципального уровня. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относит к вопросам местного значения создание условий для обеспечения жителей услугами социальной сферы, организацию социального обслуживания (в части полномочий, переданных законом субъекта). Однако доходная база муниципалитетов крайне ограничена, а система межбюджетных трансфертов из региональных бюджетов не всегда обеспечивает стабильное финансирование переданных полномочий. В результате на муниципальном уровне формируются очереди в дома-интернаты, задержки с выплатой компенсаций, кадровый дефицит социальных работников.

Особую проблему представляют нефинансируемые мандаты – ситуации, когда федеральный или региональный закон возлагает на нижестоящий уровень публичной власти дополнительные полномочия без предоставления источников финансирования. Несмотря на закреплённый в Бюджетном кодексе РФ принцип самостоятельности бюджетов и недопустимости возложения дополнительных расходов без компенсации, на практике этот принцип регулярно нарушается. Причиной является не столько недобросовестность законодателя, сколько сложность оперативного перераспределения средств в рамках бюджетного процесса.

Последствия ресурсных разрывов для институциональной устойчивости социальных гарантий многогранны [2]. Во-первых, они порождают правовую неопределённость: гражданин не может с высокой степенью вероятности предсказать, получит ли он гарантированную законом меру поддержки в полном объёме и в установленный срок. Во-вторых, они стимулируют судебную активность: граждане вынуждены обращаться в суды для защиты формально принадлежащих им прав, что создаёт дополнительную нагрузку на судебную систему и размывает презумпцию добросовестности государства. В-третьих, они формируют институциональную недоверчивость: органы публичной власти, особенно на региональном и муниципальном уровнях, начинают воспринимать социальные гарантии не как обязанность, а как бремя, от которого хотелось бы избавиться.

Государственная политика в области социальной защиты и социального обеспечения граждан РФ играет ключевую роль в обеспечении социальной стабильности и благополучия населения. Решение существующих проблем и вызовов требует комплексного и системного подхода, включающего увеличение финансирования, совершенствование нормативной базы, развитие региональной политики и внедрение инновационных технологий. Только такой комплексный подход позволит создать общество, способное обеспечить достойное существование каждому гражданину [3].

Анализ ресурсных разрывов и конституционных пределов позволяет предложить ряд направлений, по которым может идти совершенствование институциональной устойчивости социальных гарантий.

Первое направление – формализация процедур согласования социальных обязательств с бюджетными возможностями. Необходимо законодательно закрепить обязательность проведения финансово-экономической экспертизы всех законопроектов, вводящих новые социальные гарантии или изменяющих условия их предоставления, с обязательным указанием источников долгосрочного финансирования. Целесообразно также ввести «лимиты на увеличение социальных обязательств» в процентах от объёма консолидированного бюджета соответствующего уровня, что позволит избежать накопления «потенциальных» долгов.

Второе направление – реформа межбюджетных отношений в сфере разграничения полномочий по социальным гарантиям. Сегодняшнее распределение полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями во многом сложилось стихийно, в результате наслоения нормативных актов разных периодов. Необходима инвентаризация всех социальных гарантий с чётким отнесением их к одному из уровней публичной власти и закреплением стабильных (не зависящих от ежегодного распределения) источников финансирования. Возможно создание реестра «жёстких» социальных обязательств, изменение которых возможно только при условии компенсации выпадающих доходов.

Третье направление – усиление роли Конституционного Суда в обеспечении устойчивости. Судебная практика последних лет демонстрирует, что Конституционный Суд готов защищать не только формальное наличие права, но и его реальную осуществляемость. Однако эта практика остаётся казуальной. Перспективным видится закрепление в постановлениях КС РФ более чётких критериев оценки устойчивости социальных гарантий, которые могли бы служить ориентиром для законодателя и правоприменителя.

Четвёртое направление – внедрение принципа «социального контракта» как инструмента управления устойчивостью. Социальный контракт, получивший распространение в последние годы, предполагает индивидуализацию поддержки и её увязку с активными действиями получателя. С институциональной точки зрения он позволяет снизить нагрузку на бюджет за счёт адресности и при этом сохранить устойчивость ключевых гарантий для наиболее уязвимых категорий. Однако для превращения социального контракта из разовой антикризисной меры в системный институт требуется его более глубокая интеграция с политикой занятости, образованием и здравоохранением.

Пятое направление – институционализация мониторинга устойчивости социальных гарантий. Сегодня отсутствует единый орган или процедура, систематически оценивающая риски снижения устойчивости (например, рост судебных исков о невыплатах, задержки в предоставлении услуг, кадровый дефицит). Целесообразно возложить на Счётную палату РФ и контрольно-счётные органы регионов функцию ежегодного доклада о состоянии устойчивости социальных гарантий, с выделением «красных зон» – регионов, муниципалитетов или категорий граждан, где риски наиболее высоки.

Институциональная устойчивость социальных гарантий – это не второстепенная характеристика, а необходимое условие реализации конституционного принципа социального государства. Без неё даже самые щедрые по объёму гарантии превращаются в декларации, подрывающие доверие граждан к публичной власти. Проведённый анализ показывает, что российская система социальных гарантий сталкивается с системными вызовами: конституционные пределы остаются процедурно неформализованными, ресурсные разрывы между уровнями публичной власти носят хронический характер, а институциональные механизмы обеспечения устойчивости фрагментарны.

Главный вывод исследования состоит в том, что устойчивость социальных гарантий не может быть обеспечена только за счёт увеличения бюджетных расходов. Она требует создания институциональных предохранителей, т.е. таких формализованных процедур согласования обязательств с ресурсами, стабильного разграничения полномочий с гарантированным финансированием, судебной защиты не только права, но и его реальной осуществимости, а также систематического мониторинга рисков. Без такой институциональной архитектуры любые социальные реформы будут воспроизводить один и тот же цикл: расширение гарантий – ресурсный разрыв – судебные споры – вынужденное сокращение – утрата доверия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой конкретных методик оценки устойчивости социальных гарантий на региональном и муниципальном уровнях, а также с анализом зарубежных практик институционального закрепления «бюджетных правил» в социальной сфере и возможностей их адаптации к российскому контексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радонова, А. В. Актуальные проблемы развития системы социальных гарантий в Российской Федерации / А. В. Радонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2025. № 2. С. 94–99.

2. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

3. Зотов, В. А. Государственная политика в области социальной защиты и социальное обеспечение граждан РФ / В. А. Зотов // Актуальные аспекты развития железнодорожной транспортной отрасли: Сборник статей студенческой конференции, Воронеж, 06 апреля 2025 года. Воронеж: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2025. С. 69–72.

УДК 351.84:364-2

ЭВОЛЮЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Абдуллаев Махир Адил Оглы, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st819167@ruc.su

EVOLUTION OF MECHANISMS OF SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC POWER

Abdullaev Mahir Adil Oglu, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье рассматривается трансформация институциональных механизмов социальной защиты населения в контексте эволюции публичной власти. Обосновывается переход от традиционной модели «ликвидации последствий» к концепции «управления непрерывностью», интегрирующей превентивные, адаптивные и восстановительные функции. Особое внимание уделено институциональным разрывам между ведомственными подходами и необходимости формирования системы способной подстраиваться к изменяющимся условиям публичного управления.

Ключевые слова: публичная власть, механизмы защиты населения, социальная защита, защита населения, риск-ориентированный подход, межведомственное взаимодействие.

This article examines the transformation of institutional mechanisms of social protection of the population in the context of the evolution of public power. The transition from the traditional model of "elimination of consequences" to the concept of "continuity management," integrating preventive, adaptive and recovery functions, is justified. Particular attention is paid to institutional gaps between departmental approaches and the need to form a system capable of adjusting to changing conditions of public administration.

Keywords: public power, mechanisms for protecting the population, social protection, protection of the population, risk-oriented approach, interdepartmental interaction.

Защита населения – одна из имманентных функций любого государства, однако способы её реализации, субъектный состав, нормативная база и технологическое оснащение претерпели столь глубокие изменения, что сегодня уместно говорить о смене парадигмы публичного управления в этой сфере. Прежде чем обращаться к исторической ретроспективе, необходимо определиться с содержанием понятия «механизмы защиты населения». В широком смысле оно охватывает совокупность правовых норм, организационных структур, финансовых инструментов, технологических решений и процедур взаимодействия, направленных на предотвращение или минимизацию ущерба жизни, здоровью и имуществу граждан при возникновении опасностей различного генеза. Однако за этой кажущейся ясностью скрывается фундаментальное противоречие: в зависимости от того, какая парадигма доминирует в публичной власти, меняется как состав этих механизмов, так и их приоритетность.

Традиционно в отечественной науке управления выделяли три основных блока: предупредительный (профилактика, мониторинг, инженерная защита), оперативно-реагирующий (ликвидация чрезвычайных ситуаций, эвакуация, аварийно-спасательные работы) и восстановительный (компенсационные выплаты, социальная реабилитация, восстановление инфраструктуры). Такая триада, безусловно, сохраняет эвристическую ценность, но в условиях трансформации публичной власти требуется более сложная модель, учитывающая горизонтальную и вертикальную координацию.

Ключевым концептом, позволяющим связать эволюцию механизмов защиты населения с изменениями в системе публичной власти, выступает понятие «институциональной резильентности». Заимствованное из экологии и социальных наук, оно в публичном управлении означает способность институтов сохранять и восстанавливать свои функции в условиях шоков, адаптируя структуры и процедуры без потери легитимности. Защита населения здесь становится не просто отраслевой задачей, а «лакмусовой бумажкой» эффективности всей системы публичной власти.

Социальная защита населения традиционно воспринимается как одна из фундаментальных функций государства, через которую реализуется конституционный принцип социального государства. Однако способы её организации, субъектный состав, финансовые механизмы и критерии эффективности претерпели настолько глубокие изменения за последние сто лет, что сегодня можно говорить о смене нескольких парадигм публичного управления в этой сфере. Особенность современного момента заключается в том, что система социальной защиты оказалась на пересечении трёх мощных трансформационных потоков: административной реформы, цифровизации государственного управления и пересмотра модели социального контракта между гражданином и государством.

Множество исследователей выставляют на передний план концепцию равенства возможностей как ключевой элемент, характеризующий социальное государственное устройство, в идеале оно обеспечивает сопоставимые условия для получения жизненного успеха и исполнения индивидуальных амбиций в рамках общества [1–3].

В качестве основополагающего концепта, который используется для объяснения устойчивых проблем в эволюции механизмов, выступает понятие «институциональных разрывов». Под ним понимается несоответствие между формально закреплёнными полномочиями и реальными ресурсами (финансовыми, кадровыми, организационными) того или иного уровня публичной власти, а также между ведомственными «функциональными картами» и комплексными жизненными ситуациями граждан,

требующими межведомственного вмешательства. История социальной защиты в России, как будет показано ниже, представляет собой последовательное воспроизведение и попытки преодоления таких разрывов.

В дореволюционной России механизмы социальной защиты носили фрагментированный, сословно-дифференцированный характер. Государство брало на себя обязательства по поддержке лишь узких категорий – прежде всего военнослужащих, чиновников, членов императорской фамилии. Основную нагрузку несли земская благотворительность, церковные приходы, частные благотворительные общества. С институциональной точки зрения важно отметить отсутствие единой системы публичной власти в этой сфере: полномочия были рассредоточены между Министерством внутренних дел, Министерством государственных имуществ, Святейшим синодом и земствами, что делало координацию практически невозможной.

После 1917 года происходит радикальный разрыв с предшествующей традицией. Декреты Советской власти 1917–1918 годов провозглашают государственную систему социального обеспечения, охватывающую все случаи утраты трудоспособности и безработицы. Однако в условиях гражданской войны и политики «военного коммунизма» эти декларации реализовывались лишь фрагментарно. Подлинное оформление советской модели относится к периоду нэпа и особенно к 1930-м годам, когда была создана система государственного социального страхования, охватывавшая рабочих и служащих, и параллельно – система колхозного социального обеспечения, значительно более урезанная.

Главной институциональной характеристикой советского периода стала «тотальная централизация». Механизмы социальной защиты управлялись через вертикаль профсоюзов (социальное страхование) и через систему органов социального обеспечения на местах, подчинённых союзному министерству. Местные Советы выполняли преимущественно распределительные функции, но их бюджетные возможности были жёстко лимитированы вышестоящими уровнями. В этом смысле можно говорить об отсутствии подлинной муниципальной автономии в социальной сфере: даже формально переданные на местный уровень полномочия финансировались из центра.

Важно отметить, что советская модель была категориальной и патерналистской. Право на льготы и выплаты определялось не столько нуждаемостью, сколько статусом («заслуженный», «ветеран», «инвалид»). Это создавало предсказуемость для граждан, но порождало иждивенческие настроения и негибкость. К концу советского периода система насчитывала сотни категорий льготников, что делало её всё более обременительной для бюджета и всё менее прозрачной с точки зрения справедливости распределения.

Распад СССР и переход к рыночной экономике привели к глубочайшему шоку для системы социальной защиты. С одной стороны, резко выросла потребность в социальной поддержке из-за падения доходов населения, безработицы, обнищания значительных слоёв. С другой – бюджетные возможности государства были подорваны. В этих условиях механизмы социальной защиты вынужденно трансформировались.

Первая половина 1990-х годов характеризовалась сохранением советской номенклатуры льгот при резком снижении их реального наполнения. Это создало феномен «формальных льгот» – когда гражданин имел право на бесплатный проезд или лекарства, но не мог этим правом воспользоваться из-за отсутствия финансирования перевозчиков и аптек. Одновременно возникли новые механизмы: адресная жилищная субсидия, пособия на детей с учётом доходов семьи.

Переломным моментом стала «монетизация льгот» (2004–2005 гг.) – замена натуральных льгот (бесплатный проезд, лекарства) денежными выплатами. Если рассматривать с точки зрения эволюционного развития – это было шагом к материальному наполнению в качестве денежной составляющей.

В качестве второго этапа, в 2000–2010-е годы была создана система «социальных услуг», которая закрепила принцип перехода к индивидуальным программам помощи (на основе нуждаемости и адресности помощи). Результатом стало создание громоздкой и достаточно сложной, для понимания гражданами, системы без четкой координации и единого информационного пространства. Такая система показала неэффективность к 2018 году. В 2018-2019 годах прошел процесс цифровизации социальной сферы: создан портал Госуслуг, перевод выплат в электронный формат и т.д. Для получателей услуг цифровизация означала сокращение бумажной волокиты и сроков принятия решений. Для публичной власти – возможность централизованного мониторинга и контроля.

Однако цифровая трансформация породила и новые вызовы. Во-первых, «цифровой разрыв»: часть населения (пожилые, жители отдалённых территорий, люди без устойчивого доступа к интернету) оказалась в ситуации, когда декларируемое «удобство» электронных сервисов для них обернулось дополнительными барьерами. Во-вторых, произошло «изменение конфигурации публичной власти»: федеральный центр получил возможность прямого доведения выплат до граждан, минуя регио-

нальный и муниципальный уровни. Это, с одной стороны, повысило оперативность (особенно в период пандемии, когда вводились новые федеральные пособия), но с другой – привело к «вымыванию» полномочий у регионов и муниципалитетов, при том, что за ними оставалась ответственность за «неформатные» случаи, не укладывающиеся в федеральные алгоритмы.

Политическая функция социальной защиты призвана обеспечить формирование и поддержание качественных институтов и механизмов социальной защиты с целью обеспечения, гарантированных конституцией и законодательством социальных и правовых норм защиты и которая поддерживает социальную стабильность в обществе [4].

Особое место в современной повестке занимает «социальный контракт» – механизм, предполагающий не просто выплату денег, а заключение соглашения между органом социальной защиты и гражданином, в рамках которого последний обязуется выполнить определённые действия (трудоустройство, обучение, регистрация в качестве самозанятого), а государство предоставляет финансовую поддержку. С точки зрения эволюции механизмов, социальный контракт знаменует переход от пассивной поддержки к активной политике активизации. Однако его внедрение выявило новые институциональные разрывы: недостаток квалифицированных кадров для сопровождения контрактов, неготовность многих получателей к изменению поведения, а также отсутствие интеграции с программами занятости и образования.

Пандемия COVID-19 (2020–2022) стала стресс-тестом для всей системы. Быстрая смена режимов поддержки, введение новых выплат, необходимость охвата ранее не охваченных категорий (самозанятые, микропредприятия) показали как потенциал цифровых механизмов (выплаты назначались проактивно), так и их пределы: автоматизированные системы плохо справлялись с нестандартными жизненными ситуациями, требующими человеческого участия.

Анализ эволюции механизмов социальной защиты позволяет сформулировать несколько направлений, в которых, по нашему убеждению, должна происходить дальнейшая трансформация.

Первое направление – преодоление институциональных разрывов между уровнями публичной власти. Сегодня наблюдается парадоксальная ситуация: формально разграничение полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями в социальной сфере прописано достаточно детально (Федеральный закон № 131-ФЗ, отраслевое законодательство). Однако реальное распределение ресурсов, особенно финансовых, не соответствует распределению ответственности. Муниципальный уровень, на который возложены функции «первичного приёма», выявления нуждающихся, организации социального обслуживания на дому, зачастую не имеет для этого достаточных доходных источников. Решение видится в пересмотре механизмов бюджетного выравнивания и в отказе от «нефинансируемых мандатов» - передачи полномочий без передачи ресурсов.

Второе направление – от ведомственной фрагментации к единой системе учёта и сопровождения. Жизненная ситуация гражданина (например, потеря работы, болезнь, уход за инвалидом) требует одновременного вмешательства нескольких ведомств: социальной защиты, занятости, здравоохранения, образования. Однако сегодня механизмы межведомственного взаимодействия носят преимущественно «ручной» характер, зависят от личных связей на местах и не обеспечены едиными технологическими платформами. Перспективным направлением является внедрение «института социального куратора», когда один специалист сопровождает семью или человека через все необходимые ведомства.

Третье направление – переход от категориального и адресного подходов к превентивному. Классические механизмы социальной защиты «включаются» уже после того, как социальный риск материализовался (потеря дохода, инвалидность). Превентивный подход предполагает выявление семей и граждан, находящихся в «зоне риска», и оказание им упреждающей поддержки, предотвращающей углубление бедности или социального неблагополучия. В российской практике элементы такого подхода присутствуют в деятельности органов опеки (работа с семьями в социально опасном положении), но системно он не реализован. Для его внедрения требуется не только изменение нормативной базы, но и подготовка кадров, владеющих технологиями раннего выявления и профилактики.

Четвёртое направление – формирование социальной резильентности как цели публичной политики. Понятие резильентности (способности индивидов, семей и сообществ противостоять шокам и восстанавливаться после них) постепенно входит в дискурс социальной политики. Если традиционные механизмы социальной защиты ориентированы на поддержание минимального уровня благосостояния, то концепция социальной резильентности предполагает инвестиции в человеческий капитал, развитие социальных сетей, повышение финансовой грамотности и способности к самоорганизации. Это требует пересмотра критериев эффективности: от «количества выплаченных пособий» к «уменьшению уязвимости» и «увеличению социальной мобильности».

Эволюция механизмов социальной защиты населения в системе публичной власти представляет

собой процесс, в котором можно выделить несколько крупных этапов: имперский (фрагментированная благотворительность, сословность), советский (тотальная централизация, категориальность, патернализм), постсоветский (монетизация, введение адресности, переход к сервисной модели) и современный (цифровизация, социальный контракт, попытки превентивного подхода). Каждый из этих этапов оставил институциональное наследие, которое одновременно и облегчает, и затрудняет дальнейшее развитие.

Ключевой проблемой российской системы социальной защиты остаются «институциональные разрывы»: между формальными полномочиями и реальными ресурсами уровней публичной власти, между ведомственными функциональными схемами и комплексными потребностями граждан, между декларируемыми целями (активизация, адресность) и сохраняющимися практиками (патернализм, категориальность). Преодоление этих разрывов требует не столько создания новых институтов, сколько «реконфигурации существующих» – перераспределения ресурсов, внедрения межведомственных механизмов сопровождения, перехода от управления уязвимостью к управлению социальной резильентностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров, Д. С. Социальная защита населения как социальный институт в современных реалиях / Д. С. Петров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2025. № 2. С. 59–63.

2. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

3. Охотский, Е. В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат / Е. В. Охотский, В. А. Богучарская // Труд и социальные отношения. 2012. № 5 (95). С. 30–44.

4. Бексултанов, А. А. Механизм и основные модели социального обеспечения населения в мире / А. А. Бексултанов, Л. Т. Кубатбекова, Б. Э. Тельманова // Актуальные вопросы современной экономики. 2025. № 1. С. 115–119.

УДК 340.114.5: 351/354

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Абдуллаев Махир Адил Оглы, магистрант
Жирнова Юлия Александровна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st962293@ruc.su, yu.a.zhirnova@ruc.su

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Abdullayev Mahir Adil Ogly, Master's Degree student
Zhirnova Yulia Aleksandrovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы, посвященные пониманию государственного управления в контексте правового сознания. Процесс государственного управления есть целенаправленная деятельность соответствующих органов государственной власти и их должностных лиц, реализующих свои полномочия в отношении управляемых, осуществляемый на основе прямых и обратных связей, упорядоченных правовыми нормами, опосредованных, в том числе, правовым сознанием его участников.

Ключевые слова: государственное управление, органы государственного управления, должностные лица, правовое сознание.

This article examines issues related to understanding public administration in the context of legal consciousness. Public administration is the purposeful activity of relevant government bodies and their officials, exercising their powers over those governed. It is carried out on the basis of direct and feedback loops structured by legal norms and mediated, among other things, by the legal consciousness of its participants.

Keywords: public administration, government bodies, officials, legal consciousness.

Государство представляет собой сложную многоуровневую и многоканальную организацию публичной власти общества, представляющая собой механизм взаимодействующих и взаимосвязанных государственных органов, осуществляющих законотворческую, исполнительную, судебную, контрольно-надзорную виды деятельности, по реализации функций государства. Каждый государственный орган в структуре механизма государства решает задачи государства по достижению поставленных им целей в объеме и пределах, вытекающих из полномочий, закрепленных за государственным органом законами и иными нормативными правовыми актами. Вся деятельность органов государственной власти носит юридический характер, а реализуют их полномочия люди, наделенные особым правовым статусом – государственные служащие, должностные лица.

Реализация этими лицами полномочий органов государственной власти требует наличия у них соответствующего уровня профессиональной квалификации (знаний, умений и навыков), подтверждаемого документами об образовании, а также обладание высоким уровнем правового сознания.

Органы государственной власти и их должностные лица, как выше было отмечено, осуществляют разветвлению властно-публичную деятельность, среди которых отдельно следует выделить органы исполнительной власти, осуществляющих государственное управление.

Государственное управление – это особая разновидность публично-властной деятельности государственных органов и их должностных лиц, осуществляемая на правовой основе по решению задач государства посредством реализации исполнительно-распорядительных функций во всех сферах жизнедеятельности общества, опосредованных интересами государства.

Органы государственного управления в своей публичной деятельности охватывают самый широкий круг общественных отношений, как внутри страны, так и за его пределами – отношения в сферах экономики, финансов, политики, обороны, охраны общественного порядка, государственной безопасности, международного сотрудничества и т.д.

Качество и содержание государственного управления зависят от ряда фундаментальных факторов, среди которых особо следует выделить:

– степень развитости законодательства страны, как правовой основы деятельности органов государственного управления;

– точность определения масштабов и пределов государственного управления уполномоченными на то государственными органами;

– конструктивность и эффективность взаимодействия и взаимосогласованности государственных органов по достижению целей государственного управления;

– уровень профессионализма должностных лиц органов государственного управления.

Государственное управление является по своей политико-юридической природе формой государственного администрирования [1], выраженная в претворении правовых норм посредством государственно-властной деятельности. Как и любая иная юридическая деятельность, данная форма деятельности требует от должностных лиц органов государственного управления сформированности правового сознания.

Правовое сознание является одной из форм общественного сознания, отражающая правовую действительность, воздействующая на нее и формирующая определенные представления и суждения о внутригосударственных, международно-правовых явлениях и выражающаяся на основе правовых традиций и социального опыта в системе идей, взглядов, доктрин, а также психически осознанном и неосознанном отношении к ним, правовому поведению субъектов, деятельности властных органов посредством чувств, эмоций, мотивов, установок и воли как процесса саморегуляции поведенческого акта в достижении определенной социально значимой цели в сфере действия права [2].

Эффективное осуществление функций органов государственного управления, обязывает их должностных лиц знать нормы действующего законодательства регламентирующих правовую основу организации и детальности соответствующего органа государственного управления и его полномочия, быть юридически осведомленными в вопросах государственной политики в сферах государственного управления, иметь достаточный уровень профессиональной квалификации и сформированность мотивационных и ценностно-ориентационных правовых установок.

В систему должностных лиц органов государственного управления входит множество разнообразных групп государственных служащих с соответствующими квалификационными требованиями и уровнем профессионального образования, установленных общими или специальными нормами законов (например, Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.) регулирующих отношения в области прохождения государственной службы. Государственными служащими органов государственного управления по образованию (квалификации) являются юристы, экономисты, финансисты, делопроизводители, менеджеры, военнослужащие и т.д.

Формирование позитивного правового сознания у государственного служащего, это сложный, многофакторный и длящийся во времени процесс его правовой социализации, связанный:

– с обучением и воспитанием;

– с содержанием коммуникативных связей с различными членами общества и их группами;

– с участием в политической, культурной, общественной жизни страны;

– со служебной профессиональной деятельностью;

– с формированием базовых общесоциальных и правовых ценностей, установок и ориентаций.

Правовое сознание государственного служащего находится в тесном взаимодействии с иными формами общественного сознания и ценностными установками общества, дополняя друг друга или конкурируя друг с другом, что и определяет качество и приоритеты в выборе целей деятельности и вариантов поведения государственным служащим. Приоритетом в выборе целей деятельности государственным служащим всегда должны выступать интересы государства и общества, реализуемые им посредством осуществления в строгом соответствии с нормами права полномочий органа государственного управления и принципами его деятельности. В противном случае отхождение от этих базовых критериев в деятельности государственного служащего, выраженные в его правовом сознании, чреваты искажением целей и приоритетов в профессиональной служебной деятельности, что может приводить к злоупотреблениям и превышениям полномочий, а также к совершению иных противоправных деяний на государственной службе. Тем самым, снижая эффективность деятельности органа государственного управления, формируя у населения недоверие к деятельности органов государственной власти и опосредуя снижение уровня правового сознания и правовой культуры в обществе.

Общество, отдельные его члены и объединения граждан, доктринально рассматриваются в качестве объектов государственного управления, каждый из них является субъектом правового сознания – индивидуального, группового или общественного. Отношения между органами государственного управления (понимаемые как субъекты управления) и объектами управления выстраиваются на основе прямых и обратных связей, содержанием которых являются полномочия одних (субъекты государственного управления) и права и обязанности других (объекты управления). Таким образом, правовая связь и правовые отношения, возникающие и функционирующие между ними носят сознательно-волевой характер, обусловленный реализацией правовых норм, закрепленных в полномочиях органа государственного управления.

Объекты государственного управления, как носители правового сознания, отражают в своем сознании объективную социальную действительность, связанную с деятельностью органов государственного управления. Это, во многом, формирует в правовом сознании объектов государственного управления специфические свойства и признаки, коими являются:

– правовые установки, обусловленные требованиями следования правовым предписаниям и соблюдения установленных правовых запретов;

– оценочные суждения о правовом регулировании в обществе и деятельности органов государственной власти;

– процесс накопления и упорядочения, в той или иной степени, ими общих и специальных юридических знаний, обеспечивающих их взаимодействие с органами государственной власти, как по поводу реализации своих прав и свобод, та и их защиты.

Однако, необходимо заметить, что признание объектами государственного управления общество, отдельных его членов и их групп (объединений), является ошибочным подходом, так как непосредственно (напрямую) связывает волю субъекта управления и сам процесс управления с сознанием управляемого, а это далеко не так. Управляемый формирует познавательные, оценочные, регулятивные, прогностические функции в своем правовом сознании, исходя из состояния, качества и свойств объективных факторов, опосредующих воздействие управляющего на управляемого – причин, условий и обстоятельств.

Невозможно требовать результативного следования, управляемого воле управляющего без обеспечения этой самой воли необходимыми ресурсами, которые и являются факторами государственного управления. Правовые нормы лишь регламентируют основания и порядок осуществления государственного управления, а условия и обстоятельства обеспечивают достижение целей государственного управления, его результативность. В качестве примера запрет на превышение установленной правовыми нормами скорости движения транспортного средства. Что обеспечивает соблюдение данного правового требования – осознание водителями причины установления данного запрета и последствий его несоблюдения (в виде дорожно-транспортных происшествий, с различными степенями тяжести)? Если это было бы так, то отсутствовала бы сама необходимость фото-видео фиксации превышения скорости, стационарными или передвижными камерами, с последующим наложением юридической ответственности. Наличие камеры фото-видео фиксации превышения скорости на конкретном участке дороги, для многих автомобилистов является достаточным и необходимым фактором соблюдения данного правового запрета. Таким образом, объектом управления являются не общество, отдельные его члены и их группы (объединения), а объективно существующие или целенаправленно формируемые факторы, обеспечивающие эффективное воздействие на сознание и волю управляемого.

Резюмируя вышеизложенного следует отметить, что процесс государственного управления есть целенаправленная деятельность соответствующих органов государственной власти и их должност-

ных лиц, реализующих свои полномочия в отношении управляемых, осуществляемый на основе прямых и обратных связей, упорядоченных правовыми нормами, опосредованных, в том числе, правовым сознанием его участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пучкова М. В. Формы государственного управления: понятие и их общие признаки // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 4. С. 17–35
2. Ямбушев Ф. Ш. Правовое сознание в механизме правового регулирования общественных отношений: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 205 с.

УДК 008:342.5

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Абрамов Алексей Алексеевич, магистрант
Беспалова Виктория Алексеевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811751@ruc.su, st811755@ruc.su

HISTORICAL AND CIVILIZATIONAL SIGNIFICANCE OF THE PHENOMENON OF STATE POWER

Abramov Alexey Alekseevich, Master's Degree student
Bespalova Victoria Alekseevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется государственная власть как понятийная категория и историко-цивилизационный феномен. Государственная власть обладает признаками общесоциального характера, охватывающими все значимые сферы жизнедеятельности общества, на всех его уровнях. В цивилизационном значении это свойство государственной власти является один из системообразующих атрибутов цивилизации.

Ключевые слова: государственная власть, цивилизация, государство-цивилизация, феномен.

This article examines state power as a conceptual category and a historical-civilizational phenomenon. State power possesses characteristics of a general social nature, encompassing all significant spheres of society's life, at all levels. In a civilizational sense, this property of state power is one of the system-forming attributes of civilization.

Keywords: state power, civilization, state-civilization, phenomenon.

Власть, сложное и многогранное понятие и явление социальной жизни. Отношения, порождаемые властью столь многолики и разнообразны в обществе, что может вызвать в сознании человека, исследующего природу власти, мысль о ее основополагающем характере и предопределяющем значении в жизни людей и связях между ними. Да, действительно, отношения власти и подчинения опоясывают многие сферы и уровни социальной жизни – семейно-бытовые, религиозные, трудовые, служебные, общественно-политические, государственные и т.д. Однако значительная часть жизни человека и общества в целом свободны от влияния власти – любовь, дружба, честь, долг, родственные связи, партнерские отношения и т.д.

Власть как социальный феномен является результатом взаимоотношения людей по поводу удовлетворения тех или иных потребностей – материального, институционального, статусного, физиологического, психологического характера, которые могут быть достигнуты и реализованы посредством подчинения или подавления воли одного другим. Как правило, реализация власти связана с целью ее осуществления, достижением определенного результата. Таким образом, ключевыми признаками власти являются воля в доминанте и цель ее осуществления.

Человечество прошло долгий исторический и цивилизационный путь и на каждом его этапе, фундаментальное значение, формирующее многообразие социальных связей, имела власть, в ее специфических характеристиках и основанная на ней организация общества. Первобытное ли это общество, рабовладельческое, феодальное, буржуазное, традиционное, индустриальное или постиндустриальное, все это об особенностях организации и осуществления власти в обществе, о моделях и системах властеотношений.

Государство как продукт диалектических противоречий в обществе, является порождением воли одних в стремлении доминировать над другими, в силу экономических, политических, религиозных, психологических и т.п. потребностей, при этом, не имеет значения руководствовались ли они личной или общественной заинтересованностью. Главным здесь является наличие ресурсов, обеспечиваю-

щих удержание и осуществление власти – вооруженные силы; структуры государственной безопасности; материальные блага; признаваемые и соблюдаемые в обществе религиозные догмы; идеи и воззрения, господствующие в общественном сознании, легитимирующие существующую форму государственной власти и способы ее осуществления.

Государство является исторической неизбежностью и необходимостью в развитии обществ достигших ключевых характеристик, детерминировавших первобытнообщинные отношения в публично-политические отношения. Общества, развившиеся до государственного уровня, вовлекали в сферу своих публично-политических отношений народы, не достигших этого уровня развития, добровольно или принудительно. В любом случае, это было результатом реализации власти, продиктованный волей в стремлении доминировать и извлекать геополитическую выгоду.

В цивилизационном смысле государство есть маркер цивилизации имеющий непосредственную с ней связь. Государство представляется как отправная точка, расцвет и завершающий этап цивилизации. Вне государства цивилизация не существует. Становление и развитие материальных и духовных аспектов жизни конкретного общества или группы людей, объединенных общими этническими, родовыми, языковыми, мировоззренческими, ценностно-нормативными признаками можно определить категорией культуры, но не цивилизации. Тогда как культура является одним из проявлений цивилизации, ее признаком. Однако, следует признать, что многие мыслители, философы, ученые отождествляли в прошлом и продолжают отождествлять в наше время цивилизацию и культуру.

Цивилизация не имеет единого, общего доктринального понятия. Современная наука оперирует множеством подходов в понимании цивилизации. Но мы все же отталкиваемся в понимании цивилизации от учений и теорий К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, Р. Адамса, К. Фланнерия, П. Сорокина и многих других, которые определяли цивилизацию через призму государства и политических институтов общества. В частности, П. А. Сорокин понимал под цивилизацией сложное социокультурное образование, охватывающее различные аспекты общественной жизни, такие как культурные, социальные, экономические и политические [1]. К. Фланнери говорил о цивилизации как о комплексе культурных феноменов, связанный с такой формой социально-политической организации, как государство [2, с. 400].

В государство-опосредованном контексте понимания цивилизации одним из определяющих его содержание качеств выступает власть и в первую очередь государственная власть, как высшая форма выражения и проявления власти в обществе.

Государственная власть есть публично-политическая форма выражения воли господствующего класса, отдельных социальных групп или населения страны в целом, основанная на господстве и подчинении, обеспеченная аппаратом управления и принуждения, направленная на удовлетворение их интересов и потребностей посредством правоустановлений в обществе на определенной территории.

Государственная власть имеет множество форм и способов выражения, признания и осуществления. Государственная власть может быть выражена в монархической или республиканской формах, летимирована на традиционной, теократической, харизматической или рационально-легальной основах, а осуществляется демократическими и антидемократическими способами.

Государство посредством реализации власти не только призвано удовлетворять интересы и потребности своего «источника», воля которого является руководящим началом в организации и деятельности государства и его органов, но и обеспечивать порядок, социальный мир и безопасность на основе законов и морально-нравственных принципов и ценностей, утвердившихся в обществе.

Государство выступает гарантом сохранения и развития цивилизации. История цивилизаций нам демонстрирует очевидные примеры, когда закат цивилизации знаменуется распадом или крушением основ государственности, в силу внутригосударственных деструктивных процессов (внутренней агрессии) или покорения государства другими государствами и народами (внешняя агрессия). Так или иначе, цивилизация как устойчивое состояние общества, характеризующееся упорядоченной системой государственной власти, правопорядка, культуры, науки, обычаев и верований, экономики и т.д., с распадом государства прекращает свое существование или трансформируется в иные формы и типы цивилизации.

В контексте рассматриваемой проблемы приобретает актуальность идея о государстве-цивилизации. Данное понятие не нашло еще своего широкого и устойчивого категориального оборота в науке, но доктринальный тон уже задан. Автором понятия «государство-цивилизация» можно считать британского ученого историка и политолога Мартина Жака [3]. Он использовал данный термин применительно в понимании государства как ядра цивилизации, имеющую очень долгую историю и характеризующуюся длительной устойчивостью в своих базовых характеристиках. Таким образом Жак противопоставлял государство-цивилизацию государству-нации.

Государство-цивилизация характеризуется следующими признаками и свойствами:

– включает в свой состав множество этносов с разными культурными и религиозными традициями и воззрениями, но объединенных в общий суперэтнос в границах государства;

– долгая история существования цивилизации, ее преемственность и единство;

– наличие единых стандартизированных форм межэтнической коммуникации и общественного сознания – общий язык межэтнического вербального и невербального общения, общие мировоззренческие основы, выраженные в ценностных категориях;

– как правило, это большие по территории государства, с разными климатическими условиями;

– наличие автономных государственных образований в составе страны образованных по этническому признаку и национально-культурных автономий, призванных сохранять и развивать собственную этническую самобытность – культуру, язык, традиции, верования, промыслы и т.д.;

– общая модель политической и правовой систем в масштабе всей страны – принципы и формы организации государственного аппарата и способы осуществления публичной власти; единые подходы и правила в осуществлении правотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе в отправлении правосудия;

– население страны обладает цивилизационной идентичностью, которая является следствием преемственности традиционных ценностей множества предшествующих поколений.

Таким образом, государство-цивилизация является непространной теоретической категорией, а сложным и многогранным понятием, охватывающим долгую историю и самобытность народа, сохраняющего свою культуру, традиции и цивилизационное самосознание в масштабе всей страны и представляющий собой, таким образом, особый неповторимый и уникальный тип цивилизации.

Государственная власть обладает публично-правовым признаком, что придает ей общесоциальный характер, т.е. она охватывает все значимые сферы жизнедеятельности общества, на всех его уровнях. В цивилизационном значении это свойство государственной власти является один из системообразующих атрибутов цивилизации.

Цивилизация, это не только культура, традиции, верования, язык, письменность, экономика, города, социальные страты, но и государство, обеспечивающее по средствам реализации собственной власти осуществление многих значимых функций общества в различных его сферах. Государственная власть, есть высшая форма власти в обществе, а ее целенаправленная, легитимная, эффективная и ресурсообеспеченная реализация являются гарантом устойчивости общественных отношений, преемственности и длительности ключевых цивилизационных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П. А. Социальные и культурные динамизмы цивилизации. Москва: Изд-во «Астрель», 2006.
2. Flannery K. V. The Cultural Evolution of Civilizations. Source: Annual Review of Ecology and Systematics, Vol. 3 (1972).
3. Jacques M. Wen China Rules the World. – New York: Penquin – Group, 2012.

УДК 342

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адикаев Адель Ринатович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ica11912@mail.ru

INDEPENDENCE OF JUDGES AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF JUDICIAL ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Adikaev Adel Rinatovich, Master's Student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (Branch)

В данном статье автором рассматривается независимость судей как конституционный принцип осуществления правосудия в Российской Федерации. Проанализированы различные подходы ученых к понятию принципа независимости судей. Одним из важнейших принципов российского правосудия является конституционный принцип независимость судей. Также автором в статье выделяются некоторые проблемы, возникающие при реализации принципа независимости судей. В условиях современного правового пространства, когда усиливаются требования к обеспечению прав человека, вопросы независимости судей приобретают особую значимость.

Ключевые слова: правосудие, конституционные принципы, независимость судей, Конституция Российской Федерации, зависимость, конституционные гарантии, судебная система.

In this article, the author examines the independence of judges as a constitutional principle of the administration of justice in the

Russian Federation. Various approaches of scholars to the concept of the principle of judicial independence are analyzed. One of the most important principles of Russian justice is the constitutional principle of judicial independence. The author also highlights some of the challenges that arise in the implementation of the principle of judicial independence. In today's legal environment, where there is a growing emphasis on ensuring human rights, the issue of judicial independence becomes particularly significant.
Keywords: justice, constitutional principles, judicial independence, Constitution of the Russian Federation, dependence, constitutional guarantees, judicial system.

Для установления и сохранения законности и порядка в обществе необходимо соблюдение принципа разделения властей, одним из важных аспектов которого является независимость судебной власти. Именно независимость и является главным критерием самостоятельной ветви власти.

Судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Главной составляющей судебной системы являются конституционные принципы правосудия. Именно данные принципы гарантируют единое толкование и применение норм права. А также принципы правосудия требуют от судей неукоснительного соблюдения требования закона при вынесении окончательного решения.

Конституционный принцип независимости судей является основополагающим для функционирования судебной ветви власти и реализации ее задач и функций.

Принцип независимости судей получил свое закрепление в п. 1 ст. 120 Конституции РФ, где говориться, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [1].

Конституционный принцип независимость судей, прежде всего отражает обеспечение Конституцией и законодательством РФ самостоятельности и невмешательства в деятельность по осуществлению правосудия, государственных органов, должностных лиц или частных лиц. При осуществлении правосудия судья не связан мнением сторон и выносит решение, руководствуясь исключительно законом и своими убеждениями.

Рассмотрим некоторые точки зрения, касающихся принципа независимости судей.

Согласно точке зрения Р. А. Чепкасова «принцип независимости судей имеет сложную структуру, в которую входят такие неотъемлемые условия его реализации как законность и судейское усмотрение» [2].

По мнению К.Ф. Гуценко «независимость судей – это гарантированная возможность принимать ответственные решения при осуществлении правосудия на основании предписаний закона, по внутреннему убеждению, без какого бы то ни было давления, вмешательства или иного воздействия извне» [3, С. 249].

В. М. Лебедев подчёркивает, что «принцип независимости судей не только не исключает, но и предполагает строгое соблюдение судьями норм материального и процессуального права, качественное и своевременное рассмотрение поступающих в суды дел» [4, С. 6].

С точки зрения Г. Д. Садовниковой «принцип независимости судей предполагает самостоятельность судей, их право принимать решения по рассматриваемым делам без внешнего воздействия, основываясь исключительно на нормах Конституции Российской Федерации и нормативно-правовых актах» [5, С. 98].

Европейский Суд по правам человека в своих прецедентных решениях подчёркивал, что «независимость суда требует, чтобы отдельные судьи были свободны от ненадлежащего влияния не только со стороны несудебных органов, но и в рамках судебной системы».

Вмешиваться в работу судьи, давать указания по делу или как-то на него давить – это нарушение независимости суда, за что в последствии наступает юридическая ответственность.

Согласно действующему законодательству, независимость и самостоятельность судей гарантируется во всех отношениях, включая достойную оплату труда и государственную защиту членов их семей. Так, согласно ст. 9 Закона Российской Федерации «О статусе судей» «независимость судьи обеспечена и гарантирована» [6].

Важным моментом при осуществлении справедливого и эффективного правосудия является самоотвод судьи. При отсутствии у судьи уверенности в возможности справедливо разрешить дело он может по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон отказаться от его рассмотрения, в связи с чем начинается процедура самоотвода.

Судьи наделены всей полнотой судебной власти, в силу чего их независимость и неприкосновенность являются обязательными. Именно эта независимость гарантирует, что при вынесении решений судьи руководствуются исключительно законом и собственной совестью, но никакими иными факторами. В современной судебной практике независимость судей зачастую ставится под сомнение. Испуганные тем, что их решения могут быть обжалованы в вышестоящих судах, судьи иногда руководствуются тем, что, по их мнению, там подумают, а не собственными убеждениями.

Несмотря на убежденность в собственной правоте, судьи могут оказаться под сильным влиянием руководства суда. Широкие полномочия председателя суда создают ситуацию зависимости, которые позволяют ему осуществлять различного рода давление на судей.

Судебная система обязана гарантировать высокий уровень профессионализма, порядочности и беспристрастности. А это невозможно без надлежащей финансовой поддержки для судей. Поэтому важным аспектом, непосредственно влияющим на независимость и объективность судей в принятии судебных решений, является вопрос материального обеспечения судей в России.

Так, например, дело бывшего судьи Верховного Суда РФ и председателя Совета судей Виктора Момотова. Генпрокуратура требовала конфискации 95 объектов недвижимости, связанных с ним и оценённых более чем в 9 миллиардов рублей. Утверждалось, что они были приобретены незаконно в период нахождения на государственной службе. Позже в рамках этого же дела появились обвинения в причастности к организации детской проституции в принадлежащих Момотову гостиницах.

Или, например, в феврале 2026 года по просьбе Председателя Следственного комитета России Александра Быстрыкина возбудили уголовное дело в отношении зампреда Ставропольского краевого суда в отставке Михаила Хрипунова. По данным следствия, он регулярно договаривался через посредников с фигурантами дел о «взаимовыгодном сотрудничестве». В частности, за 4 миллиона рублей судья сменил меру пресечения обвиняемому с СИЗО на домашний арест, с другого подсудимого взял всего полтора миллиона рублей за аналогичное послабление.

В результате взятки могут в десятки раз превышать доход судьи. В таких условиях необходимо увеличение материального и социального обеспечения судей, это поможет укрепить их независимость и снизить коррупционные риски.

Несомненно, адекватное вознаграждение судей в России представляет собой не только механизм материального поощрения, но и важный инструмент, обеспечивающий их независимость и неподкупность.

Одним из важнейших принципов российского правосудия, закрепленный в основном законе государства, обеспечивающий эффективную организацию и функционирование судебной власти и системы судебных органов в целом является независимость судей. Но только лишь фактическое законодательное закрепление указанного принципа не может в полной мере гарантировать обеспечение его всестороннего исполнения на практике.

Предложим некоторые меры для разрешения проблем независимости судей.

1. Укрепление независимости судебной системы в целом. Поскольку решение одного суда подлежит обжалованию в другом, то к судье первой инстанции не следует применять меры ответственности, если он не нарушал закон. Это обеспечит объективность решений, поскольку судья будет основываться на фактах дела, не опасаясь разногласий с вышестоящей инстанцией.

2. Проблемы независимости судей связаны с реализацией гарантий их материальной и социальной обеспеченности, а также особенностями прохождения службы в должности судьи.

Предложенные нами меры позволят укрепить принцип независимости судей, и обеспечить справедливое и беспристрастное правосудие.

Итак, принцип независимости судей является фундаментальной основой правового государства, обеспечивая объективность, справедливость и беспристрастность в отправлении правосудия. Лишь в условиях независимой судебной власти возможно достижение справедливого правосудия. Нарушение принципа независимости судей подрывает доверие к судебной системе и приводит к злоупотреблениям властью, несправедливым решениям и коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет– портал правовой информации. http://www.pravo.gov.ru, – 06.10.2022.

2. Чепкасов Р.А. Законность, судейское усмотрение – условия реализации принципа независимости судей // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 9. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/09/70985

3. Конституционное право: Энциклопедический словарь / Авакьян С. А., Гуценко К. Ф., Ковлер А. И., Марченко М. Н.; Отв. ред. С. А. Авакьян. – Москва: Норма, 2000. – 675 с.

4. Лебедев В. М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 6.

5. Садовникова, Г. Д. Комментарий к Конституции РФ постатейный / Г. Д. Садовникова. – 12-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2026. – 244 с.

6. О статусе судей: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1: в ред. от 28 декабря 2025 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

УДК 342.33

КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕОКЛАССИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Баряева Диана Станиславовна, магистрант
Белова Татьяна Борисовна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811778@ruc.su, st810659@ruc.su

CLASSICAL AND NEOCLASSICAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF SEPARATION OF POWERS

Baryaeva Diana Stanislavovna, Master's Degree student
Belova Tatyana Borisovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы отнесенные к анализу концепции разделения властей в ее классическом и неоклассическом понимании. Акцентируется внимание на базовых положениях классической концепции разделения властей, с учетом особенностей и их реализации в современных государствах.
Ключевые слова: концепция, разделение властей, исполнительная власть, законодательная власть, судебная власть.

This article examines issues related to the analysis of the concept of separation of powers in its classical and neoclassical understandings. It focuses on the fundamental tenets of classical principles of separation of powers, taking into account the conditions and implementation of these principles in modern states.
Keywords: concept, separation of powers, executive power, legislative power, parliamentary power.

Концепция разделения властей занимает особое место в истории политико-правовой мысли, в первую очередь, Западной цивилизации. Еще со времен античности вопросы организации и деятельности государства, понимания природы государственной власти и механизмов ее функционирования, были предметом острых обсуждений и дискуссий. В трудах таких древнегреческих мыслителей, как Платон, Аристотель, Полибий государство представлялось живым социальным организмом, имеющим свою форму, содержание и назначение. Власть государства, в их интерпретации, это не только вопрос о выражении воли властвующего, в тех или иных формах, к подвластным, но и о субъектах государственной власти и способах ее осуществления. Так, в частности, Платон рассуждая о государственной власти исходил из постулата о том, что она осуществляется в интересах многих, но лучшими. Идеальным носителем верховной власти в государстве Платон считал мудрого философа-правителя, издающего правильные и разумные законы, тогда как представительная (демократическая) форма государственной власти им осуждалась и причислялась к одной из худших [1].

Аристотель, подобно Платону, полагал, что власть в государстве должна быть направлена на достижение «общего блага», а лучшими ее формами являются аристократия, монархия и полития, а к худшим он относил ту же демократию, а также олигархию и тиранию [2].

Полибий, в свою очередь, государственную власть, в идеальной форме, видел в ее сочетании (смешении) с властью монархической, аристократической и демократической, что совокупно и должно обеспечивать достижение общесоциальных целей в государстве [3].

В унисон с Полибием рассуждал и древнеримский мыслитель и государственный деятель Цицерон, который отождествлял власть государства с тремя ее формами, находящимися в единстве и являющимися достоянием народа – монархия, аристократия и демократия. Для Цицерона организация государственной власти в Древнем Риме периода республики и представлялась идеальной моделью государственной власти, сочетавшей в себе власть консула, сената и народного собрания [4].

Эпоха периода средневековья в Европе прошла под знаменем схоластики. Власть государства понималась как божественное волеустановление [5, Рим. 13:1.] и выражалась в единении власти религиозной (церковной) и светской, при догмате доминирования первой над второй. Но даже в этот период развивались альтернативные воззрения на государственную власть. Одним из ярких представителей таких воззрений был политический философ М. Падуанский, заложивший основы теории светского государства в политико-правовой мысли европейского средневековья. М. Падуанский в своих размышлениях исходил из признания источником государственной власти волю народа и первым предложил идею о разделении государственной власти на законодательную и исполнительную, с преобладающих значением законодательной власти [6]. Однако идеи М. Падуанского не нашли широкого признания и долгое время оставались незамеченными в поле европейской политико-правовой мысли, вплоть до Эпохи Просвещения.

Начавшаяся в Европе Эпоха Просвещения была ознаменована в том числе становлением концеп-

ции разделения властей, в ее классическом понимании. Ее основоположником считается английский мыслитель Дж. Локк, сформировавший идею о разделении государственной власти на независимые ветви законодательной, исполнительной и федеративной (союзной) власти. В основе его концепции лежали доктрины об общественном договоре и естественном праве. Его учение о разделении властей было продиктована стремлением ограничить власть монарха законом, в котором должна быть выражена воля народа, отсюда и тезис о доминировании законодательной ветви власти. Деспотическая власть нарушает принципы общественного договора и посягает на естественных правы людей в государстве, поэтому необходима системе предупреждающая перерастание государственной власти в деспотические формы, а это возможно только при условии создания баланса между различными ветвями государственной власти [7].

Ощутимый вклад в развитие учения о разделении властей внес французский мыслитель Ш. Л. Монтескье, представлявший государственную власть в ее триединстве – законодательная власть, исполнительная власть и судебная власть. Каждая из них имеет свой самостоятельный и независимый характер и совокупно все они функционируют на основе принципа «сдержек и противовесов». Он писал: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола …» [8].

Учение Ш. Л. Монтескье о разделении властей стало той самой классической концепцией, которая является общепризнанным теоретическим каноном, воплощенным в практику организации и деятельности государств многих стран мира. Однако он развивал свою идею не только в категориях государственной власти, но, в первую очередь, в представлениях о месте и роли народа и его воли в организации и деятельности государства. Народ, есть первопричина государства и его власти. В пирамиде государственной власти, в таком ее смысле, народ, находящийся в основании пирамиды, из исключительно как объекта власти, становится ее источником (фундаментом). Это обстоятельство формирует уже новую модель, не только организации власти, но и всех остальных институтов общественной жизни [9].

Дальнейшее развитие учения о разделении властей стало претерпевать различные корректировки и обособление от классических канонов. Так, в странах, воплотивших концепцию разделения властей, на основе собственного политического, культурного, исторического опыта, идеологических воззрений и т.п., наметилась тенденция в сторону усиления роли исполнительной ветви государственной власти и, в частности, главы государства либо наоборот, законодательной ветви власти.

В XX – начале XXI веков стала приобретать определенную степень популярности, в первую очередь в США, теория унитарной исполнительной власти, в рамках которой глава государства – президент, не ограничен в исполнительно-распорядительных полномочиях, что в итоге делает его абсолютным руководителем исполнительной власти, на всех его уровнях, и диссонирует ряд функций законодательной ветви власти. Практическая необходимость реализации данной теории обусловлена тем, что глава государства следует по пути формирования единой вертикали исполнительной власти, но при этом всецело и отвечает за реализацию всех функций исполнительной власти. Эта теория и связанная с ней модель организации и деятельности исполнительной власти модель, как правило, имеет отношение к государствам с президентской формой правления и федеративным устройством, где исполнительную власть делят федеральные и региональные органы государственной власти.

Другим противоположным ей подходом является теория смешенного правительства. В основе данной теории лежит идея распределения функций и полномочий исполнительной власти между разными уровнями и видами государственных органов. Отчасти, данная концепция нашла свое воплощение в смешенных (полупрезидентских) республиках. Исполнительная власть в таких государствах рассредоточена между главой государства и правительством, а в государствах с федеративным устройством, еще и между правительствами субъектов, входящих в состав федерации. Функции и полномочия исполнительной власти осуществляются на основе распределения предметов ведения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов федерации. Глава государства, в свою очередь, реализует отдельные исполнительно-распорядительные полномочия через институт контрасигнатуры – решения главы государства приобретают юридическую силу, только в результате скрепления подписи президента подписью главы правительства или ответственного (профильного) министра правительства (Франция).

Следует остановиться еще на одной теории, согласно которой, глава государства, как правило президент, образует самостоятельную ветвь государственной власти, наряду с законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. В рамках данного подхода, задачами главы государства явля-

ются координация и обеспечение согласованного функционирования всех ветвей и входящих в них органов государственной власти. Глава государства не входит напрямую ни в одну из ветвей власти, что придает ему определенную степень самостоятельности, но при этом он подконтролен ветвям законодательной и судебной власти, исполнительная же ветвь власти находится под его общим руководством, что в некоторой степени сближает его с этой витью власти, но это обстоятельство вытекает из самой политической природы президента и не является чем-то особенным. В первую очередь, он представлен как гарант единства, стабильности и согласованного функционирования системы государственной власти в стране, на всех его уровнях.

Такой подход в организации государственной власти, не только выделяет президента в отдельную ветвь государственной власти, но и придает ему качества доминирующей ветви власти, что в известной степени искажает отдельные положения классической концепции разделения властей.

Особое место и роль законодательной власти обнаруживается в парламентарных (парламентских) республика. Вектор государственной власти смещен в сторону законодательной власти. Исполнительная ветвь власти в таких государствах производна от законодательной власти и ей подконтрольна. В данном подходе в организации государственной власти реализован постулат классической концепции разделения властей, согласно которой источником государственной власти является народ, выражающий свою политическую волю непосредственно путем формирования законодательной (представительной) ветви власти и опосредованно, через принятие этой ветвью власти законов – правовых актов, обладающих высшей юридической силой и определяющих организацию и деятельность всего государственного аппарата.

Резюмируя заявленную в данной статье проблему, следует понимать, что фундамент идеи лежащий в основе концепции разделения властей о самостоятельности, независимости, сбалансированности и равновзвешенности ветвей государственной власти, призванный исключить узурпацию власти в стране, является эталонной парадигмой. Тогда как история становления и развития каждого отдельно взятого государства более разнообразна и зависит от множества факторов политического, экономического, культурного, религиозного, географического и т.д. порядка, которые предопределяют особенности организации государственной власти в стране, в том числе и рамках концепции разделения властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Государство. Москва: АСТ. 2016, 448 с.
2. Аристотель. Политика. Москва: Юрай». 2025. 297 с.
3. Полибий. Всеобщая история. В 2-х т. Москва: Академический проспект. 2022, 1317 с.
4. Цицерон М. Т. О государстве. Москва: АСТ. 2022, 416 с.
5. Библия. Синодальный перевод. Москва: Эксмо. 2024, 1296 с.
6. Падунский М. Защитник мира. Москва: Дашков и К 2014, 656 с.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении. Москва: Социум. 2020, 496 с.
8. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. В 2-х т. Москва: Гослитиздат, 1955, 799 с.
9. Ямбушев Ф. Ш., Белова Т. Б. Законодательная власть в системе разделения властей. // XI Юридические чтения: Материалы Национ. науч.-практ. конф. (Саранск, 26–27 ноябрь 2025 г.): Саран. кооп. ин-т (фил.) РУК. Саранск : РИЦ МГПУ, 2025. С. 370—374.

УДК 342.9:328.185

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ: ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Безруков Егор Германович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809884@ruc.su

METHODOLOGICAL FAILURE OF CORRUPTION-CAUSING FACTORS ASSESSMENT: THE PROBLEM OF MEASUREMENT AND FORECASTING

Bezrukov Egor Germanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются методологические ограничения действующей системы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в Российской Федерации. Анализируется проблема формальной верификации коррупциогенных факторов, закрепленных в методике Правительства РФ, и их отрыв от реальных правоприменительных практик. Особое внимание уделено концептуальному разрыву между лингвистическим анализом текста и прогнозированием коррупционных рисков. На основе сравнительно-правового анализа опыта Республики Казахстан и Республики Беларусь предлагаются направления реформирования отечественной методологии. Автор аргументирует необходимость внедрения элементов предиктивной аналитики и оценки регуляторного воздействия в экспертную деятельность.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупциогенный фактор, правовая неопределенность, дискреционные полномочия, методика экспертизы, прогнозирование рисков, независимый эксперт.

The article examines the methodological limitations of the current system of anti-corruption expertise of regulatory legal acts in the Russian Federation. The problem of formal verification of corruption-causing factors established in the methodology of the Government of the Russian Federation and their isolation from law enforcement practices is analyzed. Special attention is paid to the conceptual gap between linguistic text analysis and forecasting of corruption risks. Based on a comparative legal analysis of the experience of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Belarus, directions for reforming the domestic methodology are proposed. The author argues for the necessity of introducing elements of predictive analytics and regulatory impact assessment into expert activities.

Keywords: anti-corruption expertise, corruption-causing factor, legal uncertainty, discretionary powers, expertise methodology, risk forecasting, independent expert.

Институт антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, введенный в отечественное правовое поле Федеральным законом № 172-ФЗ [1], к настоящему моменту прошел достаточно длительный путь институционализации. Однако, несмотря на почти пятнадцатилетнюю историю существования, его методологическая база вызывает все больше вопросов как у теоретиков права, так и у практикующих экспертов. Проблема здесь кроется даже не столько в содержательном наполнении конкретных коррупциогенных факторов, сколько в самом подходе к их идентификации и, что принципиально важно, верификации.

Следует начать с того, что утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 Методика проведения антикоррупционной экспертизы [2] изначально создавалась как инструмент быстрого реагирования. Перед разработчиками стояла задача дать экспертам четкий, формализованный перечень признаков, при обнаружении которых можно было бы констатировать наличие коррупционной составляющей в норме. Такой подход, безусловно, оправдан с точки зрения оперативности обработки огромного массива принимаемых актов, однако с позиции глубины анализа он оказывается заведомо ограниченным. Астанин В.В. в своих работах неоднократно подчеркивал, что формализация критериев неизбежно ведет к редукции сложных правовых явлений до уровня простых лингвистических формул [3, с. 65].

И здесь мы сталкиваемся с ключевой методологической проблемой – разрывом между вербальной формой правовой нормы и ее действительным регулятивным потенциалом. Методика ориентирует эксперта прежде всего на текстуальный анализ: выявление слов «вправе», «может», обнаружение бланкетных отсылок, анализ сроков и процедур. Но любой практикующий юрист понимает, что коррупционная емкость нормы зачастую определяется не тем, что в ней написано, а тем, что в ней умышленно опущено. Это касается, в частности, отсутствия административных процедур, несогласованности сроков совершения юридически значимых действий, намеренного дробления единого процесса на несколько этапов, что создает искусственные административные барьеры.

Показательным примером здесь может служить ситуация с регламентацией муниципальных услуг. На федеральном уровне может быть принят вполне добротный административный регламент, однако на муниципальном уровне он обрастает таким количеством подзаконных актов и внутренних инструкций, что изначально прозрачная процедура превращается в лабиринт. Методика, ориентированная на анализ конкретного документа, этот системный эффект просто не улавливает. Южаков В. Н., анализируя индикаторы внедрения экспертизы, указывал на то, что действующая методика практически нечувствительна к так называемым «скрытым» факторам – дефектам системного характера, которые невозможно свести к отдельно взятой формулировке [4, с. 15].

Теперь хотелось бы обратиться к зарубежному опыту, поскольку методологический поиск в области антикоррупционной оценки ведется не только в России. Весьма показателен опыт Республики Казахстан, где с 2016 года действует собственная методика антикоррупционной экспертизы, утвержденная приказом Министерства по делам государственной службы. Казахстанский подход интересен тем, что он отказался от простого перечневого метода в пользу риск-ориентированной модели. Эксперт оценивает не только наличие формальных признаков коррупциогенности, но и степень вероятности наступления негативных последствий, а также масштаб потенциального ущерба. Фактически, казахстанские коллеги внедрили трехфакторную матрицу: вероятность нарушения, тяжесть последствий и охват регулируемых отношений. Это позволяет ранжировать выявленные риски по степени опасности и соответственно распределять усилия контролирующих органов.

Другой заслуживающий внимания пример – опыт Республики Беларусь. Согласно Закону «О борьбе с коррупцией» и подзаконным актам, в Беларуси криминологическая экспертиза нормативных актов (так она там официально называется) является обязательным этапом правотворческого процесса. Однако, что здесь особенно важно в контексте нашего анализа, белорусский законодатель пошел по пути создания единого экспертного органа – специализированного подразделения в структуре

Министерства юстиции. Это сняло проблему множественности субъектов экспертизы и разнобоя в правоприменении, которая так остро стоит у нас. Кроме того, белорусская методика содержит закрытый перечень из тринадцати коррупциогенных факторов, но каждый из них сопровождается не просто определением, а типовыми примерами проявления в различных отраслях законодательства – от бюджетного до земельного. Такой подход существенно снижает субъективизм эксперта.

Сопоставляя российский, казахстанский и белорусский подходы, можно выделить несколько принципиальных развилок методологического характера. Первая развилка – это выбор между перечневым методом и матричным анализом. Россия и Беларусь идут по пути закрытого перечня факторов, Казахстан пытается выстроить более гибкую оценочную систему. Вторая развилка касается субъектного состава: децентрализованная модель (Россия) или централизованная (Беларусь). У каждой есть свои плюсы и минусы. Децентрализация обеспечивает более широкий охват и включает механизмы гражданского контроля через независимых экспертов, но страдает качество и единообразие. Централизация дает методологическую чистоту, но создает риски монополизации экспертной функции.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема измерения доли дискреционных полномочий. В действующей редакции российской методики фактор «широта дискреционных полномочий» (подпункт «а» пункта 3) определен через отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения. Но на практике степень дискреции – это величина не бинарная, а скорее непрерывная, и пытаться описать ее в категориях «есть/нет» – значит заведомо упрощать картину. Невозможно количественно выразить, какой именно диапазон усмотрения должностного лица является опасным, а какой – нет, поскольку методика не содержит шкалы градации этого фактора. Это порождает ситуацию, при которой эксперт вынужден руководствоваться исключительно интуитивными соображениями или сложившейся в его ведомстве традицией правоприменения. Как следствие, заключения разных субъектов экспертной деятельности по одному и тому же проекту нормативного акта зачастую оказываются взаимоисключающими, что девальвирует саму процедуру.

Нельзя не затронуть и проблему экспертной субъектности, которая непосредственно вытекает из сказанного выше. Действующее законодательство предусматривает проведение экспертизы несколькими категориями субъектов: органами прокуратуры, Минюстом, а также независимыми экспертами. При формальном равенстве методологического инструментария их фактические возможности по доступу к эмпирическому материалу колоссально различаются. Эксперт системы Минюста или прокуратуры имеет доступ к ведомственной статистике, может запросить дополнительные сведения у разработчика, тогда как независимый эксперт работает исключительно с текстом, размещенным на портале regulation.gov.ru. Но проблема даже глубже. Методика не регламентирует, что именно является эмпирическим основанием для вывода о наличии того или иного фактора. Отсутствие стандарта доказывания в экспертной деятельности приводит к тому, что сплошь и рядом заключения содержат общие фразы о «потенциальной коррупциогенности», не подкрепленные ни статистическими выкладками, ни анализом судебной практики, ни ссылками на конкретные инциденты. Согласно данным отдельных эмпирических исследований, проведенных на региональном уровне, более половины отрицательных заключений по проектам муниципальных актов, подготовленных прокуратурами субъектов, содержали исключительно формальную констатацию коррупциогенных факторов без какого-либо обоснования причинно-следственной связи между дефектом нормы и возможными коррупционными последствиями [5, с. 38].

На мой взгляд, методологический кризис института антикоррупционной экспертизы усугубляется еще и отсутствием цикла обратной связи. Процедура, регламентированная Правилами, фактически завершается в момент подписания заключения. Принят ли нормативный акт с учетом замечаний или разработчик проигнорировал выводы эксперта, спровоцировала ли впоследствии прошедшая экспертизу норма коррупционные практики - эти вопросы остаются за рамками методологии. Мы оцениваем потенциальный риск на стадии проекта, но не верифицируем точность прогноза постфактум. А ведь именно сопоставление прогноза с реальностью и является единственным способом настроить экспертный инструментарий. В этом смысле методология экспертизы должна развиваться в сторону сближения с оценкой регулирующего воздействия (ОРВ) и методами предиктивной аналитики, которая позволяет на основе ретроспективных данных моделировать сценарии развития регулируемых отношений.

Теперь считаю необходимым сформулировать несколько конкретных предложений, которые, на мой взгляд, могли бы способствовать выходу из сложившегося методологического тупика.

Целесообразно отказаться от бинарной логики «есть фактор / нет фактора» и перейти к балльной или рейтинговой системе оценки. Каждый коррупциогенный фактор должен оцениваться по нескольким параметрам: вероятность проявления, масштаб потенциального ущерба, обратимость последствий. На пересечении этих параметров можно выводить интегральный индекс коррупциогенности

нормы или проекта. Подобный подход, апробированный в Казахстане, показал свою более высокую эффективность по сравнению с перечневым методом.

Как я уже отмечала выше, необходимо встроить в процедуру экспертизы этап пост-оценки. Речь идет о мониторинге действия уже принятого акта на предмет реализации ранее выявленных или пропущенных рисков. Такой мониторинг мог бы проводиться спустя год после вступления акта в силу, и его результаты должны быть основанием для корректировки как самой нормы, так и методики экспертизы. Без этого любая, даже самая совершенная методика будет работать вхолостую, поскольку она лишена механизма самообучения.

Требуется формализовать стандарт доказывания для экспертных заключений. Каждое утверждение о наличии коррупциогенного фактора должно сопровождаться обоснованием причинно-следственной связи с потенциальным коррупционным поведением. Идеальным вариантом было бы требование иллюстрировать выводы примерами из правоприменительной практики по аналогичным нормам. Это позволит исключить практику голословных заключений и повысит дисциплину экспертов.

Следует рассмотреть возможность создания единого методологического центра, который занимался бы обобщением экспертной практики, анализом типичных ошибок и выработкой рекомендаций. Функции такого центра мог бы выполнять Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ либо специализированное подразделение Минюста. Важно, чтобы этот орган не просто существовал номинально, а реально взаимодействовал со всеми субъектами экспертной деятельности, включая независимых экспертов.

Нужно решить проблему доступа независимых экспертов к эмпирическим данным. Если государство действительно заинтересовано в институте независимой экспертизы (а это прямо предусмотрено законом), то необходимо создать механизмы, позволяющие аккредитованным экспертам запрашивать у разработчиков дополнительную информацию, статистику и обоснования. В противном случае независимая экспертиза так и останется имитацией общественного контроля.

Таким образом, можно констатировать, что методология антикоррупционной экспертизы в ее нынешнем виде исчерпала свой ресурс. Она выполнила свою историческую задачу – внедрила саму идею антикоррупционной оценки в правотворческий процесс, но оказалась неспособной решать задачи прогностического характера. Предложенные направления реформирования – переход к матричной оценке, внедрение пост-мониторинга, формализация стандарта доказывания, создание единого методологического центра и расширение доступа независимых экспертов к информации – позволят, как я полагаю, превратить экспертизу из формальной бюрократической процедуры в реально работающий инструмент профилактики коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1.Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 № 172-ФЗ; в ред. 30 сентября 2024 г // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

2.Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96; в ред. от 30 сентября 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

3.Астанин, В. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы и перспективы / В. В. Астанин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2020. – № 3 (77). – С. 63–70.

4.Южаков, В. Н. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: методика и практика / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 5–19.

5.Кабанов, П. А. Мониторинг качества проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: анализ регионального опыта / П.А. Кабанов // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 1 (38). – С. 32–41.

6.Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции» // Ведомости Парламента РК. – 2015. – № 22. – Ст. 133.

7.Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305-З «О борьбе с коррупцией» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2015. – 2/2280.

УДК 342.9:343.35

НЕЗАВИСИМАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Безруков Егор Германович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809884@ruc.su

INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE AS AN INSTITUTION OF CIVIL CONTROL: METHODOLOGICAL BARRIERS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Bezrukov Egor Germanovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается институт независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в Российской Федерации как механизм общественного контроля. Анализируются методологические барьеры, препятствующие эффективной деятельности аккредитованных экспертов: ограниченный доступ к эмпирическим данным, неопределенность правового статуса заключений, отсутствие унифицированных методических рекомендаций. Особое внимание уделяется проблеме мотивации независимых экспертов и парадоксу «репутационных издержек», сдерживающих развитие института. На основе региональной статистики и сравнительного анализа с институтом оценки регулирующего воздействия предлагаются меры по совершенствованию методологического обеспечения независимой экспертной деятельности.

Ключевые слова: независимая антикоррупционная экспертиза, аккредитованный эксперт, общественный контроль, коррупциогенные факторы, экспертное заключение, гражданское общество, оценка регулирующего воздействия.

The article considers the institute of independent anti-corruption expertise of normative legal acts in the Russian Federation as a mechanism of public control. The methodological barriers hindering the effective activity of accredited experts are analyzed: limited access to empirical data, uncertainty of the legal status of conclusions, lack of unified methodological recommendations. Special attention is paid to the problem of motivation of independent experts and the paradox of "reputational costs" restraining the development of the institute. Based on regional statistics and comparative analysis with the institute of regulatory impact assessment, measures to improve the methodological support of independent expert activity are proposed.

Keywords: independent anti-corruption expertise, accredited expert, public control, corruption-causing factors, expert opinion, civil society, regulatory impact assessment.

Одним из ключевых принципов, заложенных в основу Федерального закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов» [1], является принцип сотрудничества государства с институтами гражданского общества. Именно для реализации этого принципа законодатель ввел фигуру независимого эксперта - физического или юридического лица, аккредитованного Минюстом России на проведение антикоррупционной экспертизы. По замыслу разработчиков закона, независимые эксперты должны были стать тем самым мостом между бюрократической машиной правотворчества и общественным запросом на чистоту законодательства. Однако практика, накопившаяся за полтора десятилетия, показала, что между замыслом и реальностью существует колоссальный разрыв, и причина этого разрыва кроется прежде всего в методологической непродуманности самого института.

Начать следует с количественных показателей, которые сами по себе весьма красноречивы. По данным официальной статистики Министерства юстиции РФ, на начало 2024 года в государственном реестре было зарегистрировано более двух тысяч независимых экспертов – физических лиц [6]. Цифра вроде бы внушительная, особенно если сравнивать с первыми годами действия закона, когда счет шел на десятки. Но если мы посмотрим на количество реально подготовленных заключений, картина становится куда менее оптимистичной. Основная масса аккредитованных экспертов не подготовила ни одного заключения за весь период своей аккредитации. Это так называемые «мертвые души» реестра – люди, которые получили аккредитацию, возможно, для галочки, для резюме, но реальной экспертной деятельностью не занимаются.

Если обратиться к региональной статистике, то картина становится еще более удручающей. Кабанов П. А., проводивший масштабный мониторинг в Приволжском федеральном округе, приводит следующие данные: в некоторых субъектах Федерации число реально действующих независимых экспертов не превышает трех-пяти человек на весь регион, при этом количество подготовленных ими заключений исчисляется единицами в год [5, с. 53]. Для сравнения: прокуратура того же субъекта за год готовит сотни, а то и тысячи заключений. Получается, что институт, призванный обеспечить альтернативный, негосударственный взгляд на законодательство, на практике просто не работает в масштабах, сопоставимых с государственной экспертизой. И это не вина конкретных экспертов – это системный сбой.

Причины такой пассивности, на мой взгляд, лежат в нескольких плоскостях, и методологическая плоскость здесь – одна из главных. Начнем с простого вопроса: на основании чего независимый эксперт делает вывод о наличии коррупциогенного фактора? Формально он руководствуется той же Методикой, утвержденной Постановлением Правительства № 96 [2], что и государственные эксперты. Но государственный эксперт работает в системе, у него есть доступ к служебной информации, он может направить запрос разработчику, он видит историю согласования проекта, он знает подноготную принимаемого решения. Независимый же эксперт видит только текст, опубликованный на портале regulation.gov.ru. Иными словами, применяя одну и ту же методику, два субъекта экспертизы находятся в принципиально разных информационных условиях. Это все равно что поставить боксера-

тяжеловеса и боксера-легковеса в один ринг и сказать, что правила для них одинаковы. Формально это так, но по факту – нет.

Проблема доступа к эмпирическим данным – это, пожалуй, главный методологический барьер. Для того чтобы обосновать наличие такого фактора, как, например, «злоупотребление правом заявителя» (подпункт «в» пункта 3 Методики), эксперту необходимо понимать, как аналогичные нормы работали на практике ранее. Требуются данные о правоприменении: сколько было отказов, по каким основаниям, какова судебная статистика по обжалованию. Ничего этого у независимого эксперта нет. Он вынужден оперировать исключительно догадками и общей эрудицией, что, согласитесь, слабо соотносится с требованием объективности и обоснованности экспертного заключения.

Если продолжать эту мысль, то нужно сказать, что даже те независимые эксперты, кто действительно пытается работать, сталкиваются с ситуацией, когда их заключения попросту игнорируются не по причине несогласия с выводами, а по причине недостаточной обоснованности. Разработчик в мотивированном ответе пишет примерно следующее: «Доводы эксперта носят предположительный характер и не подтверждены конкретными фактами». И формально разработчик прав: эксперт действительно не может предъявить факты, потому что у него нет к ним доступа. Замкнутый круг, разорвать который без изменения методологических подходов практически невозможно.

Второй аспект – это неопределенность правового статуса заключения независимого эксперта. Согласно действующему регулированию, заключение носит рекомендательный характер. Разработчик обязан его рассмотреть и направить мотивированный ответ, но не обязан учитывать замечания. Казалось бы, это нормально – экспертиза не должна подменять собой правотворческий процесс. Однако здесь возникает скрытая коллизия. Дело в том, что заключения государственных экспертных органов – прокуратуры и Минюста – также формально имеют рекомендательный характер, но на практике игнорировать их крайне затруднительно, потому что за ними стоит административный ресурс. Прокурор, выявивший коррупциогенные факторы, может впоследствии вынести представление, инициировать проверку, да и само по себе наличие отрицательного заключения прокуратуры – это серьезный репутационный удар для разработчика. А что может сделать независимый эксперт, чье заключение проигнорировали? Максимум – опубликовать его на своей странице в интернете или направить в очередной государственный орган, который, скорее всего, также на него не отреагирует. Получается асимметрия, которая заложена не столько в тексте закона, сколько в сложившейся практике и в методологии правоприменения.

Заслуживает внимания и такая малоизученная проблема, как мотивация независимых экспертов. На первый взгляд кажется, что это вообще не юридический вопрос – ну, хочет человек заниматься экспертизой, вот и мотивация. Однако если копнуть глубже, то мы увидим, что отсутствие позитивной мотивации напрямую связано с методологической необеспеченностью института. Экспертиза – это интеллектуальный труд, требующий времени, квалификации и, что немаловажно, определенных репутационных рисков. Представим себе конкретную ситуацию: независимый эксперт, допустим, доцент юридического факультета, готовит заключение на проект ведомственного приказа, в котором усматривает серьезные коррупциогенные факторы. Он направляет заключение разработчику. Тот, в свою очередь, дает формальную отписку. Но при этом информация о «нелояльном» эксперте, раскритиковавшем ведомственный документ, может неформально распространиться по административным каналам. В результате эксперт рискует испортить отношения с потенциальными заказчиками, работодателями, коллегами – и все это на безвозмездной основе, потому что труд независимого эксперта по закону не оплачивается.

Бикеев И. И. в своем исследовании называет эту ситуацию «парадоксом репутационных издержек» [5, с. 54]. Суть парадокса в следующем: если эксперт готовит качественное, обоснованное заключение с серьезной критикой, он рискует столкнуться с противодействием со стороны заинтересованных ведомств. Если же он готовит формальное, ни к чему не обязывающее заключение – то какой вообще смысл в такой работе? Налицо ситуация, при которой единственным рациональным поведением для аккредитованного эксперта становится бездействие. Мы имеем дело с классическим провалом институционального дизайна, когда правила игры таковы, что выигрывает тот, кто вообще не играет.

Здесь уместно провести более детальную параллель с институтом оценки регулирующего воздействия (ОРВ), который развивался параллельно с антикоррупционной экспертизой. В методологии ОРВ уже достаточно давно предусмотрены механизмы публичных консультаций, в рамках которых заинтересованные стороны – бизнес-объединения, экспертные сообщества, просто активные граждане – могут направлять свои замечания и предложения. Причем эти замечания не просто аккумулируются в каком-то реестре, а в обязательном порядке сводятся в таблицу разногласий, и разработчик обязан публично обосновать, почему он принимает или отклоняет каждое конкретное предложение.

Более того, существует практика, когда разработчик, получивший серьезные замечания от бизнес-сообщества, проводит очные согласительные совещания с участием авторов этих замечаний.

В антикоррупционной экспертизе, к сожалению, ничего подобного нет. Заключение независимого эксперта уходит в так называемый «черный ящик» ведомства, и проследить его дальнейшую судьбу практически невозможно. Порталы раскрытия информации не предусматривают публикации сводных данных о том, сколько заключений поступило, какие замечания были учтены, а какие отклонены и почему. Перекладывая прозрачный механизм публичных консультаций, апробированный в ОРВ, на почву независимой антикоррупционной экспертизы, можно было бы достичь сразу двух целей: во-первых, существенно повысить мотивацию экспертов за счет публичности их работы, а во-вторых, создать реальный механизм общественного контроля не только за законопроектами, но и за самими разработчиками.

Говоря о перспективах развития, нужно отметить, что одних только организационных мер здесь недостаточно. Требуется пересмотр методологических оснований института независимой экспертизы. В частности, я бы выделил несколько направлений, которые могли бы изменить ситуацию.

Первое направление – это разработка специализированной методики именно для независимых экспертов. Такая методика должна учитывать их объективно ограниченный доступ к эмпирической информации, но компенсировать это ограничение за счет иных аналитических инструментов. Например, в методике для независимых экспертов мог бы быть сделан акцент на логико-правовом анализе системных связей нормы с действующим законодательством, на выявлении внутренних противоречий и логических дефектов, которые видны непосредственно из текста и не требуют обращения к ведомственной статистике.

Второе направление – создание открытых баз данных правоприменительной практики, структурированных таким образом, чтобы эксперт мог быстро найти прецеденты коррупционных проявлений, связанных с действием аналогичных норм. Технически это мог бы быть специализированный раздел на портале regulation.gov.ru либо отдельный информационный ресурс, интегрированный с базами судебных решений и статистическими данными правоохранительных органов. Это потребовало бы определенных организационных и финансовых усилий со стороны государства, но в эпоху цифровизации подобная задача не выглядит чем-то нереальным.

Третье направление – институционализация обратной связи, о чем я уже упоминала применительно к ОРВ. Важно не просто обязать разработчика отвечать эксперту, а создать публичный реестр заключений, где каждый желающий мог бы увидеть, кто и какие замечания направил и как на них отреагировал разработчик. Публичность в данном случае – лучший стимул для добросовестной работы с обеих сторон.

Четвертое направление касается профессиональной подготовки независимых экспертов. Сейчас процедура аккредитации, установленная приказом Минюста [3], носит преимущественно формальный характер: кандидат предоставляет документы о высшем образовании и стаже работы, и этого достаточно. Никакой проверки реальных навыков проведения экспертизы, никакого тестирования знаний методики не проводится. Для сравнения: в Казахстане, опыт которого весьма показателен, независимые эксперты проходят обязательное обучение и аттестацию, прежде чем получить право на проведение экспертизы [7]. Возможно, и в России стоило бы ввести аналогичную процедуру, чтобы отсеять тех, кто получает аккредитацию «для портфолио», не планируя заниматься реальной работой.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о финансировании. Как я уже отмечал, труд независимого эксперта не оплачивается. В теории это должно компенсироваться нематериальной мотивацией – гражданской позицией, научным интересом, репутационными выгодами. Но практика убедительно показывает, что этого недостаточно. Агеев В. Н. в своем исследовании, посвященном эффективности общественного контроля, приводит данные опросов, согласно которым более семидесяти процентов аккредитованных экспертов назвали отсутствие финансовой мотивации главной причиной своей пассивности [4, с. 49]. Возможно, следует рассмотреть механизм грантовой поддержки наиболее активных экспертов или введение системы поощрений за выявление действительно значимых коррупциогенных факторов, повлекших изменение законодательства. В конце концов, государство тратит значительные бюджетные средства на содержание штатных экспертных подразделений, и если независимый эксперт помогает предотвратить принятие коррупциогенной нормы, он, по сути, экономит бюджетные деньги. Было бы вполне справедливо, чтобы часть этой экономии возвращалась к нему в виде вознаграждения.

Подводя итог, хочу сказать, что институт независимой антикоррупционной экспертизы находится сейчас в точке, которую без преувеличения можно назвать точкой невозврата. Либо мы предпринимаем серьезные усилия по его методологическому и организационному переоснащению – а я обрисовала конкретные направления таких усилий, – либо он окончательно превращается в декорацию

гражданского общества, красивый, но совершенно бесполезный элемент правовой системы. Мне лично второй вариант представляется неприемлемым. Я считаю, что потенциал у этого института колоссальный, но его раскрытие требует не косметических правок, а системной перестройки подходов – от методики проведения экспертизы до механизмов мотивации экспертов.

ЛИТЕРАТУРА

1.Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 № 172-ФЗ; в ред. 30 сентября 2024 г // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

2.Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96; в ред. от 30 сентября 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

3.Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по аккредитации независимых экспертов...: Приказ Минюста России от 27 июля 2012 № 146; в ред. от 18 марта 2025 г. // Российская газета. – 2012. – № 197.

4.Агеев, В. Н. Независимая антикоррупционная экспертиза как форма общественного контроля: проблемы эффективности / В. Н. Агеев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – № 3. – С. 45–54.

5. Бикеев, И. И. Независимая антикоррупционная экспертиза: парадоксы теории и практики / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов // Следователь. – 2020. – № 4. – С. 51–56.

6. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации: Государственный реестр независимых экспертов. – URL: https://minjust.gov.ru

7.О противодействии коррупции: Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V // Ведомости Парламента РК. – 2015. – № 22. – Ст. 133.

УДК 342.72/73

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЙСТВИЯМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Берест Анастасия Васильевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811779@ruc.su

JUDICIAL CONTROL OVER THE ACTIONS OF OFFICIALS AS A MECHANISM FOR PROTECTING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS

Berest Anastasia Vasilievna, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется природа судебного контроля за действиями (бездействием) должностных лиц как одного из ключевых механизмов охраны конституционных прав граждан. Анализируются исторические предпосылки становления данного института в России, его современное нормативное регулирование, а также дискуссионные вопросы, возникающие в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется проблеме административного усмотрения и критериям его судебной оценки.

Ключевые слова: судебный контроль, должностные лица, конституционные права граждан, административное усмотрение, обжалование, законность, судебная защита.

The article explores the nature of judicial control over the actions (inaction) of officials as one of the key mechanisms for protecting the constitutional rights of citizens. The historical prerequisites for the formation of this institution in Russia, its modern regulatory regulation, as well as discussion issues arising in law enforcement practice are analyzed. Particular attention is paid to the problem of administrative discretion and the criteria for its judicial assessment.

Keywords: judicial control, officials, constitutional rights of citizens, administrative discretion, appeal, legality, judicial protection.

В правовом государстве, каким провозглашает себя Российская Федерация в статье 1 Конституции, проблема эффективной защиты прав граждан от неправомерных действий представителей власти приобретает особое звучание. Конституция 1993 года, закрепившая высшую ценность прав и свобод человека, создала нормативную основу для формирования действенных механизмов их охраны. Однако, как справедливо отмечают исследователи, сама по себе декларация прав без наличия надежных инструментов их защиты остается лишь благим пожеланием.

Судебный контроль за действиями должностных лиц занимает особое место в системе гарантий конституционных прав граждан. Это обусловлено тем, что именно суд, независимый и подчиняющийся только закону, способен дать объективную оценку законности властных решений, затрагивающих права и свободы человека. Как подчеркивает А. А. Темирбекова, судебный контроль, в силу присущих ему правовых свойств, является самостоятельной, особой (процессуальной) формой осуществления правосудия, направленной на разрешение правового спора относительно соблюдения прав участников процесса и иных лиц [1].

Осмысление современного состояния судебного контроля за действиями должностных лиц невозможно без обращения к историческому опыту. Российское законодательство в этой сфере развивалось постепенно, вбирая в себя как дореволюционные традиции, так и советский опыт правового регулирования.

Значительный интерес представляет пореформенный период второй половины XIX века, когда Судебными уставами 1864 года была предпринята попытка создания независимой судебной системы. Как отмечает Т. Л. Курас, несмотря на провозглашение в Судебных уставах принципа независимости судей, государство не могло оставить без контроля должностных лиц судебных органов и на основании закона осуществляло надзор за их деятельностью [2]. Этот надзор, по мнению исследователя, имел позитивное значение, поскольку позволял обеспечивать законность и единство судебной практики, предупреждать случаи нарушения закона. Однако, как показывает анализ архивных материалов, проведенный Т. Л. Курас, при осуществлении надзора имели место и случаи злоупотребления своими полномочиями со стороны высших должностных лиц судебного ведомства. В Государственном архиве Иркутской области сохранились дела, свидетельствующие о том, что механизмы контроля не всегда работали безупречно. Этот исторический опыт важен для понимания того, что проблема злоупотреблений властью не является исключительно современной, а механизмы ее преодоления требуют постоянного совершенствования.

Характерно, что уже в тот период остро стоял вопрос о пределах вмешательства вышестоящих инстанций в деятельность нижестоящих судов. В «Судебной летописи» за 1911 год описывается случай предания суду Санкт-Петербургской судебной палаты уездного члена по Невельскому уезду, что свидетельствует о применении механизмов ответственности должностных лиц за нарушения закона.

Советский период развития законодательства характеризовался доминированием исполнительной власти и ограниченностью судебного контроля. Как указывает в своем диссертационном исследовании С. В. Ярковой, Арбитражный процессуальный кодекс РСФСР 1992 года и 1995 года хотя и предусматривали возможность рассмотрения арбитражным судом дел об оспаривании ненормативных правовых актов, однако не определяли специальный порядок рассмотрения указанной категории судебных дел [3]. Более того, ранее действовавшие кодексы не содержали указания на возможность оспаривания в арбитражном суде помимо правовых актов органов публичной власти и их должностных лиц совершаемых ими действий (бездействия). Этот исторический экскурс позволяет понять, что современное понимание судебного контроля как полноценного механизма защиты прав граждан сложилось относительно недавно, и его становление продолжается до сих пор.

В юридической науке отсутствует единое понимание сущности судебного контроля за действиями должностных лиц. Одни исследователи рассматривают его как одну из форм осуществления правосудия, другие – как самостоятельную процессуальную функцию суда, третьи – как способ обеспечения законности в сфере публичного управления.

Представляется обоснованной позиция тех авторов, которые видят в судебном контроле особый правовой институт, сочетающий в себе черты правосудия и контрольной деятельности. Так, С. В. Ярковой определяет судебный контроль как один из наиболее действенных способов обеспечения законности в сфере функционирования исполнительной власти [3]. При этом важно подчеркнуть, что контроль осуществляется не за деятельностью должностных лиц как таковой, а за законностью принимаемых ими решений и совершаемых действий (бездействия), затрагивающих права и свободы граждан.

Дискуссионным в науке остается вопрос об объекте и предмете судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) должностных лиц. Как отмечается в современных исследованиях на протяжении двадцати лет на практике суды имеют затруднения при определении предмета жалоб, поскольку ни в теории, ни в практике не выработано единого мнения по данной проблематике [4].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, как и иные процессуальные кодексы, не содержит определения понятия «предмет» применительно к обжалованию действий должностных лиц. Усугубляется ситуация наличием оценочных понятий в тексте закона, приводящая к разнообразному пониманию судами предмета обжалования, что, по мнению исследователей, приводит к нарушению конституционных прав граждан.

Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет выделить несколько подходов к определению предмета судебного контроля. В одних случаях суды проверяют соответствие оспариваемого действия (бездействия) конкретным нормам закона, в других – оценивают само по себе наличие или отсутствие факта нарушения прав граждан, в-третьих – исследуют процедуру принятия решения должностным лицом.

Особого внимания заслуживает вопрос о субъектном составе рассматриваемых правоотношений. С одной стороны, это граждане, чьи права оказались нарушенными, с другой – должностные лица,

действия которых оспариваются. Однако, как показывает анализ законодательства, не всякое действие должностного лица может быть обжаловано в суд, а лишь то, которое носит властно-распорядительный характер и непосредственно затрагивает права и свободы заявителя.

Современные исследователи справедливо указывают на то, что нормы статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса РФ не определяют такие ключевые понятия, как «ненормативный правовой акт», «решение», «действие», «бездействие», «органы, осуществляющие публичные полномочия», «должностные лица», и не разграничивают их. Эта терминологическая неопределенность создает серьезные проблемы в правоприменительной практике, когда суды по-разному квалифицируют одни и те же фактические обстоятельства.

Конституция Российской Федерации 1993 года заложила фундамент для формирования полноценного механизма судебной защиты прав граждан от неправомерных действий должностных лиц. Статья 46 Конституции гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также право обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Эта конституционная норма носит непосредственный характер и подлежит применению независимо от наличия специального законодательства, конкретизирующего порядок обжалования. Как отмечается в юридической литературе, конституционное закрепление права на судебное обжалование действий должностных лиц стало важным шагом на пути формирования гражданского общества и правового государства в России.

В настоящее время порядок судебного обжалования действий (бездействия) должностных лиц регулируется несколькими процессуальными кодексами в зависимости от характера нарушенных прав и субъектного состава участников [5].

Гражданский процессуальный кодекс РФ предусматривает рассмотрение дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих в порядке главы 22 (производство по делам, возникающим из публичных правоотношений).

Арбитражный процессуальный кодекс РФ в главе 24 регулирует рассмотрение дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц. Кодекс административного судопроизводства РФ, вступивший в силу в 2015 году, унифицировал порядок рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, включая дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Важную роль в формировании единообразной практики применения законодательства о судебном контроле играют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Особого внимания заслуживает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 года № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

Одной из наиболее сложных проблем правоприменения остается определение критериев, по которым суд должен оценивать законность действий должностных лиц. В теории административного права предлагаются различные подходы к решению этой проблемы. Одни авторы считают достаточным установление факта нарушения формальных требований закона, другие настаивают на необходимости оценки содержательной стороны принятого решения, третьи предлагают учитывать также процессуальные аспекты деятельности должностного лица.

Представляется обоснованной позиция тех исследователей, которые полагают, что критерии оценки должны дифференцироваться в зависимости от характера полномочий должностного лица. Не менее сложной является проблема распределения бремени доказывания по делам об оспаривании действий (бездействия) должностных лиц. В судебной практике сложился подход, согласно которому обязанность доказывания законности оспариваемых действий возлагается на должностное лицо, их совершившее, тогда как заявитель должен доказать факт нарушения своих прав. Однако применение этого правила на практике порождает множество вопросов, особенно в случаях, когда речь идет о так называемом «длящемся» бездействии или когда действия должностного лица носят сложный, многосоставной характер.

Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики включают: законодательное закрепление основных понятий, конкретизацию оснований для признания действий незаконными, унификацию процессуальных правил, повышение эффективности исполнения судебных решений. Реализация этих предложений позволит повысить эффективность судебного контроля

и обеспечить более надежную защиту конституционных прав граждан от неправомерных действий должностных лиц.

В заключение важно подчеркнуть, что судебный контроль за действиями должностных лиц – это не статичный институт, а динамично развивающаяся система, которая должна постоянно совершенствоваться с учетом изменяющихся общественных отношений, накапливаемого опыта правоприменения и достижений юридической науки. Только при таком подходе можно обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав и свобод граждан, провозглашенных Конституцией Российской Федерации высшей ценностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Темирбекова, А. А. К вопросу судебного контроля за законностью решений должностных лиц в досудебном производстве / А. А. Темирбекова // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21. № 11. С. 100–104.

2. Курас, Т. Л. Надзор за судами и должностными лицами судебного ведомства в пореформенной России второй половины XIX – начале XX в. / Т. Л. Курас // Власть. 2015. Том. 23. № 6. С. 165–169.

3. Ярковой, С. В. Контроль арбитражного суда за законностью действий (бездействия) органов публичной администрации и ее должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 187 с.

4. Миргородская, Э. Р. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб: дискуссионные вопросы правового регулирования / Э. Р. Миргородская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(90). С. 104–109.

5. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // Право и образование. 2018. № 2. С. 44–49.

УДК 342.5

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Беспалов Станислав Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st453060@ruc.su

CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: SYSTEMATIC ANALYSIS OF ENFORCEMENT PROBLEMS

Bespalov Stanislav Igorevich, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящая статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем функционирования системы государственной службы в Российской Федерации. Автором выделяются четыре ключевых блока проблем: дефицит правовой определенности и пробелы в антикоррупционном законодательстве, кризис мотивации и кадровый голод, низкая эффективность цифровой трансформации государственного управления, а также избыточная бюрократизация. В работе предлагаются пути преодоления выявленных дефицитов, включая совершенствование института ротации, внедрение проектных KPI и реинжиниринг административных процессов.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, правовое регулирование, коррупция, мотивация госслужащих, кадровая политика, цифровая трансформация, административная реформа, эффективность управления, ротация кадров.

This article is devoted to a comprehensive analysis of topical problems of the functioning of the civil service system in the Russian Federation. The author identifies four key blocks of problems: a shortage of legal certainty and gaps in anti-corruption legislation, a crisis of motivation and personnel shortages, low efficiency of digital transformation of public administration, as well as excessive bureaucratization. The paper proposes ways to overcome the identified deficits, including improving the institution of rotation, implementing project KPIs and reengineering administrative processes.

Keywords: state civil service, legal regulation, corruption, motivation of civil servants, personnel policy, digital transformation, administrative reform, management efficiency, personnel rotation.

Институт государственной службы в Российской Федерации выступает ключевым механизмом реализации публичных функций, обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития. В то же время, необходимо отметить, что несмотря на многолетнюю историю административных реформ, система продолжает сталкиваться с глубинными структурными проблемами, снижающими эффективность государственного управления на всех уровнях его реализации. Как справедливо отмечает ряд исследователей, даже развитая законодательная база не устраняет целый комплекс проблем, которые непосредственным образом отражаются на деятельности всего государственного аппарата органов публичной власти [1].

Одной из фундаментальных проблем остается несовершенство законодательного регулирования. В научной литературе выделяется несколько аспектов: размытость самого понятия «государственная служба» в федеральном законодательстве, ограниченность механизмов материального стимулирования и, что критически важно, недостаточность механизмов защиты прав самих госслужащих. Кон-

ституционная реформа 2020 года, изменившая архитектуру публичной власти, создала новые пробелы в праве, особенно в сфере ротации кадров, что требует безотлагательного совершенствования подзаконных актов.

Особую озабоченность вызывает ситуация с коррупцией. По данным Генеральной прокуратуры РФ, озвученным в апреле 2026 года, в 2025 году к ответственности было привлечено 70 тысяч лиц, обвиненных в коррупционных преступлениях. Более трети из 43 тысяч выявленных преступлений совершены в крупном и особо крупном размерах. Показательным является рост числа увольнений «в связи с утратой доверия» – в 2025 году их количество увеличилось на 18 %, а по требованию прокуроров должностей лишились почти 1000 чиновников [2].

Особого внимания в рамках анализа правовых механизмов противодействия коррупции заслуживает инициатива, выдвинутая Генеральным прокурором РФ А.В. Гуцаном в ходе выступления на пленарном заседании Совета Федерации 15 апреля 2026 года. Выступая с ежегодным докладом «О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации в 2025 году», глава надзорного ведомства предложил кардинальное ужесточение антикоррупционной политики – введение «пожизненного законодательного запрета на повторное поступление на государственную службу для лиц, уличенных в коррупционных правонарушениях» [3].

Данное предложение стало закономерной реакцией на тревожную статистику и правоприменительные аномалии, выявленные в 2025 году. Так, количество лиц, освобожденных по требованию прокурора от должности в связи с утратой доверия, возросло на треть, достигнув почти тысячи служащих. Параллельно Генпрокуратура фиксировала систематические попытки чиновников, в отношении которых инициировались антикоррупционные проверки, избежать законного наказания путем добровольного увольнения «по собственному желанию» до завершения разбирательства. Эта схема позволяла недобросовестным служащим сохранить формально «чистую» трудовую книжку и, что самое критическое, легальную возможность вернуться на госслужбу в будущем. Благодаря активной позиции прокуроров и судебным искам, формулировки увольнения для 300 должностных лиц были изменены на «утрату доверия», однако, как подчеркнул Гуцан, «соответствующего запрета в действующем законодательстве нет. Считаю, этот пробел нужно устранить» [3].

С научной точки зрения, данная мера представляется глубоко обоснованной и вписывается в мировую тенденцию ужесточения ответственности за коррупционные преступления. Анализ зарубежного опыта показывает, что страны с наиболее эффективными антикоррупционными системами – такие как Сингапур, Гонконг и Южная Корея на протяжении длительного периода времени практикуют не просто увольнение, а устойчивые правовые барьеры для возвращения дискредитировавших себя лиц в систему публичного управления. В частности, в Китае система строгих запретов и ограничений на государственной службе рассматривается как один из ключевых инструментов предупреждения коррупции.

В современных научных исследованиях отмечается, что простое введение формального запрета без создания соответствующих эффективных механизмов для контроля выступает малоэффективным и формальным [4; 5]. Для создания условий, способствующих предотвращению «процесса переттока» кадров, уволенных с государственной службы в коммерческий сектор экономики необходимо соблюдение некоторых условий. Во-первых, требуется создание единого реестра лиц, которые были уволены в связи с утратой доверия. Необходимо не только расширить доступ к этой базе для кадровых служб всех государственных органов и организаций, выполняющих публичные функции, но и сделать обязательной верификацию кандидатов через этот реестр. Более того, целесообразно распространить обязательства по проверке на организации с государственным участием, особенно на те, которые работают в сфере государственного оборонного заказа и распределения бюджетных средств, где коррупционные риски остаются повышенными.

Во-вторых, вышеуказанная инициатива должна быть дополнена механизмами контроля за последующей трудовой деятельностью уволенных коррупционеров в частном секторе. Явление «вращающихся дверей», детально исследованное в трудах российских административистов, представляет собой не менее серьезную угрозу, чем повторный прием на государственную службу. Бывший чиновник, уволенный за коррупцию, может быть немедленно трудоустроен в коммерческую структуру, ранее находившуюся в сфере его ведомственного контроля, и продолжать лоббировать ее интересы, используя старые связи. Поэтому необходимо законодательно закрепить обязанность коммерческих организаций уведомлять государственные органы о приеме на работу бывших госслужащих, уволенных по утрате доверия, и предоставить надзорным органам право проводить проверки на предмет сохранения «коррупционного следа».

В-третьих, предлагаемый запрет должен дополняться и сочетаться с другими инициативами в сфере противодействия коррупции.

Необходимо законодательное закрепление принципа «однократного ввода информации» и расширение использования технологий искусственного интеллекта для рутинного анализа документов, что высвободит время служащих для принятия содержательных решений.

Кадровый аудит и социальные гарантии. Для преодоления оттока кадров (рекордные 80 тыс. увольнений в МВД в 2025 г.) требуется комплекс мер: от расширения социального пакета и жилищных программ до упрощения механизма аттестации, который зачастую носит формальный характер.

Проблематика государственной службы в РФ носит комплексный, системный характер. Коррупция, кадровый голод и бюрократизация являются следствием не столько личностных качеств отдельных служащих, сколько институциональных дефектов – разрыва между результатом и вознаграждением, правовой неопределенности и технологического консерватизма. Предложенные пути решения требуют не разовых кампаний, а имплементации проектного подхода в само государственное управление, где главным критерием эффективности станет не количество затраченных бюджетных средств или объем составленных отчетов, а реальное качество публичных услуг и уровень общественного доверия. Формирование эффективной, профессиональной и общественно ориентированной системы государственного управления в России требует целенаправленного решения накопившихся проблем. Именно в этом заключается ключевое условие дальнейшего совершенствования института государственной службы. Достижение данной цели возможно лишь при последовательном внедрении целого ряда взаимосвязанных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

2. Воронкова, С. В. Здоровье государственных гражданских служащих: риски в условиях цифровой трансформации / С. В. Воронкова // Административное право и процесс. 2025. № 7. С. 44–53.

3. Попова, Н. Ф. Публичная власть и публичная служба: вопросы реформирования применительно к ротации служащих / Н. Ф. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3(107). С. 73–78.

4. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

5. Котляров, С. Б. Гарантии свободы: как государство воплощает защиту прав человека в России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Юридические аспекты российской государственности: проблемы и решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 10 июня 2025 года. Москва: ЮрЭксПрактик, 2025. – С. 121–127.

УДК 342.5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Беспалов Станислав Игоревич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st453060@ruc.su

PUBLIC ADMINISTRATION AND PUBLIC SERVICE IN MODERN RUSSIA: A SYSTEMATIC ANALYSIS OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

Bespalov Stanislav Igorevich, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящая статья посвящена комплексному анализу современного состояния и ключевых направлений трансформации системы государственной службы в Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблеме кадрового дефицита, институту ротации, материальному стимулированию служащих, цифровой трансформации управленческих процессов и антикоррупционной политике.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, государственное управление, административная реформа, кадровая политика, цифровая трансформация, ротация, материальное стимулирование, противодействие коррупции.

This article is devoted to a comprehensive analysis of the current state and key areas of transformation of the civil service system in the Russian Federation. Particular attention is paid to the problem of personnel shortages, the institution of rotation, material incentives for employees, digital transformation of management processes and anti-corruption policy.

Keywords: state civil service, public administration, administrative reform, personnel policy, digital transformation, rotation, material incentives, anti-corruption.

Институт государственной службы в Российской Федерации представляет собой системообразующий элемент механизма публичного управления, обеспечивающий реализацию функций государ-

ства и удовлетворение общественных потребностей. Эффективность его функционирования напрямую детерминирует качество государственного управления в целом, уровень социально-экономического развития страны и степень доверия граждан к институтам власти. Несмотря на многолетнюю историю административных преобразований, система государственной службы продолжает сталкиваться с глубинными структурными вызовами, требующими системного научного осмысления и выработки практических рекомендаций.

Правовое регулирование государственной службы в Российской Федерации базируется на Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Федеральном законе от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также на указах Президента и постановлениях Правительства, образующих сложную многоуровневую систему нормативных актов.

Проблема формирования квалифицированного и заинтересованного в своей деятельности корпуса государственных служащих во многом обусловлена слабостью инструментов отстаивания их прав и законных интересов – это один из ключевых изъянов сложившейся системы, на который обращают внимание исследователи. Помимо этого, существующая нормативная база страдает от размытости базовых понятий: законодательное определение государственной службы сформулировано недостаточно чётко, вследствие чего возникают трудности с разграничением отдельных её разновидностей и определением правового положения тех или иных категорий служащих. Таким образом, несмотря на наличие определённой правовой основы, учёные фиксируют в ней целый ряд принципиальных слабых мест, требующих устранения [1].

Конституционная реформа 2020 года, введшая в правовой оборот категорию «публичная власть в Российской Федерации», создала дополнительные правовые лакуны, требующие устранения. В частности, в законодательстве имеются различия в трактовке содержания дефиниции «публичная власть», а также отсутствует единообразное понимание механизмов ротации служащих в системе органов публичной власти различных уровней. Отсутствие отдельного федерального закона о государственной службе иных видов также остается значимым пробелом в правовом регулировании [2].

Острая нехватка квалифицированных кадров в государственных структурах по-прежнему не находит своего решения – на это, в частности, указывает А. В. Беликова в своём исследовании, характеризуя данную проблему как застарелую и системную. Именно подобные явления наглядно демонстрируют, насколько разрозненными и непродуманными остаются управленческие механизмы: отсутствие целостных, взаимосвязанных подходов в сочетании с изъянами административного регулирования не позволяет в полной мере раскрыть заложенный в системе потенциал, а потому она нуждается в принципиально иной последовательной и стратегически обоснованной модели координации [3].

Несмотря на позитивные сдвиги последних лет, к которым несомненно следует отнести, внедрение портала «Госуслуги», развитие системы межведомственного электронного взаимодействия и отдельные успехи в оптимизации контрольно-надзорной деятельности – отечественная система государственного управления по-прежнему испытывает воздействие глубинных системных ограничителей. Не следует забывать о наличии проблем, одной из них является «кадровый голод», которые приобретает остроту на уровне региональных и муниципальных органов власти: в 67 из 85 субъектов Федерации доля вакантных должностей государственной гражданской службы превышает 12%, причем в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока этот показатель достигает 23–27 % [4].

Неравномерность распределения трудовых ресурсов между регионами порождает эффект «территориальной поляризации». Так, например, Москва и Московская область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область аккумулируют до 55 % всех высококвалифицированных управленческих кадров, тогда как на долю десяти наименее развитых регионов (Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская АО и др.) приходится менее 5 % специалистов с опытом работы от трех лет. Сложившаяся конфигурация не только снижает качество регионального управления, но и консервирует межрегиональное неравенство.

Избыточная бюрократизация и чрезмерное увлечение формальностями по-прежнему являются застарелой проблемой, глубоко укоренившейся в системе государственного управления России. По данным Счетной палаты, в 2025 году средний срок согласования типового межведомственного запроса составлял 18 рабочих дней, при этом сам документ проходил в среднем 5–7 инстанций, включая не всегда обязательные визы.

Одной из ключевых, часто встречающихся, проблем является формализм в исполнении своих обязанностей, когда сотрудник ориентируется не на решение проблемы, а на строгое следование регламенту «любой ценой». Недостаточная прозрачность процедур закупок (особенно в малых объемах до 500 тыс. рублей, которые не подлежат обязательному опубликованию в ЕИС) создает питательную

среду для злоупотреблений. Низкая мотивация сотрудников – четвертый системный вызов, тесно связанный с кадровым дефицитом. Согласно данным Росстата, среднемесячная заработная плата государственных гражданских служащих в регионах в 2025 году составила 67 тыс. рублей, тогда как средняя зарплата по экономике в тех же субъектах – 82 тыс. рублей. Если сравнивать чиновника регионального уровня, занимающегося, допустим, надзором за расходованием бюджетных средств по назначению, с менеджером среднего звена в частной компании, то степень возложенной на первого ответственности и интенсивность его работы будут заведомо значительнее. Разрыв становится еще более вопиющим на муниципальном уровне: в сельских поселениях оклад специалиста может составлять 35–40 тыс. рублей, что лишь незначительно превышает прожиточный минимум.

Ограниченные возможности карьерного роста – еще один демотиватор. Система нематериального стимулирования (награды, почетные грамоты, публичное признание) развита слабо и зачастую носит формальный, ритуальный характер. Несоответствие между вкладом и отдачей, а также отсутствие обратной связи от руководства приводят к тому, что талантливые сотрудники либо «отключаются» эмоционально, либо уходят в частный сектор.

Многие долгосрочные государственные программы сталкиваются с трудностями реализации из-за частой смены приоритетов и межведомственной несогласованности. Характерный пример – программа «Цифровая экономика», которая за период с 2019 по 2025 год претерпела три существенные корректировки целей и показателей, что привело к замораживанию ряда проектов на региональном уровне.

Неравномерность территориального развития наглядно демонстрирует, насколько велика пропасть между тем, что планируется на уровне стратегии, и тем, что реально воплощается в жизнь. Одна и та же федеральная программа – например, по расселению аварийного жилья – в Белгородской области может быть выполнена на 98 % за два года, а в Республике Коми – лишь на 55 % за тот же период, и причина не только в ресурсах, но и в разной управленческой культуре, уровне квалификации местных команд и наличии отлаженных процедур контроля. Отсутствие унифицированных KPI и регламентов исполнения порождает «лоскутную» эффективность, что снижает общую результативность государственного управления.

Цифровая трансформация госаппарата, провозглашенная одним из приоритетов, сталкивается с неравномерностью внедрения IT-решений. По данным Минцифры РФ, по состоянию на начало 2026 года, в 15 регионах (преимущественно Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов) доля массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, не превышает 55 %, тогда как в лидерах (Москва, Татарстан, ХМАО) этот показатель достигает 92 %. Такая асимметрия создает дисбаланс в качестве предоставления услуг: жители отдаленных территорий вынуждены по-прежнему лично посещать ведомства, тратя время и средства на дорогу.

Для повышения эффективности государственного управления необходим не набор точечных мер, а системная перестройка, опирающаяся на лучший отечественный и зарубежный опыт. Представляется целесообразным выделить три ключевых вектора трансформации.

Развитие портала «Госуслуги» должно идти по пути превращения его из простого агрегатора заявок в полноценную цифровую платформу с элементами проактивного обслуживания. Внедрение чат-ботов на базе генеративных нейросетей (например, аналог «Гося», но с расширенными функциями) позволит консультировать граждан 24/7, снимая нагрузку с колл-центров.

Процесс совершенствования кадровой работы в обязательном содержательном элементе должен включать три составляющих. Во-первых, эффективный и законодательно закрепленный институт наставничества для молодых специалистов. Во вторых, регулярная и адекватная оценка компетенций с привлечением независимых центров сертификации. Включение сотрудников в кадровый резерв и их продвижение на руководящие позиции должно опираться на объективные данные оценочных процедур. Именно поэтому проведение ассессмент-центров следует закрепить как регулярную практику с периодичностью не реже одного раза в три года. В-третьих, индивидуальные карьерные треки: вместо унифицированной лестницы должностей – построение горизонтальных и диагональных перемещений, позволяющих служащему развиваться как в управленческой, так и в экспертной плоскости.

Отдельного внимания заслуживает геймификация обучения и адаптации. Например, создание внутриведомственного портала с квестами, симуляторами принятия решений и рейтингами может повысить вовлеченность сотрудников, особенно молодого поколения (до 30 лет). Эксперимент, проведенный в аппарате правительства Новосибирской области в 2025 году, зафиксировал рост удовлетворенности обучением на 42 % после внедрения игровых механик.

Внедрение лучших практик проектного управления (с использованием методологий Agile и SCRUM в адаптированном для госсектора виде) должно стать нормой для всех федеральных и регио-

нальных органов. Унификация административных регламентов, например, по линии предоставления самых востребованных услуг (регистрация прав, получение справок, лицензирование), позволит добиться того, чтобы житель любого региона получал одинаково качественный сервис. Разработка единых ключевых показателей эффективности (KPI) для однотипных госорганов разных уровней – важнейшее условие прозрачности. В качестве образца можно использовать систему показателей МЧС России, где время прибытия на пожар и процент спасенных людей объективно измеримы и сравнимы между подразделениями.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что система государственного управления и государственной службы в современной России находится в фазе активной, но неравномерной трансформации. Несмотря на то, что удалось добиться заметных результатов во внедрении цифровых технологий и противодействии наиболее очевидным проявлениям коррупции, глубинные структурные недуги никуда не исчезли: нехватка квалифицированных специалистов, избыточная бюрократическая нагрузка, кризис в сфере профессиональной мотивации и неравномерный доступ к цифровым ресурсам по-прежнему остаются нерешёнными вызовами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

2. Попова, Н. Ф. Публичная власть и публичная служба: вопросы реформирования применительно к ротации служащих / Н. Ф. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3(107). С. 73–78.

3. Беликова, А. В. Состояние современного реформирования системы государственной службы в России / А. В. Беликова // Молодой ученый. 2025. № 46(597). С. 305–307.

4. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

УДК 342

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ В ОВД

Биряев Александр Дмитриевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811946@ruc.su

THE INFLUENCE OF ORGANIZATIONAL CULTURE ON PROFESSIONAL BURNOUT OF POLICE OFFICERS

Biryaev Alexander Dmitrievich, Master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается влияние особенностей организационной культуры на развитие и степень выраженности синдрома профессионального (эмоционального) выгорания у сотрудников органов внутренних дел (ОВД). На основе анализа отечественных и зарубежных теоретических исследований выявляются характерные черты организационных культур различных подразделений ОВД и их связь с уровнем эмоционального истощения, деперсонализации и редукции личных достижений персонала. Отмечается, что организационная культура, реализующая адаптационно-поддерживающие, нормативно-регулятивные и ресурсосберегающие функции, способна как облегчать, так и усугублять проявления профессионального выгорания. Особое внимание уделено деталям национально-корпоративных различий, индивидуалистским и коллективистским тенденциям, дистанции власти, а также психосоциальному климату коллектива.

Ключевые слова: организационная культура, профессиональное выгорание, стресс, органы внутренних дел, эмоциональное истощение, деперсонализация.

The article examines the influence of organizational culture features on the development and severity of professional (emotional) burnout syndrome in employees of internal affairs bodies (IABs). Based on the analysis of domestic and foreign theoretical studies, the characteristic features of organizational cultures of various IAAs and their relationship with the level of emotional exhaustion, depersonalization, and reduction of personal achievements of personnel are identified. It is noted that organizational culture, which implements adaptive-supportive, regulatory-normative, and resource-saving functions, can both facilitate and exacerbate the manifestations of professional burnout. Special attention is paid to the details of national and corporate differences, individualistic and collectivistic tendencies, power distance, and the psychosocial climate of the team.

Keywords: organizational culture, professional burnout, stress, internal affairs agencies, emotional exhaustion, depersonalization.

Организационная культура – сложное социально-психологическое явление, пронизывающее все аспекты деятельности коллектива, его внутренние отношения, нормы, ценности и традиции. Особое значение организационная культура приобретает в службах, где интенсивность профессионального взаимодействия находится на чрезвычайно высоком уровне, а деятельность сопряжена со значитель-

ным эмоциональным и психическим напряжением – например, в органах внутренних дел (ОВД). В таких организациях состояние сотрудников становится критическим ресурсом, определяющим эффективность работы и безопасность, как самих работников, так и общества в целом. Профессиональное выгорание, как сложный и многоуровневый синдром, формируется под воздействием совокупности факторов, среди которых особенности организационной среды занимают центральное место.

Первые фундаментальные научные работы, посвящённые изучению профессионального выгорания, появились в 1970-х гг. в трудах американского психиатра Х. Фрейденберга, а позднее получила развитие классическая модель К. Маслач и С. Джексона, выделившая три ключевых компонента выгорания – эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений. В российской и зарубежной психологии (работы А. Б. Леоновой, Ю. Г. Семеновой, Д. Мацумото и др.) акцентируется связь между развитием этого синдрома и особенностями культуры организации, а также нормативной и эмоциональной атмосферой коллектива.

Организационная культура любого учреждения, в том числе ОВД, несет в себе адаптационно-поддерживающие, регулирующие и защитные механизмы – она формирует сформулированные и негласно разделяемые ценности, оценочные стандарты, модели обращения и поведенческие сценарии. Согласно модели Хофстеде, организационные культуры различаются по четырем ключевым параметрам: индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, уровень избегания неопределенности и степень «маскулинности». В различных подразделениях ОВД могут преобладать разные конфигурации этих параметров: где-то доминирует коллективистско-партнерский стиль, где-то – более индивидуалистский, со строгим следованием инструкциям и большим делегированием ответственности [1].

Как показывают исследования (Воронкова Д. В. и др.), преобладающие характеристики культуры подразделения оказывают непосредственное влияние на психологический климат, уровень взаимной поддержки, принцип распределения ответственности, характер и стиль взаимодействия между сотрудниками и руководством, степень психологической защищенности личности, иными словами – на возможности для профилактики и компенсации профессионального стресса. В организациях с развитой коллективистской культурой, партнерским духом, поддержкой инициативы, эмоциональной солидарностью, ценностью сотрудничества, сотрудники, как правило, менее подвержены эмоциональному истощению и деперсонализации, реже проявляют тенденции к редукции личных достижений.

Процесс формирования профессионального выгорания – это ответ на комплекс внешних и внутренних факторов: объективных (нагрузки, ответственность, сложность и потенциальную опасность работы, частые контакты с людьми в стрессовых, конфликтных и угрожающих ситуациях) и субъективных (личностные особенности, стиль саморегуляции, индивидуальная стрессоустойчивость). Однако, как отмечал Петерсон, зачастую стрессогенна не только сама профессиональная деятельность, но и культура, в среде которой человек находится на рабочем месте. Специфические установки, правила, отношения «прописаны» в культуре, и она может способствовать либо эмоциональному благополучию, либо, напротив, формировать предпосылки для хронического стресса и выгорания.

Можно выделить несколько типичных сценариев влияния особенностей организационной культуры на состояние сотрудников ОВД. Так, если в подразделении преобладает авторитарно-иерархическая модель с выраженной дистанцией власти, акцентом на беспрекословном следовании инструкциям и отсутствием личностной поддержки, то у сотрудников может формироваться чувство отчуждения, внутренней изоляции, что ведет к риску деперсонализации и снижению мотивации. В таких случаях личная ответственность часто становится источником дополнительного давления, а отсутствие обратной связи, признания достижений, поддержки коллег – усиливает ощущение профессионального бессилия и, как следствие, эмоционального выгорания.

Противоположный пример – культура с выраженными коллективистскими ценностями, партнерством, где поощряется взаимовыручка, обсуждение сложных случаев, неординарных решений, инициативность и профессиональное развитие. Поддерживающая организационная среда снижает остроту профессионального стресса, помогает перераспределять нагрузки, создает атмосферу ответственности за результат и за психологическое состояние коллег. Эмоциональная поддержка способствует сохранению личностной целостности, предотвращает редукцию личных достижений и деперсонализацию. Особое значение здесь имеет возможность выражения эмоций в безопасных условиях, наличие неформальных систем поддержки (например, общих традиций, внерабочего общения, групповых обсуждений проблем), принятие разнообразия, а также наличие справедливой и прозрачной системы поощрений и признания [2].

Примером служат сравнительные исследования коллективов различных ОВД и иного типа организаций с интенсивным человеческим взаимодействием – например, медицинских учреждений. Эмпирический анализ с применением методики Маслач и Джексона выявил: в подразделении ОВД-1, где

доминируют коллективистские ориентиры, поощряется мужественность и готовность принимать риск, партнерские отношения, уровень эмоционального истощения существенно ниже, чем в ОВД-2 с его более жестким, регламентированным, индивидуалистским порядком, высокой дистанцией власти и доминированием нормативности. Аналогичные закономерности обнаружены при сравнении медицинских учреждений: в санатории с ориентацией на личностное развитие, доброжелательный клиентский подход и благоприятный психологический климат уровень выгорания ниже, чем в санатории, где система ориентирована на жесткое следование установленным правилам [3].

Важно подчеркнуть: профилактика профессионального выгорания невозможна без признания роли организационного климата. Уже К. Маслач отмечала, что негативные проявления выгорания усиливаются несоответствием между ценностями и ожиданиями личности и условиями труда, отсутствием поддержки, признания заслуг, социальной несправедливостью, унижением и моральной агрессией. Все эти факторы оформляют невидимую, но весьма осязаемую среду, влияющую на каждый элемент трудовой жизни сотрудника ОВД: от его внутренней мотивации и отношения к клиентам до физического и психического здоровья [4].

В сложившейся практике служебной деятельности МВД России отмечается наличие ряда организационно-культурных особенностей, потенциально снижающих риски развития выгорания: ротация кадров, создание командных отделов с налаженными горизонтальными коммуникациями, внедрение тренингов по стресс-менеджменту и профилактике эмоционального истощения, создание программ поддержки семьи и правовой помощи. Однако, несмотря на эти положительные моменты, проблемы сохраняются: ряд подразделений по-прежнему ориентирован на нормативность, жесткую отчетность и «параграфность», что ведет к росту дистанции между персоналом и руководством, формирует риск скрытой деперсонализации и отчуждения, а следовательно – усугубляет хронический стресс [5].

Изучение организационной культуры сотрудников ОВД и ее влияния на профессиональное выгорание позволяет сделать вывод о необходимости целенаправленной работы по развитию поддерживающей среды: развитию корпоративного партнёрства, эмоционального вовлечения, признания и поощрения личных достижений, построения справедливой системы обратной связи и поддержки. Важным направлением работы руководителей и психологов ОВД следует считать своевременное выявление изменяющегося морально-психологического климата, обучение персонала навыкам саморегуляции, разрешения конфликтов, навыкам эмоционального интеллекта.

Отражая культурные особенности общества, внутренняя система ценностей ОВД в каждом конкретном случае дополняется уникальными чертами, связанными с корпоративными ожиданиями, стилем руководства, исторически сложившимися традициями и типом межличностных связей. Формирование и поддержание здорового баланса между нормативностью и гибкостью, дистанцией и близостью, официальным и неформальным общением – главный путь профилактики эмоционального выгорания у сотрудников столь сложной и ответственной сферы [6].

Таким образом, организационная культура выступает не только пассивным фоном, но и активно воздействующим фактором формирования психологического климата, стрессоустойчивости и качества профессиональной жизни сотрудников ОВД. Она определяет как вероятность эмоционального истощения, проявления деперсонализации и редукции личных достижений, так и возможности для мотивационного роста, профессионального развития, сохранения и укрепления здоровья коллектива. Выбор вектора развития организационной культуры – стратегическая задача для руководителей и специалистов по работе с персоналом в системе МВД и иных ведомственных структур, требующая учета как научных рекомендаций, так и глубинных социальных процессов внутри каждого коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова, Н. Е. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – Санкт-Петербург: Речь, 2021. – С. 276–282.

2. Китаева-Смыка, Л. А. Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души / Л. А. Китаева-Смыка // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. – 2024. – № 4. – С. 2–21.

3. Леонова, А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса / А. Б. Леонова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2022. – № 3. – С. 4–21.

4. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – С. 18–19.

5. Спивак, В. А. Корпоративная культура / В. А. Спивак. – Санкт-Петербург: Питер, 2025. – С. 69–70.

6. Hofstede G. Values Survey Module 2024. L.: Beverly Hills, 2024. Портал психологических изданий PsyJournals.ru - https://psyjournals.ru/nonserialpublications/exp_collection/contents/34841 [Влияние организационной культуры на эмоциональное выгорание сотрудников правоохранительной и медицинской сфер деятельности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы].

УДК 342.22

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ И ПРИНЦИПОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА РОССИИ

Бояркина Дарья Николаевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810399@ruc.su

THEORETICAL ASPECTS OF THE STRUCTURE AND PRINCIPLES OF FUNCTIONING OF THE STATE MECHANISM OF RUSSIA

Boyarkina Daria Nikolaevna, graduate student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предпринят комплексный теоретико-правовой анализ структурной организации и нормативных оснований функционирования государственного механизма Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости концептуального переосмысления роли государственного механизма в условиях новых вызовов, требующих сочетания традиционных принципов с адаптивными механизмами управленческих решений.

Ключевые слова: государственный механизм, структура государства, принципы функционирования, органы государственной власти, системный подход, цифровая трансформация, технологический суверенитет, Российская Федерация.

The article undertakes a comprehensive theoretical and legal analysis of the structural organization and regulatory grounds for the functioning of the state mechanism of the Russian Federation. It was concluded that it is necessary to conceptualize the role of the state mechanism in the context of new challenges that require the combination of traditional principles with adaptive mechanisms of management decisions.

Keywords: state mechanism, state structure, principles of functioning, state authorities, systematic approach, digital transformation, technological sovereignty, Russian Federation.

Проблематика государственного механизма традиционно занимает одно из центральных мест в теории государства и права, что объясняется фундаментальным значением данного института для организации публичной власти и обеспечения жизнедеятельности общества. В отечественной юридической науке сложились различные подходы к пониманию сущности, структуры и принципов функционирования государственного механизма, однако дискуссионность многих теоретических положений сохраняется. Более того, современные реалии – цифровая трансформация управленческих процессов, интеграция технологий искусственного интеллекта в деятельность органов власти, необходимость оперативного реагирования на новые вызовы – актуализируют задачу переосмысления устоявшихся представлений.

Как справедливо отмечается в современных исследованиях, появление новых функций государства является ответом на цифровую трансформацию и нарастающее санкционное давление [1]. Это, в свою очередь, требует адекватной трансформации механизма государства, его структурной и функциональной перестройки. В условиях, когда обеспечение технологического суверенитета становится приоритетной национальной задачей, государственный механизм должен демонстрировать не только стабильность, но и гибкость, способность к адаптации.

В юридической литературе понятие государственного механизма традиционно раскрывается через систему органов, учреждений и организаций, наделенных властными полномочиями и призванных реализовывать функции государства. Однако устоявшееся определение не снимает концептуальных споров: исследователи до сих пор расходятся во взглядах на объем этого понятия и его соотношение с такими категориями, как «государственный аппарат» или «система органов публичной власти».

Более продуктивным представляется подход, в рамках которого государственный механизм не сводится к простому перечню институций. Речь идет о сложной, иерархически выстроенной системе, где элементами выступают не только сами органы власти, но и устойчивые связи между ними, процедурные регламенты, кадровый состав и материально-техническая база. Иными словами, это действующая, постоянно развивающаяся конструкция, а не статичный набор структур.

С методологической точки зрения значимым представляется диалектическое разграничение сущностных уровней государства – движение от внешних проявлений к глубинным основаниям. Применительно к механизму государства это требует последовательного анализа: внешних форм деятельности органов власти; их внутренней организации и компетенционных границ; базовых принципов функционирования; наконец, ценностных ориентиров, определяющих целеполагание.

Системный подход позволяет увидеть в государственном механизме целостность, обладающую интегративными характеристиками, которые не сводятся к сумме свойств отдельных элементов. Дополняющий его структурно-функциональный анализ дает возможность установить, насколько элементы системы соответствуют выполняемым задачам, и определить характер субординационных и координационных связей между ними.

Особого внимания заслуживает телеологический аспект: государственный механизм создается и функционирует для достижения определенных целей, реализации функций государства. В этой связи принципиальное значение имеет иерархия целей и ценностей, которым призвано служить государство [2]. В современных условиях такой ценностный фундамент образуют положения Конституции РФ, закрепляющие права и свободы человека, социальный характер государства, единство публичной власти.

Структура государственного механизма современной России отличается сложностью и многоуровневостью, что обусловлено федеративной формой государственного устройства, разделением властей по горизонтали (законодательная, исполнительная, судебная) и вертикальной организацией публичной власти (федеральный, региональный, муниципальный уровни).

Федеральный уровень представлен системой органов, возглавляемой Президентом РФ, который занимает особое место в государственном механизме, обеспечивая согласованное функционирование и взаимодействие всех ветвей власти. Законодательная власть реализуется Федеральным Собранием – парламентом России, состоящим из двух палат и выполняющим как законотворческую, так и контрольную функции. Исполнительную власть осуществляет Правительство РФ, федеральные министерства, службы и агентства. Судебная власть представлена Конституционным, Верховным судами и иными федеральными судами.

Региональный уровень включает органы государственной власти субъектов Федерации: законодательные собрания, высшие исполнительные органы, конституционные (уставные) суды. Особенностью современного этапа является укрепление единства публичной власти, что нашло отражение в конституционной реформе 2020 года и принятии Федерального закона «Об организации публичной власти в субъектах РФ».

Муниципальный уровень, хотя органы местного самоуправления организационно обособлены от государственных, входит в единую систему публичной власти и участвует в решении государственно значимых задач на местном уровне.

Важно подчеркнуть, что государственный механизм включает не только органы власти в узком смысле, но и иные государственные органы (например, Счетная палату, Центральную избирательную комиссию, Уполномоченного по правам человека), а также государственные учреждения и предприятия, обеспечивающие практическую реализацию функций государства.

Структурная сложность российского государственного механизма обусловлена необходимостью сочетания централизации и децентрализации, обеспечения единства государственной политики при учете региональных и местных особенностей. Как показывает анализ, эффективность функционирования механизма во многом зависит от того, насколько удается найти баланс между указанными началами.

Принципы организации и деятельности государственного механизма представляют собой основополагающие идеи, требования и начала, определяющие порядок формирования, структуру, методы работы и направления развития системы государственных органов. В юридической науке сложилась определенная классификация данных принципов, однако единого подхода не выработано.

Представляется продуктивным разграничение принципов на две основные группы: принципы-идеалы и принципы-технологии [3]. Первые выражают ценностные ориентиры, социальное назначение государственного механизма (справедливость, демократизм, гуманизм, законность). Вторые определяют собственно организационно-функциональные параметры (системность, планомерность, профессионализм, эффективность, адаптивность).

Конституционные принципы образуют нормативный фундамент функционирования государственного механизма. К их числу относятся: народовластие (ст. 3 Конституции РФ), федерализм (ст. 5), разделение властей (ст. 10), самостоятельность органов местного самоуправления (ст. 12), законность (ст. 15), приоритет прав и свобод человека (ст. 2), единство системы государственной власти (ст. 5, 77).

Организационно-функциональные принципы конкретизируют конституционные применительно к повседневной деятельности государственных органов. Среди них: принцип иерархичности и субординации; сочетания единоначалия и коллегиальности; отраслевой и территориальный принципы управления; гласность и открытость (с учетом требований безопасности); профессионализм и компетентность государственных служащих; ответственность за принимаемые решения.

В современных условиях особое значение приобретают принципы адаптивности и инновационности. Государственный механизм должен своевременно реагировать на изменения внешней среды, осваивать новые технологии управления, внедрять цифровые решения. Внедрение технологий искусственного интеллекта в государственное управление на федеральном и региональном уровнях становится одним из приоритетных направлений модернизации [4; 5].

Важно отметить, что принципы функционирования не существуют изолированно – они образуют систему, в которой изменение содержания или значимости одного принципа влечет корректировку других. Так, требование открытости должно согласовываться с необходимостью защиты государственной тайны, а принцип эффективности – с обеспечением законности и справедливости.

Анализ современного состояния государственного механизма России позволяет выделить ряд характерных особенностей и тенденций, обусловленных как объективными факторами (геополитические изменения, цифровая революция), так и целенаправленной государственной политикой.

Во-первых, происходит дальнейшая централизация публичной власти, укрепление «вертикали» при сохранении определенной автономии регионов. Институциональным выражением этой тенденции стали конституционные поправки 2020 года, включение в правовую систему категории «единая система публичной власти», усиление координационной роли Президента РФ и федеральных округов.

Во-вторых, активно развиваются цифровые форматы взаимодействия как между различными уровнями и ветвями власти, так и между государством и обществом. Платформа «Госуслуги», система межведомственного электронного взаимодействия, внедрение элементов электронного документооборота – все это меняет «ткань» государственного механизма, делает его более оперативным и прозрачным. Как отмечается в литературе, цифровая трансформация государственного управления является ответом на глобальные вызовы и необходимое условие обеспечения конкурентоспособности национальной экономики.

В-третьих, наблюдается усиление контрольной и надзорной функций государства, что проявляется в активизации деятельности контрольно-счетных органов, прокуратуры, расширении практики использования мониторинга и оценки регулирующего воздействия. Это связано с потребностью в повышении эффективности использования бюджетных средств и качества государственного управления в целом. Совершенствование механизма формирования федерального бюджета рассматривается как одна из ключевых задач, поскольку бюджет необходим для выполнения государством его экономических, социальных и политических функций.

В-четвертых, происходит адаптация государственного механизма к работе в условиях санкционного давления и необходимости обеспечения технологического суверенитета. Это требует оперативной корректировки управленческих решений, создания гибких структур, способных реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, поиска новых форм взаимодействия государства и бизнеса.

В-пятых, сохраняется проблема обеспечения сбалансированности полномочий между различными ветвями и уровнями власти. Несмотря на конституционное закрепление принципа разделения властей, на практике наблюдается доминирование исполнительной ветви, что создает риски дисбаланса и требует совершенствования механизмов сдержек и противовесов.

Подводя итоги, следует акцентировать внимание на нескольких ключевых выводах, вытекающих из проведенного анализа теоретических основ организации и деятельности государственного механизма России. Прежде всего, государственный механизм целесообразно рассматривать не как статичную совокупность институций, а как сложный, многоуровневый институт, пребывающий в постоянном развитии. Его структура включает не только органы власти, но и устойчивые взаимосвязи между ними, устоявшиеся процедуры, кадровый потенциал и материально-техническое обеспечение. Применение системного подхода позволяет увидеть, что свойства данного механизма как целого качественно отличаются от простой суммы характеристик его отдельных элементов. В качестве наиболее перспективных направлений для дальнейших научных изысканий можно обозначить изучение того, как цифровизация трансформирует организацию и повседневную практику органов власти; анализ того, как меняются принципы госуправления под влиянием новых глобальных и внутренних вызовов; сопоставление адаптационных механизмов, складывающихся в разных правовых системах; а также разработку четких и измеримых критериев, позволяющих оценивать реальную эффективность функционирования государственного механизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайленко, Д. А. Государство и рынок в условиях новых вызовов: теоретический анализ / Д. А. Михайленко, Н. П. Кононкова // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. № 114. С. 4–20.

2. Иванова, М. И. Сущность государства / М. И. Иванова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4. С. 12–24.

3. Беженцев, А. А. Форма правления государства: теоретико-правовые основы / А. А. Беженцев // Пролог: журнал о праве. 2025. № 4. С. 7–18.

4. Усманова, Т. Х. Горизонты модернизации национальной экономики и ее финансово-инвестиционных механизмов, ориентированных на обеспечение цифровой трансформации государственного управления / Т. Х. Усманова, Н. В. Брюханова, Г.А. Фадейкин // Сибирская финансовая школа. 2026. № 1. С. 124–135.

5. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

УДК 342.9

ЭВОЛЮЦИЯ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ДОГМАТИКИ К СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

Ведяков Вадим Алексеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail:st808637@ruc.su

EVOLUTION OF THE COMPOSITION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE: FROM CLASSICAL DOGMA TO THE MODERN PARADIGM

Vedyakov Vadim Alekseevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование посвящено проблеме модернизации корпуса юридических элементов, конституирующих административное правонарушение. Автор рассматривает данный состав как динамическую систему, претерпевающую изменения под воздействием диалектического взаимодействия устоявшихся доктрин и новых правовых реалий. На основе компаративистского подхода в статье выявляются и систематизируются как лабильные элементы состава, так и новейшие квалифицирующие признаки.

Ключевые слова: Административный деликт, юридический состав правонарушения, элементы корпуса деликта, административная догматика, эволюция административной ответственности, модернизация состава правонарушения, диалектика традиций и новаций.

The study is devoted to the problem of modernizing the corpus of legal elements constituting an administrative offense. The author considers this composition as a dynamic system undergoing changes under the influence of the dialectical interaction of established doctrines and new legal realities. Based on the comparative approach, the article identifies and systematizes both labile elements of the composition and the latest qualifying features.

Keywords: Administrative tort, legal composition of the offense, elements of the tort corps, administrative dogma, evolution of administrative responsibility, modernization of the offense, dialectic of traditions and innovations.

Понимание причин противоправного поведения имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху античности, где были заложены две принципиально различные концепции. Философ Платон видел истоки преступлений во внутреннем дисбалансе человеческой души, где эмоции берут верх над разумом. Его современник Аристотель сместил акцент на общественные условия, утверждая, что правонарушения порождаются недостатками государственного строя и переживаемым людьми чувством социальной несправедливости.

Сегодня сфера административной ответственности переживает период активного развития, что вызвано необходимостью адекватно реагировать на растущую сложность социальных взаимодействий. В этой связи особую важность приобретают фундаментальные исследования самой сущности административного проступка, тщательная классификация его определяющих черт и оптимизация правоприменительных механизмов.

Институт административных правонарушений, сформировавшийся как самостоятельное направление научной мысли в середине прошлого века, продолжает оставаться актуальным полем для изысканий. Всестороннее изучение его теоретических оснований, законодательной базы и судебной практики ведется специалистами в области административного права и широким юридическим сообществом [1].

Современная юридическая наука сталкивается с любопытным противоречием в области административной деликтологии: фундаментальные теоретические положения этого правового явления продолжают вызывать жаркие научные споры, хотя исследователи занимаются его изучением на протяжении десятилетий [2; 3]. Проблема выработки единой дефиниции административного правонарушения носит перманентный характер. Её источник – диалектическое взаимодействие исторически изменчивого позитивного права и устойчивой методологической дихотомии в доктринальном осмыслении природы и функций административного принуждения.

Теоретический ландшафт, посвященный определению административного правонарушения, представляет собой дискусионное поле с множеством конкурирующих концепций. Различные исследователи предлагают собственные, подчас значительно расходящиеся, системы квалифицирующих признаков и определяющих критериев данного правового явления. В этом контексте примечательна позиция Н. А. Колоколова, который в своей доктринальной трактовке интерпретирует административный проступок как социально-правовой антипод, то есть прямое отрицание личностью установленной в обществе модели нормативного поведения [4]. Данная концепция акцентирует внимание на социально-философском аспекте деликтности, представляя административный проступок не просто как нарушение правовой нормы, но как форму девиации от социально одобряемых моделей поведения.

Продолжая данную теоретическую линию, можно обозначить несколько актуальных пластов научной дискуссии: во-первых, это «телеологическая полемика» о том, что является сущностным ядром проступка: реальная социальная вредность деяния или лишь формальное нарушение установленных правил. Этот спор касается фундаментальных основ квалификации. Во-вторых, «методологическое противоречие» между формально-догматическим подходом, рассматривающим правонарушение как нарушение конкретной нормы, и социологическим, изучающим его как социальный феномен в широком контексте. В-третьих, «дискуссия о функциональном назначении» самой административной ответственности: является ли она прежде всего инструментом кары, предупреждения новых нарушений или восстановления нарушенного правопорядка.

Подобная множественность взглядов объясняется не просто субъективностью исследователей, но объективной сложностью самого феномена, находящегося на пересечении права, социальных норм и индивидуального выбора.

В этих условиях перед наукой административного права стоит задача разработки «синтетической концепции», которая могла бы, преодолев крайности, предложить сбалансированное определение. Оно должно быть универсальным для правоприменения, но достаточно гибким, чтобы учитывать динамичную природу общественных отношений.

Легальная основа для такого определения закреплена в ст. 2.1 КоАП РФ, где административное правонарушение характеризуется как «виновное противоправное деяние» (действие или бездействие) физического или юридического лица, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность.

Доктринальный анализ этой формулировки позволяет выделить четыре обязательных элемента состава:

1. Противоправность – нарушение действующих запретов или предписаний.

2. Деяние – выраженное вовне поведение (действие или бездействие).

3. Виновность – психическое отношение нарушителя к содеянному в форме умысла или неосторожности.

4. Наказуемость – установленная законом возможность применения мер ответственности.

Именно противоправность выступает первым и основным признаком, означая прямое отступление от императивных требований норм административного права.

Правильная квалификация административного правонарушения, то есть точное установление всех элементов его состава, имеет фундаментальное значение для правоприменительной практики. Она служит основой для реализации охранительной функции административного законодательства, направленной на защиту публичных интересов. Помимо этого, верная квалификация выполняет превентивную роль, способствуя предотвращению новых нарушений, а также выступает важной процессуальной гарантией. Это обеспечивает законность решений уполномоченных органов о применении мер принуждения и защищает права граждан.

Точное установление состава проступка является краеугольным камнем административного судопроизводства. От этого напрямую зависит всесторонность, объективность и своевременность рассмотрения дела, а также четкое разграничение административного проступка от иных видов противоправного поведения, особенно от преступлений.

В доктрине административного права, в зависимости от объективной стороны, составы традиционно подразделяются на «формальные» и «материальные». Формальный состав считается оконченным в момент совершения самого запрещенного деяния, вне зависимости от наступления реальных вредных последствий. Ответственность в этом случае наступает за сам факт нарушения императивного запрета.

Характеристики специального субъекта административного правонарушения, вытекающие из законодательства, можно систематизировать в три группы:

1. Признаки, связанные с профессиональной или должностной деятельностью (например, водитель, капитан судна, работник торговли).

2. Признаки особого правового статуса (например, собственник земельного участка или оружия).

3. Признаки, характеризующие противоправное поведение в прошлом (например, лицо, ранее привлекавшееся к административной ответственности).

Среди ученых-административистов и юристов-практиков преобладает позиция о важности модернизации законодательства в сфере административных проступков, включая нормативное определение элементов состава такого деяния [5]. Для привлечения юридических лиц к административным санкциям законодатель закрепил обязательное условие – установление факта виновности, что аналогично требованиям, предъявляемым к физическим лицам. Признавая корпорации участниками правоотно-

шений в сфере административных правонарушений, нормативные акты содержат четкое положение: применение мер ответственности к таким субъектам возможно только при доказанности их вины.

Современная доктрина административной ответственности должна представлять собой синтетическую модель, органично сочетающую в себе фундаментальные принципы правового демократического государства, достижения теоретико-правовой мысли и данные эмпирических исследований о динамике и структуре правонарушаемости. Этот правовой институт обладает сложной, полифункциональной природой. С одной стороны, он выступает ключевым инструментом реализации административной политики государства, механизмом оперативного реагирования на вызовы публичному порядку. С другой – служит гарантией защиты общезначимых интересов, выполняя охранительную и превентивную роль через установление четких правовых запретов и применение адекватных санкций. Принципиально важно, чтобы весь этот процесс осуществлялся в рамках демократического, состязательного и публичного юрисдикционного производства, обеспечивающего как эффективность, так и справедливость.

Анализ современной российской правовой системы выявляет устойчивый и глубокий дисбаланс, выражающийся в доминировании уголовно-репрессивных инструментов регулирования общественных отношений. Административная деликтность традиционно воспринимается как сфера второстепенной, «несерьезной» противоправности, что является методологической ошибкой. Хроническая недооценка кумулятивной общественной опасности массовых административных проступков оказывает деструктивное влияние на общее состояние правопорядка, деформирует правосознание граждан, создавая иллюзию безнаказанности за «мелкие» нарушения, и тормозит совершенствование правоприменительной практики. Отсутствие в России единой, научно обоснованной и законодательно закрепленной государственной политики в сфере противодействия административным правонарушениям приводит к фрагментарности и бессистемности принимаемых мер. Это актуализирует острую необходимость в разработке и реализации долгосрочных системных ориентиров, способных стать основой для построения эффективного барьера против разнообразных противоправных посягательств, подрывающих основы общественной безопасности и нормального функционирования государства.

Реализация такой эффективной политики невозможна без внедрения комплексного, межотраслевого подхода, который интегрировал бы в единую стратегию социальные, экономические и собственно правовые механизмы.

Среди приоритетных задач в этой сфере можно выделить, во-первых, унификацию критериев правовой оценки составов административных правонарушений на федеральном уровне, что позволит преодолеть региональный партикуляризм и обеспечить единство правового пространства. Во-вторых, необходима тщательная оптимизация системы административно-правовых запретов, их «ревизия» на предмет актуальности, соразмерности и непротиворечивости. Устаревшие, неэффективные или избыточные составы должны быть декриминализированы (переведены в разряд дисциплинарных проступков или вовсе отменены), в то время как новые вызовы (например, в цифровой сфере, экологии, финансовых технологиях) требуют своевременного и точного законодательного реагирования. Только такой всесторонний и сбалансированный подход может обеспечить трансформацию института административной ответственности из инструмента сиюминутного контроля в устойчивый фундамент правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляров, С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4(27). С. 49–51.

2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

3. Щанкина, Л. Н. Антикоррупционное законодательство в годы советской власти / Л. Н. Щанкина // Экономика. Право. Общество. 2019. № 4(20). С. 72–79.

4. Колоколов, Н. А. Рассмотрение дел об административных правонарушениях. Практика судов общей юрисдикции: учебное пособие. Москва: Юнити-Дана, 2015. 439 с.

5. Камолов, С. Г. Институт административной ответственности / С. Г. Камолов, Е. А. Кириллова, А. В. Павлюк. Москва: Актуальность.РФ, 2017. 208 с.

УДК 342.7

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ: АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ И ПРОЦЕДУРНЫХ ПРАКТИК

Вешнякова Дарина Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811758@ruc.su

INSTITUTIONAL ARRANGEMENTS FOR LOCAL ADMINISTRATION: ANALYSIS OF STRUCTURAL MODELS AND PROCEDURAL PRACTICES

Veshnyakova Darina Yurievna, graduate student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется комплекс институциональных механизмов, определяющих конфигурацию и генезис местной администрации как ключевого органа исполнительно-распорядительной власти на муниципальном уровне. Результаты исследования указывают на существование «институционального разрыва» между законодательными предписаниями и реальными практиками, преодоление которого видится в целенаправленном проектировании процедурных механизмов, усиливающих публичную подотчетность и меритократический принцип.

Ключевые слова: местная администрация, институциональные механизмы, структурная модель, процедурные практики, муниципальное управление, формирование администрации, легитимность, эффективность, институциональный дизайн.

The article examines the complex of institutional mechanisms that determine the configuration and genesis of local administration as a key executive and administrative authority at the municipal level. The results of the study indicate the existence of an "institutional gap" between legislative prescriptions and real practices, the overcoming of which is seen in the purposeful design of procedural mechanisms that strengthen public accountability and meritocratic principle.

Keywords: local administration, institutional arrangements, structural model, procedural practices, municipal administration, administration formation, legitimacy, efficiency, institutional design.

Актуальность исследования механизмов формирования местной администрации обусловлена ее уникальной позицией в системе публичной власти. Будучи формально институтом местного самоуправления, администрация является тем самым «исполнительным проводником», через который политические решения представительного органа и потребности местного социума трансформируются в конкретные действия и услуги. Однако традиционный научный дискурс часто ограничивается либо сухим комментированием статей уставов муниципальных образований, либо общими рассуждениями об организационных структурах [1]. При этом упускается из вида динамическая и комплексная природа самого процесса формирования – того, как абстрактные правовые нормы и схемы организационных связей воплощаются в реальный административный аппарат с его компетенциями, корпоративной культурой и эффективностью [2].

Процедурные практики – это конкретные, повторяющиеся способы реализации нормативных предписаний в процессе наполнения структурной модели кадрами, ресурсами и повседневными операциями. Сюда относятся практики проведения конкурсов на замещение должностей, организации публичных слушаний по важным кадровым решениям, адаптации и наставничества новых сотрудников, взаимодействия структурных подразделений через проектные рабочие группы. Если модель – это архитектурный план, то процедурные практики – это технологии строительства и последующей жизни в здании.

На основе анализа уставов муниципальных образований и управленческой практики можно выделить три чистые (идеально-типические) структурные модели.

1. Модель «Сильный глава» (Моноцентричная). В данной модели глава муниципального образования, избираемый непосредственно населением, по совместительству возглавляет и местную администрацию. Эта конфигурация создает максимальную концентрацию политической и административной власти в одних руках. Структурно администрация выстраивается как строго иерархическая пирамида, где все ключевые назначения (первых заместителей, руководителей департаментов) осуществляются лично главой, что теоретически должно обеспечивать высокую управляемость и скорость принятия решений. Однако ключевой риск данной модели – чрезмерная персонализация власти и зависимость устойчивости всей системы от личных качеств и политического веса одного человека.

2. Модель «Коллегиальный менеджмент» (Контрактная). Данная модель строится на принципе разделения статусов. Глава муниципального образования председательствует в представительном органе и обладает в основном представительскими и контрольными функциями. Непосредственное руководство администрацией осуществляет глава местной администрации, нанимаемый по контракту на конкурсной основе. Эта модель стремится к профессионализации управления, внедрению меритократических принципов и четкому разделению «политики» (определение стратегии представительным органом) и «администрирования» (ее реализация управляющим). Ее структурный изъян – потенциальная конфликтность на стыке полномочий избранного совета и нанятого менеджера, а также риск отрыва управленца от локального политического контекста.

3. Гибридная (Дуалистическая) модель. Эта модель пытается совместить достоинства предыдущих. Глава муниципального образования, избранный населением, возглавляет администрацию, но при этом для замещения должности главы администрации (первого заместителя, обладающего особыми полномочиями) проводится открытый конкурс. Таким образом, политическая легитимность и

общее руководство обеспечиваются прямым мандатом от избирателей, а профессиональное «наполнение» ключевой исполнительной позиции – конкурсным отбором. Структурно это создает сложную систему сдвоенного лидерства, где успех зависит от качества личных и деловых отношений между политическим главой и профессиональным управляющим.

Выбор структурной модели предопределяет доминирующий набор процедурных практик, которые и определяют, будет ли администрация эффективным инструментом или бюрократической формальностью.

При модели «Сильный глава» доминируют «практики персонального доверия и клиентелизма». Кадровые назначения, хотя и могут формально проходить через комиссии, на деле часто становятся результатом непубличных договоренностей, укрепления личной лояльности. Процедура здесь выступает не как фильтр компетенций, а как инструмент легитимации заранее принятого решения. Это может порождать эффективную «команду», но несет риски группового мышления и коррупционных связей.

При модели «Коллегиальный менеджмент» центральное место занимают «практики открытого конкурса и профессиональной оценки». Процедура отбора управляющего и его команды становится ключевым публичным событием, предполагающим четкие критерии, участие независимых экспертов, открытую защиту программ. Последующие практики – это регулярная отчетность перед думой на основе KPI (ключевых показателей эффективности), закрепленных в контракте. Риск здесь – в «процедурном формализме», когда блестяще составленное резюме и программа не гарантируют умения работать в сложной социальной среде конкретного муниципалитета.

При гибридной модели возникает наиболее сложный клубок процедурных практик, требующий высочайшей институциональной культуры. Здесь должны сочетаться «практики политического согласования» (между главой и избравшим его советом по кандидатуре управляющего) и «практики профессионального отбора» (конкурсная комиссия). Крайне важной становится практика четкого нормативного разграничения зон ответственности между главой и его первым заместителем, что требует детальных регламентов взаимодействия. Успех этой модели напрямую зависит от способности процедур сбалансировать политическую волю и профессиональную экспертизу.

Проведенный анализ позволяет выявить устойчивый институциональный разрыв между декларируемыми целями структурных моделей и реальными процедурными практиками. Законодательство, задавая модель, часто остается «глухим» к технологии ее реализации. Это приводит к следующим системным проблемам:

1. Доминирование неформальных практик над формальными процедурами, особенно в вопросах кадрового формирования.

2. Дефицит публичности и общественного контроля на этапе ключевых кадровых и структурных решений внутри администрации.

3. Отсутствие стандартизированных, но гибких процедур адаптации и профессионального роста муниципальных служащих, что ведет к стагнации административного аппарата.

В качестве направлений оптимизации институционального дизайна предлагается:

– процедурализация конкурсных механизмов: переход от оценки только документов к комплексным ассессмент-центрам, моделирующим реальные управленческие ситуации конкретного муниципалитета;

– внедрение практик публичной отчетности «по целям»: регулярные публичные выступления руководителей администрации с отчетами не только о проделанной работе, но и о достижении конкретных, измеримых целей, сформулированных в стратегии развития;

– создание института внутреннего аудита и наставничества: формализованные процедуры передачи опыта и регулярной независимой оценки эффективности внутренних процессов, направленные не на поиск виновных, а на организационное обучение;

– развитие межмуниципальных процедурных стандартов: создание ассоциациями муниципалитетов типовых, но вариативных регламентов ключевых процедур (конкурса, планирования, взаимодействия с общественностью), что позволит накапливать и тиражировать лучшие практики.

Специализированные отделы различной направленности – территориальные, отраслевые и исполнительные составляют основу административной структуры. Для обеспечения деятельности муниципальных органов формируется вспомогательная служба, ответственная за материально-техническое обеспечение, информационную поддержку, юридическое сопровождение и организацию процессов. Утверждение структуры муниципального управления происходит после того, как глава администрации вносит соответствующую инициативу на рассмотрение представительного собрания.

Функционирование данного подразделения регулируется специальным положением, закрепляющим его полномочия и принимаемым в порядке, установленном уставом муниципалитета. Формиро-

вание организационного устройства такого подразделения находится в компетенции либо руководителя исполнительной власти единолично, либо коллегиального представительного органа, который принимает решение на основании инициативы руководителя [3]. Отношения государства и гражданина необходимо выстраивать на фундаменте основ права в качестве – публично-правовых связей, предполагающих взаимное признания прав и свобод [4].

Таким образом, формирование местной администрации предстает не как единовременный акт создания организационной схемы, а как непрерывный и конфликтный процесс институционального строительства, в котором структурная модель задает лишь общие рамки. Качество и эффективность итогового института определяются «здравым смыслом» процедурных практик, которые наполняют эту модель конкретными отношениями, людьми и ежедневными решениями.

Действительное качество, дееспособность и легитимность создаваемого института определяются не столько формальным выбором одной из этих моделей, сколько характером и содержанием «процедурных практик», которые наполняют данный каркас живой социальной материей. Именно повседневные «здравомыслящие» практики – от деталей проведения конкурсного отбора до неформальных кодексов взаимодействия между подразделениями – выступают «ключевым транслятором, опосредующим переход от формального порядка к реальному функционированию». Они конституируют конкретные отношения власти и подчинения, формируют корпоративную культуру, определяют траекторию профессионального роста служащих и, в конечном счете, предрешают способность администрации решать публичные задачи.

В свете этого наиболее продуктивным вектором эволюции местного управления представляется движение от ригидного следования какой-либо одной «чистой» структурной парадигме в сторону стратегического «гибкого гибридного моделирования». Суть данного подхода заключается в сознательном проектировании такой институциональной конструкции, где четкая, нормативно обеспеченная структура органично сопрягается с детально проработанным, адаптивным и прозрачным комплексом процедурных механизмов. Таким образом, фокус научного и практического дискурса должен сместиться с вопроса «Какая структура лучше?» к более комплексному исследованию: «Каким образом, через какие конкретные процедурные механизмы и практики, любая выбранная структура может быть наполнена качествами эффективности, инновационности и публичной легитимности?» Ответ на этот вопрос составляет основу для новой повестки в реформе местного самоуправления, ориентированной на тонкую настройку его процессуальной, а не только структурной, архитектоники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарипов, А. Р. Местная администрация в системе органов местного самоуправления / А. Р. Шарипов // Молодой ученый. 2025. № 51(602). С. 668–672.

2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск: АНС «Сибирская академическая книга», 2015. 140 с.

3. Савлов, Е. А. Структура и порядок формирования местной администрации // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. С. 142–146.

4. Чичеров, Е. А. Институты гражданского общества и их взаимодействие с правовым государством / Е. А. Чичеров, С. Б. Котляров // III юридические чтения: материалы научно-практической конференции, Саранск, 16 ноября 2017 года. Саранск: Принт-Издат, 2017. С. 20–22.

УДК 342.7

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ: ДИАГНОСТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

Вешнякова Дарина Юрьевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811758@ruc.su

MUNICIPAL GOVERNANCE BETWEEN AUTONOMY AND CENTRALIZATION: DIAGNOSING INSTITUTIONAL PITFALLS AND ADAPTATION STRATEGIES

Veshnyakova Darina Yurievna, graduate student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу фундаментального противоречия современной российской модели местного самоуправления, функционирующей в пространстве между конституционной нормой об автономии и практикой усиливающейся административной централизации. Цель исследования заключается в выявлении и диагностике устойчивых институциональных ловушек, возникающих на этом поле напряжения, и в разработке стратегий адаптации муниципального управления к условиям асимметричной децентрализации.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное управление, автономия, централизация, институциональная ловушка, асимметричная децентрализация, адаптивные стратегии, управленческий потенциал, публичный дискурс.

The article is devoted to the analysis of the fundamental contradiction of the modern Russian model of local self-government, functioning in the space between the constitutional norm on autonomy and the practice of increasing administrative centralization. The aim of the study is to identify and diagnose persistent institutional pitfalls arising from this stress field and to develop strategies to adapt municipal government to asymmetric decentralization.

Keywords: local government, municipal government, autonomy, centralization, institutional trap, asymmetric decentralization, adaptive strategies, management potential, public discourse.

Местное самоуправление, в своей идеальной форме, задумано как автономный комплексный социально-политический институт, призванный независимо от прямого диктата государственного аппарата идентифицировать и разрешать актуальные проблемы локальных сообществ. Однако ключевая дисфункция этой системы в текущих реалиях коренится в глубокой институциональной асимметрии, проявляющейся в хроническом дисбалансе между объемом делегированных полномочий и реальным доступом к необходимым ресурсам и управленческим компетенциям. Следствием низкой дееспособности многих муниципальных образований становится не только локальная стагнация, но и накопление рисков, оказывающих в перспективе дестабилизирующее воздействие на всю государственную систему.

Исторический опыт и современная практика однозначно указывают на то, что унаследованная модель местного самоуправления в России в значительной степени утратила синхронность с вызовами времени. Институты муниципальной власти сегодня существуют в условиях перманентного стресса, обусловленного противоречивыми требованиями, ресурсным голодом и не всегда четким разграничением ответственности. Это делает императивом проведение системного, беспристрастного аудита сложившейся ситуации, целью которого должна стать не констатация неудач, а выявление узловых проблем для последующей выработки адресных и эффективных мер.

Проблемное поле местного самоуправления в России уже несколько десятилетий определяется динамичным и зачастую конфликтным взаимодействием двух разнонаправленных векторов: формально-юридического, провозглашающего самостоятельность и автономию муниципальной власти, и реально-политического, характеризующегося устойчивой тенденцией к централизации управленческих и ресурсных потоков. Это противоречие не является сугубо российским феноменом, но в отечественном контексте оно приобретает особую остроту и драматизм, формируя специфическую среду, в которой вынуждены действовать муниципалитеты. Традиционные подходы, оценивающие данную ситуацию либо с позиции нормативистской критики «ущемления прав», либо с точки зрения управленческой целесообразности «укрепления вертикали», оказываются недостаточными. Они схватывают лишь внешние проявления глубинного институционального конфликта.

Понятие «институциональная ловушка», введенное в научный оборот В. М. Полтеровичем, описывает неэффективную, но устойчивую институциональную конфигурацию, из которой трудно выйти, несмотря на наличие потенциально более выгодных альтернатив [1]. Ловушка характеризуется тремя признаками: устойчивостью (self-enforcement), неэффективностью с точки зрения общественного благосостояния и существованием теоретически лучшего равновесия.

Применительно к муниципальному управлению в условиях асимметричной децентрализации этот концепт оказывается чрезвычайно эвристичным. Муниципалитет оказывается в положении «институционального тампонирования»: сверху на него давят унифицирующие требования, стандарты и регламенты центра, а снизу – конкретные, часто неформализуемые запросы местного сообщества. В этом сжатом пространстве и рождаются адаптивные, но тупиковые практики, которые со временем кристаллизуются в ловушки.

Для анализа мы используем также идеи «неоинституционализма» (Д. Норт) о правилах игры и «теории стратегического действия» (П. Бурдье), рассматривая муниципальное управление как поле, где сталкиваются различные формы капитала (административный, символический, социальный) [2]. Централизация, в этой логике, является инструментом концентрации административного капитала на верхних уровнях, что вынуждает местные власти искать обходные пути и новые ресурсы для сохранения агентности.

На основе анализа практик и нормативных коллизий можно выделить три взаимосвязанные институциональные ловушки, определяющие логику современного муниципального управления:

1. Ловушка финансовой суверенности (или «ловушка нефинансируемого мандата»). Это базовая и наиболее очевидная ловушка. Ее суть – в углубляющемся разрыве между объемом переданных на местный уровень публичных обязательств (особенно в сфере социальных услуг) и реальными возможностями местных бюджетов. Механизм самоподдержания таков: дефицит собственных доходов

(прежде всего, налогооблагаемой базы) делает муниципалитет хронически зависимым от регулирующих доходов и субвенций из вышестоящего бюджета. Эта зависимость, в свою очередь, лишает муниципалитет стимулов к развитию собственной экономической базы (ибо дополнительные доходы могут быть изъяты через механизм межбюджетных отношений), а также делает его уязвимым к внезапным изменениям в правилах распределения средств. Возникает порочный круг «бедности и зависимости»: недостаток средств → зависимость от трансфертов → отсутствие стимулов и возможностей для экономического роста → консервация недостатка средств. Муниципалитет де-факто превращается в филиал региональной администрации по исполнению порученных функций, теряя мотивацию и способность к самостоятельному стратегическому планированию.

2. Ловушка нормативной гибридизации (или «ловушка двойного биндинга»). Эта ловушка менее очевидна, но более коварна. Она возникает из-за одновременного действия двух противоречащих друг другу систем норм. С одной стороны, муниципалитет обязан следовать принципам инициативы, приближенности к населению, гибкости в решении местных вопросов (логика автономии). С другой – он закован в жесткую броню федерального и регионального законодательства, отраслевых регламентов, стандартов оказания услуг, требований к отчетности (логика централизации). Руководитель местной администрации оказывается в ситуации «двойного зажима» (double bind): от него требуют одновременно инициативности и безупречного следования инструкциям, инноваций и нулевой терпимости к риску. Выходом становится ритуализация деятельности: формальное соблюдение всех предписаний «сверху» при минимальной реальной ответственности за итоговый результат для территории. Энергия управления уходит не на решение проблем, а на симуляцию отчетности и уклонение от потенциальных санкций.

3. Ловушка персональной зависимости (или «ловушка верности»). В условиях, когда формальные институциональные каналы передачи ресурсов и согласования решений непрозрачны или неэффективны, на первый план выходят «неформальные сети и персональные связи». Карьерный успех муниципального руководителя, получение дополнительного финансирования или одобрение важной инициативы начинают зависеть не столько от объективных показателей работы территории, сколько от личных отношений с курирующими представителями региональной власти. Это приводит к подмене «институциональной лояльности (верности закону и публичным интересам территории) персональной верностью» конкретному покровителю. Система воспроизводится, так как региональные руководители заинтересованы в лояльных «командорах» на местах, а муниципальные – в сохранении доступа к ресурсам через «своего» человека. В результате выхолащивается сама идея местного самоуправления как института, ответственного перед населением; механизмы общественного контроля и выборности теряют смысл, уступая место логике закрытых коалиций.

Преодоление институциональных ловук требует не пассивного ожидания изменений «сверху», а активной выработки адаптивных стратегий на местном уровне. Эти стратегии направлены не на конфронтацию с системой, а на поиск «зон возможного развития» внутри заданных ограничений, к числу таких стратегий следует отнести:

1. Стратегия «Инструментальной рациональности и публичной прозрачности». Вместо того чтобы бороться с финансовой зависимостью, можно «публично и максимально детализированно ее актуализировать». Речь идет о переходе от сметного планирования к «проектному управлению» и формированию «бюджета для граждан». Муниципалитет может разрабатывать и публично представлять четкие, измеримые проекты развития территории с понятными KPI (ключевыми показателями эффективности), привязывая запросы на финансирование не к абстрактным статьям расходов, а к конкретным результатам. Это создает новый язык коммуникации с регионом (язык результата, а не просительства) и одновременно усиливает давление со стороны местного сообщества, которое становится бенефициаром понятных проектов. Прозрачность становится активом, а не угрозой.

2. Стратегия «Горизонтальной кооперации и коллективного действия». Преодолеть атомизацию и слабость отдельного муниципалитета можно через создание «межмуниципальных альянсов». Это могут быть как формальные объединения (межмуниципальные хозяйственные общества для совместного приобретения техники, организации сбыта продукции), так и неформальные профессиональные сети глав администраций, специалистов по отдельным вопросам (ЖКХ, благоустройство, социальная политика). Подобные горизонтальные структуры позволяют: а) экономить ресурсы за счет эффекта масштаба; б) обмениваться лучшими практиками и адаптивными решениями; в) формировать коллективную переговорную позицию на региональном уровне, ломая логику «разделяй и властвуй».

3. Стратегия «Конструирования местной публичной сферы». Чтобы выйти из ловушки персональной зависимости, необходимо «перенести точку приложения легитимности с вертикальных связей на горизонтальные» – то есть на местное сообщество. Для этого требуется целенаправленная работа по

созданию и укреплению публичной сферы на территории. Инструментами здесь выступают: институализация публичных слушаний с реальным, а не формальным учетом мнений; развитие территориального общественного самоуправления (ТОС) как полигона для гражданских инициатив; активное использование цифровых платформ для обсуждения проектов и сбора обратной связи; системная работа со местными СМИ и блогерами. Символический капитал, полученный от признания населения, становится важным ресурсом в диалоге с вышестоящими уровнями власти, компенсируя дефицит административного капитала.

Муниципальное управление в современной России действительно балансирует между полюсами автономии и централизации, но это балансирование напоминает не движение по широкой дороге, а переход по канату над институциональной пропастью, где внизу поджидают описанные ловушки. Диагностика этих ловушек – финансовой суверенности, нормативной гибридизации и персональной зависимости – позволяет перейти от эмоциональной оценки происходящего к трезвому системному анализу [3].

Предложенные стратегии адаптации – инструментальная прозрачность, горизонтальная кооперация и конструирование публичной сферы – представляют собой не универсальную «панацею», а набор инструментов для «повышения адаптивной способности» муниципальной власти. Их суть заключается в том, чтобы, признав неизбежность существующих ограничений, начать активно формировать внутри них новые источники легитимности, ресурсов и управленческой эффективности.

Таким образом, будущее местного самоуправления связано не с ностальгией по утраченной автономии, а с развитием нового типа муниципальной субъектности – гибкой, сетевой, коммуникативно-компетентной и ориентированной на конкретный публичный результат. Успешным станет не тот муниципалитет, который больше всех борется за «права», а тот, который сумеет наиболее искусно интегрировать внешние требования и внутренние потребности, превращая институциональные ограничения в рамки для инновационных решений. Этот путь требует от муниципальных управленцев не только административных навыков, но и качеств социальных инженеров и публичных дипломатов, способных выстраивать сложные балансы интересов в многомерном пространстве современного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович. Москва: ЦЭМИ РАН и РЭШ, 1999. 432 с.

2. Лесик, Е. В. Институционализм и неоинституционализм в контексте политической системы / Е. В. Лесик // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Т. 13, № 5-1. С. 9–19.

3. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2015. 140 с.

УДК 342.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУБЪЕКТОВ В МЕХАНИЗМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Голубев Владимир Владимирович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810377@ruc.su

PROCEDURAL RIGHTS AND OBLIGATIONS OF SUBJECTS IN THE ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS MECHANISM

Golubev Vladimir Vladimirovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию функциональной роли процессуальных прав и обязанностей как ключевых элементов правового механизма административного производства. Автор анализирует динамическое взаимодействие субъектов через призму корреспондирующих возможностей и требований, обеспечивающих реализацию материальных норм.

Ключевые слова: административное производство, процессуальные гарантии, правовой механизм, административная юрисдикция, ответственность, правоспособность.

The article is devoted to the study of the functional role of procedural rights and obligations as key elements of the legal mechanism of administrative proceedings. The author analyzes the dynamic interaction of subjects through the prism of corresponding capabilities and requirements that ensure the implementation of material norms.

Keywords: administrative proceedings, procedural guarantees, legal mechanism, administrative jurisdiction, responsibility, legal capacity.

Анализ административно-процессуального статуса участников правоотношений выявляет существенные пробелы в законодательном регулировании. Фактически, выявление правонарушения уполномоченным органом служит юридическим фактом, порождающим административное производство и, как следствие, специальный правовой статус для привлекаемых к ответственности лиц.

Законодательство определяет участника общественных правоотношений как индивида, наделённого совокупностью прав и обязательств, установленных нормативными актами. Данная категория включает двойственную природу: юридическая составляющая означает официальное подтверждение через действующие нормы права возможности обладать правами и нести обязанности, выступая стороной в правоотношениях; социальная же сторона предполагает функционирование определённого лица как самостоятельной единицы, способной формировать собственную волю и воплощать её в действительность [1, с. 138–139].

Сущность правового статуса проистекает из его системной природы. Он формируется под воздействием целого комплекса факторов: конституционных норм, отраслевого законодательства, индивидуальных актов, а также – что особенно важно – неотъемлемых, природных качеств субъекта (например, правоспособность человека возникает в момент рождения). Правовое же положение является производным от статуса и актуализирует его в конкретных обстоятельствах. К примеру, конституционный статус гражданина включает в себя фундаментальные права на жизнь, труд, защиту достоинства. Однако его «правовое положение» как налогоплательщика, военнообязанного, участника договора долевого строительства или усыновителя детализирует и конкретизирует этот статус, наделяя субъекта специальными правами и обязанностями в данных узких сферах. Продолжая мысль, важно отметить, что расширительное понимание правового статуса открывает путь для более тонкого юридического анализа. Оно позволяет исследовать не только формально-юридическую сторону взаимодействия индивида и государства, но и его фактическую составляющую. Реальная реализация статуса может существенно отличаться от декларируемой из-за социально-экономических условий, уровня правовой культуры, эффективности работы институтов. Таким образом, статус существует в двух плоскостях: как идеальная модель, прописанная в законе, и как жизненная практика, наполненная существующими барьерами и возможностями. Именно такой, широкий подход к категории правового статуса служит основой для укрепления правового государства, где каждый субъект не просто является пассивным носителем набора предписаний, а выступает активным обладателем гарантированной системой целостной правовой личности, которая динамично развивается и реализуется во множестве конкретных правовых положений [2, с. 118]. Несмотря на взаимозависимость и невозможность раздельного функционирования, исследователи традиционно классифицируют правовой статус на три категории. В широком понимании этот термин охватывает ключевые юридические отношения, формирующиеся в системе координат «государство-социум», включая взаимодействие властных структур с отдельными членами общества. Характерной особенностью данной концепции является её абстрактная природа: речь идёт не об индивидуальных характеристиках конкретной личности в её отношениях с властью, а о формальной связи между государственным аппаратом и индивидом, основанной исключительно на факте принадлежности последнего к гражданству страны.

Правовая связь между человеком и страной определяется через общепризнанный механизм гражданства, который действует повсеместно. Согласно российскому законодательству о гражданстве, данное понятие представляет собой устойчивые юридические отношения лица с государством, основанные на обоюдных правах и обязательствах сторон [3].

Административно-процессуальная правосубъектность представляет собой юридически оформленную возможность – как отдельных лиц, так и групп субъектов – осуществлять предоставленные полномочия и нести соответствующие обязательства. Субъекты административных правоотношений обладают определённым набором правомочий и должны выполнять установленные для них обязательства [4, с. 116]. Данный термин допустимо трактовать и как зафиксированную законодательными нормами возможность обладать индивидуальным юридическим положением, объединяющим две ключевые правовые характеристики – способность обладать правами и способность самостоятельно их реализовывать [5, с. 9].

Правоспособность представляет собой закрепленную в законодательстве и гарантированную государством абстрактную возможность лица быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей. С момента рождения каждый гражданин приобретает определенный объем таких потенциальных возможностей, который в дальнейшем конкретизируется и дополняется обязанностями. Реализация этой абстрактной возможности в конкретные правоотношения происходит при наступлении установленных законом юридических фактов, что позволяет лицу выступать в качестве субъекта административно-процессуальных отношений [6, с. 5].

Статус потерпевшего может получить абсолютно каждый человек вне зависимости от его личных характеристик благодаря существованию общей правоспособности. Способность субъекта участвовать в определённой категории юридических связей, скажем, в административном судопроизводстве, характеризует его специализированную компетенцию в рамках отдельной сферы права [7, с. 226]. Претворение в жизнь указанного правомочия не является автоматическим следствием его формального закрепления. Оно обусловлено наличием у конкретного субъекта ряда строго определённых характеристик, которые в совокупности формируют его правовой образ применительно к процедурной деятельности. Нормы процессуального административного права устанавливают своего рода «допуск» к совершению значимых действий, предъявляя комплекс требований к правосубъектности. Следовательно, возможность действовать возникает только в точке пересечения двух элементов: наличия самого права и полной правовой готовности субъекта это право реализовать в установленной процессуальной форме

Для освобождения от административной ответственности по признаку невменяемости необходимо одновременное наличие двух критериев: медицинского и юридического. Судебное решение о недееспособности гражданина выносится только на базе результатов психиатрического экспертного исследования. Человек, получивший статус невменяемого, освобождается от административных санкций, так как теряет ключевую составляющую своей правоспособности действовать осознанно.

Российское законодательство предусматривает правовые механизмы, позволяющие индивиду обрести полный объем гражданской дееспособности до достижения восемнадцатилетнего возраста. Одним из таких оснований является вступление в законный брак. С момента государственной регистрации союза несовершеннолетнее лицо автоматически и в полном объеме наделяется дееспособностью, что уравнивает его в правах и обязанностях с совершеннолетними гражданами. Принципиально важно, что приобретенный статус носит безвозвратный характер: даже в случае расторжения брака дееспособность сохраняется в полной мере.

Параллельно существует процедура эмансипации – судебного или уполномоченным органом признания полностью дееспособным гражданина, достигшего шестнадцати лет. Ключевым критерием здесь служит не возраст как таковой, а комплексная оценка уровня развития личности. Для положительного решения необходимо доказать наличие устойчивой финансовой самостоятельности (например, от трудового договора или предпринимательской деятельности), достаточного психического развития для осознания юридических последствий своих действий, а также общей социальной зрелости. Процедура инициируется с осознанного согласия самого несовершеннолетнего и при обязательном одобрении его законных представителей, что создает дополнительные гарантии защиты интересов личности. Таким образом, правопорядок, признавая общее правило о совершеннолетии, гибко подходит к ситуациям, когда несовершеннолетний в силу жизненных обстоятельств или личных качеств готов нести всю полноту гражданско-правовой ответственности. Согласно статье 2.3 КоАП РФ, субъектом административной ответственности является лицо, достигшее к моменту совершения правонарушения шестнадцатилетнего возраста.

В отечественной административно-правовой доктрине термины «участник» и «субъект» административного процесса не являются тождественными, что отражает различную функциональную нагрузку данных правовых категорий. Субъектами правоприменения принято считать государственные органы и должностных лиц, которые наделены властной компетенцией для осуществления административно-распорядительной деятельности. Именно они выступают инициаторами и двигателями административных производств, принимая обязательные решения в рамках установленных процедур. Например, инспектор ГИБДД, составляющий протокол об административном правонарушении, реализует именно статус субъекта, применяя нормы права к конкретной ситуации.

С другой стороны, участниками производства являются лица, вовлекаемые в процессуальные отношения для реализации своих прав, выполнения обязанностей или содействия в установлении обстоятельств дела. Их правовое положение детерминировано не властными полномочиями, а конкретной процессуальной ролью. Исчерпывающий перечень таких лиц закреплен в главе 25 КоАП РФ. К ним относятся, в частности: лицо, в отношении которого ведется производство (привлекаемое к ответственности), потерпевший, их законные представители и защитники, свидетели, понятые, специалисты, эксперты, переводчики, а также прокурор. Особо стоит отметить Уполномоченного по защите прав предпринимателей, который может вступить в процесс для обеспечения специальных гарантий для данной категории лиц. Практическим примером здесь может служить участие защитника, который, не будучи субъектом правоприменения, активно влияет на ход дела, представляя доказательства и заявляя ходатайства от имени своего доверителя.

Особое место в этой системе занимает «судья». Его статус носит двойственный характер: с одной

стороны, он является органом правосудия и разрешает административные споры, обеспечивая независимость и беспристрастность разбирательства. С другой стороны, при рассмотрении ряда категорий дел (например, о привлечении к административной ответственности) судья выполняет функции субъекта правоприменения, вынося властные решения о назначении наказания. Его особая роль подчеркивается и исключительной компетенцией: только суд вправе назначать наиболее строгие виды административных наказаний, такие как административный арест или дисквалификация, что прямо предусмотрено статьей 3.2 КоАП РФ. Это иллюстрирует, как процессуальный статус определяет границы полномочий: в отличие от должностного лица органа исполнительной власти, судья обладает несравнимо более широкой юрисдикцией.

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что содержание прав и обязанностей участников административного процесса, а также степень влияния на исход дела, напрямую зависят от той конкретной процессуальной задачи, которую он призван выполнять в рамках данного производства – будь то защита, обвинение, свидетельствование или разрешение дела по существу. Именно эта дифференциация ролей, закрепленная в законе, составляет основу для эффективного и справедливого административного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 томах / С. С. Алексеев. Том 2. Москва: Юридическая литература, 1982. 360 с.
2. Котляров, С. Б. Институты гражданского общества – феномен правового государства / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Право и образование. 2017. № 7. С. 117–122.
3. Коррупция: основные тенденции противодействия: Коллективная монография / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.]; под редакцией Л. А. Андреевой. Новосибирск: СибАК, 2015. 196 с.
4. Груздев, В. В. О сущности гражданской правосубъектности / В. В. Груздев // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2(87). С. 113–121.
5. Ермолаева, Т. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания / Т. А. Ермолаева, А. А. Ананьева // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 12(157). С. 9–18.
6. Братусь, С. Н. Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. Москва: Изд-во Юридической литературы, 1950. 368 с.
7. Баринов, С. В. Понятие, правовая природа и специфика правового статуса участников административного процесса / С. В. Баринов, Л. Н. Свешникова // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 3А. С. 224–230.

УДК 342.5

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ОРГАНАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СТРАТЕГИИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гулькина Екатерина Николаевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810378@ruc.su

CONFLICT OF INTEREST IN PUBLIC AUTHORITIES: TOOLS OF LEGAL REGULATION AND STRATEGIES FOR ITS IMPROVEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gulkina Ekaterina Nikolaevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию феномена конфликта интересов как ключевого вызова для целостности системы публичного управления в Российской Федерации. В работе проводится анализ действующего правового инструментария, выявляются его системные лакуны и противоречия, препятствующие эффективному предурегулированию конфликтных ситуаций. Автором обосновывается необходимость перехода от реактивных к проактивным стратегиям, включающим цифровизацию комплаенс-процедур и интеграцию риск-ориентированного подхода. В заключение предлагается модель совершенствования регулирования, базирующаяся на принципах превенции, процессуальной прозрачности и формировании институциональной этической культуры.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, противодействие коррупции, правовое регулирование, публичная должность, административно-правовые нормы, служебное поведение.

The article is devoted to the study of the phenomenon of conflict of interest as a key challenge to the integrity of the public administration system in the Russian Federation. The work analyzes the current legal tools, identifies its systemic gaps and contradictions that impede the effective pre-settlement of conflict situations. The author justifies the need to switch from reactive to proactive strategies, including digitalization of compliance procedures and integration of a risk-based approach. In conclusion, a model for improving regulation is proposed, based on the principles of prevention, procedural transparency and the formation of an institutional ethical culture.

Keywords: conflict of interest, public service, anti-corruption, legal regulation, public position, administrative and legal norms, official behavior.

Совершенствование правового регулирования конфликта интересов в системе российской государственной гражданской службы представляет собой насущную задачу, что подтверждается анализом его современного состояния. Последнее характеризуется выраженной структурной асимметрией: несмотря на существенные усилия федерального законодателя и уполномоченных органов власти, результатом которых за последнее десятилетие стало формирование в целом развитой нормативной базы, в указанной сфере сохраняется целый комплекс нерешенных проблемных вопросов, подрывающих эффективность всего механизма.

В структуре противоправных явлений особая общественная опасность традиционно отводится коррупции в органах публичной власти. Эта угроза обусловила появление в научной среде предложений о формировании в системе Министерства внутренних дел России специализированного аналитического подразделения. Его миссией стал бы всесторонний анализ генезиса и трансформации коррупционных проявлений в регионах, их классификация, а также исследование криминальной мотивации должностных лиц.

Следует признать, что российское антикоррупционное законодательство, включая нормы о предотвращении конфликта интересов, за последние годы претерпело качественную эволюцию. Позитивная динамика подтверждается растущей эффективностью профилактических мер. Законодатель не ограничился текущим совершенствованием, а реализовал стратегию опережающего правового регулирования, установив превентивные барьеры для возникновения конфликтов между личными и публичными интересами на службе [1].

Нормами российского права на государственного служащего возложена активная обязанность по участию в предупреждении и урегулировании конфликтов интересов. Данная превентивная установка закреплена в статье 10 и 11 Федерального закона №273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также в статье 19 Федерального закона №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», что превратило её в важный инструмент в системе антикоррупционной профилактики [2].

Конечной целью предпринимаемых законодательных усилий является формирование целостной и логически непротиворечивой системы правового регулирования, охватывающей все аспекты профилактики и разрешения конфликтов интересов. Ключевым условием результативности профилактики выступает наличие объективной, достоверной и репрезентативной информационно-аналитической базы, её всестороннее изучение и разработка на этой основе действенных методик.

Тем не менее, приходится констатировать, что существующий уровень правового регулирования остаётся недостаточным для полноценной практической реализации законодательных предписаний в сфере предупреждения конфликтов интересов на гражданской службе. Была создана многоуровневая система формирования законодательной базы по противодействию коррупции – от муниципального до федерального уровня. В неё интегрирована антикоррупционная деятельность организаций всех уровней власти, наделённых правом принятия собственных нормативных актов в рамках федерального законодательства. Определены границы надзорной деятельности, возложенной на специализированные комиссии и органы прокуратуры.

В глобальном контексте отмечается устойчивая тенденция: с середины XX века происходит усиление негативного отношения к коррупции, приобретающее характер целенаправленной организованной борьбы. Во многих странах система профилактики коррупции возведена в ранг государственной политики, что позволяет существенно сокращать её уровень. Одновременно отмечается практика формирования коррупционерами сети «деловых партнёров» для обеспечения безопасности и масштабирования противоправных схем с вовлечением представителей бизнеса, государственного аппарата, судебной и правоохранительной систем.

Проведённый анализ российского законодательства выявил более пятнадцати системных проблем правового регулирования конфликта интересов. В их числе:

1. Отсутствие чётких правовых процедур отказа от выгоды не только для государственного служащего, но и для иных лиц, которые могут извлечь пользу из конфликтной ситуации. Ключевым признаком действующего определения остаётся замещение лицом должности, обязывающей принимать меры по урегулированию конфликта.

2. Высокая сложность процедуры доказывания факта конфликта интересов, который, по своей природе, требует оперативного выявления и нейтрализации до наступления негативных последствий либо их минимизации.

Реализация антикоррупционной политики сталкивается с рядом вызовов. Ключевым из них является проблема корректной квалификации ситуаций конфликта интересов, не связанных с имущественной заинтересованностью государственных служащих. Не менее сложной задачей выступает чёткое разграничение конфликта интересов как дисциплинарного проступка и получения взятки как уголовного преступления [3].

Успешное преодоление этих трудностей напрямую зависит от качества кадрового обеспечения. Наличие у сотрудников, ответственных за противодействие коррупции, специальных знаний и прак-

тического опыта является критически важным условием. В этой связи особую ценность приобретают методические пособия, содержащие практические примеры и разъяснения. Подобные материалы позволяют руководителям, сотрудникам кадровых служб и другим ответственным лицам органов власти точнее применять законодательные нормы и принимать адекватные меры.

Важнейшим элементом противодействия преступности служит система её предупреждения, представляющая собой комплекс мер и механизмов профилактической работы с широким кругом участвующих субъектов. Однако представленный перечень проблем не является исчерпывающим. Существенное влияние на ситуацию оказывают макроэкономические и политические риски. Их нормативное прогнозирование не только повышает эффективность управленческих решений, но и само становится фактором, воздействующим на эти процессы. Дополнительным переменным параметром выступают рейтинги международных организаций, способные значительно влиять на экономические показатели страны в условиях социально-политической нестабильности.

В процессе исследования было выявлено, что основные затруднения в разрешении споров о конфликте интересов среди госслужащих напрямую связаны с недостатками в организационной структуре и юридическом обеспечении работы профильных комиссий. Именно несовершенство нормативной базы и механизмов функционирования этих органов порождает большинство практических проблем в сфере предупреждения конфликтных ситуаций на государственной гражданской службе [4].

Проведённый анализ свидетельствует, что российская правовая доктрина продолжает активно развивать проблематику регулирования конфликта интересов, идентифицируя к настоящему моменту не менее десяти смежных и нерешённых проблемных узлов. Данный вызов требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование законодательства с развитием практических институтов.

Показателен в этом контексте опыт Москвы, где создание Московского антикоррупционного агентства (МАА) стало знаковым шагом в деле дебюрократизации борьбы с коррупцией. Наделение Агентства расширенными полномочиями было обусловлено необходимостью противодействия наиболее латентным и сложно доказуемым правонарушениям, что подчёркивает ценность функции внутреннего надзора. Среди ключевых достижений его деятельности можно выделить:

– внедрение сквозной аналитической платформы, интегрирующей данные о коррупционных инцидентах;

– реализацию целевых антикоррупционных программ, основанных на риск-ориентированном подходе;

– формирование института общественного контроля с использованием цифровых инструментов;

– создание механизмов межведомственной координации.

– разработку нормативных актов, направленных на устранение системных условий для коррупции;

– мониторинг финансовых операций лиц, замещающих ключевые должности, с использованием технологий анализа больших данных.

В научном сообществе сохраняется консенсус относительно необходимости дальнейшего развития системы профилактики. Приоритетными задачами являются:

1. Повышение качества юридической техники нормативных актов для минимизации правовых коллизий.

2. Формализация и алгоритмизация процедур идентификации конфликта интересов.

3. Интеграция антикоррупционных компетенций в систему управления персоналом.

В свете проведенного анализа можно констатировать формирование новой парадигмы в развитии института конфликта интересов. Её эпистемологическое основание заключается в эволюции от разрозненных запретительных и контрольных мер к построению целостной цифровой экосистемы проактивного управления рисками добросовестности. Исходя из этого, принципиальным выводом является доказательство «ограниченной эффективности» стратегии, опирающейся преимущественно на ужесточение нормативных требований к государственным служащим при параллельном дефиците детализированных процедурных механизмов. Такой дисбаланс между объемом ответственности и ясностью алгоритмов её реализации не только не приводит к системному подавлению коррупционных проявлений, но и может порождать правовой нигилизм, сводя борьбу к формальному соблюдению запретов. Следовательно, ключевым императивом современной антикоррупционной политики становится не наращивание санкций, а глубокий научно-обоснованный анализ генезиса и динамики ситуаций столкновения частных и публичных интересов. Установление ответственности в нормативном вакууме, лишенное четких процессуальных регламентов, доказуемости и соразмерности, является контрпродуктивной практикой, подрывающей саму идею справедливого правоприменения.

Таким образом, магистральный путь совершенствования лежит в целенаправленном переходе к холистической (целостной) модели регулирования. Её концептуальными столпами должны высту-

пить: «примат превенции» над репрессией, реализуемый через системы раннего предупреждения, основанные на анализе больших данных и профилировании коррупционных рисков; «тотальная процессуальная прозрачность», обеспечиваемая сквозной цифровизацией всех этапов – от декларирования до разрешения инцидентов, что минимизирует субъективизм и создает цифровой след для аудита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция: основные тенденции противодействия / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.]; под редакцией Л. А. Андреевой. Новосибирск: СибАК, 2015. 196 с.
2. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.
3. Маланкина, Н. А. Понятие «конфликт интересов» в Российской науке и законодательстве / Н. А. Маланкина // X юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 27–28 ноября 2024 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. С. 205–207.
4. Маланкина, Н. А. Разрешение и предупреждение конфликта интересов на государственной службе: средства, способы и методы / Н. А. Маланкина, С. Б. Котляров // Устойчивое развитие и кооперация: содействие внедрению инноваций: сборник трудов V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Мытищи, 14–15 апреля 2025 года. Мытищи: Российский университет кооперации, 2025. С. 1408–1413.

УДК 4342

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД К УСЛОВИЯМ СЛУЖБЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Биряев Александр Дмитриевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st811946@ruc.su

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF POLICE OFFICERS' ADAPTATION TO SERVICE CONDITIONS: CURRENT STATE AND WAYS TO IMPROVE THE SUPPORT SYSTEM

Zamotaeva Olga Nikolaevna, candidate of philosophy, associate professor
Biryaev Alexander Dmitrievich, Master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются современные проблемы и ключевые особенности психологической адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации к условиям профессиональной деятельности. Анализируются основные трудности процесса вхождения в профессию, обусловленные как индивидуальными личностными чертами новичков, так и несовершенством системы институциональной поддержки. Особое внимание уделяется причинам низкой психологической готовности, сложности формирования адекватной профессиональной мотивации, дефициту практикоориентированной подготовки и недостаточному развитию института наставничества. Даётся обзор нормативного регулирования и организационных аспектов, влияющих на эффективность адаптации.

Ключевые слова: адаптация сотрудников ОВД, психологические особенности, профессиональная деятельность, наставничество, дезадаптация, кадровая политика, правоохранительные органы.

The article examines the current problems and key features of the psychological adaptation of young employees of the Internal Affairs Directorate (IA) of the Russian Federation to the conditions of professional activity. It analyzes the main difficulties of the process of entering the profession, which are caused both by the individual personality traits of newcomers and by the imperfections of the institutional support system. Special attention is paid to the reasons for low psychological readiness, the difficulties of forming adequate professional motivation, the lack of practice-oriented training, and the insufficient development of the mentorship system. The article provides an overview of the regulatory framework and organizational aspects that affect the effectiveness of adaptation.

Keywords: adaptation of police officers, psychological characteristics, professional activity, mentoring, maladaptation, personnel policy, law enforcement agencies.

Проблема психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к служебной деятельности сохраняет свою актуальность на фоне масштабных структурных и содержательных трансформаций системы МВД РФ. Несмотря на значительные изменения, сделанные в последние годы в нормативном и организационном устройстве ведомства, среди молодых сотрудников наблюдается высокая текучесть, проявляющаяся в увольнениях и переходах в иные правоохранительные инстанции уже на первых этапах службы. Это свидетельствует о том, что процесс интеграции новобранцев в профессиональную среду остаётся недостаточно эффективным и требует дальнейшей корректировки.

На протяжении 2019–2024 гг. численность молодых сотрудников (до 30 лет) составляла значительную часть кадрового состава ОВД, однако именно эта категория характеризуется наибольшей

долей увольнений по выслуге лет и высокой вероятность ухода в первые годы карьеры. По данным Департамента государственной службы и кадров МВД России, некомплект личного состава полиции с 4,0 % увеличился до 6,4 % за пять лет, что свидетельствует о системных проблемах адаптационных процессов. Переживания молодых сотрудников усугубляются недостаточной психологической подготовленностью, непрерывно меняющейся оперативной обстановкой, высокой ответственностью, частыми стрессами и необходимостью быстро усваивать значительный объём нормативных и практических знаний.

Понятие «адаптация» исследуется в различных теориях с несколькими содержательными акцентами. В широком смысле адаптация – процесс взаимообусловленного приспособления работника и организации к новым профессиональным, социальным и организационно-экономическим условиям труда. При этом её успех обусловлен взаимностью: только реальное совмещение личностных целей, ценностей и ожиданий сотрудника с системой ориентаций, норм и требований организации обеспечивает устойчивый переход в профессиональную роль и интеграцию в служебный коллектив. В юридически насыщенной и динамично развивающейся среде органов внутренних дел этот подход приобретает особую значимость [1].

Профессиональная адаптация, как отмечается в работах Д. А. Александрова, представляет собой сложное взаимодействие аллопсихических и интрапсихических реакций личности в ходе профессионального развития, приводящих к достижению психического гомеостаза. Специалист, способный продуктивно интериоризировать профессиональные нормы, поддерживает свою устойчивость к деструктивным воздействиям, формирует положительную профессиональную идентичность, что сказывается не только на служебных результатах, но и на удовлетворённости работой и долговременности пребывания в системе.

Процесс адаптации включает несколько этапов. Наиболее обоснованной считается трёхступенчатая модель: подготовительный этап (период доролевой социализации и обучения в вузе), собственно этап вхождения в профессию (как правило, продолжающийся в течение первого года службы) и этап саморазвития (3–5 лет полноценной работы). Особенность системы МВД заключается в значительном влиянии организационных, нормативных, нравственно-этических факторов, а также в чрезвычайной вариативности по специфике служебных обязанностей разных подразделений. Поэтому сроки и характер адаптационных процессов могут сильно колебаться.

В современной психологической и управленческой науке отмечается неоднородность понимания структуры адаптации. Помимо социальной, профессиональной, культурной, психофизиологической компонент выделяют первичную (первое включение в деятельность) и вторичную (при переводе и смене подразделения) адаптацию. Для молодых сотрудников ОВД первичная адаптация сопряжена с усвоением множества новых требований – не только функциональных обязанностей, но и системы взаимоотношений в коллективе, норм профессиональной этики, правил поведения в конфликтных и экстремальных ситуациях.

Нельзя не учитывать и специфику отдельных категорий сотрудников: участковых, оперуполномоченных, сотрудников дежурных частей, специалистов по работе с личным составом – каждый из направлений предъявляет свои профессиональные вызовы, требующие особых стратегий приспособления. Так, служба участковых сопровождается наиболее острыми проявлениями дезадаптации, связанной с высокой текучестью, эмоциональным выгоранием, конфликтами с населением [2].

В профессиональной адаптации критичны не только знания и умения, но и развитые коммуникативные навыки, эмоциональная устойчивость, способность быстро осваиваться в многоуровневой системе служебных взаимодействий. Наблюдаются также случаи нейротизма, ригидности мышления, эмоциональной лабильности у молодых сотрудников, что приводит к трудностям в установлении контактов, неадекватным реакциям на нештатные ситуации и психологическим кризисам.

Одним из ключевых барьеров успешной адаптации выступает разрыв между ожиданиями молодых сотрудников и реальными условиями службы. Многие выпускники гражданских вузов или даже ведомственных учебных заведений, не сталкивавшиеся ранее с требованиями и культурой силовых структур, испытывают существенные трудности в интериоризации норм, принятых в ОВД. Кроме того, несформированность профессиональной мотивации, склонность к эмоциональным всплескам, недостаток волевой и стрессоустойчивости, низкий уровень общей образованности – всё это усугубляет риск дезадаптации.

Организационные причины дезадаптации заключаются в недостаточном внимании руководства к молодым сотрудникам: отсутствие выстроенной системы индивидуального сопровождения, нерегулярность тренингов, механистический подход к процессу наставничества, несовпадение между формальными и неформальными институциализированными ожиданиями коллектива. Нередко руководители переоценивают психологическую готовность выпускников, недооценивают необходимость

длительной акклиматизации и поддержки, не учитывают особенности микроклимата подразделения и возможные латентные конфликты.

В становлении психологической устойчивости молодого сотрудника доминирует роль наставника – опытного работника, передающего нормы, установки и характерные образцы поведения. Однако практика последних лет показывает не только ослабление статуса наставника, но и утрату чёткого правового механизма сопровождения, начиная с отмены специального положения о наставничестве (приказ МВД России № 1139), вплоть до отсутствия формальных критериев оценки результативности работы наставника, порядка его стимулирования и ответственности за провалы в адаптационной работе [3].

Правовая и организационная неопределённость приводит к тому, что молодые сотрудники зачастую остаются наедине со своими трудностями, сталкиваются с формальным отношением, отсутствием обратной связи, недостатком персонализированной помощи. Возникает противоречие между необходимостью передачи глубоких профессиональных знаний, компетентностей, практических навыков и реальным содержанием наставнической деятельности, часто сведённой к формальной «галочке».

Наличие значительного массива нормативных документов, требующих детального осмысления и безошибочного применения в динамично меняющейся обстановке, ставит перед новичком задачу в кратчайший срок освоить ключевые правовые параметры служебной деятельности – что зачастую без помощи опытного наставника оказывается практически недостижимым.

Повышение эффективности процесса профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД невозможно без целенаправленных изменений сразу по нескольким направлениям. Во-первых, необходима разработка системного подхода к наставничеству, предполагающего не только восстановление и обновление правовых основ (разработка современного положения о наставничестве, чёткое определение функций, прав и обязанностей наставников), но и внедрение системы материального и морального стимулирования за качественное проведение адаптационного процесса. Разумная часть расходов, понесённых государством на подготовку и поддержку молодых кадров, может быть страховкой от преждевременных увольнений и кадровой утечки через финансовые компенсаторы, что доказано практикой гражданских трудовых отношений.

Во-вторых, совершенствование педагогических и психологических форм сопровождения должно строиться на сочетании индивидуального и группового подходов. Необходимо развитие системы тренинговых занятий, ролевых игр, имитационных кейсов, позволяющих моделировать возможные конфликтные или стрессовые ситуации, а также регулярное проведение индивидуальных и групповых консультаций с практическими психологами.

В-третьих, образовательная программа для курсантов силовых вузов должна быть существенно дополнена практикоориентированными элементами – стажировками непосредственно в территориальных подразделениях, участием в суточных дежурствах, ознакомлением с реальными кейсами служебной деятельности, вовлечением в коллективные обсуждения этических, правовых, конфликтных тем.

В-четвертых, необходимо сохранить и развивать традиции внутриведомственной корпоративной поддержки – проведение приветственных мероприятий для новичков, знакомство с историей и ценностями подразделения, представление новых сотрудников руководству и коллективу, стимулирование обмена опытом между поколениями работников.

Наконец, к важнейшим направлениям совершенствования относят развитие адресных психолого-педагогических программ выявления и поддержки сотрудников, склонных к дезадаптации, регулярный мониторинг состояния кадрового климата, персонализированный подход к сопровождению проблемных личностей по сигналам наставников, психологов, руководителей [4].

Анализируя современное состояние системы поддержки психологической адаптации сотрудников ОВД, можно сделать вывод о необходимости комплексного реформирования всех подсистем, вовлечённых в процесс становления профессионала – от образовательных организаций и ведомственных служб по работе с личным составом до управленческой культуры руководящего состава, атмосферы в коллективах и нормативно-правового обеспечения института наставничества.

Успешная адаптация в конечном счёте зависит от того, насколько быстро и безболезненно молодой специалист усвоит профессиональные, социальные и этические стандарты служебной деятельности в МВД и насколько прочно у него сформируется корпоративная и личностная идентичность. Только многослойная, непрерывная и персонализированная система поддержки способна кардинально изменить текущее положение и существенно снизить тревожную статистику оттока молодых кадров из рядов правоохранительных органов.

Разносторонняя разработка адресных программ, интеграция психологической поддержки, восстановление и развитие института наставничества, усиление практической направленности профессио-

нального образования и инструментов стимулирования должны стать центральными составляющими кадровой политики МВД РФ. Формирование сильных, преданных и психологически устойчивых специалистов возможно лишь при условии единства государственной воли, научного обоснования всех компонентов процесса и гармонизации внутриорганизационной среды для роста молодых сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дукманов, М. В. Правовое регулирование и организационное обеспечение адаптации на службе молодых сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – С. 92.
2. Маюров, Н. П. Институт государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовое исследование / Н. П. Маюров // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т управления и экономики. – 2025. – С. 242–258.
3. Маюров, Н. П., Маюров П. Н., Ороева О. Д. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе // Ленинградский юридический журнал. 2024. №4 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-adaptatsii-molodyh-sotrudnikov-ovd-k-sluzhbe
4. Кравцова, Ю. А. Организационно-культурная адаптация молодых сотрудников к службе в органах внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ярославль, 2022. – С. 3.

УДК 343

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ТУРИСТСКОЙ СФЕРЕ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Долганова Евгения Николаевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ozamotaeva@ruc.su; papillon-2009@yandex.ru

ISSUES OF LEGAL REGULATION IN THE TOURISM SECTOR

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Dolganova Evgeniia, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования в туристической сфере Российской Федерации. Рассматриваются основные положения в Федеральном законе №132-ФЗ, а также сопутствующих нормативных актах, регулирующих отношения между туристами, туроператорами и государством. Уделяется внимание ключевым изменениям в законодательстве, вступившим в силу в 2026 году. Освещаются процессы цифровизации отрасли, такие как использование электронных документов. Делается вывод о тенденции и централизации регулирования, прозрачности отрасли и усилению роли государства в обеспечении качества туристских услуг.

Ключевые слова: туризм, правовое регулирование, туристский продукт, туристское законодательство 2026 года, внутренний туризм, выездной туризм, цифровизация.

The article discusses the issues of legal regulation in the tourism sector of the Russian Federation. It examines the main provisions of Federal Law No. 132-FZ, as well as related regulations governing the relationship between tourists, tour operators, and the government. The article focuses on the key changes in legislation that came into force in 2026. It highlights the processes of digitalization in the industry, such as the use of electronic documents. The article concludes that there is a trend towards centralization of regulation, transparency in the industry, and an increased role of the government in ensuring the quality of tourism services.

Keywords: tourism, legal regulation, tourism product, tourism legislation of 2026, domestic tourism, outbound tourism, digitalization.

Туризм играет важную роль в социально-экономическом развитии государства. Он способствует развитию инфраструктуры, созданию рабочих мест и укреплению международных связей. В Российской Федерации туризм регулируется системой нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение безопасности туристов и развитие отрасли. Правовое регулирование туризма в Российской Федерации – это система законов, которые регулируют деятельность туристической отрасли, защищают права туристов и определяют обязанности туроператоров, турагентов, гостиниц и других участников рынка. [1]

Регулируется отрасль основным Федеральным законом №132-ФЗ «Об основах туристской деятельности», а также Гражданским законодательством, Законом РФ «О защите прав потребителей», Подзаконными актами, постановлениями Правительства РФ. Разработаны определенные правила оказания услуг по реализации туристского продукта: требования к финансовым гарантиям, порядок ведения реестра туроператоров и турагентов. За исполнением надзора привлечены следующие регулирующие государственные органы: Федеральное агентство по туризму Ростуризм до 2022 г., затем функции переданы другим органам; Министерство экономического развития РФ, Роспотребнадзор.

Правовое регулирование туризма в РФ направлено на защиту туристов, обеспечение качества услуг, развитие отрасли, контроль деятельности участников рынка. Основными элементами правового регулирования в туризме являются:

1. Реестр туроператоров и турагентов. Все туроператоры и турагенты обязаны быть внесены в единый федеральный реестр. Туроператор должен так же иметь финансовое обеспечение (страховка или банковская гарантия).

2. Финансовые гарантии. Необходимы для защиты туристов при банкротстве туроператора возврата средств или эвакуации туристов

3. Договор с туристом. Обязательные условия – это программа путешествия, стоимость, сроки, ответственность сторон. Туроператоры и турагенты несут ответственность за ненадлежащее оказание услуг, нарушение условий договора, причинение вреда туристу [2].

В 2026 году правовое регулирование туристической деятельности в России претерпело ряд существенных изменений. Они направлены на повышение защиты туристов, формализацию рынка и цифровизацию отрасли. Изменилось само понятия «туристский продукт» с 1 марта 2026. Нововведения 2026 года в туристическом праве России носят комплексный характер и направлены на повышение прозрачности и управляемости отрасли и стимулирование внутреннего туризма.

Одно из самых важных нововведений – изменяется само понятие «Туристский продукт». Для выездного туризма тур считается сформированным только при наличии перевозки туда/обратно, размещения. Теперь под перевозкой понимается доставка туриста из Российской Федерации в страну отдыха. Таким образом, из понятия перевозки исключается «трансфер», а попутно из понятия «Туристский продукт» формально могут быть исключены туры с отправлением не с территории Российской Федерации: морские круизы и туры с вылетом из других стран. Для внутреннего и въездного туризма обязательными элементами являются размещение, минимум одна дополнительная услуга экскурсия, трансфер, гид и так далее. Новая формулировка лишает возможности организовывать так называемые «авторские туры» без финансовых гарантий туроператора и внесения в реестр туроператоров. По сути, без статуса Туроператор можно организовывать только однодневные туры без размещения [3].

Обновлены правила оказания гостиничных услуг с 2026 года. Расширен перечень документов для заселения включая загранпаспорт, водительские права, а также с использованием биометрических данных с 01.04.2026 года и через Госуслуги. В части возвратов при отказе от услуг уточнено, что если потребитель отказался до дня заезда, то возвращается полная стоимость. Если отказался в день заезда или не заселился, то удерживается не более стоимости одних суток размещения. Данное правило распространяется как на отдельные бронирования отелей, так и на отели, забронированные в составе туристского продукта. Ввод требований к регистрации и включению объектов размещения в официальный реестр. Благодаря этому повышается прозрачность рынка и идет борьба с нелегальными объектами размещения, началась цифровизация гостиничной отрасли. [4]

Так же цифровизация коснулась и туроператоров. Введены электронные системы учета и бронирования. Введена Электронная путевка. В 2026 году уточнены правила формирования фондов персональной ответственности, сроков внесения обязательных взносов, механизмов возврата средств туристам. Это позволит снизить риски банкротств туроператоров и усилит гарантии возврата денег туристам.

С 2026 года проведена унификация процедур выезда детям до 14 лет для выезда за границу обязателен загранпаспорт, раньше допускались альтернативы. Эта процедура повысит безопасность и контроль. Развитие туристической отрасли в России сопровождается не только реформами, но и рядом устойчивых проблем правового регулирования, которые сдерживают рост рынка и снижают уровень защиты туристов. Несмотря на обновления, базовый закон Федеральный закон «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» остается во многом рамочным и перегруженным отсылочными нормами.

Таким образом правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации представляет собой сложную систему норм, направленных на развитие отрасли и защиту прав граждан. Эти изменения направлены на устранение «серых схем» и повышения прозрачности рынка, в условиях, когда продавались разрозненные услуги как тур. Благодаря нововведениям идет борьба с нелегальными объектами размещения, началась цифровизация гостиничной отрасли повышение юридической определенности и защиты туристов.

В современных условиях требуется дальнейшее совершенствование законодательства у туристической сферы деятельности с учетом цифровизации и появления новых форм туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кусков А. С., Сирик Н. В. Правовое регулирование туристской деятельности – Москва: КноРус, 2018.

2. Колесников А. Э. Правовое регулирование туристической деятельности в РФ // Meridian Jurnal, 2020

3. Федеральный закон от 29.12.2025 № 553-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации"». URL: consultant.ru›law/hotdocs/92258.html
4. Постановление Правительства РФ от 27.11.2025 № 1912 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг и услуг иных средств размещения в Российской Федерации"». URL: http://publication.pravo.gov.ru›document/0001202511300001

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Милешкина Альбина Сергеевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ozamotaeva@ruc.su; milioschkina.alb@yandex.ru

PROBLEMS OF EXECUTION OF DECISIONS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES IN MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Mileshkina Albina Sergeevna, Master's Student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Исследуются особенности правового регулирования данной стадии административного процесса, её значение в системе реализации административной ответственности. Проанализированы основные проблемы правоприменительной практики, включая трудности исполнения административных штрафов, организационные сложности деятельности уполномоченных органов и недостатки действующего законодательства. Обоснована необходимость совершенствования правового механизма исполнения административных наказаний.
Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, исполнение постановлений, административный процесс, правоприменительная практика.

The article examines theoretical and practical aspects of the execution of decisions in cases of administrative offences. The study analyzes the legal regulation of this stage of the administrative process and its role in the system of administrative liability implementation. Particular attention is paid to the problems of law enforcement practice, including difficulties in the execution of administrative fines, organizational issues in the activities of authorized bodies, and shortcomings in current legislation. The necessity of improving the legal mechanism for the execution of administrative penalties is substantiated.
Keywords: administrative liability, administrative penalty, execution of decisions, administrative process, law enforcement practice.

В современных условиях развития правовой системы Российской Федерации особое значение приобретает эффективность реализации законодательства об административной ответственности. Завершающим этапом административно-юрисдикционной деятельности является исполнение постановления по делу об административном правонарушении, поскольку именно на данной стадии обеспечивается фактическая реализация принятого решения и достигаются цели административного наказания. Эффективность и оперативность реализации вынесенных постановлений прямо соотносятся как с восстановлением нарушенного правового состояния, так и с закреплением у населения установки на соблюдение норм права и признание легитимности публичной власти.

Стадия исполнения в делах об административных правонарушениях оформляется как обособленный административно-процессуальный контур, включающий совокупность процедур, посредством которых обеспечивается фактическое применение назначенной санкции. В его рамках задействуются различные носители публичных полномочий – органы внутренних дел, служба судебных приставов и иные компетентные структуры. Практическая реализация решений сопряжена с использованием инструментов государственного принуждения по отношению к правонарушителю.

Одновременно правоприменение демонстрирует ряд устойчивых затруднений. В частности, фиксируется ограниченная результативность механизмов взыскания административных штрафов, фрагментарность межведомственного взаимодействия, а также несогласованности и лакуны в действующем административно-процессуальном регулировании. Эти обстоятельства формируют запрос на аналитическую переоценку сложившейся практики и корректировку нормативной базы.

Завершающая стадия административно-юрисдикционной деятельности – исполнение постановления – обеспечивает перевод принятого решения в плоскость реальных правовых последствий. Здесь реализуются предусмотренные законом меры принудительного воздействия, ориентированные на достижение целей административной ответственности, включая превенцию и восстановление обще-

ственного порядка. Специфика данного этапа заключается в его процессуальной автономии: порядок, условия и круг участников исполнения закреплены в самостоятельном разделе Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1].

Сущность исполнения постановления по делу об административном правонарушении заключается в совокупности процессуальных действий уполномоченных органов и должностных лиц, направленных на реализацию назначенного наказания. Началом данного процесса считается момент вступления постановления в законную силу, после чего компетентные органы обязаны обеспечить его фактическое исполнение. Важной особенностью является участие различных субъектов публичной власти. К ним относятся суды, органы внутренних дел, службы судебных приставов, а также иные государственные структуры, наделённые соответствующими полномочиями. Подобное распределение компетенции объясняется разнообразием административных наказаний и необходимостью применения различных процедур исполнения в зависимости от их характера [2].

В структуре административной ответственности центральное положение занимает административное наказание, функционирующее как основной канал публично-властного воздействия на лицо, совершившее правонарушение. Посредством данного инструмента реализуются не только карательные, но и превентивные установки: санкции ориентированы на сдерживание повторных нарушений как со стороны конкретного субъекта, так и в более широком социальном контексте. В нормативной интерпретации административное наказание фиксируется как установленная государством форма ответственности за противоправное поведение, обеспечивающая поддержание правового порядка и дисциплины в системе общественных связей.

Содержательно такие меры имеют принудительную природу и предполагают введение ограничений в отношении прав и свобод привлекаемого лица. Однако действующее административное право опирается на принцип гуманизма: применение санкций не допускает унижающего обращения либо причинения физических страданий. Подобная установка соотносится с общей направленностью правового развития, в рамках которой акцент смещается в сторону приоритетной защиты личности и соблюдения её базовых прав при реализации властных полномочий государства [2].

Вместе с тем реализация административных наказаний на практике нередко сопровождается определёнными трудностями. Особенно заметны они на стадии исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, где формально принятое решение должно перейти в плоскость фактического исполнения. Одной из наиболее распространённых проблем в данной сфере является недостаточная эффективность исполнения административных штрафов.

Несмотря на значительное количество вынесенных постановлений о назначении данного вида наказания, далеко не все они исполняются добровольно. В подобных случаях возникает необходимость применения мер принудительного взыскания, что предполагает привлечение дополнительных механизмов государственного принуждения. Значительная часть постановлений направляется в органы Федеральной службы судебных приставов, которые осуществляют исполнительные действия, направленные на взыскание назначенных штрафов. Однако даже на данном этапе эффективность исполнения нередко остаётся ограниченной. Причины такого положения многообразны: от уклонения правонарушителей от исполнения наказания и отсутствия у них необходимых средств до организационных и процедурных сложностей в деятельности уполномоченных органов. Всё это в совокупности снижает общий уровень исполнимости административных санкций и ставит перед правоприменительной практикой задачу поиска более эффективных механизмов реализации назначенных наказаний.

В научной литературе особое внимание уделяется проблематике исполнения административного ареста как одной из наиболее строгих форм административного наказания. Его назначение возможно исключительно в судебном порядке и сопряжено с кратковременной изоляцией правонарушителя, что предопределяет повышенные требования к нормативной детализации и организационным условиям реализации. Практическая сторона исполнения связана с размещением лица в специализированных учреждениях, деятельность которых регулируется совокупностью норм административного права и подзаконных актов.

Несмотря на формальное наличие регулятивной базы, практика выявляет устойчивые затруднения. Они затрагивают не только содержание правовых предписаний, но и фактические аспекты – режим содержания, организацию функционирования учреждений, соблюдение прав и законных интересов арестованных. Подобные несоответствия указывают на необходимость корректировки как нормативных положений, так и управленческих механизмов, обеспечивающих исполнение данной санкции, что непосредственно связано с повышением результативности административной ответственности и поддержанием принципа неотвратимости наказания [3].

Проблемный контекст не ограничивается отдельными видами наказаний. В более широком плане отмечаются трудности, обусловленные состоянием административно-процессуального регулирования. Его динамичность и структурная сложность нередко сопровождаются коллизиями и лакунами, а несогласованность отдельных предписаний и вариативность процедурных подходов усложняют деятельность правоприменителя и снижают степень эффективности реализации санкций [4].

В этой связи результативность исполнения постановлений определяется совокупностью факторов: качеством нормативной регламентации, уровнем организационного обеспечения деятельности компетентных органов, а также степенью их координации. Устранение выявленных дисфункций предполагает комплексные меры – от уточнения законодательных конструкций до развития межведомственного взаимодействия и совершенствования процессуальных практик.

Проведённый анализ позволяет рассматривать исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях как завершающую фазу административно-юрисдикционной деятельности, в рамках которой обеспечивается реализация назначенного наказания и достигается практическое выражение правовых предписаний. Именно на данном этапе административное воздействие приобретает завершённый характер.

Вместе с тем современная практика демонстрирует сохранение ряда системных проблем: ограниченную исполняемость штрафных санкций, трудности применения отдельных мер ответственности, а также наличие противоречий и пробелов в действующем регулировании. Дополнительные сложности связаны с координацией деятельности органов, участвующих в исполнении наказаний.

С учётом обозначенных обстоятельств дальнейшее развитие механизма исполнения постановлений требует комплексной трансформации. Существенное значение приобретает уточнение нормативных положений, повышение эффективности функционирования уполномоченных структур и внедрение более согласованных организационно-правовых решений, ориентированных на обеспечение неотвратимости административной ответственности и поддержание устойчивости правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреянов М. В. Некоторые проблемы исполнения постановлений о наложении административных штрафов, выносимых должностными лицами органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 33–38.

2. Бойченко А. С. Административные наказания: современное состояние, проблемы, перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 2 (60). С. 25–33.

3. Фадеева И. В. Проблемы исполнения постановления об административном аресте: старая песня о главном // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 9–11.

4. Шустикова М. В. Актуальные проблемы административного процесса в современной России // Образование и право. 2024. № 6. С. 287–290.

УДК 34.03

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Шишканов Максим Алексеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st809175@ruc.su

PROJECT ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Shishkanov Maxim Alexeyevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье рассматривается значение проектной деятельности для некоммерческих организаций. Анализируется путь развития грантовой деятельности НКО и основные сложности, с которыми они сталкиваются при получении финансовой поддержки в данной форме. Через рассмотрение проектной деятельности третьего сектора авторы доказывают взаимосвязь НКО с системой публичных правоотношений.

Ключевые слова: некоммерческие организации, публичные правоотношения, законодательство, социальный проект, финансовое обеспечение.

This article examines the importance of project-based activities for nonprofit organizations. It analyzes the development of NPO grantmaking and the main challenges they face in obtaining this type of financial support. By examining the project-based activities of the third sector, the authors demonstrate the relationship between NPOs and the public legal system.

Keywords: nonprofit organizations, public legal relations, legislation, social projects, financial support.

В современных условиях проектная деятельность является механизмом прямой взаимосвязи некоммерческих организаций с публичными финансами.

По сути, финансовые правоотношения между некоммерческими негосударственными структурами и государством возникли и развиваются с 2005 года, а именно с момента, когда Президент РФ в своем послании законодательному органу власти объявил о необходимости финансовой поддержки институтов гражданского общества со стороны государственного сектора [1].

В связи с реализацией задач по финансовой поддержке некоммерческих организаций, поставленных Президентом РФ перед органами государственной власти, практически сразу, а именно в 2006 году на развитие институтов гражданского общества, в число которых не вошли некоммерческие организации, из бюджета выделены денежные средства в размере 500 млн рублей [2].

При этом уже через год, а именно в 2007 году, концепция государственной финансовой поддержки институтов гражданского общества была направлена и на финансовую помощь некоммерческих организаций. Так, 14 некоммерческих организаций получили от государства финансовую помощь в размере четыре миллиона рублей, 1224 некоммерческих организаций – финансовую помощь в размере 2 миллиона рублей [3].

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что на сегодняшний день в нашем государстве функционируют четыре формы финансового обеспечения деятельности некоммерческих организаций:

1) некоммерческие организации получают финансовую поддержку от государства в форме грантов;

2) некоммерческие организации получают финансовую поддержку от государства в форме субсидий;

3) некоммерческие организации получают финансовую поддержку от государства в форме контрактных льгот;

4) некоммерческие организации получают финансовую поддержку от государства в форме налоговых льгот. При этом необходимо констатировать тот факт, что в последние годы в связи с нестабильными экономическими процессами в России, обусловленные, в частности пандемией, наблюдается не полное, а частичное финансирование некоммерческих организаций за счет бюджетных ассигнований, в результате чего граждане, пользующиеся социально-значимыми услугами, предоставляемыми некоммерческими организациями, вынуждены частично самостоятельно оплачивать стоимость таких услуг.

То обстоятельство, что в соответствии с реформированием российского законодательства о некоммерческих организациях изменен правовой статус некоторых бюджетных объединений, к примеру, таких как казенные, автономные учреждения, – соответствующие учреждения могут иметь статус некоммерческих организаций, оказывает положительное влияние на существующие противоречия между государственным финансовым обеспечением деятельности некоммерческих организаций и платностью услуг, предоставляемых населению некоммерческими организациями.

В связи с тем обстоятельством, что деятельность некоммерческих организаций либо напрямую, либо косвенно связана с финансами, некоммерческие организации выступают финансовыми институтами, и как следствие некоммерческие организации является субъектом правоотношений, возникающих в финансовой сфере.

Проекты в большинстве являются значимой формой реализации уставных задач некоммерческой организации. Основными проектами, реализуемые НКО являются социальные проекты.

Социальное проектирование – это действие на опережение, преобразование социальной действительности по определенному плану. Для построения плана нужно четкая постановка цели. У каждой НКО есть свой профиль деятельности, в соответствии с которой осуществляется преобразование. Если же попытаться представить совокупную проектную деятельность всех российских НКО, то цель такой деятельности можно обозначить как «хорошее общество». Это один из возможных методических принципов формирования проектного мышления.

Под «хорошим обществом» понимается достижимое общество, которое пригодно для нормальной жизни, не идеально, но постоянно усовершенствуется и развивается. Для достижения «хорошего общества» необходимы совместные усилия общества и государства, и можно с большой долей уверенности утверждать, что без участия НКО такой проект в России невозможен.

Проект – это система мероприятий, связанных одной целью и задачами, направленных на достижение определенных результатов, ограниченных во времени и выполняемых определенным кругом людей [4].

Можно выделить ряд неотъемлемых элементов, входящих в структуру проектной деятельности и определяющих ее содержание.

Во-первых, проектная деятельность – это отклик группы людей на конкретную проблему.

Во-вторых, в ходе проектной деятельности должны быть сформулированы конкретная цель и конкретные задачи, направленные на решение проблемы.

В-третьих, проектная деятельность предполагает преобразование социальной действительности неодномоментно, а посредством последовательной реализации системы мероприятий, которые направленны на достижение цели.

В-четвертых, проектная деятельность обязательно должна включать в себя четкое описание ожидаемых результатов проекта.

В-пятых, проектный подход обязывает проектную команду или, как минимум, лиц, ответственных за организацию проектной деятельности, сформулировать четкое представление о том, как проект будет управляться, оцениваться и развиваться. Прозрачная система управления проектом и четкие критерии оценки эффективности деятельности руководителя проекта и членов проектной команды обеспечивает минимизацию межличностных конфликтов в ходе реализации проекта.

В-шестых, наличие критериев оценки деятельности означает, что у организатора проектной деятельности и проектной команды должно быть четкое представление о виде ответственности за неисполнение запланированных действий в запланированные сроки конкретными людьми.

Ключевыми этапами проектной деятельности являются:

– выявление проблемы;

– определение целевой группы (в некоторых случаях – предварительная работа с целевой группой);

– написание проектной заявки (корректировка может быть осуществлена после выбора грантодателя, но черновой вариант заявки необходим для целостного представления авторов проекта о предлагаемом ими способе социального преобразования для решения выявленной на первом этапе проблемы);

– поиск источника (источников) финансирования проекта;

– реализация проекта в случае, если он получит поддержку, и «работа над ошибками» в случае, если он будет отклонен;

– отчет по реализованному проекту;

– дальнейшее развитие проекта.

В литературе, посвященной проблематике социального проектирования, встречаются различные варианты выделения этапов проектной деятельности. Предлагаемый вариант является одним из возможных, однако в реальной проектной деятельности возможны разные модификации и перестановки, если они необходимы для главной цели проектирования – позитивного изменения социальной реальности.

Среди проблем, с которыми сталкиваются некоммерческие организации, выделим следующие:

• ситуативность проекта, сложность здесь заключается в вопросах планирования финансирования за счет средств гранта;

• кадровые сложности в реализации проектных задач, поскольку специфические задачи требуют привлечение дополнительного кадрового ресурса, которые достаточно сложно привлечь на определенный промежуток времен;

• документационное оформление проекта;

• высокая конкуренция в конкурсных проектах.

Таким образом, можно заключить, что проектная деятельность НКО является механизмом взаимодействия данных организаций с властью и доказывает субъектность НКО в публичных правоотношениях. В проектной деятельности НКО не только получают законодательную поддержку, но и участвуют в финансовых правоотношениях через финансирование проектов, участие в государственной контрактной системе, взаимодействие с государством по направлению реализации налоговых обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственные и муниципальные финансы: учебник / под ред. Н. А. Семеновой. Москва, 2020. С. 126.

2. Официальный сайт государственной статистики. URL: https://www.fedstat.ru

3. Скок Я. А. Финансово-правовые аспекты деятельности саморегулируемых организаций // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12 (178). С. 169.

4. http://900igr.net/prezentatsii/ekonomika/Proekt/Proekt.html.

УДК 342.72.73

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИМПЕРАТИВ И МАТРИЦА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Кабачий Николай Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st808097@ruc.su

HUMAN RIGHTS AS A CONSTITUTIONAL IMPERATIVE AND MATRIX OF THE RULE OF LAW

Kabachy Nikolay Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья обосновывает позицию, согласно которой права человека функционируют не как пассивный элемент правовой системы, а как активный конституционный императив, предопределяющий сущностные характеристики государства. Их системообразующая роль раскрывается через концепцию «матрицы», формирующей несущий каркас правового порядка, пропорциональность ограничений и баланс между публичным интересом и индивидуальной автономией. На основе анализа конституционных положений (ст. 2, 18, 55 Конституции РФ) и исторических параллелей демонстрируется, что игнорирование данного императива ведет к деформации правового государства и утрате его легитимности.

Ключевые слова: права человека, конституционный императив, матрица правопорядка, правовое государство, конституционная аксиология, баланс интересов, непосредственное действие прав, конституционная триада, человекоцентризм.

The article justifies the position that human rights do not function as a passive element of the legal system, but as an active constitutional imperative that predetermines the essential characteristics of the state. Their system-forming role is revealed through the concept of a "matrix" that forms the supporting framework of the legal order, the proportionality of restrictions and the balance between public interest and individual autonomy. Based on the analysis of constitutional provisions (Articles 2, 18, 55 of the Constitution of the Russian Federation) and historical parallels, it is demonstrated that ignoring this imperative leads to a deformation of the rule of law and the loss of its legitimacy.

Keywords: human rights, constitutional imperative, matrix of law and order, rule of law, constitutional axiology, balance of interests, direct effect of rights, constitutional triad, human centrism.

Конституция несмотря на то, что она является весьма сжатым и кратким документом, старается с максимальной полнотой отразить все права и свободы человека и гражданина. При этом в Конституции существует приписка о том, что, если какие-либо права и свободы не попали в перечень, это не означает, что Российская Федерация их отвергает или не гарантирует. В Российской Федерации признаются и защищаются права и свободы в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Таким образом, перечень прав и свобод, установленный в главе 2 Конституции РФ, является примерным, а соответственно, существует ряд других прав, на которые граждане имеют возможность притязать.

Все это образует конституционно-правовой статус человека и гражданина, другими словами, меру свободы – возможного и должного в поведении каждого человека. По своей природе все это является ключом к открытию возможностей для всего, что дозволено законом. Мы не должны забывать, что при защите прав, осуществление прав лицом не должно нарушать права и свободы других лиц. В конституции, в частности, устанавливается ограничение на исполнение прав и свобод, т.е. ограничение права возможно в общественно-полезных целях на основании Федерального закона. Поэтому по своей природе права человека, даже такие базовые, не являются безграничными, в определенных ситуациях они могут быть ограничены законом, но при серьезных обоснованиях.

Постановка проблемы прав человека в современном конституционализме давно перешла границы их восприятия как простого перечня дозволений и гарантий. Сегодня они представляют собой дуалистический феномен, выполняющий две взаимосвязанные системообразующие функции. С одной стороны, права человека выступают как конституционный императив – безусловное повеление, налагающее на государство онтологическую обязанность по их признанию и защите, превращая это из политической цели в аксиологический фундамент. С другой – они формируют содержательную матрицу правового государства, задавая не просто пределы власти, но и её архитектонику, алгоритмы функционирования, критерии легитимности любых властных решений. Эта двойственная природа и составляет ядро современного конституционного порядка.

Конституция Российской Федерации 1993 года учреждает антропоцентричную модель государства, где личность выступает не объектом управления, а исходным и конечным пунктом всей правовой системы. Эта концепция раскрывается через три взаимосвязанные конституционные аксиомы:

1. Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, что вменяет государству первейшую обязанность по их защите (ст. 2).

2. Наделение конституционных прав и свобод качеством прямого действия, предопределяющих смысл законотворчества и правоприменения (ст. 18).

3. Установление абсолютного запрета на издание законов, отменяющих или умаляющих эти права (ч. 2 ст. 55).

Таким образом, права трансформируются из объекта защиты в субъекта конституционного диалога, предписывающего власти не «что делать», а «как быть». Это превращает их в нормативную аксиому, подобную математическому постулату, из которой выводятся остальные принципы государственного устройства – верховенство права, разделение властей, демократия. Таким образом, Основной закон позиционирует себя не просто как акт о власти, а как «Конституция человека», где права личности становятся стержнем конституционного строя. Этот подход знаменует собой итог долгого исторического восхождения к праву, процесс, остающийся актуальным и сегодня. Если императив задаёт цель, то матрица определяет средства и форму её достижения. Понятие «матрицы» здесь используется как метафора сквозного программного кода, который интегрирован во все элементы правовой системы и предопределяет результат их работы.

Как верно отмечал правовед С. С. Алексеев, сущностное предназначение Конституции – утвердить ограничение власти и закрепить неотчуждаемые права граждан [1]. Создатели текста 1993 года видели в нём «Конституцию человека», призванную гарантировать верховенство права. Однако критики, в том числе и сам С. С. Алексеев, указывали на системную неудачу: в итоговой редакции нормы о правах человека, вопреки альтернативным проектам, оказались оттеснены вглубь структуры, тогда как первая глава посвящена преимущественно устройству государства. Хотя статья 2 провозглашает права «высшей ценностью», их восприятие на практике зачастую остается декларативным, а не основополагающим.

Ошибочно усматривать в этой антропоцентричной конституционной модели апологию индивидуализма. Напротив, она воплощает диалектическое единство личности и общества, индивидуальной автономии и солидарных интересов. Задача конституционного права – поиск взвешенного баланса, пропорциональных ограничений, оправданных необходимостью защиты общих благ. Как показывает статья 55, тотальные запреты, нарушающие этот баланс в пользу большинства, неконституционны. Подлинная демократия – это не диктатура большинства, а система, предполагающая особую защиту меньшинств и инакомыслящих, чья критика жизненно необходима для корректировки государственного курса.

Историческая ретроспектива служит суровым предостережением. Тоталитарные системы, будь то царский режим или советская власть, рушились, в том числе, из-за неспособности институционализировать критику, предпочитая преследовать «неблагонадежных». Оценка современных перспектив российского конституционализма, особенно на фоне дискуссий о возможном новом Основном законе, требует чётких ориентиров. Выделенная «конституционная триада» (ст. 2, 18, 55) должна рассматриваться как система вечных, незыблемых конституционных ценностей, образующих фундамент любого демократического правопорядка в России. Их сохранение при любых изменениях текста – императив. Выявить и обосновать такие ценности позволяет метод конституционного анализа, который вскрывает «смысловые развилки» в практике и требует нетривиальных решений [2].

Единство императива и матрицы не статично, оно существует в состоянии динамической диалектики. Императив без работающей матрицы остаётся красивой декларацией, порождая феномен «мёртвых» конституционных норм. Матрица же без императива вырождается в технократический механизм, лишённый ценностного стержня и способный обслуживать произвол. Настоящее правовое государство рождается именно в точке их синтеза, где нормативное повеление (императив) воплощается в ежедневную практику всех публичных институтов (матрица). Главным вызовом является ритуализация этого единства – когда формальное соблюдение процедур (матрицы) используется для маскировки систематического игнорирования ценностного ядра (императива). Противоядием служит развитое конституционное правосознание, которое воспринимает права не как уступку власти, а как источник её легитимности.

Родовым объектом посягательств на основополагающие права и свободы человека выступают охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие реальную возможность реализации индивидом своих конституционных правомочий. Ключевым признаком данных составов является их формально-материальная природа: преступление считается оконченным с момента совершения самого противоправного деяния, умышленно нарушающего установленные правовые гарантии, вне зависимости от наступления дальнейших вредных последствий.

С точки зрения субъекта ответственности, к ней в общем порядке привлекаются лица, достигшие 16-летнего возраста. Однако специфика рассматриваемых составов часто заключается в наличии спе-

циального субъекта – лица, чьи профессиональные или публично-правовые функции создают дополнительные гарантии защиты прав или, в случае злоупотребления, особые возможности для их нарушения. К такой категории относятся должностные лица, руководители организаций, члены избирательных комиссий и иные субъекты, наделёнными властными или организационно-распорядительными полномочиями.

Высокая степень общественной опасности этой категории преступлений обусловлена тем, что они посягают не на частный интерес, а на краеугольный принцип конституционного строя – уважение и защиту достоинства и прав личности. Подрыв этих основ дестабилизирует саму социальную ткань, разрушает доверие к институтам власти и блокирует правовое развитие общества. Эффективная защита прав человека является поэтому не только внутренним императивом правового государства, но и фундаментальным условием его легитимности и конкурентоспособности в международном пространстве.

По мнению многих юристов и научных деятелей для осуществления правильной и своевременной судебной квалификации необходимо обратить пристальное внимание на изучение толкования норм [3–5]. Рассмотрев преступления против политических прав и свобод человека и гражданина, можно сделать вывод о том, что посягательства на данный вид конституционных прав влияет на потенциальное политическое и правовое развитие государства. Без гарантий на защиту политических прав общество не будет чувствовать себя частью механизма управления государством, а как следствие, демократический и правовой режим нашей страны будет под угрозой [6–7].

Таким образом, концептуализация прав человека одновременно как конституционного императива и матрицы правового государства предлагает целостную модель для понимания их трансцендентной роли. Они суть одновременно и основание, и проект, и абсолютный запрет, и алгоритм созидания. Устойчивость конституционного строя измеряется не степенью детализации каталога прав в тексте закона, а глубиной их инкорпорации в ткань государственности в качестве безальтернативного ориентира и операционного стандарта. Будущее правового государства зависит от способности постоянно «перезагружать» эту систему, подтверждая на практике, что права человека – это не привилегия, дарованная свыше, а имманентное условие существования власти, которая осмеливается называть себя правовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. С. К Конституции человека / С. С. Алексеев // Независимая газета. 2012. 16 ноября.

2. Саленко, А. В. Права человека как конституционная ценность и основа суверенного, демократического и правового государства / А. В. Саленко // Уральский Форум конституционалистов: материалы X Уральского Форума конституционалистов, Екатеринбург, 01–05 октября 2024 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2025. С. 116–123.

3. Шульженко, Ю. Л. Реальность, стабильность, динамизм, жесткость, гибкость Конституции Российской Федерации / Ю. Л. Шульженко // Государство и право. 2024. № 4. С. 39–55.

4. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

5. Котляров, С. Б. Гарантии свободы: как государство воплощает защиту прав человека в России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Юридические аспекты российской государственности: проблемы и решения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 10 июня 2025 года. Москва: ЮрЭксПрактик, 2025. С. 121–127.

6. Постников, А. Е. Конституция и развитие конституционного анализа / А. Е. Постников // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 32–44.

7. Котляров, С. Б. К вопросу о проблемах взаимной ответственности личности и государства в современных условиях / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. С. 113–118.

УДК 342.7

УРОВЕНЬ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

Кайминов Никита Андреевич, магистрант
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: st809163@ruc.su

LEVEL OF LEGAL TRAINING AS A FACTOR IN EXERCISING THE RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

Kayminov Nikita Andreevich, graduate student
Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

В научной статье исследуется взаимосвязь между уровнем подготовки юридических кадров и реализацией конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Эффективная защита прав и свобод человека и гражданина невозможна без допуска к услугам компетентных юристов, в свою очередь качество юридической помощи зависит от качества юридического образования.

Анализируются основные направления совершенствования юридического образования, оказывающие прямое влияние на качество оказываемой юридической помощи: практико-ориентированная составляющая обучения, развитие сети юридических клиник и профессиональных объединений, внедрение инновационных образовательных технологий (включая профессиональные юридические системы искусственного интеллекта), выстраивание сотрудничества с работодателями (система кадрового партнерства), конструирование системы мониторинга качества юридической помощи и профессиональных рейтингов.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, юридическое образование, юридические клиники, профессиональные компетенции, практико-ориентированное обучение, мотивация студентов-юристов, мониторинг качества юридической помощи.

The scientific article examines the relationship between the level of training of legal personnel and the implementation of the constitutional right to qualified legal assistance. Effective protection of human and civil rights and freedoms is impossible without access to the services of competent lawyers, in turn, the quality of legal assistance depends on the quality of legal education.

The main areas of improvement of legal education that have a direct impact on the quality of legal assistance are analyzed: a practice-oriented component of training, the development of a network of legal clinics and professional associations, the introduction of innovative educational technologies (including professional legal systems of artificial intelligence), building cooperation with employers (personnel partnership system), designing a system for monitoring the quality of legal assistance and professional ratings.

Keywords: qualified legal aid, legal education, legal clinics, professional competencies, practice-oriented training, motivation of law students, monitoring the quality of legal aid.

Согласно Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод являются обязанностью государства (ст. 2). В статье 46 Конституции РФ предусмотрено право каждого на судебную защиту, реализация которого была бы невозможна без обеспечения доступа к квалифицированной юридической помощи, оказываемой профессиональными юристами. Статья 48 Конституции РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатно в определенных законом случаях [1].

Потребность в юридической помощи возникает в случае потенциальной угрозы для нормальной жизнедеятельности человека, безопасности и реализации прав и свобод. При данных обстоятельствах требуется помощь квалифицированного юриста, который может обеспечить условия для комплексной социально-правовой защиты лица. Как отмечает М. С. Сотникова, «с увеличением постоянных изменений в законодательстве обычному человеку бывает сложно и даже невозможно защитить свои права и интересы, не имея юридических знаний. В такой ситуации человеку необходима помощь специалиста, обладающего компетенцией по правовым вопросам» [8, с. 174].

Оказание неквалифицированной юридической помощи может негативно сказаться на лице, обратившемся за помощью, поскольку оно не сможет полноценно защитить свои права и потеряет деньги, которые были заплачены за некачественно оказанную услугу [6, с. 51]. В свою очередь, уровень квалификации специалиста прямым образом зависит от его уровня подготовки.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.1997 г. № 2-П указано: «гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, в том числе в уголовном судопроизводстве, и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии».

Квалифицированная юридическая помощь выстраивается на следующих критериях уровня подготовки специалиста:

1) знание юриспруденции, сформированные навыки и умения ведения профессиональной деятельности в сфере юриспруденции;
2) владение аналитическими, коммуникационными навыками;
3) сформированные мотивационно-волевые составляющие личности;
4) знание этических основ деятельности и умение их применять в практических ситуациях.

ФГОС высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция предусматривает формирование следующих категорий общепрофессиональных компетенций: юридический анализ, решение юридических проблем, юридическая экспертиза, толкование права, юридическая аргументация, юридическое письмо, профессиональная этика, информационные технологии [3].

Социально-образовательная составляющая реализации механизма оказания квалифицированной юридической помощи зависит от следующих факторов: уровня подготовки юридических кадров, который выстраивается исходя из требований ФГОС, эффективности подготовки будущих специалистов высшими учебными заведениями, возможностей предоставления практической базы апробации

теоретических знаний (производственные практики, юридические клиники), выработки мотивационно-волевых и ценностных установок личности. В свою очередь укажем на общие векторы повышения качества юридического образования:

1) активизация практико-ориентированной составляющей образовательного процесса как условия совершенствования навыков обучающегося в практических условиях ведения профессиональной деятельности;

2) организация на базе образовательных учреждений юридических клиник, профильных объединений и движений социально-правового характера;

3) использование инновационных методов в образовательном процессе (кейс-метод, проективный метод, интерактивный метод, работа с юридически ориентированными системами искусственного интеллекта).

Существенную роль в осуществлении бесплатной квалифицированной юридической помощи играют юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.), выступающие в качестве участников ее негосударственной структуры [2]. Юридические клиники создаются на базе образовательных учреждений и выступают его структурным подразделением. Деятельность юридических клиник направлена на оказание бесплатной юридической помощи населению обучающимися по юридической специальности высшего образования, под контролем ответственных лиц (кураторов).

Данный социально-правовой институт обеспечивает возможности получения квалифицированной помощи населению и параллельно позволяет реализовывать подготовку юридических кадров, выступая связующим звеном в системе «подготовка специалистов в сфере юриспруденции – оказание квалифицированной юридической помощи населению». Проводя анализ проблем функционирования юридических клиник, Э. И. Атагимова отмечает, что кроме профессиональных компетенций, обучающиеся приобретают общекультурные компетенции, такие как способность к коммуникации, самоорганизации, готовность к работе в коллективе, толерантному восприятию социальных, этнических и культурных различий [5, с. 12].

Юридические клиники выступают значимой составляющей образовательного процесса, предоставляя возможности практической подготовки, реализации исследовательского потенциала (в процессе поиска юридически обоснованного решения жизненной ситуации клиента), формирования внутренней профессиональной мотивации. Рассматривая проблемы мотивации студентов-юристов в процессе осуществления деятельности в формате юридических клиник, Е. В. Панга и Д. В. Конокин указывают, что для высокой степени мотивации нужно комплексно применять различные методы и формы работы: проекты, задачи, обратную связь о своей работе и профессиональном развитии, тренинги и семинары для клиницистов, сотрудничество с работодателями [7, с. 299].

Профессиональная подготовка юристов выступает в качестве ведущего фактора реализации прав граждан на квалифицированную юридическую помощь. В данных отношениях системы образования и механизма реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь явно прослеживается ряд составляющих элементов связанных с созданием условий для получения качественного юридического образования, практико-ориентированной направленностью юридического образования, трудоустройством выпускников вузов, повышением уровня мотивации обучающихся. Также указанный ряд элементов можно дополнить необходимостью выработки критериев квалифицированной юридической помощи, формированием и нормативно-правовым наполнением института квалифицированной юридической помощи, созданием системы мониторинга качества юридической помощи (возможным созданием разветвленной системы рейтинга субъектов, оказывающих юридическую помощь), поиска баланса между монополизацией деятельности по оказанию юридических услуг адвокатами и предоставлением возможности осуществления юридической практики по оказанию юридической помощи, лицами не имеющими статуса адвоката, но обладающими необходимыми знаниями, навыками, умениями для ведения подобной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// www.pravo.gov.ru. – 06.10.2022, № 0001202210060013.

2. О бесплатной юридической помощи : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (в ред. от 23 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : Приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011 (в ред. от 27 февраля 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 07.09.2020, № 0001202009070039.

4. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. нтипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28. 01.1997 г. № 2-П // Российская газета. – 1997. – № 33.

5. Атагимова Э. И. Роль юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история и современность // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 3 (40). – С. 11–17.
6. Будникова А. Б. Об отдельных аспектах реализации права лица на получение квалифицированной юридической помощи в России // Вестник экономики и права. – 2019. – № 32. – С. 49–54.
7. Панга Е. В., Конокин Д. В. Организация работы студентов в юридической клинике и их мотивация: особенности оказания бесплатной правовой помощи населению // Право и управление. – 2023. – № 9. – С. 296–300.
8. Сотникова М. С. Реализация прав граждан на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1(84). – С. 172–177.

УДК 347.965.1

КРИТЕРИИ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Кайминов Никита Андреевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809163@ruc.su

CRITERIA FOR QUALIFIED LEGAL AID

Kayminov Nikita Andreevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Научная статья посвящена рассмотрению критериев оказания квалифицированной юридической помощи как условия реализации конституционного права граждан и механизма защиты от некачественных услуг. Раскрываются механизмы обеспечения качества юридической помощи: уровень подготовки юристов, лицензирование и подтверждение профессионального статуса, мониторинг юридической деятельности, создание системы профессиональных рейтингов. Выявляются основные компоненты профессиональных стандартов: процедуры оказания юридических услуг, оперативность, мониторинг эффективности, соблюдение норм юридической этики, применение мер ответственности. Выработка критериев квалифицированной юридической помощи и развитие системы профессиональных стандартов – продуктивный способ обеспечения доступности и качества юридических услуг.
Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, качество юридической помощи, юридическая услуга, профессиональный стандарт, адвокатская монополия.

The scientific article is devoted to the consideration of the criteria for the provision of qualified legal assistance as a condition for the implementation of the constitutional right of citizens and a mechanism for protection against poor-quality services. Mechanisms for ensuring the quality of legal assistance are disclosed: the level of training of lawyers, licensing and confirmation of professional status, monitoring of legal activities, the creation of a system of professional ratings. The main components of professional standards are identified: procedures for providing legal services, efficiency, monitoring efficiency, compliance with legal ethics, and the application of liability measures. Developing criteria for qualified legal assistance and developing a system of professional standards is a productive way to ensure the availability and quality of legal services.
Keywords: qualified legal aid, quality of legal aid, legal service, professional standard, lawyer monopoly.

Оказание неквалифицированной юридической помощи может негативно сказаться на лице, обратившемся за помощью, поскольку оно не сможет полноценно защитить свои права и потеряет деньги, которые он заплатил за некачественно оказанную услугу [5, с. 51]. По этой причине приобретает особое значение реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, закрепленное в ст. 48 Конституции РФ [1]. Термин «квалифицированная», в данном контекстуальном поле, отражает качество оказываемой юридической помощи, уровень профессиональной и организационно-технической подготовки субъекта оказания юридической помощи, эффективность оказываемой юридической помощи.

Защита от оказания некачественной услуги должна обеспечиваться компенсаторным механизмом, в связи с чем важно точно оценивать критерии квалифицированной юридической помощи, как условия реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. В. А. Мещерягина и Е. И. Семенова обращают внимание на соотношение понятий квалифицированная юридическая помощь и юридические услуги [8, с. 181]. Квалифицированная юридическая помощь в большей степени отражает социальное предназначение и конституционные гарантии реализации прав, в свою очередь термин – «юридические услуги» относится к коммерческой составляющей и функционированию рынка юридических услуг. Выяснение данного соотношения понятий значимо не только с общей теоретической позиции и обеспечения терминологической упорядоченности, но и непосредственно затрагивает возможности получения бесплатной юридической помощи отдельным категориям населения, оказавшимся в ситуации социального риска.

В данном контексте правомерно затронуть финансовую доступность юридической помощи. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» (далее – ФЗ № 324) призван преодолеть финансовую проблему доступности юридической помощи. ФЗ № 324 устанавливает основные гарантии реализации права граждан Российской Федерации на получение

бесплатной квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации, организационно-правовые основы формирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи и организационно-правовые основы деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения [3].

Данный законодательный акт направлен на обеспечение конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь (в том числе на бесплатную юридическую помощь), реализацию мер по обеспечению функционирования системы бесплатной юридической помощи, поддержку негосударственной бесплатной юридической помощи, защиту прав и свобод граждан.

Реализация гарантий по оказанию квалифицированной юридической помощи подразумевает необходимость согласованного функционирования механизмов: обеспечения уровня подготовки юристов, осуществления допуска к выполнению профессиональных обязанностей (процедуры лицензирования, подтверждение профессионального статуса), мониторинг юридической деятельности и создание системы профессиональных рейтингов. Подчеркнем, что данные механизмы должны работать согласованно, с учетом выработки единых требований к оказанию квалифицированной юридической помощи.

В Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 63) адвокатская деятельность определяется как квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [2].

В данном законодательно закрепленном определении используется термин «квалифицированная юридическая помощь» как родовое понятие для проведения логической операции определения понятия «адвокатская деятельность». Причем, не только прямо не указывается на ограничение возможности существования множества иных видов квалифицированной юридической помощи, но и закрепляются виды юридической помощи, не относящейся к адвокатской деятельности.

В п. 3 ст. 1 ФЗ № 63 приводятся виды юридической помощи, не относящейся к адвокатской деятельности:

1) юридическую помощь, оказываемую работниками юридических служб юридических лиц, в том числе оказываемую работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления;

2) юридическую помощь, оказываемую участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, а также индивидуальными предпринимателями;

3) юридическую помощь, оказываемую нотариусами, патентными поверенными, за исключением случаев, когда в качестве патентного поверенного выступает адвокат, либо другими лицами, которые законом специально уполномочены на ведение своей профессиональной деятельности [2].

Отдельно п. 4 комментируемой статьи указывается, что действие ФЗ № 63 не распространяется на органы и лиц, которые осуществляют представительство в силу закона [2]. Обеспечение защиты прав, свобод и интересов, доступа к правосудию физических и юридических лиц отражает содержание и функциональную сторону данного вида деятельности и детально раскрывается в п. 2 ст. 2 вышеуказанного нормативного правового акта.

Получение статуса адвоката в порядке, установленном законом, выступает юридической составляющей конструкции данного определения, которая раскрывается более детально в ст. 2 ФЗ № 63 с указанием на статус адвоката в качестве «независимого профессионального советника по правовым вопросам» с указанием на ограничения вступления в трудовые отношения и занятие должностей в системе публичной власти. В контексте данного исследования важно указать на требования для получения статуса адвоката, которые отражают уровень профессиональной подготовки и достаточный опыт юридической деятельности, как условия возможности оказания квалифицированной юридической помощи.

Актуальна проблема «адвокатской монополии», под которой подразумевается получение монопольного права адвокатов на представительство интересов доверителей в судах, с целью оказания квалифицированной юридической помощи, опирающейся на унифицированные стандарты и критерии.

А. В. Чарыков указывает на следующие недостатки идеи «адвокатской монополии»:

1) реализация данной идеи повлечет снижение количества юристов и как следствие рост цен на юридические услуги, что негативным образом может сказаться на обеспечении доступности юридических услуг и в целом реализации права на квалифицированную юридическую помощь;

2) увеличение адвокатского корпуса может повлечь снижение качества адвокатских услуг, что связано со снижением квалификационных барьеров;

3) утрата независимости юридического сообщества, вследствие возможного получения контроля Министерства юстиции за возможностью осуществлять адвокатскую деятельность;

4) введение монополии на судебное представительство должно сочетаться с системой образования, поскольку для получения статуса адвоката выпускникам вузов, требуется дополнительная юридическая практика, сдача квалификационного экзамена, что не всегда идет в пользу выбора данного направления юридической деятельности [9, с. 26].

Полагаем, что разрешение указанной проблемы возможно в процессе выработки критериев оказания квалифицированной юридической помощи и разграничения сфер компетенции. Ограничение возможностей профессиональной деятельности юристов, обладающих специальными знаниями и навыками нецелесообразно, поскольку может негативном образом сказаться на рынке юридических услуг и на отдельных отраслях экономики. Более продуктивным вариантом представляется обращение к выработке профессиональных стандартов и системы мониторинга юридической деятельности, как механизмов воспрепятствования оказания некачественной юридической помощи.

Проблема выявления критериев оказания квалифицированной юридической помощи значима, поскольку от выбора варианта ее решения зависит формирование социально-правового механизма эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина. Данная проблема во многом связана как с качеством подготовки юристов, так и с разработкой квалификационных требований к их деятельности. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.1997 г. № 2-П указано: «гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, в том числе в уголовном судопроизводстве, и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии»[4].

Особую функциональную роль выполняют профессиональные стандарты, как формы обеспечения реализации профессиональных функций и оценки профессионального соответствия. По данному вопросу, Е. Н. Калачева указывает на необходимость принятия профессиональным сообществом адвокатов стандартов оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве [7, с. 54].

Определяющее значение профессиональных стандартов для оказания квалифицированной юридической помощи, отмечают Е. В. Виноградова и С. А. Виноградова, акцентируя внимание на современных технологических возможностях в воспрепятствовании нарушению норм профессиональной этики и ведении объективного контроля за соблюдением критериев оказания квалифицированной юридической помощи [6, с. 29].

Профессиональные стандарты формируют единые требования к качеству оказания юридических услуг и конструируются из следующих компонентов:

1) процедуры оказания различных видов юридических услуг (последовательность действий и применяемых методик к различным видам профессиональной деятельности юриста, унификация форм документов);

2) оперативность оказания юридических услуг (выработка нормативов оказания юридических услуг, своевременность процессуальных действий);

3) мониторинг эффективности оказания юридической услуги;

4) соблюдение норм юридической этики;

5) применение мер ответственности за недобросовестное выполнение требований профессиональных стандартов.

Качество оказания квалифицированной юридической помощи зависит от следующих критериев: уровня профессиональной подготовки юристов, сформированных профессиональных стандартов оказания юридической помощи, организационно-институциональных условий обеспеченности юридической помощи как формы социальной помощи, эффективности мониторинга за оказанием юридической помощи, функционирования системы «обратной связи» клиентской поддержки и профессионального рейтинга юристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации http : // www.pravo.gov.ru. – 06.10.2022, № 0001202210060013.

2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

3. О бесплатной юридической помощи : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.

4. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи

с жалобами граждан Б. В. нтипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28. 01.1997 г. № 2-П // Российская газета. – 1997. – № 33.
5. Будникова А. Б. Об отдельных аспектах реализации права лица на получение квалифицированной юридической помощи в России // Вестник экономики и права. – 2019. – № 32. – С. 49-54.
6. Виноградова Е. В., Виноградова С. А. К вопросу о праве на квалифицированную юридическую помощь // Образование и право. – 2017. – № 7. – С. 25–30.
7. Калачева Е. Н. К вопросу о стандартизации адвокатской деятельности // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 2 (61). – С. 51–55.
8. Мещерягина В. А., Семенова Е. И. К понятию квалифицированной юридической помощи // Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № 4 (18). – С. 180–182.
9. Чарыков А. В. Квалифицированная юридическая помощь или адвокатская монополия? // Право и управление. – 2024. – № 9. – С. 25–28.

УДК 342.9

МЕХАНИЗМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Канайкин Андрей Андреевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809164@ruc.su

MECHANISMS OF CONSTITUTIONAL CONTROL: INFLUENCE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT ON THE FUNCTIONING OF PUBLIC AUTHORITIES

Kanaykin Andrey Andreevich, graduate student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются ключевые механизмы конституционного контроля, посредством которых решения Конституционного Суда России трансформируются из актов судебной власти в системные факторы, детерминирующие функционирование органов публичной власти. Делается вывод, что совокупный эффект этой деятельности заключается в конституционализации властных отношений, при которой деятельность любого государственного института опосредуется выработанными Судом правовыми позициями.
Ключевые слова: конституционный контроль, компетенционные споры, официальное толкование, правовые позиции, конституционализация власти, публичная власть.

The article examines the key mechanisms of constitutional control, through which the decisions of the Constitutional Court of Russia are transformed from acts of the judiciary into systemic factors that determine the functioning of public authorities. It is concluded that the cumulative effect of this activity is the constitutionalization of power relations, in which the activities of any state institution are mediated by the legal positions developed by the Court.
Keywords: constitutional control, competence disputes, official interpretation, legal positions, constitutionalization of power, public power.

Институт конституционного правосудия в Российской Федерации, персонифицированный в лице Конституционного Суда, наделён законодателем широким спектром прерогатив, что обусловлено его ключевой ролью в обеспечении верховенства Основного закона. Для целей глубокого структурно-функционального анализа представляется методологически верным осуществить систематизацию этих полномочий, классифицируя их в соответствии с основными векторами деятельности Суда. Данный подход позволяет не только каталогизировать юридические инструменты, но и выявить системные связи между ними, раскрывая логику построения конституционного контроля как целостного механизма.

Первичную и фундаментальную группу образуют компетенционные полномочия, направленные на поддержание баланса в системе разделения властей как по горизонтали (между федеральными институтами), так и по вертикали (в отношениях «центр – регионы»). Центральное место здесь занимает функция разрешения споров о компетенции между различными публично-властными органами. Важно подчеркнуть, что предметом рассмотрения Конституционного Суда являются не любые конфликты между органами, а строго определённые юридические споры о компетенции, то есть разногласия относительно принадлежности конкретных властных полномочий, установленных Конституцией и законодательством.

Сфера этой юрисдикции чётко очерчена частью 3 статьи 125 Конституции РФ. Суд правомочен рассматривать споры: между федеральными органами государственной власти (например, между Государственной Думой и Правительством); между федеральными органами и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации.

Правом на обращение с запросом о разрешении подобного спора обладает каждая из сторон, чья компетенция подвергается сомнению. Отдельный и существенный процедурный аспект закреплён в статье 85 Конституции, которая наделяет Президента Российской Федерации как гаранта Конституции специальным арбитражным правомочием. Президент может обратиться в Конституционный Суд с запросом после того, как использовал согласительные процедуры для устранения возникших разногласий, но эти меры не привели к разрешению конфликта. Эта норма трансформирует Президента из потенциального участника спора в инстанцию, инициирующую объективное конституционное разбирательство, что подчёркивает его роль высшего интегратора в системе публичной власти.

Реализация этих полномочий имеет далеко идущие последствия, выходящие за рамки конкретного спора. Каждое решение по компетенционному вопросу выполняет нормообразующую и системообразующую функцию, прецедентно уточняя контуры правовых полей различных органов, укрепляя принципы федерализма и препятствуя произвольному присвоению властных функций. Тем самым Конституционный Суд выступает не просто арбитром в конфликтах, а активным «архитектором» и стабилизатором всей конструкции российской государственности, обеспечивая её функционирование в строгих рамках Основного закона. Это обуславливает необходимость дальнейшего изучения процессуальных гарантий и критериев, применяемых Судом при оценке компетенционных споров, что составляет предмет отдельного глубокого исследования [1, с. 97].

В отечественной конституционно-правовой модели Конституционный Суд Российской Федерации занимает особую, уникальный, позицию. Будучи формально частью судебной системы, он осуществляет не традиционное правосудие по конкретным спорам, а специализированный нормоконтроль и разрешение институциональных конфликтов. Его ключевая роль заключается в обеспечении системного равновесия между различными ветвями и уровнями публичной власти посредством авторитетного толкования Основного закона. Этот суд выступает в качестве высшего арбитра, функцией которого является недопущение выхода любого государственного института за очерченные Конституцией пределы компетенции, тем самым гарантируя стабильность всего конституционного строя.

Процедура разрешения споров о компетенции: юридические критерии допустимости. Обращение в Конституционный Суд с запросом о разрешении подобного спора признается допустимым только при совокупности ряда строгих условий, формирующих фильтр для отсева неподведомственных вопросов.

1. Предмет спора. Оспариваться должно именно конституционное полномочие, то есть властное правомочие, прямо закрепленное в тексте Конституции РФ, а не производное от него полномочие, установленное текущим законодательством. Спор не должен касаться вопросов подсудности или подведомственности конкретных дел судам общей или арбитражной юрисдикции.

2. Исчерпанность иных мер. Обращение является субсидиарным, то есть допустимым лишь при невозможности устранить разногласия иным путем. Орган-заявитель обязан предварительно письменно уведомить другой орган о предполагаемом нарушении конституционного разграничения полномочий. Если меры не приняты, а также в случае обращения к Президенту РФ для использования согласительных процедур (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ), которое не привело к результату в течение месяца, путь в Конституционный Суд открывается.

3. Предполагаемое нарушение. Заявитель должен обоснованно полагать, что издание (или отказ от издания) нормативного акта, совершение действия или бездействие другого органа нарушает установленное Конституцией разграничение компетенций.

Специальные правила действуют для запроса Президента РФ на основании ч. 1 ст. 85 Конституции: помимо проведения и безрезультатности согласительных процедур, сам спор должен входить в круг подсудных Конституционному Суду.

Пределы судебного усмотрения и характер решений. При рассмотрении таких споров Суд выступает не как создатель новых правил, а как интерпретатор существующих конституционных установлений. Его анализ строго ограничен рамками главы 3 Конституции РФ («Федеративное устройство») и принципа разделения властей (ст. 10). В зависимости от субъектного состава спора Суд применяет соответствующие критерии: для федеральных органов – баланс между законодательной, исполнительной и судебной ветвями; для споров «центр – регион» – разграничение предметов ведения; для споров внутри субъекта – компетенцию его высших органов. При этом Суд принципиально не оценивает целесообразность, процедурные детали или содержание оспариваемого акта – эти вопросы относятся к предмету абстрактного нормоконтроля.

Итоговое решение по спору о компетенции носит двоякий характер: Суд либо подтверждает наличие у оспариваемого органа конституционного полномочия на совершение спорного действия, либо признает его действия (бездействие) неправомерными как выходящие за пределы его компетенции.

Таким образом, решение обладает ярко выраженной нормообразующей функцией, окончательно и бесповоротно фиксируя границы властных полномочий.

Специфическое полномочие: заключение по процедуре импичмента Президента. Отдельной, политически чувствительной прерогативой Конституционного Суда является дача заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения Государственной Думой обвинения Президенту РФ. Чтобы не подвергать суд политическому давлению и сохранить его нейтралитет, закон исключает возможность собственной инициативы Суда в этом вопросе – заключение дается исключительно по запросу Совета Федерации.

Сравнительно-правовой контекст и вызовы политизации. Институт разрешения споров о компетенции – общее место для развитых демократий. Его сила – в воспринимаемой беспристрастности суда, дистанцированного от текущей политики. Однако парадокс конституционного правосудия заключается в том, что, разрешая споры властных институтов, сам суд неминуемо оказывается в поле политического напряжения. Его окончательные и не подлежащие обжалованию решения могут вести к восприятию его как политического игрока, а не нейтрального арбитра. Для минимизации этого риска в мировой практике выработан комплекс гарантий: сложная, многоэтапная процедура формирования суда с участием разных ветвей власти; повышенные требования к квалификации и репутации судей; особые механизмы их неприкосновенности и несменяемости.

Анализ зарубежного опыта, его достоинств и недостатков, позволяет сформулировать научно обоснованные предложения по оптимизации правового регулирования и практики Конституционного Суда РФ. Ключевым вектором такого совершенствования видится не столько расширение полномочий, сколько укрепление процессуальных гарантий, обеспечивающих максимальную независимость и объективность Суда при выполнении им своей тонкой и ответственной работы по удержанию конституционного баланса в динамично развивающемся государстве [2].

Представляется обоснованной позиция, согласно которой сложная многоступенчатая процедура импичмента, установленная Конституцией, исторически и логически направлена на предотвращение злоупотреблений и недопущение трансформации данного института в орудие сиюминутной политической конкуренции. Её целью является обеспечение стабильности исполнительной власти при одновременном сохранении действенного механизма её контроля в случае грубых нарушений. Однако, с точки зрения развития конституционной доктрины, действующая модель вызывает ряд содержательных вопросов.

Основным предметом научной дискуссии является искусственная ограниченность перечня оснований для отрешения Президента, сведённого исключительно к признакам уголовно наказуемых деяний – государственной измены и совершения иного тяжкого преступления. Такой подход игнорирует специфику конституционно-правовой ответственности главы государства, которая по своей природе должна наступать не за уголовные преступления, а за «конституционные деликты», то есть за виновные деяния, прямо подрывающие основы конституционного строя.

Второй ключевой тезис заключается в необходимости перераспределения экспертной оценки между высшими судебными инстанциями. Представляется логичным наделить Конституционный Суд РФ исключительным правомочием по установлению факта совершения главой государства конституционно-правового деликта, оставив за Верховным Судом РФ полномочия по установлению признаков уголовно наказуемого деяния в действиях Президента. Это позволило бы провести четкую демаркационную линию между двумя видами ответственности и обеспечить квалифицированную оценку именно нарушений конституционного характера.

Таким образом, обоснованной видится необходимость внесения комплекса взаимосвязанных поправок в статьи 93 и 125 Конституции Российской Федерации. Целью таких изменений должно стать расширение материальных оснований для отрешения Президента от должности за счёт включения в них конституционных деликтов и, как следствие, возвращение Конституционному Суду полномочия, по конституционно-правовой оценке, действий (бездействия) главы государства в рамках специальной процедуры.

Помимо детально рассмотренных полномочий по разрешению споров о компетенции и нормоконтролю, Конституционный Суд обладает рядом иных, менее востребованных на практике, но от этого не менее значимых с точки зрения теории и стратегического потенциала правового воздействия прерогатив. Их редкость применения (а некоторые ни разу не были реализованы) не умаляет их системной важности как резервных инструментов обеспечения верховенства Конституции. Это обуславливает необходимость их комплексного научного осмысления в рамках целостной концепции роли органа конституционного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти: монография / А. Е. Постников, Л. В. Андриченко, А. Е. Помазанский и др.; отв. ред. Л. В. Андриченко, А. Е. Постников; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Науч. изд. Москва: Инфра-М, 2020. 237 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // Право и образование. 2018. № 2. С. 44–49.

УДК 351:346.1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Катаев Артем Алексеевич, магистрант
Ямбушев Фаиль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811217@ruc.su, f.sh.yambushev@ruc.su

STATE CONTROL AND SUPERVISION IN ENTREPRENEURSHIP

Kataev Artem Alekseevich, Master's Degree student
Yambushev Fail Shamilievich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с государственным контролем и надзором в сфере предпринимательской деятельности. В частности, рассматриваются проблемы понимания государственного контролем и надзором, его цели, функции, принципы и методы осуществления. Особое внимание уделяется анализу государственного контроля и надзора в условиях риск-ориентированной модели экономической деятельности, в которой находится Российская Федерация.

Ключевые слова: с государственный контроль, государственный надзором, предпринимательская деятельность, риск-ориентированная модель.

This article examines issues related to state control and supervision in the field of entrepreneurial activity. Specifically, it examines the understanding of state control and supervision, including its goals, functions, principles, and methods of implementation. Particular attention is paid to the analysis of state control and supervision within the context of the risk-based economic model in which the Russian Federation operates.

Keywords: state control, state supervision, entrepreneurial activity, risk-based model.

В условиях современного социально-экономического развития Российской Федерации контроль и надзор за деятельностью субъектов предпринимательства выступают ключевыми элементами обеспечения законности, защиты публичных прав и законных интересов граждан. Чрезмерная или некачественная работа в контрольно-надзорной сфере вредит деловой активности, тормозит развитие предпринимательства, снижает его устойчивость и создает преграды для дальнейшего развития субъектов экономической деятельности.

В Российской Федерации контрольно-надзорная деятельность переживает трансформацию, которая обусловлена переходом к риск-ориентированной модели, автоматизацией проверочных процедур и сокращением формальных процедур для бизнеса. Эти сдвиги не просто меняют практику, а полностью пересматривают саму природу государственного вмешательства в предпринимательскую сферу. Новые подходы требуют переосмысления правовых рамок и внутренних механизмов контроля и надзора.

Данное исследование предлагает системный взгляд на текущее состояние контроля и надзора, с учетом последних изменений в законодательстве.

Государственный контроль в сфере предпринимательства представляет собой совокупность действий уполномоченных органов публичной власти, направленных на обеспечение соблюдения законодательства участниками экономической деятельности. Меры применяются не для ограничения свободы предпринимателей и их деятельности, а для поддержания стабильности системы, исключения злоупотреблений и минимизации рисков системного характера. Надзор работает не против бизнеса, а как элемент защиты интересов общества и устойчивости экономики в целом. Контроль и надзор обеспечивают баланс между свободой предпринимательства и общественными интересами. Различие между двумя мерами заключается в характере их воздействия. Контроль чаще имеет превентивный и аналитический характер, предполагает проверку соблюдения установленных норм. Надзор представляет собой предупреждающий и санкционирующий механизм, направленный на выявление и пресечение нарушений.

В научной литературе оговаривается, что государственный контроль и надзор не сводятся только к

проверкам, штрафам и прочим санкциям. Также данные меры включат в себя следующие функции:

– консультативную;

– разъяснительную;

– профилактическую [1].

Реализация данных функций ориентирована на формирование устойчивых отношений, связанных с прозрачностью и предсказуемостью в бизнес-среде.

Основными целями государственного контроля и надзора являются:

– обеспечение соблюдения норм действующего законодательства субъектами предпринимательства, включая налоговое, трудовое, экологическое и антимонопольное;

– предотвращение нарушений, которые могут негативно повлиять на экономическую стабильность или права потребителей;

– создание условий для честной конкуренции;

– защита общественных интересов;

– повышение эффективности функционирования бизнеса, путем внедрения стандартов качества, безопасных производственных практик и прозрачных процедур.

Задачи контроля и надзора проявляются через систематический анализ деятельности субъектов предпринимательства, выявление и предупреждение нарушений, а также применение административных мер в случае несоблюдения требований законодательства [2].

Государственный контроль и надзор реализуются в различных формах. Документарный контроль представляет собой проверку отчетной и бухгалтерской документации. Фактический контроль, осуществляется путем инспектирования, проверок на месте деятельности предпринимателя. Экспертно-аналитические формы, включают в себя аудит, мониторинг и оценку риска. Консультативные и разъяснительные мероприятия, направлены на предупреждение нарушений и повышение правовой грамотности предпринимателей.

Методы государственного контроля и надзора могут быть разных видов:

– превентивные (инструктажи, разъяснения, лицензирование);

– репрессивные (штрафные санкции, приостановление деятельности, отзыв лицензии).

Совокупное применение данных методов помогает уполномоченным органам публичной власти эффективно поддерживать баланс между государственным регулированием и свободой предпринимательства [3].

Риск-ориентированный подход одно из ключевых нововведений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Появляется классификация объектов контроля по категориям риска.

Если более углубленно рассмотреть данный термин, то риск-ориентированный подход представляет собой стратегию государственного контроля и надзора, которая основана на оценке вероятности возникновения нарушений и их потенциальных последствий. В отличие от традиционной практики, риск-ориентированный подход позволяет концентрировать ресурсы органов контроля исключительно на наиболее значимые и опасные сферы деятельности. Главной целью риск-ориентированного подхода является повышение эффективности государственного надзора путем определения приоритетных объектов контроля, снижение административной нагрузки на добросовестных предпринимателей.

Принципами реализации риск-ориентированного подхода являются:

– идентификация и оценка рисков. Анализируются виды деятельности, которые несут потенциальные угрозы. Риск в данном случае оценивается по критериям значимости и вероятности ущерба;

– приоритетность действий. Контрольные мероприятия, как правило, направляются прежде всего на объекты с наибольшим риском, что позволяет использовать ограниченные ресурсы рационально;

– пропорциональность мер. Контрольные процедуры и санкции должны соответствовать масштабу и тяжести выявленного риска;

– динамичность и адаптивность. Риск-ориентированный подход требует постоянного обновления информации о рисках, гибкого и быстрого реагирование в предпринимательской среде;

– прозрачность и предсказуемость. Субъекты хозяйственной деятельности должны иметь возможность оценить свои риски и понимать критерии надзорной деятельности.

Этапы применения риск-ориентированного подхода в государственном контроле включают следующее этапы:

– сбор и анализ информации о субъектах контроля. Сюда входят данные о прошлых нарушениях, финансовом состояние, отраслевых рисках;

– при классификации и ранжирование рисков формируется категория объектов по уровню риска (высокий, средний, низкий);

– разработка программы надзорных мероприятий. Планируются проверки и мониторинг объектов с высоким риском;

– проведение мероприятий контроля и оценка их эффективности. Анализируются результат надзора и корректируются подходы к оценке рисков;

– документирование и обратная связь. Создаются отчеты, рекомендации для субъектов контроля.

Также, исходя из положений Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», нельзя не отметить, что одним из принципиальных положений является закрепление профилактики в качестве приоритетного направления деятельности контрольных органов (ст. 8, ст. 45).

Профилактические мероприятия состоят из информирования, консультирования, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережений, проведение профилактических визитов. Таким образом контрольная деятельность государства выходит за рамки проверки как таковой и приобретает элементы сопровождения предпринимательства.

Это очень важно для субъектов малого и среднего бизнеса, так как сложность и изменчивость обязательных требований зачастую становятся источником правовых рисков, которые могут пагубно повлиять на небольшую компанию.

Планирование проверок осуществляется с учетом категории риска (ст. 23–24). Интенсивность государственного воздействия ставится в зависимость от вероятности причинения вреда.

Институт профилактического визита (ст.52) представляет собой наиболее яркое проявление новой логики контроля. Суть заключается в том, что нарушения не фиксируются, а происходит разъяснение обязательных требований и предупреждение возможных ошибок. Контрольная функция здесь сочетается с консультативной, но эффективность данного инструмента во многом зависит от практики применения. Стоит отметить, что существенное значение имеет цифровизация контрольно-надзорной деятельности. Закрепление обязанности отражать сведения о мероприятиях в Едином реестре. (ст. 19) усиливает прозрачность процедур и создает дополнительные гарантии для бизнеса. Информационные технологии позволяют формировать массив данных для анализа эффективности контроля, а также сокращают коррупционные риски. Но цифровизация не устраняет полностью проблему субъективной оценки, что приводит к вопросу о балансе публичных и частных интересов.

Контрольная деятельность государства неизбежно затрагивает свободу предпринимательства. В этом и заключается противоречие: публичная власть обязана защищать общественные интересы, но одновременно должна уважать экономическую автономию частных субъектов. На практике конфликт интересов возникает в ситуациях неопределенных обязательных требований, при формальном подходе к оценке нарушений. Даже риск-ориентированная модель не исключает возможности чрезмерного вмешательства, если критерий отнесения к категории риска применяются без учета реальных обстоятельств.

Современная модель государственного контроля и надзора в сфере предпринимательства демонстрирует изменение традиционной парадигмы. Но ключевой проблемой остается определение допустимых пределов вмешательства государства в экономическую свободу. Решение данного вопроса определит дальнейшую эволюцию контрольно-надзорной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боков В. М. Правовое регулирование государственного контроля и надзора в предпринимательской деятельности: учебник // Москва: ИНФРА-М, 2026. – 288 с.

2. Данилов Л. А. Контроль и надзор в сфере предпринимательской деятельности: теория и практика: учебное пособие // Санкт-Петербург: Альфа-М, 2025. – 352 с.

3. Трофимова И. Е. Административные процедуры в сфере государственного контроля и надзора: учебно-методический комплекс // Москва: Проспект, 2026. – 184 с.

УДК 342.15

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Киушкина Юлия Дмитриевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810382@ruc.su

LEGAL STRUCTURE OF LOCAL GOVERNMENT SERVICE: CONTENT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Kiushkina Yulia Dmitrievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье осуществляется комплексный анализ юридической конструкции прохождения муниципальной службы в Российской Федерации. Рассматриваются ее системные элементы, включающие принципы, правовой статус служащего, стадии служебного процесса и нормативную основу. Основное внимание уделяется системным проблемам правового регулирования.
Ключевые слова: муниципальная служба, юридическая конструкция, прохождение службы, органы местного самоуправления, правовой статус муниципального служащего, проблемы правового регулирования, кадровая политика.

The article provides a comprehensive analysis of the legal structure of municipal service in the Russian Federation. Its system elements are considered, including the principles, the legal status of the employee, the stages of the service process and the regulatory framework. The main focus is on systemic problems of legal regulation.
Keywords: municipal service, legal structure, passage of service, local governments, legal status of a municipal employee, problems of legal regulation, personnel policy.

Муниципальная служба как профессиональная деятельность граждан на должностях в органах местного самоуправления выступает фундаментальным институтом, обеспечивающим реализацию конституционного права граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения [1]. От эффективности ее функционирования напрямую зависит качество жизни населения, доступность публичных услуг и доверие к власти на наиболее приближенном к человеку уровне. В этом контексте прохождение муниципальной службы – не просто последовательность кадровых мероприятий, а сложная «юридическая конструкция», объединяющая нормы различных отраслей права и формирующая особый публично-правовой статус служащего.

Юридическая конструкция прохождения муниципальной службы представляет собой целостную, внутренне согласованную систему правовых элементов, определяющих порядок возникновения, изменения и прекращения служебных отношений. Ее содержание раскрывается через следующие взаимосвязанные компоненты.

Ключевыми элементами конструкции являются:

1. Принципы: Верховенство Конституции и федеральных законов, приоритет прав и свобод человека, профессионализм и компетентность, стабильность службы, взаимосвязь с государственной гражданской службой. Многие исследователи отмечают декларативность и недостаточную реализацию части этих принципов на практике.

2. Правовой статус муниципального служащего: Ядро конструкции. Включает права, обязанности, ограничения, запреты и гарантии. Критической проблемой является отсутствие в федеральном законодательстве легального определения «правового статуса муниципального служащего», что приводит к фрагментарности его регулирования. Закон регулирует лишь отдельные компоненты статуса, не давая его целостной картины.

3. Стадии прохождения службы: Последовательность юридически значимых этапов, образующих служебный процесс: 1) поступление (конкурс или иной порядок); 2) непосредственное прохождение (исполнение обязанностей, аттестация, повышение квалификации, служебная проверка, поощрения и взыскания); 3) прекращение (по общим или специальным основаниям). Каждая стадия обладает собственной процедурой, наполненной специфическими юридическими фактами.

Конструкция формируется многоуровневой системой источников права, что порождает как преимущества гибкости, так и риски противоречий:

1. Федеральный уровень: Конституция РФ, Федеральный закон № 25-ФЗ, а также нормы Трудового кодекса РФ, применяемые субсидиарно. Особую роль играет коллизия между публично-правовой природой службы и нормами трудового права. Например, Федеральный закон № 25-ФЗ исключает регулирование служебных отношений коллективными договорами и соглашениями, что, по мнению ряда исследователей, неоправданно сужает гарантии служащих.

2. Региональный уровень: Законы субъектов РФ о муниципальной службе, устанавливающие, в частности, дополнительные социальные гарантии и особенности квалификационных требований. Именно здесь наблюдается значительная вариативность, нарушающая принцип единства системы.

3. Муниципальный уровень: Уставы муниципальных образований, положения о службе, должностные регламенты, регламентирующие процедурные вопросы. В малых муниципалитетах качество этой базы зачастую низкое, а ее разработка носит формальный характер.

Анализ практики применения норм о муниципальной службе позволяет выявить ряд системных проблем, деформирующих заложенную в законе юридическую конструкцию.

В качестве теоретико-правовыех и коллизионныех проблем выступают:

– неопределенность отраслевой принадлежности. Отсутствие консенсуса в науке о том, является ли регулирование муниципально-служебных отношений подотраслью конституционного (муниципального) права или специальным институтом административного права, порождает методологическую путаницу. На практике это проявляется в постоянном «перетягивании каната» между публично-правовыми и трудовыми нормами;

– фрагментарность и внутренние противоречия. Даже внутри профильного закона обнаруживаются терминологические неточности (например, использование понятий «профессиональная деятельность» и «профессиональная служебная деятельность» как синонимов). Законодательство субъектов РФ изобилует оценочными категориями («высокие деловые качества», «достаточный опыт»), открывающими простор для субъективного усмотрения.

В конкретных ситуациях как правило значительное влияние на организацию эффективности службы оказывают организационно-кадровые проблемы и их нерешенность, к таковым следует отнести: формализация процедур; территориальная дифференциация и ограничение мобильности; дефицит кадров и низкий уровень профессионализма [2].

В качестве негативных факторов выступают неэффективная мотивация и социальные гарантии для муниципальных служащих (отсутствие прямой связи между результативностью служащего и уровнем его материального вознаграждения демотивирует персонал). Одновременно с этим появляется реальная возможность процветания коррупционных составляющих на муниципальной службе: прямая, скрытая коррупция и возникновение конфликта интересов. Хотя антикоррупционные запреты и обязанности (предоставление сведений о доходах) закреплены, их превентивный эффект ограничен. Наибольшие коррупционные риски сосредоточены в сферах распоряжения муниципальным имуществом и землей, размещения заказов. Механизмы урегулирования конфликта интересов на муниципальном уровне остаются декларативными.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что юридическая конструкция прохождения муниципальной службы, закрепленная в российском законодательстве, представляет собой сложный, но внутренне противоречивый механизм. Его содержание формируется на стыке публичного и трудового права, что порождает системные коллизии. Реальная практика реализации этой конструкции демонстрирует ее существенную деформацию под влиянием организационных, кадровых и финансовых ограничений, характерных для многих муниципальных образований. Проблемы носят не частный, а системный характер, затрагивая теоретические основы, нормативное наполнение и практику применения.

Для преодоления выявленных дисфункций и укрепления юридической конструкции необходимы последовательные меры по совершенствованию правового регулирования, качестве которых необходимо:

1. Унификация и конкретизация на федеральном уровне. Целесообразно закрепить в Федеральном законе № 25-ФЗ легальное определение «правового статуса муниципального служащего» как целостной категории. Типовые квалификационные требования к должностям, а также базовые принципы формирования кадрового резерва и проведения аттестации должны устанавливаться единообразно федеральным законом или актом Правительства РФ для обеспечения единства системы и мобильности кадров.

2. Сбалансирование публично-правовых и трудовых начал. Необходимо четче разграничить сферы регулирования Закона о муниципальной службе и Трудового кодекса РФ, допустив субсидиарное применение норм трудового права в вопросах, прямо не урегулированных публичным законодательством (например, режим рабочего времени, отдельные виды гарантий).

3. Повышение роли представительных органов и публичности. Слепить законодательно закрепить процедуры обязательного информирования представительного органа о ключевых кадровых решениях главы администрации (назначения на высшие должности, результаты аттестаций), а также возможность проведения парламентских слушаний по вопросам кадровой политики.

4. Развитие экономических стимулов и антикоррупционных механизмов. Требуется разработка и внедрение прозрачной системы оплаты труда, увязанной с эффективностью и результативностью деятельности как служащего, так и органа местного самоуправления в целом. Антикоррупционные процедуры (урегулирование конфликта интересов) должны быть конкретизированы в типовых муниципальных правовых актах с четким описанием алгоритмов действий.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что реализация предложенных мер правовой коррекции обладает значительным системообразующим потенциалом. Их воплощение в нормотворческой и правоприменительной практике выходит за рамки простого устранения отдельных недостатков, формируя предпосылки для глубокой трансформации самого института муниципальной службы.

Вопреки формальному восприятию, правовые пробелы и коллизии, выявленные в регулировании служебного прохождения, не являются разрозненными феноменами. Они представляют собой симптом более глубокой структурной проблемы – рассогласования между традиционной, жестко иерархичной моделью управления кадровыми ресурсами и современными требованиями к эффективности,

гибкости и публичной открытости местной власти. Поэтому предлагаемые шаги – от легального закрепления целостного правового статуса служащего до внедрения прозрачных механизмов урегулирования конфликта интересов – должны рассматриваться не изолированно, а как взаимосвязанные элементы единой стратегии модернизации.

Последовательная унификация базовых требований и процедур на федеральном уровне создаст не «уравниловку», а необходимый правовой каркас, гарантирующий единство принципов функционирования службы в масштабах всей страны. Это, в свою очередь, снимет искусственные барьеры для профессиональной мобильности кадров, позволит распространять лучшие управленческие практики и сформирует общее смысловое поле для оценки компетенций. Ключевым следствием станет трансформация муниципальной службы из совокупности локализованных, замкнутых корпораций в открытый, конкурентный общенациональный кадровый ресурс, интегрированный в единую систему публичного администрирования.

Одновременно сбалансированное сочетание публично-правовых и трудовых начал в регулировании служебных отношений призвано преодолеть сохраняющуюся двойственность положения муниципального служащего. Четкое разграничение сфер регулирования позволит, с одной стороны, обеспечить безусловный приоритет служебного долга, ограничений и антикоррупционных стандартов как производных от публичной природы должности. С другой стороны, это даст возможность полноценно использовать защитный потенциал трудового законодательства в вопросах, касающихся социальных гарантий, режима труда и отдыха, материальной ответственности. Такой синтез создаст устойчивый, справедливый и предсказуемый правовой фундамент для ежедневной деятельности, повышая привлекательность службы для квалифицированных специалистов.

Таким образом, совокупный эффект от реализации предложенных мер предполагает переход к новой качественной модели муниципальной службы. Ее конституирующими чертами станут: правовая определенность и единство требований; сбалансированный правовой статус, гармонично сочетающий ограничения и гарантии; публичная открытость и подконтрольность кадровых процессов. Такая служба перестанет восприниматься как «второстепенная» или «резервная» и утвердится в качестве полноценного, профессионального и социально ответственного института, непосредственно определяющего качество повседневной жизни граждан и реализацию конституционных основ местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тенденции развития конституционно-правовых основ местного самоуправления на современном этапе / О. В. Кукушкин, Ю. И. Каргин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика: монография. Пенза: «Наука и Просвещение», 2016. С. 111–125.

2. Котляров, С. Б. История развития институтов прямого волеизъявления населения России в досоветский период / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Современное общество: наука, техника, образование: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах, Нефтекамск, 15 декабря 2016 года. Том 4. Нефтекамск: Башкирский государственный университет, 2016. С. 128–133.

УДК 342.56

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ

Кондратьева Ксения Алексеевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811220@ruc.su

HISTORICAL DYNAMICS OF THE INSTITUTION OF JUDICIAL POWER IN RUSSIA: STAGES OF FORMATION AND MODERNIZATION

Kondratyeva Ksenia Alekseevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Работа посвящена исследованию долгосрочной эволюции российской судебной системы в контексте смены политико-правовых парадигм. Автор анализирует, как на разных исторических этапах (досоветском, советском, постсоветском) происходила институционализация суда, переопределение его функций и позиционирование относительно других властных институтов. Это дает возможность не только зафиксировать преемственность и разрывы в развитии, но и вывести объективные закономерности, определившие современные контуры самостоятельной судебной власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть, суд, история суда, становление судебной власти, судебная система.

The work is devoted to the study of the long-term evolution of the Russian judicial system in the context of a change in political and legal paradigms. The author analyzes how at different historical stages (pre-Soviet, Soviet, post-Soviet) the court was institution-

alized, its functions were redefined and positioned relative to other power institutions. This makes it possible not only to record the continuity and gaps in development, but also to derive objective patterns that determined the modern contours of an independent judiciary in the Russian Federation.
Keywords: judicial power, court, court history, formation of judicial power, judicial system.

Уровень общественного доверия является ключевым индикатором реальной независимости и дееспособности судебной системы. Именно степень этого доверия позволяет оценить, насколько востребованной в обществе является вся конструкция конституционно-правовой защиты, включая практическую реализацию права на справедливое судопроизводство.

Формирование отечественной судебной системы происходило в эпоху активного становления международного правопорядка, что обусловило синтез исконных правовых обычаев и заимствованных прогрессивных институтов.

В древнерусский период отправление правосудия было прерогативой князя и приближенной к нему знати, а судебные функции зачастую исполнялись административными лицами. Современная наука признает методологическую проблематичность точного определения момента возникновения суда как отдельной власти в отечественной истории. Тем не менее, его оформление в эпоху Киевской Руси неразрывно связано с процессом христианизации и восприятием норм права по византийскому правовому устройству. Процесс восприятия византийских норм права нашел свое отражение в подписанных международных договорах того времени [1].

Знаковым этапом в становлении отечественного судоустройства стало появление «Русской Правды», которая представляла комплексный результат формирования и сведения норм права касающихся разнообразных сторон жизни и деятельности населения указанного исторического периода. В «Русской Правде» были тесно переплетены нормы княжеского законодательства, основные нормы обычного права, имелись элементы судебной практики и нормы византийской юриспруденции, адаптированные для Руси. Важным моментом является то, что «Русская Правда» представляла первую попытку в своде законов отразить кодификационные процессы, которые затронули базовые принципы устройства судебной системы и судебного процесса. Процессуальные нормы, содержащиеся в ней – это первая попытка перейти от разрозненной и разобщенной практической плоскости к начальному этапу систематизации правовых основ княжеской власти (государственной власти). Стремление к унификации судебной практики и устранению правовых противоречий побудило князей закреплять нормы в письменном виде. Этому способствовали изменения в экономической и социальной сферах, которые порождали конфликты в традиционном праве, а также увеличение объёма накопленных правовых знаний.

Условия феодальной раздробленности Древнерусского государства способствовали созданию местных кодифицированных правовых новаторских решений выразившиеся в стремлении к созданию региональных правовых систем. Такими успешными попытками стали Новгородская и Псковская судные грамоты, отразившие потребности в создании системы «правового регулирования» вопросов торговли, заключения договоров, создании условий эффективного функционирования органов управления на местах. Одним из наиболее острых вопросов являлся процесс судебного решения и судебного процесса, так как это было одним из элементов уникальной для Русского государства модели судебной власти. В Пскове и Новгороде появились первые правовые системы регионального значения – новаторские подходы к проведению судебного разбирательства.

Изучение Псковской грамоты, в частности, позволяет сделать вывод о значительном уровне доверия населения к судебным институтам. Авторитет судей в этот период подкреплялся высокими требованиями к их профессиональной квалификации и нравственным качествам, поскольку от них ожидалось исключительно беспристрастное и знающее отправление правосудия.

Существенное преобразование и централизация судебных институтов произошли в период становления единого Московского государства, ключевой вехой чего стало принятие Судебника 1497 года. Данный свод законов сыграл приоритетную роль: он регламентировал судебную деятельность, существенно сократив пространство для произвола, а также ввел единообразные принципы организации судов и судопроизводства. Таким образом, был создан системный нормативно-правовой фундамент для функционирования судебной власти в условиях централизованной государственности. Расширение границ и консолидация российских земель объективно требовали формирования единой административной системы. Важным элементом этой политики выступил институт «кормлений», делегировавший управление уездами и городами наместникам и волостелям. Изначально данный механизм являлся эффективным средством укрепления верховной княжеской власти на местах.

В XVII веке в России происходит процесс преобразования всей судебной системы, которая к этому времени доказала свою не совершенную систему, не способную эффективно реагировать на изме-

нения в меняющихся условиях. Судебные органы получили четкие критерии своих «границ» деятельности: церковные суды и волостные суды действовали на местном уровне, а государственные судебные учреждения на центральном уровне. Именно в этот исторический период проявилось стремление со стороны государства к достижению унификации и укреплению судебной системы и судебного производства. Хотя отделения суда от администрации еще не произошло, именно судебные функции стали доминировать в работе государственного аппарата. Эти изменения получили законодательное закрепление в Соборном Уложении 1649 года, особенно в его X главе («О суде»), где были кодифицированы основы судоустройства и судопроизводства. Ядро системы доказательств того времени составляли процедуры, такие как «общая ссылка» (считавшаяся неопровержимым доказательством), «ссылка из виноватых», «обыск» и ряд других следственных действий.

Модернизационные реформы Петра I, затронувшие все сферы государственности, привели к коренной перестройке судебной системы. Приказная система управления уступила место коллегиальной. При этом ключевой принцип – совмещение административных и судебных функций в одних органах – сохранился: как старые приказы, так и новые коллегии осуществляли правосудие. Центральным судебным органом стала Юстиц-коллегия. Наряду с общей системой функционировали суды специального назначения: магистраты в городах, военная юстиция, а преследованием государственных злодеяний занимались особые структуры – Тайная канцелярия и Преображенский приказ. Была выстроена чёткая вертикальная структура судопроизводства, где инстанции располагались по восходящей: низовые судебные органы передавали дела в надворные инстанции, те подчинялись Юстиц-коллегии, а венчал эту систему Сенат.

Накопившиеся системные проблемы потребовали дальнейшей трансформации, которая была осуществлена при Екатерине II в рамках губернской реформы. Ее правовой основой стало «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года. Согласно этому акту, была создана дифференцированная структура местных судов, включавшая общесословные судебные палаты, специализированные (совестные и надзорные) суды, а также сословные суды на уровне губерний и уездов.

В ходе Судебной реформы 1864 года учрежденная Комиссия провела масштабное перераспределение судебных дел. Высшей апелляционной инстанцией по торговым делам стал Судебный департамент Сената, а деятельность коммерческих судов регулировалась Уставом судопроизводства торгового. Примечательно, что Верховный уголовный суд во второй половине XIX века был созван всего дважды.

Начало XX века не принесло кардинальных изменений в структуру судов, однако внешние и внутренние потрясения серьезно повлияли на их работу. В период Первой русской революции введение военного положения позволило передавать дела участников протестов в военно-окружные, а затем и в военно-полевые суды на основании соответствующего Положения от 19 августа 1906 года. В результате февральских событий в 1917 года власти Временного Правительства были вынуждены пойти на частичное изменение судебной системы, сохранив при этом её системность и «косность структуры» в неизменном виде. Октябрьские события 1917 года и приход к власти большевиков привели к полной ликвидации «царской» судебной системы и созданию «новой пролетарской судебной структуры».

Историко-правовой анализ развития судебной власти в досоветской России выявляет ее тесную связь с конкретным социокультурным контекстом каждой эпохи. Организационные формы и функциональное наполнение судебных институтов кардинально различались в киевский период, эпоху раздробленности, в имперский (XVIII – первая половина XIX вв.) и пореформенный (после 1864 г.) периоды.

Во все периоды развития можно заметить схожие организационные элементы судебных институтов, а также сохранение юридических традиций от одной эпохи к другой. Этот исторический опыт требует современного переосмысления с учетом текущих реалий и задач дальнейшего совершенствования правосудия.

В отличие от предыдущих преобразований, Октябрьская революция 1917 года инициировала тотальную ломку всей государственно-правовой системы. Были упразднены прежние институты власти, началось строительство принципиально новой судебной системы СССР. Советское правосудие приобрело ярко выраженный идеологический характер, что объяснялось неразрывной связью права и политики в социалистическом государстве. Появляется принцип в судебном производстве «революционная целесообразность»: связанно это было с тем, что «использовать буржуазную систему судоустройства» было не преемлемо, а новые еще только предстояло создать. Вплоть до формирования обновленной судебной системы полномочия по отправлению правосудия на короткий период были

возложены на Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) – такое решение носило временный характер и было принято сразу после октябрьских событий 1917 года.

Указанная концепция стала фундаментом для формирования практики создания правовых норм судами и применения законодательства в начальный период существования советского государства. В условиях отсутствия специализированных судов осуществление правосудия было поручено НКВД, что отражало чрезвычайный характер революционного периода и концентрацию властных полномочий для подавления сопротивления [2].

Среди ученых продолжаются дискуссии относительно преемственности между дореволюционной и советской юридической практикой в начальный период существования СССР. Определенная группа специалистов утверждает о радикальном разрыве с традициями судебных преобразований девятнадцатого столетия. По их версии, революционная трансформация общества подразумевала абсолютную ликвидацию всех существовавших ранее правовых структур. Тем не менее, любопытным фактом является то, что отдельные нормы из царской эпохи правосудия фактически продолжили действовать. В качестве иллюстрации можно привести восьмую статью обновленного законодательства, которая требовала осуществления судебных процедур в соответствии с нормативами, зафиксированными еще в уставах шестьдесят четвертого года позапрошлого века. Помимо этого, в третьей норме обновлённого законодательного документа, аналогично положениям дореволюционного Устава, устанавливалась монополия представителей судейского корпуса на отправление правосудной функции, трактуемой как специфическая форма судопроизводственной деятельности [3].

Правовые основы судебной системы в СССР были заложены посредством издания первых нормативных актов новой власти, которые юридически оформили целый ряд чрезвычайных судебных институтов.

По мере стабилизации внутренней обстановки после Гражданской войны произошло значительное сокращение сети военных и железнодорожных трибуналов. В ходе реорганизации судебных органов при губернских революционных трибуналах были образованы специализированные коллегии, уполномоченные рассматривать дела о преступлениях военнослужащих и тяжких должностных правонарушениях.

Репрессивно-карательный дискурс в организации советского правосудия сохранял свою институциональную целостность вплоть до середины XX столетия. Его трансформация была инициирована в ходе общесистемных изменений эпохи десталинизации (1950-е – 1960-е гг.), затронувших фундаментальные основы общественно-политического устройства и правовой доктрины. Параллельный процесс усиления представительной роли Советов сопровождался масштабной реорганизацией центрального аппарата управления, выразившейся в упразднении ряда министерств, что являлось составным элементом общей административной реформы.

Современная судебная система Российской Федерации в своих базовых организационно-функциональных параметрах демонстрирует структурную преемственность по отношению к советской модели. В противоположность этому, нынешний этап развития характеризуется прогрессирующей дифференциацией форм судопроизводства, направленных на обеспечение гарантий прав участников юридических отношений. Подобный плюрализм процессуальных форматов отражает сложившийся в правовой системе баланс между принципами профессиональной экспертизы и элементами общественной (гражданской) легитимации отправления правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. 2018. № 2. С. 44–49.

3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск: Типография «Рузаевский печатник», 2021. С. 198–207.

УДК 343.53 + 336.148

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФИНАНСОВЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1802–1850): СУБЪЕКТЫ, СОСТАВЫ, САНКЦИИ

Крылов Андрей Олегович, аспирант
Российский университет кооперации, г. Мытищи
e-mail: andrew_wenom@mail.ru

LEGAL LIABILITY FOR FINANCIAL ABUSES IN THE RUSSIAN EMPIRE (1802–1850): SUBJECTS, ELEMENTS OF OFFENSES, SANCTIONS

Krylov Andrey Olegovich, Postgraduate Student
Russian University of Cooperation, Mytishchi

В статье рассматривается эволюция института юридической ответственности за финансовые правонарушения в период становления министерской системы Российской империи. Анализируются правовые источники от Манифеста об учреждении министерств 1802 г. до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Общего счетного устава 1848 г. Особое внимание уделяется разграничению субъектов преступления (распорядители казны, казначеи, бухгалтеры), квалификации составов «казнокрадства» и «упущений» по службе, а также дифференциации санкций в зависимости от сословной принадлежности виновного и наличия злого умысла. Автор приходит к выводу, что к 1850 г. в России сложилась формально-определённая система юридической ответственности за финансовые правонарушения, однако её эффективность оставалась низкой из-за сословного характера санкций и несовершенства процедур взыскания начетов.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, Российская империя, Уложение о наказаниях 1845 г., казнокрадство, Общий счетный устав, юридическая ответственность, начет, должностные преступления, Сенат.

The article examines the evolution of the institution of legal liability for financial offenses during the formation of the ministerial system of the Russian Empire. The legal sources are analyzed, ranging from the Manifesto on the Establishment of Ministries of 1802 to the adoption of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 and the General Accounting Statute of 1848. Particular attention is paid to the differentiation of subjects of the crime (treasury administrators, treasurers, accountants), the qualification of the elements of "embezzlement of public funds" (kaznokradstvo) and "negligence" in service, as well as the differentiation of sanctions depending on the social estate of the perpetrator and the presence of malicious intent. The author concludes that by 1850, a formally defined system of legal liability for financial offenses had developed in Russia; however, its effectiveness remained low due to the estate-based nature of sanctions and the imperfection of procedures for the recovery of surcharges (nachet).

Keywords: state financial control, Russian Empire, Code of Punishments of 1845, embezzlement of public funds (kaznokradstvo), General Accounting Statute, legal liability, surcharge (nachet), malfeasance, Senate.

Становление министерской системы в 1802 году не только централизовало управление финансами, но и потребовало принципиально новой системы гарантий сохранности казенных сумм. Если в XVIII столетии ответственность за «похищение казны» носила зачастую внеправовой характер (репрессии по личному усмотрению монарха или конфискации имений), то период 1802–1850 гг. характеризуется попыткой создания формально-определенных составов должностных и имущественных преступлений в финансовой сфере [2, с. 74]. Однако исследование нормативных актов показывает, что чёткость формулировок оставалась низкой вплоть до второй четверти XIX века, а правоприменение отличалось крайней неравномерностью.

В историко-правовой науке вопросы ответственности за финансовые злоупотребления рассматриваемого периода освещались фрагментарно. Дореволюционные исследователи, в первую очередь В. А. Сакович и Н. С. Таганцев, заложили основы изучения системы государственного контроля и уголовно-правовой квалификации должностных преступлений [8, с. 12; 8, с. 5]. В советский период данная тематика практически не разрабатывалась по идеологическим причинам, поскольку акцент смещался на критику «царского режима» в целом, без детального юридического анализа. Современные работы А. С. Минакова, О. И. Чистякова и других авторов позволили ввести в научный оборот значительный массив архивных данных, однако комплексного исследования эволюции составов финансовых правонарушений и санкций за них именно в дореформенный период до сих пор не проводилось [1, с. 8; 7, с. 32]. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, сосредоточив внимание на нормативной базе и правоприменительной практике 1802–1850 годов.

Специфика рассматриваемого периода заключается в разграничении ответственности между тремя категориями должностных лиц, соприкасающихся с казенным интересом. Во-первых, это «распорядители кредитов» (министры, директора департаментов, губернаторы), которые не имели непосредственного доступа к денежной наличности, но подписывали ассигновки. Во-вторых, «казначеи и сборщики», непосредственно хранившие и выдававшие деньги. В-третьих, «бухгалтеры и контролеры», ответственные за верность счетоводства [4, с. 315].

Анализ нормативной базы показывает, что законодатель стремился установить личную ответственность каждого из указанных звеньев. Манифест 28 января 1811 г. «О устройстве Главного управления ревизии государственных счетов» прямо предписывал Государственному контролеру в случае обнаружения «начетов» (недостач) требовать объяснений не только от казначея, но и от того распорядительного управления, которое выдало незаконное предписание. Тем самым формировался принцип двухсубъектной ответственности: тот, кто украл, и тот, кто допустил кражу халатностью.

Особенно остро этот вопрос стоял в губернских учреждениях, где вице-губернатор, будучи председателем Казенной палаты, фактически совмещал функции распорядителя и контролёра, что создавало благоприятную почву для злоупотреблений. Инструкция 1837 г. (Общий наказ гражданским гу-

бернаторам) предприняла попытку разграничить эти роли, вменив губернатору обязанность ежемесячно свидетельствовать казенные суммы [5, с. 362]. Однако практика ревизий Сената 1840-х гг. демонстрирует, что хищения часто вскрывались лишь при смене должностных лиц или внезапной смерти казначея [6, с. 33].

Следует также отметить особый статус «фискалов» и чиновников для особых поручений, которые формально не относились к контрольным органам, но обладали правом внезапных проверок казначейств. Их правовое положение оставалось неурегулированным вплоть до 1840-х гг., что порождало конфликты компетенции между губернской администрацией и ревизионными учреждениями. Зачастую фискалы сами становились фигурантами дел о вымогательстве, получая от казначеев «отступные» за сокрытие обнаруженных недостач [8, с. 45].

До введения в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845/1846) составы финансовых преступлений были рассредоточены по многочисленным ведомственным инструкциям и Своду законов (т. XV). Ключевым недостатком являлось смешение понятий «злоупотребление» (умышленная кража) и «упущение» (небрежность). В уставах казенных палат и горных ведомств часто встречалась формулировка: «виновные в упущениях казенного интереса подвергаются взысканию убытка и наказанию по мере вины и важности ущерба» [2, с. 104], что создавало широчайшее поле для судебного усмотрения.

Ситуация начала меняться с принятием Свода законов уголовных 1832 г., но коренной перелом связан с Уложением 1845 г. Этот кодифицированный акт впервые в истории отечественного права выделил раздел V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», в котором особое место заняли статьи о нарушении уставов счетных (гл. 11) [3, с. 215]. Важно отметить, что законодатель в ст. 485 Уложения предпринял попытку дать легальное определение растраты, разграничив ее с простым воровством. Если хищение частного имущества требовало доказательства изъятия вещи, то для казенного имущества достаточно было установить факт «недостатка сумм против приходо-расходных книг» [3, с. 221], что создавало для чиновников презумпцию виновности.

Кроме того, Уложение 1845 г. впервые ввело разграничение преступлений по степени тяжести на уголовные (тяжкие) и исправительные (менее тяжкие). Для финансовых правонарушений это имело принципиальное значение: хищение сумм на сумму свыше 300 рублей серебром квалифицировалось как уголовное преступление и влекло лишение всех прав состояния, тогда как меньшие суммы рассматривались как исправительные проступки [3, с. 228].

Для темы диссертации принципиально важно разделение, проведенное в ст. 485–530 Уложения 1845 г., между корыстным похищением и служебными упущениями. К наиболее серьезным финансовым преступлениям закон относил:

- Присвоение и растрату вверенных по службе казенных сумм (ст. 485). Санкция варьировалась от отрешения от должности и вычета стоимости, похищенного до ссылки на житье в Сибирь или отдачи в исправительные арестантские роты [3, с. 226].
- Подлог в счетах и отчетных ведомостях (ст. 489–490). Каралось строже, чем простое хищение, если подлог был учинен с намерением скрыть растрату, так как здесь усматривался двойной состав: нарушение порядка управления и имущественный ущерб [7, с. 87].
- Незаконные поборы и прием взяток под видом «благодарности» при подрядах (ст. 502). Уложение разграничивало «мздоимство» (принятие платы за законные действия) и «лихоимство» (за нарушение закона) [7, с. 91]. Судебная практика Сената по ст. 502 складывалась неоднозначно: доказывание того, что подряд был заключен по завышенной цене именно вследствие взятки, было крайне затруднено, и зачастую дела прекращались «за недостатком улик» [8, с. 54].

Особенностью санкций являлась их сословная дифференциация. Для купцов и разночинцев, состоявших на службе в уездных казначействах, наказание сопровождалось телесным воздействием или сдачей в солдаты, тогда как для дворян и лиц, имевших чины по Табели о рангах, оно ограничивалось исключением из службы и лишением чинов [7 с. 102]. Это создавало парадоксальную ситуацию, когда казначей из купеческого сословия, укравший 500 рублей, рисковал шпицрутенами и пожизненной солдатчиной, а столоначальник-дворянин, допустивший убыток казны на 5000 рублей по халатности, отделывался вычетом из жалованья и строгим выговором с внесением в послужной список. Такая дифференциация была предметом критики уже в записках Государственного контроля в конце 1840-х гг., где указывалось, что страх перед телесным наказанием не столько удерживает низших чиновников от краж, сколько толкает их на более изощрённые подлоги и сокрытие недостач до критических сумм [8, с. 64].

Завершающим аккордом исследуемого периода стало принятие Общего счётного устава (7 октября 1848 г.). Этот документ установил презумпцию виновности распорядителя: «Всякий начёт на казне,

обнаруженный ревизиею, взыскивается без послабления с виновных в том чиновников, а в случае их несостоятельности – с лиц, избравших их к должностям». Иными словами, законодатель ввёл механизм субсидиарной ответственности, что крайне дисциплинировало кадровую политику в губерниях: губернаторы и вице-губернаторы, отвечавшие за назначение казначеев, стали более осмотрительно подходить к подбору кандидатов.

Необходимо дать развёрнутую юридическую характеристику самому понятию «начёт», которое является центральным для понимания ответственности того времени. Начёт в дореформенном праве занимал промежуточное положение между мерой гражданско-правовой ответственности (взыскание убытков) и уголовным штрафом. Он налагался административным решением Контрольной палаты или ревизионного департамента Сената, не требуя приговора уголовного суда, если сумма недостачи была очевидна из документов [8, с. 61].

Процедура взыскания начёта была следующей. При обнаружении недостачи составлялся акт ревизии, который направлялся виновному лицу для дачи объяснений в тридцатидневный срок. Если объяснения признавались неудовлетворительными, Контрольная палата выносила постановление о начёте. В случае отказа от добровольного возмещения дело передавалось в суд, а на имущество виновного налагался арест. По данным отчётов Государственного контроля за 1849–1850 гг., из общей суммы начётов, наложенных на чиновников (около 1,2 млн рублей ассигнациями), реально взыскано было не более 15 %, что объяснялось как медлительностью судебных процедур, так и массовым переводом имущества виновными на родственников ещё до начала следствия [6, с. 34].

Для иллюстрации правоприменения приведем несколько характерных дел:

• Дело о недостаче в Нежинском уездном казначействе (1839 г.). Казначей, коллежский регистратор М., был уличен в растрате 12 000 рублей ассигнациями, которую он пытался покрыть подложными расписками помещиков об уплате подушной подати. В ходе ревизии выяснилось, что подлоги совершались в течение трёх лет, а сообщником казначея был писарь, подделывавший подписи. Сенат, применив ст. 485 Уложения (уже в 1846 г., при пересмотре дела), приговорил казначея к лишению всех прав состояния и ссылке в Томскую губернию, а убыток постановил взыскать с его имения. Поскольку имение оказалось заложенным в Приказе общественного призрения, взыскание было обращено на губернского казначея, не обеспечившего надлежащего надзора. Губернский казначей был вынужден уплатить 4000 рублей из собственных средств [8, с. 68].

• Дело о приёме негодного провианта для войск (1842 г.). Смотритель магазинов Комиссариатского ведомства титулярный советник К. и чиновник для поручений коллежский асессор Л. приняли от подрядчика партию гнилой муки объёмом 2000 четвертей, получив от него взятку в размере 800 рублей серебром. Факт взятки был доказан свидетельскими показаниями и найденными у К. деньгами, помеченными особым образом. Суд квалифицировал содеянное как «лихоимство» (ст. 502), так как приём некачественного продукта создавал угрозу для здоровья солдат и причинил убыток казне в размере 5000 рублей. Виновные были лишены чинов, дворянского достоинства, на их имущество наложен арест для покрытия стоимости испорченного провианта. Сами осуждённые были сосланы на поселение в Енисейскую губернию [8, с. 72].

• Дело о бухгалтерской ошибке в Гродненской казённой палате (1847 г.). Вследствие неверного сложения граф в отчёте за 1844 г. образовалась искусственная недостача в 2500 рублей, выявленная только при ревизии 1847 г. Виновный бухгалтер, губернский секретарь В., был признан допустившим «небрежение», что по ст. 510 Уложения влекло отрешение от должности. Однако, принимая во внимание отсутствие умысла, возмещение разницы из жалованья виновного и его безупречную двадцатилетнюю службу, Сенат ограничился строгим выговором с предупреждением. Этот казус демонстрирует, что суд уже в 1840-е гг. пытался дифференцировать наказание в зависимости от наличия корыстной цели и обстоятельств дела [8, с. 75]. Для полноты анализа необходимо кратко сопоставить российскую систему ответственности за финансовые злоупотребления с европейскими моделями того же периода. Во Франции, где после наполеоновских реформ действовала централизованная Счётная палата (Cour des Comptes, учреждена в 1807 г.), ответственность чиновников строилась на принципе независимой судебной проверки отчётности, а начёты взыскивались в бесспорном порядке через административные трибуналы. В Пруссии система была децентрализованной, и основная ответственность возлагалась на земельные счётные палаты.

Российская модель 1802–1850 гг. занимала промежуточное положение: формально существовал централизованный Государственный контроль, но фактически его полномочия были ограничены, а реальная власть по взысканию ущерба принадлежала губернской администрации и Сенату. Это создавало предпосылки для ведомственного «покрывательства» нарушителей. Как отмечал В. А. Таганцев, сравнивая российскую и французскую системы, «наш контроль страдал отсутствием подлинной

независимости от контролируемых учреждений, и потому начёты оставались на бумаге» [7, с. 145].

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что период 1802–1850 гг. стал временем перехода от архаичной практики внесудебных расправ за «казнокрадство» к созданию целостной системы материального и процессуального права в области государственного финансового контроля.

Во-первых, был чётко очерчен круг специальных субъектов ответственности: распорядители кредитов, казначеи, бухгалтеры. Принцип двухсубъектной ответственности, заложенный Манифестом 1811 г., позволил привлекать к взысканию не только непосредственных расхитителей, но и лиц, допустивших халатность при назначении или контроле.

Во-вторых, Уложение о наказаниях 1845 г. впервые провело чёткую грань между умышленным хищением и служебной небрежностью, что имело огромное значение для справедливого назначения наказания. Санкции дифференцировались в зависимости от размера ущерба, наличия корыстной цели и должностного положения виновного.

В-третьих, был создан процессуальный механизм взыскания ущерба – институт «начёта», регулируемый Общим счётным уставом 1848 г. Несмотря на низкий процент реального возмещения убытков (не более 15 %), сам факт законодательного закрепления внесудебного порядка взыскания свидетельствовал о стремлении государства защитить казённый интерес.

В-четвёртых, анализ сенатской практики показывает, что уже в дореформенный период существовал запрос на унификацию санкций и отказ от сословных привилегий при защите казённого интереса. Однако полная реализация этих принципов стала возможна лишь в пореформенную эпоху, после реформ В. А. Татаринова 1860-х гг., когда был введён принцип единой кассы и независимой предварительной ревизии.

Эти нормы, несмотря на сословный характер и громоздкость процедур, создали правовой фундамент для последующего развития института финансовой ответственности в Российской империи и заслуживают самого пристального внимания исследователей истории отечественного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Москва: Юрид. лит., 1986. – 512 с.

2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва: Юрид. лит., 1988. – 432 с.

3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 20. Отд. 1. № 19283. – СПб., 1846. – С. 174–408.

4. Свод уставов счетных // Свод законов Российской империи. Т. VIII. Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1857. – 315 с.

5. Общий наказ гражданским губернаторам 3 июня 1837 года // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. 12. Отд. 1. № 10303. – С. 361–439.

6. Минаков А. С. Отчетность регионального руководства по «Общему наказу гражданским губернаторам» 1837 г. // История государства и права. – 2011. – № 6. – С. 32–34.

7. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: Комментарий. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1902. – 215 с.

8. Сакович В. А. Государственный контроль в России: Историческое обозрение. – Санкт-Петербург, 1896. – 318 с.

УДК 34.096

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В МЕХАНИЗМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Кугушева Анастасия Игоревна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811763@ruc.su

EXECUTIVE POWER IN THE MECHANISM OF THE RUSSIAN STATE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS AND MODERN ISSUES

Kugusheva Anastasia Igorevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется место и роль исполнительной власти в механизме современного Российского государства сквозь призму теоретико-правовых подходов к пониманию её сущности и функционального назначения. Особое внимание уделяется анализу конституционной модели организации исполнительной власти, выявлению проблемных аспектов её взаимодействия с иными ветвями власти, а также перспективам оптимизации её структуры в контексте административного реформирования.

Ключевые слова: исполнительная власть, Российская Федерация, механизм государства, разделение властей, административная реформа, компетенция.

The article examines the place and role of the executive branch in the mechanism of the modern Russian state through the prism of theoretical and legal approaches to understanding its essence and functional purpose. Particular attention is paid to the analysis of the constitutional model of the organization of the executive branch, the identification of problematic aspects of its interaction with other branches of government, as well as the prospects for optimizing its structure in the context of administrative reform.
Keywords: executive power, Russian Federation, state mechanism, separation of powers, administrative reform, competence.

Идейные истоки принципа разделения властей восходят к философско-правовым трудам Дж. Локка и Ш. Монтескьё, заложившим в XVIII веке теоретический фундамент для построения системы сдержек и противовесов. Впоследствии эта доктрина получила широкое распространение и была взята за основу при формировании публично-властного механизма в большинстве правовых государств. Россия, следуя общемировым тенденциям конституционализма, также инкорпорировала данный принцип в собственную модель организации власти. Важно подчеркнуть, что понятие «власть» не является монолитным: его смысловое наполнение и механизмы реализации существенно дифференцируются в зависимости от сферы общественных отношений на всех уровнях без исключения [1].

В категории «власть» в наиболее широком понимании принято видеть способность субъекта оказывать определяющее воздействие на поведение, сознание и деятельность других лиц, реализуемую посредством таких инструментов, как авторитет, правовые предписания, механизмы принуждения, включая легитимное применение силы, и иные регуляторы общественных отношений.

Становление доктрины разделения властей, ставшей фундаментом современной демократической государственности, представляло собой длительный эволюционный процесс, занявший несколько столетий. Суть этой модели заключается в распределении государственной власти между тремя самостоятельными ветвями – законодательной, исполнительной и судебной, каждая из которых, обладая институциональной автономией, способна сдерживать и контролировать другие, предотвращая тем самым узурпацию властных полномочий и обеспечивая баланс в управлении общественными делами. Данный принцип впоследствии был воспринят конституционным правом всех демократических государств, став неотъемлемым атрибутом их политической системы.

Каждая из трёх ветвей реализует свой уникальный функционал. Законодательная власть, действуя на коллегиальных началах, осуществляет разработку и принятие нормативно-правовых актов в рамках особой процедуры, а также обладает правом делегирования части своих полномочий в установленных законом случаях. Судебная власть функционирует как независимый институт, призванный отправлять правосудие; её организационная структура и принципы деятельности существенно отличаются от законодательной и исполнительной ветвей, что гарантируется конституционными нормами. Исполнительная же власть, в свою очередь, имеет ярко выраженную специфику, обусловленную не только характером возложенных на неё функций, но и непосредственной близостью к повседневной жизни граждан и общества в целом. Её ключевая задача – практическая реализация принятых законодательных актов, проведение в жизнь государственной политики в различных сферах.

В Российской Федерации принцип разделения властей получил практическое воплощение лишь на рубеже 1980–1990-х годов, в период демократических преобразований, и был окончательно закреплён в Конституции 1993 г. Его конституционализация позволила сформировать систему федеральных органов государственной власти, обладающих собственной компетенцией и действующих самостоятельно в пределах своих полномочий. При этом именно исполнительная власть занимает особое место в механизме государства, поскольку от эффективности её деятельности напрямую зависит качество реализации законов и, следовательно, реальное воздействие государства на общественные процессы. В этой связи исследование проблем функционирования органов исполнительной власти, а также поиск действенных механизмов их разрешения приобретают в современных условиях не только теоретическую, но и острую практическую значимость, обусловливая актуальность настоящей работы.

Изучение проблем государственного управления, его функций, методов и их практического использования в современных условиях приобретает новое значение. Актуальность данной темы связана с исключительно значимой ролью, которую призваны исполнять государственные органы [2; 3].

В системе разделения властей на исполнительную ветвь возлагается обязанность по практической реализации законодательных установлений. Осуществляя правоприменительную функцию, органы исполнительной власти используют весь арсенал допустимых законом средств, включая методы легитимного принуждения, обеспечивая тем самым перевод нормативных предписаний в плоскость реальных общественных отношений. Вместе с тем их предназначение не исчерпывается сугубо правоприменительной деятельностью: исполнительная власть обладает собственным уникальным функционалом, позволяющим ей занимать особое место в государственном механизме. Приоритетной задачей данной ветви власти выступает именно претворение в жизнь нормативно-правовых актов, что составляет ядро её компетенции и предопределяет специфику её организации.

Конституционно-правовой статус исполнительной власти в Российской Федерации получил закрепление в ст. 77 Основного закона, согласно которой федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ формируют единую систему в пределах ведения Федерации и полномочий по предметам совместного ведения. Данная норма фиксирует важнейший принцип построения исполнительной вертикали: при сохранении федеративного устройства государства обеспечивается институциональное единство механизма реализации властных полномочий, что создаёт необходимые условия для согласованного проведения государственной политики на всей территории страны [4].

Современная архитектура исполнительной власти в Российской Федерации представляет собой сложную иерархическую конструкцию, включающую два основных уровня: федеральный (Правительство РФ, федеральные министерства, государственные комитеты и иные ведомства при Правительстве) и региональный (высшие должностные лица субъектов Федерации, региональные правительства, министерства, комитеты и ведомства). Такая двухуровневая организация призвана обеспечить единство механизма реализации государственной политики на всей территории страны.

Центральное место в системе исполнительной власти занимает Правительство РФ, выступающее её высшим коллегиальным органом. Формирование структур исполнительной власти может осуществляться как посредством назначения соответствующими руководящими органами, так и путём прямого волеизъявления граждан в ходе выборов. Вместе с тем, при рассмотрении институциональной организации исполнительной власти в компаративной перспективе обнаруживается существенная вариативность: в парламентарных монархиях и республиках реальные рычаги управления сосредоточены в руках правительства или кабинета министров, тогда как полномочия главы государства в исполнительной сфере нередко носят церемониальный характер, даже при формальном участии президента в правительственных решениях.

В условиях президентской республики конфигурация исполнительной власти приобретает принципиально иные очертания: правительство несёт ответственность непосредственно перед главой государства, который осуществляет непосредственное руководство исполнительной функцией, если конституция определяет правительство в качестве единственного носителя исполнительной власти. Подобная модель порождает специфическую конституционно-правовую архитектуру, которая в Российской Федерации характеризуется рядом уникальных особенностей, создающих определённые противоречия в функционировании и развитии исполнительной вертикали.

Ключевая проблема заключается в конституционно закреплённой двойственности руководства исполнительной властью. Часть 1 статьи 110 Конституции РФ устанавливает, что исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ. Из данной нормы логически вытекает вывод об исключительной компетенции Правительства в сфере реализации исполнительной функции на федеральном уровне. Однако конституционная реальность обнаруживает более сложную картину, характеризующуюся амбивалентностью организационной модели этой ветви власти. Примечательно, что разработчики Конституции 1993 года сознательно отказались от использования термина «исполнительная власть» в наименовании соответствующей главы, посвящённой Правительству. Данное решение было продиктовано фактическим перераспределением значительного объёма исполнительных полномочий в пользу Президента РФ. В отличие от первоначальных проектов Основного закона, действующая Конституция не наделяет Президента статусом главы исполнительной власти, однако формулировка статьи 110 порождает определённую конституционно-правовую коллизию. Фактически сложилось реальное разграничение исполнительных полномочий между Президентом и Правительством, что создаёт «специфическую структуру» руководства исполнительной ветвью.

В данной конфигурации Правительство РФ выполняет функции непосредственного оперативного управления, распоряжаясь экономическими и материальными ресурсами государства. При этом важно отметить, что конституционный текст не исчерпывает всей полноты правительственных полномочий: детальная регламентация компетенции содержится в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации». Особого внимания заслуживает механизм контроля, закреплённый в части 3 статьи 115 Конституции РФ, согласно которому Президент наделён правом отменять постановления и распоряжения Правительства в случае их противоречия Основному закону, федеральным законам или президентским указам.

Президентские полномочия в отношении Правительства включают также право принимать решение об отставке кабинета – как по собственной инициативе, так и в связи с выражением недоверия Государственной Думой. Данная норма закрепляет субординационный характер отношений между главой государства и высшим исполнительным органом.

Вторая проблема, органически связанная с первой, заключается в выраженной зависимости Правительства РФ от президентской власти, что порождает феномен постоянной «оглядки» на позицию

главы государства. В этой связи актуализируется дискуссия об оптимальной модели президентуры в России. Можно выделить две концептуальные стратегии институционального дизайна: первая предполагает конституционное закрепление за Президентом функций непосредственного руководства исполнительной властью посредством внесения соответствующих изменений в Основной закон; вторая видит Президента в роли арбитра и координатора в системе разделения властей, что соответствует модели смешанной (полупрезидентской) республики. Вопрос о предпочтительности той или иной стратегии для современной России заслуживает специального рассмотрения.

Следует констатировать, что в настоящее время институт президентства в Российской Федерации демонстрирует существенную перегруженность функциями в сфере исполнительной власти, что объективно ограничивает поле самостоятельной деятельности Правительства. Оптимизация президентских полномочий способна высвободить ресурс для сосредоточения главы государства на вопросах стратегического развития. Конституционная реформа 2020 года уже обозначила тенденцию к усилению роли Президента в системе исполнительной власти при одновременном расширении возможностей Правительства для решения приоритетных социально-экономических задач.

Проведённый анализ приводит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования организационной структуры исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях. Приоритетными направлениями выступают рациональное перераспределение полномочий, исключение дублирующих функций и оптимизация механизмов координации между различными уровнями публичного управления. Данный процесс, будучи по своей природе поэтапным и требующим значительного времени, представляет собой необходимое условие формирования эффективно функционирующего механизма исполнительной власти. Особое значение приобретает создание действенной системы реализации решений на местах – в субъектах Федерации и муниципальных образованиях, что способствует укреплению единой вертикали власти и формированию управленческой системы, способной адекватно реагировать на любые вызовы и препятствия на пути построения правового государства.

Таким образом, в условиях масштабных социально-экономических, политических и правовых трансформаций, охватывающих ключевые сферы общественной жизни, качественная реализация полномочий органами исполнительной власти, включая институт президентства, выступает важнейшим фактором обеспечения эффективной деятельности государства, направленной на достижение общественного блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

2. Котляров, С. Б. Закон как основной источник российского права: понятие, виды и сущность источников права / С. Б. Котляров // Право и образование. 2023. № 4. С. 14–22.

3. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 223–231.

4. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 10-1. С. 44–52.

УДК 342.092

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В СИСТЕМЕ СТАДИЙ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Кузнецова Яна Владимировна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811787@ruc.su

ADMINISTRATIVE INVESTIGATION IN THE SYSTEM OF STAGES OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION AND LAW ENFORCEMENT

Kuznetsova Yana Vladimirovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется процессуальная природа административного расследования как особого этапа производства по делам об административных правонарушениях, обосновывается его место в системе стадий административно-юрисдикционного процесса.

Ключевые слова: административное расследование, производство по делам об административных правонарушениях,

стадии административного процесса, административно-процессуальные сроки, возбуждение дела, административная юрисдикция, доказывание.

The article examines the procedural nature of administrative investigation as a special stage of proceedings in cases of administrative offenses, justifies its place in the system of stages of the administrative-jurisdictional process.

Keywords: administrative investigation, proceedings on cases of administrative offenses, stages of the administrative process, administrative and procedural terms, initiation of proceedings, administrative jurisdiction, evidence.

В механизме административно-деликтного регулирования особое место занимает производство по делам об административных правонарушениях, выступающее процессуальной формой реализации материальных норм административной ответственности. Структура данного производства традиционно рассматривается через призму стадийного построения, где каждая стадия обладает относительной самостоятельностью, специфическими задачами и процессуальными средствами их достижения [1]. При этом административное расследование как правовой институт вызывает наиболее острые дискуссии в научной литературе, поскольку его природа, место в системе стадий и соотношение с иными процессуальными формами остаются предметом теоретических споров и порождают многочисленные проблемы правоприменения.

Производство по делам об административных правонарушениях представляет собой сложную, многоуровневую систему процессуальных действий, которая традиционно структурируется по стадийному принципу. В юридической науке под стадией производства понимается относительно обособленная часть процесса, характеризующаяся специфическими задачами, кругом участников, процессуальными средствами и итоговыми процессуальными решениями. Большинство исследователей выделяют четыре основные стадии: возбуждение дела об административном правонарушении, рассмотрение дела, пересмотр постановлений и решений, исполнение постановлений.

Вместе с тем вопрос о месте административного расследования в этой структуре не имеет однозначного решения. В юридической литературе сложилось три основных подхода к определению природы административного расследования. Сторонники первого подхода рассматривают административное расследование как составную часть стадии возбуждения дела, обосновывая это тем, что расследование проводится до составления протокола об административном правонарушении и направлено на установление обстоятельств, подлежащих выяснению по делу. Второй подход предполагает признание административного расследования самостоятельной стадией производства, что аргументируется наличием специфических задач, особых процессуальных сроков и процедур. Третий подход квалифицирует административное расследование как факультативный этап, который может иметь место лишь по определенным категориям дел и при наличии установленных законом оснований.

Наибольшую теоретическую и практическую значимость приобретает вопрос о разграничении административного расследования и общего порядка возбуждения дела об административном правонарушении. Как справедливо отмечают современные исследователи, законодатель, вводя институт административного расследования, не определил четких критериев его отграничения от иных форм подготовки дела к рассмотрению, что порождает правоприменительные ошибки и злоупотребления процессуальными сроками при реализации правовой нормы на практике [2; 3].

Анализ статьи 28.7 КоАП РФ позволяет выделить формальные признаки административного расследования: оно проводится в случаях, когда после выявления административного правонарушения осуществляются экспертиза или иные процессуальные действия, требующие значительных временных затрат. Однако оценочный характер понятия «значительные временные затраты» создает предпосылки для субъективного усмотрения должностных лиц. В правоприменительной практике нередки ситуации, когда административное расследование назначается по делам, не представляющим фактической сложности, исключительно с целью продления процессуальных сроков.

Существенной проблемой выступает также отсутствие законодательно закрепленного перечня процессуальных действий, образующих содержание административного расследования. Статья 28.7 КоАП РФ ограничивается указанием на проведение экспертизы и «иных процессуальных действий», что порождает неопределенность в понимании допустимых пределов расследования. В результате на практике административное расследование нередко сводится к формальному ожиданию истечения установленных сроков без совершения реальных процессуальных действий по собиранию доказательств.

Наиболее дискуссионным аспектом правового регулирования административного расследования выступают процессуальные сроки. Часть 5 статьи 28.7 КоАП РФ устанавливает, что административное расследование проводится по месту совершения или выявления административного правонарушения и срок его проведения не может превышать один месяц с момента возбуждения дела. В исключительных случаях срок продлевается вышестоящим должностным лицом на срок не более одного месяца, а по делам о нарушении таможенных правил – до шести месяцев.

Практика применения указанных положений обнаруживает ряд системных проблем. Во-первых, отсутствуют законодательно закрепленные критерии исключительности, дающие основание для продления срока расследования. Это приводит к тому, что решение вопроса о продлении срока ставится в зависимость от субъективного усмотрения должностного лица, что создает предпосылки для необоснованного затягивания производства. Во-вторых, КоАП РФ не содержит механизмов контроля за обоснованностью продления сроков и не предусматривает возможности обжалования соответствующих решений на данной стадии процесса. В-третьих, проблемным представляется вопрос о правовых последствиях истечения срока административного расследования. Законодательство не устанавливает, что по истечении установленного срока дело подлежит прекращению либо что дальнейшее проведение процессуальных действий не допускается. Формально истечение срока не препятствует составлению протокола об административном правонарушении, что нивелирует значение процессуальных сроков как гарантии права на своевременное рассмотрение дела.

Содержание административного расследования составляет деятельность по собиранию и фиксации доказательств. Однако законодательная регламентация доказательственной деятельности в рамках административного расследования характеризуется фрагментарностью. В отличие от уголовно-процессуального закона, детально регулирующего порядок производства следственных действий, КоАП РФ ограничивается общими указаниями на допустимость тех или иных видов доказательств, не устанавливая процедурных гарантий их получения.

Особую остроту приобретает проблема использования результатов административного расследования в смежных юридических процессах. В связи с административной реформой и расширением сфер административной юрисдикции возрастает риск того, что административное расследование может использоваться как способ обхода уголовно-процессуальных гарантий при сборе доказательств по фактам, содержащим признаки преступлений. Данная проблема получила детальную проработку в зарубежной практике, однако в российской правовой системе она остается без должного внимания.

Важнейшим критерием качества процессуальной регламентации выступает обеспечение прав лиц, вовлекаемых в сферу административного производства. Анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд проблем в этой области. Во-первых, КоАП РФ не устанавливает обязанности должностного лица разъяснять лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, его права на момент вынесения определения о возбуждении дела и проведении административного расследования. Как следствие, лицо может длительное время находиться в неведении относительно своего статуса и не иметь возможности реализовать право на защиту. Во-вторых, законодательство не регламентирует порядок участия защитника в административном расследовании, не устанавливает момента, с которого допускается защитник, и не определяет его процессуальные полномочия в ходе собирания доказательств. В-третьих, отсутствуют механизмы судебного контроля за действиями должностных лиц в ходе административного расследования. В отличие от уголовного процесса, где многие следственные действия требуют судебного разрешения, административное расследование проводится в полном ведомственном усмотрении, что создает риски произвольного ограничения прав граждан.

Представляется, что первоочередной задачей совершенствования законодательства выступает четкое определение места административного расследования в системе стадий производства по делам об административных правонарушениях. Наиболее обоснованным представляется подход, согласно которому административное расследование рассматривается как факультативный этап стадии возбуждения дела, характеризующийся особыми процессуальными сроками и средствами доказывания.

Для устранения неопределенности в правоприменении целесообразно закрепление в КоАП РФ закрытого перечня процессуальных действий, которые могут совершаться в рамках административного расследования, с указанием оснований и порядка их производства. Такой перечень должен включать: назначение и проведение экспертизы, истребование документов и информации, направление запросов в компетентные органы, осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов.

Решение проблемы процессуальных сроков видится во введении дифференцированного подхода к их исчислению в зависимости от категории дел и объема необходимых процессуальных действий. Целесообразно установление сокращенных сроков для расследования по делам, не требующим проведения сложных экспертиз и иных длительных процедур, и увеличенных – для дел, связанных с необходимостью производства экспертных исследований.

Кроме того, требуется законодательное закрепление критериев исключительности, дающих основание для продления срока административного расследования, а также установление механизма судебного контроля за обоснованностью такого продления. По истечении предельного срока админи-

стративного расследования должно следовать либо составление протокола об административном правонарушении, либо вынесение постановления о прекращении производства по делу.

Важным направлением совершенствования законодательства выступает расширение процессуальных гарантий лиц, в отношении которых ведется административное расследование. Представляется необходимым: закрепить обязанность должностного лица разъяснять права лицу, в отношении которого возбуждено дело, непосредственно при вынесении соответствующего определения, с вручением копии определения и письменным разъяснением прав; определить момент допуска защитника к участию в деле – с момента вынесения определения о возбуждении дела и проведении административного расследования; установить правила оценки доказательств, полученных в ходе административного расследования с нарушением установленных процедур, включая правило об их недопустимости; предусмотреть возможность судебного обжалования действий должностных лиц, связанных с проведением административного расследования, до составления протокола об административном правонарушении.

Разработка нового Кодекса об административных правонарушениях создает уникальную возможность для комплексного реформирования института административного расследования. Представляется, что концептуальной основой такого реформирования должно стать признание административного расследования особой процессуальной формой, которая призвана обеспечить баланс между публичными интересами эффективного правоприменения и частными интересами защиты прав личности. При этом важно избежать двух крайностей: чрезмерной процессуализации административного расследования, которая приведет к параличу административно-юрисдикционной деятельности, и сохранения существующей неопределенности, порождающей произвольное усмотрение. Оптимальная модель должна основываться на четкой регламентации оснований, сроков, процедур и гарантий при сохранении оперативности как имманентного свойства административного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новичкова, Е. Е. Отдельные аспекты стадии возбуждения дела об административном правонарушении / Е. Е. Новичкова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 26–33.

2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

3. Котляров, С. Б. Закон как основной источник российского права: понятие, виды и сущность источников права / С. Б. Котляров // Право и образование. 2023. № 4. С. 14–22.

УДК 342.6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кулагина Екатерина Викторовна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: kkat.02@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF EXECUTIVE POWER AT THE PRESENT STAGE

Kulagina Ekaterina Viktorovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования современного развития исполнительной власти обусловлена ее ключевой ролью в реализации государственной политики и обеспечении качества жизни граждан в условиях стремительных социально-экономических и технологических изменений. Существующая система федеральных органов исполнительной власти сталкивается с системными проблемами, включая дублирование функций, недостаточную гибкость структуры и сложность межведомственного взаимодействия, что требует научного осмысления и поиска путей оптимизации. Внедрение цифровых технологий и принципов «сервисного государства» диктует необходимость не просто автоматизации, но и глубокого реинжиниринга управленческих процессов для повышения их эффективности и доступности. Одновременно с этим возрастает общественный запрос на прозрачность власти и реальное участие граждан в контроле за деятельностью ведомств, что актуализирует развитие механизмов общественного контроля как важного вектора демократизации управления.

Ключевые слова: исполнительная власть, федеральные органы исполнительной власти, оптимизация, реинжиниринг, цифровизация, общественный контроль, открытость власти

The relevance of the study of the modern development of executive power is due to its key role in the implementation of state policy and ensuring the quality of life of citizens in the context of rapid socio-economic and technological changes. The existing system of federal executive bodies faces systemic problems, including duplication of functions, insufficient structural flexibility, and complexity of interagency interaction, which requires scientific understanding and the search for ways to optimize it. The introduction of digital technologies and the principles of a "service state" dictates the need not just for automation, but for a deep re-

engineering of management processes to increase their efficiency and accessibility. At the same time, there is a growing public demand for government transparency and genuine citizen participation in overseeing the activities of departments, which actualizes the development of public control mechanisms as an important vector for the democratization of governance.
Keywords: executive power, federal executive bodies, optimization, reengineering, digitalization, public control

Исполнительная власть занимает центральное место в системе государственного управления, выступая основным инструментом реализации государственной политики и обеспечения повседневного функционирования государства. В условиях динамично меняющейся социально-экономической и геополитической реальности вопрос о направлениях и векторах развития исполнительной власти приобретает особую значимость. От эффективности работы правительства, министерств и ведомств напрямую зависит качество жизни граждан, инвестиционный климат и национальная безопасность.

Цель, которую мы ставим перед собой в этой статье, – разобраться в том, куда сегодня движется система исполнительной власти в России, какие направления ее развития можно считать приоритетными и с какими проблемами сталкиваются те, кто пытается эту систему реформировать. Для этого нам потребуется обратиться и к официальным документам, и к работам исследователей, которые уже пытались осмыслить происходящие процессы.

Если заглянуть на сайт Правительства России, то мы увидим там описание довольно сложной и разветвленной структуры. В нее входит и само Правительство, и федеральные министерства, и разнообразные службы с агентствами, а еще – органы власти в каждом регионе [1]. Все это вместе должно проводить единую государственную политику, управлять тем, что принадлежит государству, и следить, чтобы разные ведомства не тянули каждый в свою сторону. Но вот вопрос: насколько хорошо эта махина справляется со своими задачами? Исследователи, которые занимаются этой темой, в один голос говорят, что проблем накопилось немало и что система явно нуждается в переосмыслении.

Возьмем, к примеру, работу Н. В. Кокшевой. Она обращает внимание на вещи, которые кажутся чисто техническими, но на деле сильно влияют на жизнь обычных людей. Оказывается, разные ведомства частенько дублируют друг друга, делают одно и то же, но при этом не особо согласуя свои действия. Управленческих звеньев порой так много, что любое решение идет по инстанциям неделями. Межведомственное взаимодействие – это вообще отдельная песня: пока одно министерство согласует что-то с другим, время уходит, а проблема, с которой человек обратился за услугой, так и висит в воздухе [2, с. 460–461]. Добавим к этому то, о чем пишет А. В. Криворотенко: структура получается довольно неповоротливой, с трудом подстраивается под новые обстоятельства. А еще – кадровые вопросы, которые никто пока не решил, и вечная проблема рассогласованности между тем, что решают в Москве, и тем, что нужно на местах [3, с. 89–90].

Но, пожалуй, самую глубокую мысль высказывает А. К. Хадиков. Он показывает, что противоречие здесь заложено в самой природе власти. С одной стороны, нам нужна жесткая централизация, чтобы страна не развалилась на куски с разными законами. С другой стороны, невозможно из центра учесть все особенности каждого региона – там своя специфика, свои проблемы, и люди на местах видят их лучше. Вот этот поиск баланса между «все решает центр» и «давайте побольше самостоятельности регионам» и есть, по мнению исследователя, главная головная боль современных реформаторов [4, с. 321]. И если собрать воедино все, что говорят авторы, становится понятно: запрос на перемены назрел давно, и дальше просто поддерживать существующую систему в неизменном виде уже не получится.

В ответ на существующие вызовы в научном и экспертном сообществе формируется понимание основных векторов развития. Представляется возможным выделить два взаимосвязанных направления:

во-первых, оптимизация и реинжиниринг управленческих процессов (в том числе на основе цифровизации);

во-вторых, повышение открытости власти и развитие механизмов общественного контроля.

Первый вектор – оптимизация и реинжиниринг. Традиционная бюрократическая модель, построенная на жесткой иерархии и преобладании бумажного документооборота, исчерпала свой потенциал. Современные требования диктуют необходимость перехода к «сервисному» государству, ориентированному на потребности граждан. Ключевым инструментом здесь выступает цифровизация. Внедрение технологий электронного правительства, переход на межведомственное электронное взаимодействие, использование портала государственных услуг позволяют не только повысить доступность услуг для населения, но и существенно сократить временные и административные издержки.

Однако, как справедливо отмечает Н. В. Кокшева, цифровизация не должна сводиться к простому переводу бумажных процессов в электронную форму. Необходим реинжиниринг самих процедур, их переосмысление и упрощение, устранение избыточных административных барьеров [2, с. 463]. Оп-

тимизация структуры также предполагает укрупнение ведомств, ликвидацию дублирующих функций и создание четких механизмов координации между ними.

Примером такого подхода может служить создание федеральных округов и института полномочных представителей Президента, призванных обеспечить единое правовое пространство и координацию деятельности территориальных органов федеральной власти.

Второй вектор – открытость и общественный контроль. В условиях демократического правового государства исполнительная власть не может существовать как закрытая система. Принцип открытости закреплен в Конституции Российской Федерации и предполагает доступ граждан к информации о деятельности государственных органов, возможность влиять на принимаемые решения и контролировать их исполнение.

Н. Н. Дерюга и А. Н. Дерюга подчеркивают, что общественный контроль выступает важнейшим механизмом обратной связи, позволяющим не только выявлять нарушения и злоупотребления, но и оценивать эффективность работы ведомств, корректировать управленческие решения с учетом мнения гражданского общества [5, с. 115]. Развитие этого вектора проявляется в создании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, внедрении механизмов оценки регулирующего воздействия, проведении публичных слушаний и общественных экспертиз.

Важную роль играют и цифровые платформы, позволяющие гражданам направлять обращения, участвовать в обсуждении законопроектов и контролировать ход реализации государственных программ. Однако, как показывают исследования, потенциал общественного контроля реализован далеко не полностью. Зачастую общественные советы выполняют декоративные функции, а реальное влияние граждан на принятие решений остается незначительным [5, с. 116]. Поэтому одним из векторов развития должно стать совершенствование правовых механизмов, обеспечивающих реальную, а не формальную подотчетность исполнительной власти обществу.

Анализируя оба выделенных вектора, можно заметить их тесную взаимосвязь. Цифровизация и оптимизация процессов создают техническую основу для открытости: публичные реестры, открытые данные, онлайн-отчетность делают деятельность ведомств прозрачной для контроля. В свою очередь, общественный контроль выступает драйвером оптимизации, указывая на неэффективные процедуры и избыточные барьеры. Таким образом, речь идет о формировании новой модели исполнительной власти – гибкой, клиентоцентричной, прозрачной и подотчетной.

Вместе с тем реализация обозначенных векторов сопряжена с рядом рисков и вызовов. Как отмечает А. В. Криворотенко, любые структурные преобразования требуют тщательного правового обеспечения и учета человеческого фактора. Сопротивление бюрократического аппарата, недостаточная квалификация кадров, опасения усиления ведомственного эгоизма – все это может свести на нет усилия по реформированию [3, с. 91].

А. К. Хадиков добавляет, что оптимизация не должна приводить к ослаблению управляемости и потере контроля над ключевыми сферами государственной жизни [4, с. 322]. Поэтому необходима поэтапная, системная работа, опирающаяся на четкую стратегию и научно обоснованные подходы.

В заключение следует отметить, что современные векторы развития исполнительной власти в Российской Федерации определяются необходимостью преодоления накопившихся структурных проблем и адаптации к новым социально-экономическим и технологическим реалиям. Ключевыми направлениями выступают, с одной стороны, оптимизация и реинжиниринг управленческих процессов на базе цифровых технологий, а с другой – повышение открытости власти и углубление механизмов общественного контроля.

Эти направления не являются альтернативными, они взаимно дополняют и усиливают друг друга. Успех реформирования будет зависеть от способности государства выстроить системную работу, обеспечив баланс между централизацией и децентрализацией, эффективностью и демократической подотчетностью, технологической модернизацией и развитием человеческого капитала на государственной службе. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных механизмов реализации обозначенных векторов и оценку их эффективности в правоприменительной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исполнительная власть в Российской Федерации : официальная информация // Правительство России : архив официального сайта. – URL: http://archive.government.ru/special/power/

2. Кокшева, Н. В. Проблемы функционирования структуры федеральных исполнительных органов власти в Российской Федерации и пути их решения / Н. В. Кокшева // Наука и технологии: путь к устойчивому развитию : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Казань, 09 марта 2025 года. – Чебоксары : Среда, 2025. – С. 459–466.

3. Криворотенко, А. В. Проблемные вопросы развития исполнительной власти и совершенствования структуры федеральных органов исполнительной власти / А. В. Криворотенко // Актуальные проблемы правоприменения и управления на

современном этапе развития общества : сборник научных статей по материалам V Национальной заочной научно-практической конференции, Ставрополь, 21 декабря 2022 года. – Ставрополь : Параграф, 2023. – С. 88–92.

4. Хадиков, А. К. Проблемы развития исполнительной власти и её структуры в Российской Федерации / А. К. Хадиков // Достижения зоотехнической науки в решении актуальных задач животноводства : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня основания факультета технологического менеджмента Горского государственного аграрного университета, Владикавказ, 01 ноября 2024 года. – Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2024. – С. 320–322.

5. Дерюга, Н. Н. Общественный контроль деятельности федеральных органов исполнительной власти / Н. Н. Дерюга, А. Н. Дерюга // Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра (к 30-летию со дня принятия) : материалы Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 12 декабря 2023 года. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2024. – С. 114–117.

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА: ГЕНЕЗИС И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ

Менчайкин Артём Иванович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811223@ruc.su

CONSTITUTIONALISM AS A POLITICAL LEGAL DOCTRINE: GENESIS AND IMPLEMENTATION OF PRINCIPLES

Menchaikin Artyom Ivanovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья исследует конституционализм как динамичную политико-правовую доктрину, прослеживая его генезис от античных идей ограничения власти до современных концепций. В фокусе анализа – трансформация ключевых принципов (верховенства права, разделения властей, защиты прав) в процессе их исторической адаптации. Особое внимание уделяется механизмам имплементации этих принципов в национальные правовые системы, включая роль судебного конституционного контроля. Итогом работы является оценка эффективности воплощения доктринальных основ в условиях вызовов цифровой эпохи и глобализации.

Ключевые слова: генетический анализ конституционализма, имплементация принципов, конституционная аксиология, доктринальные основания, верховенство конституции, историческая динамика, нормативная интерпретация.

The article explores constitutionalism as a dynamic political and legal doctrine, tracing its genesis from ancient ideas of limiting power to modern concepts. The focus of the analysis is the transformation of key principles (rule of law, separation of powers, protection of rights) in the process of their historical adaptation. Particular attention is paid to the mechanisms for the implementation of these principles in national legal systems, including the role of judicial constitutional control. The result of the work is an assessment of the effectiveness of the implementation of doctrinal foundations in the context of the challenges of the digital era and globalization.

Keywords: genetic analysis of constitutionalism, implementation of principles, constitutional axiology, doctrinal grounds, supremacy of the constitution, historical dynamics, normative interpretation.

Конституционализм представляет собой сложную синтетическую доктрину, возникшую на пересечении политической философии, юридической науки и социальной практики. В самом общем смысле он обозначает «систему принципов и институтов», призванных обеспечить ограничение государственной власти в целях защиты свободы и достоинства личности. Однако за этой краткой дефиницией скрывается многовековая интеллектуальная традиция, богатая внутренними противоречиями и постоянным развитием. Изучение конституционализма как доктрины требует двойного подхода: историко-генетического, раскрывающего истоки и эволюцию его ключевых идей, и функционально-аналитического, исследующего механизмы воплощения этих идей в практику государственного строительства. Современный мировой контекст, характеризующийся кризисом традиционных демократических институтов, подъемом популизма и новыми вызовами в области прав человека, придает особую актуальность ревизии классических основ конституционализма и оценке эффективности их имплементации. Данная статья ставит целью проследить генезис доктринальных основ конституционализма от их философских предпосылок до современного состояния, а также проанализировать проблемы и парадоксы, возникающие при переходе от принципов к их практической реализации в национальных и наднациональных правопорядках.

Генезис конституционалистской мысли уходит корнями в античную политическую философию, где впервые была артикулирована идея верховенства закона над произволом правителя. Аристотель в «Политике», анализируя формы государственного устройства, противопоставлял правильные (законные) и неправильные (основанные на произволе) режимы, тем самым закладывая представление о власти, ограниченной правом. Философ полагал, что государство образуется как некий результат взаимодействия и общения людей, с целью достижения главного общего ориентира. По его мнению,

государство это третья ступень во всевозможных объединениях общин. Первая ступень – это семья, вторая-деревня, и только затем возможно образование на третьей ступени государства [1]. Однако подлинный фундамент классического конституционализма был сформирован в эпоху Просвещения, в трудах мыслителей, ответивших на вызовы абсолютизма. Именно тогда идея ограничения власти обрела не только моральное, но и институциональное измерение.

Джон Локк, развивая теорию общественного договора, обосновал неотчуждаемость естественных прав человека (на жизнь, свободу и собственность) и вывел из этого «принцип ограниченности полномочий правительства». В его концепции законодательная власть как верховная должна действовать через опубликованные и стабильные законы, а народ сохраняет право на сопротивление узурпации. Шарль-Луи Монтескьё совершил ключевой концептуальный прорыв, сформулировав теорию «разделения властей» как институционального механизма, предотвращающего деспотизм через взаимное сдерживание и уравновешивание законодательной, исполнительной и судебной ветвей [2].

Американские федералисты (Джеймс Мэдисон, Александр Гамильтон, Джон Джей) в «Записках Федералиста» осуществили синтез этих идей применительно к задачам построения крупной республики. Они дополнили горизонтальное разделение властей «вертикальным (федерализм)», разработали модель системы «сдержек и противовесов», а также обосновали роль независимого суда и представительного правительства. Таким образом, к концу XVIII века сформировался классический либеральный канон конституционализма, ядро которого составили: 1) верховенство права, 2) гарантии индивидуальных прав и свобод, 3) разделение властей, 4) народный суверенитет и представительное правление.

Современный конституционализм представляет собой динамичную систему взаимосвязанных принципов, постоянно эволюционирующих в практике. Его структурное ядро образует ряд ключевых элементов:

1. Верховенство права, трансформировавшееся в «верховенство писаной конституции» как акта высшей юридической силы, и реализуемое через институт конституционного контроля.

2. Разделение властей, понимаемое сегодня не как жесткое разграничение, а как «живая система сдержек и противовесов», гарантом которой выступает независимая судебная власть.

3. Гарантии прав человека, расширившиеся от классических свобод до социально-экономических и коллективных прав, что подкрепляется их «международной стандартизацией».

4. Демократия (народный суверенитет), находящаяся в диалектической связи с конституционализмом: Основной закон одновременно учреждает демократические процедуры и «ограничивает волю большинства» для защиты меньшинств.

5. Федерализм и автономия как вертикальный механизм рассредоточения власти, повышающий устойчивость системы.

Конституционализм предполагает наличие гражданского общества, способного к самоуправлению, и развитие общественной деятельности. При реальной реализации всех этих условий возможно формирование конституционализма [3]. Переход от доктринальных принципов к их воплощению в жизнь – область, где конституционализм сталкивается с политической и социальной реальностью, порождая ряд устойчивых парадоксов:

- имплементация через судебный конституционализм. Наделение судов, особенно конституционных, правом отменять законы, принятые демократическим парламентом, порождает «парадокс контрмажоритарности»: почему независимые, не избираемые народом судьи могут отменять решения народных представителей? Легитимация этого института основана на его роли защитника долгосрочных конституционных ценностей от сиюминутных политических страстей;

- имплементация прав человека. Формальное закрепление каталога прав в конституции часто вступает в противоречие с ресурсными ограничениями государства (особенно в части социально-экономических прав) и с глубоко укорененными культурными и религиозными нормами;

- имплементация в условиях глобализации и цифровизации. Классическая доктрина конституционализма сформировалась в рамках национального государства. Сегодня она сталкивается с вызовами, размывающими ее границы: наднациональные правопорядки (право ЕС, международные конвенции) создают ситуацию «многоуровневого конституционализма», где национальная конституция – уже не единственный и верховный источник права. Это порождает конфликты юрисдикций и лояльностей (например, противостояние Конституционного суда РФ и ЕСПЧ по ряду дел); цифровая среда создает новые угрозы приватности, достоинству и свободе индивида со стороны как государств, так и глобальных технологических корпораций. Традиционные принципы оказываются недостаточны для регулирования алгоритмического управления, Big Data и искусственного интеллекта, требуя выработки новых концепций «цифрового конституционализма».

Анализируя заявленные положения и характерные трансформации последних двадцати лет, можно утверждать: отечественная концепция естественной эволюции правовой системы пытается создать

видимость своей подлинной органичности. Современные исследователи задают вопрос: действительно ли это «декларирование» органичности являет собой истинное обличие нашей конституционно-правовой системы? Существуют глубокие противоречия, заставляющие сомневаться в «искренности» избранного и демонстрируемого нам пути. Некоторые такие противоречия способны натолкнуть на выводы о несовместимости наблюдаемых нами политико-правовых явлений и органического пути развития российской конституционно-правовой модели, настолько они (противоречия) фундаментальны [4].

Современные глобальные вызовы подвергают сомнению универсальность классической либеральной модели конституционализма. Иллюзия его окончательного триумфа сменилась осознанием системной уязвимости, что проявляется в двух ключевых тенденциях.

Во-первых, «кризис либерально-демократического порядка» выражается в подъеме популизма, который, апеллируя к прямой воле «народа», целенаправленно атакует «элитарные» ограничители власти – независимые суды, медиа и международные институты. Практика «конституционного регресса» (Венгрия, Польша, Турция), где правящее большинство демонтирует систему сдержек, формально соблюдая процедуры, доказывает: для сохранения демократии одних институтов недостаточно, необходима активная конституционная культура.

Во-вторых, «претензии западной модели на универсальность» сталкиваются с вызовами культурного релятивизма. Импорт институтов, чуждых местному контексту, часто приводит к их формальному существованию при фактическом провале, что актуализирует концепцию «конституционализмов» во множественном числе, ищущих баланс между глобальными стандартами и национальной спецификой.

Перспективы развития конституционализма видятся не в отказе от его принципов, а в их творческой адаптации, которая должна состоять из обязательных элементов: углубление процессуальных гарантий в условиях цифровой эпохи (право на объяснимость алгоритмического решения, защита цифровой приватности); развитие наднациональных и глобальных механизмов защиты от транснациональных угроз, при сохранении уважения к демократическому суверенитету; формирование «сдержек и противовесов» для приватной власти крупных корпораций, чье влияние сегодня сопоставимо с государственным; воспитание «гражданского конституционного патриотизма», основанного не на этнической идентичности, а на приверженности общим демократическим и правовым ценностям.

Конституционализм как политико-правовая доктрина прошёл долгий путь от смелой философской идеи до сложной системы принципов, лежащей в основе большинства современных демократий. Его генезис демонстрирует не линейный прогресс, а постоянный диалог между идеалом ограниченной власти и суровой реальностью политической борьбы, социального неравенства и культурного разнообразия. Имплементация принципов конституционализма никогда не бывает полной или окончательной; она представляет собой перманентный процесс институционального строительства, судебного толкования и общественного диалога.

Современные вызовы – от цифровых технологий до популистского национализма – не отменяют базовых ценностей конституционализма, но требуют их переосмысления и защиты на новом уровне. Устойчивость конституционного строя зависит не столько от совершенства текста Основного закона, сколько от готовности общества, элит и судейской корпорации «интернализировать его дух», воспринимая конституционные принципы не как внешние ограничения, а как внутренние рамки существования. Будущее конституционализма зависит от его способности оставаться живой, критической и самообновляющейся доктриной, способной отвечать на вызовы без предательства своих фундаментальных основ: человеческого достоинства, свободы и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышева, Д. С. Аристотель о происхождении права и государства, его учение о справедливости, о власти законов / Д. С. Чернышева // Молодежь и XXI век: сборник научных статей 14-й Международной молодежной научной конференции. В 5-ти томах, Курск, 20–21 февраля 2025 года. Курск: Университетская книга, 2025. С. 425–427.

2. Кенжебаев, С. М. Принцип разделения властей в правовом государстве: теория, эволюция и современные интерпретации / С. М. Кенжебаев // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2025. № 1. С. 181–185.

3. Макаров, Е. Д. Понятие и принципы конституционализма / Е.Д. Макаров // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 февраля 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 44–46.

4. Макаров, Е. Д. Особенности развития конституционализма в современной России / Е. Д. Макаров // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. Саранск: Рузаевский печатник, 2023. С. 222–227.

УДК 340

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СУДА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ

Моисеева Юлия Владимировна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810390@ruc.su

TOPICAL ISSUES OF TRANSFORMATION OF COURT POWERS IN JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF JUSTICE

Moiseeva Yulia Vladimirovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается актуальные вопросы, обусловленные цифровой трансформацией судопроизводства, при рассмотрении и разрешении спора. Автор анализирует нормы действующего процессуального законодательства, обозначает проблемные вопросы в процессе судебного разбирательства и предлагает конструктивные предложения.

Ключевые слова: судопроизводство, судебное разбирательство, полномочия суда, цифровизация, доказательства и доказывание.

The article discusses topical issues caused by the digital transformation of legal proceedings when considering and resolving a dispute. The author analyzes the norms of the current procedural legislation, identifies problematic issues during the trial and offers constructive proposals.

Keywords: legal proceedings, trial, court powers, digitalization, evidence and proof.

Судебное разбирательство выступает кульминационной стадией судопроизводства независимо от его вида (гражданского, арбитражного, уголовного, административного или конституционного).

Его содержание составляет рассмотрение и разрешение спора по существу с обязательным установлением фактов и обстоятельств по делу на основе предоставленной доказательственной базы в обоснование требований или возражений.

Следует отметить, что, если в цивилисическом процессе бремя доказывания возложено на стороны, то в уголовном процессе – на сторону обвинения.

Суд рассматривает дело, опираясь на исследование и оценку полноты доказательств по делу в соответствии с принципами допустимости, относимости и достоверности. А также он уполномочен запросить дополнительные сведения у сторон в рамках судебного доказывания.

Институт доказывания и доказательств в процессуальных отношениях составляет основу каждого этапа или стадии, начиная с возбуждения дела, где нужны основания для данного действия, и возращения дела на рассмотрение по вновь открывшимся обстоятельствам, т.е. при наличии новых сведений в доказывании.

Процесс доказывания в процессуальном законодательстве состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств [1].

В рамках доказательственного права процессуалисты доказывание рассматривают как особый вид интеллектуальной мыслительной деятельности, форма познания, направленная на установление судебной истины [2].

Цифровое преобразование общественных отношений в глобальном масштабе предопределили тенденцию на цифровизацию правосудия, в частности судебного разбирательства.

Стремительное развитие информационных технологий, доступность программных сервисов и информационные ресурсы в виде баз данных решение способствуют решению задач по объективному, независимому и справедливому рассмотрению и разрешению спора. Этому способствуют такие широко внедряемые в судопроизводство ИИ-алгоритмы по обработке информации, электронный документооборот, использование аудио-, видеотрансляций судебного заседания и другие цифровые продукты.

При этом, за пределами процессуального законодательства остаются многие спорные, даже проблемные вопросы, связанные с отправлением правосудия в абсолютно новой реальности – виртуальном пространстве.

Прежде всего речь идет об основе судебного разбирательства, связанного с судебным исследованием доказательств и обеспечением их достоверности.

Все больший процент в средствах доказывания занимают так называемые электронные доказательства, что является вполне естественным и последовательным ввиду повсеместного перевода на «цифру».

Однако, законодательно не определено, что представляет собой данное понятие, что может под собой подразумевать, поскольку нормативно закреплены только аудио- и видеозаписи в качестве средств доказывания [3].

Но здесь возникает другой вопрос – есть ли требования к их качеству и насколько достоверно можно подтвердить их оригинальность в условиях продвигаемого искусственно сгенерированного контента. И насколько судья уполномочен и способен будет отличить дипфейковый материал, и какая ответственность предусмотрена для нотариусов, обеспечивающих достоверность представленных электронных доказательств.

В этой связи изменение законодательной базы в части введения норм по урегулированию процессуальных отношений по определению и подтверждению сведений, предоставляемых в электронном формате, является необходимым инструментом защиты конституционных прав и свобод человека и определения процессуальных полномочий суда при оценке электронных доказательств.

Данное предложение по нормативному закреплению актуальных и острых в полемике процессуалистов вопросов во многом может положительным образом сказаться и предотвратить споры в судах второй и кассационной инстанций [4], а также исключить ресурсные траты участников судопроизводства (финансы, время, состояние здоровья).

Предложенное Журкиной О. В. понимание электронных доказательств считаем наиболее объективным и заслуживающим внимания. Электронные доказательства определяются как сведения, выраженные в электронно-цифровом виде, содержащиеся на цифровых носителях, для представления которых необходимо программное обеспечение, хранящиеся в компьютерной сети и (или) передаваемые через нее [5].

Важно подчеркнуть, что электронные доказательства – это не сам овеществленный предмет, а только те сведения, которые он содержит.

Кроме того, необходимо нормативно разделить электронную и цифровую правовую природу сведений в рамках института электронных доказательств. То есть определить процедуру обеспечения и предоставления оригинальных электронных доказательств (т.е. имеют исключительно цифровое происхождение и существующие в виртуальном пространстве – цифровая подпись, цифровые записи и др., которые без специального носителя не могут быть представлены в материальной реальности) и условно неоригинальных (те, которые прошли цифровую обработку и из материального состояния получили свой электронных образ (сканы, копии и т.д.).

Поэтому однозначное законодательное закрепление видов электронных доказательств (вкупе с определением порядка установления их достоверности) в правоприменительной практике только сделает более понятным и результативным процесс защиты прав граждан и позволит снять спорные аспекты в судебной практике.

Электронный формат отправления правосудия, бесспорно, расширяет возможности лиц в реализации своего судебного права на защиту нарушенных прав и интересов в соответствии с принципом доступности правосудия.

Однако на практике такие дополнительные технические возможности по ускорению процесса разрешения споров создают сложности как для участников, так и судейского сообщества.

К примеру, в феврале 2024 г. у граждан появилась возможность подачи искового заявления через портал государственных услуг «Электронная подача документов в суд» [6]), но при этом в полной мере не обеспечена защита и портала госуслуг от взлома/блокировки, и от последующей утечки персональных данных граждан, о чем свидетельствует расширение перечня самозапретов, вводимых на данном сервисе.

Кроме того, повсеместное внедрение ИИ-алгоритмов способно не только вытеснить судей и заменить их электронным судьей по примеру международного опыта.

Технологическая революция несет угрозу гуманистической природе правосудия, гарантиям самостоятельности и независимости судебной власти в соответствии с конституционными принципами.

К примеру, проблемный аспект видится в техническом сопровождении и технологическом обеспечении цифровых инструментов, в том числе ИИ, при проведении разбирательства по делу в зале судебного заседания. Это вопросы технического порядка, но ставящие под сомнение субъектность судей, практически подпадающих под определенную техническую зависимость IT-специалистов и киберрисков.

Так в арбитражной практике создан прецедент отмены судебного решения из-за технического сбоя, что лишило участника процесса в онлайн-формате отстаивать свои интересы [7].

В вопросе о невозможности нейросетями заменить судью-человека ввиду отсутствия понимания и считывания природы человека, его чувственно-эмоциональной сферы есть элемент дискуссионности, поскольку на данном этапе простые пользователи участвуют в эмоционально-чувственной тренировке нейросетей через диалоги о своем душевном состоянии, переживаниях, помыслах, мечтах, перспективах и т.д. То есть задают далеко не профессиональные запросы, а скорее заменяют живое непосредственное дружеское общение, что считывает сложная самообучающая система ИИ.

Таким образом, цифровое судопроизводство ставит вопрос о субъектности судов и соответствии действующей практики конституционным принципам, а также трансформации полномочий судей, поскольку в цифровой среде они в большей части становятся в разряд пользователей, созданной разработчиком и обслуживаемой оператором судебной экосистемы, зачастую не имея возможности определить заданными ими алгоритмы в работу сложных нейросистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 08.03.2026 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Погосян Е. В. Доказательства и доказывание в нотариальном процессе: монография. Москва: Статут, 2023. 174 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: ред. от 15.12.2025, с изм. от 23.03.2026 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 (УИД 77RS0011-02-2021-006027-07); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Журкина О. В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 45.

6. Панарина М. М. Предметные области использования информационных технологий в судопроизводстве и информатизация судебного процесса для оптимизации служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов // Вестник гражданского процесса. 2025. № 3. С. 279.

7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 октября 2022 г. № Ф04-5883/2022 по делу № А45-26443/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Павлов Денис Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809167@ruc.su

PROBLEMS OF THE USE OF ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC ADMINISTRATION BODIES

Pavlov Denis Igorevich, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье исследуется комплекс теоретических и практических проблем, возникающих в процессе реализации мер административного принуждения органами публичной администрации Российской Федерации.

Ключевые слова: административное принуждение, органы публичной администрации, судебный контроль, административное усмотрение, меры обеспечения производства, административные наказания, дискреционные полномочия, правоприменительная практика.

This article examines a set of theoretical and practical problems that arise in the process of implementing administrative coercion measures by the bodies of the public administration of the Russian Federation.

Keywords: administrative coercion, public administration bodies, judicial control, administrative discretion, production support measures, administrative penalties, discretionary powers, law enforcement practice.

Институт административного принуждения занимает центральное место в механизме государственного управления, обеспечивая реализацию властных предписаний и охрану общественных отношений. Вместе с тем, как справедливо отмечается в современной научной литературе, расширение арсенала принудительных мер, увеличение сферы их применения и ужесточение содержащихся в них правоограничений сопровождаются нарастающей доктринальной неопределенностью и множеством правоприменительных проблем. Обращение к данной теме обусловлено тремя ключевыми обстоятельствами.

Во-первых, продолжающаяся административная реформа и внедрение риск-ориентированного подхода существенно трансформировали систему государственного контроля, породив коллизии между новыми профилактическими механизмами и традиционными принудительными средствами. Во-вторых, судебная статистика демонстрирует устойчиво высокую нагрузку на суды в части рассмотрения дел, связанных с применением мер принуждения: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году судами рассмотрено 4 702 406 административных дел, из которых 4 285 674 (более 91 %) составили дела о судебном санкционировании мер публичного принуждения [1]. В-третьих, теоретические воззрения на юридическую природу административного принуждения, его содержание и соотношение с иными средствами правового воздействия не отлича-

ются единством, причем увеличение числа научных работ не приближает к формированию целостного представления, а напротив, «размывает его очертания».

Вопрос о понятии и сущности административного принуждения остается одним из наиболее дискуссионных в науке административного права. Классическая теория, заложенная Д. Н. Бахрахом, определяет принуждение как «отрицание воли подвластного и внешнее воздействие на его поведение» [2]. Однако современные исследователи указывают на недостаточность такого подхода.

Как отмечается в критическом анализе научных представлений об административном принуждении, существенно различающиеся теоретические воззрения касаются определения мер административного принуждения и принадлежности к ним отдельных видов правового воздействия. Отсутствие единых доктринальных подходов порождает неопределенность в правоприменении, когда одни и те же действия должностных лиц могут квалифицироваться и как административно-предупредительные меры, и как меры пресечения, и как меры обеспечения производства.

Особую остроту эта проблема приобретает в контексте разграничения мер, применяемых в рамках КоАП РФ и в соответствии с Федеральным законом № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Показательным примером служит ситуация с профилактическими мероприятиями, введенными Законом № 248-ФЗ. Формально они не являются принудительными мерами, однако их игнорирование может стать основанием для включения объекта в план проверок, что придает им латентный принудительный характер. Такая двойственность правовой природы создает почву для злоупотреблений со стороны контролирующих органов.

Однако, как отмечается в научной литературе, в условиях динамики развития публично-правовых отношений наличествующая правовая регламентация обязательного судебного контроля представляется небезупречной. Ключевой проблемой является фактическое отсутствие механизма судебного санкционирования при реализации ряда административных требований, связанных с ограничением прав и свобод [3].

Речь идет о ситуациях, когда административный орган реализует меру принуждения, сопряженную с вторжением в основополагающие права частного лица, вне рамок превентивного судебного контроля. Типичный пример – личный досмотр, проводимый сотрудниками полиции до возбуждения дела об административном правонарушении. Формально эта мера относится к обеспечительным (ст. 27.7 КоАП РФ), но фактически она ограничивает право на неприкосновенность личности без предварительной судебной проверки обоснованности такого ограничения.

Другая проблема связана с качеством судебного контроля. Как показал анализ правоприменительной практики, суды нередко ограничиваются формальной проверкой соблюдения процедурных требований, не вдаваясь в оценку фактической обоснованности применения принудительных мер. Это превращает судебное санкционирование в пустую формальность, не обеспечивающую реальной защиты прав граждан.

Текущее состояние законодательного регулирования не позволяет однозначно определить взаимную соразмерность различных видов наказаний с точки зрения их строгости, что затрудняет подбор оптимальной меры воздействия с учетом особенностей конкретного правонарушителя. Авторы исследования справедливо указывают, что такое положение вещей является одним из ключевых факторов, снижающих эффективность института административной ответственности в целом.

Предлагается законодательно определить градацию административных наказаний по интенсивности их воздействия на правонарушителя, причем сделать это обособленно для физических и юридических лиц. Системность должна раскрываться не через простое перечисление видов наказаний в порядке «увеличения строгости», а за счет совершенствования общих правил их назначения, закрепления механизмов взаимной замены, возможности назначения отдельных видов наказаний сверх либо ниже установленных пределов при наличии предусмотренных законом обстоятельств.

Особую остроту проблема соразмерности приобретает при применении административного штрафа. Практика назначения штрафов без учета имущественного положения правонарушителя, особенно в отношении физических лиц и субъектов малого предпринимательства, неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который ориентировал правоприменителей на необходимость индивидуализации наказания. Однако законодательного закрепления механизмов такой индивидуализации до сих пор не произошло.

Показательным примером реализации дискреционных полномочий является применение такой меры, как административное приостановление деятельности. Решение о том, создает ли выявленное нарушение угрозу жизни или здоровью людей, принимается должностным лицом на основе субъективной оценки, и суды, рассматривая дела данной категории, сталкиваются с трудностями при проверке обоснованности таких оценок.

Специфика административного принуждения в отдельных сферах деятельности также порождает ряд проблем, требующих самостоятельного анализа. В сфере образования, как отмечается в специальном исследовании, административное принуждение представляет собой комплексный межотраслевой метод государственного воздействия, характеризующийся двойственной правовой природой и особым субъектным составом.

В связи с реформированием системы государственного контроля и внедрением риск-ориентированного подхода выявлена необходимость обеспечения баланса между государственным регулированием и автономией образовательных организаций. Аналогичные проблемы прослеживаются в сфере здравоохранения, где применение принудительных мер (например, недобровольная госпитализация) требует особых процессуальных гарантий. В деятельности органов внутренних дел ключевой проблемой остается правовая регламентация применения мер непосредственного принуждения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия).

Отдельного внимания заслуживает проблема информированности граждан о применяемых мерах принуждения и процедурах их обжалования. Как отмечается в статье, посвященной административному принуждению, применяемому мировыми судьями, освещение и исследование проблемных вопросов правоприменения с учетом реализации информационной политики судебной системы и обеспечения доступа к информации о деятельности судов выполняет информационно-просветительскую и превентивную функции, формируя правовую культуру.

Однако существующий уровень правовой информированности населения остается низким. Граждане зачастую не знают ни оснований применения к ним принудительных мер, ни порядка их обжалования, что делает их уязвимыми перед административным произволом. Особенно остро эта проблема проявляется в отношении социально уязвимых категорий населения – лиц, страдающих психическими расстройствами, лиц без определенного места жительства, мигрантов.

Превентивный потенциал административного принуждения, как справедливо отмечают исследователи, может быть реализован в полной мере лишь при условии, что субъекты права осведомлены о возможных последствиях противоправного поведения и о гарантиях защиты от необоснованного принуждения. Формирование такой осведомленности требует системной работы по правовому просвещению, которая в настоящее время ведется фрагментарно и бессистемно.

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие системных проблем в применении мер административного принуждения органами публичной администрации. Эти проблемы носят как доктринальный характер (неопределенность понятийного аппарата, размытость классификационных критериев), так и сугубо практический (дефекты судебного контроля, несовершенство процедур, отсутствие механизмов обеспечения соразмерности).

Разрешение обозначенного круга проблем видится возможным лишь при условии реализации многоуровневой стратегии, охватывающей ключевые аспекты правового регулирования и правоприменения.

В теоретической плоскости первостепенное значение приобретает формирование унифицированной доктринальной платформы, позволяющей четко разграничить административное принуждение и смежные правовые явления (профилактическую деятельность, контрольные и надзорные процедуры). Подобная концептуальная определенность способна заложить фундамент для внутренне непротиворечивого законодательства, исключающего дублирование норм и конкуренцию компетенций.

На законодательном уровне назрела необходимость нормативного установления иерархии административных взысканий по степени их репрессивности, с обязательной дифференциацией для индивидуальных и коллективных субъектов. Одновременно требуется законодательно очертить исчерпывающий круг ситуаций, где применение принудительных мер немыслимо без предварительной судебной санкции, а также детализировать процессуальные механизмы, гарантирующие не формальный, а действительный судебный контроль.

В сфере правоприменения ключевым вектором выступает разработка высшими судебными инстанциями четких ориентиров (критериев) для оценки обоснованности дискреционных решений должностных лиц, реализующих принудительные полномочия. Параллельно должна быть выстроена система непрерывного профессионального развития как для служащих административных органов, так и для судейского корпуса.

На организационно-управленческом уровне необходима интенсификация работы по повышению уровня правовой грамотности населения. Граждане должны иметь беспрепятственный доступ к понятной информации о порядке применения к ним принудительных мер и существующих механизмах их обжалования, что само по себе выступает важной гарантией от потенциального произвола.

Реализация указанных мер позволит приблизиться к решению ключевой задачи – обеспечению баланса между публичными интересами, требующими эффективного применения принудительных мер,

и правами граждан, нуждающихся в надежных гарантиях защиты от произвольного вмешательства в их жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова, С. Н. К вопросу об основных признаках дел о судебном санкционировании мер публичного принуждения, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства / С. Н. Варламова // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 11. С. 30–34.
2. Бахрах, Д. Н. Административное право: учебник для ВУЗов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. 3-е издание, пересмотренное и дополненное. Москва: Норма, 2007. 815 с.
3. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Павлов Денис Игоревич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809167@ruc.su

ADMINISTRATIVE AND PREVENTIVE MEASURES: CONCEPT, TYPES AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Pavlov Denis Igorevich, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье рассматривается институт административно-предупредительных мер в контексте современной доктрины административного права и правоприменительной практики Российской Федерации. В работе сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение баланса между публичными интересами и правами граждан.

Ключевые слова: административно-предупредительные меры, административное принуждение, профилактика правонарушений, государственный контроль (надзор), личный досмотр, административная преюдиция, обязательные требования, реформа контрольной деятельности, меры обеспечения производства.

This article discusses the institution of administrative and preventive measures in the context of the modern doctrine of administrative law and law enforcement practice of the Russian Federation. The work formulated proposals for improving legislation aimed at ensuring a balance between public interests and the rights of citizens.

Keywords: administrative and preventive measures, administrative coercion, crime prevention, state control (supervision), personal search, administrative prejudice, mandatory requirements, reform of control activities, production support measures.

В механизме административно-правового регулирования особое место занимают меры, направленные не на наказание или пресечение длящегося противоправного деяния, а на недопущение самого факта его возникновения. Актуальность исследования данных мер многократно возрастает в условиях провозглашенного курса на сервисно-ориентированное государство и повсеместное внедрение риск-ориентированного подхода. Как справедливо отмечается в научной литературе, переход к превентивной модели контроля требует серьезной перестройки работы всех надзорных органов.

Несмотря на кажущуюся разработанность темы в трудах таких классиков административного права, как Д. Н. Бахрах, Ю. М. Козлов, Л. Л. Попов, современная правоприменительная практика ставит ряд вопросов, требующих переосмысления. В частности, принятие Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» ввело понятийный аппарат, ранее не свойственный КоАП РФ, что породило коллизии между процедурами предупреждения и производства по делам об административных правонарушениях. Вопрос о понятии административно-предупредительных мер является одним из наиболее дискуссионных в науке административного права. Длительное время в советской и постсоветской правовой доктрине доминировал подход, согласно которому данные меры рассматривались исключительно как составная часть более широкого института административного принуждения, обладающая специфической функцией – предотвращением правонарушений и иных вредоносных последствий. Однако, как показывает анализ современных источников, границы этого института становятся все более подвижными.

Отличие предупредительных мер от мер пресечения лежит в плоскости юридического факта-основания. Если пресечение всегда реактивно и следует за уже начавшимся противоправным деянием (например, требование прекратить несанкционированную торговлю), то предупреждение проактивно и может применяться при полном отсутствии состава правонарушения. Например, введение каранти-

на или ограничение движения транспорта в связи с неблагоприятными погодными условиями – это чистая превенция, реализуемая при наступлении объективных обстоятельств, не зависящих от воли конкретных лиц.

В контексте реформы контрольно-надзорной деятельности, запущенной Федеральным законом № 248-ФЗ от 31.07.2020, произошло знаковое смещение акцентов. Как указывается в исследовании, посвященном развитию системы профилактической работы, данный закон заложил принципиально новые основы взаимодействия контрольных органов и подконтрольных субъектов. В связи с этим в научный оборот прочно вошло понятие «профилактические мероприятия», которое по своей сути является не чем иным, как легализованной формой административно-предупредительных мер, но с ярко выраженным сервисным оттенком. Законодатель в статье 45 Федерального закона № 248-ФЗ закрепил такие виды профилактики, как информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, профилактический визит. Важно подчеркнуть, что данные меры не влекут негативных последствий для контролируемого лица, что ранее не было столь явно артикулировано в законодательстве о принуждении.

Таким образом, современное понятие административно-предупредительных мер следует трактовать двуедино. В узком смысле – это установленные законом способы и действия органов публичной администрации, направленные на выявление и устранение условий, способствующих совершению правонарушений, а также на обеспечение безопасности при возникновении угроз природного или техногенного характера. В широком смысле – это часть единой системы профилактики правонарушений, интегрированная в механизм государственного управления и основанная на принципах приоритета предупреждения над наказанием.

Классификация административно-предупредительных мер может быть проведена по множеству оснований: по субъекту применения, по объекту воздействия, по сфере реализации. Наиболее репрезентативной представляется классификация по целевому назначению, позволяющая проследить эволюцию правоприменения.

Меры, направленные на обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях. Данная группа мер характеризуется тем, что их применение детерминировано не противоправным поведением, а наличием объективных угроз. Сюда относятся: временное ограничение или запрещение движения транспортных средств на участках дорог, введение карантина, ограничение водопользования, реквизиция имущества. Показательным примером является практика введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Например, Постановлениями глав муниципальных образований ежегодно вводятся ограничения на посещение лесов в пожароопасный период. Юридическая конструкция здесь такова: основанием выступает не правонарушение, а прогнозируемая высокая пожарная опасность (IV–V класс), что является классической превентивной мерой. При этом правовой режим ограничений должен быть четко прописан в подзаконных актах, что на практике вызывает споры, так как границы между необходимой превенцией и ограничением прав граждан (например, на свободное передвижение) часто размыты.

Меры, реализуемые в ходе контрольно-надзорной деятельности (профилактические мероприятия). Реформа 2020 года существенно расширила арсенал предупредительных средств в этой сфере. Ключевым нововведением стал «профилактический визит». Согласно ч. 1 ст. 52 Федерального закона № 248-ФЗ, профилактический визит проводится в форме беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица либо с использованием видеоконференцсвязи. Важно, что в 2023–2024 годах, в условиях моратория на проверки, профилактические визиты стали доминирующей формой взаимодействия бизнеса и государства. Интерес представляет и институт предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований (ст. 49 Закона № 248-ФЗ). Если контролирующий орган располагает сведениями о готовящемся нарушении, он объявляет предостережение. Здесь возникает тонкая грань: предостережение не является мерой наказания, но его игнорирование может стать основанием для включения объекта в план проверок. Проблема состоит в том, что, как отмечают исследователи, на практике механизм реализации этих мер сталкивается с избыточным усмотрением инспекторов.

Меры административного принуждения, имеющие предупредительную направленность (в рамках производства по делам об АП). Эта группа мер традиционно регулируется КоАП РФ и относится к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (глава 27). Ключевой здесь является такая мера, как личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ). Несмотря на то, что формально эта мера относится к обеспечительным, она обладает мощным предупредительным потенциалом. Как справедливо указывается в ведомственных исследованиях, в практике полиции сложился неформальный «консенсус» относительно применения

досмотра, который часто предшествует возбуждению дела и направлен на обнаружение орудий или предметов правонарушения.

Однако, правовое регулирование здесь сталкивается с серьезными вызовами. Во-первых, это проблема разграничения личного досмотра (мера по КоАП) и личного обыска (мера по УПК). Как отмечается в литературе, полицейские нередко проводят досмотр в ситуациях, фактически являющихся уголовно-процессуальным обыском, что позволяет обойти более строгие процедуры (вынесение постановления, участие понятых определенного статуса). Во-вторых, существует проблема «подмены понятых» сотрудниками полиции, что неоднократно становилось предметом рассмотрения Верховного Суда РФ, который разъяснил, что сотрудники заинтересованы в исходе дела и не могут привлекаться в качестве понятых.

Анализ современного состояния правового регулирования административно-предупредительных мер позволяет выделить несколько системных проблем, носящих не просто доктринальный, а сугубо практический характер.

Коллизия между общим превентивным законодательством (№ 248-ФЗ) и деликтным законодательством (КоАП РФ). Суть проблемы заключается в следующем. Закон № 248-ФЗ стимулирует органы контроля к тому, чтобы предупреждать нарушения, а не наказывать за них. В идеале, выявив признаки нарушения в ходе профилактического визита, инспектор должен объявить предостережение. Однако, механизмы КоАП РФ построены иначе: они требуют фиксации события правонарушения. Возникает ситуация, когда орган контроля, действуя в рамках № 248-ФЗ, «не замечает» нарушения, чтобы не инициировать административное производство и не портить статистику. Это приводит к тому, что, как пишет А. А. Карицкая, нормы, призванные снизить административную нагрузку, применяются ограничительно, и модель подчинения административного процесса контрольному реализуется не в полной мере [1].

Проблема «регуляторной гильотины» и вакуум обязательных требований. Механизм «регуляторной гильотины», призванный отменить устаревшие и избыточные требования, в целом оценивается положительно. Однако, как показано в научных работах, он породил и обратный эффект – правовую неопределенность. Предупредительные меры (например, выдача предписания) могут применяться только при нарушении конкретных обязательных требований. Если же в результате «гильотины» требование было отменено, а новое еще не принято, применение мер предупреждения становится невозможным, даже если очевидно наличие угрозы (например, в сфере промышленной безопасности). Это создает «серую зону», где превенция невозможна до момента наступления реальных последствий.

Проблема цифровизации и предупреждения правонарушений в виртуальной среде. Административно-предупредительные меры все чаще должны применяться в сфере информационных технологий. Однако, как справедливо констатируется в исследовании проблем противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий, существующие механизмы борьбы характеризуются наличием ряда проблем, объективно обусловленных динамикой информационного и цифрового прогресса, который опережает правовое регулирование [2]. Например, такое предупредительное средство, как блокировка сайтов, по своей природе является превентивным (пресекает распространение вредоносной информации), но процедура его применения (внесудебная блокировка) вызывает вопросы о соблюдении прав граждан. Законодатель пытается реагировать, но меры носят «догоняющий» характер.

Подводя итог, следует констатировать, что институт административно-предупредительных мер находится в стадии активной трансформации. От разрозненных полномочий органов власти он эволюционирует к стройной системе профилактики, закрепленной в законодательстве о государственном контроле. Тем не менее, выявленные проблемы – коллизия между КоАП РФ и Законом № 248-ФЗ, правовая неопределенность, вызванная «регуляторной гильотиной», и цифровой разрыв – существенно снижают эффективность превентивных механизмов.

Представляется, что решение этих проблем лежит в плоскости дальнейшей унификации понятийного аппарата. Необходимо законодательно закрепить в КоАП РФ норму о том, что проведение профилактического мероприятия (при отсутствии непосредственной угрозы причинения вреда) является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении, даже при формальном наличии состава. Это простимулирует инспекторов к активному применению предупредительных, а не карательных мер.

Кроме того, требуется разработка специальных регламентов применения мер административного принуждения (досмотра, изъятия) в условиях цифровой среды, где классические процедуры (понятые, протоколы) теряют свою эффективность. Дальнейшее развитие института административно-

предупредительных мер должно идти по пути поиска баланса между публичными интересами государства в обеспечении безопасности и правами граждан и бизнеса на свободу от чрезмерного государственного вмешательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карицкая, А. А. Современная концепция регулирования государственного контроля (надзора), муниципального контроля / А. А. Карицкая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. URL: http://xn----8sbecmsowohlgn.xn--p1ai/
2. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

УДК 342.951

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРИНУЖДЕНИИ В РОССИИ

Павлов Денис Игоревич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809167@ruc.su

GENESIS OF SCIENTIFIC IDEAS ABOUT ADMINISTRATIVE COERCION IN RUSSIA

Pavlov Denis Igorevich, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию эволюции научных взглядов на институт административного принуждения в российской правовой доктрине. Автором прослеживается развитие теоретических представлений от дореволюционного периода до современности, выявляются основные научные школы и подходы, анализируются дискуссионные вопросы понятия, сущности и классификации мер административного принуждения.

Ключевые слова: административное принуждение, государственное принуждение, генезис научных представлений, метод государственного управления, классификация мер принуждения, правовая доктрина.

The article is devoted to the study of the evolution of scientific views on the institution of administrative coercion in Russian legal doctrine. The author traces the development of theoretical ideas from the pre-revolutionary period to the present, identifies the main scientific schools and approaches, analyzes the discussion issues of the concept, essence and classification of administrative coercion measures.

Keywords: administrative coercion, state coercion, genesis of scientific representations, method of public administration, classification of coercive measures, legal doctrine.

Административное принуждение традиционно рассматривается в юридической науке как один из ключевых методов государственного управления, обеспечивающий соблюдение правовых предписаний и охрану публичного порядка. Будучи разновидностью государственного принуждения, данный институт обладает значительной спецификой, обусловленной особенностями сферы применения, субъектным составом и процедурными формами реализации.

Как справедливо отмечается в современной литературе, важность категории «административное принуждение» предопределяется её функциональностью в деле определения методов административного воздействия, а рассмотрение видов административного принуждения позволяет сбалансировать частные и публичные интересы и избежать нарушений требований законности [1]. В связи с этим исследование генезиса научных представлений об административном принуждении приобретает не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет выявить закономерности развития данного института и определить перспективные направления его совершенствования.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе эволюции, Истоки теоретического осмысления административного принуждения в России восходят к дореволюционному периоду развития административно-правовой науки. Становление административного (полицейского) права как самостоятельной отрасли правоведения во второй половине XIX – начале XX века сопровождалось активной разработкой проблематики государственного принуждения в сфере управления.

Значительный вклад в развитие представлений об административном принуждении внес А. И. Елистратов – видный представитель дореволюционной административно-правовой науки. В своём фундаментальном труде «Очерк административного права» (1922) он рассматривал принуждение как неотъемлемый элемент публично-правового регулирования, обеспечивающий реализацию властных полномочий государства [2]. Примечательно, что уже в тот период учёные обращали внимание на необходимость правового ограничения административного усмотрения при применении принудительных мер, что нашло отражение в концепции «правового государства», активно разрабатывавшейся немецкой и российской юридической мыслью.

В дореволюционной доктрине сформировалось понимание того, что административное принуждение, в отличие от уголовного, может применяться не только в связи с совершением правонарушения, но и в превентивных целях. Это положение впоследствии стало одним из ключевых в теории административного принуждения.

Советский этап развития административно-правовой науки характеризовался углублённой разработкой проблематики государственного принуждения, что было обусловлено потребностями формирования нового общественного строя и укрепления социалистической законности. В этот период сложились основные научные школы, заложившие фундамент современных представлений об административном принуждении.

Значительный вклад в разработку теории административного принуждения внес М. И. Еропкин, который в 1960-е годы исследовал проблемы управления в области охраны общественного порядка и применения мер административного воздействия [3]. Его работы заложили основы системного подхода к изучению административно-принудительных мер, применяемых органами внутренних дел.

1970-е годы ознаменовались углубленной научной проработкой института административного принуждения. Исследования этого периода охватили широкий спектр вопросов: от сущности административно-правовых санкций и порядка их применения до особенностей административно-процессуальной деятельности и специфики мер процессуального принуждения. Такой комплексный подход позволил сформировать системное видение данного правового института, сочетающего как материальные, так и процессуальные начала.

Принципиальное значение для развития теории имела дискуссия об основаниях применения административного принуждения. Традиционный подход, представленный в работах Д. Н. Бахраха, связывал применение мер принуждения исключительно с противоправным поведением [4]. Согласно этой позиции, «юриста принуждение интересует, прежде всего, как средство охраны правопорядка, как метод государственной деятельности... принуждение к соблюдению правовых предписаний».

В советский период возобладало понимание того, что административное принуждение может быть вызвано не только правонарушением, но и самим фактом возникновения экстремальных обстоятельств (стихийных бедствий, эпидемий, катастроф). Теоретическое обоснование эта позиция получила через категорию «правовых аномалий» – негативных юридических фактов, которые, не являясь деликтами, в силу своей общественной опасности требуют применения государственно-принудительных мер.

Значимым направлением научных исследований в советский период стала разработка классификации мер административного принуждения. А. П. Кореневым была предложена система, включавшая три основных вида: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения и меры административной ответственности [5]. Эта классификация, с некоторыми модификациями, сохраняет своё значение и в современной науке, хотя отдельные авторы предлагают выделять также меры процессуального обеспечения и административно-восстановительные меры.

Постсоветский период развития административно-правовой науки характеризуется переосмыслением многих теоретических положений с учётом новых конституционных реалий, признания приоритета прав и свобод человека, а также интеграции России в мировое правовое пространство.

В современной доктрине административное принуждение рассматривается как сложный, многоаспектный институт, требующий комплексного подхода к исследованию. Как отмечает С. А. Старостин, современные проблемы теории, законодательства и практики административного принуждения требуют глубокого научного осмысления с учётом потребностей правоприменения [6].

Психологические аспекты административного принуждения представляют собой важный вектор современных научных исследований. Ключевым тезисом здесь выступает положение о том, что административные наказания по своей сути являются формой психического или физического воздействия, всегда обращенного к сознанию человека. Важно подчеркнуть, что такое воздействие заложено как в конкретных правоприменительных документах, так и в самих правовых нормах, устанавливающих модели должного поведения. Понимание этого позволяет не только раскрыть глубинные механизмы действия административно-правовых средств, но и определить пределы допустимого государственного влияния на автономию личности, за которыми начинается область произвола.

Современный этап развития науки административного права характеризуется наличием ряда дискуссионных вопросов, касающихся понятия, правовой природы и видов административного принуждения.

Одним из наиболее обсуждаемых остаётся вопрос о соотношении понятий «государственное принуждение» и «правовое принуждение». Как отмечается в литературе, в научном сообществе нет единого мнения относительно тождественности или нетождественности указанных категорий.

Дискуссионным остаётся и вопрос о видах административного принуждения. Традиционная трёхчленная классификация (административно-предупредительные меры, меры пресечения и меры ответственности) подвергается критике за неполноту. Ряд авторов предлагают выделять также меры процессуального обеспечения и административно-восстановительные меры [7]. При этом высказываются и более радикальные точки зрения, согласно которым административно-предупредительные меры вообще не следует относить к мерам принуждения, поскольку они применяются при отсутствии правонарушения и не связаны с отрицанием воли субъекта.

Как справедливо отмечается в современной литературе, при всей важности института административного принуждения, в научном сообществе не сложилось как однозначного его понимания, так и четкой классификации административно-принудительных мер, что создает определенные трудности. При этом надлежащее использование метода административного принуждения в деятельности органов государственной власти позволяет обеспечить эффективность управленческой деятельности, правомерность действий участников такой деятельности, что обуславливает важность дальнейшего изучения данного института и необходимость его четкой нормативной регламентации.

Современная научная литература фиксирует несколько ключевых тенденций в развитии представлений об административном принуждении. Прежде всего, усиливается внимание к проблеме баланса публичных и частных интересов при применении принудительных мер, что отражает общий вектор российской правовой системы в сторону приоритета прав и свобод человека. Во-вторых, активно разрабатываются процессуальные аспекты, особенно вопросы судебного санкционирования мер принуждения, что связано с развитием Кодекса административного судопроизводства РФ и преобладанием таких дел в судебной практике. В-третьих, расширяются сравнительно-правовые исследования, ориентированные на изучение зарубежного опыта применения принудительных мер органами национальной безопасности. В-четвертых, актуализируется анализ административного принуждения в условиях чрезвычайных правовых режимов.

Эволюция научных представлений об административном принуждении в России прошла путь от дореволюционного осмысления публично-правового принуждения через фундаментальные советские разработки к современным концепциям, ориентированным на обеспечение прав личности и сбалансированность интересов.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что, несмотря на наличие дискуссионных вопросов, в науке сформировалось понимание административного принуждения как комплексного правового института, обладающего специфическими признаками: публично-правовой природой, множественностью субъектов применения, разнообразием мер воздействия, возможностью применения как в связи с правонарушением, так и при отсутствии противоправного поведения (в превентивных целях).

Дальнейшее развитие научных представлений об административном принуждении, по-видимому, будет связано с углублённым изучением процессуальных форм его реализации, совершенствованием классификации мер принуждения с учётом потребностей правоприменительной практики, а также с поиском оптимальных моделей соотношения административного и судебного усмотрения при применении принудительных мер. Важным направлением остаётся исследование гарантий прав личности в условиях применения административного принуждения и механизмов предотвращения злоупотреблений со стороны властных субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куракин, А. В. К вопросу о механизме действия административного принуждения / А. В. Куракин // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2023. № 3. С. 61–73.

2. Нижник, Н. С. Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова / Н. С. Нижник, С. Ю. Дергилева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 66–73.

3. Маракулин, Д. А. Понятие общественного порядка / Д.А. Маракулин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2006. № 11. С. 56–58.

4. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР / Д. Н. Бахрах. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 204 с.

5. Костенников, М. В. Творческое (научное) наследие А. П. Коренева и его значение для развития науки административного права / М. В. Костенников, А. В. Куракин // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2018. № 3. С. 35–38.

6. Старостин, С. А. Административное принуждение: проблемы теории, законодательства, практики / С. А. Старостин // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 93–108.

7. Отдельные вопросы публичных правоотношений / Ф. Ш. Ямбушев, А. Н. Федин, С. Б. Котляров [и др.]. Саранск: Афанасьев В. С., 2025.

УДК 342

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ВОДИТЕЛЕЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Петкин Юрий Вячеславович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810392@ruc.su

PROCESSUAL FEATURES AND TYPICAL MISTAKES IN INVOLVING DRIVERS IN ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR ROAD TRAFFIC VIOLATIONS

Petkin Yuri Vyacheslavovich, Master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются ключевые процессуальные особенности привлечения водителей к административной ответственности за нарушения правил дорожного движения. Особое внимание уделяется анализу этапов административного производства: от фиксации нарушений до вынесения постановления. Выделяются типичные ошибки, допускаемые на различных стадиях оформления и рассмотрения дел, такие как неправильное составление протоколов, нарушение права на защиту, несоблюдение процессуальных сроков. Приведены рекомендации по предотвращению указанных нарушений, что способствует обеспечению законности и защите прав участников дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, водители, нарушения правил дорожного движения, процессуальные особенности, протокол, типичные ошибки, права участников.

The article discusses the key procedural features of bringing drivers to administrative responsibility for traffic violations. Special attention is paid to analyzing the stages of administrative proceedings, from the recording of violations to the issuance of a ruling. The article highlights typical errors that occur at various stages of case processing and consideration, such as incorrect drafting of protocols, violations of the right to defense, and non-compliance with procedural deadlines. The article provides recommendations for preventing these violations, which helps to ensure the legality and protection of the rights of road users.

Keywords: administrative liability, drivers, traffic violations, procedural features, protocol, typical errors, rights of participants

Наиболее массовой и опасной сферой административных правонарушений выступают нарушения в области дорожного движения. Только за два месяца 2026 года на территории Российской Федерации было зафиксировано 15 695 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло 1 783 человека, получили ранения 20 278 граждан [1]. Данная статистика красноречиво свидетельствует о том, что проблема правонарушений среди участников дорожного движения сохраняет высочайшую актуальность.

Несмотря на постоянное ужесточение наказаний как в части размеров штрафов, так и в части ограничения специальных прав (например, права управления транспортным средством), количество нарушений ПДД не уменьшается, а напротив стабильно растет год от года. Причин для этого множество. Среди них: трансформация общественных отношений, появление новых видов противоправных действий, нестабильность оперативной обстановки, широкая цифровизация, внедрение автоматических средств фиксации нарушений, распространение правового нигилизма среди водителей и, наконец, недостаточный уровень доверия участников дорожного движения к сотрудникам госавтоинспекции.

Процедура привлечения водителя к административной ответственности за нарушение ПДД регулируется Кодексом об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) и подчинена принципам законности, презумпции невиновности, персонализации ответственности и уважения прав личности. Тем не менее, цифровая эпоха, внедрение систем автоматического контроля и рост числа правонарушений существенно модифицировали как саму материальную базу, так и процессуальный механизм назначения и обжалования административных наказаний.

Классический порядок привлечения к ответственности предусматривает обязательную фиксацию события правонарушения, его доказанность и рассмотрение дела в соответствии с установленными требованиями КоАП РФ. Важно подчеркнуть, что бремя доказывания факта совершения правонарушения лежит на органах, осуществляющих производство – в первую очередь, сотрудниках ГИБДД. Однако, в последние годы, особенно после широкого ввода автоматических камер и других электронных систем, наблюдается опасная тенденция смещения этого бремени на предполагаемого правонарушителя. Если раньше лично сотрудник ГИБДД составлял протокол и выступал процессуальной стороной, свидетельствующей о факте нарушения, то в настоящее время, при автоматической фиксации, протокол формируется на основании электронных данных, а подзащитному – собственнику транспортного средства или водителю – предстоит самостоятельно доказывать отсутствие своей вины [2].

Такой разрыв классического процессуального подхода особенно ярко проявился на примере номинального привлечения к ответственности на основании предполагаемой вины, доказуемой сред-

ствами технической фиксации. Прецедент, имевший место в апреле 2024 года в Республике Дагестан, показал, что камера зафиксировала «разговор по телефону» из-за того, что руки водителя оказалась у лица, что автоматическая система идентифицировала как использование телефона за рулем. Сам водитель отрицал факт общения по телефону, утверждая, что лишь поднес руку к носу. Однако формально возникло дело об административном правонарушении, и бремя опровержения ложилось уже на водителя.

Данный случай подчеркивает: внедрение технических средств широко облегчило сбор и учет информации о нарушениях, повысило выявляемость, однако одновременно породило и новые процессуальные вызовы, связанные либо с ошибочностью идентификации события, либо с утратой фундаментальных принципов административного процесса.

Условно выделим несколько ключевых аспектов, определяющих наиболее распространенные ошибки органов ГИБДД и автоматизированных систем при привлечении водителей к административной ответственности.

Прежде всего, крайне острой является проблема ошибки технической системы: фиксируются несуществующие правонарушения (рука у лица расценивается как разговор по телефону; случаи неверного определения скорости движения – так, в Казани камерами была зафиксирована для классического отечественного автомобиля «Жигули» совершенно невероятная для данной модели скорость в 277 км/ч). В подобных случаях, несмотря на очевидный технический сбой, лицу приходится доказывать свою невиновность самому, что противоречит презумпции невиновности [3].

Второй распространенной проблемой является номинальная презумпция виновности собственника транспортного средства. Если нарушение фиксируется автоматически, собственник автомобиля автоматически становится лицом, подлежащим ответственности – даже если он не был фактическим нарушителем. Данная ситуация особо конфликтна в случае, когда зарегистрированное транспортное средство принадлежит организации (юридическому лицу) и имелось несколько потенциальных водителей. Тогда в качестве субъекта ответственности выступает не истинный нарушитель, а собственник автомобиля, зачастую не имеющий отношения к событию. Если же нарушение зафиксировано сотрудником инспекции лично, то к ответственности может быть привлечено только реальное лицо за рулем в данный момент. Тем самым нарушается принцип справедливости, а сама административная ответственность утрачивает индивидуализированный характер.

Третья проблема связана с возможностями эффективного обжалования постановлений о назначении наказания. Поскольку большинство постановлений о штрафах, вынесенных по автоматическим данным, формируются и направляются через электронные системы, лица нередко узнают о них с опозданием. Это ведет к пропуску установленного законом срока на обжалование (10 дней), что практически делает невозможным защиту своих прав и своевременное обращение за восстановлением справедливости.

Еще одна важная ошибка практики – неправильное определение административного состава при применении новых видов наказаний в инновационных областях. Так, бурно развивающаяся область использования высоко- и полностью автоматизированных транспортных средств («беспилотников») порождает принципиально новую ситуацию. При ДТП с участием беспилотника субъект ответственности может быть не водитель (оператор), а разработчик или владелец программного обеспечения, поскольку именно ошибки алгоритма стали причиной аварии. Современное российское законодательство пока не содержит четких критериев для разрешения подобных споров, и пробел в нормативной базе влечет сложности для процессуальных участников, дополнительно увеличивая риски вынесения необоснованных постановлений.

Существенным теоретическим дискуссионным вопросом становится баланс между карательной функцией административного наказания и его превентивной/воспитательной составляющей. В последние годы наказания в виде штрафов превратились, по сути, в фискальный инструмент, обеспечивающий пополнение бюджетов. Каждый год размеры штрафов увеличиваются, появляются новые основания для назначения наказаний, однако это не ведет к значимому снижению количества нарушений. Современное состояние правоприменения характеризуется тем, что штраф становится своеобразной «ценой» за возможность допустить нарушение: многие водители сознательно идут на риск, уверенные, что готовы заплатить даже внушительную сумму, если их поймают.

В подобных условиях чрезвычайно важна идея дифференциации административных наказаний, выдвинутая в трудах известных административистов. Основной смысл подхода – не просто увеличивать размеры штрафов, но учитывать индивидуальные особенности нарушителя: уровень дохода, социальное положение, наличие повторных нарушений, обстоятельства совершения противоправных действий. Например, материальное положение обеспеченного гражданина делает для него административный штраф несоизмеримо менее чувствительным, чем для малоимущего. В то же время единый подход влечет возникновение категории «хронических нарушителей», для которых оплата

штрафа – просто очередная статья расходов. Для эффективной профилактики требуется дифференциация последствий и учет индивидуальных особенностей при назначении наказания.

Крайне актуальным представляется комплекс мер, предусматривающих не только наказание в денежной форме, но и альтернативы: обязательные работы, ограничение специальных прав, направление на курсы повышения квалификации, бесплатные занятия по ПДД и иные формы административного воздействия. Однако подобные инструменты пока недостаточно развиты и редко применимы на практике.

Административное производство в области дорожного движения интенсивно реформируется в сторону цифровизации и роботизации. С одной стороны, автоматизация процессов весьма полезна: позволяет масштабно фиксировать факты правонарушений, эффективно систематизировать данные, выявлять динамику и прогнозировать проблемные участки. С другой стороны, как уже отмечалось выше, возрастают риски технологических сбоев и ошибочной идентификации событий [4].

Ведущие исследователи подчеркивают необходимость заимствования зарубежного опыта, где особое внимание уделяется технологическим аспектам идентификации лица, непосредственно совершившего правонарушение, а не просто владельца автомобиля. Внедрение обязательной фото- и видеофиксации лица водителя (например, посредством въездных и выездных рамок высокого разрешения) стало бы существенным шагом к индивидуализации ответственности.

Разработка и внедрение британской системы «ПРОСобытие», призванной не только фиксировать сами правонарушения, но и анализировать дорожные ситуации, а также интеграция искусственного интеллекта в распознавание и определение участников событий, открывают дополнительные возможности для оперативной и, главное, объективной работы дорожных и экстренных служб. Это технологическое вооружение может повысить безопасность дорожного движения и оптимизировать реагирование соответствующих органов.

Специфических правовых изменений требует правоприменение в отношении беспилотных автомобилей. Уже сейчас предлагается дополнить КоАП РФ нормами, предусматривающими возможность административной ответственности для юридических и должностных лиц за нарушения, связанные с эксплуатацией высоко- или полностью автоматизированных транспортных средств. Это позволит вывести процесс привлечения к административной ответственности на качественно новый уровень соответствия техническим и социальным реалиям XXI века.

Таким образом, решив обозначенные процессуальные проблемы и исправив распространенные ошибки, законодатель и практики смогут снизить уровень правонарушений на дорогах, защитив жизни, здоровье и социальное благополучие граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция. – URL: http://stat.gibdd.ru/

2. Редкоус, В. М. Основные направления нового этапа административной реформы в Российской Федерации / В. М. Редкоус // Закон и право. – 2020. – № 8. – С. 15–19.

3. Булгаков, Д. Б. Проблемы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения / Д. Б. Булгаков // Молодой ученый. – 2022. – № 3 (398). – С. 286–288.

4. Аксютин, Е. В. Средства автоматической фиксации нарушения правил дорожного движения: вопросы эффективности и правового регулирования / Е. В. Аксютин // Молодой ученый. – 2023. – № 52 (499). – С. 199–201.

УДК 342

СПЕЦИФИКА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ СРЕДСТВАМИ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФОТО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ

Петкин Юрий Вячеславович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810392@ruc.su

SPECIFIC FEATURES OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ROAD TRAFFIC OFFENCES RECORDED BY AUTOMATIC PHOTO AND VIDEO RECORDING DEVICES

Petkin Yuri Vyacheslavovich, Master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется специфика административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами автоматической фото- и видеофиксации. Исследуется нормативная основа применения автоматических технических средств, включая положения Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации, а также особенности внедрения и функционирования таких средств в России. Особое внимание уделяется проблемам материально- и процессуально-правового характера, возникающим при привлечении к административной ответствен-

ности на основании автоматически зафиксированных данных, а также анализу эффективности цифровизации государственных механизмов контроля и надзора за дорожным движением. Обосновывается необходимость формирования транспортной культуры и безопасного поведения.
Ключевые слова: административная ответственность, дорожное движение, автоматическая фото- и видеофиксация, транспортная безопасность, цифровизация, право.

The article analyzes the specifics of administrative liability for traffic violations recorded by automatic photo and video recording devices. It examines the regulatory framework for the use of automatic technical devices, including the provisions of the Road Safety Strategy in the Russian Federation, as well as the specifics of the implementation and operation of such devices in Russia. Special attention is paid to the material and procedural legal issues that arise when administrative liability is imposed based on automatically recorded data, as well as the analysis of the effectiveness of the digitalization of state mechanisms for monitoring and supervising traffic. The article substantiates the need to promote a culture of transportation and safe behavior.
Keywords: administrative liability, traffic, automatic photo and video recording, transport security, digitalization, law

Современное развитие правового регулирования безопасности дорожного движения в Российской Федерации знаменует собой поступательный процесс цифровизации как государственного управления в целом, так и, в частности, сферы профилактики и пресечения правонарушений на автодорогах. В свете задач, поставленных в Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденной Указом Президента РФ 14 ноября 2025 г. № 841, особое место занимает расширение применения автоматических систем фото- и видеофиксации нарушений Правил дорожного движения. Опыт последних лет демонстрирует, что технологический прогресс способен оказывать значительное воздействие на повышение дисциплины участников дорожного движения.

Автоматизация процессов выявления правонарушений является объективно необходимым этапом развития управленческих технологий в России. Стратегическая задача заключается в трансформации института административной ответственности в области дорожного движения. Стремление к безусловному соблюдению норм ПДД, как указано в Стратегии, должно реализовываться на основе государственно-общественного партнерства, где различные модели взаимодействия оказывают влияние на степень участия не только граждан, но и юридических лиц, органов власти и иных заинтересованных субъектов.

В научной литературе выделено несколько моделей взаимодействия государства и общества в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: воздействующая, содействующая, патерналистская, партнерская, постепенная (инкрементализм), синергетическая и форсайт-модель. Каждая из них формирует уникальный стандарт цифрового взаимодействия, непосредственно влияя на правоприменительные практики, включая применение фото- и видеокамер для фиксации правонарушений. Исторически воздействующая модель, будучи доминирующей в РФ, фокусирует цифровые технологии исключительно на функции обнаружения и фиксации нарушения, считая уплату штрафа достаточным инструментом формирования законопослушного поведения, тогда как более развитые подходы (содействующая и синергетическая модели) ставят превенцию, обучение и формирование устойчивой транспортной культуры в центр своей стратегии.

Началом официальной эволюции систем автоматизированного контроля в России принято считать принятие Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ, в соответствии с которым были внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Так, автоматические камеры были признаны допустимым источником доказательственной информации, на основе которой складывается административное производство. Российская практика пошла по пути упрощения процедур возбуждения и рассмотрения дел о правонарушениях, зафиксированных в автоматическом режиме: данные с камер поступают в Центры автоматической фото- и видеофиксации, где происходит их первичная обработка, сопоставление с регистрационными данными транспортных средств и вынесение постановления без участия нарушителя.

Важной спецификой российского законодательства стало то, что субъектом ответственности считается владелец транспортного средства, а не обязательно фактический нарушитель. Постановление о привлечении к ответственности направляется собственнику, причем не требуется получать подтверждение о его вручении, что регулярно вызывает вопросы в части реализации права на защиту, получения сведений о привлечении и возможности своевременного обжалования.

Процедура достаточно формализована: административные материалы, в том числе фотоматериалы о правонарушении, направляются по почте либо в электронном виде, организация уплаты штрафов минимизирована посредством цифровых сервисов. Вид наказания – штраф (за исключением составов, предусматривающих лишение права управления, в отношении которых фото- и видеофиксация, как правило, не применяется). Особенностью является также упрощенный порядок обжалования подобных постановлений.

Масштабы электронного контроля впечатляют: к 2026 году по России наложено свыше 250 млн штрафов за нарушения ПДД, причем свыше 90% всех постановлений вынесены именно с помощью автоматических средств видео- и фотоконтроля. Параллельно фиксируется снижение количества ДТП и числа погибших – тенденция, связываемая с профилактическим эффектом постоянного круглосуточного мониторинга. Развитие технических характеристик комплексов позволяет оперативно и массово выявлять несколько типов нарушений, однако вместе с тем ставит вопрос о правомерности усиления фискальной функции системы [1].

Рассмотрим наиболее острые проблемы, выявляемые при анализе практики применения автоматической фиксации. В первую очередь, это автоматизированная априорная виновность собственника транспортного средства, противоречащая презумпции невиновности, закрепленной Конституцией РФ и принципами административного процесса. Фактический водитель может оставаться неизвестным, но ответственность несет собственник.

Вторая ключевая проблема – отсутствие обязанности удостоверять получение копии постановления. Многочисленные случаи, когда лица узнают о штрафе только при попытке совершения регистрационных действий с автомобилем или при наложении запрета на выезд за границу, свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к фиксации уведомления нарушителей либо о необходимости создания по-настоящему интерактивных цифровых ведомостей.

Не менее остро стоит вопрос процессуальных гарантий: упрощенность процедуры часто оборачивается сокращением возможностей правовой защиты для участников дорожного движения. Установленные сроки обжалования могут быть пропущены по независящим от лица причинам. Кроме того, многие институты административного производства предъявляют сниженные требования к доказыванию, а сам собственник вынужден самостоятельно собирать доказательства, подтверждающие его невиновность, что прямо противоположно принципам презумпции невиновности.

Исходя из анализа современной правоприменительной практики, необходимо признать наличие явного смещения баланса целей административного преследования в сторону фискализации. Вместо формирования устойчивого, осознанного, безопасного поведения на дороге, автоматизированные системы нередко становятся простым инструментом сбора средств, а не фактором, формирующим отказ от опасных паттернов поведения. В связи с этим ряд исследователей предлагает провести дефискализацию Кодекса об административных правонарушениях в части регулирования дорожных отношений, усилить роль превенции, обеспечить полноценную дифференциацию ответственности за повторные или особо опасные нарушения.

Устранение проблем ответственности без идентификации фактического нарушителя заслуживает особого внимания: необходима законодательная доработка норм о возможности перекладывания ответственности только в случаях, когда владелец не использует механизм заявления о неправомерном привлечении. Подлежит совершенствованию и порядок извещения, а также процедура обжалования постановлений на основе автоматической фиксации. Кроме того, целесообразно разграничить основания для применения ускоренных и упрощенных процедур: их применение должно ограничиваться только теми правонарушениями, которые затрагивают незначительную общественную опасность и не влекут за собой тяжких последствий. В отношении рецидивистов и лиц, совершивших грубые нарушения, должно оставаться традиционное производство с полным набором процессуальных гарантий [2].

Необходимо усилить и роль цифровых сервисов, превращая их в инструменты мониторинга, анализа и принятия управленческих решений, а не исключительно средства фиксации и генерации штрафов. Информация, собираемая дорожными камерами, должна возвращаться в инфраструктурное и образовательное пространство – использоваться для коррекции алгоритмов организации дорожного движения, проведения предупредительных кампаний.

Автоматизация и цифровизация контроля дорожной обстановки становится определяющим трендом управления транспортной безопасностью в России. Однако ориентация исключительно на карательную функцию, массовое выявление и наказание без учёта индивидуальных обстоятельств и процессуальных гарантий не способны обеспечить долгосрочного устойчивого снижения правонарушений и формирования транспортной культуры. Нужен пересмотр подходов к применению автоматических систем: они должны стать фактором формирования нормального, осознанного поведения, использоваться не только для административного преследования, но и для анализа, совершенствования организации движения, предупреждения возникновению рисков.

Дальнейшее развитие административной ответственности в данной сфере невозможно без тщательной проработки законодательных механизмов, расширения прав участников дорожного движения на эффективную защиту своих интересов и устранения противоречий, связанных с презумпцией виновности. Международный опыт подтверждает: ключевым фактором транспортной безопасности

является не только неотвратимость наказания за нарушение, но и интеграция образовательных, организационных и технических решений, направленных на воспитание сознательного гражданина. Следовательно, будущие реформы должны базироваться на переосмыслении роли автоматической фиксации как инструмента профилактики и развития транспортной культуры, а не только как способа привлечения к ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция. – URL: http://stat.gibdd.ru/
2. Майоров, В. И. Проблемы регулирования превышения установленной скорости движения: российский и зарубежный опыт / В. И. Майоров, В. В. Денисенко // Безопасность дорожного движения. – 2022. – № 4. – С. 19–25.

УДК 342.72:37.014.1

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Печаткин Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент
Скворцова Нина Михайловна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: asp1024@mail.ru; st811793@ruc.su

GOVERNANCE OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO EDUCATION

Pechatkin Alexander Sergeevich, PhD (Philosophy), Associate Professor
Skvortsova Nina Mikhailovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию взаимосвязи конституционного права на образование и системы управления в сфере образования. Проводится анализ понятия «управление образованием», посредством обращения к общенаучному термину «управление». Описывается комплекс структурных компонентов управления образованием, отмечается их системная взаимосвязь. Взаимосвязь конституционного права на образование и системы управления образованием реализуется через следующие социально-правовые механизмы: формирование социально-образовательной модели, обеспечение поддержки отдельных категорий граждан, поддержка развития науки и раскрытие человеческого потенциала. Эффективная система управлением образованием выступает комплексным механизмом реализации конституционного права на образование.

Ключевые слова: образование, право на образование, управление образованием, образовательный процесс, социально-образовательная модель.

The article is devoted to the study of the relationship between the constitutional right to education and the management system in the field of education. The concept of "education management" is being analyzed by referring to the general scientific term "management." A complex of structural components of education management is described, their systemic relationship is noted. The relationship between the constitutional right to education and the education management system is implemented through the following socio-legal mechanisms: the formation of a socio-educational model, support for certain categories of citizens, support for the development of science and the disclosure of human potential. An effective education management system acts as a comprehensive mechanism for the implementation of the constitutional right to education.

Keywords: education, right to education, education management, educational process, social and educational model.

Ст. 43 Конституции РФ провозглашает право на образование. Ч. 1 ст. 72 Конституции РФ предопределяет общие вопросы управления образованием, указывает на совместное ведение некоторых вопросов образовательной политики Российской Федерацией и ее субъектами. В ст. 114 Конституции РФ указывается на руководящую роль Правительства РФ в управлении образованием [1]. Право на образование выступает в качестве фундаментального права человека и находит отражение во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах.

Право на образование выступает фундаментальной, конституционной ценностной идеей, предполагающей реализацию возможностей формирования личности и создающей условия для обретения политических, экономических, социально-культурных благ.

Образование выступает в качестве фундаментального социального института, обеспечивающего разноплановые потребности человека, общества, государства и проявляющегося в процессе формирования мировоззрения личности, приобретения знаний, навыков, умений, опыта общесоциального и профессионально-прикладного характера. Значение образования на современном этапе развития социума обусловлено его катализирующими свойствами в процессе обеспечения социально-экономического развития, инновационной деятельности, обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности государства.

В ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273) предоставлено следующее определение образования: «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [2].

В связи с этим, управление образованием выступает значимой компонентой государственного управления и атрибутивной концептуальной составляющей социального развития.

В контексте данного исследования обратимся к определению общенаучного термина «управление». В Большой российской энциклопедии предоставлено следующее определение «Управление - воздействие на управляемую систему с целью обеспечения требуемого её поведения. Система управления (СУ) включает в себя три составные части: управляемую систему, управляющую систему и связи между ними» [3]. Управление всегда сопряжено с процессом воздействия субъекта на объект, в отношении социальных систем применимо понятие – социальное действие, как условие возникновения среды взаимодействующих элементов системы социальных отношений. В качестве информационной компоненты, антиципирующей социальное действие выступает идея, замысел, концепт. Обеспечение требуемой модели поведения достигается путем использования методов воздействия на управляемую систему. Система методов и инструментов реализации управленческой деятельности становится ключом к успешной реализации управленческой функции и созданию условий устойчивого функционирования объекта управления.

Под управлением в сфере образования понимается осуществление функций государственного управления и местного самоуправления, направленных на реализацию принципов концепции образовательной системы и приоритетных целей, задач ее развития.

Законодательная база российского образования отражена в Федеральном законе № 273, который закрепляет принципы функционирования образовательной системы и механизмы финансового обеспечения учебных заведений. Данный нормативно-правовой акт «устанавливает правовые, организационные и экономические основы образования в Российской Федерации, основные принципы государственной политики Российской Федерации в сфере образования, общие правила функционирования системы образования и осуществления образовательной деятельности, определяет правовое положение участников отношений в сфере образования» [2].

Ст. 5 Федерального закона № 273 закрепляет гарантии прав на образование без дискриминации по какому-либо признаку. Гарантии распространяются на общедоступность и бесплатность образования дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования. С целью реализации общедоступности образования (права на образование) закрепляется необходимость создания социально-экономических условий для его получения. Отдельное внимание уделено особым мерам поддержки отдельных категорий населения (инклюзивное образование, поддержка коренных малочисленных народов, содействие лицам с выдающимися способностями) [2].

Управление образованием как целенаправленный процесс, обеспечивающий реализацию положений законодательства Российской Федерации в сфере образования, отражает в своем содержании комплекс структурных компонентов:

1) нормативно-правовой (правовая база, обеспечивающая единый характер управления, законность);

2) идейно-смысловой (проявляется в формировании ценностей и ориентиров стратегического развития образования);

3) организационно-управленческий (структура органов управления, механизм принятия решений, формирование и реализация государственных программ, контроль за соблюдением законодательства в сфере образования);

4) материально-технический (комплекс материальных ресурсов и технических средств, обеспечивающих функционирование системы управления образованием);

5) финансово-экономический (особенности финансирования и экономический баланс, механизмы распределения бюджетных средств);

6) кадровый (система подготовки кадрового состава, аттестация и оценка профессионального уровня, механизмы мотивации и социальной поддержки, формирование управленческих компетенций);

7) взаимодействие с другими ведомствами и гражданским обществом (межведомственное взаимодействие, государственно-общественное управление образованием, сетевое взаимодействие).

Все данные компоненты находятся в системной взаимосвязи и в совокупности оказывают системный эффект на реализацию конституционного права на образование, выступая функциональными механизмами и инструментами его обеспечения.

Реализации права на образование способствует организационно-институциональный механизм, функционирующий в рамках системы управления образованием и находящий выражение в создании государственных органов, обеспечивающих контроль и надзор в сфере образования. Согласимся с Н. В. Вечкановой, утверждающей, что «отличительная особенность права на образование в том, что под его гарантиями понимаются условия, средства, способы, приемы и методы, лежащие в основе обеспечения его фактической реализации и всесторонней охраны» [4, с. 41].

В качестве основных направлений государственного управления в сфере образования выступают:

1) разработка нормативно-правовых актов в сфере образования;

2) выработка концептуальных основ и стратегии развития образования;

3) лицензирование и аккредитация образовательных организаций;

4) контроль и надзор за обеспечением качества образовательного процесса;

5) хозяйственно-экономические компоненты деятельности.

В широком аспекте понимания управление образованием носит государственно-общественный характер, обеспечивая реализацию принципа демократизма управления и выражается в функционировании институтов попечительских советов, родительских комитетов. Государственно-общественный характер управления образованием также предусматривает участие педагогических работников, родителей, обучающихся в управлении образовательными организациями и создании условий реализации социально-образовательных потребностей, консенсуса при принятии управленческих решений, комплексной реализации прав сторон образовательного процесса.

К основным компонентам взаимосвязи реализации конституционного права на образование и функционирования системы управления образованием отнесем:

1) формирование социально-образовательной модели, позволяющей наиболее всеобъемлюще, адаптивно, гибко, методически выверено осуществлять деятельность по управлению образованием как сложноорганизованной системой;

2) обеспечение поддержки отдельных категорий граждан, в связи с необходимостью применения к ним мер комплексной социальной защиты, с целью преодоления состояния гипотетического социального риска;

3) поддержка приоритетных направлений развития науки и раскрытие человеческого потенциала, как факторов благополучия населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. – 06.10.2022, № 0001202210060013.

2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (Ч. 1). – Ст. 7598.

3. Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/c/upravlenie-obshchee-poniatie-5df5ef

4. Вечканова Н. В. Особенности конституционного регулирования права на образование // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 8 (148). – С. 39–42.

УДК 34.03

КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Поршин Алексей Владиславович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809168@ruc.su

COMMISSIONS ON JUVENILE AFFAIRS AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL WORK WITH MINORS

Porshin Alexey Vladislavovich, master's student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность представленной статьи обуславливается практической значимостью исследований, связанных с изучением предпосылок совершения противоправных поступков несовершеннолетними гражданами, за которые предусмотрена адми-

нистративная ответственность. Комиссии по делам несовершеннолетних представляют собой комплексный институт административно-правовой работы с самими подростками и субъектами профилактической работы.

Ключевые слова: административная ответственность несовершеннолетних, несовершеннолетние граждане, субъекты профилактики, комиссии по делам несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие.

The relevance of this article stems from the practical significance of research examining the prerequisites for juvenile offenses that carry administrative liability. Juvenile affairs commissions represent a comprehensive institution for administrative and legal work with adolescents themselves and with those involved in preventive measures.

Keywords: administrative responsibility of minors, minors, subjects of prevention, commissions on minors, interdepartmental cooperation.

Основным субъектом административно правовой работы с несовершеннолетними являются комиссии по делам несовершеннолетних при муниципальных территориальных единицах, в которых проживают подростки. Данные комиссии входят в комиссию по делам несовершеннолетних, созданную на региональном уровне.

КДН реализует комплексную систему мер не только правового, но и социального, а также педагогического характера, ориентированную на выявление и пресечение причин и условий, способствующих осуществлению несовершеннолетними правонарушений в сфере административно-правового регулирования.

Комплексными задачами предупреждения правонарушений несовершеннолетних являются:

– предупреждение противоправного поведения, в том числе в сфере административно-правового регулирования, несовершеннолетних лиц;

– предупреждение антиобщественного поведения, не связанного с нарушением норм различных отраслей законодательства, в том числе и административного, несовершеннолетних лиц;

– защита прав и соблюдению интересов несовершеннолетних лиц, как случаях нарушения ими административного законодательства, так и в случаях осуществления в отношении таких лиц противоправных деяний;

– разработка и реализация мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих осуществлению несовершеннолетних лиц действий, причинивших вред объекту административно-правовой охраны.

Нормативно правовой базой осуществления работы КДН являются: КоАП РФ, СК РФ, ФЗ от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ФЗ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»), ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ФЗ от 21 июня 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2000 г. № 896 «Об утверждении Примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации», постановлением Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» , Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».

В межведомственном взаимодействии по вопросам раннего выявления

детей, находящихся в социально опасном положении, и обстановке, угрожающей их жизни и здоровью, в связи с наличием у родителей психических расстройств, заболеваний наркомания, токсикомания и алкоголизм принимают участие следующие органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних:

медицинские организации;

территориальные органы внутренних дел;

подразделения по делам несовершеннолетних;

образовательные организации;

учреждения социальной защиты населения;

органы опеки и попечительства;

комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В работе с несовершеннолетними комиссии принимают следующие меры:

• выявляют предпосылки, способствующие беспризорности подростков и совершению ими противоправных поступков;

• определяют обстоятельства, при которых нарушаются права и законные интересы подростков;

• участвуют в правовой работе по сбору материала, являющегося основанием для помещения подростка в учреждения воспитательного типа;

• осуществляют патронаж учебы подростка в образовательной организации;

• поддерживают подростков в решении бытовых вопросов [1].

Следует отметить, что КДН являются административно-правовым субъектом работы с подростками. Принимая решении о применении к несовершеннолетним мер административного воздействия, фактически они принимают сторону публичных органов, реализующих правоприменительные функции. Жизнь и развитие подростка осуществляется в образовательной организации.

Являясь ведущим субъектом межведомственного взаимодействия образовательная, организация выполняет целый перечень задач, основными среди которых являются:

• содействие в учебной деятельности подростка;

• содействие во внеучебной работе и трудоустройству в каникулярный период:

• психологическое сопровождение несовершеннолетнего;

• внедрение здоровьесберегающих технологий в жизнь обучающегося;

• постадминистративное сопровождение, в случае привлечения несовершеннолетнего к административной ответственности;

• работа с семьей, находящейся в социально-опасном положении (СОП).

В качестве примера рассмотрим алгоритм взаимодействия факультета среднего профессионального образования Саранского кооперативного института АНОО ВО с КДН РМ по вопросу раннего выявления детей имеющих склонности к совершению административных правонарушений.

Деятельность специалистов института по выявлению семей с детьми, находящихся на раннем этапе неблагополучия, строится на трех основных уровнях: профилактическом, диагностическом и координационном.

Работа начинается не с прямого вмешательства, а с наблюдения. Педагог-психолог выявляет факторы риска, которые могут свидетельствовать о начинающихся проблемах. Источниками информации служат:

• Наблюдение за детьми. Фиксация изменений в поведении, эмоциональном состоянии, успеваемости, внешнем виде и взаимоотношениях со сверстниками (замкнутость, агрессия, тревожность, соматические жалобы).

• Анализ запросов: изучение обращений родителей или педагогов.

• Взаимодействие с педагогами: проведение консультаций с преподавателями, которые ежедневно контактируют с несовершеннолетними и могут увидеть первые признаки неблагополучия.

При появлении сигналов о потенциальном неблагополучии проводится более глубокое изучение ситуации. Инструментарий включает: различные психологические методики, экспресс-диагностика кризисного состояния, индивидуальные беседы с родителями и несовершеннолетним.

Если в ходе диагностики выявляются признаки раннего семейного неблагополучия, педагог-психолог действует строго в рамках этического кодекса и межведомственного взаимодействия: оценка безопасности, консультирование и мотивирование, превентивная коррекция, межведомственное взаимодействие.

Чтобы не допустить перехода семьи в категорию неблагополучных, педагог-психолог ведет просветительскую деятельность среди несовершеннолетних и их родителей. Кроме того, в работу, направленную на выявление семей с детьми, находящихся на раннем этапе семейного неблагополучия в институте задействованы социальный педагог, кураторы студенческих групп и иные субъекты системы профилактики.

Социальным педагогом проводятся индивидуальные и групповые беседы со студентами и родителями, направленные на формирование законопослушного поведения, результаты которых отражают особенности в поведении подростка. Проведены беседы с семьями, находящимися в социально опасном положении (далее СОП), направленные на формирование семейных ценностей и на предотвращение противоправного поведения несовершеннолетних. Проводятся рейды по неблагополучным семьям и семьям группы «риска», по итогам проверки на месте составляется акт ЖБУ. Регулярно проводятся мероприятия, направленные на формирование жизненных ценностей и ответственности за свои поступки. Ведется индивидуальная работа с детьми группы «риска» и семьями в СОП.

Кураторами студенческих ведутся наблюдения за поведением несовершеннолетних обучающихся с агрессивным поведением, проявляющимся в антисоциальных действиях. В случаях обнаружения социального неблагополучия в семье принимаются меры воздействия для проведения дальнейшей профилактической работы с семьей. Также кураторами ежедневно проводится мониторинг социальных сетей обучающихся на предмет выявления антисоциальных маркеров в поведении.

Во взаимодействии с ОДН ОП №1 УМВД России г. о. Саранск, Управлением Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков РМ, проводятся профилактические мероприятия и беседы с семьями и детьми находящихся в СОП.

Таким образом, мы видим, что комиссии по делам несовершеннолетних являются основным субъектом административно правового воздействия, определяющими работу для всех субъектов межведомственного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорова И. В. Кардашевский В. В. Меры, применяемые комиссиями по делам несовершеннолетних и защите и прав // Вестник московского университета МВД

2. Абсалямова Д. Е. Правовые проблемы в правоприменительной практике комиссий по делам несовершеннолетних и защите из прав // Аллея науки. Оренбургский государственный университет. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54204815

УДК 336.225

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Поршина Дарья Игоревна, магистрант
Подсеваткина Анастасия Александровна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809166@ruc.su; st810661@ruc.su

TAX INSTRUMENTS IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Porshina Daria Igorevna, Master's Degree student
Podsevatkina Anastasia Alexandrovna, Master's Degree student
Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

Данная статья анализирует налоговые инструменты с позиции воздействия на результативность исполнительной власти. Автор определяет взаимосвязь налоговых инструментов с системой государственного управления. Определяются основные механизмы, используемые государством для достижения управленческих задач, определяются общие признаки системы общественных отношений, в которых происходит использование налоговых механизмов в качестве способа воздействия на социально-значимые процессы.

Ключевые слова: налоговые инструменты, налоговые правоотношения, государственное управление, налог, налоговый вычет, налоговые льготы, цифровизация, защита прав налогоплательщиков.

This article analyzes tax instruments from the perspective of their impact on executive performance. The author identifies the relationship between tax instruments and the public administration system. The key mechanisms used by the state to achieve management objectives are identified, as well as the general characteristics of the system of social relations in which tax mechanisms are used to influence socially significant processes.

Keywords: tax instruments, tax legal relations, public administration, tax, tax deduction, tax benefits, digitalization, protection of taxpayers' rights.

Система государственного управления представляет собой комплекс мероприятий, влияющих на результативность исполнительной власти во всех сферах общественной жизни. Государственное управление определяется системой исполнительной власти и осуществляется на всех уровнях ее организации.

Безусловно, в разные периоды общественно-политического развития общества приоритетность направлений государственного управления меняется. Это зависит от экономического развития государства, геополитической обстановки, вектора общественного развития. Современная система общественных отношений характеризуется следующими признаками:

– усложненность и разветвлённость структур реализации общественных отношений:
– распространение и развитие идей цифровизации;
– рост общественного потребления, борьба за ресурсы;
– возрастание научности и эмпирического доказательства общественных процессов;
– мировая глобализация и взаимозависимость мировой системы общественного воспроизводства.

Система государственного управления использует различные механизмы для реализации конечной цели, связанной с качественными изменения окружающей действительности и выполнением обязательств государственных структур.

На наш взгляд инструменты влияния на результаты реализации властных полномочий отличаются следующими признаками: императивность, социальная значимость последствий, нормативность, публичность. Под императивностью мы будем понимать обязательность исполнения. Социальная значимость предопределяет характер воздействия и раскрывается через систему послаблений и льгот.

Нормативность заключается в законодательном оформлении в каком-либо НПА при влиянии на юридические факты и обстоятельства. Публичность инструментов государственного управления подразумевает их реализацию через общественные отношения, где одной из сторон является государство.

Налоговые инструменты обладают всеми вышеперечисленными признаками и сами по себе представляют правовой институт внутри системы государственного управления. Общественный охват налоговыми инструментами доказывается конституционной обязанность всех субъектов платить установленные законом налоги и сборы, фактически налоги касаются всех и каждого, поскольку налоговые обязанности появляются у граждан с рождения.

Под налоговыми инструментами системы государственного управления мы будем понимать законодательно закрепленную систему мероприятий и действий, инициируемых системой исполнительной власти, которые реализуются посредством налоговых правоотношений, направленных на решение государственных задач и улучшение качества жизни субъектов общественных отношений.

Налоговыми инструментами являются: налоговые льготы, специальные налоговые режимы, налоговые вычеты по НДФЛ, механизмы проведения налогового контроля, система налогового учета объектов и субъектов налоговых правоотношений, способы защиты прав налогоплательщиков.

Достаточно много задач, связанных с государственным управлением, реализуется через администрирование НДФЛ. Здесь особое значение имеет сам размер налога. Долгое время в РФ данный налог взымался по плоской шкале налогообложения и составлял 13 % от размера дохода. В этой ситуации возникали вопросы об уходе с данной схемы. Мировые налоговые практики предлагают схемы, при которых существуют следующие правовые позиции: суммы, которые не облагаются налогом, категории лиц, освобождаемые от уплаты НДФЛ, объем дохода, который подлежит дополнительному налогообложению и др. России в современных условиях пошла по смешанному пути, оставив все суммы в 13 % обложении и увеличив данный налог для дохода, которые превышает установленный лимит.

Важной составляющей налоговых правоотношений является соразмерность и справедливость, которые лежат в системе государственного управления. На эти категории опирается правовая основа государственного управления налоговой системы. С одной стороны, императивность налогов направлена на всеобщность, с другой стороны она не должна быть непосильным бременем для налогоплательщиков.

Своего рода механизмом воздействия на является налоговый вычет.

Налоговые вычеты – это инструмент государственного регулирования, с помощью которого осуществляется регулирование доходов различных групп налогоплательщиков и происходит снижение тяжести налогового бремени населения, находящегося за чертой бедности, а также поддержка социально уязвимых слоев населения [2].

Ряд исследователей придерживаются той точки зрения, что налоговый вычет – это, своего рода, компенсация государства за те расходы, которые должны были быть осуществлены с его помощью [3].

Исследователь Гармаева М. А. предложила рассматривать налоговые вычеты как социальную услугу, оказываемую государством. В условиях, когда руководство страны стоит перед задачей повышения благосостояния народа, поиск новых значимых форм социальных услуг имеет приоритетный характер. Причем особое значение в данном направлении приобретают процессуальные нормы [4].

Можно сказать, что администрирование НДФЛ является основой влияния государства на социальную удовлетворенность граждан налоговой политикой. Поскольку реформы последних лет позволяют нам наблюдать следующие нововведения: увеличение предельных размеров стандартных налоговых вычетов на содержание детей, появление новых видов налоговых вычетов, внимание законодателя к данным правоотношениям, можно предположить, что правовая основа данного института имеет тенденцию к усложнению.

Подтверждением значимости налоговых правоотношений свидетельствует рост количество обращений в Конституционный Суд РФ по различным вопросам с целью проверки конституционности тех или иных норм. В 2023 г. их было – 136, в 2024 г. – 142, а в 2025 г. – 216 [5].

На наш взгляд, все изученные механизмы входят в комплекс социально-управленческих услуг, которые имеют прямое влияние на демографическую ситуацию, экономическую удовлетворённость и правовую сопричастность граждан.

«Регулирование общественных отношений посредством налогов, это прямой способ воздействия на социальную политику, поскольку социальные услуги обладают всеми признаками публичных услуг. Отличительно особенностью является лишь сфера, в которой они реализуются. По своему определению это действия по оказанию помощи государством. Но следует понимать, что оказание социальных услуг – это обязанность государства, что же касается налоговых вычетов, что здесь речь идет о заявительном праве физических лиц» [3].

Проведенный теоретический анализ свидетельствует о возрастающей роли цифровых технологий в налоговых правоотношениях, которые является элементом государственного управления. Цифровые возможности позволили внедрить новые электронные площадки учета объектов налогообложения, обмен информацией и реагирования в ситуации нарушения прав и законных интересов.

Рассмотренный материал позволяет нам выделить три направленности государственного управления при реализации налоговых правоотношений: регулирование доходов субъектов налогообложения через плавающие налоговые ставки налоговые вычеты; информационно-цифровой, связанный с современными возможностями и законодательный, который нацелен на постоянное совершенствование налоговой политики и ее правовое сопровождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Б. Х., Мусаева Х. М. Налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц в контексте реализации принципа справедливости налогообложения // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 6. – С. 48.

2. Ушманова М. Е., Хасанова А. А. Социальный налоговый вычет: некоторые особенности правореализации. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43985859

3. Замотаева О. Н. Налоговые вычеты по налогу на доходы для физических лиц как инструменты финансово-правовой политики // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2021. С. 259–263

4. Гармаева М. А. Регулирование института налоговых вычетов как социальной услуги // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 38.

5. Официальный сайт Конституционного суда РФ. Раздел статистика. – URL: https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/by-theme.php

УДК 342.9

СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Свешникова Лариса Николаевна, старший преподаватель
Булашева Ольга Васильевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: egor751348@yandex.ru; narvatova.olya@yandex.ru

CONTENT OF ADMINISTRATIVE AND JURIDICAL ACTIVITIES OF THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Sveshnikova Larisa Nikolaevna, Senior Lecturer
Bulasheva Olga Vasilyevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье раскрывается содержание административно-юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции как реализация властных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в сфере дорожного движения, а также в принятии решений в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, административная юрисдикция, рассмотрению дел об административных правонарушениях в сфере дорожного движения.

This article reveals the content of the administrative and jurisdictional activities of the State Traffic Safety Inspectorate as the implementation of authority to consider cases of administrative offenses in the field of traffic, as well as to make decisions in strict accordance with the legislation of the Russian Federation.

Keywords: State Traffic Inspectorate, administrative jurisdiction, and consideration of cases of administrative offenses in the field of traffic.

Административно-юрисдикционная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации представляет собой ключевой элемент системы обеспечения безопасности дорожного движения в стране. В современных условиях эта деятельность приобретает особую значимость, поскольку уровень дисциплины участников дорожного движения, эффективность правоприменительных мер и качество взаимодействия с гражданами напрямую влияют на показатель аварийности, число дорожно-транспортных происшествий и их последствия.

Административно-юрисдикционная функция Государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации заключается в реализации властных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в сфере дорожного движения, а также в принятии решений в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации. Деятельность рассмат-

риваемого органа является достаточно сложным и ресурсным процессом, эффективность которого заключается, в первую очередь, качеством правовой базы, подготовкой сотрудников и организацией внутреннего управления.

Рассматривая сущность административно-юрисдикционной деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации необходимо отметить, что она обеспечивает не только применение норм административного права к правонарушителям, но и профилактику правонарушений, формирование правовой культуры участников дорожного движения, а также поддержание общественного порядка в сфере транспортного взаимодействия. Значение данной деятельности выходит за рамки узко правоприменительных функций и охватывает вопросы правового регулирования, контроля и надзора за соблюдением правил дорожного движения, что делает ее важным инструментом государственной политики в области безопасности на дорогах.

Основными составляющими административно-юрисдикционной деятельности ГИБДД являются несколько ключевых задач, каждая из которых имеет практическое и правовое значение. Во-первых, это рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях. Данный процесс включает сбор доказательств, установление фактов нарушения, оформление процессуального документа - протокола об административном правонарушении, и вынесение решений о применении административных мер. Во-вторых, ГИБДД применяет меры административного принуждения в виде мер административного наказания таких, как например, предупреждение и штраф. В-третьих, важной составляющей является рассмотрение и разрешение в соответствии с законом административно-правовых споров, возникающих как между гражданами и государственными органами, так и внутри самой системы ГИБДД.

Современная наука выделяет ряд проблем и особенностей административно-юрисдикционной деятельности ГИБДД. Так, В. И. Майоров отмечает неполное использование превентивного потенциала административной юрисдикции, когда меры воздействия направлены скорее всего больше на наказание, чем на предупреждение противоправных действий (правонарушений) [1]. Также В. Е. Севрюгин и С. В. Полякова подчеркивают разделение деятельности на внешнюю – работу с гражданами, участниками дорожного движение, и внутриорганизационную – обеспечение функционирования самой системы ГИБДД, включая внутренний контроль, кадровую работу и организационное управление [2].

Важной является также взаимосвязь между качеством правотворчества и результативностью правоприменения: корректное законодательное регулирование способствует повышению эффективности деятельности, снижению числа спорных ситуаций и улучшению правовой дисциплины на дорогах.

Административно-юрисдикционная деятельность Госавтоинспекции имеет ряд специфических особенностей, которые отличают ее от иных сфер государственного управления. Прежде всего, субъект деятельности является специальным, поскольку полномочия по рассмотрению дел, применению административных мер и контролю за соблюдением законодательства имеют только уполномоченные должностные лица Госавтоинспекции или суд.

Споры в рамках административно-юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции возникают в ряде случаев при реализации правоприменительных полномочий и могут быть связаны с действиями сотрудников, решениями о привлечении к административной ответственности или отказом в предоставлении услуг.

В структуре деятельности Госавтоинспекции различают три вида производств.

Обычное производство состоит из полного цикла стадий административного разбирательства, включая оформление протоколов, заслушивание сторон и вынесение решения.

На месте совершения ДТП осуществляется упрощенное производство, которое предполагает отказ от составления особого процессуального документа - протокола, и характеризуется наложением таких административных наказаний как предупреждение и штраф. Второй вид юрисдикции, осуществляемый Госавтоинспекции – особое производство, которое предполагает особое процессуальное регулирование и состоит из административных процедур.

Все это позволяет сотрудникам Госавтоинспекции избирательно подходить к применению мер административного наказания, оперативно проводить административное расследование правонарушений в сфере безопасности дорожного движения.

На современном этапе деятельность Госавтоинспекции характеризуется комплексным характером и предполагает осуществление правотворческой, правоприменительной и надзорной функции. Сфера обеспечения дорожной безопасности регулируется, прежде всего, федеральным и региональным законодательством, а также ведомственными актами. В настоящее время сотрудникам Госавтоинспекции необходимо ориентироваться в большом массиве нормативных актов.

Дисциплинарное производство как вид юрисдикционной деятельности предполагает осуществле-

ние контроля за законностью действий сотрудников. Это обеспечивает внутреннюю правовую культуру, соблюдение профессиональных стандартов и повышает доверие граждан к органам, осуществляющим надзор за безопасностью дорожного движения. Дисциплинарные наказания регламентированы Дисциплинарным уставом ОВД Российской Федерации, утвержденным Указом Президент РФ от 14.10.2012 № 1377 [3], тем не менее в научной литературе данный вопрос не является актуальным, что обуславливает низкую заинтересованность в значении данного института.

В совокупности перечисленные особенности делают административно-юрисдикционную деятельность Госавтоинспекции уникальной в системе государственного управления, требующей высокой квалификации сотрудников, четкой регламентации процедур и комплексного подхода к обеспечению безопасности и правопорядка на дорогах.

Изучение научных исследований, посвященных правовому обеспечению безопасности на дорогах, позволяет сделать вывод о том, что данная область выступает как относительно самостоятельное направление государственного управления. Необходимость такого подхода определяется реализацией государственной политики в сфере дорожной безопасности, распределением компетенций между различными уровнями органов власти и юридических лиц в профилактику дорожно-транспортных происшествий.

Безопасность движения, будучи предметом общественного интереса, относится к числу приоритетных задач государства. Она регулируется преимущественно нормами административного права и обеспечивается как императивными, так и разрешительными методами правового воздействия.

В этом контексте обосновано говорить о формировании самостоятельного административно-правового института, который характеризуется относительной однородностью регулируемых общественных отношений и унифицированностью методов управления.

Анализ вопросов безопасности дорожного движения в рамках транспортной безопасности имеет важное научное значение. Он позволяет уточнять правовые инструменты обеспечения безопасности, разграничивать полномочия различных государственных органов и повышать эффективность управления в данной сфере.

При этом следует учитывать, что категории «безопасность дорожного движения» и «транспортная безопасность» не совпадают. Если первая направлена на предупреждение ДТП, то вторая – на защиту транспортной системы от незаконного вмешательства. Для повышения эффективности регулирования рекомендуется внести изменения в законодательство, включая Федеральный закон «О транспортной безопасности», с учётом аспектов дорожной безопасности [4], либо разработать новый комплексный нормативный акт, охватывающий безопасность транспорта в широком смысле [5].

Осуществление профилактических мероприятий является основной функцией органов, обеспечивающих общественную безопасность, поэтому вопросам профилактике дорожно-транспортных происшествий уделяется значительное внимание в Концепции общественной безопасности РФ. Безопасность дорожного движения следует рассматривать как неотъемлемую часть общественной безопасности.

Значимость безопасности дорожного движения на современном этапе предполагает разработку единой государственной политики в данной сфере и четкое взаимодействие Госавтоинспекции и гражданского общества. В настоящее время необходимо переработать подходы к организации и совершенствования административно-юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции.

Таким образом, административно-юрисдикционная деятельность Госавтоинспекции на современном этапе характеризуется комплексным характером и предполагает осуществление правотворческой, правоприменительной и надзорной функции. Одним из важнейших направлений детальности Госавтоинспекции является также профилактика правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Эффективность административно-юрисдикционной деятельности зависит от качественного правового регулирования, уровня профессиональной подготовки сотрудников Госавтоинспекции, координации взаимодействия с государственными органами и гражданами. Совершенствование юрисдикционного производства в деятельности Госавтоинспекции связано с оптимальным регулированием административных процедур, применением средств автоматической фиксации правонарушений, а также активное применение профилактических мероприятий.

Эффективная административно-юрисдикционная деятельность Госавтоинспекции направлена на обеспечение общественной и транспортной безопасности Российской Федерации на современном этапе

ЛИТЕРАТУРА

1. Майоров В. И. Некоторые проблемы административной юрисдикции // Актуальные проблемы применения кодекса РФ об административных правонарушениях. Материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. П. Соловья. 2004. С. 56–60.
2. Севрюгин В. Е., Полякова С. В. О сущности административно-юрисдикционной деятельности полиции в сфере дорожного движения // Проблемы права. 2016. № 1(55). С. 98–104.
3. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 137 // СЗ РФ. 2012. № 43. Ст. 4808.
4. О транспортной безопасности: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // СЗ РФ. 2007. N 7. Ст. 837
5. Степаненко Ю. В. Административно-правовые проблемы обеспечения транспортной без опасности // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 6.

УДК 342.734

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ: СТАНДАРТЫ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Сурков Михаил Владимирович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: surkov.mihail@gmail.com

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROTECTION OF SOCIAL RIGHTS: STANDARDS OF EQUALITY AND JUSTICE

Surkov Mikhail Vladimirovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Настоящее исследование раскрывает трансформационную функцию Конституционного Суда РФ в формировании аксиологических стандартов социальной защиты, где абстрактные конституционные принципы равенства и справедливости получают характер процессуально применимых критериев оценки законодательства. Через анализ новейшей казуистики демонстрируется, как Суд, гарантируя неизменность ядра социальных прав, эволюционирует от контроля формальной легитимности к защите правомерных ожиданий и человеческого достоинства в условиях реформ.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, социальные права, стандарты равенства, принцип справедливости, правомерные ожидания, конституционное толкование, защита достоинства.

This study reveals the transformational function of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of axiological standards of social protection, where abstract constitutional principles of equality and justice are given the character of procedurally applicable criteria for assessing legislation. Through the analysis of recent casuistry, it is demonstrated how the Court, guaranteeing the invariability of the core of social rights, evolves from controlling formal legitimacy to protecting legitimate expectations and human dignity in the context of reforms.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, social rights, standards of equality, the principle of justice, legitimate expectations, constitutional interpretation, protection of dignity.

В социальном государстве, каковым провозглашена Российская Федерация в своей Конституции, защита прав человека в сфере труда, здравоохранения, образования, социального обеспечения является первостепенной задачей. Закрепление широкого каталога социальных прав в Основном законе страны (статьи 37–43) – это лишь первый шаг. Реальная жизнь этих прав определяется качеством их законодательного наполнения и эффективностью судебной защиты. В этой системе Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) выполняет уникальную роль высшего арбитра, который не просто применяет закон, а оценивает его на предмет соответствия фундаментальным конституционным ценностям, центральными среди которых являются равенство и справедливость.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что социальные права наиболее чувствительны к экономическим колебаниям и изменениям государственной политики. Законодатель, стремясь оптимизировать расходы или реформировать системы, зачастую вводит дифференцированный подход, новые условия и ограничения. Задача Конституционного Суда – проверить, не нарушают ли такие изменения тот «баланс интересов личности и общества», который заложен в Конституции, и не приводят ли они к необоснованному неравенству или несправедливости.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ роли КС РФ в защите социальных прав через призму выработки и применения стандартов «формального и фактического равенства», а также «социальной справедливости». На основе анализа конституционной доктрины и конкретных судебных решений, в том числе новейших, автор проследит эволюцию подходов Суда, выявит ключевые критерии оценки законодательных ограничений и определит влияние его правовых позиций на совершенствование российского социального законодательства.

Конституционные принципы равенства и справедливости не являются декларативными лозунгами; в практике Конституционного Суда они приобрели характер «рабочих юридических инструмен-

тов» высокой аналитической силы. Их нормативное содержание раскрывается в многочисленных постановлениях и определениях Суда.

В соответствии со статьей 19 Конституции, все равны перед законом и судом, а государство гарантирует равенство прав и свобод человека независимо от любых обстоятельств. Конституционный Суд последовательно развивает эту норму, отмечая, что принцип равенства «присутствует в качестве требования… в содержании практически всех статей главы 2 Конституции» («равные возможности», «равный доступ» и т.д.).

Ключевой вывод, выработанный Судом, заключается в следующем: «равенство не означает унификации». Оно предполагает запрет лишь такой дифференциации правового регулирования, которая не имеет объективного и разумного оправдания (обоснования) и ставит лиц, относящихся к одной и той же категории, в неравное положение без достаточных на то оснований. Таким образом, из принципа равенства выводятся дополнительные критерии конституционности: разумность, необходимость и соразмерность законодательного регулирования.

На практике это означает, что законодатель, вводя различия (например, в объеме социальных льгот для разных групп населения), обязан продемонстрировать их связь с конституционно значимыми целями. Например, защита семьи, материнства и детства, поддержка ветеранов или лиц с ограниченными возможностями здоровья являются безусловно легитимными целями для предоставления дополнительных социальных гарантий. Напротив, различия, основанные на формальных, несущественных признаках, признаются дискриминационными.

Принцип справедливости хотя и не закреплен в Конституции РФ в виде отдельной статьи, но пронизывает весь ее текст, являясь одной из основ конституционного строя (преамбула). В конституционной практике справедливость часто рассматривается в неразрывной связи с равенством, выступая его нравственным обоснованием и конечной целью.

Конституционный Суд наполняет принцип справедливости конкретным содержанием, особенно в социальной сфере. Прежде всего, он включает в него принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Это означает недопустимость произвольного и обратного ухудшения правового положения граждан, особенно в отношении уже приобретенных социальных прав. Государство, поощряя определенное поведение (например, длительную службу в правоохранительных органах), формирует у гражданина «правомерные ожидания» (например, на получение жилья), которые оно не может впоследствии безнаказанно обмануть.

Таким образом, в социально-правовом контексте справедливость, по мнению КС РФ, – это уважение человеческого достоинства, недопустимость обращения с человеком как с «объектом» государственной политики и учет его законных интересов при любых изменениях законодательства.

Конституционный Суд активно применяет вышеназванные принципы для защиты самых разных социальных прав: на жилище, на социальное обеспечение, на охрану здоровья, на образование. Рассмотрим ключевые векторы этой деятельности.

Ярчайшим примером применения принципов равенства и справедливости для защиты приобретенных прав является недавнее постановление КС РФ по делу Б. В. Маркова (№ 33-П от 9 октября 2025 г.) [1]. Гражданин Марков, отслуживший в органах внутренних дел более 21 года, был поставлен на учет для получения жилищной выплаты. На тот момент закон гарантировал сотрудникам с выслугой более 10 лет право не быть выселенными из служебного жилья после увольнения до получения постоянного жилья. Однако в декабре 2021 года, еще до увольнения Маркова, закон был изменен, и необходимая выслуга была увеличена до 25 лет.

Общие суды, применяя новую норму, удовлетворили иск о выселении. Конституционный Суд, проверяя это положение, указал, что оно не должно применяться к отношениям, возникшим до его вступления в силу, если на тот момент у гражданина уже возникли конкретные субъективные права (был принят на учет) и сложились «правомерные ожидания», основанные на прежнем законодательстве. Суд подчеркнул, что обратная сила закона, ухудшающего положение граждан, допустима лишь в прямо предусмотренных самим законом случаях, которых в данном деле не было. Применение новой нормы к Маркову привело бы к «нарушению принципов равенства и поддержания доверия к закону», поскольку создавало бы неоправданное неравенство между сотрудниками, уволенными до и после изменения закона, при схожих обстоятельствах службы и постановки на учет.

В своей практике Конституционный Суд последовательно выступает против «чрезмерного формализма», который искажает суть социальных прав и приводит к несправедливым результатам. Показательно в этом отношении постановление от 14 ноября 2018 года № 41-П. Гражданка, более 11 лет успешно работавшая педагогом, была уволена из-за отсутствия диплома о профильном образовании, что стало требованием нового закона об образовании [2]. КС РФ признал такое увольнение неконсти-

туционным, указав, что «длительный и безупречный стаж работы, положительная характеристика и успешная аттестация являются доказательством фактической профессиональной пригодности». Автоматическое прекращение трудовых отношений по формальному основанию без учета реальных обстоятельств и заслуг работника Суд счел нарушающим принципы справедливости и уважения достоинства личности. Таким образом, КС защитил не просто «право на труд», а «право на сохранение работы, заслуженной многолетним добросовестным трудом», поставив человеческий фактор выше бюрократической формальности.

Конституционный Суд идет дальше простого запрета дискриминации, требуя от законодателя обеспечивать «фактическое равенство» в реализации социальных прав. Это проявляется в решениях, где Суд обращает внимание на особые обстоятельства, требующие дополнительных гарантий.

Практика Конституционного Суда не свободна от сложных вопросов и внутренней эволюции. Одной из наиболее дискуссионных тем является определение границы, где «разумная дифференциация» (допустимая) перерастает в «неоправданное неравенство» (недопустимое). В ряде случаев КС РФ признавал правомерными различия, основанные на способе реализации права.

Важной и сложной задачей КС РФ является определение степени свободы усмотрения законодателя в социальной сфере. Суд неоднократно указывал, что поскольку конкретные способы и объемы социальной защиты в Конституции не закреплены, «федеральный законодатель обладает широкой свободой усмотрения» при определении мер поддержки, категорий получателей и очередности предоставления.

Однако дискреция законодателя имеет чёткие пределы, очерченные нерушимой сущностью (ядром) конституционных прав и принципами равенства и справедливости. В этом контексте Конституционный Суд выполняет роль арбитра, проверяя, не подменяет ли политическая целесообразность конституционную правомерность. Его задача – не просто отменить норму, а сформировать для законодателя позитивные стандарты, а «справедливый механизм перехода», уважающий доверие граждан.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации выступает в качестве ключевого института, осуществляющего «операционализацию» высших конституционных ценностей – «равенства и справедливости»: переводя их из сферы деклараций в плоскость действующих правовых стандартов. Этот процесс не является механическим; он представляет собой сложную судебно-интерпретационную деятельность, в рамках которой абстрактные принципы наполняются конкретным содержанием через разрешение реальных казусов. В результате формируется многоуровневая система воздействия на правовую реальность, где Суд последовательно реализует три взаимосвязанные функции, каждая из которых вносит уникальный вклад в укрепление социального правопорядка.

Корректирующая функция проявляется в непосредственном устранении законодательных дисбалансов. Однако её значение выходит за рамки простой отмены неконституционной нормы. Посредством этой функции Суд «восстанавливает нарушенный баланс» между публичными интересами в реформировании социальной сферы и частными интересами граждан в сохранении приобретённых прав. Таким образом, корректирующая деятельность обеспечивает «точечное» восстановление конституционной законности в конкретных ситуациях нарушения.

Более глубокое и системное влияние осуществляется через «превентивную (предупредительную) функцию». Её суть заключается не столько в реакции на уже совершённые ошибки, сколько в формировании для законодателя и правоприменителя своеобразного «конституционного канона» качественного правового регулирования. Через свои правовые позиции Суд задаёт ориентиры, предостерегающие от принятия решений, которые, даже будучи формально допустимыми, могут привести к эрозии доверия к власти или неоправданному ущемлению прав. Эта функция способствует профилактике будущих коллизий, устанавливая высокие стандарты обоснованности, соразмерности и предсказуемости любых преобразований в социальной сфере, тем самым воспитывая культуру законодательного процесса.

Наиболее же социально и этически значимой является «гуманизирующая функция» конституционного правосудия. Она представляет собой философско-правовое ядро деятельности Суда, трансформирующее сухой юридический анализ в инструмент защиты человеческого достоинства. Эта функция утверждает «примат личности над формальностью», последовательно напоминая, что за любой правовой нормой, цифрой или сроком стоит конкретный человек с его уникальной биографией, профессиональным вкладом и законными жизненными планами. Именно через призму гуманизации такие принципы, как поддержание доверия к закону и запрет произвольного обращения, обретают подлинный смысл, становясь барьером на пути «обезличенного администрирования» и превращения гражданина в пассивный объект государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.10.2025 № 33-П «По делу о проверке конституционности части 3.2 статьи 8 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Маркова Бориса Викторовича» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 2025. 10 окт. № опубликования: 0001202510100001
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2018 года № 41-П «По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки И. В. Серегиной» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 2018. 16 нояб. № опубликования: 0001201811160001

УДК 342.734

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Сурков Михаил Владимирович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: surkov.mihail@gmail.com

SOCIAL RIGHTS IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Surkov Mikhail Vladimirovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье осуществляется теоретико-правовая реконструкция места социальных прав в структуре конституционного статуса личности, выявляется их амбивалентная природа, сочетающая программно-целевые установки и элементы субъективного публичного права. На основе сравнительно-правового анализа обосновывается тезис о процессуализации социальных гарантий через механизмы «диалогической» юстициарности, нивелирующей классическую оппозицию «негативных» и «позитивных» прав. Концептуализируются современные вызовы, обусловленные цифровизацией и транснационализацией публичной власти, требующие переосмысления традиционных моделей гарантирования социальных прав в рамках национального государства.

Ключевые слова: социальные права, конституционные права, юридическая природа, позитивные обязательства, судебная защита, конституционная идентичность, трансформация социального государства.

The article carries out a theoretical and legal reconstruction of the place of social rights in the structure of the constitutional status of an individual, reveals their ambivalent nature, combining program-targeted attitudes and elements of subjective public law. On the basis of a comparative legal analysis, the thesis on the proceduralization of social guarantees through the mechanisms of "dialogical" justiciarity, leveling the classical opposition of "negative" and "positive" rights, is substantiated. Modern challenges caused by digitalization and transnationalization of public authorities are conceptualized, requiring a rethinking of traditional models of guaranteeing social rights within the framework of the national state.

Keywords: social rights, constitutional rights, legal nature, positive obligations, judicial protection, constitutional identity, transformation of the social state.

Социальные права формируют отдельную правовую категорию, исторически занявшую место между личными свободами и политическими гарантиями. Их конституционное закрепление в правовых системах различных государств воплотило итог сложной эволюции юридической доктрины и общественной борьбы. В отличие от прав первого поколения, обязывающих государство к невмешательству, социальные права носят позитивный характер, требуя от публичной власти активных действий по созданию необходимых условий для их реализации. Такое их включение в современные конституции демонстрирует признание того, что действительная свобода личности обусловлена наличием определенных социальных гарантий.

Актуальность их изучения сегодня усиливается под влиянием глобальных вызовов – от цифровизации до пандемий, которые ставят под сомнение эффективность существующих правовых механизмов. Ключевой теоретической дилеммой остается вопрос об их юридической силе: трактуются ли они как субъективные права, обеспеченные судебной защитой, либо как программные нормы, задающие вектор для законодателя.

Концепция социальных прав сформировалась значительно позже личных и политических прав в конце XIX – начале XX веков под влиянием социалистических идей и борьбы рабочего движения. Если французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года провозглашала прежде всего «свободу от государства», то в XX веке акцент сместился на «требования к государству» по обеспечению достойных условий жизни. Эта эволюция отразилась в конституциях Веймарской республики (1919), Мексики (1917), СССР (1936), которые впервые на уровне основного закона закрепили социально-экономические права.

С философско-правовой точки зрения обоснование социальных прав базируется на различных теориях:

– теория социальной справедливости (Дж. Ролз) рассматривает социальные права как необходимый элемент справедливого общества, где неравенство допустимо лишь тогда, когда оно работает в пользу наименее преуспевающих;

– подход основанный на «возможностях» (А. Сен, М. Нуссбаум) подчеркивает, что свобода человека заключается не только в формальных правах, но и в реальных возможностях (качествах) их осуществления, которые должно обеспечивать государство;

– социально-демократическая теория видит в социальных правах инструмент сглаживания классовых противоречий и построения государства всеобщего благосостояния.

В доктрине конституционного права структура социальных прав не имеет универсальной классификации, однако в научном дискурсе преобладает их систематизация по следующим основным блокам: трудовые прерогативы; права в области социального обеспечения; обеспечение достойных условий на существование; культурно образовательные права и гарантии их реализации. Содержание этих прав раскрывается через единство негативных и позитивных обязательств государства. Так, право на труд подразумевает не только запрет принудительного труда, но и проведение государством активной политики на рынке труда. Аналогично, право на жилище трансцендирует защиту от произвольного выселения, включая в свою нормативную конструкцию обязанность власти содействовать развитию доступного жилищного фонда.

Сравнительный анализ конституционных подходов к социальным правам демонстрирует три основные модели их закрепления.

1. Социально-ориентированная модель (Германия, Испания, ЮАР).

2. Либеральная модель (США).

3. Постсоциалистическая модель (Россия, страны Восточной Европы).

Конституция РФ 1993 года закрепила широкий спектр социальных прав в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина». К ним относятся: право на труд (ст. 37), право на отдых (ст. 37), право на социальное обеспечение (ст. 39), право на жилище (ст. 40), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), право на благоприятную окружающую среду (ст. 42), право на образование (ст. 43).

Особенностью российской конституционной модели является «разделение гарантий»: часть социальных прав гарантируется непосредственно (например, право на труд), а часть – «поощряется» или «охраняется» государством (например, право на жилище). Эта дифференциация имеет важные юридические последствия, влияя на степень их судебной защиты.

Конституционный Суд РФ в своей практике выработал подход, согласно которому социальные права подлежат защите наравне с другими правами. В Постановлении от 16 декабря 2020 года № 49-П Суд указал, что «социальные права, будучи неотъемлемой частью конституционного статуса личности, обладают свойством непосредственного действия и подлежат судебной защите» [1].

Одним из наиболее дискуссионных аспектов социальных прав является вопрос о «позитивных обязательствах» государства. Критики концепции социальных прав (Р. Нозик, Ф. Хайек) утверждают, что они принципиально отличаются от классических прав, поскольку их реализация требует от государства «перераспределения ресурсов», что может нарушать право собственности и свободу контрактов. По их мнению, социальные права представляют собой не права в строгом смысле, а «политические цели», достижение которых зависит от экономических возможностей государства.

Сторонники социальных прав (К. Штайнер, С. Холмс, К. Санстейн) возражают, что все права требуют ресурсов для своей защиты, и различие между «негативными» и «позитивными» правами является преувеличенным. Они подчеркивают, что социальные права обеспечивают «минимальные условия», необходимые для достойной жизни и реального осуществления других прав.

Конституционный Суд РФ в своих решениях пытается балансировать между этими подходами. С одной стороны, он признает, что объем социальных гарантий зависит от экономических возможностей государства (Определение от 9 июня 2022 года № 1449-О) [2]. С другой – указывает, что уже предоставленные социальные права не могут быть произвольно ограничены, а любые изменения в социальном законодательстве должны учитывать «принцип поддержания доверия граждан к закону» (Постановление от 12 ноября 2020 года № 46-П) [3].

Вопрос о юридической защите социальных прав остается одним из наиболее сложных. Можно выделить три основных подхода в мировой практике:

1. Полная юстициабельность (Индия, ЮАР, Колумбия): суды активно защищают социальные права, обязывая государство принимать конкретные меры. Например, Конституционный суд ЮАР в деле Grootboom (2000) обязал государство разработать и реализовать разумную программу обеспечения жильем нуждающихся [4].

2. Умеренная юстициабельность (Германия, Канада, Европейский суд по правам человека): суды защищают социальные права преимущественно в их «негативном» аспекте, запрещая дискриминацию в доступе к социальным благам, но осторожно подходят к установлению позитивных обязательств.

3. Минимальная юстициабельность (США): суды, как правило, отказываются признавать социальные права в качестве непосредственно защищаемых, рассматривая их как вопрос политики.

Законодательством предусмотрено закрепление права на социальное обеспечение и способы его реализации. Указанные права должны быть предоставлены и защищены, несмотря на экономическую и политическую обстановку в стране, поскольку Российская Федерация это социальное государство. В данном контексте следует отметить, что обеспечение указанных прав входит в обязанность государства, как и обеспечение реализации таких прав, в том числе и предупреждения нарушений в этой сфере, а также восстановления прав и свобод в случае их нарушения. Что касается восстановления прав и свобод при их нарушении, преобладающая роль здесь отводится судебной власти. В Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита прав и свобод граждан (ст. 46 Конституции), то есть граждане имеют право обращаться в суд при нарушении их прав. В настоящее время указанное право гражданами активно реализуется. Однако стоит отметить, что в век высоких технологий судебная система идет по пути унификации сложившегося порядка рассмотрения обращений граждан в суд, по пути введения цифровизации с нарастающим охватом [5].

Право на образование трансформируется, включая гарантии доступа к цифровым ресурсам. Опыт пандемии подтвердил, что цифровое неравенство напрямую ведет к образовательному разрыву.

Глобализация усложняет национально-государственную модель социальных прав, исторически сложившуюся в эпоху государства благосостояния. Транснациональные корпорации, миграция и глобальные производственные цепочки размывают ответственность конкретных государств за социальные гарантии.

В ответ формируется концепция транснациональных социальных прав, предполагающая установление международных минимальных стандартов и наднациональных механизмов защиты, как, например, в пересмотренной Европейской социальной хартии.

Социальные права – неотъемлемый элемент современных конституционных систем, отражающий эволюцию понимания свободы, невозможной без базовых условий достойного существования. Их значение для реализации принципов социального государства и человеческого достоинства является бесспорным.

Обеспечение достойного существования граждан невозможно без усиления норм национального права суверенных государств, расширения общественного взаимодействия и улучшения системы правовой защиты через суды. Необходимость учитывать современные процессы глобальной интеграции и цифровой трансформации определяет перспективы эволюции социальных гарантий. Ключевым фактором становится достижение равновесия между финансовыми ресурсами страны и закрепленными в Основном законе социальными обязательствами. В России, где подобные гарантии имеют конституционную основу, на практике возникают препятствия, связанные как с недостатком материальных средств, так и с проблемами в применении законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 15.25.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина С.Н. Андрияшина» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 51. Ст. 8278.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2022 г. № 1449-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы садового некоммерческого товарищества «Холмистое» на нарушение его конституционных прав статьей 11 Водного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2022. № 7. С. 45–54.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2020 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества Московская шерстопрядильная фабрика» // Официальный интернет-портал правовой информации Консультант+. Опубликовано 16.11.2020. Номер опубликования: 0001202011160015 (дата обращения 02.02.2026)

4. Grootboom v. Government of the Republic of South Africa, 2000 (11) BCLR 1169 (CC). http://hdl.handle.net/20.500.12144/2107

5. Газизова, И. Н. Отдельные аспекты судебной защиты права на социальное обеспечение в условиях цифровизации / И.Н. Газизова // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2022. № 8. С. 274-277.

УДК: 340.113.2:001.3

ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Тараканова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент
Пяткина Татьяна Юрьевна, ст. преподаватель
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: n.g.tarakanova@ruc.su; t.yu.pyatkina@ruc.su

THE ORIGINS OF LEGAL TECHNOLOGY AS AN INDEPENDENT SCIENTIFIC FIELD

Tarakanova Natalya Gennadievna, PhD in History, Associate Professor
Pyatkina Tatyana Yurevna, Senior Lecturer
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются ключевые этапы становления науки «юридическая техника». Авторы, основываясь на сравнительно-правовом и источниковедческом анализе, пришли к выводу, что общественная потребность в правовом регулировании и появление возможности письменного оформления правовых предписаний, обусловили необходимость разработки специальных средств и приемов изложения, систематизации и применения правовых норм. Накопление соответствующего инструментария, его обобщение и осмысление на всем протяжении цивилизационного развития, привели к возникновению отдельного научно-теоретического и практического направления правовой науки, целью которого является обеспечение эффективной реализации права.

Ключевые слова: право, юридическая техника, законодательство, правотворчество.

The article analyzes the key stages of the formation of the science of "legal technology". The authors, based on comparative legal and source analysis, came to the conclusion that the public need for legal regulation and the emergence of the possibility of writing legal regulations necessitated the development of special tools and techniques for the presentation, systematization and application of legal norms. The accumulation of appropriate tools, their generalization and comprehension throughout the course of civilizational development, led to the emergence of a separate scientific, theoretical and practical field of legal science, the purpose of which is to ensure the effective implementation of law.

Keywords: law, legal technique, legislation, law-making.

Юридическая техника как самостоятельная область научного знания начала формироваться сравнительно недавно примерно со второй половины XIXв. Именно в этот период появляются научные труды, посвященные технике нормотворчества, и вводится в научный лексикон сам термин «юридическая техника». Однако, практические и теоретические знания в сфере создания, оформления, изложения нормативно-правовых предписаний, а также способов и форм их систематизации, толкования и реализации накапливались почти на всем протяжении государственно-правового развития общества.

Писаные законы появились еще в III тысячелетии до н.э. в Древнем Египте и Месопотамии. Если о древнеегипетских законодательных актах ученые знают только по косвенным источникам, то от шумеро-аккадской цивилизации сохранились фрагменты законов, а образованное в XIX в. до н.э. Вавилонское царство оставило правовое наследие в виде свода законов царя Хаммурапи, дошедшее до нас в официальной редакции. Ученые полагают, что есть все основания рассматривать этот сборник как систематизацию правового обычая и действующего законодательства [1, с.10].

Данный свод законов содержит свойственное архаическому праву казуистическое изложение правил, с подробным описанием конкретных судебных случаев, но вместе с тем, они имеют все признаки юридической нормы: общеобязательный характер, содержат правило поведения и защищаются силой государственного принуждения, в них можно выделить все логические элементы правовой нормы: гипотезу, диспозицию и санкцию. Более того закон включает такие структурные элементы как вводная часть (пролог) и заключительная (эпилог). В вводной части излагаются цели закона, ожидаемая польза. По сути, это прообраз такого современного правотворческого инструмента как преамбула. Хаммурапи активно занимался правотворчеством и в судебной сфере. Кроме общинных и храмовых судов, он создал городские суды, подчиненные царской власти. Судопроизводство приобрело единообразный характер и состязательные процедуры. Его инструкции, адресованные судебным чиновникам с разъяснениями по отдельны категориям дел, можно рассматривать как первые акты официального толкования права.

Немалых успехов в накоплении юридико-правового инструментария достигли древнеримские юристы (Ульпиан, Гай, Цельс, Юлиан, Марциан и др.). Достаточно привести в пример разработанные ими приемы общих и локальных систематизаций римского частного права. Созданные системы Институций и Дигест (Панедикт), из которых самые известные Институции Гая и Дигесты Юстиниана, в дальнейшем были положены в основу гражданского законодательства Франции и Германии. А римская классификация договорных обязательств с выделением реальных и консенсуальных договоров широко используется и современной цивилистикой. В арсенал законотворческой техники древнерим-

ских юристов входили логико-диалектические и грамматические приемы, в частности деление на общее и особенное, метод различий, а также поиск определений юридических терминов в привычном словоупотреблении [5, с.110]. Ими же был создан достаточно универсальный и обширный категориальный аппарат, который отчасти сохранил свою актуальность (например, «умышленная и неумышленная вина», «самостоятельное владение», «сервитут» и т.д.). Именно древнеримским юристами были разработаны такие инструменты юридической техники как правовая фикция и аналогия.

С развитием европейского парламентаризма и накопления разнообразной судебной практики появляются новые идеи и направления развития юридической мысли в области оптимизации правотворческой и правоприменительной практики. Новатором, в частности, выступил английский юрист и государственный деятель Ф. Бэкон. Многолетний опыт парламентской деятельности и участия в подготовке различных законопроектов нашел отражение в его самой значительной работе «Трактат об источниках права» (1623 г.). В ней он описал методику составления преамбул, структурирования законопроектов и основные принципы их изложения. Большая часть труда посвящена правилам толкования законов. Внимание также было уделено правилам и приемам составления судебных актов. Более того, Ф. Бэнтом, используя свой опыт судебной практики, указал на причины юридико-технических ошибок в английском судопроизводстве. Особое внимание в трактате было уделено методике проведения систематизации и составления свода законов с опорой на опыт римских юристов. Правовую определенность Бэкон считал концептуальным свойством права, в бессистемности, неупорядоченности законодательства ученый видел главное зло, так как такое законодательство «не освещает путь, а лишь запутывает ноги путника» [6, с. 678]. Таким образом, Ф. Бэкон заложил основы юридической техники как системы приемов и способов создания, систематизации, толкования и применения законодательных актов. В этом же направлении работал и его соратник Генри Финч - автор знаменитого трактата «Номотехния», вышедшего в 1613 г., и содержащего сводный обзор общего права.

Если английские юристы XVII века рассматривали больше формальные стороны юридического инструментария, то французские мыслители эпохи Просвещения, основоположники естественно-правовой теории права, старались проникнуть в сущность закона, в социальную природу законотворчества. Так Ш. Монтескье в своем знаменитом произведении «О духе законов», опубликованном анонимно в 1748 г., не только определил объективную природу закона, но и раскрыл содержание факторов, на которые должен ориентироваться законодатель. К таковым ученый относит природно-климатические условия, размеры и географическое положение страны, религию, нравы, традиции, обычаи, образ жизни и занятия населения, уровень образования. Взятые в совокупности эти факторы образуют «дух закона». «Закон в самом широком значении этого слова, – пишет Ш. Монтескье, – суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» [4, с.163]. Законодателю следует проникать в эту природу, избегать суровости и крайности, которые могли бы исказить «народный дух» [4, с. 642]. В основе закона должны лежать принципы умеренности и справедливости. По мнению Ш. Монтескье, слог закона должен быть сжатым, простым, слова закона должны пониматься всеми единообразно. «Закону должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать совершенной непорочностью» [4, с. 503].

Следует заметить, что идеи Ш. Л. Монтескье и других философов эпохи Просвещения нашли отражение в Наказе Российской Императрицы Екатерины II, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения в 1767 г. «Наказ» служил своего рода методическим ориентиром для разработки отечественного законодательства. В нём Екатерина II, опираясь на лучшие, по ее мнению, образцы русского права (Соборное Уложение царя Алексея Михайловича и Воинский Устав Петра I) и идеи западноевропейских мыслителей (Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ч. Беккария и др.) изложила общие принципы формулирования законодательных норм и судебной правоприменительной практики.

В XIX в. разработка вопросов юридической техники получает более глубокое научное обоснование в работах европейских правоведов. Так известность получило сочинение представителя английского утилитаризма и реформатора И. Бентама «Номотехния», написанное им в первой половине века, но опубликованное уже после его смерти в 1843 г. Номографией автор называет ту часть законодательного искусства, которая касается его формы. Основная задача номографии – такая формулировка закона, которая приводит к реализации его цели, а цель закона всегда практическая – «склонить к определенному поведению» [3, с. 3]. В форме закона ученый выделял «выражения» – словесные комбинации текста, и «метод» – как способ группировки этих выражений. Среди главных недостатков, присущих форме законов он выделял «двусмыслие», «темноту», то есть неполное выражение мысли, и «громоздкость», при которой теряется «возможность ума охватить слова одним пониманием». К данным недостатком приводит, по мнению И. Бентама, непостоянство в использовании словесного выражения понятий, многословие, растянутость изложения, или, наоборот, «стеснение», ко-

гда различные, по сути, правоположения вводятся в одно предложение. Он обращает внимание на необходимость выделения структурных частей, использование нумерации, отсылочного изложения, предметной и логической упорядоченности расположения правовых норм. Большое значение автор уделял языку закона. Так, он писал: Язык законодателя должен отличаться двумя качествами: гармонией и силой, они делают его приятным и убедительным, и он лучше укладывается в памяти» [3, с. 4]. Размещая слова во фразе, следует в самом начале выделять слово, несущее главный смысл. Среди употребляемой в законе терминологии он выделяет «естественную» и «техническую». К последней Бентом относит также и специально-юридическую, от использования которой советует воздерживаться при изложении законодательных текстов. Также интересно его высказывание по поводу использования новых слов. Новые слова должны отражать действительно новые понятия и положения и «чеканиться на монетном дворе общего счастья, то есть на дворе разума и общей пользы». И. Бентом выражал желание поставить законодательство на прочный базис эмпирически установленных нравственных начал с тем, чтобы оно служило общественному благу.

Во второй половине XIX в. немецкий ученый Густав фон Иеринг вводит в научный лексикон само понятие «юридическая техника». Так он назвал одну из глав своего основного многотомного труда «Дух римского права на различных ступенях своего развития» (1865–1869 гг.)

Разочаровавшись в догматике исторической школы права, Иеринг пришёл к идее правового реализма и утверждал, что право есть понятие практическое. Делая предметом своего исследования сущность и основные законы юридической техники, автор замечает, что, хотя он и основывался на своих наблюдениях за римским правом, но тем не менее, его учение «имеет значение общей истины», единственным способом верного практического владения правом. «Учреждения и права отдельных стран могут быть разными, но способы рассмотрения и понимания их одинаков» [2, с. 4]. То есть Иеринг концентрирует свое внимание на том, как должно быть устроено право, чтобы упрощалась его реализация независимо от его содержания.

Техническое несовершенство права ученый считает недостатком, препятствующим достижению его цели. Юридическая техника должна способствовать созданию законов, доступных для понимания и практического осуществления. При этом Г. Иеринг рассматривает её в двух аспектах, как формальную отделку правового материала и как механизм целесообразного осуществления права. В первом случае решаются задачи количественного и качественного упрощения правового материала, во втором – достижения практической реализации права в каждом конкретном случае [3, с. 20]. Автор формулирует ряд приемов и технических операций, которые должны способствовать решению указанных задач. Например, разложение материала на составные части, его логическая концентрация (сужение материала), систематическое расположение и классификацию, разработку юридической терминологии. Для качественного упрощения он предлагает юридический анализ, концентрацию и конструкцию, то есть средства сведения однородного и взаимосвязанного материала в общие институты и категории.

Таким образом Г. Иеринг, опираясь на предшествующий опыт, не просто предложил ввести в научный оборот еще одну правовую категорию, но и определил цели и задачи нового научного направления, обозначил методологические приёмы и правила для их осуществления.

Сегодня юридическая техника является активно развивающейся самостоятельно областью правовой науки. Но многие вопросы, в том числе и о самом предмете изучения, а также содержании и структуре юридической техники остаются еще в дискуссионном поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский В. Г. Юридическая техника на ранних этапах своего развития // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2 № 3. С. 7–14.

2. Иеринг Р. Законодательная техника / Перев. С нем. Ф. И. Шендорфа. Санкт-Петербург, 1905. 130 с.

3. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса. Петербург: Типо-литография Романова, 1917. 136 с.

4. Монтескье Ш. Л. О духе законов. Санкт-Петебург: Изд-во Азбука, 2023. 832 с.

5. Савельев В. А. Юридическая техника римских юристов классического периода// Журнал российского права. 2008. №12. С. 108–114

6. Трикоз Е. Н. Систематизация права Англии в начале XVII века: значение идей Френсиса Бэкона //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 660–688.

УДК 351.323.2

ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ В РОССИИ

Федин Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент

Печаткин Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент
Андрюшин Даниил Игоревич, преподаватель
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: a.n.fedin@ruc.su; asp1024@mail.ru; d.i.andryushin@ruc.su

THE IDEA OF CIVIL SOCIETY: HISTORICAL TRADITION AND CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS IN RUSSIA

Fedin Aleksandr Nikolaevich, PhD (Philosophy), Associate Professor
Pechatkin Aleksandr Sergeevich, PhD (Philosophy), Associate Professor
Andryshin Daniel Igorevich, Lecturer
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Рассматривается становление гражданского общества в России. Анализируются общие тенденции в историко-философской мысли о значении, границах и формах проявления гражданских институтов. В работе выделены ключевые аспекты и периоды формирования институтов самоорганизации общества в России и особенности теоретического осмысления функций гражданского общества. Авторы делают вывод о том, что осмысление проблемы гражданского общества в условиях социальной трансформации общества проходило как в научных кругах, так и среди общественных объединений, борющихся за свои права. Особенно отмечается недопущение имитации построения гражданского общества путем тотального контроля и ограничений со стороны государства. Сделан вывод о том, что согласованные действия государства и гражданского общества есть путь правового государства.

Ключевые слова: гражданское общество, идея гражданского общества в России, институты народовластия, российская правовая традиция

The article considers the formation of civil society in Russia. The general trends in historical and philosophical thought about the meaning, boundaries and forms of manifestation of civil institutions are analyzed. The paper highlights the key aspects and periods of the formation of institutions of self-organization of society in Russia and the features of the theoretical understanding of the functions of civil society. The authors conclude that the understanding of the problem of civil society in the context of the social transformation of society took place both in scientific circles and among public associations fighting for their rights. The prevention of imitation of building a civil society through total control and restrictions by the state is particularly noted. It is concluded that the coordinated actions of the state and civil society are the path of a rule-of-law state.

Keywords: civil society, the idea of civil society in Russia, institutions of democracy, Russian legal tradition

История России XIX – начала XX в. неразрывно связана и идеей построения гражданского общества. Начиная с реформ Александра I и заканчивая разрешением на свободу слова и печати, а также деятельности политических партий после манифеста 17 октября 1905 года, российское общество создавала и исторически переосмысливало идеи государственно-публичной жизни. Такие социальные трансформации были продиктованы, как и общеевропейской тенденцией развития общественных наук, так и большого число революционных выступлений, в которых жители Старого Света активно боролись за возможность оказывать влияние на жизнь в государстве. Второй этап активной борьбы общественных сил за различные формы самоорганизации наступил после распада СССР и сочетал в себе демократизацию социальных отношений с глубоким экономическим кризисом последнего десятилетия XX в. Для детального анализа и выявления общих закономерностей процесса формирования гражданского общества и особенностей его становления в нашем государстве, логично будет проследить теоретические истоки этой проблемы.

История идеи гражданского общества прошла длительный путь эволюционных преобразований, отразив в себе сущностные свойства, связи, отношения различных исторических периодов развития общества. Оценивая возможности познания формирования ранних (архетипических) форм интеллектуальной фиксации представлений о гражданском обществе, следует обратить внимание как на господствовавшие интеллектуальные традиции, учения отдельных мыслителей, так и на существующие на тот момент исторические реалии (формы осуществления гражданского общества).

Прототипическая идея гражданского общества представлена в учении Платона, отразившая во многом его теорию о «правильной» модели социума и гносеологические конструкции. Аристотель расширительно трактовал сферу жизнедеятельности общества, не ограничиваясь государственно-публичным образованием. В социально-политическом трактате «Политика» он проводит разграничение полиса и совокупности отношений между людьми (политическое общение). Античному обществу не свойственно было выделение гражданского общества в качестве автономии от государственной жизни, но в то же время в социально-политических учениях зарождается идея самостоятельных объединений свободных граждан.

В Средневековый период общественная жизнь преобразуется с учетом новых реалий, формируется социально-политическая структура феодализма, в духовной жизни доминантную форму приобретает христианская доктрина и значимую роль обретает консолидация социальных групп в форме кор-

пораций (гильдии, монастыри). В учении Августина Блаженного отражена идея противопоставления духовной и светской власти.

Ш. Монтескье, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббс, Н. Макиавелли акцентировали внимание на проблемах соотношения гражданского общества и государственной власти. Причем, методологическим основанием для анализа выступали естественно-правовая концепция и идея общественного договора. Дж. Локк указывает на архаичную форму гражданского общества, предшествующую политико-государственному устройству, основами которого выступают институты равенства, собственности, свободы. В обеспечении свободы ключевым механизмом выступает - разделение властей (Ш. Монтескье). В свою очередь, Ж.-Ж. Руссо указывал на то обстоятельство, что гражданское общество трансформируется в государство с помощью заключения общественного договора (социальной конвенции, позволяющей укрепить общественное согласие посредством отказа от неограниченных свобод и делегирования полномочий на управление государственной власти).

И. Кант использует диалектический метод исследования гражданского общества, ставя цель выявления баланса между индивидуальной и общественной свободой. Исходным положением данного метода выступила форма категорического императива: «Действуйте только в соответствии с той максимой, посредством которой вы можете в то же время желать, чтобы это стало универсальным законом» («Act only according to that maxim whereby you can at the same time will that it should become a universal law») [5, с. 347].

И. Кант указывал на фундирующие принципы гражданского общества (свобода, равенство, самостоятельность), выстраивающие соответствующие статусы (человек, подданный, гражданин).

К методологическим особенностям анализа И. Кантом гражданского общества относится то, что категорический императив выступил методологическим инструментом познания природы гражданского общества, показав себя в:

1) оценке поведенческих проявлений индивидуальной воли с позиции соответствия общему (универсальному) закону;

2) раскрытии взаимодействия диалектической пары – личной автономии (субъективный фактор) и требований общественного порядка (объективный фактор);

3) акцентуации внимания на морально-этической стороне функционирования социального феномена.

Противопоставление гражданского общества и государства отражено в философии Г. В. Ф. Гегеля. Первое, по его мнению, основано на частной собственности и равенстве индивидов и реализуется в личном интересе, второе выступает в форме идеи свободы, равенства и права.

К. Маркс исходя из классовой теории и экономического детерминизма в гражданском обществе видел экономическую сферу жизни, в которой проявляется классовый антагонизм с преобладанием интересов буржуазии. Гражданское общество в данной теории доминирует над государственной властью, используя ее в целях упрочения своей власти над рабочим классом.

Социологические концепции понимания гражданского общества и процессов его функционирования (во многом в контексте институционализации) нашли отражение в трудах М. Вебера, Т. Парсонса, П. Сорокина. Они позволили интерпретировать акты социального действия и отдельные аспекты функционирования социальных институтов.

Нужно особо отметить, что и российская правовая традиция внесла свою лепту в обоснование необходимости формирования гражданского общества в России. Такие ученые как Б. Н. Чичерин, И. А. Покровский, К. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин активно обсуждали необходимые границы между государством и обществом и необходимость формирования частных институтов. Конечно, во многом эти дореволюционные авторы являлись сторонниками европейских теорий, в частности философии права Гегеля, но анализировали теоретические предположения с учетом сформировавшихся реалий российского социума. В такой же мере развитию теорий о гражданском обществе способствовали и революционные силы в начале XX в., будь то сторонники философии К. Маркса и организации рабочего класса в борьбе за свои права или течение анархистов, выступающих за построение нового общества из ячейки крестьянской общины, как это описано в трудах П. А. Кропоткина.

Таким образом, история понятия «гражданское общество» связано с его отделением от понятия «государственная власть». Исторически понятию гражданское общество свойственна высокая степень абстрактности и зависимости от дискурсивного поля [4, с. 52]. По-прежнему актуально мнение: «на сегодняшний день сохраня¬ется задача уточнения представлений о соотношении государства и гражданского общества, выстраивания модели взаимо¬отношений между ними, выполнение которой тесно связано с разработкой понятия гражданского общества» [3, с. 20].

Эволюция идеи гражданского общества существенным образом сказалась на современных реалиях конституционно-правовой доктрины. Е. В. Бердникова указывает, что конституционно-правовое взаимодействие публичной власти и институтов гражданского общества представляет собой «нормативно урегулированное целенаправленное воздействие и взаимовлияние публичной власти и гражданского общества, осуществляемое для достижения результатов, обусловленных интересами и потребностями данных субъектов» [2, с. 14].

Взаимодействие публичной власти и гражданского общества опирается на конституционно-правовые нормы, устанавливающие и гарантирующие возможности реализации прав и свобод. Конституционно-правовые нормы формируют механизмы сотрудничества между государством и институтами гражданского общества, воссоздавая идею социального партнерства в конкретных социальных отношениях.

Конституционными положениями, обеспечивающими реализацию такого рода взаимодействия выступают:

1) народовластие (основание легитимности государственной власти и гарантия участия граждан в управлении государством);

2) разделение властей (реализация системы сдержек и противовесов, предоставляющая возможность ведения общественного контроля за деятельностью органов государственной власти);

3) местное самоуправление (форма самоорганизации граждан, связующее звено между гражданским обществом и государственной властью).

Данные положения системно организованны как с позиции логико-семантической конструкции (интерпретации конституционно-правовых норм), так и с позиции организационно-институциональной составляющей. Они направлены прежде всего на многовекторное воссоздание условий для устойчивого развития и реализации прав и свобод человека и гражданина. По данному поводу, Т. Я. Хабриева указывает: «Конституция обеспечила смену общественно-экономической формации, сохранив единство государства, создав условия для открытости миру уникального социально-экономического, интеллектуального и духовного потенциала России» [7, с. 6].

Ценностный приоритет человека отражен в конституционном положении «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Данное положение направлено на закрепление и обеспечение ценностного приоритета человека, определяя смысл и содержание деятельности государства. Государство, защищая и реализуя права и свободы человека, выстраивает партнерские отношения со структурами гражданского общества, как формами самоорганизации.

Нормативное воплощение вышеобозначенных конституционных положений отражено в п. 1 ст. 114 Конституции РФ, где указано, что Правительство РФ «осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики» [1].

Во многом определяющее значение для конструирования теоретических построений гражданского общества и оценки его воплощения на различных этапах общественного развития уделяется методологическим конструкциям. Историческая трансформация свойств, связей, отношений идеи гражданского общества оказала влияние на современные конституционно-правовые нормы. Конституционные нормы формируют системно-организованную основу для реализации взаимодействия государственной власти и гражданского общества, создавая условия для их конструктивного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. 2020 г. 04 июля.

2. Бердникова Е. В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02 / Бердникова Елена Валерьевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»]. Саратов, 2022. 53 с.

3. Гражданское общество как гарантия политического диало¬га и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Монография / Рук. авт. колл. и отв. редак¬тор – д. ю. н., профессор Авакьян С. А. Москва, 2015. 652 с.

4. Грачев В. С., Авакова О. В. Генезис и эволюция понятия гражданского общества: Зарубежный опыт // Закон и право. 2018. № 10. С. 52–55.

5. Кант И. Сочинения : в 6 т. Москва, 1963–1966. Т. 4, ч. 1. 1965. 544 с.

6. Писарев А. Н. Понятие и виды основных публично-правовых форм взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты // Образование и право. 2017. № 11. С. 27–31.

7. Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации в фокусе современной конституционно-правовой доктрины // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 5–17.

УДК 342.7

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Фунин Владислав Алексеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811796@ruc.su

THEORETICAL MODEL OF LIMITING INDIVIDUAL RIGHTS IN THE LEGAL REGULATION MECHANISM

Funin Vladislav Alekseevich, graduate student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предпринята теоретико-правовая реконструкция модели ограничения прав личности как неотъемлемого элемента механизма правового регулирования. Анализируется диалектическая природа правовых ограничений, раскрывается их функциональная роль в обеспечении баланса между публичными интересами и автономией индивида. Обосновывается вывод о том, что теоретическая модель ограничения прав представляет собой систему взаимосвязанных критериев (цели, основания, пределы), обеспечивающих легитимность и соразмерность вторжения в правовой статус личности.

Ключевые слова: права личности, правовое ограничение, теоретическая модель, пределы прав, баланс интересов, механизм правового регулирования, правовой статус.

The article undertook a theoretical and legal reconstruction of the model of restricting individual rights as an integral element of the legal regulation mechanism. The dialectical nature of legal restrictions is analyzed, their functional role in ensuring a balance between public interests and the autonomy of the individual is revealed. The conclusion is justified that the theoretical model of restriction of rights is a system of interconnected criteria (goals, grounds, limits) that ensure the legitimacy and proportionality of the invasion of the legal status of the individual.

Keywords: individual rights, legal restriction, theoretical model, limits of rights, balance of interests, legal regulation mechanism, legal status.

Каждый зрелый этап развития общества и цивилизации в целом неизменно сопровождается провозглашением и нормативным закреплением определенного набора прав и свобод, отражающих актуальные потребности человечества. Российская Федерация в этом смысле не является исключением: позиционируя себя как демократическое и правовое государство (статья 1 Конституции), она выстраивает свою политику вокруг признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Именно этот приоритет выступает смысловым ядром государственного управления и общественного развития.

Права и свободы человека и гражданина выполняют в таком контексте двойственную функцию. С одной стороны, они образуют фундамент правового статуса личности, определяя меру ее возможностей и притязаний. С другой – формируют особый социальный институт, состояние которого служит объективным индикатором зрелости общества. По тому, насколько полно гарантируются и реально обеспечиваются права человека, можно судить не только о правовой культуре и моральной состоятельности социума, но и о качестве государственного управления, уровне социального и духовного развития. И такая постановка вопроса представляется вполне обоснованной.

При наличии в обществе и государстве четко определенных и закрепленных в законодательстве критериев защиты прав и свобод человека и гражданина, действующих ограничений возможного произвола со стороны государственных органов и должностных лиц позволяет создать реальные предпосылки для формирования правового государства и демократического общества. Именно по этой причине права человека и гражданина правомерно характеризуются в качестве базовой ценности государства и общества [1].

Анализ положений, закрепленных в первой главе Конституции РФ, позволяет утверждать, что права и свободы человека и гражданина возведены в ранг высшей ценности, определяющей смысл существования Российского государства. Из этого конституционного императива логически вытекает обязанность государства не только признавать данные права, но и гарантировать их соблюдение, а в необходимых случаях – обеспечивать надежную защиту.

Содержательное наполнение этой обязанности раскрывается во второй главе Основного закона, где представлена развернутая характеристика основных прав и свобод. Ключевой мировоззренческий посыл данной главы заключается в том, что источником свободы выступает сам человек: права принадлежат ему от рождения и не являются следствием государственного дозволения. Такой подход создает принципиально иную оптику взаимоотношений личности и власти: не государство наделяет человека правами, а человек изначально обладает ими, государство же призвано их уважать, соблюдать и защищать, не допуская необоснованного вмешательства.

Именно в таком контексте формируются условия для полноценного развития личности, ее саморе-

ализации и самоутверждения в качестве достойного члена общества. Человек получает возможность раскрыть свой потенциал, реализовать потребности и способности, руководствуясь собственными нравственными ориентирами. Примечательно, что перечень прав, зафиксированный во второй главе Конституции, а также принципы их реализации в целом согласуются с международными стандартами, что свидетельствует о включенности России в глобальный правовой контекст и признании универсального характера прав человека [2].

Основной закон страны устанавливает различные механизмы законодательного оформления свобод граждан, учитывая их фундаментальную сущность. Существует категория прав, которые являются врождёнными и вытекают из естественно-правовой доктрины, поэтому они не требуют детального уточнения через принятие специальных законодательных актов – они действуют непосредственно. Другие, напротив, требуют развития в отраслевом законодательстве, которое создает механизмы и гарантии их полноценной реализации.

Иллюстрацией служит право на объединение, закрепленное в статье 30 Конституции РФ. Для его практического воплощения потребовался целый массив законодательства: федеральные законы «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», положения Трудового кодекса и другие нормативные акты, детализирующие порядок создания, деятельности и ликвидации различных форм объединений граждан.

Закрепленный в российской Конституции перечень прав и свобод, а также принципы их защиты в целом соответствуют как актуальным потребностям общества и государства, так и международным стандартам. В этом перечне традиционно выделяются несколько категорий.

Личные права и свободы преимущественно носят естественный характер, принадлежат человеку независимо от гражданства, социального статуса или иных обстоятельств и призваны обеспечить автономию личности.

Политические права, напротив, реализуются в сфере взаимоотношений личности и государства и в значительной степени обусловлены наличием гражданства. Этим объясняется возможность ограничения доступа к некоторым из них для иностранных граждан и лиц без гражданства.

Экономические права призваны урегулировать отношения собственности, создать условия для предпринимательской инициативы, развития рынка труда и хозяйственной деятельности в целом.

В системе прав человека традиционно выделяют несколько категорий, каждая из которых отражает определенную сферу жизнедеятельности. Социально-экономические права служат базой для определения положения индивида в обществе, гарантируя поддержку ключевых общественных институтов и реализацию политики государства в социальной сфере. Культурные права обеспечивают свободу самовыражения (творчество, преподавание) и равный доступ к культурному наследию. Отдельного внимания заслуживают экологические права, имеющие дискуссионный статус в научной среде; они подразумевают безопасную окружающую среду и доступ к объективным данным о её состоянии.

Принципиальной особенностью российской Конституции выступает отсутствие жесткой иерархии между этими группами. Все они обладают равной юридической силой и подлежат безусловной государственной защите, независимо от природы их происхождения. Неотъемлемым элементом данного механизма выступает принцип корреляции прав и обязанностей, обеспечивающий устойчивость правового статуса. Так, статья 15 Основного закона требует неукоснительного соблюдения Конституции и законодательства, а статья 17 ограничивает реализацию прав личности рамками, не посягающими на свободы других граждан. Такая конструкция позволяет гармонизировать частные, коллективные и публичные интересы, выступая фундаментом для гуманистического разрешения социальных конфликтов в условиях демократии.

Помимо классификации по сферам жизни, в научной литературе встречаются и иные основания систематизации прав. Одно из них – роль государства в их реализации, на основе чего выделяются негативные и позитивные права.

Негативные права ориентированы на недопущение нежелательного вмешательства со стороны государства. Позитивные права, напротив, предполагают активную роль государства, которое обязано создать условия для их реализации и предоставить человеку определенные блага.

Возможна также классификация прав по сферам жизнедеятельности: личная безопасность, частная жизнь, социальное обеспечение, экономическая и культурная деятельность, политическое участие. Кроме того, объем прав зависит от связи лица с государством. Граждане обладают более широким спектром прав, особенно в политической сфере.

В теории права и в практической юриспруденции одним из краеугольных камней является категоризация правового статуса личности. При подходе к определению самой категории прав необходимо отойти от простого перечисления и углубиться в понимание их дуалистической природы. С одной стороны, фундамент всей системы образуют общепринятые, или естественные права. Это те без-

условные и неотчуждаемые правомочия, которые признаются за человеком не в силу его принадлежности к какому-либо политическому союзу, а исключительно по факту рождения. Они проистекают из самой человеческой природы, из достоинства, присущего каждому индивиду. Право на жизнь, на свободу от пыток, на уважение человеческого достоинства – эти ценности существуют независимо от того, записаны ли они в конституции конкретного государства, и составляют нравственный базис всего законодательства.

С другой стороны, над этим фундаментом надстраивается сложная конструкция позитивных прав, которые возникают и реализуются исключительно в контексте взаимоотношений между государством и личностью. Если естественные права принадлежат человеку как таковому, то позитивные права чаще всего производны от факта гражданства или легального нахождения на территории суверенного образования. Именно здесь, на уровне позитивного права, происходит наделение индивида конкретными возможностями требовать от государства совершения определенных действий (например, выплаты пенсий, обеспечения бесплатного образования или медицинской помощи).

В этой связи традиционно проводится водораздел между правами человека и правами гражданина. Гражданам государства по сравнению с иностранными гражданами или лицами без гражданства действительно предоставляется больший объем именно общественно-политических прав. Эта привилегия основывается на принципе суверенитета и особой связи лица с государством, выражающейся во взаимных обязательствах: гражданин хранит верность государству (например, платит налоги, защищает его), а государство гарантирует ему наиболее полную защиту и доступ к управлению делами общества. Классическим примером здесь является избирательное право: в подавляющем большинстве стран мира право голосовать и быть избранным в органы государственной власти является прерогативой исключительно граждан.

Однако современная правовая реальность, особенно в эпоху глобализации и интеграции, вносит существенные коррективы в эту стройную конструкцию. Развитые цивилизованные государства уже не могут позволить себе роскошь полностью игнорировать права лиц, не являющихся их гражданами, но находящихся под их юрисдикцией. Это продиктовано как нормами международного права, так и прагматическими соображениями: обеспечение общественного порядка, экономическая необходимость (привлечение трудовых мигрантов) и соблюдение гуманитарных принципов.

Проведение такого различия имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Оно позволяет правоприменителю (полиции, судам, миграционным службам) выстраивать корректную линию поведения, а законодателю – гибко регулировать миграционные потоки, соблюдая баланс между интересами безопасности собственных граждан и соблюдением общечеловеческих гуманитарных стандартов. В конечном счете многообразие правовых статусов отражает сложность современного мира, где человек перестал быть жестко «привязан» к месту рождения, но при этом государство остается главным гарантом его прав и свобод.

Институт ограничения прав и свобод человека представляет собой имманентный признак любого развитого правопорядка и неотъемлемый компонент конституционно-правового статуса личности. Под подобными ограничениями понимаются законодательно установленные пределы (границы) осуществления субъективных прав, объективированные в системе юридических обязанностей, нормативных запретов и мер государственного принуждения. Их объективная необходимость детерминирована потребностью защиты основополагающих конституционных ценностей, сохранения целостности публично-правового уклада и обеспечения хрупкого равновесия между автономией индивида, запросами социума и интересами государства. Именно посредством установления данных пределов создаются условия для упорядоченной и бесконфликтной реализации прав, а также формируются предпосылки для их надежной охраны и восстановления в случае нарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2015. 140 с.

2. Танюшкин, А. Д. Характеристика прав и свобод человека и гражданина и необходимости их ограничения: теоретический аспект проблемы // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 23–24 апреля 2024 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. С. 146–152.

УДК 347.73

МЕТОДЫ И МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Чавкин Булат Дамирович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Buli5@mail.ru

METHODS AND MECHANISMS OF FINANCIAL CONTROL

Chavkin Bulat Damirovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена оценке существующих методов и механизмов финансового контроля. Эффективная организация системы внутреннего контроля финансов и методов проведения аудиторских проверок становится особо значимой ввиду роста рисков финансовых нарушений и мошенничества. Дана характеристика взаимосвязанных компонентов системы, показана актуальность каждого элемента. На основе обобщенного методологического материала, приведена упорядоченная иерархическая структура системы финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, анализ, аудит, ответственность, контрольные процедуры, принцип независимости, мониторинг рисков, бухгалтерская отчетность.

The article assesses contemporary methods and mechanisms of financial control. Effective organization of the internal financial control system, along with the methods applied in audit procedures, acquires particular significance in the context of increasing risks of financial irregularities and fraud. The article provides a systematic characterization of the interrelated components of the system, represents the relevance of each element. Based on the generalized methodological material the paper develops an ordered hierarchical structure of the financial control system.

Keywords: financial control, analysis, audit, accountability, control procedures, principle of independence, risk monitoring, financial reporting.

Финансовый контроль представлен совокупностью комплексных мероприятий, осуществляемых субъектами правоотношений, которые направлены на качественное исполнение финансовой дисциплины, на предотвращение нарушений, и, как следствие – на выявление случаев неправомерного, в том числе, нецелевого, расходования бюджетных средств.

В связи с возросшим уровнем рисков свершения финансовых преступлений и мошенничества, особую актуальность приобретают вопросы эффективной организации системы внутреннего контроля в организациях любых форм собственности. Особая роль в этом процессе отведена аудиту, который, как указывается в статье Чавкина Б. Д. «…представляет собой форму независимой проверки финансовой отчетности организации, осуществляемой квалифицированными специалистами – аудиторами. Его основная цель заключается в оценке соответствия бухгалтерской документации установленным стандартам учета и требованиям законодательства, а также предоставлении объективного мнения, относительно достоверности представленной финансовой информации» [1].

Порядок проведения аудита и ответственности участников финансовых операций и процессов регламентируется нормативно-правовой базой финансового контроля. Ключевые акты устанавливают содержание:

1. Требований к ведению бухгалтерского учета и заполнению форм финансовой отчетности;
2. Порядка формирования бюджетов различных уровней власти и критерии расходования бюджетных средств;
3. Налогообложения юридических и физических лиц, устанавливая обязательные параметры и процедуры уплаты налогов и сборов различных уровней.

В этой связи, регламентирующими актами финансового контроля являются: Федеральный закон №402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [2], Бюджетный кодекс РФ [3], Налоговый кодекс [4]. В Методических рекомендациях и Инструкциях Министерства финансов, Центрального банка, Федеральной налоговой службы Российской Федерации приводятся разъяснительные позиции вышеуказанных норм.

В целом, финансовый контроль обеспечивают мероприятия, проводимые с целью сохранения имущества компании, снижения кредитных, налоговых и прочих рисков. Финансовый контроль позволяет предотвратить возможные злоупотребления персонала, оценить эффективность использования материальных и финансовых ресурсов, следить за выполнением смет, нормативов, бюджетов, показателей бизнес-планов, а также способствует формированию достоверной финансовой отчетности.

Исполнение функций финансового контроля осуществляют уполномоченные специализированные государственные органы: Федеральная налоговая служба, Счетная палата РФ, региональные (областные) и муниципальные контрольно-счетные органы при администрациях (Советах депутатов), правоохранительные структуры, аудиторские компании, привлекаемые для организации специализированных проверок.

Выявить и предупредить потенциальные риски помогают следующие комплексные методы и механизмы финансового контроля:

· системное распределение полномочий и ответственности среди специалистов, устранение вероятностных конфликтов интересов;

· определение ключевых KPI – показателей и принципиальная оценка эффективности работы подразделений или отдельных должностных лиц;

· обязательное проведение инвентаризации хозяйственных средств;

· контроль уровня эффективности использования ресурсов, формирования и исполнения бизнес-планов и бюджетов;

· контроль полноты и достоверности отчетности, соответствия законодательству и внутренним регламентам компании;

· разработка и экспертиза внутренних регламентов и договоров;

· проверка контрагентов компании;

· контроль за ходом устранения нарушений по завершении проверок и служебных расследований.

В целом, систему финансового контроля можно представить взаимосвязанными компонентами, как показано на схеме 1.

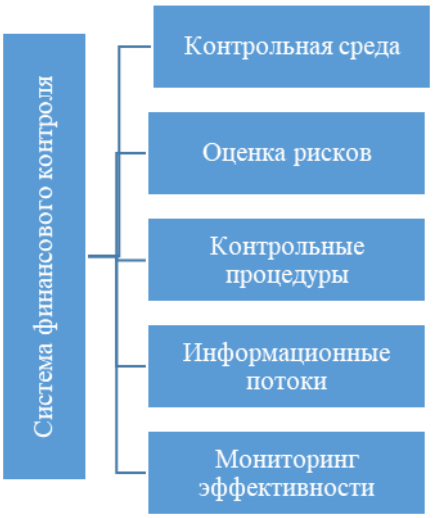

Схема 1. – Компоненты финансового контроля

Как ранее отмечалось в статье Чавкина Б. Д. «Особое внимание в нормативной базе, касающейся финансового контроля, уделяется принципу независимости аудитора, который означает отсутствие отношений связанности, основанной на имущественной, родственной или иной зависимости аудиторской организации, аудитора от аудируемого лица (компании), его собственников, руководителей, иных должностных и других лиц (п. 1 ст. 8 Закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ) [5]. Если этот принцип не был соблюден, то выданное аудиторское заключение считается неверным. Кроме того, так нарушаются требования по контролю качества оказываемых услуг, в соответствии с Международным стандартом аудита 220» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чавкин Б.Д. Ответственность и оценка рисков в финансовом контроле/ XI Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции (Саранск, 26–27 нояб. 2025 г.) / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. редактор) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (филиал) РУК. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск. –Текст : электронный, С. 346–349.

2. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с изменениями и дополнениями). – URL: https://base.garant.ru/70103036/

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации (БК РФ) от 31.07.1998 № 145-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=mn1t9cpjas812271444

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). – URL: ttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/?ysclid=mn1td6neh1540002898

5. Федеральный закон № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изменениями и допол нениями) от 30 декабря 2008 г. – URL: https://base.garant.ru/12164283/

6. Чавкин Б. Д. Принцип независимости аудитора в финансовом контроле / XI Юридические чтения : материалы Национальной научно- практической конференции (Саранск, 26–27 нояб. 2025 г.) / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. редактор) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (филиал) РУК. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск. –Текст : электронный, С. 350–353.

УДК 342.9

АРХИТЕКТУРА И ДИНАМИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Чичкин Михаил Борисович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mihailcickin261@gmail.ru

ARCHITECTURE AND DYNAMICS OF LAW ENFORCEMENT: RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF CURRENT PRACTICE

Chichkin Mikhail Borisovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья проводит комплексный анализ современной российской судебной системы, рассматривая её не как статичный набор институтов, а как динамичную структуру, формируемую правоприменительной деятельностью. Исследуется взаимосвязь между нормативным закреплением полномочий судов и реальными тенденциями в судебной практике, которые определяют фактическое состояние правопорядка.

Ключевые слова: судебная система, судебная практика, правоприменение, судоустройство, судопроизводство, российское право, юридическая доктрина, правовая определенность.

The article conducts a comprehensive analysis of the modern Russian judicial system, considering it not as a static set of institutions, but as a dynamic structure formed by law enforcement activities. It examines the relationship between the normative consolidation of the powers of the courts and real trends in judicial practice that determine the actual state of law and order.

Keywords: judicial system, judicial practice, law enforcement, judicial system, legal proceedings, Russian law, legal doctrine, legal certainty.

Определение сущности судебной власти выступает отправным пунктом для любого анализа российской правовой системы. В наиболее общем виде её можно охарактеризовать как единую и централизованную систему государственных органов (судов), создание, структура и полномочия которых регламентированы конституционными и федеральными законодательными актами. Эта система обладает строгой иерархией, где каждый уровень – от мировых судей до Верховного Суда Российской Федерации – наделён собственной, чётко определённой компетенцией. Уникальность суда как института заключается в его монопольном праве на осуществление «правосудия» – особой формы государственной деятельности, которая реализуется путём рассмотрения и разрешения в установленных законом процедурных формах (гражданского, арбитражного, уголовного, административного судопроизводства) конкретных правовых конфликтов на основе непосредственного применения норм материального и процессуального права.

Конституционное закрепление термина «правосудие» (часть 1 статьи 118 Конституции РФ) имеет принципиальное значение, так как оно не просто обозначает функцию, но и раскрывает содержательную суть судебной власти. Правосудие представляет собой её субстанциальное ядро – властную деятельность, направленную на торжество закона и восстановление нарушенной справедливости путём вынесения общеобязательных и окончательных решений. В этом контексте судебная власть предстаёт как сложный, многомерный и многоструктурный публичный институт, занимающий в системе разделения властей особенное, арбитрально-контрольное положение. Она не тождественна ни законодательной (создающей нормы), ни исполнительной (организующей их реализацию) власти, а выступает в качестве независимого гаранта соблюдения этих норм всеми без исключения, включая сами государственные органы.

Теоретическая сложность и дискуссионность категории «судебная власть» обусловлены её синтетической природой. В ней органично и неразрывно сплетаются три фундаментальных элемента публичной организации общества: «власть» как легитимная возможность оказывать авторитетное воздействие, «право», как система общеобязательных формализованных норм и «суд» как конкретный процедурный институт, применяющий право от имени государства. Это триединство превращает судебную власть в ключевой механизм перевода абстрактных правовых предписаний в реальные правовые состояния, делая её одновременно и охранителем права, и проявлением государственного суверенитета. Данная диалектика объясняет непрекращающиеся научные дискуссии как об исторических этапах генезиса и эволюции судебной системы в России, так и о векторах её современного развития и совершенствования.

Более того, значение вопросов, связанных с эффективностью, независимостью и доступностью судебной власти, далеко выходит за рамки сугубо ведомственных или профессиональных интересов. Качество функционирования судов является индикатором зрелости правовой системы в целом и прямым образом влияет на уровень защищённости прав и свобод человека, инвестиционный климат, социальную стабильность и, в конечном счёте, на легитимность публичной власти. Поэтому процесс оптимизации судебных органов представляет собой «стратегическую задачу общегосударственного и общенационального масштаба», требующую скоординированных усилий и ответственного подхода как со стороны законодателя и исполнительной власти, так и со стороны гражданского общества и научного сообщества.

Ученые ведут активные споры относительно истоков процесса формирования судебных институ-

тов, хотя практически все специалисты единодушно признают и обосновывают, что судебные органы и должностные лица, выполнявшие правосудные полномочия, возникли в период создания централизованного Русского государства, приблизительно в завершающие десятилетия XIII столетия. При исследовании генезиса судебной системы, которая стала фундаментом для развития судебной власти, научное сообщество непременно обращается к анализу масштабности и значимости ранних нормативно-правовых документов административного характера. [1].

Исторический анализ позволяет сделать вывод о перманентной ответственности государства за создание необходимых институциональных и материальных гарантий для эффективного функционирования судебной системы. Эта ответственность выступает неотъемлемым атрибутом правового государства, утверждающего верховенство закона. На ранних этапах формирования государственности вопросы судоустройства, статуса судей и процессуальных гарантий зачастую не были систематизированы и носили фрагментарный характер, оставаясь на периферии внимания центральной власти.

Однако по мере усложнения социальной структуры, территориального роста и увеличения численности населения стихийные и децентрализованные формы правосудия перестали отвечать запросам общества. Институализация судебной власти стала объективной необходимостью. Государство было вынуждено перейти от спорадического вмешательства к выработке последовательной политики, направленной на формирование профессионального судейского корпуса, обеспечение его беспристрастности и подлинной независимости посредством законодательных, финансовых и организационных механизмов. Одновременно с этим происходило укрепление статуса сторон судебного процесса, чьи права и законные интересы требовали эффективной защиты со стороны развитой и авторитетной юстиции. Таким образом, эволюция судебной системы отражает поступательный процесс превращения суда из вспомогательного института в самостоятельную ветвь власти, деятельность которой гарантирует баланс публичных и частных интересов в правовом поле.

Изучение архивных материалов, связанных с формированием и эволюцией российской судебной власти, демонстрирует важный вывод: существование действующей судебной инфраструктуры представляет собой неизбежное требование для любой страны вне зависимости от её политического устройства, типа власти или периода – будь то мирная эпоха или военные действия. Проблема обеспечения судебных органов квалифицированными специалистами, отвечающими запросам современности, также является насущной задачей, которую власти неминуемо должны решать. Следовательно, именно этими факторами объясняется государственная заинтересованность в совершенствовании системы подготовки юристов в высших учебных заведениях и непрерывном росте компетенций судей [2].

Различия в национальных правовых системах, основанные на уникальном историческом опыте, существенно затрудняют правовое взаимодействие государств. В рамках этих систем источники права не являются статичными – они эволюционируют или утрачивают силу под влиянием изменений в общественном правосознании и новых социальных вызовов. В Российской Федерации судебная практика формально не признаётся источником права, поскольку такая доктрина предполагает наделение судов правотворческой функцией, что традиционно противоречит принципу разделения властей. Это создаёт определённую теоретическую коллизию, так как судебная система фактически оказывает значимое влияние на правоприменение и восполнение пробелов в законодательстве через формирование устойчивой правоприменительной практики и правовых позиций высших судов.

Становление этого влияния стало возможным благодаря ряду предпосылок, сложившихся в период перестройки и конституционных преобразований 1990-х годов:

1. Осознание в правосознании неполноты и противоречивости законов, требующих судебного толкования.

2. Принятие Конституции РФ 1993 года, закрепившей независимость судебной власти и верховенство международных правовых стандартов.

3. Историческое обособление суда как независимой ветви власти, наделённой, в том числе, контрольными функциями.

Судебная практика в широком смысле представляет собой результат экспертной правовой деятельности, включающий совокупность решений судов всех инстанций и обобщённые правовые позиции. В узком значении она выступает как дополнительный регулятор общественных отношений, основанный на законе. Её ключевые функции – регулятивная и правотворческая – обеспечивают конкретизацию, толкование и развитие законодательных норм, что подтверждает её системообразующую роль в условиях динамично меняющегося правового поля.

Проведённый анализ архитектуры и динамики правоприменения в современной Российской Федерации позволяет сделать ряд принципиальных выводов о сущности и векторах развития судебной системы. Российская судебная власть сегодня представляет собой сложный организм, где устойчивый

«институциональный каркас», выстроенный Конституцией и федеральным законодательством, непрерывно взаимодействует с «живой динамикой правоприменительной практики». Это взаимодействие не является механическим; оно носит характер диалектического диалога, в ходе которого формальные нормы обретают конкретное содержание, а судебные решения, в свою очередь, оказывают обратное влияние на совершенствование законодательства и формирование единообразных подходов к толкованию права [3].

Исторический путь, пройденный от сословных судов имперской эпохи через этатизированную систему советского периода к конституционной модели независимой ветви власти, демонстрирует «устойчивую тенденцию к институциональной автономизации суда». Ключевым завоеванием последних десятилетий стало именно конституционное закрепление принципов самостоятельности и независимости судебной власти, что создало необходимый фундамент для её эволюции из инструмента государственной политики в самостоятельный арбитр, призванный защищать права и обеспечивать верховенство закона. Однако, как показало исследование, провозглашённые принципы сталкиваются с вызовами правоприменительной реальности, где такие факторы, как бюрократическая нагрузка, качество судебного корпуса и общественное доверие, выступают в роли критических переменных, определяющих эффективность всей системы.

Центральным элементом современной динамики является феномен судебной практики как квазиисточника права. Несмотря на формальное неприятие в российской доктрине прецедента как источника, правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ де-факто выполняют системообразующую и нормоуточняющую функцию. Через механизмы обзоров практики, постановлений Пленумов и конкретных решений по резонансным делам суды восполняют законодательные пробелы, конкретизируют абстрактные нормы и задают стандарты правоприменения для нижестоящих инстанций. Это формирует своеобразный «правовой ландшафт», где писаный закон и судейское усмотрение находятся в состоянии постоянного взаимного приспособления. Особенно ярко эта роль проявляется в сферах, где законодательство отстаёт от стремительно меняющихся общественных отношений, таких как цифровая экономика, биоэтика или защита персональных данных.

В конечном счёте, устойчивость и легитимность судебной системы в современной России будут определяться её способностью выполнять роль не просто технического аппликатора норм, а живого института диалогического правоприменения. Такого института, который, опираясь на прочный конституционный фундамент, сохраняет гибкость для адекватного ответа на вызовы времени, оставаясь при этом верным высшей цели – обеспечению справедливости и эффективной защиты прав человека в условиях динамично трансформирующегося общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов, В. И. История судебной власти в России. Книга первая (1019–1917) / В. И. Власов. Москва: Спутник +, 2003. 622 с.

2. Кутафин, О. Е. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. Москва: Мысль, 2003. Т. 1. 701 с.

3. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

УДК 342.9

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: ЭТАПЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Чичкин Михаил Борисович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mihailcickin261@gmail.ru

INSTITUTIONAL EVOLUTION OF THE JUDICIARY IN DOMESTIC HISTORY: STAGES AND CONTINUITY

Chichkin Mikhail Borisovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу процессов становления и эволюции судебных институтов в России с момента их раннего формирования до институционализации в рамках современной государственной системы. На основе широкого круга источников исследуется преемственность и кардинальные разрывы в развитии судоустройства, обусловленные ключевыми социально-политическими реформами.

Ключевые слова: история права, судебные учреждения, институциональная эволюция, судебная власть, судоустройство, правовые реформы, преемственность, государственное строительство.

The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the processes of formation and evolution of judicial institutions in Russia from the moment of their early formation to institutionalization within the framework of the modern state system. Based on a wide range of sources, continuity and cardinal gaps in the development of the judicial system due to key socio-political reforms are investigated.

Keywords: history of law, judicial institutions, institutional evolution, judicial power, judicial system, legal reforms, continuity, state building.

Судебная власть представляет собой синтез трёх фундаментальных категорий: публичной власти, системы права и института суда. Эта сложная природа делает её объектом непрекращающейся научной рефлексии, особенно в вопросах периодизации и эволюции. Значимость этой проблематики невозможно переоценить, поскольку от состояния судебной власти зависят гарантии прав личности и легитимность государства в целом.

В этой связи представляется методологически необходимым обратиться к семантическому анализу ключевого понятия – «суд». В классическом правоведческом понимании суд определяется как особый властно-государственный орган, наделённый монопольным полномочием осуществлять правосудие в формализованной процессуальной форме. Такое определение задаёт отправную точку для исследования, однако оно является статичным и не отражает динамики развития. Следовательно, для глубокого понимания современной роли суда требуется историко-генетический подход, рассматривающий формирование судебной системы российского государства как длительный, многомерный и зачастую противоречивый эволюционный процесс. Его изучение невозможно без хронологического анализа, выявления преемственности институтов и радикальных разрывов правовой традиции, вызванных масштабными социально-политическими трансформациями.

Вопросы исторического развития судоустройства, закономерностей становления судебных органов и трансформации сущностных характеристик судебной власти традиционно находились в центре внимания отечественной правовой науки. Эти проблемы служили объектом пристального изучения и анализа для целой плеяды выдающихся учёных-правоведов, историков и теоретиков государства. Реконструкция исторического пути судебной власти в России позволяет выявить не только формально-юридические изменения, но и глубинные социокультурные факторы, продолжающие оказывать влияние на правовую систему в настоящее время.

В современной историко-правовой науке вопрос о генезисе судебных институтов в России остается предметом оживлённой дискуссии, где выделяются несколько конкурирующих научных подходов. Ряд исследователей, таких как В. И. Власов и Ю. П. Титов, усматривают истоки отечественного суда в эпохе формирования древнерусского права, связывая его появление с «Русской Правдой» – сводом законов, дарованным Новгороду князем Ярославом Мудрым в 1019 году [1]. Сторонники этой позиции аргументируют её тем, что данный памятник права уже содержал в себе зачатки судебного устройства и процедуры, основанной на применении традиционных обычаев и правовых норм того периода, что позволяет говорить о существовании специфической формы правоприменительной практики.

Альтернативная точка зрения, представленная в трудах О. Е. Кутафина, В. М. Лебедева и Г. Ю. Семигина, относит институциональное оформление судопроизводства к периоду Крещения Руси, то есть к первым десятилетиям XI века [2]. Данный подход акцентирует значение христианизации как цивилизационного перелома, привнесшего новые принципы справедливости и процедурные нормы, которые стали катализатором для выделения судебных функций в более самостоятельную сферу.

Однако преобладающим в академической среде является взгляд, согласно которому судебная власть как система специализированных органов возникает значительно позднее – в период формирования Русского централизованного государства на рубеже XIII–XIV веков. Учёные, придерживающиеся этой позиции, указывают на то, что именно в это время происходит оформление государственного аппарата, а вместе с ним – и выделение судебной деятельности в относительно автономную от княжеской администрации функцию. При этом научная полемика ведётся не столько о хронологических рамках, сколько об источниках и движущих силах данного процесса, будь то внутренняя эволюция управления или внешние заимствования.

Ключевым объектом исследования при изучении становления судебной системы выступают ранние административно-правовые акты, которые закладывали нормативный фундамент для будущего судоустройства. Юридическая наука даёт этим документам принципиальную оценку, рассматривая их как основу для последующей институционализации. Яркой иллюстрацией значения таких преобразований служит оценка судебной реформы 1864 года, данная правоведом В. М. Грибовским: «Великие реформы императора Александра Второго… произвели коренной переворот также и в области старых судебных учреждений… В новых Судебных уставах судебное дело было поставлено на уро-

вень новейшей западноевропейской теории и практики» [3]. Эта реформа, упразднившая сложную и запутанную систему судов, ввела чёткое трёхинстанционное деление (первая инстанция, апелляция, кассация) и провозгласила принципы независимости суда и несменяемости судей, что означало радикальный разрыв с предшествующей практикой.

Процесс обособления судебной власти проходил поэтапно. Первая попытка Петра I обеспечила судам лишь частичную автономию, оставив исполнение решений в ведении администрации. Качественный сдвиг произошел при Екатерине II, осуществившей более полную сепарацию ветвей власти: исполнение актов передали полиции, а судопроизводство разделили на гражданское и уголовное. С этого времени судебная система стала рассматриваться как самостоятельный государственный институт, хотя её полная независимость сформировалась значительно позднее.

К середине XIX века судебная система Российской империи, сформированная в своих ключевых чертах ещё «Учреждением о губерниях» 1775 года, переживала глубокий системный кризис. Её архаичная конструкция, пронизанная сословным духом, административной зависимостью и формализмом, всё более явно противоречила потребностям модернизирующегося общества и государства. Критическое состояние правосудия, ставшее очевидным к началу царствования Александра II, потребовало не частичных корректировок, а фундаментальной ревизии, подготовительная работа для которой была развернута в 1861–1863 годах и увенчалась утверждением Судебных уставов 1864 года. Однако для понимания масштаба и значения этих преобразований необходимо детально рассмотреть порочную логику дореформенного судоустройства и судопроизводства.

Дореформенная судебная система представляла собой сложный, запутанный и крайне неэффективный аппарат, воспроизводивший в своей структуре сословную иерархию империи. Её фундамент был заложен екатерининской реформой, создавшей отдельные судебные учреждения для дворян (уездный суд, Верхний земский суд), горожан (городовой магистрат, губернский магистрат) и государственных крестьян (нижняя и верхняя расправы). К середине XIX века эта система усложнилась множеством дополнительных инстанций и исключений. Так, на уездном уровне параллельно действовали словесные суды для торговых споров, совестные суды для малолетних и умалишённых, а полицейские органы (управа благочиния) решали дела о мелких проступках. В губерниях функцию апелляционных и ревизионных инстанций выполняли палаты уголовного и гражданского суда, а вершиной пирамиды являлся Правительствующий Сенат.

Главным пороком этой конструкции было отсутствие последовательного разделения властей. Несмотря на формальное создание судебных органов, исполнительная власть сохраняла за собой решающие рычаги влияния. Губернаторы обладали правом приостанавливать исполнение приговоров, а смертные приговоры и решения о лишении чести подлежали утверждению генерал-губернатором. Более того, губернаторы могли отменять решения любых губернских и уездных судов, превращая судебную власть в придаток местной администрации. Эта «непоследовательная» попытка отделить суд от администрации, предпринятая ещё при Екатерине II, окончательно провалилась, породив хроническую зависимость судей от чиновничьего произвола.

Процедура судопроизводства вплоть до реформы носила инквизиционный, письменный и тайный характер, что полностью исключало состязательность и гласность. Центральным звеном уголовного процесса было формальное предварительное следствие, материалы которого (протоколы допросов, вещественные доказательства) и ложились в основу приговора. Судьи, как правило, не видели подсудимого и не заслушивали свидетелей непосредственно, а выносили решение, изучая объёмные письменные «дела». Это приводило к абсурдным ситуациям, когда судьба человека решалась на основе документов, составленных часто неграмотными или коррумпированными полицейскими чинами.

Краеугольным камнем этой системы была так называемая «формальная теория доказательств», законодательно закреплённая в Своде законов. Закон предписывал судье не искать объективную истину или взвешивать доводы сторон, а механически подсчитывать «ценность» каждого доказательства согласно его формальному рангу. Показания определённого числа свидетелей-дворян приравнивались к «половинному доказательству», признание обвиняемого под пыткой считалось «лучшим доказательством всего света». Судья был лишён свободы внутреннего убеждения, превращаясь в простого калькулятора предустановленных норм. В гражданском процессе царила подобная волокита: стороны могли бесконечно подавать новые письменные объяснения и документы, затягивая рассмотрение на десятилетия.

Системный кризис правосудия проявлялся в хронической волоките, порождающей «процессы-долгожители», и укоренённой коррупции («лихоимстве»). Низкие оклады чиновников, административная зависимость и закрытость процесса превращали суд для обывателя в рискованную авантюру, а не институт правды. Это тотально дискредитировало судебную власть, подрывая легитимность госу-

дарства в эпоху назревавших социально-экономических преобразований и делая её радикальную реформу общественным императивом.

Кризис судебной системы потребовал её кардинальной перестройки, включённой в программу «Великих реформ» Александра II. Подготовка в 1861–1863 гг., координировавшаяся Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, базировалась на фундаментальном 74-томном исследовании С. И. Зарудного «Дело о преобразовании судебной части в России». Этот труд, синтезировавший европейский опыт и критический анализ российских реалий, составил основу будущих Судебных уставов.

Таким образом, к началу 1860-х годов сложился полный консенсус среди политической элиты и прогрессивной общественности относительно необходимости слома старой системы. Кризис сословного, бюрократического и формального правосудия достиг своей кульминации. Последовавшая в 1864 году судебная реформа, провозгласившая принципы независимости суда, гласности, устности, состязательности и введения суда присяжных, стала не просто одной из многих преобразований, а подлинной революцией в российском правовом сознании. Она положила начало созданию в России современной судебной власти как самостоятельной и авторитетной ветви государственного управления.

Кардинальные преобразования, инициированные революцией 1917 года, полностью реконструировали государственный аппарат, включая судебную систему. В условиях НЭПа и правовой нестабильности 1920-х годов ключевым актом стал принятый 31 октября 1922 года ВЦИК «Положение о судоустройстве РСФСР». Этот документ упразднил разрозненные революционные трибуналы и заложил основы единой трёхзвенной системы (народный суд, губернский суд, Верховный Суд РСФСР), подчинив правосудие задаче укрепления нового строя. Для обеспечения лояльности кадров проводилась обязательная регистрация юристов, а судьям предоставлялись социальные гарантии, что подчёркивало государственный контроль над судебным институтом.

Последующее развитие лишь подтвердило инструментальную роль суда. В годы Великой Отечественной войны произошёл возврат к чрезвычайной юстиции в виде военных трибуналов с упрощённой процедурой. Подлинный перелом наступил в 1991 году с принятием Концепции судебной реформы, которая впервые поставила задачу превращения суда в независимый орган защиты прав. Эта идея получила конституционное воплощение в 1993 году, когда принципы самостоятельности судебной власти, судебного контроля и состязательности были закреплены в Основном законе.

Таким образом, исторический путь судебной власти в России демонстрирует её трансформацию от орудия государственной политики в самостоятельный институт, чья эффективность и независимость являются условием легитимности всей публичной власти. Этот процесс отражает объективную потребность любого государства в развитом правосудии и квалифицированном судейском корпусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов, В. И. История судебной власти в России. Книга первая (1019–1917) / В. И. Власов. Москва: Спутник +, 2003. 622 с.

2. Кутафин, О. Е. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. Москва: Мысль, 2003. Т. 1. 701 с.

3. Грибовский, В. М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Тип. «Техник», 1912. URL: http: // www.constitution.garant.ru /sciencework/pre-revolutionar

УДК 342.92

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Явкина Анастасия Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: yavkina.03@mail.ru

PROBLEMS OF DETERMINING JURISDICTION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES

Yavkina Anastasia Mikhailovna, Master's Degree Student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность изучения проблем, связанных с определением подведомственности дел об административных правонарушениях, обусловлена рядом факторов, одним из которых выступает системообразующим институтом административного права, наличие которого повышает эффективность работы компетентных органов, рассматривающих вышеуказанные дела. Правильный учет и применение правил подведомственности положительным образом сказывается на правосудии и законности, что является обязательным условием функционирования правовой системы российского государства.

Ключевые слова: административное правонарушение, подведомственность, орган, власть, квалификация, состав правонарушения, полномочия

The relevance of studying issues related to determining jurisdiction in administrative offense cases is determined by a number of factors, one of which is the system-forming institution of administrative law, the existence of which enhances the effectiveness of the competent bodies handling these cases. Proper consideration and application of jurisdiction rules has a positive impact on justice and the rule of law, which are essential for the functioning of the Russian legal system.

Keywords: administrative offense, jurisdiction, agency, authority, classification, elements of the offense, powers

Административное право в Российской Федерации находится в состоянии постоянного развития, что подтверждается изменениями в области квалификации и содержания составов различных административных правонарушений. Формирующаяся в настоящий момент судебная практика по рассматриваемым спорам фактически отражает то, в каком направлении развивается экономика, политика, нормативное регулирование отношений в обществе и иные аспекты государственного характера. Учитывая столь высокое значение рассматриваемого института, можно констатировать, что для административно-правовых споров необходимо уделять дополнительное внимание к процессуальным формам работы уполномоченных органов власти с целью их разрешения и привлечения виновных лиц к ответственности.

В теории административного права существует множество подходов к пониманию подсудности и подведомственности – данная тенденция сложилась из-за сложностей правовой регламентации указанных институтов. Тем не менее, научное их осмысление необходимо для того, чтобы характеризовать степень законности привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении административных правонарушений. Если обращаться к различным научным источникам, можно констатировать следующее: подведомственность имеет двойственный характер. С одной стороны, её определяют в качестве совокупности вопросов, относящихся к полномочиям конкретного органа власти, решение которых подразумевает рассмотрение административного дела [1, с. 73]. С другой стороны, подведомственность определяется в качестве совокупности критериев, наличие которых позволяет выбрать конкретный орган власти, уполномоченный рассматривать данный вид спора [2, с. 352].

Стоит понимать, что рассматриваемый институт обладает своим непосредственным значением – его наличие является прямым следствием реализации принципа разделения властей и функционирования системы сдержек и противовесов. Соответственно, его существование направлено на реализацию норм конституционного, федерального и регионального уровня в отношении административной ответственности.

Для административного процесса подведомственность может быть охарактеризована через следующие критерии и признаки:

1. Для властных органов она предусматривает определенные законом пределы своих полномочий;
2. У отдельно взятого органа власти и (или) должностного лица данный институт определяет правомочие на разрешение административного дела;
3. Порядок привлечения лиц к ответственности регламентирован на уровне процессуального законодательства;
4. Между органами власти, уполномоченными разрешать подобные дела, прослеживается четкое разграничение всех ранее указанных функций [3, с. 135].

При этом институт подведомственности является институтом межотраслевого характера, так как он направлен на реализацию системообразующей функции, благодаря чему между органами власти распределяются их непосредственные обязанности по рассмотрению конкретных административных правонарушений.

Анализ действующего административного законодательства свидетельствует о том, что законодатель практически не использует термин «подведомственность», применяя при этом смежные термины, например «орган, уполномоченный на рассмотрение дела» или «предмет ведения». Указанный подход к регулированию анализируемого института представляется неоднозначным, ведь подведомственность характеризует правовую форму организации деятельности органов власти.

Исходя из содержания отдельных научных источников, можно прийти к выводу о том, что для определения рассматриваемого института, а также иных смежных институтов, целесообразно применять термин «компетенция», который часто можно встретить в процессуальных актах Российской Федерации [3, с. 135]. Данная позиция действительно имеет право на существование, однако мы будет исходить из того, что подведомственность носит более конкретизированный характер, благодаря чему мы можем выделить дополнительные критерии, присущие данному институту:

1. С его помощью можно определить степень профессионализма субъекта, уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях;
2. Распределение полномочий выстраивается по принципу объективности и обоснованности реа-

лизации властных функций (должностное лицо не может всесторонне подойти к изучению административного дела, по сравнению с судом);

3. За счет реализации данного института граждане получают сведения о необходимости обращения в конкретный орган или к должностному лицу в целях защиты своих прав и законных интересов.

В рамках настоящего исследования стоит также затронуть вопрос относительно уровней подведомственности, которые применяются в отношении дел об административных правонарушениях.

Международная подведомственность включает в себя совокупность составов административных правонарушений, которые должны рассматриваться в международных органах власти соответствующей направленности – данный институт детально регламентируется положениями процессуального законодательства (например, глава 32 АПК РФ) и нормами международных договоров.

Следующий уровень – подведомственность по уровню власти, которая предполагает определение полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях на федеральном, региональном и местном уровне с привлечением соответствующих органов публичной или судебной власти. Подтверждением данного факта являются положения статьи 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [4], согласно которым вопросы административной ответственности находятся в совместном ведении федерации и регионов, а регионы, в свою очередь, могут отнести рассмотрение вышеуказанных дел к компетенции мировых судей.

Далее выделяется родовая подведомственность, которая позволяет разграничить рассматриваемые дела между соответствующими органами власти, находящимися в разных ветвях: исполнительной, законодательной и судебной. Здесь стоит понимать, что для законодательной власти характерно лишь установление административной ответственности за те или иные действия, остальные ветви власти получают полномочия по рассмотрению дел о данных нарушениях.

В теории административного права также выделяется видовая, территориальная и функциональная уровни подведомственности, которые вытекают из положений административного законодательства, и предполагают более детальное распределение обязанностей между уполномоченными органами власти по рассмотрению и разрешению вышеуказанных дел.

Учитывая положения КоАП РФ, можно однозначно сделать вывод о том, что дела об административных правонарушениях рассматриваются мировыми судьями, судами общей юрисдикции, должностными лицами органов исполнительной власти, органами публичной власти через специальные комиссии и иные коллегиальные органы, создаваемые на местном или региональном уровне.

Стоит указать на тот факт, что за последние годы законодатель идет по пути намеренного расширения подведомственности дел об административных нарушениях в отношении судов общей юрисдикции. Данная тенденция началась с момента введения такой меры административного наказания, как приостановление деятельности, предусмотренной статьей 3.12 КоАП РФ [4]. Обусловлено это тем, что только суд может принять данную меру в отношении субъекта правонарушения. В науке зачастую можно встретить мнение о том, что введение подобных мер приводит к карательному характеру административной ответственности, из-за чего роль остальных субъектов, уполномоченных разрешать подобные дела, существенно снижается. Интерес представляет тот факт, что в отдельных случаях применение более ужесточенных административных мер осуществляется во внесудебном порядке, например – отзыв лицензии. Данную проблему можно охарактеризовать, как двойственную проблему, которая подвергается критике на сегодняшний день. К сожалению, указанная ситуация так и не нашла своего разрешения на уровне законодательства, а позиции законодателя по этому поводу не имеется.

Дополнительно хотелось бы указать на тот факт, что для административных правонарушений подведомственность также характеризуется через соответствующие стадии. Так, при возбуждении дела и реализации административного расследования на законодательном уровне определяется исчерпывающий перечень органов власти и должностных лиц, которые наделены полномочиями по составлению протоколов административных правонарушений (статья 28.3 КоАП РФ) [4].

При непосредственном рассмотрении дела об административном правонарушении законом устанавливаются правила определения органа, уполномоченного реализовывать данную функцию – так, местом рассмотрения подобных дел является место его совершения (статья 29.5 КоАП РФ) [4]. Стоит указать, что для данного правила предусмотрены исключения:

– если административное правонарушение совершено несовершеннолетним, то дело рассматривается по месту его проживания;

– если административное расследование проведено в ином месте, дело рассматривается по месту проведения расследования;

– если лицо заявляет ходатайство о рассмотрении дела по его месту жительства или пребывания.

При пересмотре постановлений устанавливаются правила территориальной, родовой и видовой

подведомственности пересмотра. К примеру, постановления мирового судьи рассматривает районный суд, постановления коллегиального органа рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, постановления должностного лица рассматриваются вышестоящим органом или судом общей юрисдикции по месту рассмотрения дела (статья 30.1 КоАП РФ) [4].

На стадии исполнения постановлений законодатель также делает ссылку на конкретные органы власти, уполномоченные исполнять вынесенное постановление об административном правонарушении – это органы внутренних дел или Федеральная служба судебных приставов [5, с. 15].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что институт подведомственности дел об административных правонарушениях является системообразующим институтом, цель которого заключается в обеспечении эффективности административной деятельности уполномоченных органов власти и достижении законности. Структура данного института является сложной, объединяет в себе множество критериев и характеристик, наличие которых необходимо для детальной регламентации стадий производства, что прямо отражается в положениях КоАП РФ.

Тем не менее, в практике регулирования данного института наблюдается проблема, выраженная в отсутствии единых подходов к его пониманию, что приводит к проблеме двойственности (на примере отзыва лицензии и приостановления деятельности). Решение обозначенной проблемы заключается в дальнейшем совершенствовании административного законодательства и развитии правоприменительной практики в целях усиления защиты прав физических и юридических лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полевщикова С. Г. Вопросы подведомственности дел об административных правонарушениях органов внутренних дел / С. Г. Полевщикова // Национальная ассоциация ученых. – 2020. – № 57-2 (57). – С. 72–75.

2. Ковалишина К. В. Проблемы осуществления производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации / К. В. Ковалишина // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 351–356.

3. Нобель Н. А. К вопросу об определении подведомственности дел об административных правонарушениях судьями судов общей юрисдикции / Н. А. Нобель // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 2. – С. 133–139.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – № 1 (Часть I). – 2002. – ст. 1.

5. Мальгинова Ю. Н. Некоторые проблемы определения территориальной подсудности при первичном рассмотрении дел об административных правонарушениях судьями / Ю. Н. Мальгинова // Мир инноваций. – 2025. – № 4. – С. 13–18.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ХУЛИГАНСКИЕ ПОБУЖДЕНИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОТ УЛИЧНОГО БЕСЧИНСТВА К ЮРИДИЧЕСКОЙ АБСТРАКЦИИ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Безунова Алёна Михайловна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811822@ruc.su

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «HOOLIGAN MIND» IN DOMESTIC CRIMINAL LAW: FROM STREET OUTRAGE TO LEGAL ABSTRACTION

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Bezunova Alena Mikhailovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ эволюции понятия «хулиганские побуждения» в отечественном уголовном праве. Прослеживается исторический путь трансформации данного концепта от его доктринальных предпосылок в древнерусском законодательстве и имперских законах, через этап кристаллизации и политизации в советский период до современного состояния после реформы 2003 года. Автор демонстрирует, как изначально бытовое обозначение уличного бесчинства превратилось в сложный юридический конструкт, выполняющий функции как самостоятельного состава преступления, так и квалифицирующего признака тяжких деяний против личности.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, хулиганство, хулиганский мотив, эволюция ответственности, уголовное законодательство, исторический анализ, квалификация, преступления против личности.

The article provides a comprehensive analysis of the evolution of the concept of «hooligan motives» in domestic criminal law. The historical path of transformation of this concept is traced from its doctrinal premises in ancient Russian legislation and imperial laws, through the stage of crystallization and politicization in the Soviet period to its current state after the 2003 reform. The author demonstrates how the initially everyday designation of street disorder has evolved into a complex legal construct that functions both as an independent element of a crime and as a qualifying feature of serious acts against the individual.

Keywords: crime, criminal liability, hooliganism, hooligan motive, evolution of liability, criminal legislation, historical analysis, qualification, crimes against the person.

Понятие «хулиганские побуждения» занимает уникальное место в отечественной правовой системе, выступая своеобразным маркером социально осуждаемого, «беспричинного» зла. Его эволюция от бытового термина для уличных беспорядков до сложного юридического конструкта, квалифицирующего тяжкие преступления, отражает глубокие изменения в понимании общественного порядка, границ уголовной репрессии и самой природы преступного мотива [1, С. 85].

Этот путь, растянувшийся на более чем столетие, демонстрирует не линейное развитие, а череду радикальных трансформаций, в ходе которых изначально широкое и расплывчатое понятие то предельно расширялось, становясь инструментом социального контроля, то сужалось до узких процессуальных рамок, порождая новые проблемы квалификации. Анализ этой эволюции позволяет увидеть, как право пытается ухватить и обозначить ту сферу человеческого поведения, которая бросает вызов не конкретному интересу, а самим основам социального общежития, – сферу немотивированной агрессии и демонстративного презрения к обществу.

Зарождение идеи об особой опасности «беспричинных» действий уходит корнями в глубокую древность, задолго до появления самого термина «хулиганство». Как отмечают исследователи, уже в ранних законодательных актах Руси прослеживается тенденция к ужесточению наказания за преступления, совершенные без видимого повода, будь то корысть или месть [2, С. 104–105].

Русская Правда, например, устанавливала более строгое наказание за убийство во время пира, то есть в общественном месте, где акт насилия приобретал характер публичного вызова. Позднее, в Воинском артикуле Петра I 1715 года, наказуемой становилась уже сама драка в людном месте, даже если она не повлекла тяжких последствий.

Таким образом, правосознание интуитивно выделяло повышенную общественную опасность действий, нарушающих не столько частные интересы, сколько сам дух порядка и спокойствия, что впоследствии станет ядром понятия «хулиганские побуждения».

Непосредственно термин «хулиганство» проникает в русский лексикон и правоприменительную практику на рубеже XIX–XX веков как заимствование, вероятно, из английской полицейской хрони-

ки. Изначально это слово носило сугубо бытовой характер, описывая поведение «праздношатающихся» лиц, которые «забавляются издевательствами» над гражданами в общественных местах. Санкт-Петербургский градоначальник В. Валь в 1892 году в своем приказе прямо призывает полицию бороться с такими «хулиганами» [3, С. 18].

Однако юридического состава преступления под этим названием еще не существовало; подобные действия подпадали под различные статьи о нарушении благочиния, нанесении оскорблений или легких телесных повреждений. Этот период можно считать предысторией, когда социальный феномен был идентифицирован и получил название, но еще не был осмыслен правом как самостоятельная категория.

Кардинальный перелом произошел с приходом советской власти, которая придала понятию «хулиганство» строгий юридический статус и широчайшее социально-политическое звучание. Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в статье 176 впервые закрепил состав хулиганства, определив его как «озорные, бесцельные, сопряжённые с явным неуважением к отдельным гражданам или обществу в целом действия». Ключевыми здесь были признаки «озорства» и «бесцельности», что юридически оформляло идею о преступлении без рационального мотива [4, С. 253].

В условиях становления нового государства, стремившегося тотально регулировать общественную жизнь, хулиганство быстро перестало быть лишь проблемой уличного порядка. Оно было интерпретировано как пережиток буржуазного прошлого, форма социального протеста или несознательности, требующая идеологической борьбы и суровых карательных мер. Уже в УК РСФСР 1926 года появились квалифицирующие признаки, такие как злостность, цинизм и дерзость, что расширяло рамки применения статьи и усиливало ее карательный потенциал.

Апогей этой экспансии пришелся на период действия УК РСФСР 1960 года, сформулировавшего классическое определение хулиганства как «умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу». Это определение, сохранившееся в своей основе и в современном кодексе, абстрагировалось от «бесцельности», сделав акцент на объективной стороне (нарушение порядка) и субъективном отношении (неуважение) [5, С. 41–42].

На практике же статья о хулиганстве стала универсальным инструментом. Под нее можно было подвести широкий спектр действий, от незначительных драк и ссор до форм поведения, отклоняющихся от советских норм морали. Хулиганство стало одним из наиболее массовых составов преступления, выполняя не только охранительную, но и дисциплинарно-воспитательную функцию. В этот период понятие «хулиганские побуждения» как самостоятельный квалифицирующий признак в других составах (например, убийства) также активно развивалось, образуя систему, где общее хулиганство и специальные деяния, совершенные из хулиганских побуждений, существовали в тесной взаимосвязи.

Радикальная трансформация, изменившая всю парадигму, произошла в 2003 году с внесением поправок в статью 213 УК РФ. Законодатель, стремясь декриминализировать малозначительные правонарушения, резко сузил состав уголовно наказуемого хулиганства. Отныне им признавались только действия, совершенные либо с применением оружия или предметов, его заменяющих, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Множество деяний, ранее считавшихся уголовным хулиганством, были переведены в разряд административных правонарушений (мелкое хулиганство по ст. 20.1 КоАП РФ). Последствия этой реформы были противоречивы. С одной стороны, она действительно ограничила неоправданно широкое применение уголовной репрессии. Судебная статистика показала резкое, почти десятикратное снижение числа дел о хулиганстве. С другой стороны, это привело к своеобразному концептуальному разрыву. Ядро понятия – «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу» – осталось, но его уголовно-правовое проявление было жестко ограничено двумя конкретными признаками. Это породило сложности в правоприменении, особенно в части квалификации действий по мотивам ненависти, где требуется тонкое отграничение от преступлений против личности или экстремистских деяний [6, С. 533].

В современном УК РФ понятие «хулиганские побуждения» реализуется в трех различных юридических формах, что свидетельствует о его сложной дифференциации.

Во-первых, это хулиганство как основной состав преступления (ст. 213 УК РФ) в его суженной после 2003 года редакции.

Во-вторых, хулиганские побуждения как обязательный признак самостоятельных составов. К этой группе относятся, например, побои (ст. 116 УК РФ) или жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ), где сам мотив является конструктивным элементом преступления.

В-третьих, и это наиболее значимая с точки зрения тяжести последствий группа, хулиганские по-

буждения как квалифицирующий признак тяжких преступлений против личности и собственности. Речь идет об убийстве (п. «и» ч. 2 ст. 105), умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (п. «д» ч. 2 ст. 111) и умышленном уничтожении имущества (ч. 2 ст. 167). Именно здесь абстрактное «неуважение к обществу» трансформируется в конкретное отягчающее обстоятельство, существенно повышающее наказание. При этом, согласно разъяснениям Верховного Суда, если в ходе хулиганских действий совершено, например, убийство, содеянное должно квалифицироваться по совокупности статей – и как хулиганство (ст. 213), и как убийство из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105), что подчеркивает двойную природу такого деяния [7, С. 165].

Несмотря на столетнюю историю легального существования, понятие «хулиганские побуждения» остается одним из наиболее проблемных в судебной практике. Его ключевой признак – «явное неуважение к обществу» – носит оценочный характер. Сложности вызывает разграничение бытового конфликта, возникшего на почве личных неприязненных отношений, и конфликта, являющегося реализацией именно хулиганского, то есть публично-вызывающего, мотива.

Не менее проблематично отграничение хулиганства по мотивам ненависти (п. «б» ч. 1 ст. 213) от преступлений экстремистской направленности. Как справедливо отмечается в научной литературе, любое публичное противоправное действие уже грубо нарушает общественный порядок, поэтому требуется дополнительная конкретизация, какие именно действия, помимо применения оружия или мотивов ненависти, образуют состав.

Эти проблемы напрямую влияют на следственно-судебную практику, приводя к неединообразию в квалификации и, как следствие, к осторожному применению ст. 213 УК РФ, что отражается в низких статистических показателях [8].

Таким образом, эволюция понятия «хулиганские побуждения» в отечественном праве прошла путь от бытового описания уличных беспорядков до одной из центральных идеологем раннего советского уголовного права, а затем до технико-юридического конструкта, значение которого сегодня во многом определяется его ролью квалифицирующего признака в тяжких преступлениях. Эта эволюция отражает постоянный поиск баланса между необходимостью охраны устоев общественного спокойствия от немотивированной агрессии и требованием правовой определенности, исключающей произвольное применение карательной силы государства.

Современное состояние понятия, сложившееся после реформы 2003 года, характеризуется его двойственной природой: с одной стороны, суженным и редко применяемым основным составом хулиганства, с другой – широко используемым отягчающим признаком в составе других преступлений. Эта двойственность является источником как современных проблем квалификации, так и потенциальным направлением для дальнейшего совершенствования законодательства, которое, возможно, должно двигаться в сторону еще большей конкретизации объективных проявлений «явного неуважения к обществу», сохраняя при этом сущностный смысл этого уникального правового понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

2. Исаев, А. А. Хулиганство, проблемы и пути их решения с позиции прошлого, настоящего и будущего // Уголовно-правовая наука и практика в XXI веке: вызовы и перспективы : сборник материалов международной научно-практической конференции, в рамках VII Международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Новосибирск, 2025. С. 104–107.

3. Усов, Е. Г. Преступления против личности: учебное пособие. Иркутск, 2024. 54 с.

4. Алимбаева, З. И. Уголовная ответственность за хулиганство // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 1. С. 252–255.

5. Гафурова, Э. Р. Преступления против личности : учебно-методическое пособие. Ижевск, 2025. 123 с.

6. Рарог, А. И. Уголовное право России. Особенная часть : учебник. Москва, 2024. 624 с.

7. Спирин, А. В. Разграничение уголовной и административной ответственности за хулиганство: теоретические и практические аспекты // Закон и власть. 2025. № 4. С. 164–166.

8. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. Саранск: Афанасьев, 2024.

УДК 343

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Глухов Никита Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811803@ruc.su

COMPUTER CRIME IN THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND ESSENTIAL CHARACTERISTICS

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Glukhov Nikita Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье авторами анализируются теоретико-методологические подходы к определению киберпреступности, её сущностные характеристики и классификационные основания. Особое внимание уделяется трансформации традиционных преступных деяний под влиянием цифровых технологий и появлению принципиально новых форм противоправного поведения. Раскрывается двойственная природа компьютерной преступности как явления, в котором компьютер выступает одновременно инструментом, объектом и средой совершения преступлений. Исследуются современные тенденции развития киберпреступности, включая коммодификацию преступных услуг, рост программ-вымогателей и появление новых вызовов, связанных с развитием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: компьютерная преступность, киберпреступность, информационное общество, классификация киберпреступлений, транснациональная преступность, цифровая криминология.

In this article, the authors analyze theoretical and methodological approaches to defining cybercrime, its essential characteristics and classification grounds. It analyzes theoretical and methodological approaches to defining cybercrime, its essential characteristics, and classification principles. Particular attention is paid to the transformation of traditional criminal acts under the influence of digital technologies and the emergence of fundamentally new forms of unlawful behavior. The dual nature of computer crime is revealed as a phenomenon in which the computer acts simultaneously as a tool, an object, and an environment for committing crimes. The paper explores current trends in cybercrime, including the commodification of criminal services, the rise of ransomware, and the emergence of new challenges associated with the development of artificial intelligence.

Keywords: computer crime, cybercrime, information society, classification of cybercrimes, transnational crime, digital criminology.

Сущность компьютерной преступности в глобальном информационном обществе раскрывается через совокупность взаимосвязанных характеристик, отличающих её от традиционных форм преступности. Эти характеристики обусловлены как технологической природой феномена, так и социальными условиями его существования [1, С. 170–171].

Первой сущностной характеристикой выступает двойственная природа компьютера в структуре преступного деяния. Компьютер может выступать в трёх качествах: как объект преступного посягательства (например, при несанкционированном доступе или повреждении данных), как инструмент совершения преступления (при использовании вычислительных мощностей для мошенничества или распространения противоправного контента) и как среда совершения преступления (киберпространство как особая сфера существования социальных связей и отношений). Эта множественность ролей создаёт сложности как для юридической квалификации, так и для криминологического анализа.

Второй важнейшей характеристикой является трансграничность. Киберпреступления по самой своей природе не признают национальных границ: вредоносная активность может исходить из одной страны, использовать серверы, расположенные в другой, и причинять ущерб жертвам в третьей, четвёртой и десятой странах одновременно. Эта характеристика делает традиционные механизмы правоохранительной деятельности, основанные на принципе территориальной юрисдикции, малоэффективными. Как отмечается в научной литературе, преступления с использованием компьютерных сетей, пересекающие международные границы и вовлекающие действия хотя бы одного государства, иногда обозначаются термином «кибервойна».

Третья характеристика – высокая латентность, обусловленная несколькими факторами. Во-первых, анонимность, которую предоставляет виртуальная среда: значительная часть преступников успешно уничтожает следы своего присутствия. Во-вторых, нежелание организаций сообщать о фактах компьютерных посягательств, поскольку такая информация может нанести ущерб деловой репутации и подорвать доверие клиентов. Компании предпочитают нести убытки молча, нежели предавать гласности факты собственной уязвимости. В-третьих, техническая сложность выявления и документирования таких преступлений, требующая специальных знаний и оборудования.

Четвёртая характеристика связана с динамизмом и адаптивностью компьютерной преступности. Она развивается параллельно с развитием технологий, а зачастую и опережая их. Как только появляется новая технология или цифровой сервис, почти немедленно возникают и способы их криминального использования. Преступные сообщества демонстрируют высокую способность к обучению, обмену информацией и координации действий на глобальном уровне.

Пятая характеристика – индустриализация и коммерциализация. Современная киберпреступность всё меньше напоминает деятельность одиночек-хакеров и всё больше – зрелую индустрию с разделением труда, специализацией и развитой инфраструктурой. Формируются теневые онлайн-рынки, где можно приобрести всё необходимое для совершения преступлений: от вредоносного программного

обеспечения и украденных данных до услуг по организации атак и отмыванию полученных средств. Эта «коммодификация» киберпреступности существенно снижает порог входа в криминальную деятельность и многократно увеличивает масштабы угрозы [2, С. 126–127].

Наконец, шестой характеристикой выступает способность компьютерной преступности поражать все сферы жизнедеятельности информационного общества. Экономика, политика, социальная сфера, национальная безопасность, частная жизнь граждан – ни одна область не остаётся неуязвимой. Компьютерные сети исследователи образно называют «нервами экономики, государственного сектора и общества», подчёркивая, что любая атака или вторжение способны оказать разрушительное воздействие на функционирование информационного социума.

Многообразие форм компьютерной преступности требует их систематизации, однако единая, общепринятая классификация отсутствует в силу сложности самого явления. Различные исследователи предлагают основания для группировки, исходя из целей и задач своих научных изысканий.

Один из наиболее влиятельных подходов был предложен в рамках работы над Конвенцией о киберпреступности, где выделяются четыре основные группы деяний: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; компьютерные преступления в узком смысле (подлог и мошенничество); преступления, связанные с содержанием информации; преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав. Эта классификация легла в основу национальных законодательств многих стран [3, С. 101–102].

Другой подход, представленный в современных исследованиях, разделяет киберпреступления на две большие категории в зависимости от их направленности. Первая категория – киберпреступления, связанные с посягательствами на активы (имущественные преступления, хищения, мошенничества). Вторая категория – преступления против безопасности (кибертерроризм, кибервойны, атаки на критическую инфраструктуру). Третья категория – эмоционально-ориентированные преступления (преследования, домогательства, распространение оскорбительного контента).

Представляет интерес классификация, разделяющая киберпреступления на две топ-группы: «чисто технологические» и «кибер-продвинутые». Первые нацелены на компьютерно-технологическую экосистему и нарушают конфиденциальность, целостность или доступность данных и систем. Вторые используют компьютерные технологии для воздействия на людей, правительства, бизнес и собственность, лишая, нарушая или повреждая эти объекты.

Весьма продуктивным представляется разделение преступлений на основе роли компьютера: компьютер как цель (когда атаке подвергаются компьютерные сети и системы) и компьютер как инструмент (когда он используется для совершения традиционных преступлений в новой среде). При этом важно отметить, что в современных условиях многие преступления сочетают оба аспекта. Например, кража «личности» может включать и взлом компьютерных систем (компьютер как цель), и последующее использование похищенных данных для мошенничества (компьютер как инструмент) [4, С. 91].

По мере углубления процессов информатизации и достижения обществом стадии «зрелого информационного общества» компьютерная преступность претерпевает качественные изменения. Эти изменения затрагивают как структуру преступности, так и её субъектов, методы и последствия.

Современный этап характеризуется консолидацией преступных групп, специализирующихся на киберпреступлениях. Как отмечается в Глобальном докладе о рисках Всемирного экономического форума, организованные киберпреступные группы объединяют усилия для совершения противоправных действий в онлайн-среде. Если ранее можно было говорить о разрозненных действиях отдельных хакеров или небольших групп, то сегодня мы наблюдаем формирование транснациональных преступных синдикатов с развитой иерархией и разделением труда.

Особую тревогу вызывает рост программ-вымогателей, ставших одной из наиболее быстрорастущих угроз. В 2025 году было зафиксировано 5263 крупных успешных атаки с серьёзными последствиями, при этом общее число атак, включая автоматизированные попытки превысило 300 миллионов по всему миру. Почти треть крупных атак (1424) в 2025 году была направлена против промышленных предприятий, что на 15 % больше, чем в 2024 году, поражая критическую инфраструктуру и жизненно важные службы. Средний размер требуемого выкупа достиг 5,2 миллиона долларов, а крупнейшие требования предъявлялись медицинским организациям.

Примечательно, что киберпреступность всё чаще приводит не только к экономическим потерям, но и к прямым человеческим жертвам. Атаки на медицинские учреждения создают трудности в лечении пациентов. Исследования показывают, что в период с 2023 по 2025 год программы-вымогатели стали причиной смерти от 42 до 67 пациентов Medicare из-за созданных сложностей в лечении. Атака на британского патолого-анатомического провайдера Synnovis в 2024 году привела к отмене тысяч хирургических операций и приёмов пациентов.

Ещё одним тревожным трендом является развитие киберсекс-торговли – формы современного рабства, при которой жертв принуждают к сексуальным действиям перед веб-камерами для онлайн-трансляций. По оценкам Международной организации труда, насчитывается примерно 6,3 миллиона жертв этой формы преступности, включая около 1,7 миллиона детей. Преступники используют социальные сети, видеоконференции, приложения и платёжные системы в тёмной сети для сокрытия своих личностей.

Важной тенденцией становится размывание границ между киберпреступностью и кибервойной. Государства всё активнее используют киберпространство для достижения геополитических целей, атакуя инфраструктуру других стран. Примеры Эстонии (2007 год) и Грузии (2008 год) продемонстрировали возможность использования кибератак в качестве инструмента гибридной войны. Это создаёт принципиально новую ситуацию, в которой частные киберпреступники могут действовать в интересах государств или, напротив, государства могут использовать криминальные методы для достижения политических целей [5, С. 345–346].

Развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые горизонты для киберпреступности. ИИ может использоваться для создания более убедительных фишинговых писем, автоматизации поиска уязвимостей, обхода систем обнаружения вторжений, создания глубоких подделок (deepfakes) для мошенничества и дезинформации. Современные исследователи подчёркивают необходимость разработки законодательства в области ИИ и политик, способных адекватно реагировать на эти вызовы.

Сложность и динамизм компьютерной преступности порождают серьёзные проблемы в сфере противодействия ей. Традиционные правоохранительные механизмы, формировавшиеся на протяжении столетий для работы в физическом мире, оказываются малоэффективными в мире виртуальном.

Ключевая проблема заключается в асинхронности развития технологий и правовых институтов. Технологии эволюционируют экспоненциально, в то время как право и практика его применения изменяются линейно, с неизбежным запаздыванием. Законы, принимаемые сегодня, призваны регулировать отношения, которые будут складываться завтра, но прогнозировать развитие технологий с достаточной точностью практически невозможно.

Другая проблема связана с необходимостью международного сотрудничества в условиях, когда единое понимание угрозы и методов борьбы с ней отсутствует. Разные страны имеют различные правовые системы, различные представления о приоритетах в борьбе с преступностью и различные уровни технического развития. Унификация подходов, предпринятая в рамках Будапештской конвенции, является важным шагом, но далеко не все государства присоединились к этому документу.

Проблема доказательств и юрисдикции остаётся одной из наиболее сложных. Цифровые доказательства эфемерны, легко уничтожаются и модифицируются. Они могут находиться на серверах в десятках различных юрисдикций, что делает получение доступа к ним через механизмы взаимной правовой помощи крайне затруднительным и медленным процессом. Преступники же действуют практически мгновенно [6, С. 55–56].

Перспективы исследования компьютерной преступности связаны с развитием междисциплинарных подходов, объединяющих достижения юриспруденции, криминологии, социологии, психологии, компьютерных наук и других дисциплин. Как отмечается в фундаментальных трудах по данной проблематике, постоянная эволюция технологий и наших отношений с устройствами и их неправомерным использованием создаёт сложный вызов, требующий междисциплинарного знания и исследования.

Важным направлением является развитие криминологических теорий, объясняющих киберпреступность. Традиционные теории – теория социального научения, теория самоконтроля, теория общей напряжённости, теория рутинной активности, теория рационального выбора – получают новое развитие применительно к виртуальной среде. Не менее важно исследование субкультур хакеров, психологических характеристик киберпреступников, механизмов формирования преступных сообществ в онлайн-пространстве.

Особого внимания заслуживает изучение будущего киберпреступности в контексте развития технологий. Интернет вещей создаёт миллиарды новых устройств, каждое из которых потенциально может быть использовано в преступных целях. Квантовые вычисления способны сломать современные системы шифрования. Нейроинтерфейсы и технологии прямого взаимодействия мозга с компьютером открывают совершенно новые векторы угроз. Исследователи должны не просто фиксировать текущее состояние, но и прогнозировать будущие риски [7, С. 435–436].

Компьютерная преступность в глобальном информационном обществе представляет собой сложный, многоаспектный и динамично развивающийся феномен, сущность которого не может быть сведена к простой сумме преступлений, совершаемых с использованием компьютеров. Это качественно новое явление, отражающее фундаментальные изменения социальной реальности, произошедшие в результате цифровой революции.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что понятийное поле компьютерной преступности прошло эволюцию от узкотехнических трактовок к широкому социальному пониманию, охватывающему как традиционные преступления, трансформированные цифровой средой, так и принципиально новые деяния, невозможные вне киберпространства. Двойственная природа компьютера как объекта, инструмента и среды преступления, трансграничность, высокая латентность, динамизм, индустриализация и способность поражать все сферы жизнедеятельности общества образуют сущностные характеристики этого явления.

Современный этап развития компьютерной преступности характеризуется консолидацией преступных групп, ростом программ-вымогателей, появлением киберсекс-торговли, размыванием границ между криминалом и кибервойной, активным использованием возможностей искусственного интеллекта. Масштабы причиняемого ущерба исчисляются триллионами долларов, а социальные последствия включают не только экономические потери, но и прямые угрозы жизни и здоровью людей.

Противодействие компьютерной преступности требует принципиально новых подходов, сочетающих развитие международно-правового сотрудничества, совершенствование национальных законодательств, повышение цифровой грамотности населения, развитие технических средств защиты и углубление междисциплинарных научных исследований. Только комплексное понимание природы этого феномена может создать основу для эффективной системы противодействия ему.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния новых технологий (искусственного интеллекта, интернета вещей, квантовых вычислений) на трансформацию компьютерной преступности, разработкой криминологических теорий, адекватно описывающих преступность в цифровую эпоху, и поиском эффективных механизмов международного сотрудничества в условиях, когда преступность давно стала глобальной, а правоохранительные системы остаются преимущественно национальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов, А. И. Противодействие компьютерной преступности: законодательство, практика // Молодой ученый. 2024. № 2(501). С. 170–172.

2. Ефремова, И. А. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и противодействия им // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 1. С. 122–131.

3. Гереев, З. Г. Цифровые преступления: проблемы квалификации и ответственности // Вестник юридических исследований. 2025. Т. 4. № 3. С. 97–105.

4. Сидорова, Е. З. Цифровая преступность: понятие, криминологическая характеристика, предупреждение // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2(105). С. 89–93.

5. Никульченкова, Е. В. Проблемы противодействия киберпреступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 3(94). С. 345–352.

6. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

7. Магомедов, Г. Б. Некоторые аспекты противодействия IT-преступлениям // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 433–436.

УДК 343

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГУМАНИЗАЦИИ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Забатурина Елена Андреевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811805@ruc.su

PRINCIPLES OF CRIMINAL LIABILITY IN THE CONTEXT OF ENTREPRENEURSHIP: A TEST OF STRENGTH IN THE ERA OF HUMANIZATION

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Zabaturina Elena Andreevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ реализации конституционных и уголовно-правовых принципов – законности, вины и справедливости – в рамках привлечения к ответственности субъектов предпринимательской деятельности. Авторы исследуют эволюцию уголовной политики государства, балансирующей между публичными интересами в обеспечении экономической безопасности и необходимостью защиты частной инициативы от избыточного правового давления. На основе анализа законодательных новелл, данных судебной статистики и позиций правоприменителей раскрывается противоречивая сущность современных реформ, которые, декларируя гуманизацию, зачастую порождают новые риски для бизнеса.

Отдельное внимание уделяется проблеме действия обратной силы более мягкого уголовного закона как индикатора реальной, а не декларативной гуманизации.
Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, предпринимательство, корыстный мотив, эволюция ответственности, уголовное законодательство, квалификация, принципы уголовной ответственности, принцип законности, принцип вины, принцип справедливости.

The article provides a comprehensive analysis of the implementation of constitutional and criminal law principles – legality, guilt and justice – in the context of holding business entities accountable. The authors examine the evolution of state criminal policy, balancing between public interests in ensuring economic security and the need to protect private initiative from excessive legal pressure. Based on an analysis of legislative innovations, judicial statistics, and the positions of law enforcement officials, the contradictory nature of modern reforms is revealed. While declaring humanization, they often create new risks for business. Particular attention is paid to the problem of the retroactive effect of a more lenient criminal law as an indicator of real, rather than declarative, humanization.
Keywords: crime, criminal liability, entrepreneurship, selfish motive, evolution of liability, criminal legislation, qualification, principles of criminal liability, principle of legality, principle of guilt, principle of justice.

Уголовно-правовая ответственность предпринимателей исторически находится в эпицентре конфликта между двумя фундаментальными векторами государственной политики: необходимостью охраны экономических устоев и публичных финансов и стремлением создать благоприятный, лишенный избыточных рисков климат для частной инициативы. Этот конфликт самым непосредственным образом преломляется через призму базовых принципов уголовного права – законности (ст. 3 УК РФ), вины (ст. 5 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ). Их содержание и взаимное соотношение в «предпринимательских» составах существенно отличается от классических преступлений против личности или общественной безопасности [1, С. 248].

Последнее десятилетие отмечено активными попытками законодательной «гуманизации» ответственности за экономические преступления, которые эксперты характеризуют неоднозначно – от «шаблонного принципа решения возникающих проблем» до создания «иллюзии гуманизации». Однако, как показывает анализ, судебная система зачастую реагирует на изменения закона недифференцированно, смягчая практику для всех категорий обвиняемых, а не только для предпринимателей. В таких условиях принципы вины и справедливости рискуют быть подмененными соображениями целесообразности, а законность – размытой оценочными критериями квалификации.

Принцип законности, предполагающий точное соответствие деяния и наказания нормам УК РФ, в сфере экономических преступлений сталкивается с системными вызовами, ведущими к его эрозии на правоприменительном уровне [2, С. 692].

Законодатель, стремясь снизить давление на бизнес, периодически инициирует волны декриминализации. Так, Минюст РФ предлагал признать утратившими силу ряд «неработающих» статей (например, ст. 170, 170.2, 185.1 УК РФ), исключить уголовную ответственность за незаконное предпринимательство без отягчающих признаков (ст. 171 УК РФ) и повысить пороги значительного, крупного и особо крупного ущерба. Однако эти шаги эксперты оценивают, как «полумеры», не устраняющие коренных проблем, так как они не затрагивают ключевых рисков – необоснованного заключения под стражу и подмены понятий «предприниматель» и «мошенник».

Параллельно происходит и обратный процесс: вводятся новые составы, такие как ст. 210.1 УК РФ («Занятие высшего положения в преступной иерархии»), которые, по мнению практиков, могут стать инструментом искусственного и избыточного давления на собственников и топ-менеджеров. Эта «вилка» между декларируемой гуманизацией и скрытым ужесточением подрывает предсказуемость закона.

Наибольшую угрозу принципу законности представляет широкая распространенность оценочных признаков в диспозициях «экономических» статей («обман», «злоупотребление доверием», «крупный ущерб», «личная заинтересованность»). Это создает почву для квалификационного произвола. Как отмечают адвокаты, в делах о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) умысел на хищение порой «доказывается» неподтвержденными свидетельскими показаниями, а обычная предпринимательская рискованная деятельность автоматически приравнивается к преступной. В результате уголовное дело превращается в инструмент перераспределения имущества или разрешения хозяйственного спора, что грубо нарушает принцип законности. Неслучайно высказываются предложения о введении судебного порядка возбуждения таких дел [3, С. 205].

Принцип законности де-факто модифицируется под давлением публичного интереса, который зачастую трактуется правоохранительными органами расширительно. Например, норма о прекращении дела в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), формально являющаяся гуманизацией, на практике может превращаться в «легализованный рычаг воздействия». Предпринимателю, оказавшемуся под следствием, фактически предъявляется ультиматум: признать инкриминируемый состав (пусть и

менее тяжкий) и возместить ущерб, либо столкнуться с перспективой суда и реального лишения свободы. Таким образом, законная процедура используется для внеправового принуждения, что искажает саму суть принципа законности.

Принцип субъективного вменения (вины) и принцип справедливости, требующий соразмерности наказания, в экономической сфере испытывают на себе влияние мощного обвинительного уклона всей системы.

Несмотря на конституционную презумпцию невиновности, на практике в отношении предпринимателей часто действует прямо противоположная установка. Верховный Суд РФ вынужден специально разъяснять, что непризнание вины и отсутствие раскаяния не могут рассматриваться как отягчающие обстоятельства. Сам факт возбуждения уголовного дела по экономическому составу зачастую влечет катастрофические последствия для бизнеса: по некоторым данным, до 83 % предпринимателей, против которых возбуждались дела, полностью или частично теряли свой бизнес еще до вынесения приговора. Таким образом, карательное воздействие начинается задолго до установления вины в суде, что противоречит как принципу вины, так и справедливости [4, С. 38].

Ключевым аспектом справедливости является соразмерность ограничений. В 2022–2025 гг. число осужденных предпринимателей выросло вдвое, одновременно увеличивались и назначаемые сроки. В ответ на это Верховный Суд в конце 2025 года издал важнейшее разъяснение: заключение под стражу по «экономическим» статьям должно быть исключительной мерой и применяться только если следствие докажет, что преступление не связано с профессиональной деятельностью фигуранта. Это постановление напрямую защищает принцип справедливости, стремясь предотвратить разрушение работоспособного бизнеса из-за ареста его руководителя. Аналогично, тренд на замену реальных сроков штрафами (принцип «за экономические преступления – экономические наказания») отвечает идее справедливости, поскольку лучше соответствует природе и целям исправления предпринимателя. Однако, как показывает статистика, суды далеко не всегда следуют этому тренду, а смягчение наказания порой распространяется не только на бизнесменов, но и на иные категории обвиняемых.

Некоторые законодательные новеллы, внешне направленные на гуманизацию, оказываются неэффективными. Например, введение ответственности за необоснованное увольнение «предпенсионера» (ст. 144.1 УК РФ) эксперты сразу назвали «мертвой» нормой, поскольку доказать состав практически невозможно. Более того, такие статьи могут использоваться «показательно» – как формальный повод для глубокой проверки всего бизнеса. Подобная практика превращает уголовный закон в инструмент силового давления, а не справедливого регулирования, попирая оба исследуемых принципа [5, С. 136].

Принцип обратной силы более мягкого уголовного закона (ст. 10 УК РФ) имеет для предпринимательского сообщества особое значение, выступая лакмусовой бумажкой истинной, а не декларативной гуманизации.

Данный принцип является прямым следствием идей справедливости и гуманизма: лицо, осужденное за деяние, позднее декриминализированное или наказуемое мягче, вправе рассчитывать на смягчение своей участи. В контексте активной законодательной работы по декриминализации экономических составов этот механизм становится критически важным. Например, повышение порогов крупного ущерба или отмена отдельных статей должно автоматически запускать процедуры пересмотра наказаний для тысяч осужденных [6, С. 87].

Однако на практике реализация этого принципа сталкивается с институциональным сопротивлением. Правоприменительная система, настроенная на обвинительный уклон, не заинтересована в массовом пересмотре вступивших в силу приговоров. Ярким, но единичным примером успешного применения стала норма о пересчете сроков содержания в СИЗО (один день приравнивается к полутора дням в колонии общего режима), благодаря которой освободились десятки тысяч человек. Но это – техническая коррекция, а не пересмотр квалификации. Широкая декриминализация, как показал анализ первой волны гуманизации 2009–2013 гг., не привела к целенаправленному пересмотру дел в отношении предпринимателей – суды смягчали практику для всех.

Для обеспечения реального действия ст. 10 УК РФ в сфере экономических преступлений требуются специальные процессуальные механизмы и разъяснения ВС РФ. Необходимо установить упрощенный порядок обращения осужденных предпринимателей в суд при изменении закона, а также обязать суды пересматривать в первую очередь дела, где наказание явно несправедливо с точки зрения новых стандартов. Без этого даже прогрессивные законодательные изменения останутся на бумаге для тех, кто уже пострадал от прежней, более жесткой системы [7, С. 36].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что реализация принципов законности, вины и справедливости в отношении предпринимателей носит глубоко противоречивый характер. Законода-

тельная политика, метастабильно балансирующая между «закручиванием гаек» и созданием «иллюзии гуманизации», порождает правовую неопределенность, размывающую принцип законности. Обвинительный уклон и практика применения уголовного закона как инструмента давления в хозяйственных спорах грубо нарушают принципы вины и справедливости, приводя к разрушению бизнеса еще до установления истины в суде.

Декларируемые меры по гуманизации – ограничение арестов, расширение оснований для прекращения дел, замена лишения свободы штрафами – безусловно, позитивны, но зачастую остаются полумерами или «мертвыми» нормами. Ключевая проблема заключается в глубоком разрыве между законодательными установлениями и правоприменительной практикой, которая, как показывает статистика, не всегда проводит дифференциацию в пользу предпринимателей.

Для преодоления этого кризиса принципов необходима не точечная, а системная реформа. Она должна включать:

1) существенное расширение сферы декриминализации, переводящей многие составы в разряд административных правонарушений;

2) введение дополнительных процессуальных фильтров (например, судебного порядка возбуждения дел по ряду статей);

3) установление четких законодательных запретов на избрание мер пресечения, связанных с лишением свободы, для ненасильственных экономических преступлений; 4) создание эффективного механизма автоматического пересмотра приговоров в связи с вступлением в силу более мягкого закона.

Только такой комплексный подход позволит наполнить конституционные принципы уголовного права реальным содержанием, обеспечив защиту как публичных интересов, так и прав предпринимателя, без которого невозможно устойчивое экономическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сверчков, В. В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. Москва, 2025. 421 с.

2. Блинова, Ю. А. Ответственность индивидуальных предпринимателей // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 10(85). С. 690–694.

3. Кугай, И. А. Общие аспекты правового регулирования предпринимательской деятельности в России // Вестник науки. 2026. Т. 2. № 1(94). С. 202–208.

4. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций: учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

5. Третьяков, С. О. Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности: актуальные проблемы и правоприменительная практика // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 3(84). С. 133–139.

6. Правовая ответственность предпринимателей: актуальные проблемы и решения / А. Захарова, А. В. Кузнецов, А. В. Горько [и др.]. Оренбург, 2024. 143 с.

7. Казакова, И. А. Российское предпринимательское право. Санкт-Петербург, 2025. 48 с.

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Лашин Алексей Александрович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811822@ruc.su

THE PUBLIC DANGER OF CYBERCRIME AGAINST MINORS: MODERN CHALLENGES AND WAYS TO COUNTER IT

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Lashin Alexey Alexandrovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется феномен киберпреступности, объектом которой выступают несовершеннолетние. На основе актуальных статистических данных (МВД, СК РФ, зарубежные источники) и анализа правоприменительной практики 2024-2026 гг. автором выявляется качественная трансформация угроз: переход от разрозненных мошеннических действий к системной, организованной эксплуатации детей в цифровой среде. Рассматриваются четыре основные категории посягательств: сексуальная эксплуатация (груминг), вовлечение в преступную деятельность через игровые платформы, имущественные хищения и склонение к деструктивному поведению.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, киберпреступность, несовершеннолетние, груминг, сексуальная эксплуатация, игровые платформы, цифровая безопасность, «детские сим-карты», кибергигиена, общественная опасность.

This article examines the phenomenon of cybercrime targeting minors. Based on current statistics (from the Ministry of Internal Affairs, the Investigative Committee of the Russian Federation, and international sources) and an analysis of law enforcement practices from 2024 to 2026, the author identifies a qualitative transformation of threats: the transition from isolated fraudulent activities to systemic, organized exploitation of children in the digital environment. Four main categories of abuse are considered: sexual exploitation (grooming), involvement in criminal activity through gaming platforms, property theft, and incitement to destructive behavior.

Keywords: Crime, criminal liability, cybercrime, minors, grooming, sexual exploitation, gaming platforms, digital security, «children's SIM cards», cyber hygiene, public danger.

Введение в проблематику общественной опасности киберпреступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, требует переосмысления традиционных криминологических подходов. Цифровая среда давно перестала быть просто вспомогательным инструментом социализации; сегодня она представляет собой параллельную реальность, в которой современный ребенок проводит значительную часть своей жизни.

Согласно данным статистических агентств, более 90 % детей в возрасте от шести до семнадцати лет ежедневно выходят в интернет, причем многие из них осваивают цифровые устройства раньше, чем начинают бегло читать и писать. Эта новая антропологическая реальность порождает ранее неизвестные формы девиантного поведения и, что особенно тревожно, качественно новые виды преступных посягательств, адаптированных под особенности детской и подростковой психологии, когнитивных возможностей и поведенческих паттернов.

Общественная опасность киберпреступности в отношении несовершеннолетних заключается сегодня не столько в количественных показателях причиненного ущерба, сколько в фундаментальной трансформации самой природы угрозы: от разрозненных мошеннических действий криминал перешел к системной, индустриальной, технологически оснащенной эксплуатации детства [1].

Современный этап развития информационно-коммуникационных технологий характеризуется конвергенцией нескольких криминогенных факторов, которые в совокупности создают эффект синергетического усиления угрозы.

Первый фактор – это тотальная цифровизация повседневности, делающая присутствие ребенка в сети не выбором, а объективной необходимостью, связанной с образованием, коммуникацией, досугом.

Второй фактор – стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, которые преступники научились использовать для персонализации атак, анализа уязвимостей, создания синтетического контента, включая дипфейки сексуального характера.

Третий фактор – институциональная беспомощность глобальных цифровых платформ, которые, декларируя приверженность защите детей, de facto проектируют свои продукты таким образом, чтобы максимизировать время присутствия пользователя, используя механизмы поведенческой аддикции, и при этом перекладывают риски и издержки на самих несовершеннолетних и их семьи.

Четвертый фактор – сохраняющееся отставание правового регулирования и правоприменительной практики от динамики развития криминальных технологий. Совокупное действие перечисленных факторов формирует уникальную криминологическую ситуацию, требующую не просто корректировки отдельных норм, но выработки принципиально новой философии защиты детства в цифровую эпоху [2].

Эмпирическая картина масштабов рассматриваемого явления, даже с учетом высокого уровня латентности, выглядит удручающе. В Российской Федерации только по официально зарегистрированным случаям в одном из регионов жертвами киберпреступников стали более 130 подростков, а сумма ущерба от интернет-мошенничества в масштабах отдельной республики достигла шести миллиардов рублей. При этом эксперты Альянса по защите детей в цифровой среде фиксируют устойчивую тенденцию роста числа преступлений с участием несовершеннолетних, причем речь идет не только о росте количества потерпевших, но и о расширении спектра криминальных инструментов.

Глобальная статистика демонстрирует цифры, которые сложно осознать: более трехсот миллионов детей в мире становятся жертвами сексуальной эксплуатации и насилия с использованием интернета.

Качественная трансформация угрозы проявляется в изменении модальности преступлений. Если в начале двадцатых годов текущего столетия доминировали относительно простые мошеннические схемы, направленные на хищение денежных средств с использованием методов социальной инженерии, то сегодня криминальный ландшафт выглядит принципиально иначе [3].

Доминирующей стратегией становится целенаправленное установление доверительных отношений с несовершеннолетним – так называемый груминг, но не в его классическом понимании, а в качественно новой технологической оболочке. Злоумышленники, используя инструменты искусственного интеллекта, анализируют цифровой след ребенка, его интересы, эмоциональные состояния, уязвимости, после чего выстраивают персонализированную стратегию манипуляции. Количество сообщений о попытках груминга в первой половине 2025 года выросло почти вдвое, достигнув пятисот

восемнадцати тысяч. При этом преступники активно осваивают платформы, которые традиционно считались безопасными и ориентированными на детскую аудиторию. Roblox, Discord, Minecraft, Among Us – эти названия знакомы каждому родителю, но именно эти пространства становятся ареной криминальной активности.

Судебные процессы против Roblox и Discord, инициированные более чем 800-ми родителями, вскрыли системный характер проблемы: платформы, несмотря на маркетинговые декларации о безопасности, не просто не предотвращают груминг и сексуальную эксплуатацию, но и после совершения преступлений пытаются перевести разбирательства в закрытый арбитраж, скрывая масштабы проблемы от общества и препятствуя формированию репрезентативной судебной практики.

Особую тревогу вызывает стремительное распространение технологии дипфейков, используемой для создания синтетических изображений сексуального характера с участием реальных детей. За 2025 год число инцидентов, связанных с созданием такого рода контента, увеличилось до четырехсот сорока тысяч. Жертвами становятся дети, чьи фотографии в обычной повседневной одежде были размещены родителями в открытых аккаунтах социальных сетей [4]. Преступникам не требуется личный контакт, не требуется преодолевать защитные механизмы ребенка – достаточно открытого профиля в Instagram или ВКонтакте. С помощью генеративных нейросетей создается компрометирующий контент, который затем используется для шантажа, вымогательства, а также распространяется в специализированных сообществах.

Общественная опасность этого явления усугубляется тем, что правовая система и технологические платформы оказались к нему совершенно не готовы: механизмы идентификации синтетического контента находятся в зачаточном состоянии, законодательство о защите персональных данных и изображений гражданина не вполне адаптировано к реалиям генеративного искусственного интеллекта, а родители зачастую даже не подозревают о существовании такой угрозы.

Вторым магистральным направлением криминальной активности является вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность под видом легальной или квазилегальной онлайн-подработки. Российская правоприменительная практика 2025–2026 годов выявила устойчивую схему, в которой молодым людям, не достигшим совершеннолетия, предлагают простую, высокооплачиваемую и не требующую специальных навыков работу. Суть ее сводится к покупке сим-карт, обслуживанию GSM-боксов и SIM-боксов, технической поддержке «легальных сервисов». В реальности данное оборудование интегрируется в инфраструктуру мошеннических кол-центров, через которые осуществляются массовые обзвоны, в том числе с целью хищения средств у социально незащищенных категорий граждан, прежде всего пенсионеров. Подобные незаконные узлы связи обнаружены более чем в десяти регионах России. В Белгороде молодые люди 22 и 24 лет обслуживали серую автоматическую телефонную станцию с использованием шести SIM-боксов и более двух тысяч трехсот поддельных сим-карт. В Рязани и Москве задержаны 18–19-летние юноши, арендовавшие шесть квартир для размещения аналогичного оборудования. Как справедливо отмечают парламентарии, факт обслуживания оборудования, регистрации сим-карт или передачи доступа к счетам уже может квалифицироваться как пособничество мошенничеству, причем следствие все чаще привлекает к ответственности не только организаторов, но и технических помощников, и возраст или наивность не становятся смягчающим фактором.

Адвокаты, специализирующиеся на подобных делах, подчеркивают, что таких людей фактически используют втемную: они искренне не понимают, что становятся частью преступной сети, и воспринимают происходящее как техническую или онлайн-работу, а осознание приходит уже тогда, когда они оказываются фигурантами уголовных дел, санкции по которым достигают шести лет лишения свободы [5].

Третья категория киберпреступлений в отношении несовершеннолетних – имущественные хищения и мошенничество – при всей ее кажущейся традиционности также претерпевает существенную трансформацию. Экономический ущерб от таких деяний исчисляется миллиардами рублей, но подлинная общественная опасность заключается не столько в денежном эквиваленте, сколько в том, что через хищение формируется первичный контакт, происходит тестирование защитных механизмов ребенка и его способности к критическому мышлению. Типичная схема выглядит следующим образом: злоумышленник предлагает ребенку виртуальный подарок, игровой бонус, прокачку аккаунта в обмен на передачу данных банковской карты родителей, совершение микроплатежа или установку модификации, которая на деле оказывается вредоносным программным обеспечением. Так, в Татарстане 16-летний подросток под предлогом необходимости очистки памяти получил удаленный доступ к телефону матери и под диктовку мошенников совершил действия, приведшие к хищению пятисот тысяч рублей. Другой случай – 9-летний школьник лишил семью двухсот шестидесяти тысяч рублей, будучи убежденным, что спасает родственников от неминуемой гибели. Мошенники исполь-

зуют психологическое давление, внушая детям страх за жизнь и безопасность близких, категорически запрещая рассказывать о содержании телефонных разговоров кому бы то ни было. Подростки искренне верят, что, выполняя инструкции кураторов, предотвращают катастрофу [6].

Четвертая категория угроз лежит в пограничной области между информационной безопасностью, детской психиатрией и уголовным правом. Речь идет о целенаправленном психологическом воздействии на несовершеннолетнего с целью формирования у него депрессивных, суицидальных настроений, расстройств пищевого поведения, оправдания насилия, отказа от традиционных ценностных ориентаций.

Общественная опасность киберпреступности в отношении несовершеннолетних носит многоуровневый характер и не может быть сведена к арифметической сумме ущербов по отдельным уголовным делам. На индивидуально-психологическом уровне последствия включают глубокую виктимную травму, сопровождающуюся чувством стыда, вины, собственной испорченности и необратимой утраты базового доверия к миру, взрослым, цифровой среде [7].

Подводя итог, необходимо констатировать, что киберпреступность в отношении несовершеннолетних перестала быть совокупностью разрозненных криминальных инцидентов. Она трансформировалась в системное социальное явление, интегрированное в архитектуру цифровых платформ, игровых сообществ, анонимных коммуникационных сервисов и активно использующее технологии искусственного интеллекта для повышения эффективности криминального воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева, О. Р. Киберпреступность в регионах России: современные тенденции и меры предупреждения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5(129). С. 34–47.

2. Денисенко, М. В. Предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 4(4). С. 14–20.

3. Гаджиева, А. А. Современная киберпреступность и проблемы ее профилактики // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 2. С. 116–120.

4. Молодежная преступность в условиях обеспечения цифровых форм безопасности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов: Першина Р. В., 2025. 115 с.

5. Кабанова, А. А. Методы противодействия киберпреступлениям против несовершеннолетних // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития. Чебоксары, 2023. С. 194-196.

6. Чайгуцкая, А. И. Понятие и виды преступности несовершеннолетних и молодежи; ее правовая, социальная и криминологическая характеристика // Гуманитарные и правовые проблемы современной России: материалы XX студенческой научно-практической конференции. Новосибирск, 2025. С. 119–121.

7. Марданова, Д. М. Актуальные вопросы предупреждения преступлений против несовершеннолетних, совершаемых в сети Интернет // Уголовно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности: взгляд молодежи: материалы научно-практической конференции. Москва: Московская академия следственного комитета, 2024. С. 179–185.

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРЕДИТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Мелешина Юлия Андреевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811831@ruc.su

EVOLUTION OF LEGISLATION ON LIABILITY FOR CREDIT CRIMES

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Meleshina Yulia Andreevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ развития законодательства об ответственности за преступления в сфере кредитования в России. Исследование охватывает период от первых упоминаний долговых обязательств в Русской Правде до современных норм Уголовного кодекса РФ. Авторами рассматриваются основные этапы становления и трансформации уголовно-правовых средств охраны кредитных отношений, выявляются закономерности развития законодательства, а также анализируются проблемы правоприменения и перспективы совершенствования действующих норм. Особое внимание уделяется сравнительному анализу дореволюционного, советского и постсоветского периодов регулирования ответственности за кредитные преступления.

Ключевые слова: кредитные преступления, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, история уголовного законодательства, Русская Правда, Устав о банкротах, Уложение о наказаниях, уголовно-правовая охрана кредитных отношений.

This article provides a comprehensive historical and legal analysis of the development of legislation regulating liability for crimes related to lending in Russia. The study covers the period from the first references to debt obligations in the Russian Pravda to

the current provisions of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors examine the main stages of the development and transformation of criminal-legal means of protecting credit relations, identify patterns of legislative development, and analyze problems of law enforcement and prospects for improving current regulations. Particular attention is paid to a comparative analysis of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods of regulation of liability for credit crimes.

Keywords: credit crimes, illegal obtaining of a loan, malicious evasion of repayment of creditor debt, history of criminal legislation, Russkaya Pravda, Bankruptcy Charter, Penal Code, criminal law protection of credit relations.

Законодательство о кредитных преступлениях прошло длительный путь эволюции, отражая закономерности экономического развития государства и изменения в характере общественных отношений. Понимание этой эволюции необходимо для выработки научно обоснованных подходов к совершенствованию действующих уголовно-правовых норм и повышению эффективности противодействия противоправным посягательствам в кредитной сфере [1].

Имущество человека в Русской Правде ценится дороже самого человека, его здоровья и безопасности. Поэтому имущественная безопасность и неприкосновенность собственности обеспечивалась в законе личностью человека, тогда как при убийстве наказание было менее суровым. Такая система ценностей отражала приоритеты раннефеодального общества, где экономическая стабильность и имущественные отношения играли ключевую роль в формировании государственности. Важно отметить, что нормы Русской Правды носили преимущественно частноправовой характер, однако наличие публичных элементов ответственности (например, уплата виры князю) свидетельствует о постепенном формировании протоуголовно-правовых механизмов охраны заемных отношений [2].

В последующие столетия развитие кредитных отношений и их правовой охраны продолжалось, отражая процессы централизации Русского государства и укрепления великокняжеской, а затем и царской власти. Судебники 1497 и 1550 годов, а также Соборное уложение 1649 года развивали положения об ответственности за нарушения в сфере имущественных отношений, однако специальных норм о кредитных преступлениях по-прежнему не содержали.

В этот период важное значение приобретают нормы о несостоятельности (банкротстве), которые можно рассматривать как исторические предшественники современных составов преступлений в кредитной сфере. Законодательство постепенно дифференцировало различные виды несостоятельности: несчастную (возникшую не по вине должника), неосторожную (возникшую вследствие халатности или неосмотрительности) и злостную (преднамеренную). Такая классификация имела принципиальное значение для определения характера ответственности должника и позволяла учитывать субъективную сторону деяния.

Интересно отметить, что именно в этот период формируются первые представления о банкротстве как о деянии, посягающем не только на частные интересы кредиторов, но и на публичный порядок осуществления торговой и финансовой деятельности. Купечество как особое сословие приобретает все большее значение для экономики государства, и защита кредитных отношений в купеческой среде становится предметом особой заботы законодателя.

Качественно новый этап в развитии законодательства об ответственности за кредитные преступления связан с имперским периодом российской истории, когда в условиях становления капиталистических отношений и развития банковской системы потребовалось более детальное и системное регулирование. Важной вехой стало принятие Вексельного устава 1729 года, который упорядочил вексельное обращение и установил ответственность за вексельные подлоги и злостное неплатеже по векселям.

Особое значение имел Устав о банкротах от 19 декабря 1800 года, который представлял собой первый в России специальный законодательный акт, комплексно регулирующий вопросы несостоятельности и устанавливающий ответственность за банкротство. Устав различал три вида банкротства: несчастное (происшедшее от непредвиденных обстоятельств), неосторожное (происшедшее по вине должника, но без умысла) и злостное (умышленное). Такая классификация стала основой для дифференциации ответственности и во многом предвосхитила современные подходы к определению субъективной стороны кредитных преступлений.

Злостное банкротство рассматривалось как уголовное преступление и влекло суровые наказания, включая тюремное заключение и лишение права заниматься торговлей. Устав также устанавливал ответственность за действия, способствующие банкротству, включая подлоги, сокрытие имущества и фальсификацию учетных документов. Примечательно, что уже в то время законодатель осознавал необходимость не только наказания виновных, но и защиты прав добросовестных кредиторов, что проявлялось в установлении очередности удовлетворения требований и механизмов конкурсного производства.

В 1832 году был принят новый Устав о торговой несостоятельности, который уточнил и развил положения предыдущего акта применительно к торговым отношениям. Устав детально регламенти-

ровал процедуры банкротства, устанавливал признаки несостоятельности и критерии разграничения различных видов банкротства. В этот же период принимаются акты, регулирующие деятельность кредитных учреждений и устанавливающие ответственность за злоупотребления в банковской сфере. Как отмечает А. Ю. Олимпиев, к 1 января 1898 года в России насчитывалось 511 учреждений краткосрочного и долгосрочного кредита, что требовало адекватного правового регулирования.

Важнейшим этапом стало принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года – первого систематизированного уголовного кодекса России. Уложение содержало специальные нормы, направленные на охрану кредитных отношений, включая ответственность за банкротство, подлог в кредитных операциях, злостное неплатеже по обязательствам и иные злоупотребления. Как отмечает Н. С. Таганцев, нормы о банкротстве и иных кредитных преступлениях были детально разработаны и учитывали различные формы виновного поведения должников [3].

Уложение 1845 года устанавливало ответственность как для физических лиц, так и для лиц, осуществляющих торговую деятельность. Предусматривались различные виды наказаний в зависимости от характера и тяжести деяния: от имущественных взысканий до тюремного заключения и лишения прав состояния. Особое внимание уделялось ответственности за злоупотребления доверием кредиторов, подлог в учетных документах и иные действия, направленные на сокрытие имущества или создание ложного представления о финансовом состоянии должника.

В 1860–1870-е годы, в период великих реформ Александра II, происходят существенные изменения в банковской системе России. Создаются частные коммерческие банки, акционерные земельные банки, городские кредитные общества. В 1872 году были выработаны общие правила и порядок открытия частных и общественных кредитных организаций, что способствовало росту числа кредитных учреждений. Развитие банковской системы сопровождалось и ростом злоупотреблений.

Октябрьская революция 1917 года и последующее установление советской власти привели к коренной ломке всей правовой системы, включая законодательство о кредитных отношениях. Декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 года банковское дело было объявлено государственной монополией, все частные банки национализированы. В условиях государственной монополии на банковскую деятельность и кредитование, а также плановой экономики, исключавшей частную инициативу, потребность в уголовно-правовой охране кредитных отношений существенно трансформировалась.

Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов не содержали специальных составов кредитных преступлений, подобных тем, что существовали в дореволюционном законодательстве. В условиях государственного планирования и распределения кредитных ресурсов, когда кредитование осуществлялось преимущественно государственными банками в соответствии с плановыми заданиями, преступления в кредитной сфере рассматривались как разновидность хозяйственных или должностных преступлений.

Так, УК РСФСР 1960 года содержал нормы об ответственности за должностные преступления (злоупотребление служебным положением, халатность), которые могли применяться в случаях нарушений в сфере кредитования, совершенных должностными лицами банков. Ответственность заемщиков – государственных предприятий и организаций – была преимущественно гражданско-правовой и административной, уголовное преследование применялось лишь в исключительных случаях, чаще всего при хищениях социалистической собственности.

В то же время в теории уголовного права советского периода исследователями разрабатывались вопросы ответственности за хозяйственные преступления, включая те, что могли совершаться в кредитной сфере. Однако отсутствие развитых рыночных отношений и частного кредитования не создавало потребности в выделении специальных составов кредитных преступлений. Лишь в конце 1980-х годов, с началом перестройки и легализацией кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, а затем и предпринимательства, возникла необходимость в возрождении уголовно-правовых средств охраны кредитных отношений, адекватных новым экономическим реалиям.

Переход к рыночной экономике в 1990-х годах потребовал создания нового уголовного законодательства, способного обеспечить защиту формирующихся рыночных отношений. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года в 1990-е годы были внесены многочисленные изменения и дополнения, однако комплексного регулирования ответственности за кредитные преступления так и не было создано. Эта задача была решена с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года.

УК РФ 1996 года впервые в истории российского уголовного законодательства закрепил специальные составы кредитных преступлений: ст. 176 «Незаконное получение кредита» и ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности». Основной целью этих уголовно-правовых норм является обеспечение благоприятных условий для поддержания стабильности банковской системы Российской Федерации и охрана интересов кредиторов.

Статья 176 УК РФ предусматривает ответственность за получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении, либо финансовом состоянии, если это деяние причинило крупный ущерб. Часть вторая этой статьи устанавливает ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Статья 177 УК РФ предусматривает ответственность за злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта. Как отмечается в юридической литературе, эта норма призвана защитить имущественные интересы кредиторов от недобросовестных действий должников, которые уклоняются от исполнения своих обязательств.

Существенной вехой в развитии законодательства о кредитных преступлениях стало принятие Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ, которым в УК РФ была введена ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования». Эта норма предусматривает ответственность за хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Выделение специального состава мошенничества в кредитной сфере было направлено на дифференциацию ответственности и более точную квалификацию деяний, посягающих на кредитные отношения [4].

Важным направлением совершенствования законодательства является гармонизация российских норм с международными стандартами и учетом положительного зарубежного опыта. Как отмечается в диссертационном исследовании М. Ю. Шаляпиной, сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства о противодействии кредитно-банковским преступлениям позволяет выявить наиболее эффективные модели правового регулирования и адаптировать их к российским условиям.

В контексте цифровизации экономики и развития новых форм кредитования (краудлендинг, онлайн-кредитование, микрокредитование) возникает потребность в адаптации существующих уголовно-правовых норм к новым реалиям. Цифровая трансформация кредитных отношений порождает новые виды рисков и новые формы противоправного поведения, которые не всегда охватываются традиционными составами преступлений. Это требует, как доктринального осмысления, так и законодательного реагирования.

Представляется важным учитывать исторический опыт правового регулирования кредитных отношений. Как показывает анализ, многие проблемы современного правоприменения имеют глубокие исторические корни. Еще в дореволюционной России исследователи отмечали сложности в доказывании субъективной стороны кредитных преступлений, проблемы разграничения различных форм несостоятельности, трудности в определении момента окончания преступления. По количеству хищений в особо крупных размерах и фактов мошенничества кредитно-финансовая сфера занимает первое место среди других областей экономики. Это обусловливает необходимость постоянного совершенствования уголовно-правовых средств противодействия противоправным посягательствам и повышения эффективности их применения.

Эволюция законодательства об ответственности за кредитные преступления в России представляет собой длительный и сложный процесс, отражающий закономерности развития экономических отношений и государственности. От первых упоминаний в Русской Правде о несостоятельных должниках, через детальную регламентацию банкротства в Уставе 1800 года и Уложении о наказаниях 1845 года, к современным нормам Уголовного кодекса РФ – этот путь демонстрирует постоянное стремление законодателя найти оптимальный баланс между защитой прав кредиторов и обеспечением справедливого отношения к должникам.

Исторический анализ позволяет выявить определенные закономерности и цикличность в развитии законодательства о кредитных преступлениях. Многие проблемы, с которыми сталкивается современный правоприменитель, были известны еще дореволюционному законодательству и правовой доктрине. Сложность доказывания субъективной стороны, разграничение различных видов несостоятельности, определение критериев злостности в поведении должника – эти вопросы обсуждались юристами на протяжении столетий [5].

Современное российское уголовное законодательство о кредитных преступлениях, представленное статьями 159.1, 176 и 177 УК РФ, создает необходимую правовую основу для противодействия противоправным посягательствам в кредитной сфере. Однако практика применения этих норм выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего совершенствования законодательства и развития теоретических представлений о кредитных преступлениях.

Перспективы развития законодательства об ответственности за кредитные преступления связаны с учетом исторического опыта, гармонизацией российских норм с международными стандартами, адаптацией к цифровой трансформации экономики, а также с совершенствованием законодательной техники и устранением существующих пробелов и противоречий. Важным направлением является и дальнейшая теоретическая разработка понятийного аппарата, признаков составов преступлений и критериев их разграничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестерова, С. С. К вопросу об уголовной ответственности за кредитные преступления // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1(200). С. 383–384.

2. Уголовное право в понятиях и терминах: учеб. пособие / [авт.-сост. Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров]; Саран. кооп. ин-т (фил.) РУК. Саранск: Редакционно-издательский центр МГПИ, 2019. 79 с.

3. Буренкова, О. Н. Правоприменительные особенности квалификации «кредитных» преступлений // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 302–305.

4. Сверчков, В. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. Москва, 2025. 421 с.

5. Российское уголовное право: Особенная часть : учебно-методическое пособие / В. Г. Громов, Е. О. Глухова, С. Н. Елисеева [и др.]. Саратов, 2025. 260 с.

УДК 343

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Орехин Вадим Игоревич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811832@ruc.su

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON THE LIABILITY OF MEDICAL WORKERS FOR PROFESSIONAL CRIMES IN RUSSIA

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Orekhin Vadim Igorevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье авторами рассматривается эволюция правового регулирования ответственности медицинских работников за совершение профессиональных преступлений в России. Анализируются основные этапы становления отечественного уголовного законодательства в данной сфере: от первых попыток систематизации врачебных ошибок в дореволюционный период до современных норм Уголовного кодекса РФ. Особое внимание уделяется влиянию социально-политических факторов на формирование составов преступлений, а также проблеме соотношения врачебной ошибки, несчастного случая и преступной халатности в различные исторические эпохи.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, история уголовного права, медицинские работники, профессиональные преступления, врачебная ошибка, дореволюционное законодательство, советский период, современное уголовное законодательство, халатность, ответственность медиков, ятрогения, неоказание помощи больному.

In this article, the authors examine the evolution of legal regulation of the liability of medical workers for committing professional crimes in Russia. The article analyzes the main stages in the development of domestic criminal legislation in this area: from the first attempts to systematize medical errors in the pre-revolutionary period to the modern norms of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the influence of socio-political factors on the formation of crimes, as well as to the problem of the relationship between medical error, accidents and criminal negligence in different historical eras.

Keywords: crime, criminal liability, history of criminal law, medical workers, professional crimes, medical error, pre-revolutionary legislation, Soviet period, modern criminal legislation, negligence, medical liability, iatrogenesis, failure to provide assistance to a patient.

Институт ответственности медицинских работников за профессиональные преступления является одним из наиболее сложных и дискуссионных в правовой науке. Это обусловлено спецификой медицинской деятельности, которая сопряжена с вторжением в организм человека, высоким риском неблагоприятных исходов и наличием таких категорий, как «врачебная ошибка» и «несчастный случай».

История развития законодательства об ответственности медиков в России отражает не только эволюцию уголовно-правовой мысли, но и изменение отношения государства и общества к ценности жизни и здоровья человека, уровню развития медицинской науки, а также степени доверия к врачебному сословию. Изучение исторического опыта позволяет выявить закономерности формирования современных правовых норм и спрогнозировать пути дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере [1, С. 123–125].

Зарождение элементов правового регулирования медицинской деятельности в России можно обнаружить уже в средневековых правовых источниках. Однако на ранних этапах ответственность носила преимущественно гражданско-правовой или дисциплинарный характер, а уголовное преследование за врачебные проступки не имело системного характера и базировалось на общих нормах о причинении вреда.

Соборное уложение 1649 года, будучи основным законом Московского государства, не содержало специальных статей, посвященных деятельности «лечцов». В случае смерти пациента от неправильного лечения ответственность наступала на общих основаниях, как за неосторожное убийство. Однако уже в этот период государство начинает проявлять интерес к контролю за медицинской практикой, что выражалось в ограничении деятельности иностранных врачей и требованиях к представлению свидетельств о квалификации [2, С. 155].

Переломным моментом в истории отечественного медицинского права стала эпоха реформ Петра I. Принятие Воинского артикула 1715 года ознаменовало собой первый опыт включения специальных норм об ответственности медиков в систематизированный военно-уголовный кодекс. Артикул 154 устанавливал суровое наказание для «лекаря», который «с умыслу» или из корысти отравит больного, предписывая колесование. Хотя эта норма касалась прежде всего умышленных действий, само выделение субъекта преступления (лекаря) имело огромное значение.

Кроме того, развитие медицинского дела при Петре I привело к созданию государственных органов управления медициной (Аптекарский приказ, затем Медицинская канцелярия), которые выполняли не только административные, но и судебно-медицинские функции. Врачи стали привлекаться к освидетельствованию потерпевших, что заложило основы для взаимодействия медицинского и судебного ведомств при расследовании преступлений, в том числе совершаемых самими медиками. В этот период начинает формироваться понятие профессионального стандарта, отступление от которого могло повлечь ответственность [3, С. 14].

Наиболее значимым этапом в развитии законодательства рассматриваемой сферы стала систематизация российского права в первой половине XIX века, завершившаяся принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Данный акт впервые в истории России содержал развернутую систему норм об ответственности медицинских работников. Уложение выделяло ответственность врачей, аптекарей и повивальных бабок в отдельные составы преступлений против жизни, здоровья и общественного благополучия.

Особый интерес представляет статья 870, которая устанавливала ответственность за «неоказание помощи больному» со стороны врача, приглашенного для лечения, что фактически закрепляло профессиональную обязанность как гарантию от бездействия. Важнейшей новеллой Уложения 1845 года стало разграничение умышленных и неосторожных деяний медиков. В частности, предусматривалась ответственность за «ошибку, невежество или употребление неправильных средств лечения», если это повлекло смерть или тяжкий вред здоровью пациента. Законодатель того времени пытался дифференцировать наказание в зависимости от степени вины и профессиональной компетенции, однако ключевая проблема заключалась в трудности доказывания самого факта врачебной ошибки и ее отграничения от стечения тяжелых обстоятельств или атипичного течения болезни. Данное уложение, несмотря на его громоздкость и казуистичность, заложило фундамент для всех последующих российских законов в этой области [4, С. 193].

Следующим шагом в развитии дореволюционного законодательства стало Уголовное уложение 1903 года, которое, хотя и не было введено в действие в полном объеме, отразило передовые для своего времени идеи юридической техники. Разработчики уложения стремились к большей абстракции норм, отказываясь от излишней детализации. Ответственность медицинских работников рассматривалась в контексте общих норм о причинении смерти или вреда здоровью по неосторожности, но с учетом профессионального статуса.

Кроме того, в Уложении более четко прослеживалась идея ответственности за нарушение специальных правил (врачебного устава, аптекарского устава), что делало бланкетный характер норм более выраженным. В дореволюционной России активно развивалась и судебно-медицинская экспертиза, а также медицинская общественность (общества врачей), которые оказывали существенное влияние на правоприменительную практику, нередко выступая в защиту коллег, действовавших в рамках утвержденных методик, но столкнувшихся с неудачным исходом лечения.

Революционные события 1917 года и установление советской власти привели к коренной ломке всей правовой системы, включая подходы к ответственности медиков. В первые послереволюционные годы наблюдался отказ от дореволюционных законов, однако потребность в регулировании медицинской деятельности возникла достаточно быстро. Руководство страны рассматривало здраво-

охранение как государственную функцию, а врача – как служащего, ответственного перед государством за качество своей работы.

Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов продолжили традицию выделения специальных составов, но с новой идеологической окраской. В них содержались нормы об ответственности за незаконное врачевание (знахарство), за заражение венерической болезнью, а также за халатное отношение врача к своим обязанностям, повлекшее тяжкие последствия. Халатность стала основной «рабочей» статьей, по которой привлекали медиков. При этом советское право и доктрина, особенно в сталинский период, характеризовались обвинительным уклоном. Врачебные дела нередко приобретали политическую окраску (например, печально известное «дело врачей»), а понятие «вредительство» в медицине позволяло квалифицировать действия врачей как контрреволюционные. Такая практика подрывала принцип объективности расследования профессиональных преступлений, ставя во главу угла идеологическую целесообразность, а не поиск истины [5, С. 15].

Период «оттепели» и последующие десятилетия развития советского законодательства ознаменовались некоторой гуманизацией и возвратом к юридическому формализму. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, действовавший вплоть до распада СССР, содержал ряд статей, непосредственно касавшихся медицинских работников. Статья 128 предусматривала ответственность за незаконное врачевание как занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования.

Особое место занимала статья 115 «Неоказание помощи больному», которая устанавливала ответственность не только для медицинских работников, но и для иных лиц, обязанных ее оказывать. Советская правовая наука активно разрабатывала критерии разграничения врачебной ошибки (невиновного причинения вреда) и преступной халатности (виновного деяния). Считалось, что врачебная ошибка – это добросовестное заблуждение врача, основанное на несовершенстве методов диагностики или атипичном течении болезни, и она не влечет уголовной ответственности. Однако на практике грань оставалась размытой, и многое зависело от заключения судебно-медицинской экспертизы. В поздний советский период наблюдается тенденция к более тщательному расследованию ятрогенных заболеваний и смертей, но дела по-прежнему возбуждались нечасто из-за ведомственной круговой поруки и нежелания дискредитировать советскую медицину.

Современный этап развития законодательства начинается с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году, который вступил в силу с 1 января 1997 года. Действующий УК РФ пошел по пути размещения норм об ответственности медиков в различных главах, что отражает многообразие объектов посягательства. Специальные составы, касающиеся исключительно медицинских работников, рассредоточены по кодексу. В главе о преступлениях против жизни и здоровья содержится статья 124 «Неоказание помощи больному» (наследница советской нормы) и статья 123 «Незаконное производство аборта». В главе о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности расположены статьи, устанавливающие ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности (ст. 235), незаконную выдачу либо подделку рецептов (ст. 233), а также за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236). Большая группа деяний медицинских работников квалифицируется по общим составам: причинение смерти по неосторожности (ст. 109), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118), халатность (ст. 293). Именно эти «общие» статьи сегодня наиболее часто применяются в отношении врачей, допустивших фатальные ошибки [6, С. 35].

Важнейшей тенденцией последних двух десятилетий является криминализация новых видов медицинской деятельности. Развитие репродуктивных технологий, трансплантологии, генной инженерии и фармакологии потребовало адекватного правового ответа.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ УК РФ был дополнен статьей 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации». Хотя эта норма редко применяется, само ее появление указывает на стремление законодателя защитить жизнь и здоровье человека от злоупотреблений в этой сфере. Дискуссии о необходимости введения специальной статьи за «врачебную ошибку» или «ятрогенное преступление» продолжаются в научной среде, однако законодатель пока идет по пути ужесточения санкций существующих статей. Введение в 2011 году части 2 статьи 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей) с более строгим наказанием, а также аналогичных квалифицирующих признаков в статью 118, усилило ответственность именно профессиональных субъектов, к которым относятся и врачи.

Особенностью современного этапа является также активное развитие правоприменительной практики и рост числа возбуждаемых уголовных дел в отношении медицинских работников. Это связано с

повышением правовой грамотности населения, доступностью платных медицинских услуг (что формирует у пациентов требования к качеству как к услуге) и активной позицией Следственного комитета РФ, в структуре которого созданы специализированные отделы по расследованию ятрогенных преступлений.

Введение в действие Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ закрепило права пациентов и обязанности медиков, что создало нормативную базу для привлечения последних к ответственности в случае нарушения этих прав. Таким образом, законодательство и практика его применения вступили в фазу активной динамики, отражающей сложный баланс между защитой прав пациентов и обеспечением гарантий для врачей, действующих в условиях риска [7, С. 128].

Исторический анализ развития законодательства об ответственности медицинских работников в России позволяет сделать вывод о его поступательном, но неравномерном развитии. Зародившись в недрах общего уголовного права, нормы о врачебных преступлениях постепенно обособлялись, отражая усложнение медицинской практики и общественную значимость профессии врача. От первых казуистичных постановлений Воинского артикула через детальную регламентацию в Уложении 1845 года к современным бланкетным нормам УК РФ – этот путь демонстрирует постоянный поиск законодателем оптимальной формулы соотношения вины и случая в медицине. Советский период внес в это развитие идеологическую составляющую, но одновременно закрепил традицию уголовно-правовой охраны жизни и здоровья пациента от небрежности медицинского персонала. Современное российское законодательство, интегрируя дореволюционный и советский опыт, а также учитывая вызовы нового времени, продолжает совершенствоваться.

Основной тенденцией сегодняшнего дня является дифференциация ответственности (выделение профессиональных квалифицирующих признаков) и криминализация деяний в новых областях медицинской деятельности. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на выработку четких правовых критериев врачебной ошибки, совершенствование механизмов судебно-медицинской экспертизы и обеспечение справедливого баланса между интересами пациента и сохранением условий для эффективной врачебной деятельности, невозможной без определенной доли профессионального риска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галандаров, А. А. Медицинская ошибка и ответственность медицинских работников // Cognitio Rerum. 2025. № 11. С. 123–125.

2. Соболева, М. В. Институт платных медицинских услуг в российском праве: история, сравнительный анализ и перспективы развития. Нижний Новгород, 2026. 236 с.

3. Гелах, М. И. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные преступления // Студенческий вестник. 2025. № 1-5(334). С. 12–15.

4. Седова, Н. П. Правовая ответственность медицинских работников за вред, причиненный жизни и здоровью пациентов // Ученые записки. 2023. № 1(45). С. 191–194.

5. Батаева, О. А. Уголовная ответственность медицинских работников за вред, причиненный здоровью пациента // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики. Саранск, 2024. С. 12–15.

6. Тер-Овакимян, А. А. Эволюция обстоятельств, исключающих уголовную ответственность медицинских работников // Медицинское право. 2024. № 4. С. 34–37.

7. Стенина, С. А. Эволюция праворегулирования ответственности за врачебные ошибки (анализ эволюции) // Актуальные научные исследования : сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 193–199.

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОТ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА ДО СОВРЕМЕННОГО УК РФ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Студеникина Ирина Владимировна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811208@ruc.su

THE EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD IN RUSSIAN LAW: FROM ANCIENT LEGAL DOCUMENTS TO THE MODERN CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Studenikina Irina Vladimirovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится историко-правовой анализ становления и развития норм об уголовной ответственности за мошенничество в России. Исследование охватывает период от первых упоминаний об имущественном обмане в древнерусских правовых источниках до современной дифференцированной системы составов в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года. Особое внимание уделяется изменению юридических конструкций, способов совершения преступления, мер наказания и проблемам квалификации на каждом историческом этапе.
Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, мошенничество, эволюция ответственности, уголовное законодательство, исторический анализ, обман, злоупотребление доверием, хищение, квалификация.

The article provides a historical and legal analysis of the formation and development of norms on criminal liability for fraud in Russia. The study covers the period from the first mentions of property fraud in ancient Russian legal sources to the modern differentiated system of offences in the Criminal Code of the Russian Federation of 1996. Particular attention is paid to changes in legal structures, methods of committing crimes, penalties and problems of qualification at each historical stage.
Keywords: crime, criminal liability, fraud, evolution of liability, criminal legislation, historical analysis, deception, breach of trust, theft, qualification.

Актуальность исследования эволюции уголовной ответственности за мошенничество обусловлена не только высокой распространенностью этого преступления, но и его постоянной трансформацией, адаптацией к новым экономическим отношениям и технологическим возможностям.

Понимание исторических корней и логики развития правовых норм позволяет глубже осмыслить современные конструкции составов, выявить устойчивые и изменчивые признаки деяния, а также прогнозировать дальнейшие направления совершенствования законодательства [1, С. 37].

На ранних этапах развития русского права мошенничество не выделялось в самостоятельный состав преступления. В Русской Правде (краткой и пространной редакциях) имущественные преступления охватывались понятием «татьба» (кража). Хотя специальных статей об обмане нет, некоторые виды обманных действий могли подпадать под иные нормы, например, о «продаже» (мошенническом сбыте краденого) или обмане при торговых сделках, что влекло гражданско-правовые последствия в виде штрафа.

Более четкое указание на обман появляется в Судебниках 1497 и 1550 годов. В них сохраняется общий термин «татьба», но появляется дифференциация наказаний в зависимости от обстоятельств. Хотя прямой формулировки «мошенничество» еще нет, контекстно упоминаются «обманные» действия, связанные с присвоением имущества. Казуальный характер законодательства того периода не требовал абстрактного определения; ответственность наступала за конкретные описанные в законе случаи обмана.

Переломным моментом стало Соборное уложение 1649 года. В главе XXI «О разбойных и о татиных делах» статья 11 предписывала: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу». Это первое в российском законодательстве прямое упоминание «мошенников» как особой категории преступников. Однако понятие не раскрывалось, и норма носила отсылочный характер, приравнивая мошенничество к татьбе (краже) в части наказания. По сути, мошенничество понималось как разновидность хищения, совершаемого без насилия, но с помощью обмана. Таким образом, в средневековом праве мошенничество начало обособляться от простой кражи, но еще не приобрело четкой юридической конструкции [2, С. 264].

В имперский период происходит законодательное оформление мошенничества как отдельного преступления. Важнейшим актом стал Указ от 3 апреля 1781 года «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих…». В нем впервые дается развернутое определение: мошенничество есть «всякое посредством каких-либо обманов, вымыслов или уловок… присвоение чужой собственности». Указ выделял различные виды обмана (в игре, при продаже, посредством фальшивых документов и т.д.) и устанавливал конкретные санкции, часто сопряженные с телесными наказаниями и клеймением. Это был шаг от казуальности к генерализации нормы [3, С. 88].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакциях 1857, 1866, 1885 гг.) систематизировало нормы о мошенничестве. Оно определяло его как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество посредством обмана». Ключевым новшеством стало включение в предмет преступления не только имущества, но и права на имущество, что расширило сферу применения нормы. Уложение детализировало способы обмана (обман в качестве, количестве, личности, злоупотребление доверием) и ввело квалифицирующие признаки (совершение лицом, которому имущество было вверено, причинение значительного ущерба). Наказания варьировались от кратковременного ареста до каторги.

Завершением развития дореволюционного законодательства стало Уголовное уложение 1903 года, которое, хотя и не было полностью введено в действие, оказало большое влияние на доктрину. Оно содержало более современную и лаконичную формулировку: «Виновный в приобретении с корыстной целью имущества или права на имущество посредством обмана…». Уложение четко разделяло мошенничество и присвоение, выделяло стадии совершения преступления (покушение, оконченный состав), что свидетельствовало о высокой степени юридической техники [4, С. 51].

Советское уголовное право унаследовало многие конструкции дореволюционного, но переработало их в соответствии с идеологическими и экономическими реалиями. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 187 определял мошенничество как «получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана». Здесь впервые в легальном определении появилось «злоупотребление доверием» как альтернативный обману способ. Кодекс делал акцент на корыстной цели и причинении ущерба, что соответствовало классовому подходу к охране социалистической собственности.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (ст. 169) сохранил это определение, но уже в рамках общей главы о преступлениях против собственности. В дальнейшем, в 1930-е годы, вводились специальные нормы о «чековом мошенничестве» (ст. 169а), что отражало борьбу с экономическими преступлениями в условиях государственного регулирования хозяйства.

Наиболее развитой советской кодификацией стал Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. Ст. 147 УК РСФСР 1960 г. давала классическое определение: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Норма была помещена в главу «Преступления против социалистической собственности», а аналогичная ст. 93-1 – в главу «Преступления против личной собственности», что отражало дуализм охраны собственности в СССР. Законодатель детализировал квалифицированные составы (совершение группой лиц, повторно, в крупном размере), а также ввел ответственность за мошенничество, совершенное в отношении государственного или общественного имущества, с более строгими санкциями [5, С. 115].

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года ознаменовало новый этап. Базовая норма была закреплена в ст. 159: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Первоначальная редакция содержала семь частей, предусматривающих простой, квалифицированные и особо квалифицированные составы (с учетом размера ущерба, совершения группой лиц, использования служебного положения и т.д.).

Динамичное развитие экономических отношений и появление новых сложных способов обмана привели к масштабной дифференциации ответственности. В 2003–2016 годах законодатель выделил целый ряд специальных составов, образовав «мошеннический блок» статей:

– ст. 159.1 УК РФ – мошенничество в сфере кредитования;

– ст. 159.2 УК РФ – мошенничество при получении выплат;

– ст. 159.3. УК РФ – мошенничество с использованием электронных средств платежа;

– ст. 159.5. УК РФ – мошенничество в сфере страхования;

– ст. 159.6. УК РФ – мошенничество в сфере компьютерной информации.

Эта дифференциация позволила более точно описать объективную сторону преступлений в конкретных сферах, упростив квалификацию и доказывание. Однако она же породила проблемы разграничения общей и специальных норм, а также привела к некоторой фрагментации понятия мошенничества [6, С. 83].

Современный этап характеризуется также ужесточением санкций, особенно за мошенничество в крупном и особо крупном размерах, что отражает повышенную общественную опасность экономических преступлений. Параллельно идет активное развитие судебного толкования способов обмана и злоупотребления доверием в условиях цифровой экономики (фишинг, социальная инженерия, мошенничество с криптоактивами) [7, С. 39].

Проведенный анализ позволяет выделить магистральные тенденции в эволюции уголовной ответственности за мошенничество в России.

1. От недифференцированности к специализации: от включения в понятие «татьбы» через обособление общего состава к созданию разветвленной системы специальных норм.

2. Расширение предмета преступления: от хищения конкретного имущества к приобретению права на имущество, а затем к охвату нематериальных активов в цифровой форме.

3. Конкретизация способов: от общего указания на обман к детальному описанию различных его форм (активный, пассивный) и признанию злоупотребления доверием в качестве самостоятельного способа.

4. Усложнение системы квалифицирующих признаков: от простого приравнивания к краже к многоуровневой градации в зависимости от размера ущерба, способа совершения, личности преступника и потерпевшего.

5. Изменение целей наказания: от устрашающих и телесных кар в древности к мерам, сочетающим лишение свободы, крупные штрафы и конфискацию, направленным на компенсацию ущерба и пресечение экономической преступности.

Современное законодательство демонстрирует высокую адаптивность к новым рискам, однако дальнейшее развитие, вероятно, потребует не только создания новых специальных составов, но и гармонизации общего понятия мошенничества, чтобы избежать противоречий и пробелов. Исторический опыт показывает, что норма об ответственности за мошенничество всегда была и остается «живой» конструкцией, чутко реагирующей на изменения в общественных отношениях и технологическом укладе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Том Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

2. Рарог, А. И. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. Москва, 2024. 624 с.

3. Комиссаров, В. С. Преступления против собственности: криминологический и уголовно-правовой анализ. Санкт-Петербург, 2022. 125 с.

4. Яшина, Д. Д. Историческая ретроспектива становления уголовной ответственности за мошенничество в Российской Федерации // Актуальные проблемы права. 2024. № 1. С. 45–52.

5. Гладких, В. И. Эволюция норм об ответственности за мошенничество в российском уголовном законодательстве // Вестник университета. 2021. № 3. С. 112–118.

6. Архипов, А. В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России // Юридическая наука и практика. 2021. № 4. С. 78–84.

7. Примаков, А. Н. История возникновения и развития уголовной ответственности за мошенничество: опыт российского законодательства // Вестник МВД России. 2024. № 2. С. 34–40.

УДК 343

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Усачева Алина Владимировна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st811819@ruc.su

THE SUBJECT OF THE CRIME AND ITS CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Usacheva Alina Vladimirovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается предмет преступления как один из дискуссионных элементов состава преступления в науке уголовного права. Анализируются различные теоретические подходы к определению понятия предмета преступления, его соотношение с объектом преступного посягательства, а также проблема отграничения от смежных категорий – орудий и средств совершения преступления. Особое внимание уделяется уголовно-правовому значению предмета преступления для квалификации деяний, разграничения составов преступлений и индивидуализации наказания. На основе анализа современных тенденций развития уголовного законодательства, связанных с появлением новых видов предметов (криптовалюта, компьютерная информация, цифровые активы), обосновывается необходимость дальнейшего теоретического осмысления данной категории.

Ключевые слова: предмет преступления, объективные признаки преступления, объект преступления, состав преступления, теория уголовного права, квалификация преступлений.

This article examines the subject of a crime as one of the controversial elements of a crime's corpus delicti in criminal law. Various theoretical approaches to defining the concept of the subject of a crime, its relationship to the object of the criminal offense, and the problem of distinguishing it from related categories-criminal instruments and means-are analyzed. Particular attention is paid to the criminal-legal significance of the subject of the crime for the qualification of acts, the differentiation of crimes and the individualization of punishment. Based on an analysis of modern trends in the development of criminal legislation related to the emergence of new types of objects (cryptocurrency, computer information, digital assets), the need for further theoretical understanding of this category is substantiated.

Keywords: subject of a crime, objective elements of a crime, object of a crime, elements of a crime, theory of criminal law, qualification of crimes.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации закрепляет принцип, согласно которому основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все призна-

ки состава преступления, предусмотренного законом. Данное положение прямо закреплено в ст. 8 Уголовный кодекс Российской Федерации, что подчёркивает исключительную значимость точного установления каждого элемента состава преступления. В структуре состава преступления традиционно выделяются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Однако в рамках объективной стороны важное место занимает предмет преступления, который в ряде случаев приобретает конструктивное и квалифицирующее значение [1, С. 85].

Предмет преступления представляет собой материальные вещи либо иные ценности, на которые непосредственно направлено преступное воздействие виновного лица. Через воздействие на предмет причиняется вред охраняемым общественным отношениям, составляющим объект преступления. Следовательно, предмет преступления выступает своеобразным посредником между деянием и общественными отношениями, которым причиняется ущерб.

В теории уголовного права отсутствует абсолютное единство в понимании данной категории. Одни исследователи ограничивают предмет преступления исключительно вещами материального мира, обладающими физическими свойствами. Другие полагают, что к предмету следует относить также безналичные денежные средства, имущественные права, информацию, цифровые активы и иные объекты гражданского оборота, если на них может быть направлено преступное воздействие. Расширительное толкование обусловлено трансформацией экономических и социальных процессов, развитием электронных расчётов, виртуальных платформ и новых форм имущественного оборота.

Предмет преступления обладает рядом характерных признаков. Прежде всего он имеет конкретизированный характер и поддаётся индивидуализации. Далее, он связан с определённым объектом уголовно-правовой охраны и выступает материальной основой соответствующих общественных отношений. Кроме того, на предмет оказывается непосредственное воздействие при совершении преступления. Наконец, в ряде случаев законодатель прямо указывает на предмет в диспозиции нормы, тем самым придавая ему обязательное значение для квалификации.

Значение предмета преступления особенно очевидно в преступлениях против собственности. При хищении предметом выступает чужое имущество, обладающее стоимостью и находящееся в гражданском обороте. Стоимость имущества определяет размер ущерба и влияет на квалификацию деяния как совершённого в значительном, крупном или особо крупном размере. Таким образом, количественные характеристики предмета преступления напрямую связаны с дифференциацией уголовной ответственности.

Не менее важен предмет преступления в преступлениях против общественной безопасности. Так, при незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или наркотических средств именно свойства соответствующих предметов определяют повышенную общественную опасность деяния. Отсутствие признаков, позволяющих отнести изъятый объект к числу запрещённых или ограниченных в обороте, исключает наличие состава преступления.

Существенное теоретическое значение имеет разграничение предмета преступления и объекта преступления. Объект отражает социальную сущность преступления и выражает общественные отношения, которым причиняется вред. Предмет же представляет собой материальное воплощение этих отношений. Например, при посягательстве на отношения собственности объектом являются имущественные отношения, а предметом – конкретная вещь или имущественное право. Воздействуя на вещь, виновный причиняет вред общественным отношениям собственности [2, С. 143].

В практическом аспекте правильное установление предмета преступления имеет решающее значение для квалификации деяния. Неверное определение предмета способно привести к ошибочной правовой оценке содеянного. Так, признание имущества бесхозяйным при отсутствии законных оснований может повлечь необоснованное освобождение лица от уголовной ответственности за хищение. Аналогично неправильная оценка правового режима определённых веществ может привести к необоснованному привлечению к ответственности либо, напротив, к её исключению.

Предмет преступления необходимо отличать от орудий и средств его совершения. Орудия – это предметы материального мира, при помощи которых осуществляется преступное воздействие. Они используются виновным для достижения преступного результата, но не являются тем, на что направлено посягательство. Например, при разбое предметом является имущество потерпевшего, а оружие выступает орудием преступления. Подмена этих понятий может привести к неправильному решению вопроса о квалификации и конфискации имущества.

Следует также разграничивать предмет преступления и потерпевшего. Потерпевший – это физическое или юридическое лицо, которому причинён вред преступлением. Предмет же – это материальная или иная ценность, на которую направлено преступное воздействие. В ряде случаев данные категории пересекаются, однако не совпадают по своему содержанию [3, С. 331].

Особое значение предмет преступления приобретает при разграничении смежных составов. Например, различие между кражей, мошенничеством и присвоением во многом связано с особенностями обращения с предметом и способом его изъятия. В преступлениях экономической направленности специфика предмета нередко позволяет отграничить преступное деяние от гражданско-правового спора.

Кроме того, предмет преступления может выступать квалифицирующим признаком. Законодатель связывает усиление уголовной ответственности с особыми свойствами предмета: его стратегическим значением, культурной ценностью, принадлежностью к объектам, изъятым из гражданского оборота. Таким образом, через характеристику предмета осуществляется дифференциация уголовной ответственности [4, С. 135].

В современных условиях цифровизации возрастает значение признания предметом преступления безналичных денежных средств, электронных платёжных инструментов, цифровых финансовых активов. Преступления в сфере информационных технологий демонстрируют необходимость адаптации традиционных теоретических подходов к новым экономическим реалиям. Воздействие на цифровые активы способно причинять реальный имущественный вред, что требует их признания самостоятельным предметом преступления.

Важным аспектом является влияние предмета преступления на индивидуализацию наказания. Суд, назначая наказание, учитывает характер и степень общественной опасности деяния, а также обстоятельства его совершения. Стоимость предмета, его значимость для потерпевшего, возможность восстановления нарушенных прав – все эти факторы опосредованно влияют на справедливость судебного решения [5, С. 88–89].

Отсутствие предмета преступления в случаях, когда он является обязательным признаком состава, исключает уголовную ответственность. Это подчёркивает необходимость его тщательного установления на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. Доказывание признаков предмета преступления нередко требует проведения экспертиз, оценки рыночной стоимости, установления правового режима соответствующих объектов.

Дополнительно следует отметить, что предмет преступления играет существенную роль при установлении момента окончания преступления. В ряде составов именно фактическое изъятие или обращение предмета в пользу виновного свидетельствует о завершённости преступного посягательства. До тех пор, пока виновный не получил реальную возможность распоряжаться предметом, содеянное может рассматриваться как покушение. Таким образом, характеристики предмета и степень установления над ним контроля напрямую влияют на решение вопроса о стадии совершения преступления [6, С. 57].

Предмет преступления имеет значение и при определении размера причинённого вреда. Оценка стоимости имущества, его состояния, рыночной цены на момент совершения деяния нередко становится ключевым доказательственным элементом в уголовном процессе. Судебно-товароведческие и финансово-экономические экспертизы позволяют установить количественные параметры предмета преступления, что, в свою очередь, влияет на квалификацию содеянного и пределы санкции. Ошибки в оценке предмета могут повлечь существенные нарушения прав участников процесса.

Особую сложность представляет установление предмета преступления в случаях посягательства на нематериальные блага, имеющие имущественную природу. Развитие электронных платёжных систем, дистанционного банковского обслуживания и цифровых платформ приводит к тому, что преступное воздействие всё чаще направлено на безналичные денежные средства и цифровые активы. Несмотря на отсутствие традиционной вещественной формы, такие объекты обладают экономической ценностью и способны выступать предметом преступления, что подтверждается складывающейся правоприменительной практикой [7, С. 330].

Следует также учитывать, что предмет преступления может изменять свои свойства в процессе совершения деяния. Например, при незаконном изготовлении или переработке определённых веществ первоначальный объект воздействия приобретает новые характеристики и правовой режим. В подобных случаях для правильной квалификации требуется установление момента, когда предмет приобрёл признаки, указанные в уголовно-правовой норме. Это подчёркивает динамический характер рассматриваемой категории и необходимость её тщательного анализа в каждом конкретном деле [8, С. 223].

Таким образом, предмет преступления является важной уголовно-правовой категорией, обеспечивающей конкретизацию преступного посягательства и позволяющей правильно квалифицировать содеянное. Его значение проявляется в разграничении смежных составов, дифференциации уголовной ответственности, индивидуализации наказания и формировании единообразной правоприменительной практики. В условиях развития новых форм имущественных и информационных отношений значение предмета преступления продолжает возрастать, что требует дальнейшего совершенствования теоретических подходов и судебной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандурова, Е. А. Предмет преступления: значение и отличие от смежных категорий // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам LXXVII международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2023. С. 80–90.
2. Российское уголовное право: Особенная часть : учебно-методическое пособие / В. Г. Громов, Е. О. Глухова, С. Н. Елисеева [и др.]. Саратов: Саратовский источник, 2025. 260 с.
3. Евтушенко, И. И. Понятие и место предмета преступления в конструкции состава преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 326–333.
4. Кулешова, А. В. О криминалистической классификации преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3(106). С. 133–138.
5. Уголовное право. Общая часть : Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям / И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько [и др.]. Москва, 2025. 284 с.
6. Хилюта, В. В. Предмет преступления в уголовном праве: противоречия теоретических конструкций // Юстиция Беларуси. 2025. № 9. С. 56–63.
7. Евтушенко, И. И. Понятие и место предмета преступления в конструкции состава преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 326–333.
8. Герасимов, А. М. Объект преступления и его соотношение с предметом посягательства и потерпевшим // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 220–226.
9. Иванова, А. А. Проблемы определения понятия «объект преступления» в современном уголовном праве // Молодой ученый. 2024. № 27 (526). С. 149–151.

УДК 343.61

УБИЙСТВО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА: ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Чалдышев Даниил Александрович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su; st809215@ruc.su

MURDER IN THE STATE OF PASSION: LEGAL QUALIFICATION AND FEATURES OF JUDICIAL REVIEW

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor
Chaldyshev Daniil Alexandrovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексное междисциплинарное исследование убийства, совершённого в состоянии аффекта, как уголовно-правового феномена. Авторы анализируют историческую эволюцию законодательного регулирования аффекта, психологические и психофизиологические механизмы возникновения данного состояния, а также его закрепление в действующей редакции ст. 107 УК РФ. Особое внимание уделяется правовой классификации аффективного убийства по элементам состава преступления, процессуальным особенностям рассмотрения таких дел и проблемам доказывания. На основе анализа доктринальных источников и обобщения судебной практики формулируются критерии разграничения убийства в состоянии аффекта со смежными составами (ст. 105, 108, 114 УК РФ) и предлагаются пути совершенствования правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: убийство, аффект, ст. 107 УК РФ, физиологический аффект, история уголовного права, психофизиология, судебная экспертиза, уголовный процесс, квалификация преступлений.

The article presents a comprehensive interdisciplinary study of murder committed in the state of passion as a criminal law phenomenon. The authors analyze the historical evolution of legislative regulation of affect, the psychological and psychophysiological mechanisms of this condition, as well as its consolidation in the current version of Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal classification of affective murder according to the elements of the crime, procedural features of such cases and problems of proof. Based on the analysis of doctrinal sources and judicial practice, criteria are formulated for distinguishing murder in the state of passion from related offenses (Articles 105, 108, 114 of the Criminal Code of the Russian Federation), and ways to improve law enforcement activities are proposed.

Keywords: murder, affect, Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, physiological affect, history of criminal law, psychophysiology, forensic examination, criminal procedure, qualification of crimes.

Актуальность обращения к теме убийства, совершённого в состоянии аффекта, продиктована не столько статистической распространённостью данного деяния, сколько особой сложностью его правовой оценки, которая напрямую влияет на судьбу человека и справедливость приговора. Как справедливо отмечается в обзорах судебной практики Верховного Суда РФ, ежегодно по ст. 107 УК РФ осуждается сравнительно небольшое число лиц – порядка 200–300, однако именно по этой категории дел неизменно высок процент переквалификаций в апелляционном и кассационном порядке. Это свидетельствует о том, что правоприменители испытывают серьёзные затруднения в установлении признаков аффекта и отграничении его от сходных уголовно-правовых институтов. Социальная зна-

чимость правильной квалификации определяется колоссальной разницей в санкциях: наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ – лишение свободы от шести до пятнадцати лет, тогда как по ст. 107 УК РФ оно не превышает трёх лет лишения свободы, а может быть и вовсе не связано с изоляцией от общества. Таким образом, квалификация становится буквально вопросом свободы человека, что требует от законодателя и судов предельной чёткости.

Историко-правовой анализ института аффекта в отечественном уголовном законодательстве позволяет проследить эволюцию представлений о роли эмоционального состояния виновного в оценке преступления. В дореволюционном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года не существовало самостоятельного состава убийства в состоянии аффекта, однако сильное душевное волнение учитывалось как обстоятельство, смягчающее ответственность. Уголовное уложение 1903 года в ст. 455 уже выделяло убийство, совершённое «в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием, тяжким оскорблением или иным противозаконным действием». В первые годы советской власти Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года также учитывали аффект, хотя и не выделяли его в отдельный состав. УК РСФСР 1922 года в ст. 143 содержал норму об убийстве, совершённом в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением. В последующем УК РСФСР 1960 года (ст. 104) сохранил этот подход, но ужесточил условия применения, введя требование, чтобы действия потерпевшего были именно противозаконными. Современный УК РФ 1996 года в ст. 107 расширил перечень провоцирующих факторов, добавив «иные противоправные или аморальные действия (бездействие)», а также «длительную психотравмирующую ситуацию». Как подчёркивает С. В. Бородин, эта эволюция отражает стремление законодателя более полно учесть психологические особенности поведения человека, оказавшегося в экстремальной виктимной ситуации [3, с. 114].

Психологические и психофизиологические аспекты состояния аффекта являются фундаментом для его правового понимания. В психологии аффект (от лат. affectus – душевное волнение, страсть) определяется как кратковременная, чрезвычайно интенсивная эмоциональная реакция взрывного характера, которая захватывает всю психику человека и сопровождается резко выраженными двигательными и вегетативными проявлениями. Как отмечает А. Ю. Богдановский, ключевыми характеристиками физиологического аффекта выступают: «внезапность возникновения, кратковременность протекания (от нескольких секунд до нескольких минут), высокая интенсивность, сужение сознания с нарушением способности к восприятию и оценке ситуации в полном объёме, а также последующее психофизическое истощение» [1, с. 78]. В состоянии аффекта происходит своеобразное «выключение» лобных долей коры головного мозга, ответственных за произвольную регуляцию поведения и критическую оценку, что делает действия человека импульсивными, стереотипными и часто неадекватными реальной обстановке.

В теории уголовного права и в судебной практике принципиально важно различать два вида аффекта: физиологический и патологический. Это различие определяет судьбу человека – будет он признан виновным или невменяемым. Физиологический аффект, о котором мы говорили выше, не делает человека безумным в медицинском смысле. Да, его сознание сужается, воля ослабевает, он хуже контролирует себя, но он всё ещё отдаёт отчёт в своих действиях хотя бы частично. Поэтому такой человек признаётся вменяемым, хотя его состояние и учитывается как смягчающее обстоятельство, а в ряде случаев – как основание для применения привилегированной статьи 107 УК РФ. Патологический аффект – это совсем другое. Это уже не просто сильное душевное волнение, а временное болезненное расстройство психики, похожее на кратковременный психоз. Человек в таком состоянии полностью теряет способность понимать, что он делает, и управлять своими поступками. Он действует как автомат, и после выхода из этого состояния часто ничего не помнит. С точки зрения уголовного закона такой человек признаётся невменяемым, а значит, его нельзя привлечь к уголовной ответственности. Вместо наказания суд может назначить принудительные меры медицинского характера. Как точно замечает А. Н. Попов, для уголовного права важен «не любой аффект, а только тот, который вызван конкретной причиной – противоправным или аморальным поведением самого потерпевшего». И вдобавок сам аффект (имеется в виду физиологический) должен быть установлен как достоверный факт, а не домысел [2, с. 45]. То есть суд не может просто предположить, что человек был в аффекте, – нужны убедительные доказательства, чаще всего заключение экспертизы.

Само понятие аффекта как обстоятельства, меняющего квалификацию убийства, закреплено в российском законе статьёй 107 Уголовного кодекса. Эта статья находится в главе о преступлениях против жизни и здоровья, и она устроена необычно. Обычно смягчающие обстоятельства просто перечисляются в Общей части и учитываются при назначении наказания. Но здесь законодатель пошёл дальше: он сделал аффект не просто смягчающим обстоятельством, а квалифицирующим признаком,

который образует самостоятельный, так называемый привилегированный состав преступления. То есть убийство в состоянии аффекта – это не убийство по статье 105 со скидкой на эмоции, а отдельное преступление с собственной санкцией, которая гораздо мягче, чем за простое убийство.

Часть первая статьи 107 УК РФ описывает ситуацию, которую в теории считают классической для этого состава. Речь идёт об убийстве, совершённом человеком в момент, когда его захлестнуло внезапно возникшее сильное душевное волнение. Законодатель не случайно добавил слово «внезапно» – это важный момент. Аффект не может быть запланированным или отсроченным, он накрывает человека сразу, как непосредственная реакция на то, что сделал потерпевший. Но одного только внутреннего состояния недостаточно. Чтобы применить статью 107, нужно, чтобы это волнение было вызвано конкретными действиями жертвы. Закон перечисляет, что это может быть: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление либо иные противоправные или аморальные поступки. Смысл в том, что поведение потерпевшего должно быть объективно способным вывести из себя обычного человека, а не только чрезмерно чувствительного.

Кроме того, законодатель предусмотрел и такую ситуацию, когда нет одного яркого эпизода, а есть длящаяся во времени травля. Это называется длительной психотравмирующей ситуацией. Потерпевший может вести себя систематически противоправно или аморально: постоянно унижать, оскорблять, применять насилие. Каждый отдельный случай по отдельности может и не выглядеть как достаточный повод для аффекта, но вместе, накапливаясь, они создают устойчивое состояние психической напряжённости. И в какой-то момент терпение лопается, и человек срывается. Последняя капля может быть совсем незначительной, но для суда важно не столько это последнее действие, сколько вся предыдущая система поведения жертвы.

Часть вторая той же статьи вводит повышенную ответственность, но при этом сам состав остаётся привилегированным. Она применяется в тех случаях, когда в состоянии аффекта были убиты не один, а двое или более человек. Здесь логика законодателя понятна: даже если человек действовал под влиянием сильного душевного волнения, две жизни – это тяжелее, чем одна. Наказание по части второй будет строже, чем по части первой, но всё равно оно не идёт в сравнение с санкциями за обычное убийство двух лиц по статье 105. То есть сам факт аффекта продолжает смягчать ответственность, но множественность жертв заставляет суд назначить более суровое наказание, чем за убийство одного человека в аналогичном состоянии.

Здесь уже не одно, а несколько жизней, поэтому и наказание серьёзнее, хотя по сравнению с обычным убийством двух лиц (часть 2 статьи 105) оно всё равно остаётся привилегированным. В итоге конструкция статьи 107 такова, что она не просто снисходительно относится к человеческим слабостям, а предлагает чёткий юридический механизм: если доказан аффект, вызванный виктимным поведением потерпевшего, то содеянное квалифицируется не как простое убийство, а как убийство при смягчающих обстоятельствах, что кардинально меняет меру ответственности.

Чтобы правильно квалифицировать убийство, совершённое в состоянии аффекта, необходимо разобрать его по элементам состава – так, как это делается в теории уголовного права. Начнём с объекта. Здесь ничего необычного: объектом выступает жизнь другого человека. В этом смысле аффективное убийство ничем не отличается от обычного убийства по статье 105. Оно так же посягает на самое ценное благо, и это важно понимать, чтобы не думать, будто аффект полностью оправдывает лишение жизни. Далее, объективная сторона. Внешне это выражается в действии или, в редких случаях, в бездействии, которое привело к смерти потерпевшего. Но ключевое условие – наличие причинной связи между аффективным состоянием виновного и наступившими последствиями. Нельзя просто сказать, что человек был взволнован, когда убивал; нужно доказать, что именно это состояние, а не что-то иное, стало непосредственной причиной смерти. Субъект преступления – обычный человек, физическое лицо, которое признаётся вменяемым и достигло на момент совершения преступления шестнадцати лет. Здесь нет специальных требований.

Самое сложное – это субъективная сторона. В доктрине до сих пор нет полного единства. Вопрос звучит так: можно ли считать вину при аффекте обычным умыслом, пусть и внезапно возникшим, или же аффект порождает какую-то особую, третью форму вины, не сводимую к умыслу или неосторожности? Споры идут давно. И. М. Тяжкова, анализируя эту проблему, приходит к выводу, что умысел при аффекте отличается от заранее обдуманного тем, что возникает внезапно, носит импульсивный характер и часто не конкретизирован – человек не всегда представляет себе точный объём вреда. Но по своей правовой природе, утверждает она, это всё-таки умысел, а не неосторожность [4, с. 91]. С этой позицией трудно не согласиться. Аффект не создаёт какой-то новой, неизвестной закону формы вины. Однако он существенно меняет привычную структуру умысла. Интеллектуальный элемент – способность осознавать происходящее – сужается, потому что сознание человека в аффекте

сильно ограничено. Волевой элемент – возможность контролировать свои действия – ослабевает, иногда почти до нуля. Но эти модификации не превращают умысел в неосторожность. Они лишь показывают, что перед нами особый вид умысла – внезапно возникший, аффектированный, который законодатель счёл достаточным основанием для смягчения ответственности.

Обязательными признаками субъективной стороны являются также мотив и цель, которые детерминированы провоцирующим поведением потерпевшего. Как верно замечает Э. Ф. Побегайло, «мотивация при аффективном убийстве носит ситуационно-импульсивный характер, она не формируется заранее, а возникает как непосредственная реакция на внешний раздражитель» [5, с. 66].

Особенности рассмотрения дел об убийстве, совершённом в состоянии аффекта, в уголовном процессе обусловлены необходимостью установления обстоятельств, имеющих ключевое значение для квалификации. Прежде всего, это доказывание факта аффекта, для чего требуется проведение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Эксперты должны не только констатировать наличие или отсутствие физиологического аффекта, но и оценить его динамику, интенсивность, а также соответствие реакции виновного силе и характеру провоцирующего воздействия. Однако, как справедливо отмечает Побегайло, «экспертиза устанавливает лишь возможность возникновения аффекта в данной ситуации, но окончательный вывод о его наличии – прерогатива суда, оценивающего все доказательства в совокупности» [5, с. 67]. Поэтому суд должен исследовать также объективные признаки аффекта: поведение виновного непосредственно после содеянного (растерянность, ступор, плач, обращение за помощью), показания свидетелей о его состоянии до, во время и после происшествия, а также характер его действий (хаотичность, множественность ударов, отсутствие целенаправленности).

Процессуальная особенность состоит в том, что при наличии достаточных оснований полагать, что преступление совершено в состоянии аффекта, следователь обязан назначить экспертизу, а в случае невыполнения этого требования доказательства могут быть признаны недопустимыми. Кроме того, суд при рассмотрении дела должен уделить особое внимание исследованию личности потерпевшего, его взаимоотношений с обвиняемым, выявлению фактов систематического противоправного или аморального поведения, образующих длительную психотравмирующую ситуацию.

С. В. Бородин подметил, что при аффекте умысел возникает не просто внезапно, а именно как непосредственная реакция на поведение потерпевшего, вытесняя собой всякое обдумывание [3, с. 112]. Поэтому суду приходится оценивать целый комплекс обстоятельств: что именно делал потерпевший непосредственно перед убийством, зафиксировали ли свидетели объективные признаки аффекта (например, дрожь, покраснение, нечленораздельную речь), какими были действия самого виновного – хаотичными, чрезмерно интенсивными, с нанесением множества ранений, – и, что важнее всего, какое заключение дала комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

Если обратиться к современной судебной практике по делам об убийствах в состоянии аффекта, можно заметить системные проблемы, в том числе: суды нередко не учитывают кумулятивный эффект систематических издевательств или оскорблений, когда каждый отдельный эпизод кажется незначительным, но вместе они приводят к аффективному «взрыву». Как справедливо замечает Э. Ф. Побегайло, судам необходимо тщательнее исследовать все обстоятельства, которые предшествовали преступлению, и не сводить всё к одному эпизоду, если налицо была систематическая травля [5, с. 68].

Таким образом, убийство в состоянии аффекта – непростой уголовно-правовой институт, уходящий корнями в историю, опирающийся на психофизиологию человека и требующий особого подхода к доказыванию. Правильная квалификация по статье 107 УК РФ возможна только на стыке права, психологии, психиатрии и процесса. Трудности разграничения со смежными составами (статьи 105, 108, 114 УК РФ) возникают из-за совпадения многих объективных признаков и сложности доказывания субъективной стороны. Главные ориентиры для суда – это виктимное поведение потерпевшего, момент возникновения и форма умысла, цель действий виновного, а главное – заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Практика же показывает, что единообразия в квалификации таких дел до сих пор нет, а значит, нужно продолжать совершенствовать и закон, и практику его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богдановский А. Ю. Судебная психология. – Москва: Юрайт, 2018. – 345 с.

2. Попов А. Н. Убийства при смягчающих обстоятельствах. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2015. – 267 с.

3. Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. – Москва: Норма, 2016. – 198 с.

4. Тяжкова И. М. Преступления против жизни и здоровья: вопросы квалификации. – Москва: Статут, 2019. – 312 с.

5. Побегайло Э. Ф. Проблемы квалификации убийства в состоянии аффекта // Российский следователь. – 2020. – № 5. – С. 65–68.

УДК 343

О ПРОБЛЕМАХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НЕЙРОСЕТЯМИ В ИНТЕРНЕТЕ

Авдошкин Александр Анатольевич, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: sasha.avdoshkin@gmail.com; i.p.asanova@ruc.su

ABOUT THE PROBLEMS OF MISUSE OF NEURAL NETWORKS ON THE INTERNET

Avdoshkin Alexander Anatolievich, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность проводимого исследования обусловлена стремительным распространением и развитием технологий машинного обучения, что создает опасность для населения, а именно использование злоумышленниками новых технологий, что несет существенные риски для финансового благосостояния граждан и сохранности их персональных данных. Комплексный анализ современных подходов к решению данной проблемы, в сочетании с изучением международных статистических данных, позволит выявить перспективные направления обеспечения правовой и финансовой безопасности населения.

Ключевые слова: киберпреступность, интернет-преступления, интернет – мошенничество, нейронные сети.

The relevance of the current research is driven by the rapid spread and advancement of machine learning technologies, which pose a threat to the public. Specifically, the use of these emerging technologies by malicious actors entails significant risks to citizens' financial well-being and the security of their personal data. A comprehensive analysis of contemporary approaches to addressing this issue, combined with a review of international statistical data, will help identify promising avenues for ensuring the legal and financial security of the population.

Keywords: Cybercrime, Internet crimes, Internet fraud, Neural networks.

Человечество в последние несколько лет совершило огромный прорыв в использовании нейронных сетей и освоило технологии машинного обучения на более глубоком уровне, несомненно, данная тенденция сохранит свое развитие на будущее время. Но в то же время с удобством использования и «user-friendly» интерфейсом приходят и проблемы выявления и идентификации киберпреступников.

Расширение спектра интернет-услуг значительно повлияло на создание новых способов преступлений в сети.

В целом, повсеместная доступность инструментов в области машинного обучения и искусственного интеллекта стала основной темой сегодняшних обсуждений и мировых новостей. Это послужило отличным началом для международных инвестиций и развития данной области знаний. Огромные средства, которые вкладывают корпорации во все новые компании, сделали выбор нейросетей очень свободным и в большинстве случаев бесплатным. Даже используя бесплатные программы, можно добиться невероятного результата, необходимо лишь сделать правильный запрос.

Говоря о доступности, следует заметить, что недобросовестные пользователи способны использовать данные людей, которые не давали своего согласия. Телефонные разговоры, видеозвонки, видеозаписи на персональном носителе, все это может служить материалом для создания мошеннической схемы или организации преступной деятельности. Достаточно лишь 3 секунд записи чужого голоса чтобы сгенерировать его и перестроить под свои нужды. Банальное приветствие и один вопрос могут стать ключом к данным родных и близких жертв киберпреступлений.

Можно рассматривать более безобидные виды правонарушений: например, предложение нарисовать портрет члена семьи, друга, возлюбленной за очень короткое время в высоком качестве, исключительно руками профессионального художника. Но в итоге покупатель получает продукт, полностью сделанный нейросетью. Для этого, чаще всего, продавец заранее запрашивает исходники – фотографии желаемого человека, его описание, личные пожелания к картине. Так, доверчивые пользователи становятся жертвой ложных обещаний и отдают внушительные суммы за работу, которая занимает пару минут времени, при этом зачастую используется бесплатная нейросеть, работать с которой может даже новичок, а если уделить немного сил на обучение, то можно стать таким же «честным торговцем».

Если вдаваться в более изощренные схемы преступлений, то открываются удивительные методы использования новых технологий. В наше время тяжело обмануть кого-то простым телефонным звонком из «органов» или с тем, что человеку повезло выиграть в лотерее или розыгрыше. Мошенники стали хитрее, сначала они могут позвонить вашим родным с, казалось бы, безобидным опросом, таким образом собирая данные для обучения нейросети и создания голосовой модели. После этих действий могут звонить с незнакомых номеров и говорить очень знакомыми голосами, притворяясь, что попали в чрезвычайную ситуацию и требуя денег на выход из нее.

Также распространены видео звонки в мессенджерах, даже новый MAX не остался в стороне, казалось бы, методы защиты улучшились, а преступления остались теми же. Звонки из органов по мессенджеру для человека в трезвом уме всегда должны казаться подозрительными. Но мошенники применяют сильное психологическое воздействие, у жертвы возникает страх перед авторитетом государственных представителей. Зачастую злоумышленники при помощи нейросетей надевают на себя «маску» представителя, меняя свое лицо, телосложение, голос и даже окружение, ставят аватарку в мессенджере в стиле государственной символики, называют аккаунт официальным наименованием гос. органа.

Цель такого воздействия – вызвать у человека страх, ощущение срочности и подчинения, чтобы он не успел критически оценить ситуацию и действовал по указаниям мошенника. Зачастую такие действия проводятся наряду с другими техниками манипуляции. Первый из них – это запугивание, мошенники называют статьи уголовного кодекса и наказание за их нарушение, угрожают проблемами с родственниками, давят на чувство вины перед родными. Второй метод – создание иллюзии срочности, выдвигают такие краткосрочные условия, передать персональные данные, номера банковских карт или перечислить определенную сумму на счет или станет слишком поздно и настанут неприятные последствия.

Стоить иметь в виду, что сотрудники силовых структур или представители государственных органов никогда не будут требовать немедленных действий и тем более звонить в мессенджерах по видео связи и угрожать уголовной ответственностью.

Ещё один способ обмана нацелен на одиноких людей, которые находятся поиске отношений. Сайты знакомств стала очень популярной темой для общения и личных встреч в 21 веке. Но стоит понимать, что по ту сторону экрана может быть обученная нейросеть, генерирующая ответы и подстраивающаяся под собеседника. Проявление искреннего интереса лишь одна из ловушек ботов, распространено выманивание у жертв денежных средств, материальных подарков, личных данных, вплоть до паспортных. Создать бота для переписки достаточно просто, но результаты таких действий крайне эффективны против пользователей, которые никогда не общались с искусственным интеллектом.

Эффективных мер по борьбе с таким видом преступлений на данный момент нет, отличить реального человека от машины слишком затруднительно, особенно если искусственный интеллект работает в узком круге лиц, и не распыляется на большое количество пользователей. Одним из вариантов решения данной проблемы может быть отслеживание скорости отправки сообщений или частота с которой они набираются, но даже в таком случае нейросеть может подстроиться под условия проверки. С каждым днем совершенствуются новые технологии применения удобных инструментов при помощи искусственного интеллекта, они делают нашу жизнь проще и киберпреступления лишь один из аспектов новой технологической эпохи.

Забота о благополучии и цифровой безопасности граждан ложиться на плечи государственного аппарата, что отражается в создании новых нормативно-правовых актов, регулирующих актуальные правоотношения в областях интеллектуального, патентного, уголовного и гражданского права. Из-за специфики разработки и принятия законов и подзаконных актов или даже внесения правок в уже действующие, аппарат законодательной власти не успевает за современными тенденциями и регулирование прав в этой области остается под вопросом. Применяется аналогия закона и, в особых случаях, аналогия права.

Современные усилия государственной правозащитной системы в сфере противодействия интернет-преступлений не обеспечивают полного решения проблемы киберпреступности. Причинами такой невысокой эффективности может служить стремительное развитие технологического прогресса и сложность нормативно-правового регулирования цифровой среды, что затрудняет адаптацию к новым формам преступлений.

Учитывая неполную удовлетворенность государственным аппаратом, граждане вынуждены либо находить способы защиты от злоумышленников самостоятельно, либо возлагать некоторые надежды на негосударственные организации. Например, лига безопасного интернета, главной целью которой стоит создание информационного поля, в котором дети и взрослые будут защищены от вредного воздействия интернет-ресурсов.

С одной стороны, можно похвалить подобных деятелей за инициативу и решения, но стоит учитывать мнение простых обывателей сети интернет. Продвигать теорию безопасного интернета нужно с упором на удобство, а не на повсеместные блокировки и ограничения.

Касательно блокировок и так называемых «замедлений» зарубежных сервисов, можно сказать, что такие меры при чрезмерном злоупотреблении могут вызвать недовольство народных масс и даже усложнения выявления новых правонарушений из-за повсеместного использования персональной

виртуальной сети (VPN). Невозможность отличить трафик, который направлен лишь на обход нежелательных блокировок, чтобы, например, пообщаться с родными из другой страны от действий преступников, использующих VPN для маскировки следов своей деятельности, становится очень актуальной проблемой современного контроля и идентификации преступных деяний.

Если затрагивать вопрос ответственности за использование нейросетей, то создатели самой нейросети обязаны придерживаться федерального закона 152-ФЗ «О персональных данных», прописывая в пользовательском соглашении обязательство пользователей соблюдать закон и внедрять системы модерации и мониторинга контента.

Проблема профилактики и идентификации преступлений с использованием нейросетей является сложной и требует комплексного подхода. Необходимо учесть факт недостаточной осведомленности людей о возможных рисках, улучшить координацию государственной с негосударственной правозащитной деятельностью, что позволит обеспечить эффективную систему выявления и привлечения преступников к ответственности, а также создать специализированные программы предупреждения и контроля мошенничества.

Также является необходимым создание большого общегосударственного проекта в виде федеральной государственной программы, направленной на борьбу с интернет-преступлениями. Основной целью данного проекта должно являться повышение уровня развития и правовой грамотности.

Только совместными усилиями можно достичь успеха в борьбе с этой проблемой и защитить интересы граждан. Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

С каждым днем совершенствуются новые технологии применения удобных инструментов при помощи искусственного интеллекта, они делают нашу жизнь проще и киберпреступления лишь один из аспектов новой технологической эпохи.

Правозащитная деятельность госорганов в России, является одним из ключевых направлений и определяет государственную политику правового государства. Решение данной задачи невозможно без качественного улучшения состояния законности и правопорядка в стране, тесного взаимодействия госструктур, правоохранителей и институтов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

2. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 №152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (часть I), ст. 3451.

УДК 343

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Агафонова Екатерина Андреевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810405@ruc.su

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL CONSEQUENCES OF BRIBERY FOR SOCIETY AND THE STATE

Agafonova Ekaterina Andreevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Коррупция, и в особенности ее наиболее распространённая форма – взяточничество, представляет собой системное явление, оказывающее глубокое деструктивное воздействие на все сферы жизни общества и государства. Данная научная статья осуществляет комплексную оценку социально-экономических и политических последствий взяточничества. В социальной сфере взяточничество исследуется как фактор, подрывающий общественную мораль, углубляющий неравенство и разрушающий личную и коллективную устойчивость. В политическом поле коррупция рассматривается как угроза легитимности власти, национальной безопасности и демократическим институтам. На основе анализа предлагаются основные направления антикоррупционной политики, акцентирующие необходимость системного, а не точечного подхода, включающего повышение прозрачности, усиление институтов и изменение общественных норм.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, социально-экономические последствия, политические риски, экономический рост, теория агентов, антикоррупционная политика.

Corruption, and especially its most widespread form – bribery, is a systemic phenomenon that has a profound destructive impact on all spheres of life in society and the state. This research article provides a comprehensive assessment of the socioeconomic and political consequences of bribery. In the social sphere, bribery is examined as a factor that undermines public morality, deepens inequality, and destroys personal and collective resilience. In the political field, corruption is seen as a threat to the legitimacy of power,

national security and democratic institutions. Based on the analysis, key areas of anti-corruption policy are proposed, emphasizing the need for a systemic, rather than a targeted, approach, including increasing transparency, strengthening institutions, and changing social norms.

Keywords: bribery, corruption, socio-economic consequences, political risks, economic growth, agency theory, anti-corruption policy.

Взяточничество традиционно рассматривается в научной литературе как наиболее опасная и распространенная форма коррупционного поведения. В отличие от фаворитизма или непотизма, взяточничество представляет собой непосредственный, прямой «обмен» административного ресурса на материальные блага, что делает его очевидным вызовом правовому государству. Однако многолетняя дискуссия о природе этого явления зачастую сосредоточена на узкоюридических аспектах квалификации преступлений, оставляя без должного внимания макросоциальные и макроэкономические последствия [1].

Экономический ущерб от взяточничества является наиболее квантифицируемым, но при этом наиболее недооцененным в официальной статистике. Традиционно правоохранительные органы фиксируют прямой ущерб – сумму взятки либо размер причиненного материального ущерба. Однако современные исследования демонстрируют, что эта цифра составляет лишь «верхушку айсберга».

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2025 году было выявлено более 6,6 тысяч фактов получения взяток, что на 30 % превышает показатели 2024 года. При этом официально зафиксированный ущерб от коррупционных преступлений, по разным ведомственным оценкам, варьируется от 14 млрд рублей (данные СК РФ) до 80 млрд рублей (комплексная оценка).

Наиболее уязвимой сферой для взяточничества выступают государственные закупки и реализация инфраструктурных проектов. Мировая практика, в том числе расследование «Operation Car Wash» в Бразилии, показывает, что крупные контракты создают стимулы для сговора. В российских реалиях коррупция в госзакупках приводит к выбору недобросовестных подрядчиков, финансированию необоснованно завышенных смет и, как следствие, к поддержке недостаточно эффективных проектов.

Экономический эффект от этого носит двойной негативный характер. Во-первых, бюджет теряет средства напрямую (переплата). Во-вторых, общество получает объекты инфраструктуры низкого качества, эксплуатация которых требует дополнительных расходов либо создает риски техногенных катастроф. По данным Счетной палаты, потери от неэффективного использования бюджетных средств, сопряженного с коррупцией, ежегодно составляют значительную долю расходной части бюджета [2].

На макроуровне взяточничество выступает фактором, дестимулирующим инвестиции. Исследование МВФ убедительно доказывает: наименее коррумпированные правительства собирают на 4 % ВВП больше налогов, чем страны с аналогичным уровнем развития, но с высокой коррупцией. Если бы все страны мира смогли сократить коррупцию до среднего уровня, глобальная экономика получила бы $1 трлн дополнительных налоговых поступлений.

Для Российской Федерации ситуация осложняется высоким уровнем теневой экономики, объем которой в 2020–2025 гг. оценивался в 18–20 % ВВП (свыше 20 трлн рублей). Взяточничество является ключевым драйвером сохранения «теневого» сектора: нелегальный оборот товаров привел к потере порядка 423 тысяч легальных рабочих мест. Это формирует замкнутый круг: высокая налоговая нагрузка на легальный бизнес и административные барьеры подталкивают предпринимателей к теневой деятельности, где неизбежным элементом становятся взятки, а существование этого сектора сокращает налоговую базу, провоцируя государство повышать фискальное давление на добросовестных налогоплательщиков [3].

Экономические потери, будучи значительными, являются лишь первым уровнем деструкции. Более глубоким и труднообратимым последствием взяточничества выступает трансформация социальных норм и рост неравенства.

Взяточничество радикально искажает принцип социальной справедливости. В условиях, когда значительная часть социальных благ (образование, медицина, безопасность) декларируется как общедоступная, коррупция вводит неформальную платность. Поступление в вуз, получение качественной медицинской помощи или даже обеспечение безопасности в суде перестают зависеть от способностей или законных прав гражданина, начиная зависеть от его платежеспособности [4].

Наиболее трагические последствия это влечет в сфере здравоохранения и образования. Некачественное, вовремя не замененное по взятке оборудование в больнице сводит шансы тяжелобольного на выздоровление к нулю, а коррупция в образовании ведет к выпуску неквалифицированных кадров.

Данные МВФ подтверждают глобальный характер этой проблемы: среди стран с низким уровнем доходов доля бюджета, направляемая на образование и здравоохранение, в более коррумпированных

государствах на треть ниже, чем в менее коррумпированных. Это коррелирует с результатами международных тестов: при равном времени, проведенном в классах, качество знаний в коррумпированных странах существенно ниже из-за продажи учительских мест и прогулов.

Ключевой социальный риск взяточничества – формирование «коррупционной нормы». Длительное сосуществование строгого уголовного запрета (ст. 290 УК РФ) с фактическим разрешением подарков стоимостью до 5 МРОТ (ст. 575 ГК РФ) привело к правовому нигилизму. В правосознании граждан формируется устойчивая связка: труд чиновника не является общественной обязанностью, а является услугой, требующей отдельной оплаты.

Это подтверждается данными о росте неформальной занятости (на 11,7 % в 2025 году). Граждане не просто уходят от налогов, они перестают видеть связь между уплаченными налогами и полученными госуслугами, предпочитая платить «лично чиновнику», а не «абстрактному государству».

Взяточничество действует как механизм негативного отбора в государственном аппарате. Честные и принципиальные специалисты, не приемлющие коррупционного поведения, покидают государственную службу. На их место приходят лица, ориентированные на максимальную ренту со своего должностного положения. Это приводит к профессиональной деградации управленческого аппарата, поскольку критерием отбора становится не компетентность, а готовность участвовать в неформальных «обменах» [5].

В условиях острого дефицита кадров в отраслях реального сектора экономики отток наиболее добросовестной части трудоспособного населения из системы госуправления является дополнительным вызовом для экономики, лишая её ответственных управленцев.

Политические последствия взяточничества представляют собой экзистенциальную угрозу для государства, поскольку подрывают его легитимность как в глазах собственных граждан, так и на международной арене.

Корреляция между уровнем восприятия коррупции и доверием к власти является отрицательной и крайне высокой. Как справедливо отмечается в доктрине, взяточничество снижает доверие к власти, формирует убеждение, что за деньги можно решить любые, даже незаконные вопросы.

В обществах с высокой коррупционной нагрузкой распространяются взгляды о необходимости «диктатуры» или «сильной руки» как единственного способа навести порядок. Это создает предпосылки для авторитарного дрейфа, который, в свою очередь, снижает прозрачность и подотчетность власти, еще больше усиливая безнаказанность коррупционеров. Формируется «институциональная ловушка».

Взяточничество в правотворческой сфере представляет собой угрозу государственному суверенитету в его правовом измерении. Лоббирование принятия законов в обмен на вознаграждение приводит к тому, что нормативные акты принимаются не в публичных интересах, а в интересах узких бизнес-групп. Это искажает саму суть закона как меры свободы и справедливости [6].

На правоприменительном уровне взяточничество разрушает принцип неотвратимости наказания. Как подчеркивают исследователи, смягчение уголовной политики и либерализация наказаний (замена реальных сроков огромными штрафами) в условиях высокого уровня латентности привели к тому, что потенциальная выгода от взятки существенно превышает риски. У коррупционера формируется установка на «налоговую» модель: даже если поймают, штраф будет сопоставим с полученным доходом, а вероятность поимки крайне мала.

Отдельного внимания заслуживает феномен использования антикоррупционной риторики в политической борьбе. Высокий уровень недоверия к власти создает запрос на «борцов с коррупцией», что порой приводит к имитации деятельности. Показательные уголовные дела в отношении отдельных чиновников часто носят селективный характер и не решают системных проблем. Это лишь усугубляет цинизм общества, убеждающегося в том, что «не берут» только те, кого еще не предложили.

Анализ трех групп последствий (экономических, социальных, политических) показывает, что они существуют не изолированно, а усиливают друг друга. Экономический спад снижает доходы бюджета, провоцируя недофинансирование социальной сферы. Дефицит качественных услуг в социальной сфере подталкивает граждан к поиску неформальных путей их получения, воспроизводя взяточничество. Массовый характер взяточничества разрушает доверие к государству, снижая собираемость налогов, что вновь ведет к бюджетному дефициту [7].

Этот цикл самовоспроизводства является главной опасностью. Взяточничество перестает быть суммой отклоняющихся поступков отдельных индивидов, превращаясь в системную характеристику государства. Государство начинает функционировать по принципу «административной ренты», где должность – это не функция, а капитал.

Исходя из системного характера последствий, меры противодействия также должны носить си-

стемный характер. Фрагментарные изменения законодательства (например, индексация сумм «разрешенного подарка») не решают проблему.

Эмпирика показывает, что снижение дискреционных полномочий чиновника через цифровизацию является эффективной мерой. Электронные системы государственных закупок, электронные очереди и автоматизированное принятие решений сокращают возможность для вымогательства взятки. Прозрачность, обеспеченная ICT-технологиями, является «врагом» коррупции [8].

Доктринально назрел отказ от либерального подхода в отношении коррупционных преступлений. Уголовная политика в период высокого уровня преступности не может быть излишне гуманной к тем, кто разлагает государственный аппарат. Необходим пересмотр санкций в сторону их неотвратимости, а не суровости. Ключевым является не столько срок лишения свободы, сколько реальная конфискация имущества и запрет на занятие должностей.

Взяточничество представляет собой не просто уголовно наказуемое деяние, а комплексный негативный фактор, дестабилизирующий всю систему общественных отношений. Экономические последствия выражаются в прямых потерях бюджета, доходящих с учетом косвенных потерь до 2% ВВП, и в дестимулировании инвестиций. Социальные последствия проявляются в углублении неравенства, ухудшении качества образования и медицины, а также в опасной нормализации коррупционного поведения в массовом сознании. Политические последствия ведут к делегитимации власти, падению доверия к институтам и формированию замкнутого круга «коррупция – авторитаризм – еще большая коррупция» [9].

Оценка последствий взяточничества должна основываться не на сумме ущерба по оконченным уголовным делам, а на понимании того, сколько потенциального роста, сколько спасенных жизней и сколько социального доверия теряет страна, мирясь с этим явлением. Стратегия противодействия должна исходить из того, что цель не просто наказать взяточника, а восстановить доверие и справедливость, без которых невозможно устойчивое развитие ни государства, ни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. Саранск, 2023. 21 с.

2. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. Саранск: ИП Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2025.

3. Веремеенко, В. М. О дифференциации уголовной ответственности за преступления, составляющие взяточничество // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 1(47). С. 196–200.

4. Валтиев, А. В. Получение взятки: современные проблемы дифференциации уголовной ответственности и пенализации // Новая наука: проблемы и перспективы. 2026. № 1. С. 208–216.

5. Дмитриев С. А. Взяточничество в системе коррупционных преступлений // Вестник магистратуры. 2025. № 1-2(160). С. 30–32.

6. Черноморская, Ю. А. Взяточничество: сущность, причины и последствия // Актуальные исследования. 2025. № 24-2(259). С. 90–92.

7. Елгин, А. А. Негативное воздействие коррупции на социальные институты в государстве // Правовые исследования молодых ученых (для магистрантов и аспирантов). Иркутск, 2025. С. 10–13.

8. Цветкова, Е. П. Взяточничество как вид экономической угрозы // Наука через призму времени. 2025. № 4(97). С. 52–54.

9. Дыбова Е. Власти, бизнес и общество должны сообща бороться с коррупцией // Российская газета. 2025. 16 июня.

УДК 343

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Алямкин Алексей Иванович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st803673@ruc.su

PROMISING WAYS TO IMPROVE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR FAILURE TO COMPLY WITH COURT ORDERS

Alyamkin Alexey Ivanovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за неисполнение судебных актов в Российской Федерации (ст. 315 УК РФ). Исследуются доктринальные подходы, правоприменительная практика и системные проблемы, снижающие эффективность данных норм. На основе выявленных дефектов правового

регулирования и с учетом зарубежного опыта формулируются конкретные предложения de lege ferenda (с лат. – «с позиции закона, который должен быть принят»), направленные на оптимизацию конструкции состава преступления, дифференциацию ответственности, расширение круга субъектов и совершенствование санкций.
Ключевые слова: неисполнение приговора, судебное решение, судебный акт, судебная власть, правоприменительная практика, воспрепятствование осуществлению правосудия, совершенствование уголовного законодательства.

This article provides a comprehensive analysis of criminal law provisions establishing liability for failure to comply with judicial decisions in the Russian Federation (Article 315 of the Criminal Code). It examines doctrinal approaches, law enforcement practices, and systemic problems that reduce the effectiveness of these provisions. Based on the identified defects in legal regulation and taking into account foreign experience, specific proposals are formulated de lege ferenda (from latin – «rom the position of the law that must be adopted»), aimed at optimizing the structure of the crime, differentiating responsibility, expanding the range of subjects and improving sanctions.
Keywords: failure to enforce a sentence, court decision, judicial act, judicial authority, law enforcement practice, obstruction of justice, improvement of criminal legislation.

Исполнение судебных актов является финальной и ключевой стадией судопроизводства, от эффективности которой напрямую зависит реальность защиты нарушенных прав, авторитет судебной власти и состояние правопорядка в целом. Систематическое неисполнение решений суда, особенно актов, обязывающих к действиям публичные органы власти, представляет собой одну из наиболее острых проблем российской правовой системы, подрывая конституционные принципы верховенства закона и равенства всех перед судом.

Уголовно-правовой ответ на данное явление в России сосредоточен в ст. 315 УК РФ («Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта»). Однако, как показывает практика, существующая нормативная конструкция обладает рядом существенных недостатков, которые ограничивают ее превентивный и репрессивный потенциал. Диспропорция между масштабами явления и количеством возбужденных уголовных дел свидетельствует о наличии системных пробелов и коллизий.

Целью настоящей статьи является выявление доктринальных и правоприменительных дефектов ст. 315 УК РФ и разработка на этой основе комплексных предложений по ее совершенствованию. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ элементов состава преступления; обобщение проблем квалификации, выявляемых в судебной практике; изучение релевантного зарубежного опыта; формулирование конкретных рекомендаций по изменению диспозиции, субъектного состава и санкций рассматриваемой нормы.

Норма, установленная ст. 315 УК РФ, имеет специальный характер и охраняет общественные отношения, обеспечивающие реализацию судебных актов как актов правосудия. Непосредственный объект преступления – интересы правосудия, а также права и законные интересы лиц, в пользу которых вынесен судебный акт [1, С. 344].

Объективная сторона выражается в злостном неисполнении представителем власти, государственным или муниципальным служащим, служащим коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора, решения или иного судебного акта, а равно в воспрепятствовании их исполнению. Критике в доктрине подвергается оценочный признак «злостность». Законодатель не раскрывает его содержания, что порождает противоречивую судебную интерпретацию. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28.06.2011 № 11 разъяснил, что злостность может выражаться в открытом отказе от исполнения, в повторном неисполнении после предупреждения со стороны судебного пристава-исполнителя или иного уполномоченного лица, либо в совершении действий, свидетельствующих об уклонении от исполнения. Однако данная трактовка остается широкой и не всегда позволяет четко отграничить преступление от дисциплинарного или административного проступка.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что не исполняет конкретный вступивший в силу судебный акт, и желает этого.

Субъект преступления – специальный: 1) представитель власти; 2) государственный или муниципальный служащий; 3) служащий коммерческой или иной организации. Это ключевое ограничение является предметом основной научной дискуссии. Из-под действия статьи выпадают граждане-должники по гражданским искам, родители, уклоняющиеся от решения суда о порядке общения с ребенком, и иные физические лица, не обладающие статусом служащего. Их ответственность может наступать лишь по другим нормам (например, за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей – по ст. 157 УК РФ) или ограничиваться мерами административного и гражданско-правового характера.

Санкция ст. 315 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа (до 200 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период до 18 месяцев), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, обязательных работ (до 480 часов), принудительных работ (до 2 лет), ареста (до 6 месяцев) или лишения свободы (до 2 лет). Диспозиция санкции является относительно-определенной и альтернативной [2, С. 55–56].

Основные критические замечания к действующей конструкции:

1. Суженный круг субъектов, исключающий физических лиц, не являющихся служащими.
2. Неопределенность признака «злостность», ведущая к субъективизму при квалификации.
3. Недостаточная градация тяжести деяния в зависимости от последствий неисполнения (крупный материальный ущерб, тяжкие последствия для здоровья, экологии, обороноспособности и т.д.).
4. Отсутствие стимулирующих норм (примечания) об освобождении от ответственности в случае добровольного исполнения судебного акта до привлечения к уголовной ответственности.

Анализ судебной статистики и конкретных казусов (например, дела о неисполнении решений о предоставлении жилья детям-сиротам, о восстановлении на работе, о сносе самовольных построек) позволяет выделить следующие устойчивые проблемы:

– низкая интенсивность применения: число осужденных по ст. 315 УК РФ несоизмеримо мало с количеством случаев фактического неисполнения, особенно со стороны государственных органов;

– трудности доказывания злостности: правоохранительные органы и суды зачастую требуют доказательств неоднократного предупреждения и формального акта отказа, в то время как уклонение может носить изощренный, затяжной характер (проведение бесконечных согласований, отсылка к отсутствию финансирования, реорганизация учреждения);

– проблема «бездействия» организации: сложности возникают при привлечении к ответственности служащих коммерческих организаций, если неисполнение вызвано корпоративным решением, а не личной волей конкретного должностного лица;

– конкуренция норм: на практике действия, связанные с неисполнением судебных решений, часто квалифицируются по другим статьям, если они сопряжены с иными деяниями (например, злоупотребление должностными полномочиями – ст. 285 УК РФ). Это размывает специальный характер ст. 315 УК РФ.

Опыт зарубежных государств демонстрирует различные подходы к криминализации неисполнения судебных актов.

Германия (§ 258 Уголовного кодекса ФРГ). Устанавливает ответственность за воспрепятствование исполнению наказания или меры исправления и безопасности, а также за спасение другого от такого исполнения. Субъектом может быть любое лицо. Отдельно по германскому праву наказуемо неповиновение судебному распоряжению, касающемуся личных прав (§ 113 УК ФРГ).

Франция (ст. 434-15-1 Уголовного кодекса Франции). Криминализирует умышленное невыполнение судебного решения, если оно повлекло нарушение прав другого лица. Санкция включает тюремное заключение и крупный штраф.

Страны постсоветского пространства (Казахстан, Беларусь). В УК РК (ст. 396) и УК РБ (ст. 423) круг субъектов также ограничен должностными лицами и служащими, но в некоторых составах предусмотрена повышенная ответственность за наступление тяжких последствий.

Наиболее репрессивный и широкий подход (любой субъект) характерен для стран германской правовой семьи. Российский подход, как и в большинстве постсоветских государств, фокусируется на должностных лицах и служащих, видя в их неповиновении особую общественную опасность [3, С. 193].

На основе проведенного анализа предлагается комплекс взаимосвязанных изменений в уголовное законодательство.

1. Дифференциация ответственности и конкретизация диспозиции. Предлагается структурировать ст. 315 УК РФ, выделив в ней части, устанавливающие ответственность в зависимости от субъекта и последствий:

– часть 1. – оставить базовый состав для специальных субъектов (служащих) с признаком злостности, но дополнить его альтернативным признаком: «...повлекшее причинение крупного ущерба или иные существенные вредные последствия». Это заменит неопределенную «злостность» более объективным критерием.

– часть 2. – ввести квалифицированный состав для тех же субъектов, если деяние повлекло тяжкие последствия (крупную аварию, длительную приостановку работы предприятия, причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека).

– часть 3. – ввести отдельный состав для частных лиц (физических лиц, не являющихся служащими), умышленно и упорно уклоняющихся от исполнения судебного акта о присуждении имущественного вреда или иного имущественного обязательства на сумму свыше определенного крупного размера [4, С. 538].

2. Расширение круга субъектов. Как следует из предложения выше, ключевым шагом является дополнение нормы специальным составом для частных лиц (ч. 3). Это позволит уравнять в ответствен-

ности должностных лиц и граждан, упорно игнорирующих решения суда, и закрыть существующий правовой вакуум.

3. Введение стимулирующей нормы. Целесообразно дополнить статью примечанием следующего содержания: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если до возбуждения уголовного дела оно в полном объеме исполнило судебный акт, неисполнение которого вменялось, и тем самым загладило причиненный вред». Это будет способствовать добровольной реализации судебных решений [5, С. 110].

4. Совершенствование системы санкций:

– для ч. 1 и ч. 3 сохранить альтернативные санкции, не связанные с лишением свободы (штраф, обязательные работы, исправительные работы), сделав их основными.

– для ч. 2 (тяжкие последствия) предусмотреть в качестве одного из основных наказаний реальное лишение свободы.

– во всех частях шире использовать дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности (для служащих).

5. Сопряженные изменения в процессуальном законодательстве. Для эффективного применения новой ч. 3 необходимо упростить процедуру установления «упорного уклонения» со стороны частного лица, возможно, через механизм вынесения судом специального определения о наличии признаков уголовно наказуемого деяния с последующей передачей материалов в правоохранительные органы.

Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебных актов является не технической, а стратегической задачей, от решения которой зависит реализация принципа верховенства права в России. Действующая ст. 315 УК РФ обладает значительным потенциалом, но он нивелируется узким субъектным составом, оценочным характером признака «злостность» и отсутствием дифференциации ответственности [6, С. 23].

Предложенная в статье модель реформирования предполагает переход от карательной функции к сбалансированной системе, сочетающей:

1. Конкретизацию и объективацию оснований ответственности через критерии причиненного вреда.
2. Расширение сферы действия закона на частных лиц при совершении ими имущественных нарушений в крупном размере.
3. Дифференциацию санкций в зависимости от тяжести последствий.
4. Стимулирование добровольного исполнения через институт освобождения от ответственности.

Реализация данных предложений потребует не только изменения диспозиции ст. 315 УК РФ, но и корректировки подзаконных актов и правоприменительной практики. Однако именно такой комплексный подход способен превратить уголовно-правовую норму в действенный инструмент защиты авторитета судебной власти и реального восстановления нарушенных прав граждан и организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. Москва, 2025. 741 с.

2. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров; Российский университет кооперации. Саранск, 2019. 80 с.

3. Долгушина, Л. В. Уголовная ответственность за злостное неисполнение судебных актов в законодательстве иностранных государств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVIII международной научно-практической конференции. Красноярск, 2025. С. 192–194.

4. Ступина, С. А. Особенности установления субъективных признаков неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 537–540.

5. Федина, А. С. Уголовная ответственность за неисполнение судебных актов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4(84). С. 107–115.

6. Волковой, Д. С. О некоторых проблемах уголовно наказуемого уклонения как длящегося преступления на примере злостного неисполнения судебного акта (ст. 315 УК РФ) // Российский следователь. 2024. № 8. С. 21–25.

УДК 343.3/.7

НЕЗАКОННАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Арапов Владислав Николаевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: arap.v.n@ruc.su

ILLEGAL ADMISSION TO A MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN AN INPATIENT SETTING: CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Arapov Vladislav Nikolaevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется влияние недавних изменений законодательства о психиатрической помощи, элементы состава преступления (объект, объективная и субъективная стороны, субъект), а также проблемы квалификации и конкуренции норм. Обосновывается специальный характер субъекта по ч. 1 ст. 128 УК РФ, возможность двойной формы вины по ч. 2 и делается вывод о том, что повышение эффективности ст. 128 УК РФ требует как уточнения её законодательной конструкции, так и укрепления институциональных гарантий защиты прав пациентов.

Ключевые слова: ст. 128 УК РФ, незаконная госпитализация, психиатрическая помощь, недобровольная госпитализация, свобода личности, специальный субъект, двойная форма вины, латентность преступлений.

The article analyzes the impact of recent changes in the legislation on psychiatric care, the elements of the crime (object, objective and subjective aspects, and the subject), as well as the problems of qualification and competition of norms. The article substantiates the special nature of the subject under Part 1 of Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation, the possibility of a double form of guilt under Part 2, and concludes that improving the effectiveness of Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation requires both clarifying its legislative structure and strengthening institutional guarantees for protecting patients' rights.

Keywords: Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal hospitalization, psychiatric care, involuntary hospitalization, personal freedom, special subject, double form of guilt, and crime latency.

Преступление, предусмотренное ст. 128 УК РФ, законодатель отнёс к преступлениям против свободы личности, объединённых в главе 17 УК РФ. Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, представляет собой особый вид посягательства на личную свободу, при котором фактическое лишение свободы осуществляется под видом оказания психиатрической помощи. При этом опасность рассматриваемого деяния обусловлена не только ограничением свободы передвижения и выбора местопребывания, но и воздействием на психически здоровое либо не нуждающееся в стационарном лечении лицо методов терапии, отличающихся значительной фармакологической нагрузкой и способных причинить существенный вред его здоровью или даже смерть.

Дополнительную сложность создаёт специфика функционирования психиатрических стационаров. Доступ в такие организации для внешних лиц существенно ограничен, а формальный судебный контроль за недобровольной госпитализацией далеко не всегда сопровождается реальной возможностью независимой проверки обоснованности помещения и продолжения пребывания пациента. В условиях изоляции, подчинённости внутреннему распорядку и приёма психотропных препаратов у госпитализированного лица объективно снижаются когнитивные и волевые возможности для защиты своих прав: затрудняется инициирование жалоб, участие в судебных заседаниях и обращение к внешним правозащитным механизмам. В результате деятельность психиатрических стационаров в значительной степени оказывается вне действенного контроля со стороны общества и государства, а незаконные госпитализации приобретают высокий уровень латентности.

Указанные обстоятельства приобретают особую значимость в свете недавних изменений специального законодательства. Так, ФЗ от 04.08.2023 г. № 465 ФЗ из Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» исключена ст. 38, предусматривавшая создание независимой от органов исполнительной власти службы защиты прав пациентов, находящихся в психиатрических стационарах. Предполагалось, что такая служба обеспечит постоянное присутствие внешнего субъекта в учреждениях, приём жалоб пациентов и оперативное взаимодействие с администрацией и органами публичной власти. Фактический отказ от реализации данной модели при сохранении лишь формализованных форм государственного и общественного контроля перечисленных в ст. 46 указанного закона усилил закрытость психиатрических организаций и закрепил преимущественно документарный характер проверок, ориентированных на оценку отчётности и условий содержания, но не на выявление индивидуальных случаев незаконной госпитализации, тем самым превращая их в простую формальность, а не в реально работающий инструмент.

Данные исследований и официальной статистики также показывают существенные проблемы в сфере недобровольной психиатрической помощи. Так, по результатам работы А.В. Белостоцкого и соавторов доля необоснованных госпитализаций в стационарные психиатрические учреждения в одном из крупных регионов России составила 9,3 % в 2015 г., 13,5 % в 2016 г. и 24,0 % в 2017 г. [1, с. 16].

Данные цифры отражают долю пациентов, в отношении которых, по оценке экспертов, можно было ограничиться амбулаторным наблюдением, дневным стационаром или иными видами помощи без помещения в круглосуточный стационар, либо стационарное лечение вообще не было показано. Бо-

лее поздние обзоры практики недобровольной госпитализации фиксируют устойчиво большой объём таких дел и подчёркивают сохранение значительного числа неоднозначных и потенциально необоснованных случаев при крайне низком уровне их последующего обжалования. В сочетании с фактически единичными приговорами по ст. 128 УК РФ (по данным официальной статистики за десятилетний период осуждено всего около десяти лиц) это позволяет говорить о наличии высокой степени латентности данного деяния.

В этих условиях обращение к уголовно-правовой характеристике незаконной госпитализации по ст. 128 УК РФ приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Для оценки возможностей применения данной нормы и выяснения причин её фактической малой востребованности в правоприменительной практике необходимо последовательно проанализировать элементы состава соответствующего преступления.

Общим объектом преступлений, предусмотренных главой 17 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие свободу личности в целом. Непосредственным объектом ст. 128 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие личную (физическую) свободу человека, включая свободу выбора местопребывания и режима передвижения. Дополнительным объектом являются общественные отношения по охране жизни и здоровья потерпевшего, что находит отражение в ч. 2 ст. 128 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение по неосторожности смерти потерпевшего или иных тяжких последствий.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, выражается в незаконной госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, либо с существенным нарушением установленного законом порядка. Состав носит формальный характер и признаётся оконченным с момента фактического помещения лица в стационар на условиях недобровольного пребывания. Наступление опасных последствий для здоровья не является обязательным признаком, но учитывается при квалификации по ч. 2 ст. 128 УК РФ, когда речь идёт о смерти потерпевшего или иных тяжких последствиях.

Для правильного понимания объективной стороны принципиально разграничивать фактическое помещение (привоз) лица в психиатрическую организацию и собственно госпитализацию как юридически оформленную процедуру, на которую после внесения изменений 2013 г. прямо указывает диспозиция ст. 128 УК РФ.

Фактическое помещение может осуществляться родственниками, сотрудниками полиции, иными лицами, в том числе по инициативе органов опеки или самой медицинской организации, и само по себе не образует объективной стороны рассматриваемого состава. В соответствии со ст. 28 и 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» первоначальное решение о помещении лица в стационар принимает врач психиатр (врач скорой психиатрической помощи, дежурный врач приёмного отделения), а в течение 48 часов лицо, помещённое в недобровольном порядке, подлежит обязательному освидетельствованию комиссией врачей психиатров, которая оценивает обоснованность госпитализации и при признании её обоснованной направляет своё заключение в суд.

С учётом этого объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, образуют незаконные действия специально уполномоченных медицинских работников по принятию и реализации решения о госпитализации (как на стадии индивидуального решения врача, так и на стадии коллегиального решения комиссии), совершённые с заведомым нарушением требований закона и повлёкшие фактическое помещение лица в стационар на условиях недобровольного пребывания.

В научной юридической литературе и в позициях профессионального психиатрического сообщества высказываются различные подходы к вопросу о том, какой именно элемент данной процедуры должен рассматриваться как «решение о госпитализации» в уголовно правовом смысле. Часть авторов, акцентируя внимание на ключевой роли комиссии врачей психиатров и её обязанности в 48 часовый срок подтвердить или опровергнуть необходимость недобровольного стационарного лечения, предлагает исходить из того, что именно комиссионное заключение обосновывает госпитализацию и, следовательно, только члены комиссии могут быть признаны исполнителями преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ.

Вместе с тем, по нашему мнению, более обоснованной представляется позиция, согласно которой уголовно правовое значение имеют как действия врача психиатра, принимающего первоначальное решение о помещении лица в стационар, так и действия комиссии, подтверждающей или опровергающей обоснованность такого помещения. Закон прямо наделяет врача психиатра правом инициировать госпитализацию и тем самым фактически инициировать механизм ограничения свободы лица, а последующее комиссионное и судебное рассмотрение не устраняет юридической значимости исход-

ного решения. Поэтому исключение индивидуального врача из числа возможных исполнителей состава незаконной госпитализации по ст. 128 УК РФ не соответствует смыслу специального законодательства.

Субъективная сторона незаконной госпитализации характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный осознаёт отсутствие предусмотренных законом оснований для недобровольного помещения конкретного лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, либо допущенные существенные нарушения установленного порядка госпитализации (несоблюдение критериев ст. 29 Закона о психиатрической помощи, игнорирование требований о судебном контроле, искажение сведений о состоянии пациента и т.п.) и желает достижения соответствующего результата.

Конкретные мотивы (служебная подстраховка, стремление «избавиться» от конфликтного пациента или родственника, реализация имущественных интересов третьих лиц и др.) для квалификации по ст. 128 УК РФ значения не имеют. При этом в доктрине, по нашему мнению, обоснованно указывается на возможность двойной формы вины по ч. 2 ст. 128 УК РФ: умышленное отношение к самому факту незаконного ограничения свободы и неосторожное к наступлению смерти потерпевшего или иных тяжких последствий для здоровья, обусловленных, например, осложнениями медикаментозной терапии или суицидальными действиями пациента в условиях недобровольного стационара.

Наиболее дискуссионным элементом состава остаётся вопрос о субъекте преступления. В ранних работах, исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 128 УК РФ и наличия в ч. 2 признака «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения», делался вывод о наличии по ч. 1 общего субъекта – любого вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности. При таком подходе в число возможных исполнителей включались не только медицинские работники, но и родственники, законные представители, соседи и иные лица, принимавшие участие в фактическом помещении гражданина в психиатрическую организацию. Между тем анализ специального законодательства о психиатрической помощи, регламентирующего основания и порядок госпитализации, а также реального механизма её осуществления, привёл большинство современных исследователей к выводу о специальном характере субъекта по ч. 1 ст. 128 УК РФ.

Как подчёркивают Л. В. Иванова, Л. В. Цой и другие авторы, юридически значимое решение о госпитализации принимает строго ограниченный круг лиц: врач психиатр, комиссия врачей психиатров, руководитель медицинской организации либо уполномоченное им должностное лицо, обращающееся в суд с заявлением о недобровольной госпитализации. Именно они наделены полномочиями перевести гражданина в режим стационарного пребывания и тем самым реализовать ограничение его свободы; действия же иных лиц, не обладающих такими полномочиями, не могут образовывать объективную сторону состава, а охватываются институтом соучастия.

В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что субъектом преступления по ч. 1 ст. 128 УК РФ следует признавать только специально уполномоченное медицинское лицо, участвующее в принятии решения о госпитализации и его оформлении: врача психиатра (в том числе врача скорой психиатрической помощи, дежурного врача приёмного отделения), членов комиссии врачей психиатров, руководителя медицинской организации либо его заместителя, действующего в пределах предоставленных полномочий. Все иные участники – родственники, законные представители, представители органов опеки и попечительства и т.д., инициирующие или поддерживающие незаконную госпитализацию, могут нести ответственность за данное деяние лишь как организаторы, подстрекатели или пособники по ст. 33 УК РФ в совокупности со ст. 128 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об уголовной ответственности судьи, выносящего незаконное решение о недобровольной госпитализации. В литературе и практике преобладает, однако не является единственной позиция, согласно которой подобные действия подлежат квалификации по ст. 305 УК РФ как вынесение заведомо неправосудного судебного акта, поскольку данная норма имеет специальный характер по отношению к ст. 128 УК РФ и более точно отражает непосредственный объект посягательства – интересы правосудия [2–5]. Признание судьи исполнителем преступления, предусмотренного ст. 128 УК РФ, по нашему мнению, противоречило бы правилам разрешения конкуренции общей и специальной норм и приводило бы к дублированию ответственности за одно и то же деяние.

Признание специального характера субъекта по ч. 1 ст. 128 УК РФ напрямую влияет на оценку квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 статьи, – совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения. В исходной редакционной задумке этот признак должен был отражать повышенную общественную опасность действий должностного или иного служебного лица по сравнению с обычным гражданином. Однако при подходе, согласно которому исполнителем преступления могут быть только лица, наделённые специальными полномочиями по принятию решений

о госпитализации (врачи психиатры, члены комиссии, руководители медицинских организаций), использование служебного положения превращается в обязательную характеристику любого деяния и фактически перестаёт выполнять разграничительную функцию между основным и квалифицированным составами.

Представляется, что в этих условиях действующая конструкция ч. 2 ст. 128 УК РФ нуждается в корректировке. При признании специального субъекта в ч. 1 ст. 128 УК РФ сохранение в качестве квалифицирующего признака использования служебного положения утрачивает смысл, поскольку любое незаконное решение о госпитализации неизбежно принимается с опорой на служебные полномочия. Более логичным видится переориентировать квалифицированный состав на иные признаки, действительно увеличивающие общественную опасность деяния: совершение незаконной госпитализации из корыстных побуждений, группой лиц по предварительному сговору или в составе организованной группы, при заведомо длительном незаконном удержании лица в стационаре, а также при причинении тяжкого вреда здоровью. При этом сохранение в ч. 2 ст. 128 УК РФ последствия в виде смерти потерпевшего или иных тяжких последствий по неосторожности позволяет сохранить связь данной нормы с дополнительным объектом посягательства – жизнью и здоровьем гражданина. Подобная редакция, на наш взгляд, позволила бы устранить внутренние противоречия статьи, уточнить границы квалифицированного состава и приблизить меру уголовно правовой реакции к реальной тяжести деяний, совершаемых в сфере недобровольной психиатрической помощи.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что ст. 128 УК РФ по своей конструкции действительно относится к специальным составам преступлений против личной свободы и обоснованно включена законодателем в главу 17 УК РФ, однако в современных условиях она остаётся практически невостребованной в правоприменительной практике, несмотря на наличие значительного числа фактически необоснованных недобровольных госпитализаций в психиатрические стационары.

Ключевые проблемы ст. 128 УК РФ связаны с особенностями её законодательной конструкции. Так, с одной стороны, остаётся не до конца определённым круг лиц, которые могут выступать исполнителями данного преступления; с другой ч. 2 ст. 128 УК РФ внутренне противоречива, поскольку при признании специального субъекта использование служебного положения фактически превращается в обязательный признак любого деяния и утрачивает разграничивающее значение между основным и квалифицированным составами.

В этих условиях совершенствование механизма противодействия незаконной госпитализации, на наш взгляд, должно осуществляться по двум основным направлениям, во первых, через уточнение уголовно правовой конструкции статьи (законодательное закрепление специального субъекта, пересмотр системы квалифицирующих признаков с отказом от формального указания на использование служебного положения, возможное закрепление в диспозиции признака незаконного удержания в стационаре), а во вторых, через восстановление и развитие институциональных гарантий (создание реально независимого механизма защиты прав пациентов, повышение стандартов участия адвокатов и реальной эффективности судебного контроля).

Только совокупная реализация этих мер способна придать ст. 128 УК РФ реальное, а не декларативное содержание и обеспечить надлежащую уголовно правовую охрану свободы личности в сфере психиатрической помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1.Белостоцкий, А. В., Тер-Исраелян, А. Ю., Евдокимова, Т. Е. Актуальные вопросы организации и оказания психиатрической помощи в современных условиях / А. В. Белостецкий [и др.] // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2019. – №2. – С. 12–21.

2.Карасева, М. Ю. Уголовная ответственность за преступление против свободы личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 24 с.

3.Благов, Е. В. Квалификация при совершении преступления / Е. В. Благов. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 200 с.

4.Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юридическая литература, 1972. – 352 с.

5.Иванова, Л. В. Субъект незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: спорные моменты / Л. В. Иванова // Юридические исследования. – 2016. – № 7. – С. 7–13.

УДК 343.2.7

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ УГОЛОВНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Арапов Владислав Николаевич, магистрант

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; arap.v.n.@ruc.su

PERSONAL FREEDOM AND ILLEGAL DEPRIVATION OF FREEDOM IN FAMILY RELATIONS: A COMPARATIVE CRIMINAL LAW ANALYSIS

Arapov Vladislav Nikolaevich, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу незаконного лишения свободы в семейно бытовой сфере как посягательства на свободу личности. Сравниваются российская ст. 127 УК РФ и зарубежные модели (coercive control, false imprisonment), оценивается предложение о привилегированном составе за ограничение свободы в семье и обосновывается необходимость усиления уголовно правовой защиты потерпевших.

Ключевые слова: свобода личности, незаконное лишение свободы, ст. 127 УК РФ, семейные отношения, домашнее насилие

The article is devoted to the analysis of illegal deprivation of freedom in the family and household sphere as an encroachment on personal freedom. It compares Russian Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation and foreign models (coercive control, false imprisonment), evaluates the proposal for a privileged composition for restricting freedom in the family, and substantiates the need to strengthen the criminal legal protection of victims.

Keywords: personal freedom, unlawful imprisonment, Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation, family relations, domestic violence.

Право на свободу есть не что иное, как сама свобода, т.е. возможность совершать любые правомерные действия [1]. Свобода личности традиционно рассматривается в доктрине и законодательстве как одно из ключевых прав человека и гражданина, обеспечивающее возможность самостоятельного осуществления принадлежащих ему прав и свобод в пределах, установленных законом. При этом свобода личности как одна из высших ценностей является сложным и многогранным понятием [2]. В отечественной правовой системе она закреплена на конституционном и международно правовом уровнях и получает специальную уголовно правовую охрану посредством норм о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности, объединённых в главу 17 УК РФ [3]. В указанной совокупности преступлений важное место занимает состав незаконного лишения свободы, закреплённый в ст. 127 УК РФ, поскольку он прямо направлен на охрану личной свободы человека, прежде всего его свободы передвижения и выбора места нахождения. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что случаи ограничения свободы личности нередко возникают именно в рамках семейно бытовых отношений (удержание в жилище, запрет на выход из дома и т.п.), однако далеко не всегда получают квалификацию по ст. 127 УК РФ и в должной мере отражаются в практике уголовного преследования. В условиях повышения внимания к проблематике домашнего насилия, систематического психического и физического воздействия на членов семьи особую актуальность приобретает вопрос о соответствии существующей модели уголовно правовой охраны свободы личности современным социальным реалиям и международным тенденциям развития уголовного законодательства.

При этом в сфере семейно бытовых отношений незаконное ограничение свободы личности как правило не выступает изолированным эпизодом, а оказывается включено в более широкий комплекс насильственных практик – физического, психического, сексуального, экономического насилия, направленных на установление и поддержание контроля над потерпевшим. Такое сочетание действий нередко описывается в зарубежной литературе как «коэрсивный контроль» (coercive control), предполагающий систематическое лишение автономии и возможности свободного выбора поведения. В этих условиях незаконное лишение свободы (удержание в жилище, блокирование выхода, изъятие ключей и средств связи и т.п.) представляет собой специфическую форму посягательства на личную свободу, часто реализуемую в семейно бытовом контексте, и потому требует анализа прежде всего как преступление против свободы личности, а уже во вторую очередь как элемент более широких моделей домашнего насилия.

В международно правовых и зарубежных подходах к борьбе с домашним насилием концепция коэрсивного контроля используется, в том числе, для более точного описания форм посягательств на личную свободу, совершаемых в семейной сфере. В государствах Совета Европы она соотносится с положениями Стамбульской конвенции, ориентирующей национальные правопорядки на учёт систематических форм контроля и ограничения автономии потерпевших, включая лишение их свободы передвижения и социальных контактов. В отдельных юрисдикциях предпринимаются шаги по прямой криминализации соответствующего поведения: так, в Англии и Уэльсе с 2015 г. действует специальный состав «controlling or coercive behaviour in an intimate or family relationship» (s. 76 Serious Crime Act 2015), охватывающий длительные модели доминирования, при которых изоляция, ограничение передвижения, контроль за коммуникациями и финансами выступают ключевыми средствами

подчинения партнёра. Одновременно в ряде стран (Великобритания, Ирландия, отдельные штаты США) элементы коэрсивного контроля всё активнее включаются в определения домашнего насилия и в основания для выдачи защитных предписаний, что отражает понимание незаконного ограничения личной свободы как структурного элемента семейного насилия, а не разового инцидента. Для целей уголовного права такие подходы важны тем, что демонстрируют: незаконное ограничение личной свободы в семейно бытовом контексте может и должно рассматриваться не только как фон для иных форм насилия, но и как самостоятельный объект уголовно правовой оценки, требующий адекватного отражения в составах, аналогичных российской ст. 127 УК РФ.

В англо американской правовой традиции посягательства на личную свободу в семейно бытовой сфере нередко охватываются как специальными составами, связанными с домашним насилием, так и общими нормами о незаконном лишении свободы (false imprisonment, unlawful imprisonment). В США во многих штатах удержание партнёра в жилище, блокирование выхода из помещения, отнятие ключей или телефона квалифицируется как false imprisonment либо unlawful restraint и одновременно рассматривается правоохранительными органами как эпизод домашнего насилия, если потерпевший является членом семьи или домохозяйства. Анализ судебной практики демонстрирует, что подобные действия часто не сопровождаются причинением телесных повреждений, но образуют самостоятельное преступление против личной свободы, поскольку выражаются в лишении потерпевшего возможности свободно покинуть помещение или перемещаться по своему усмотрению. В ряде юрисдикций (например, Флорида, Калифорния) прямо фиксируется, что false imprisonment в отношении члена семьи образует квалифицированный состав и влечёт более строгие санкции, что отражает повышенную опасность посягательств на личную свободу в контексте семейного контроля и насилия.

На примере штата Калифорния можно более детально проследить, каким образом посягательства на личную свободу в семейно бытовой сфере получают самостоятельную уголовно правовую оценку. Ст. 236 Уголовного кодекса штата Калифорния определяет false imprisonment как «незаконное нарушение личной свободы другого лица», то есть заведомое ограничение, сдерживание или задержание человека без его согласия, лишающее его возможности свободно передвигаться. При этом для признания состава не требуется длительного удержания, достаточно кратковременного блокирования выхода, физического удержания, изъятия ключей или иного имущества, без которого потерпевший обоснованно не желает уходить, либо создания посредством угроз обоснованного страха перед насилием, фактически препятствующего уходу. Так, в материалах, посвящённых практике применения норм о домашнем насилии, в качестве типичных форм проявления контроля над партнёром описываются запирание в комнате, удержание на диване, изъятие ключей от машины, и именно такие ситуации приводят к сочетанию обвинений в домашнем насилии и false imprisonment как самостоятельного преступления против личной свободы.

Сопоставление зарубежных подходов с российским регулированием показывает, что по своему базовому содержанию состав незаконного лишения свободы, предусмотренный ст. 127 УК РФ, во многом близок к конструкции false imprisonment, поскольку и в российском, и в англо американском правопорядке ключевым признаком является заведомое лишение человека возможности свободно определять своё местонахождение и покидать помещение по своему усмотрению [4].

Вместе с тем в российской правоприменительной практике семейно бытовой контекст таких посягательств, как правило, не получает самостоятельного отражения в квалификации и оценке содеянного: удержание партнёра в жилище, блокирование выхода или изъятие ключей нередко не получают самостоятельной уголовно правовой оценки, подменяются квалификацией иных, более очевидных проявлений насилия (побоев, угроз убийством), либо вовсе остаются за рамками уголовного преследования, что свидетельствует о недостаточной реализованности потенциала ст. 127 УК РФ в части реагирования на незаконное ограничение свободы личности в семейно бытовой сфере.

В отечественной литературе высказываются и противоположные предложения относительно направления развития уголовно правового регулирования в рассматриваемой сфере. Так, Н. С. Юхнина, анализируя проблему ограничения свободы личности в семейных отношениях, обосновывает необходимость специальной нормы, предусматривающей ответственность за ограничение свободы в семье, причём с учётом родственных связей между виновным и потерпевшим предлагает придать такой норме характер привилегированного состава по отношению к общему запрету, закреплённому в ст. 127 УК РФ. Данный автор считает, что семейно правовой статус участников и мотивы, связанные с заботой о члене семьи, должны учитываться как обстоятельства, смягчающие оценку общественной опасности незаконного ограничения свободы [5].

Обобщение зарубежных подходов позволяет отметить, что незаконное лишение свободы в семейно бытовом контексте в современных правопорядках не рассматривается в качестве основания для

смягчения уголовной ответственности, напротив, семейные и иные близкие отношения либо выступают обязательным элементом конструкции самостоятельных составов, криминализующих контролирующее и ограничивающее свободу поведение (как в модели «coercive control» в Англии, Уэльсе и Ирландии), либо учитываются как обстоятельства, усиливающие уголовно правовую реакцию и обосновывающие применение дополнительных мер защиты потерпевшего.

В этом контексте предложение рассматривать ограничение свободы в семейных отношениях как привилегированный состав, предусмотренный отдельной нормой с более мягкими санкциями, представляется нам весьма противоречивым, поскольку противоречит как международным тенденциям развития уголовного законодательства, так и фактической повышенной уязвимости потерпевших в условиях семейного контроля.

Более обоснованным видится путь уточнения конструкции ст. 127 УК РФ либо путём введения специальных квалифицирующих признаков, отражающих совершение незаконного лишения свободы в отношении лица, состоящего с виновным в семейных или иных близких отношениях, либо путём разработки самостоятельного состава, ориентированного на систематическое ограничение личной свободы в семейно бытовой сфере с учётом зарубежной модели криминализации коэрсивного контроля.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что свобода передвижения и выбора места нахождения в семейно бытовой сфере остаётся уязвимым объектом уголовно правовой охраны, при том, что по своему базовому содержанию состав, предусмотренный ст. 127 УК РФ, близок к зарубежным конструкциям незаконного лишения свободы, фактическая практика его применения не обеспечивает должного реагирования на случаи ограничения свободы в семье. Зарубежные модели, ориентированные на криминализацию коэрсивного контроля и усиленную защиту жертв домашнего насилия, демонстрируют, что незаконное лишение свободы в сфере семейно бытовых отношений не может рассматриваться как основание для смягчения ответственности и, напротив, требует либо специальных квалифицирующих признаков, либо самостоятельного состава.

В этих условиях представляется, что дальнейшее совершенствование российской уголовно правовой охраны свободы личности должно идти по пути учёта сферы семейно-бытовых отношений как фактора повышенной общественной опасности незаконного лишения свободы и сближения отечественной модели с зарубежными тенденциями, отказываясь от концепции привилегированного состава и выстраивая систему норм, обеспечивающих реальную защиту личной свободы членов семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. / М. В. Баглай – Москва: Норма, 2007. – 784 с.

2. Карасева, М. Ю. Понятие свободы личности как объекта уголовно-правовой охраны / М. Ю. Карасева // Юридические науки. – 2006. – № 2. – С. 187–193.

3. Лазарев, К. С. Реализация положений Международного Билля о правах человека в Конституции России / К. С. Лазарев // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 2. – С. 10–18.

4. Блажнов, А. Г. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект: автореф дисс … канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – 22 с.

5. Юхнина, Н. С. Свобода личности как объект уголовно-правовой охраны / Н. С. Юхнина // Верховенство права: человек в государстве : сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 24 октября 2019 года. – Ижевск : Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2019. – С. 729–733.

УДК 340

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Бабин Дмитрий Олегович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810647@ruc.su

INTER-SECTORAL CONVERGENCE OF PROCEDURAL LAW AS A FACTOR IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

Babin Dmitry Olegovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы унификации и принятия единых стандартов процессуальной деятельности (цивилистический аспект) в рамках реализации принципов доступности правосудия, равенства сторон, открытости и правовой определенности в целях создания более понятной, открытой единой системы защиты прав человека.

Ключевые слова: правосудие, гражданское судопроизводство, отраслевые принципы, защита прав, процессуальное право.

The article discusses topical issues of unification and adoption of uniform standards of procedural activity (civil aspect) in the framework of the implementation of the principles of accessibility of justice, equality of parties, openness and legal certainty in order to create a more understandable, open unified system for the protection of human rights.
Keywords: justice, civil proceedings, sectoral principles, protection of rights, procedural law.

В Конституции РФ 1993 года закреплены принципы и юридические гарантии защиты прав человека. Высшей формой защиты прав и ключевой государственной гарантией торжества законности и справедливости, согласно конституционным нормам, выступает отправление правосудия.

В соответствии со ст. 118 правосудие в России осуществляют специально уполномоченные органы государственной власти – суды, в форме судопроизводства. То есть восстановление нарушенных прав, разрешение спора проводится судом от имени государства в установленном законом строгом порядке.

Законодательно определены виды судопроизводства – конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное, которые отличаются четкой процедурой, т.е. регламентированностью действий всех участников судопроизводства [1].

Несмотря на значимость правосудия, судопроизводства нормативно в едином значении данные термины не определены.

К примеру, понятие правосудия выводится из системного толкования конституционных норм, а судопроизводство имеет свое легальное определение в контексте уголовного судопроизводства несмотря на то, что в норме указываются и иные виды процессуальных отношений.

Так судопроизводство определено в федеральном законе как регулируемая законодательством Российской Федерации о гражданском, административном и уголовном судопроизводстве деятельность суда или судьи по осуществлению правосудия, а также процессуальная деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора, органа или должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении [2].

Однако деятельность следователя, дознавателя на профессиональной основе осуществляется в рамках уголовного процесса, в частности досудебного производства, поэтому данное определение сложно считать универсальным для всех видов процессуальных отношений.

Только на примере двух основополагающих терминов показана необходимость совершенствования действующего механизма процессуального регулирования с учетом формирования новой цифровой среды – информационного общества и цифрового государства.

В своих научных исследованиях Беляев В. П., Тихомиров Ю. А., Кирдяшова Е. В., Лапаева В. В., Туманов Д. А., Комарова Т. А. поднимают острые вопросы в деятельности судебных органов и выносят на обсуждение тезис об интеграции и унификации общих правил и принципов судопроизводства в соответствии с конституционными принципами функционирования судебной системы.

Так если обратиться к нормам цивилистического процесса, то очевидным является дублирование правовых норм отдельных институтов общих положений федеральных законов (Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства) [3].

Бесспорно, каждый из конституционно-закрепленных видов судопроизводства имеют свои цели и задачи, субъектный состав.

Однако, анализ процессуального законодательства позволяет поддержать предложения правоведов о закреплении трех основных видов судопроизводства. В качестве критериев, которые позволили прийти к такому выводу, стали предмет и характер нарушенных материальных норм, процедура (порядок) разрешения спора и т.д.

К примеру, конституционное судопроизводство и уголовный процесс по вышеуказанным критериям существенно отличаются от гражданского, арбитражного или административного процесса.

Конституционный Суд РФ в судебной системе занимает особое положение, не имеет организационной подчиненности и выполняет функции конституционного контроля. Следовательно, в его деятельности задачами выступает не разрешение рассматриваемого дела (спора), а защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории РФ (ст. 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Уголовное судопроизводство в глобальном целеполагании ориентировано на обеспечение общественного порядка, социальной стабильности, а также справедливости в соответствии с принципом неотвратимости наказания. Здесь стоит вопрос не о решении частных вопросов, на обеспечении публичных интересов общества и государства, поэтому и государство в лице специально уполномоченных должностных лиц активно участвует в производстве.

Вполне логичным и последовательным будет являться вывод о том, что гражданское судопроизводство следует рассматривать как особый интегрированный вид процессуальных отношений по рассмотрению и разрешению споров частно-правового порядка.

Безусловно, существует своя специфика, обусловленная предметом спора: имущественные и личностно-неимущественные гражданские споры; споры из публичных правоотношений частного лица; споры хозяйствующих субъектов по защите своих прав и бизнес интересов.

Именно поэтому нормы статей 245–261.8 третьего подраздела Гражданского процессуального кодекса были выделены в самостоятельный Кодекс административного судопроизводства в 2015 году.

Но именно этот факт только подтверждает необходимость проведения унификации и стандартизации процессуальных отношений для частных лиц, сохраняя специализацию по предмету спору.

По примеру федерального конституционного закона, определяющего основы судоустройства в стране [4] необходим единый нормативный концепт судопроизводства в России (Основы российского судопроизводства), который устанавливал бы правовые начала отправления правосудия и процессуальной деятельности судов.

Такой шаг позволит в полной мере реализовать принципы доступности правосудия, равенства, открытости информации, правовой определенности и создаст более понятную, открытую единую систему судебной защиты прав человека.

Это реализуемо через установление единой правовой терминологической основы, исключающей многозначное толкование. Так, нуждается в терминологической определенности процессуальный срок и критериев разумности сроков, принцип справедливости, категории совести, прав и свобод, правосудия, правового статуса суда, судебного контроля/надзора, стадий судопроизводства и др. Также важно привести в соответствие принципы отправления правосудия конституционно-правовой природы началам, закрепленным в процессуальном законодательстве.

То есть, унификация правовой основы судопроизводства означает закрепление единых принципов, прежде всего, принципа справедливости (его нормативное определение), который и составляет суть правовой и судебной защиты прав каждого в государстве.

Такой подход позволит исключить из гражданского, арбитражного и административного процессуального законодательства положения, в своей основе дублирующие друг друга или не отражающие в полной мере существо судопроизводства, оставляющие противоречия в правоприменении и системном понимании правосудия, оставив те положения разделов/частей, которые устанавливают правовую специфику рассмотрения и разрешения соответствующего спора/дела.

Но крайне важно подчеркнуть, что сам по себе процесс изменения процессуального законодательства не является в данном случае самоцелью, а является продолжением темы судебной реформы 2018 года, существенно изменившей судоустройство в стране.

Предложения правоведов о создании единого Гражданского процессуального кодекса [5] являются однозначно эффективным способом в повышении результативности и эффективности судебной деятельности.

Согласимся с мнением Беляева В. П., Беляевой Г. С., что именно межотраслевая конвергенция позволит достигнуть единообразия в регламентации отдельных универсальных правовых институтов в процессуальном законодательстве [6].

Таким образом, судопроизводство как форма отправления правосудия представляет собой механизм процессуально-правовой деятельности судов по защите прав и свобод человека. Целям гуманизма, законности и справедливости важно выявлять проблемы и исследовать вопросы повышения эффективности процессуально-правового регулирования осуществления правосудия в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ: ред. от 22.07.2024 // Российская газета, № 106, 05.06.2001.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: ред. от 31.07.2025 // Российская газета. № 220. 20.11.2002; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: ред. от 15.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 // Российская газета. № 137. 27.07.2002; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026 // Российская газета. № 49. 11.03.2015.

4. О судебной системе Российской Федерации от 31.12.1996 № 1-ФКЗ: ред. от 29.12.2025 // Российская газета. № 3. 06.01.1997.

5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)). // СПС «Гарант»

6. Беляев В. П., Беляева Г. С. Процессуально-правовое регулирование: проблема эффективности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 35.

УДК 343.1

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННОЙ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Барашкин Сергей Андреевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810118@ruc.su

APPOINTMENT AND PRODUCTION OF EXAMINATIONS AND STUDIES IN THE INVESTIGATION OF SMUGGLING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES COMMITTED BY AIR TRANSPORT

Barashkin Sergey Andreevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются процессуальные и организационные особенности назначения и производства экспертиз при расследовании контрабанды наркотических средств через воздушный транспорт. Рассматриваются специфические виды судебных экспертиз, востребованных в данной категории уголовных дел: химическая, трасологическая, дактилоскопическая, техническая экспертиза документов. Особое внимание уделяется проблемам взаимодействия следователей с экспертными учреждениями в условиях международных авиарейсов, вопросам обеспечения сохранности вещественных доказательств биологического происхождения. Автор обосновывает необходимость формирования специализированных межведомственных экспертных групп при крупных аэропортовых комплексах для оперативного реагирования на факты выявления наркотиков.

Ключевые слова: контрабанда наркотиков, воздушный транспорт, судебная экспертиза, наркотические средства, психотропные вещества, авиационная безопасность, расследование преступлений.

The article analyzes the procedural and organizational features of the appointment and production of expert examinations in the investigation of drug smuggling through air transport. Specific types of forensic examinations required in this category of criminal cases are considered: chemical, trasological, fingerprint, technical examination of documents. Particular attention is paid to the problems of interaction between investigators and expert institutions in the context of international flights, issues of ensuring the safety of physical evidence of biological origin. The author substantiates the need to form specialized interdepartmental expert groups at large airport complexes for rapid response to facts of drug detection.

Keywords: drug smuggling, air transport, forensic examination, narcotic drugs, psychotropic substances, aviation security, crime investigation.

Воздушный транспорт остается одним из наиболее привлекательных каналов для международной наркопреступности. Скорость перемещения, относительная анонимность пассажиропотока, сложности досмотра багажа в условиях пересадочных узлов – все это создает благоприятную среду для контрабандистов. По данным ФСКН России (упраздненной в 2016 году, чьи функции перешли к МВД), в 2023 году через аэропорты Шереметьево, Домодедово и Внуково было пресечено 347 попыток провоза наркотических средств общим весом более 280 килограммов. Это на 23 % больше показателей 2022 года [1, с. 115].

Впрочем, статистика фиксирует лишь выявленные случаи. Латентность преступлений данной категории остается высокой. Современные методы сокрытия наркотиков – от проглатывания капсул до использования химически обработанных материалов – требуют от правоохранительных органов применения всего арсенала криминалистических средств и методов. Именно здесь экспертные исследования становятся не вспомогательным, а центральным элементом доказывания.

Особенность воздушного транспорта заключается в многоэтапности логистических цепочек. Груз может быть зарегистрирован в Стамбуле, перегружен в Москве и следовать далее во Владивосток. Каждый этап – потенциальная точка внедрения наркотических средств в легальный грузопоток [2, с. 582]. Следственные органы сталкиваются с необходимостью устанавливать не только сам факт контрабанды, но и момент, место, способ сокрытия вещества, а также круг причастных лиц на разных участках маршрута.

Химическая экспертиза наркотических средств и психотропных веществ выступает базовой для всех уголовных дел данной категории. Без установления химической природы изъятого вещества невозможно квалифицировать деяние по статье 229.1 УК РФ. Экспертам предстоит ответить на ряд принципиальных вопросов: является ли представленное вещество наркотическим средством или психотропным веществом? К какому виду оно относится? Каков его вес в пересчете на сухое вещество? Каково процентное содержание активного компонента?

Эти вопросы кажутся рутинными. Однако на практике возникают существенные сложности. Син-

тетические наркотики постоянно модифицируются, их молекулярные формулы меняются для обхода запретительных перечней. Экспертные учреждения вынуждены регулярно обновлять справочные базы данных, приобретать новое аналитическое оборудование – газовые хроматографы, масс-спектрометры последнего поколения.

Трасологическая экспертиза востребована в случаях, когда наркотические средства обнаруживаются в сложных тайниках: двойных стенках чемоданов, полостях обуви, конструкционных элементах багажа. Перед экспертом ставятся вопросы о механизме образования следов, времени изготовления тайника, использованных инструментах. Нередко удается установить, что вскрытие и повторная герметизация багажа производились уже после регистрации груза в аэропорту отправления – это указывает на причастность наземного персонала авиакомпании или службы безопасности.

Дактилоскопическая экспертиза применяется для установления лиц, контактировавших с упаковкой наркотических средств. Следы пальцев рук могут быть обнаружены на полиэтиленовых пакетах, скотче, внутренних поверхностях тайников. Учитывая, что контрабанда часто осуществляется организованными группами, идентификация каждого участника цепочки критически важна для полноты расследования.

Техническая экспертиза документов назначается при необходимости проверки подлинности авиабилетов, багажных квитанций, таможенных деклараций. В практике встречаются случаи использования поддельных посадочных талонов для создания видимости легального перемещения. Эксперты устанавливают способ изготовления документа, соответствие его образцам, применявшимся конкретной авиакомпанией в определенный период, наличие признаков материального подлога.

Биологическая экспертиза может потребоваться при обнаружении наркотических средств в организме человека – так называемых «курьеров-глотателей». Здесь важно установить не только наличие вещества, но и его количество, форму упаковки (капсулы, презервативы), степень угрозы для жизни и здоровья курьера. Иногда приходится работать с биологическим материалом посмертно, если капсула разгерметизировалась в желудочно-кишечном тракте.

Специфика расследования контрабанды на воздушном транспорте диктует жесткие временные рамки. Самолеты не могут задерживаться на земле в ожидании экспертного заключения. Пассажиры, следующие транзитом, не всегда имеют российские визы для длительного пребывания на территории РФ. Багаж, изъятый из грузового отсека, должен быть процессуально оформлен и передан на экспертизу в кратчайшие сроки [4].

Возникает вопрос: кто и в каких условиях осуществляет предварительное исследование? Практика показывает целесообразность создания экспресс-лабораторий непосредственно в зданиях аэровокзалов. В Шереметьево с 2022 года функционирует передвижная криминалистическая лаборатория МВД России, оснащенная портативными приборами для экспресс-анализа наркотических веществ. Предварительное исследование позволяет в течение 30–40 минут получить ориентирующую информацию о природе вещества и принять процессуальное решение о задержании подозреваемого.

Однако экспресс-анализ не заменяет полноценной судебной экспертизы. Результаты предварительного исследования не имеют доказательственного значения. Они лишь формируют основания для возбуждения уголовного дела и избрания меры пресечения. Окончательное заключение выносится экспертными учреждениями – Экспертно-криминалистическими центрами МВД России, лабораториями Министерства юстиции РФ, либо негосударственными экспертными организациями, имеющими соответствующую лицензию.

Назначение экспертизы оформляется постановлением следователя или дознавателя. В постановлении формулируются вопросы, указываются объекты исследования, определяется экспертное учреждение. Копия постановления вручается подозреваемому (обвиняемому), который вправе заявлять отвод эксперту, просить о назначении дополнительной или повторной экспертизы, присутствовать при производстве экспертных действий (с разрешения эксперта).

На практике встречаются процессуальные нарушения, связанные со спешкой. Изъятие вещественных доказательств производится без участия понятых или с понятыми из числа сотрудников аэропорта, заинтересованных в исходе дела. Упаковка наркотических средств осуществляется с нарушением требований герметичности, что приводит к частичной утрате вещества или его загрязнению посторонними примесями. Все эти обстоятельства впоследствии ставятся под сомнение стороной защиты и могут повлечь признание доказательств недопустимыми [3, с. 84].

Когда контрабанда выявляется на международном рейсе, возникает вопрос юрисдикции. Если наркотические средства обнаружены у гражданина Турции, следующего транзитом через Москву в Гонконг, какое государство обладает приоритетным правом на уголовное преследование? Российская сторона может возбудить уголовное дело, если преступление совершено на территории РФ (статья 11 УК РФ). Однако для полноты расследования требуется получить доказательства из страны отправления и назначения.

Механизм международной правовой помощи действует медленно. Запросы направляются по дипломатическим каналам, их рассмотрение занимает месяцы. За это время свидетели теряют связь, материалы видеонаблюдения в аэропортах отправления уничтожаются в соответствии с внутренними регламентами хранения. Оперативное взаимодействие через каналы Интерпола отчасти решает проблему, но не заменяет официальных процедур получения доказательств.

Особую сложность представляет экспертное исследование наркотических средств, изъятых в рамках оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела. Формально результаты таких исследований не являются заключениями экспертов в смысле статьи 80 УПК РФ. Это справки, акты, рапорта. После возбуждения уголовного дела требуется повторное экспертное исследование того же самого вещества. Возникает риск количественных и качественных расхождений: вещество могло частично разложиться, испариться, подвергнуться воздействию влаги.

Для минимизации таких рисков необходима безупречная процедура хранения вещественных доказательств. Наркотические средства помещаются в опечатанные металлические контейнеры, снабжаются биркой с указанием даты, времени, места изъятия, фамилии изымавшего лица. Контейнеры хранятся в специальных сейфах с ограниченным доступом. Каждое перемещение фиксируется в журнале учета.

Развитие технологий криминалистического анализа открывает новые возможности. Появляются портативные рамановские спектрометры, позволяющие идентифицировать наркотические вещества через прозрачную упаковку без ее вскрытия. Это сокращает время анализа и снижает риски контаминации [4, с. 49]. Искусственный интеллект используется для сравнения молекулярных формул новых синтетических наркотиков с базами данных запрещенных веществ, что ускоряет процесс классификации.

Однако техническое оснащение - лишь часть решения. Не менее важна подготовка кадров. Эксперты должны обладать не только химическими знаниями, но и пониманием специфики авиационной логистики, таможенных процедур, международного права. Целесообразно формирование межведомственных экспертных групп, включающих специалистов МВД, ФСБ, Федеральной таможенной службы, Росавиации. Такие группы могли бы постоянно дежурить в крупнейших аэропортовых узлах – Шереметьево, Домодедово, Пулково, Кольцово - обеспечивая немедленное реагирование на факты выявления контрабанды.

Другой важный аспект – унификация методик экспертного исследования. В настоящее время разные экспертные учреждения применяют различные методы анализа, что иногда приводит к расхождениям в выводах. Необходимы единые федеральные стандарты, утвержденные приказом Минюста России, обязательные для всех экспертов, работающих по делам о наркотиках. Это повысит доверие к экспертным заключениям со стороны судов и сторон защиты.

Еще одна проблема – загруженность экспертных учреждений. Сроки производства экспертиз достигают двух-трех месяцев, что затягивает расследование и нарушает право обвиняемых на рассмотрение дела в разумный срок. Расширение штата экспертов, создание региональных филиалов крупных лабораторий, привлечение негосударственных экспертных организаций – все это меры, требующие финансирования, но способные существенно улучшить ситуацию.

Наконец, стоит упомянуть о необходимости цифровизации документооборота. Электронная передача постановлений о назначении экспертизы, фотографий вещественных доказательств, промежуточных результатов исследований может сократить организационные издержки на 30–40 %. Уже сейчас в системе ЭКЦ МВД России внедряется защищенная информационная платформа, позволяющая следователям отслеживать стадии экспертного исследования в режиме реального времени.

Экспертное обеспечение расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, совершенной на воздушном транспорте, представляет собой сложный комплекс процессуальных, организационных и технических мероприятий. Многообразие видов экспертиз – от химической до биологической – отражает многоаспектность преступной деятельности и требует от следственных органов системного подхода к формированию доказательственной базы.

Ключевые проблемы связаны с временными ограничениями, характерными для авиационной сферы, сложностями международного взаимодействия, необходимостью обеспечения сохранности вещественных доказательств в условиях динамичной среды аэропорта. Решение этих проблем видится в создании специализированных межведомственных экспертных групп при крупнейших аэропортовых комплексах, оснащенных современным аналитическим оборудованием и обладающих полномочиями оперативного реагирования.

Унификация методик экспертного исследования, расширение штата экспертов, цифровизация документооборота, углубление международного сотрудничества - направления, требующие последовательной реализации на уровне федеральных органов исполнительной власти. Только комплексный

подход способен обеспечить эффективное противодействие наркоконтрабанде в условиях возрастающей мобильности преступных групп и совершенствования методов сокрытия запрещенных веществ.

Практическая значимость исследования состоит в формировании рекомендаций по оптимизации взаимодействия следственных органов с экспертными учреждениями, что может быть использовано при разработке ведомственных нормативных актов МВД России и методических пособий для следователей, специализирующихся на делах о контрабанде наркотиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касаткина С. А. Особенности расследования контрабанды наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 112–117. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54328901

2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2024. 928 с.

3. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

4. Шаповалов В. А., Шаповалова Е. В. Современные методы экспертного исследования наркотических средств и психотропных веществ // Теория и практика судебной экспертизы. 2025. Т. 20. № 1. С. 45–58. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=62847632

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА НАРКОКОНТРАБАНДЫ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Барашкин Сергей Андреевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810118@ruc.su

FEATURES OF DRUG SMUGGLING ON AIR TRANSPORT

Barashkin Sergey Andreevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются теоретические и практические аспекты алгоритмизации процесса проверки и оценки криминалистически значимой информации. Анализируется понятие следственного алгоритма применительно к работе с информационными потоками. Рассматриваются структура и типы алгоритмов, используемых на различных стадиях уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено алгоритмам верификации информации, полученной в ходе допросов, осмотров и обысков. Выявляются проблемы и ограничения формализации оценочной деятельности следователя. Определяются перспективные направления внедрения алгоритмических систем для поддержки принятия процессуальных решений.

Ключевые слова: алгоритмизация, криминалистически значимая информация, проверка и оценка информации, следственные действия, следственный алгоритм, формализация, верификация, модель принятия решений.

The article examines the theoretical and practical aspects of algorithmization of the process of verification and evaluation of criminally significant information. The concept of an investigative algorithm is analyzed in relation to working with information flows. The structure and types of algorithms used at various stages of criminal proceedings are considered. Special attention is paid to algorithms for verifying information obtained during interrogations, inspections and searches. The problems and limitations of the formalization of the investigator's evaluation activity are revealed. Promising directions for the implementation of algorithmic systems to support procedural decision-making are being determined.

Keywords: algorithmization, criminalistically significant information, verification and evaluation of information, investigative actions, investigative algorithm, formalization, verification, decision-making model.

Контрабанда наркотических средств воздушным транспортом представляет собой сложное криминальное явление, требующее детального юридического анализа. В статье рассматриваются специфические характеристики предмета данного преступления, включая правовую классификацию наркотических средств, их количественные параметры и способы сокрытия при авиаперевозках. Анализируются актуальные тенденции в использовании воздушного транспорта для незаконного оборота наркотиков на основе правоприменительной практики российских правоохранительных органов за 2022–2026 гг. Особое внимание уделяется квалификации крупного и особо крупного размера наркотических веществ, перевозимых воздушными судами. Исследование выявляет пробелы в правовом регулировании и предлагает направления совершенствования правоприменения.

Ключевые слова: наркоконтрабанда, воздушный транспорт, предмет преступления, наркотические средства, психотропные вещества, крупный размер, квалификация преступлений.

Drug smuggling by air transport is a complex criminal phenomenon requiring detailed legal analysis. The article examines specific characteristics of the subject matter of this crime, including legal classification of narcotic drugs, their quantitative parameters and methods of concealment during air transportation. Current trends in the use of air transport for illegal drug trafficking are analyzed based on law enforcement practice

of Russian authorities in 2022–2026. Special attention is paid to qualification of large and especially large amounts of narcotic substances transported by aircraft. The study identifies gaps in legal regulation and suggests directions for improving law enforcement.

Keywords: drug smuggling, air transport, subject of crime, narcotic drugs, psychotropic substances, large amount, crime qualification.

Предмет преступления, предусмотренного статьей 229.1 УК РФ, составляют наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, включенные в соответствующие перечни, утвержденные Правительством Российской Федерации. Воздушный транспорт как канал перемещения этих веществ создает специфические условия для их обнаружения и изъятия.

Пожалуй, наиболее дискуссионным остается вопрос о критериях отнесения конкретного вещества к числу наркотических. Постановление Правительства РФ № 681 от 30.06.1998 содержит четыре перечня, однако синтетические аналоги появляются быстрее, чем законодатель успевает их запретить [1, с. 307]. В материалах судебной практики 2024–2025 годов прослеживается устойчивая тенденция: правоохранительные органы изымают вещества, структурно близкие к запрещенным, но формально не включенные в перечни. Это создает правовую неопределенность при квалификации действий лиц, перевозящих подобные соединения воздушными судами.

Воздушный транспорт отличается от иных способов контрабанды скоростью перемещения и территориальной протяженностью маршрута. Один рейс может пересечь несколько таможенных зон за считанные часы. При этом идентификация наркотических средств требует лабораторной экспертизы, которая занимает от трех до десяти суток. Если вещество обнаружено в аэропорту транзита, возникает коллизия юрисдикций. Впрочем, российская правоприменительная практика исходит из того, что местом совершения преступления признается точка обнаружения, а не пункт отправления груза.

По данным МВД России за первое полугодие 2025 года, через аэропорты страны изъято около 187 килограммов наркотических средств – это на 23 % больше, чем за аналогичный период 2024-го [2]. Впечатляет не столько общая масса, сколько изменение структуры изымаемых веществ. Если ранее преобладали растительные наркотики (марихуана, гашиш), то теперь около 60 % приходится на синтетические каннабиноиды и производные амфетамина.

Еще одна особенность предмета наркоконтрабанды воздушным транспортом – его агрегатное состояние и форма. Синтетические наркотики нередко пропитывают ткани, бумагу, полимерные материалы. Обнаружить их без специального оборудования невозможно. В аэропорту Домодедово в марте 2025 года была задержана гражданка Таиланда, перевозившая метамфетамин, нанесенный на внутреннюю поверхность чемодана методом напыления [3, с. 81]. Формально вещество не являлось отдельным предметом – оно составляло покрытие багажа. Квалификация подобных деяний вызывает споры: считать ли предметом контрабанды сам чемодан или только наркотическое вещество?

Российское уголовное законодательство не содержит определения термина «предмет преступления применительно к воздушному транспорту». Это приводит к разночтениям в судебной практике. Одни суды включают в предмет не только наркотики, но и средства их сокрытия (тайники, специальные упаковки), другие ограничиваются лишь самим веществом.

Статья 229.1 УК РФ предусматривает ответственность за контрабанду наркотиков в крупном и особо крупном размере. Размер определяется по Постановлению Правительства РФ № 1002 от 01.10.2012, в котором приведены таблицы соответствия для каждого вида наркотических средств. Крупный размер начинается от величины, превышающей значительный в десять раз; особо крупный - в пятьдесят раз.

Применительно к воздушному транспорту возникает специфическая проблема: наркотики часто перевозятся в смешанном виде. Например, обнаруживается чемодан с героином (150 граммов), кокаином (75 граммов) и синтетическим каннабиноидом (20 граммов). Как определить общий размер? Суды суммируют кратность превышения по каждому виду, но методика расчета неоднородна. В одних приговорах складывают массу веществ, предварительно пересчитав ее через коэффициенты, в других – просто сравнивают каждую позицию с таблицей и выбирают максимальную.

Воздушные перевозки часто связаны с международными рейсами. Это создает дополнительную сложность: если наркотики изъяты в российском аэропорту при транзите, но конечным пунктом назначения была третья страна, какой размер применять? Здесь картина неоднородная. Московский городской суд в апреле 2024 года признал, что размер определяется по российскому законодательству независимо от места назначения груза, поскольку преступление было пресечено на территории РФ [4, с. 26].

Практика показывает еще одну особенность: наркокурьеры намеренно делят партии так, чтобы каждая соответствовала крупному, но не особо крупному размеру. На рейсе одновременно могут находиться несколько человек, перевозящих части одной партии. Квалификация их действий зависит

от установления предварительного сговора. Если доказано, что лица действовали согласованно, размер суммируется; если нет – каждый отвечает за свою часть. В деле, рассмотренном в Санкт-Петербурге в январе 2025-го, трое граждан Узбекистана везли на одном рейсе по 1,8 килограмма героина каждый. Суд установил предварительный сговор через переписку в мессенджере и квалифицировал как контрабанду 5,4 килограмма в составе организованной группы.

Интересный вопрос возникает при перевозке прекурсоров. Формально они не являются наркотиками, но включены в перечень контролируемых веществ. Размеры для прекурсоров установлены отдельно, и они существенно выше, чем для готовых наркотиков. Например, для эфедрина крупный размер составляет 100 граммов, тогда как для метамфетамина – всего 2,5 грамма. Если лицо перевозит прекурсор воздушным транспортом, намереваясь изготовить из него наркотик, возникает конкуренция норм: квалифицировать как контрабанду прекурсора или как приготовление к незаконному изготовлению наркотиков?

Воздушный транспорт предъявляет к контрабандистам специфические требования. Багаж проходит рентгеновский контроль, применяются кинологические службы, используются газоанализаторы. Это заставляет преступников разрабатывать все более изощренные методы сокрытия.

Наиболее распространенный способ – использование полостей в багаже. Чемоданы с двойным дном, коробки с фальшивыми стенками, косметические наборы с модифицированными флаконами. В Шереметьево в августе 2024 года был задержан пассажир, перевозивший кокаин в специально изготовленных подошвах обуви. Рентген не выявил подозрительных контуров, поскольку порошок был спрессован до плотности резины [5, с. 89]. Только детальный осмотр и последующий анализ позволили установить факт контрабанды.

Применяются также биологические носители. Наркокурьеры проглатывают капсулы с веществом перед вылетом, рассчитывая пройти контроль и извлечь «груз» после прибытия. Впрочем, эта методика опасна: разрыв капсулы ведет к летальному исходу. Медицинская статистика аэропортов показывает, что за 2024 год зафиксировано четыре случая экстренной госпитализации «глотателей» - трое из них не выжили [2].

Новым трендом стало использование дронов для доставки наркотиков непосредственно на территорию аэропорта. Вещества передаются сотрудникам аэропорта или пассажирам уже после прохождения досмотра. Подобная схема была раскрыта в аэропорту Внуково в декабре 2024 года: сотрудник службы безопасности получал свертки с амфетамином через окно технического помещения и передавал их пассажирам международных рейсов.

Отдельного упоминания заслуживают случаи использования служебных грузов. Дипломатическая почта, посылки международных организаций, гуманитарные грузы формально освобождены от досмотра. Преступные группы пытаются имитировать подобные отправления либо подкупают лиц, имеющих доступ к служебным каналам. В 2023 году в Калининграде была пресечена деятельность группы, перевозившей наркотики в контейнерах, маркированных как дипломатическая корреспонденция. Формально контейнеры имели соответствующие пломбы, но экспертиза показала их подделку.

Криминалистическая практика выделяет также метод «слепых курьеров». Лицо перевозит багаж, не зная о наличии в нем наркотиков. Груз подкладывается в чемодан на этапе регистрации или в зоне выдачи багажа. Квалификация действий таких лиц проблематична: отсутствует умысел на контрабанду, но объективная сторона выполнена. Судебная практика исходит из необходимости доказывания осведомленности лица о содержимом багажа.

Наркоконтрабанда воздушным транспортом выявляет ряд системных проблем российского законодательства. Во-первых, отсутствует единая методика определения размера при перевозке смешанных партий. Суды применяют различные подходы, что нарушает принцип единообразия правоприменения.

Во-вторых, законодатель не учитывает специфику синтетических наркотиков, наносимых на материальные носители. Если вещество составляет покрытие предмета, неясно, как исчислять его массу: взвешивать весь предмет или только само вещество? Экспертные методики позволяют определить концентрацию, но правовая квалификация остается неопределенной.

В-третьих, международный характер авиаперевозок требует унификации правовых подходов. Россия участвует в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств 1988 года, однако механизмы взаимодействия с правоохранительными органами других стран работают недостаточно эффективно. Информация о пассажирах и грузах поступает с опозданием, базы данных не интегрированы.

Представляется целесообразным внести в УК РФ дополнительный квалифицирующий признак - использование воздушного транспорта как способа контрабанды. Это позволит дифференцировать ответственность с учетом повышенной общественной опасности такого рода деяний. Воздушное суд-

но – объект повышенной опасности, и любое преступление на борту создает риски для неограниченного круга лиц.

Необходимо также разработать межведомственную методику досмотра, учитывающую специфику современных способов сокрытия наркотиков. Рентгеновское оборудование не всегда выявляет вещества, нанесенные методом напыления или интегрированные в полимерные материалы. Речь идет не столько о закупке новой техники, сколько о подготовке специалистов и внедрении алгоритмов выявления подозрительных признаков.

Отдельного внимания заслуживает профилактическая работа. Авиакомпании могут усилить контроль за багажом сотрудников, ввести систему случайных проверок, обучить персонал распознаванию признаков наркокурьеров. Здесь стоит сделать оговорку: подобные меры не должны превращаться в тотальную слежку, нарушающую права граждан. Баланс между безопасностью и свободой - задача, не имеющая простого решения.

Предмет наркоконтрабанды на воздушном транспорте представляет собой сложный правовой феномен, требующий комплексного подхода. Специфика воздушных перевозок - скорость, международный характер, технические средства контроля – создает уникальные условия для совершения преступлений и их выявления.

Основные выводы исследования сводятся к следующему. Российское законодательство нуждается в уточнении понятия предмета контрабанды применительно к новым формам наркотических средств – синтетическим веществам, нанесенным на материальные носители, прекурсорам в малых концентрациях. Методика определения размера при перевозке смешанных партий должна быть унифицирована на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Правоприменительная практика 2024–2025 годов демонстрирует рост числа случаев контрабанды синтетических наркотиков и использование все более изощренных способов сокрытия. Это требует модернизации технических средств досмотра и повышения квалификации сотрудников таможенных и правоохранительных органов.

Перспективным направлением представляется развитие международного сотрудничества в сфере обмена информацией о пассажирах и грузах. Интеграция баз данных, оперативное взаимодействие на стадии регистрации на рейс, совместные операции правоохранительных органов разных стран – эти меры способны существенно повысить эффективность борьбы с наркоконтрабандой.

Практическая значимость проведенного анализа заключается в выявлении проблемных зон правового регулирования и формулировании конкретных предложений по их устранению. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку комплексной концепции противодействия наркоконтрабанде на транспорте с учетом цифровизации таможенного контроля и применения технологий искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.

2. Состояние преступности в России за январь–июнь 2025 года: статистический сборник / МВД России. Москва, 2025. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/

3. Громов Е. В. Особенности выявления и пресечения контрабанды наркотических средств на воздушном транспорте // Транспортное право и безопасность. 2025. № 1. С. 78–84. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=56128457

4. Васильев С. А., Кириллов М. А. Проблемы квалификации контрабанды наркотиков в крупном и особо крупном размере // Российский следователь. 2023. № 8. С. 25–29.

5. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

УДК 340

К ВОПРОСУ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИОТМЫВОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ В РОССИИ

Барцаев Владислав Владимирович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809199@ruc.su

TO THE ISSUE OF MINIMIZING CORRUPTION RISKS AND IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF ANTI-MONEY LAUNDERING MECHANISMS IN THE SPHERE OF DIGITAL CURRENCY TURNOVER IN RUSSIA

Bartsaev Vladislav Vladimirovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются современные подходы в противодействии коррупции и легализации доходов нелегального происхождения на основе анализа действующего федерального законодательства. Рассмотрены меры по повышению эффективности антиотмывочного механизма в финансовой сфере.
Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, противодействие коррупции, антиотмывочный механизм, финансовый мониторинг.

The article examines modern approaches to combating corruption and legalizing illegal income based on an analysis of current federal legislation. Measures to improve the effectiveness of the anti-money laundering mechanism in the financial sector have been proposed.
Keywords: digital currency, digital ruble, anti-corruption, anti-money laundering mechanism, financial monitoring.

Вопросы противодействия коррупции и борьбы с теневой экономикой и ее теневым денежным обращением, легализацией незаконных финансовых инструментов являются той областью правового регулирования, научных исследований, которые не утратят своей актуальности в силу обусловленности природой самого человека.

В современной повестке тема противодействия коррупционным рискам и повышения эффективности работы антиотмывочного механизма приобретает особую остроту ввиду цифровой трансформации денежного обращения и экономических отношений в целом.

Цифровизация финансовой среды как часть финансовой политики государства нацелена на обеспечение устойчивости финансовой системы как основы стабильного экономического развития и безопасности государства.

С одной стороны, цифровизация выступает тем инструментом, который позволяет наиболее эффективно использовать современные технологии в качестве превентивных мер в борьбе с финансово-экономическими преступлениями. С другой стороны, данный процесс создает и новые риски, угрозы, в полной мере не изученные и не урегулированные правовыми нормами.

В условиях виртуализации общественных отношений и государственного управления именно финансовый контроль как функция системы денежных отношений приобретает особое значение в борьбе с финансовыми преступлениями и составляет основу современного цифрового контролинга при осуществлении проверки, оценки и регулированию финансовых операций.

Формируется масштабная экосистема финансового контроллинга на основе автоматизации деятельности контролирующих органов в сфере финансов и внедрения информационных технологий в деятельность всех хозяйствующих субъектов.

Речь о финансовом мониторинге, который при современных технологиях уже показывает свою эффективность в противодействии финансовым преступлениям и более тяжким уголовно наказуемым деяниям.

Банк России как мегарегулятор финансового рынка в государстве, ФНС России, Счетная палата РФ, Росфинмониторинг, а также система правоохранительных органов в рамках электронного межведомственного взаимодействия являются основными субъектами антиотмывочной политики государства.

То есть, формируется цифровая среда, в которой контроль в режиме реального времени получает все большее распространение и увеличивается доля внешнего управления посредством онлайн-консультирования в целях соблюдения финансового законодательства и финансового правопорядка.

Однако, внедряемые в их деятельность цифровые инструменты и сервисы не только повышают эффективность борьбы с доходами незаконного происхождения, они, по сути, меняют систему управления финансами, формат денежного обращения.

К примеру, в цифровом контролинге заслуженно все больше внимания получает система смарт-контрактов. Программный код, определяющий правильность исполнения условий договора, выступает универсальным технологическим инструментом исполнения обязательств в разных сферах экономики. Заданные алгоритмы без прямого вмешательства человека обеспечивают контроль исполнения обязательственных отношений в разных сферах, в том числе бюджетной, что является технологичным способом в противодействии коррупции.

В антикоррупционной повестке дня цифровой рубль как третья форма денежного обращения российской национальной валюты занимает особое положение. И во многом потому, что в своей сущности он выполняет функции цифрового контроля в антиотмывочном механизме как денежное средство, финансовый инструмент.

Цифровой рубль представляет собой цифровой код, который, в сущности, является уникальным средством в борьбе с отмыванием нелегальных доходов и отслеживанием незаконных или подозрительных финансовых транзакций, нецелевым использованием бюджетных средств.

В противодействии отмыванию незаконных доходов на 2026 год предусмотрен комплекс систем-

ных поэтапных изменений в сфере цифровых финансовых активов (цифровой валюты), которые следует принципиально отличать от цифрового рубля.

В международной практике цифровая валюта определяется как официальное платежное средство, эмитируемое центральным банком соответствующего государства. Согласно нормам российского законодательства цифровая валюта – это имущество, а не платежный инструмент, не денежная единица РФ [1].

В настоящий момент незавершенность правового регулирования виртуальных активов и отсутствие твердых ориентиров для судебной практики в этой области может приводить к неоднозначному пониманию цифровой валюты как объекта гражданских прав, что, в свою очередь, влияет на решение вопроса о предоставлении их судебной защиты [2].

В этой связи целям нормативной определенности и стандартизации национального законодательства международным правилам борьбы с коррупцией и отмыванием незаконных средств будет соответствовать предложение о приравнивании понятий цифровой рубль и цифровая валюта.

В рамках совершенствования механизма борьбы с преступлениями в финансовой сфере важно отметить запланированные Банком России меры по усилению системы финансового контроля, в том числе мониторинга информационного пространства по обороту цифровых валют, усилению надзора в отношении деятельности так называемых криптообменников с запланированным на 1 июля 2026 года обязательным лицензированием их деятельности [3].

Следует отметить расширение контрольно-надзорных полномочий и информационного взаимодействия ведомств и служб контроля по выявлению проблемных зон в сфере финансов, в частности, службы Росфинмониторинга.

При этом необходимо вести активную информационную и образовательную политику как превентивные системные меры в борьбе с полутеневым использованием цифровых валют (к примеру, как платежного или расчетного средства).

Считаем, что большую эффективность в повышении эффективности антиотмывочного механизма демонстрирует внедрение систем на основе искусственного интеллекта (ИИ), т.е. самообучающихся программ, способных распознавать задачи и процессы без прямого вмешательства человека.

Речь идет о минимизации влияния человека и снижении коррупционных рисков в финансовых операциях. Это не замена человека программой, к тому же ИИ не имеет своего правового статуса, поэтому юридически принимаемые им решения подлежат утверждению, оцениваю человеком. Уполномоченное лицо несет ответственность за решения, принимаемые ИИ, но не сможет изменить алгоритмы его работы по своему усмотрению или в собственных интересах.

Искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [4].

В направлении на широкое внедрение систем на основе ИИ следует обозначить проблемные точки, способные нивелировать тот положительный эффект, который демонстрируют нейротехнологии практически во всех областях.

Прежде всего, это проблемы правового характера, что связано с отсутствием четкого понимания и полного регулирования применения сложных систем ИИ. Их способность самообучаться несет риски серьезнее, чем коррупционная составляющая в действиях человека и несет угрозу самому человеку.

Кроме того, нормативно не закреплен институт ответственности с санкциями в случае кибератак и киберпреступлений, который обеспечивал бы на высоком уровне информационную защиту баз данных (основы Экономики данных), цифровых портфолио человека.

Важным в правовом поле является установление специального правового режима для ИИ, определения его правового статуса и соответственно дифференциации ответственности его, разработчиков, а также пользователей.

Как уже было отмечено, IT-технологии в вопросах противодействия нелегальной финансовой деятельности показывают большую эффективность, прямо конкурируя и вытесняя человека, исключая коррупционные риски в его профессиональной деятельности.

В то же время важно понимание, что новые технологии – это не только скорости, комфорт, но и вызовы информационного, этического и правового характера, способные ввиду непрозрачности алгоритмов для человека изменить существующую реальность и привести к необратимым последствиям.

В целях минимизации рисков и угроз экономической безопасности государства важно комплексно подходить к проблеме борьбы с коррупцией и доходами нелегального происхождения и принимать меры по созданию безопасной, прозрачной и эффективной системы денежного обращения и функционирования финансового рынка, способного адаптироваться к стремительному развитию технологий в условиях глобальной цифровизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 31.07.2020 № 259-ФЗ: ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026 // Российская газета. № 173. 06.08.2020.
2. Информация Конституционного Суда Российской Федерации О постановлении Конституционного Суда от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант»
3. Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/
4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490: ред. от 15.02.2024 // СПС «Гарант»

УДК 343.1

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

Беспалов Александр Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810426@ruc.su

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SOCIAL ENVIRONMENT AND THE NATURE OF CRIMES COMMITTED IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND PRE-TRIAL DEPOSIT FACILITIES

Bespalov Alexander Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу влияния социальной среды пенитенциарных учреждений на характер противоправных деяний, совершаемых осужденными и подследственными. Рассматриваются механизмы формирования криминальной субкультуры в условиях изоляции, особенности межличностных отношений в закрытых учреждениях, факторы, провоцирующие различные виды правонарушений. Особое внимание уделяется различиям между социальной организацией следственных изоляторов и исправительных колоний, их влиянию на криминальное поведение. Представлены результаты анализа статистических данных ФСИН России за 2022–2024 годы, выявлены закономерности между параметрами среды содержания и типологией пенитенциарных преступлений. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к организации режима содержания с учетом социально-психологических особенностей различных категорий лиц, содержащихся под стражей.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, социальная среда, исправительные учреждения, следственные изоляторы, криминальная субкультура, межличностные отношения осужденных, режим содержания.

Russia’s budget sphere traditionally remains one of the most vulnerable areas to illegal The article analyzes the influence of the social environment of penitentiary institutions on the nature of illegal acts committed by convicts and defendants. The mechanisms of formation of criminal subculture under conditions of isolation, features of interpersonal relations in closed institutions, factors provoking various types of offenses are considered. Particular attention is paid to the differences between the social organization of pre-trial detention centers and correctional colonies, their impact on criminal behavior. The results of the analysis of statistical data from the Federal Penitentiary Service of Russia for 2022–2024 are presented, patterns between the parameters of the detention environment and the typology of penitentiary crimes are identified. The necessity of a differentiated approach to the organization of the detention regime, taking into account the socio-psychological characteristics of various categories of persons held in custody, is substantiated.

Keywords: penitentiary crime, social environment, correctional facilities, pre-trial detention centers, criminal subculture, interpersonal relations of convicts, detention regime.

Среда исправительных учреждений представляет собой особую социальную реальность, где взаимодействуют формальные правила режима содержания и неформальные нормы криминальной субкультуры. Эта двойственность создает уникальное пространство, в котором преступное поведение приобретает специфические черты.

По данным ФСИН России, в 2023 году на территории учреждений уголовно-исполнительной системы зарегистрировано 3247 преступлений, что на 12 % больше показателя предыдущего года [1]. Существенно различается структура правонарушений в следственных изоляторах и колониях. В СИЗО преобладают преступления против личности – около 68 % от общего числа, тогда как в исправительных колониях доминируют хищения имущества и незаконный оборот запрещенных предметов – до 54 % [2].

Такое распределение не случайно. Следственный изолятор характеризуется высокой плотностью

размещения, неопределенностью правового статуса содержащихся, смешением лиц с различным криминальным опытом. В одной камере могут оказаться рецидивисты и лица, впервые привлекаемые к ответственности. Первые стремятся утвердить свое доминирование, вторые – выработать стратегии выживания в новой для них среде.

Иная картина наблюдается в исправительных колониях. Здесь социальная структура более устойчива, сформированы отчетливые иерархические группы, действуют относительно стабильные «понятия» – неписаные правила поведения. Насилие как инструмент выяснения отношений применяется реже, поскольку статус участников взаимодействия уже определен. Зато возрастает значение экономических преступлений – хищений продуктов питания, промышленных товаров, изготовления запрещенных предметов.

Примечательно, что в колониях строгого режима фиксируется меньше тяжких преступлений против личности, чем в колониях общего режима – 0,8 случая на 1000 человек против 1,3 соответственно. Парадокс объясняется тем, что в учреждениях строгого режима социальная иерархия жестче, конфликты разрешаются через механизмы криминальной субкультуры без открытого насилия. Общий режим предполагает большую свободу перемещений, менее строгий контроль, что провоцирует ситуации неопределенности и столкновения интересов.

Особую роль играет феномен «прописки» – процедуры принятия новичка в сообщество осужденных. В СИЗО этот процесс зачастую сопровождается психологическим, а иногда и физическим давлением [3, с. 71]. Цель – выяснить криминальное прошлое человека, определить его место в иерархии, проверить на принадлежность к «отверженным» категориям. Именно на стадии «прописки» совершается значительная часть преступлений против личности в следственных изоляторах.

В колониях процедура адаптации более растянута во времени, менее агрессивна, но не менее значима для дальнейшей жизни осужденного. Здесь важнее продемонстрировать знание «понятий», умение вести себя в соответствии с ожиданиями референтной группы.

Пенитенциарная среда выступает не просто фоном, на котором разворачивается преступная активность. Она активно формирует мотивацию, предоставляет возможности и нейтрализует внутренние барьеры, удерживающие от противоправных действий.

Депривационная теория, разработанная западными криминологами еще в 1960-е годы, получила подтверждение в российских условиях. Лишение свободы означает не только физическую изоляцию, но и потерю привычных социальных связей, автономии, безопасности, доступа к товарам и услугам. Эти лишения порождают фрустрацию, которая может разрешаться через агрессию или компенсаторную деятельность, нередко противоправного характера.

Исследование Козлова показало, что осужденные, содержащиеся в переуплотненных камерах (плотность более 3 квадратных метров на человека при норме 4), совершают преступления против личности в 2,4 раза чаще, чем содержащиеся в нормальных условиях [4, с. 89]. Теснота провоцирует конфликты, усиливает психологическое напряжение, затрудняет избегание нежелательных контактов.

Доступ к запрещенным предметам - мобильным телефонам, наркотикам, алкоголю - создает теневую экономику внутри учреждения. Возникают отношения долга, зависимости, эксплуатации. По оценкам специалистов, до 40 % конфликтов в исправительных колониях так или иначе связаны с экономическими интересами – невозвратом долга, переделом сфер влияния, контролем над поставками запрещенных товаров.

Особенность пенитенциарных преступлений – их латентность. Многие правонарушения остаются неизвестными администрации. Причин несколько. Во-первых, действует запрет на сотрудничество с представителями власти, закрепленный в «понятиях». Жертва преступления предпочитает не обращаться к администрации, опасаясь получить статус «стукача» со всеми вытекающими последствиями. Во-вторых, сама администрация не всегда заинтересована в выявлении всех правонарушений, поскольку это негативно характеризует ее работу.

Латентность оценивается экспертами в 3–5 раз выше официальной статистики для экономических преступлений и в 1,5–2 раза для насильственных. Реальная картина криминогенности значительно хуже, чем отражают отчеты.

Нельзя игнорировать роль персонала учреждений. Коррумпированность отдельных сотрудников обеспечивает поступление запрещенных предметов, создает условия для функционирования теневой экономики. В 2024 году выявлено 187 случаев совершения преступлений сотрудниками ФСИН, связанных с пособничеством осужденным [2]. Это только официально зарегистрированные эпизоды; реальное число значительно больше.

Психологический климат коллектива осужденных определяется не только формальными фактора-

ми режима, но и персональным составом. Наличие авторитетных в криминальной среде лиц, «воров в законе», лидеров группировок существенно влияет на уровень насилия и характер правонарушений. Такие лица способны как сдерживать конфликты, так и провоцировать их в зависимости от собственных интересов.

Интересно отмечено Михайловым: в учреждениях, где администрация целенаправленно взаимодействует с неформальными лидерами, уровень зарегистрированных преступлений ниже, но это не означает снижения реальной криминогенности – просто конфликты разрешаются внутри сообщества осужденных без привлечения официальных структур [5, с. 37].

Различия в социальной организации учреждений порождают различия в структуре преступности. Можно выделить несколько закономерностей.

Преступления против личности. Доминируют в СИЗО, учреждениях с высокой текучестью контингента, нестабильной иерархией. Включают причинение вреда здоровью различной тяжести, угрозы убийством, понуждение к действиям сексуального характера. В 2023 году в следственных изоляторах зарегистрировано 417 преступлений этой категории, в исправительных колониях – 289 [1]. При том что численность содержащихся в колониях в 5 раз больше, интенсивность насилия в СИЗО существенно выше.

Факторы риска: – переуплотненность камер; – совместное содержание лиц с различным криминальным статусом; – недостаточный контроль со стороны администрации в ночное время; – неопределенность правового положения подследственных.

Экономические преступления. Преобладают в исправительных колониях с развитой производственной деятельностью, длительными сроками отбывания наказания. К этой группе относятся хищения продуктов питания, промышленных товаров, сырья; изготовление и сбыт запрещенных предметов; мошенничество. В колониях-поселениях, где режим наиболее мягкий, фиксируется до 71 % экономических преступлений от общего числа [2].

Характерно, что хищения редко совершаются индивидуально. Обычно формируются устойчивые группы, специализирующиеся на определенных операциях – вынос продукции с производственной зоны, хранение, сбыт. Существуют «смотрящие» за определенными участками, контролирующие распределение похищенного.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Представляют особую проблему во всех типах учреждений. По данным за 2024 год, изъято более 280 килограммов наркотических средств и психотропных веществ, пресечено свыше 1100 фактов незаконного оборота [1]. Впрочем, эти цифры отражают лишь верхушку айсберга.

Наркотики поступают различными путями – через передачи, с помощью коррумпированных сотрудников, забрасываются через ограждение. В некоторых учреждениях налажено кустарное производство психоактивных веществ из лекарственных препаратов или бытовой химии.

Распространение наркотиков формирует отношения зависимости, долговые обязательства, которые нередко становятся причиной конфликтов и насилия. Должник, не способный расплатиться, подвергается избиению, унижению, может быть переведен в низшую статусную группу.

Преступления против порядка управления. Включают дезорганизацию деятельности учреждений, неповиновение требованиям администрации, организацию групповых неповиновений. Чаще фиксируются в колониях строгого и особого режимов, где сосредоточены рецидивисты, лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Групповые неповиновения в современной практике редки. В 2023 году зафиксировано лишь 3 случая [1]. Это связано с совершенствованием режимных мероприятий, более гибкой политикой администрации, а также изменениями в самой криминальной субкультуре, где открытое противостояние власти перестало рассматриваться как оправданная стратегия.

Можно выделить учреждения с повышенной криминогенностью. Анализ статистики показывает: наибольшее число преступлений на 1000 человек фиксируется в следственных изоляторах крупных городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга. Здесь сосредоточены лица, совершившие резонансные преступления, участники организованных групп, что создает напряженную обстановку.

Очевидно, что борьба с преступностью внутри учреждений требует системного подхода, воздействия на множественные факторы.

Совершенствование режима содержания. Устранение переуплотненности остается первоочередной задачей. В 2024 году запущена программа реконструкции следственных изоляторов с увеличением нормы жилой площади до 4,5 квадратных метров на человека. Однако дефицит мест сохраняется, особенно в крупных городах.

Раздельное содержание лиц с различным криминальным статусом способно снизить уровень

насилия в СИЗО. Речь о размещении в отдельных камерах лиц, впервые привлекаемых к ответственности, и рецидивистов. На практике это трудно реализуемо из-за нехватки помещений, но в качестве перспективного направления заслуживает внимания.

Усиление контроля в ночное время, установка видеонаблюдения в местах общего пользования препятствуют совершению латентных преступлений. Вместе с тем тотальная слежка порождает сопротивление со стороны осужденных и может спровоцировать конфликты.

Пресечение поступления запрещенных предметов. Технические средства – рамки металлоискателей, сканеры, системы подавления мобильной связи – постоянно совершенствуются. Но человеческий фактор остается слабым звеном. Антикоррупционная работа с персоналом, регулярные проверки, ротация кадров могут снизить риски, но не устранить их полностью.

Воздействие на криминальную субкультуру. Наиболее сложная задача. Попытки администрации напрямую разрушить неформальную иерархию обычно приводят к обратному эффекту – консолидации осужденных против «внешнего врага». Более продуктивна стратегия постепенного изменения норм через работу с лидерами мнений, создание альтернативных форм социальной активности – спортивных секций, творческих коллективов, образовательных программ.

Исследования показывают: осужденные, вовлеченные в социально одобряемую деятельность, совершают преступления на 35 % реже, чем не участвующие ни в каких программах [3]. Занятость, наличие перспективы, ощущение контроля над собственной жизнью снижают фрустрацию и агрессию.

Дифференциация условий содержания. Действующая система предполагает четыре вида режима – общий, строгий, особый, колония-поселение. Однако внутри каждого вида существует значительное разнообразие условий в зависимости от конкретного учреждения, региона, состава осужденных.

Перспективной представляется индивидуализация режима в зависимости от криминологической характеристики личности и поведения в период отбывания наказания. Лица, демонстрирующие позитивную динамику, могли бы переводиться в учреждения с более мягкими условиями, что создавало бы мотивацию к правопослушному поведению.

Обучение персонала. Сотрудники учреждений зачастую недостаточно подготовлены к работе в сложной социально-психологической обстановке. Программы повышения квалификации должны включать модули по конфликтологии, психологии малых групп, техникам деэскалации напряженности.

Примечательный опыт накоплен в Рязанской области, где с 2022 года реализуется проект «Посредничество в конфликтах». Специально обученные сотрудники выступают медиаторами в спорах между осужденными, помогая находить решения без применения насилия. За два года число преступлений против личности в учреждениях региона снизилось на 18 % [6, с. 308].

Впрочем, эти меры не панацея. Социальная среда пенитенциарных учреждений останется криминогенной в силу самой природы изоляции. Задача – не устранить преступность полностью, что невозможно, а минимизировать ее масштабы и тяжесть последствий.

Взаимосвязь между социальной средой пенитенциарных учреждений и характером совершаемых в них преступлений носит многофакторный, опосредованный характер. Физические условия содержания – плотность размещения, обеспеченность товарами первой необходимости – создают базовый уровень напряженности. Социальная структура – иерархия, криминальная субкультура, неформальные нормы – определяет способы разрешения конфликтов и формы девиантного поведения. Деятельность администрации и персонала может как усиливать, так и ослаблять криминогенные факторы.

Различия между следственными изоляторами и исправительными колониями значительны. В СИЗО преобладают преступления против личности, спровоцированные нестабильностью иерархии и неопределенностью статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт ФСИН России. 2024. URL: https://fsin.gov.ru/statistics/

2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за 2023 год // Официальный сайт ФСИН России. 2024. URL: https://fsin.gov.ru/documents/

3. Поздняков В. М. Социально-психологические аспекты адаптации осужденных к условиям исправительного учреждения // Прикладная юридическая психология. 2023. № 2. С. 67–74.

4. Козлов А. П. Факторы криминогенности пенитенциарной среды: эмпирический анализ // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 67. № 4. С. 78–91. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50247893

5. Михайлов А. В. Управление конфликтами в исправительных учреждениях: опыт регионов // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 1. С. 34–41.

6. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.

УДК 343.1

ДАННЫЕ О СПЕЦИФИКЕ СПОСОБОВ, ОРУДИЙ И СЛЕДОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Беспалов Александр Юрьевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810426@ruc.su

DATA ON THE SPECIFICITY OF METHODS, INSTRUMENTS AND TRACES OF PENITENTIARY CRIMES

Bespalov Alexander Yuryevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Пенитенциарные преступления представляют собой особую категорию противоправных деяний, совершаемых в условиях изоляции от общества. Специфика криминалистической характеристики таких преступлений определяется ограниченностью доступных средств совершения, замкнутостью среды и особым контингентом правонарушителей. В статье анализируются типичные способы совершения преступлений в исправительных учреждениях, характерные орудия и следовая картина, формирующаяся в условиях пенитенциарной системы. Рассматриваются данные следственной практики за 2022–2025 годы, выявляются закономерности в механизме следообразования. Особое внимание уделяется адаптации традиционных криминалистических методик к специфике расследования в условиях мест лишения свободы. Практическая значимость исследования заключается в формировании системного представления о криминалистически значимых признаках пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления, криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, следообразование, орудия преступления, исправительные учреждения, следственная практика.

Penitentiary crimes represent a special category of unlawful acts committed in conditions of isolation from society. The specificity of the forensic characteristics of such crimes is determined by the limited availability of means of commission, the closed nature of the environment and the special contingent of offenders. The article analyzes typical methods of committing crimes in correctional institutions, characteristic tools and trace patterns formed in the conditions of the penitentiary system. The data of investigative practice for 2022–2025 are examined, and patterns in the mechanism of trace formation are identified. Special attention is paid to the adaptation of traditional forensic methods to the specifics of investigation in places of detention. The practical significance of the study lies in the formation of a systematic understanding of forensically significant features of penitentiary crime.

Keywords: penitentiary crimes, forensic characteristics, method of committing a crime, trace formation, crime tools, correctional institutions, investigative practice.

Преступления, совершаемые в местах лишения свободы, образуют специфический массив противоправных деяний. Здесь действуют иные закономерности следообразования, нежели в обычных условиях. Замкнутое пространство колонии или следственного изолятора создает, с одной стороны, ограничения для преступника – нельзя скрыться, невозможно использовать привычные орудия. С другой стороны, именно эти ограничения порождают изобретательность в выборе способов совершения преступлений.

По данным ФСИН России, в 2023 году в исправительных учреждениях зарегистрировано 1247 преступлений против личности, из которых 38 – убийства. Причем в 67 % случаев использовались самодельные орудия, изготовленные из предметов быта [1]. Это не просто статистика – за каждой цифрой стоит специфический механизм адаптации преступного умысла к условиям изоляции.

Криминалистическая характеристика пенитенциарных преступлений отличается рядом устойчивых признаков. Прежде всего, ограниченный круг подозреваемых. В отличие от преступлений, совершаемых на свободе, здесь известны все потенциальные субъекты – это осужденные конкретного отряда или камеры. Установление личности преступника упрощается, но появляется другая проблема – круговая порука, нежелание свидетелей давать показания.

Впрочем, говорить о полной предсказуемости субъектного состава было бы упрощением. Практика демонстрирует случаи вовлечения в преступную деятельность сотрудников учреждений, что существенно осложняет расследование. В 2024 году Следственный комитет возбудил 112 уголовных дел в отношении сотрудников ФСИН по фактам получения взяток, превышения должностных полномочий и содействия в передаче запрещенных предметов [2].

Пространственная характеристика мест происшествий в пенитенциарных учреждениях также имеет свои особенности. Жилые секции, производственные зоны, места общего пользования, прогулочные дворы – каждая локация формирует специфическую обстановку совершения преступления. Камеры следственных изоляторов представляют собой замкнутое пространство площадью 8–12 квадратных метров, где проживает от двух до восьми человек. Конфликты здесь неизбежны, а их криминальное разрешение оставляет четкую следовую картину на ограниченной территории [3, с. 310].

Производственные зоны колоний создают иные условия. Доступ к станкам, инструментам, металлическим заготовкам расширяет арсенал потенциальных орудий преступления. Одновременно здесь

больше возможностей для сокрытия следов – производственная пыль, шум оборудования, множество перемещающихся людей.

Способ совершения преступления в криминалистике традиционно рассматривается как система действий по подготовке, совершению и сокрытию противоправного деяния. В пенитенциарной среде эта система приобретает специфические черты, обусловленные режимными ограничениями.

Насильственные преступления против личности в местах лишения свободы чаще всего совершаются внезапно, без длительной подготовки. Анализ уголовных дел показывает, что в 73 % случаев убийства и причинения тяжкого вреда здоровью являются результатом ситуативного конфликта [4, с. 71]. Однако за этой внезапностью скрывается латентная фаза подготовки – изготовление заточек, выбор момента отсутствия контроля со стороны администрации.

Заточки – наиболее распространенное орудие насильственных преступлений в колониях. Изготавливаются они из металлических элементов кроватей, столовых приборов, арматуры. Способ изготовления становится своеобразным «почерком» мастера – кто-то затачивает металл о бетонную поверхность стены, другие используют абразивные материалы с производственной зоны. В экспертной практике встречались заточки длиной до 25 сантиметров, заточенные с двух сторон и снабженные импровизированной рукоятью из ткани или изоленты.

Способы сокрытия следов в условиях постоянного контроля требуют изобретательности. Орудия преступления прячут в вентиляционных отверстиях, зашивают в матрасы, закапывают на территории прогулочного двора. Один из резонансных случаев 2023 года в ИК-7 Свердловской области – убийство осужденного заточкой, которая после преступления была разобрана на части и распределена между несколькими осужденными. Следственной группе потребовалось три недели, чтобы обнаружить все фрагменты орудия [1].

Преступления против порядка управления в исправительных учреждениях образуют отдельную категорию. Дезорганизация деятельности учреждений, применение насилия в отношении представителя власти, захват заложников – эти деяния совершаются по иным алгоритмам, нежели бытовые конфликты между осужденными. Здесь чаще прослеживается предварительный сговор, распределение ролей, подготовка средств нападения или защиты.

В 2024 году в ИК-19 Челябинской области группа из пяти осужденных совершила нападение на сотрудника отдела безопасности. Расследование установило, что подготовка велась в течение двух месяцев – участники изготовили четыре заточки, договорились о времени и месте нападения, распределили роли. Цель – захват оружия сотрудника и попытка побега. План провалился, но сам факт столь длительной и скрытной подготовки в условиях режимного учреждения заслуживает внимания [1].

Способы совершения преступлений экономической направленности в пенитенциарных учреждениях связаны преимущественно с коррупционной составляющей. Передача запрещенных предметов, мобильных телефонов, наркотических средств требует участия сотрудников либо использования каналов связи с внешним миром через родственников. Схемы становятся все более изощренными – от классических передач через свидания до использования дронов для доставки грузов на территорию колонии. В практике УФСИН по Республике Татарстан в 2023 году зафиксировано 14 попыток доставки запрещенных предметов с помощью беспилотных летательных аппаратов [2].

Орудия преступлений в местах лишения свободы можно разделить на три категории: самодельные холодное оружие, предметы хозяйственно-бытового назначения и случайные орудия. Каждая категория оставляет специфические следы, анализ которых позволяет реконструировать механизм преступления.

Самодельное холодное оружие – заточки, «перья», ножи – изготавливается в условиях отсутствия специализированного оборудования. Отсюда характерные признаки: неровности лезвия, следы ручной заточки, примитивная рукоять. Трасологическая экспертиза таких орудий выявляет микрорельеф, образованный абразивным материалом, которым производилась заточка. В большинстве случаев это бетонная стена или пол, реже – наждачная бумага, вынесенная с производственной зоны.

Следы применения таких орудий на теле потерпевшего имеют характерные особенности. Раны отличаются неровными краями, часто множественные, расположенные хаотично – что свидетельствует об отсутствии у нападавшего профессиональных навыков обращения с холодным оружием. Впрочем, встречаются и исключения – осужденные с криминальным опытом наносят точечные удары в жизненно важные органы.

Предметы хозяйственно-бытового назначения как орудия преступления – это табуретки, черенки от швабр, металлические кружки, осколки стекла. Их использование обусловлено доступностью и отсутствием необходимости в предварительном изготовлении. Следы от таких орудий менее специфичны, что затрудняет их идентификацию. Однако именно в этом кроется определенная информативность – хаотичный выбор орудия свидетельствует о ситуативном характере преступления, отсутствии предварительного умысла.

Материальные следы в пенитенциарных преступлениях формируются в специфических условиях. Ограниченность пространства означает множественность контактных следов – отпечатки пальцев, следы обуви, микрочастицы. Одновременно высока вероятность наложения следов других лиц, проживающих в той же камере или отряде. Это создает сложности при идентификации, требует комплексного подхода к исследованию следовой картины.

Биологические следы – кровь, слюна, волосы – в условиях коллективного проживания присутствуют в большом количестве и не всегда связаны с расследуемым преступлением. Практика показывает необходимость тщательной фиксации всех обнаруженных следов с последующим их сопоставлением с механизмом преступления. В одном из дел 2024 года экспертиза исследовала 47 образцов биологических следов, обнаруженных в камере, где произошло убийство. Только 8 из них оказались связаны с инцидентом.

Следы на одежде потерпевших и подозреваемых в пенитенциарных условиях имеют особенность – это обязательная форменная одежда осужденных, которая периодически меняется. Повреждения на одежде, следы крови, микрочастицы должны быть зафиксированы незамедлительно, поскольку стирка или замена одежды уничтожит важную доказательственную информацию. В следственной практике известны случаи, когда промедление с изъятием одежды на два-три дня делало невозможным проведение трасологической экспертизы [1].

Следы сокрытия преступлений в условиях изоляции обладают своей спецификой. Невозможность покинуть место происшествия заставляет преступников прибегать к имитации обстоятельств – инсценировать суицид, несчастный случай, естественную смерть. Анализ таких инсценировок требует знания особенностей пенитенциарной среды, типичных моделей поведения осужденных.

Расследование преступлений в исправительных учреждениях требует адаптации традиционных криминалистических методик к специфическим условиям. Основная проблема – психологический барьер у потенциальных свидетелей. Осужденные неохотно сотрудничают со следствием, опасаясь репрессий со стороны криминального сообщества. Здесь действуют неформальные правила, нарушение которых может стоить жизни.

Тактика допроса в пенитенциарной среде строится с учетом этих особенностей. Эффективнее проводить допросы индивидуально, вне пределов учреждения, создавая обстановку конфиденциальности. В практике ГУФСИН по Московской области апробирован метод отложенных допросов – когда свидетель дает показания не сразу после преступления, а спустя несколько дней, после перевода в другое учреждение. Это снижает давление на свидетеля, повышает вероятность получения правдивых показаний [2].

Осмотр места происшествия в условиях колонии или СИЗО имеет свои особенности. Территория находится под контролем администрации, доступ ограничен, но одновременно обеспечена сохранность следов до прибытия следственно-оперативной группы. Это преимущество нужно использовать максимально – фиксировать не только очевидные следы, но и общую обстановку камеры или помещения, расположение предметов, состояние освещения, видимость из соседних камер.

Видеонаблюдение в исправительных учреждениях существенно расширяет доказательственную базу. Однако камеры установлены не везде – в жилых секциях они отсутствуют по соображениям соблюдения прав осужденных. Фиксируются преимущественно коридоры, входы, производственные зоны. Анализ видеозаписей позволяет установить перемещения подозреваемых, выявить факты передачи предметов, зафиксировать моменты конфликтов.

Использование специальных познаний при расследовании пенитенциарных преступлений приобретает особое значение. Трасологическая экспертиза самодельных орудий, судебно-медицинская экспертиза повреждений с учетом специфики их нанесения в условиях ограниченного пространства, психологические экспертизы осужденных – все это требует от экспертов понимания пенитенциарного контекста [5, с. 221].

Перспективы совершенствования методик расследования связаны с развитием технических средств фиксации и анализа следов. Перспективы дальнейших исследований связаны с систематизацией данных о новых способах совершения преступлений, появлением которых обусловлено развитием технологий – использование мобильных средств связи, дронов, цифровых каналов передачи информации. Необходима адаптация криминалистических методик к изменяющимся условиям функционирования пенитенциарной системы, внедрение современных технических средств фиксации и исследования следов.

Практическая значимость исследования заключается в формировании комплексного представления о криминалистически значимых признаках преступлений в местах лишения свободы, что может быть использовано при подготовке следователей, оперативных сотрудников ФСИН и экспертов-

криминалистов. Систематизация данных о способах, орудиях и следах пенитенциарных преступлений способствует повышению эффективности их раскрытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальная статистика ФСИН России за 2024 год. URL: https://fsin.gov.ru/statistics/
2. Ежегодный доклад Следственного комитета Российской Федерации о результатах работы за 2024 год. Москва: СК РФ, 2025. URL: https://pressa.sledcom.ru/ZHurnal/Magazine-1-2025/item/1962562/
3. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.
4. Петров В. Н. Трасологическая экспертиза самодельного холодного оружия: методика и практика // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 3. С. 67–74.
5. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики/В. В. Данилов // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. XV Макаркин. науч. чтения/отв. ред. Н. И. Учайкина; Мордов. гуманитар. ин-т. Саранск, 2015. С. 220–226.

УДК 340

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ

Бондарев Илья Игоревич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ekechaykina@ruc.su

DIGITALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM AS A GUARANTOR OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE INDIVIDUAL

Bondarev Ilya Igorevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровизации судебной системы в контексте защиты конституционных прав, юридических гарантий личности. Показаны существенные изменения и потенциальные угрозы, вызванные объективными процессами трансформации общественных отношений через внедрение информационных технологий и автоматизацию процессов.

Ключевые слова: цифровое правосудие, право на судебную защиту, судебная система, экосистема.

The article discusses topical issues of digitalization of the judicial system in the context of protecting constitutional rights, legal guarantees of the individual. Significant changes and potential threats caused by objective processes of transformation of public relations through the introduction of information technologies and automation of processes are shown.

Keywords: digital justice, the right to judicial protection, the judicial system, the ecosystem.

Закон закрепляет право каждого на решение спорных ситуаций и защиту нарушенных прав в юрисдикционных органах и иными альтернативными способами (медиация, арбитраж, третейские суды), которые характеризуются отсутствием государственно-властного принуждения со стороны уполномоченного на то субъекта.

Конституционно установлены право каждого на судебную защиту, а также необходимые юридические гарантии, что стало правовой основой организации и функционирования современной судебной системы.

Отправление правосудия как прерогатива судебных органов является высшей формой защиты прав и интересов человека в соответствии с принципами верховенства права, законности и справедливости.

При этом данные принципы в полной мере реализуются только при последующем восстановлении нарушенных прав в рамках принудительного исполнения решений (актов) судов (юрисдикционных органов) [1].

Направление цифровой трансформации судебной системы представляет в этой связи особый интерес, поскольку затрагивает вопросы не столько технического как конституционно-правового уровня.

Это обусловлено тем, что цифровизация является не отдельно взятым элементом государственной политики или обособленным процессом «в себе», а это есть глобальный процесс, меняющий современный мир в режиме реального времени во всех сферах человеческого существования.

Цифровизация – это не про изолированные друг от друга процессы внедрения инновационных технологий в особо важные отрасли и сектора или в обыденную практику цифровых инструментов

для повышения комфорта и сервиса для обывателя. Данный процесс как часть общемирового тренда нацелен на формирование новой цифровой реальности – построение информационного общества с полным циклом цифрового государственного управления [2].

Поэтому цифровизация правосудия является частью масштабного системного общенационального проекта, которая уже на данном этапе выявила проблемные узловые вопросы в развитии российского общества в виртуальном пространстве.

Процесс цифрового преобразования системы государственного управления получил свое начало с принятием стратегической программы построения Электронной России [3]. Система судебных органов как часть государственного аппарата и системы управления в первую очередь претерпела технологическую модернизацию через техническое переоснащение и формирование электронных условий взаимодействия.

Из экосистемы электронного правосудия динамично формируется цифровое правосудие, т.е. наблюдается переход от альтернативного способа реализации права на судебную защиту и взаимодействия между участниками судопроизводства в новый формат отправления правосудия.

Электронный формат взаимодействия, безусловно, расширил возможности и доступность правосудия, обеспечил гласность судебной деятельности.

Однако цифровое правосудие способно изменить конституционные основы не только судебной системы. Так достаточно спорными и дискуссионными являются вопросы соответствия конституционному праву выбора человека современная тенденция на установление приоритета цифрового формата взаимодействия.

Кроме того, современное законодательство по цифровой трансформации реальности в отличие от самого процесса носит несистемный характер, что в правоприменительной практике вызывает большие сложности, угрозы.

Речь о защите персональных данных и так называемых больших баз данных, обеспечивающих саму возможность функционирования виртуальной среды, от киберугроз и объективной ограниченности ресурсной базы в обслуживании автоматизированных систем.

Широкое внедрение информационных технологий и автоматизация практически всех процессов и видов деятельности свидетельствует о наличии угрозы вытеснения самого человека из общественного пространства как теряющего свои позиции в конкурентной борьбе со сложными системами на основе искусственного интеллекта (ИИ).

При этом использование сверх возможностей нейросетей не просто преобразовало взаимодействие органов судебной власти с населением и сформировало доступную, открытую, понятную и скоростную среду.

Это привело к оптимизации внутренних процессов деятельности судов, повышению эффективности делопроизводства и межведомственного взаимодействия, созданию условий для осуществления электронного судопроизводства и в, свою очередь, процессу постепенного замещения активных субъектов алгоритмами искусственного интеллекта.

Обозначенные выше проблемы требуют своего нормативного разрешения, т.е. законодательной активности в вопросах закрепления правовой основы виртуальной реальности, что имеет прямое отношение и отправлению правосудия.

К примеру, это вопросы об определении правового статуса ИИ, который в силу оперативности, технологичности своей деятельности вытесняет и замещает реального субъекта. ИИ из алгоритма некоего программного продукта/сервиса выходит на уровень субъектности, в связи с чем ставится вопрос о юридическом закреплении понятия электронное лицо [4].

Дело в том, что в мировой практике электронный судья (программа) вышел из-под контроля судьи-человека в целях исключения фактора предвзятости или необъективности в принятии решений (по примеру КНР) [5].

Безусловно, это ускоряет судопроизводство, ведет к снижению нагрузки работников аппарата судьи, о чем свидетельствуют отчетные материалы судов и введение эксперимента по полной автоматизации механизма онлайн-взыскания по отдельным категориям дел (ЖКХ) в рамках приказного производства [6].

Его проведение стало возможным с принятием ФЗ от 23.07.2025 № 233 [7], который существенно изменил закон о мировых судьях и закрепил институт мировых судей в цифровом правосудии.

В этой связи считаем необходимым нормативно определить цифровое правосудие, которое представляет собой содержание дальнейшей трансформации процессуальных отношений. Подразумевается прежде всего окончательное оформление с полной интеграцией цифровых платформ и ресурсов в суперсервисе «Правосудие онлайн».

Законодательно важно закрепить контроль человека над ИИ и вспомогательную роль нейросетей в производственном процессе.

Опасно не само внедрение ИИ, а замена им человека в системе общественной жизни и социальных ценностей; создание условий, при которых живое непосредственное человеческое взаимодействие станет недоступным, что есть нарушение естественных прав человека, в том числе на социальный контакт – общение, а также права получения информации в доступном формате (а это по духу уже нарушение ст. 29 Конституции РФ).

Цифровая организации судебной власти и отправление правосудия – это объективно встроенный в мировую повестку процесс. Но он не должен стать основанием отказа от традиционного непосредственного взаимодействия участников судопроизводства в нарушение конституционных норм.

Важно обеспечить гарантии права выбора человека в альтернативных способах общественного взаимодействия посредством цифровых технологий. В этом, полагаем, состоит суть или фундамент защиты прав и интересов человека, поскольку сохраняют актуальность вопросы технической доступности цифровых сервисов ввиду финансовых возможностей, когнитивных, физиологических особенностей человека, его религиозных убеждений или гражданской позиции.

Цифровизация общественных отношений, в том числе и сферы отправления правосудия, должна оставаться эффективным инструментом, а не противоестественной природе человека новой средой.

Во многом дальнейший процесс цифровизации правосудия в России определяется решением вопросов о правовой регламентации применения цифровых инструментов в организации и осуществлении судебной власти сквозь призму соответствия конституционным принципам и нормам.

В этой связи в условиях глобальной цифровизации особое значение приобретают вопросы адаптации существующей системы правового регулирования, правовых режимов и институтов к новым формам взаимодействия субъектов правоотношений, не расшатывая конституционно-правовой фундамент государственного и общественного устройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2003 № 8-П // СПС «КонсультантПлюс»

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490: ред. от 15.02.2024// СПС «КонсультантПлюс»

3. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65: ред. от 09.06.2010 // СПС «КонсультантПлюс»

4. Мохат П. М. Право и искусственный интеллект: монография / П. М. Мохат. Москва, 2021. 514 с.

5. Электронное правосудие: монография / Под ред. Е. В. Бурдиной. Москва, 2021 // СПС «КонсультантПлюс»

6. Постановление Правительства РФ от 26.06.2025 № 964 // СПС «КонсультантПлюс»

7. О внесении изменений в статьи 85 и 89 Жилищного кодекса Российской Федерации и статью 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» от 23.07.2025 № 233-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Борисов Владислав Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: leaga13@bk.ru

ON THE LEGAL NATURE OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS IN RUSSIA

Borisov Vladislav Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается вопрос о правовой природе и месте исполнительного производства в системе российского права в практическом аспекте на основе анализа принципов принудительного исполнения.

Ключевые слова: исполнительное производство, процессуальное право, судопроизводство, правовая природа, законность, правопорядок.

The article considers the question of the legal nature and place of enforcement proceedings in the system of Russian law in a practical aspect based on an analysis of the principles of enforcement.

Keywords: enforcement proceedings, procedural law, legal proceedings, legal nature, legality, law and order.

Современный институт исполнительного производства в своем становлении и развитии прошел долгий путь и в период современной России претерпел существенные изменения, начиная от принятия нового закона о принудительном исполнении 2007 года (взамен закона 1997 года) до реформ государственного аппарата 2018 года.

Известный еще с конца XI века [1] институт исполнительного производства во времени сохранил свое прямое назначение, что нашло отражение в закрепленных положениях Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 229-ФЗ, Закон об исполнительном производстве) [2].

Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также в целях обеспечения исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации.

Однако, законодательство об исполнительном производстве новой России изменило существовавшее многие десятилетия доктринальное представление, согласно которому принудительное исполнение судебных решений и иных актов юрисдикционных органов является только частью, завершающей стадией гражданского судопроизводства [3].

Изученный научно-теоретический материал однозначно не оставляет сомнений, что исполнительное производство – это неотъемлемая часть российского процессуального права, в содержании своем это правоотношения, нацеленные на защиту и восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Дискуссионным среди правоведов-процессуалистов остается вопрос об определении отраслевой самостоятельности данного вида процессуальных отношений.

Остроты в полемике прибавила позиция Конституционного Суда РФ в 2001 году и судебные акты последующих лет [4].

Так Суд определил полномочие судебного пристава – исполнителя как воплощение конституционно значимого публично-правового интереса государства и общества в осуществлении эффективного правосудия в целях защиты и восстановления нарушенных прав.

Из этого следует, что исполнение выступает неотъемлемой частью отправления правосудия, права на судебную защиту, т.е. подчеркивается неразрывная связь с судопроизводством. Это имеет свое нормативное закрепление в разделе VII. Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), разделе VII Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), Кодексе административного судопроизводства РФ.

Но при этом, Суд указывает на административно-юрисдикционный характер полномочий органов принудительного исполнения, что меры исполнительного характера по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью осуществляются исполнительной властью.

Тем самым подчеркивается правовая природа и особенности административных отношений в исполнительном производстве, в том числе исполнительского сбора с целью пресечения правонарушений, совершаемых в процессе принудительного исполнения судебных и иных решений, что не нарушает гарантии государственной и судебной защиты по Конституции РФ 1993 года (ч. 3 ст. 35, ч. 1 ст. 45, ч.ч. 1,2 ст. 46) [5].

Изученный научно-теоретический материал позволяет прийти к выводу, что вопрос об определении самостоятельности исполнительного права не получил однозначного разрешения.

Не вызывает споров процессуальный характер правоотношений в области принудительного исполнения. Но продолжаются обсуждения в двух ключевых направлениях: исполнительное производство как самостоятельная отрасль с присущей правовой спецификой [6] и как стадия цивилистического судопроизводства, поскольку суды наделены особыми полномочиями как субъекты исполнительного производства [7].

Исполнительное производство представляется в качестве комплексной самостоятельной отрасли российского права, поскольку предмет регулирования составляют нормы нескольких отраслей права, со свойственной ей единством, общностью целей и задач.

То есть, в ходе отношений по принудительному взысканию уполномоченные судебные приставы-исполнители самостоятельного исполнительного органа Федеральной службы судебных приставов – ФССП России (подведомственного Минюсту России), руководствуются правовыми нормами российского законодательства (в том числе и уголовно-правового блока в вопросах реализации полномочий дознавателя).

При этом в законах, регламентирующих деятельность судебных приставов-исполнителей (Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (далее – Закон № 118-ФЗ) [8], Закон об исполнительном производстве), закреплены единые

цели и задачи, направленные на защиту прав человека, поддержания доверия к закону и государству, обеспечению правопорядка в стране.

Вопрос определения правовой природы и отраслевой самостоятельности исполнительного права представляет непосредственный интерес в контексте рассмотрения основных начал или принципов построения и организации механизма принудительного исполнения и главное – определение и повышения эффективности деятельности органов принудительного исполнения.

Кроме того, так называя отраслевая неопределенность исполнительного права во многом определяет характер дискуссий вокруг принципов исполнительного производства, легализованных в одноименном законе.

Так процессуалисты, рассматривающие исполнительное производство как часть цивилистического судопроизводства, т.е. как завершающую стадию судебного рассмотрения и разрешения спора, принципы судебного процесса считают применительными к принудительному исполнению.

Ученые, выделяющие исполнительное производство в отдельный вид административно-процессуальной деятельности (как органу исполнительной власти) исполнительному производству, причисляют принципы административного права.

Представители концепции самостоятельности исполнительного права в системе российского права выработали отдельную систему принципов, в которой выделяют правовые, межотраслевые и собственно отраслевые принципы.

На основе анализа специальной литературы и судебных актов высших судов согласимся с тем, что в специальном Законе об исполнительном производстве в должной мере не нашли своего закрепления отраслевые начала принудительного исполнения, которые отражали бы правовую специфику данной области и закрепили основы эффективного исполнения требований взыскателя в соответствии с законом.

В этой связи считаем вполне обоснованным законодательно закрепить принцип эффективности деятельности органов принудительного исполнения и нормативно определить критерии и показатели эффективности в соответствии с принципами гласности и открытости.

В целом, исполнительное производство является не просто отраслью российского права, а, можно сказать, выступает индикатором торжества законности и справедливости в государстве, практической реализации защиты конституционных прав человека и отчасти принципа неотвратимости наказания, т.е. исполнения государством своих публично-правовых обязанностей по обеспечению правопорядка и стабильности в обществе.

Именно поэтому изучение вопросов о правовой природе и месте исполнительного производства в системе российского права приобретает практическое значение.

Рассмотрение исполнительного права сквозь призму административно-правовой, судебно-правовой, комплексной теорий позволяет во многом понять принципы организации исполнительного производства и раскрыть содержание правоприменительной практики органов принудительного исполнения, прогнозировать и повышать эффективность их деятельности.

Особенно это важно в условиях цифровой трансформации общественных процессов, построении цифрового государства в Информационном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубев В. М. Институт судебных приставов в России: историко-правовое исследование. Москва, 2011. С. 9.

2. Об исполнительном производстве: федер. закон Росс. Федер. от 02.10.2007 № 229-ФЗ: ред. от 29.12.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Парламентская газета. № 131. 10.10.2007.

3. Настольная книга судебного пристава-исполнителя / Под ред. В. А. Гуреева. Москва, 2011. С. 142.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 7-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.pravo.gov.ru.

6. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2008. С. 294; Галузина К. А. Правовые принципы в исполнительном производстве: современное состояние и необходимость дальнейшего развития // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 47.

7. Джура В. В., Коварин Д. А., Тугутов Б. А. Суд как субъект исполнительного производства // Российское правосудие. 2021. № 2. С. 56

8. Казиханова С. С. Отношения, регулируемые нормами, содержащимися в цивилистических процессуальных кодексах, и предмет гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 119.

9. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: федер. закон Росс. Федер. от 21.07.1997 № 118-ФЗ: ред. от 13.12.2024 // Российская газета. № 149. 05.08.1997.

УДК 343.2/.7

ОСОБЕННОСТИ ЭВТАНАЗИИ КАК ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО ВИДА УБИЙСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Вагнер Ольга Валерьевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: vagner.o.v.@ruc.su

FEATURES OF EUTHANASIA AS A PRIVILEGED TYPE OF KILLING IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: HISTORICAL AND COMPARATIVE ANALYSIS

Wagner Olga Valeryevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется эвтаназия как особая форма лишения жизни и обосновывается возможность её закрепления в виде привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего в российском уголовном праве. На основе классификации видов эвтаназии и сопоставления с зарубежными моделями показано, что такие деяния объективно менее общественно опасны, чем обычное убийство, и требуют отдельной специальной дифференциации.

Ключевые слова: эвтаназия, убийство по просьбе потерпевшего, привилегированный состав убийства, мотив сострадания, уголовная ответственность, российское уголовное право, зарубежный опыт, ассистируемое самоубийство.

The article analyzes euthanasia as a special form of deprivation of life and substantiates the possibility of its consolidation as a privileged form of murder at the request of the victim in Russian criminal law. Based on the classification of types of euthanasia and comparison with foreign models, it is shown that such acts are objectively less socially dangerous than ordinary murder and require separate special differentiation.

Keywords: euthanasia, murder at the request of the victim, privileged form of murder, motive of compassion, criminal liability, Russian criminal law, foreign experience, assisted suicide.

Жизнь человека выступает объектом уголовно-правовой охраны и одновременно одной из базовых конституционных ценностей, без которой невозможно существование и развитие общественных отношений. Закрепляя в Основном законе положение о том, что каждый имеет право на жизнь, государство тем самым признаёт человеческую жизнь высшей социальной и правовой ценностью, независимо от пола, возраста, гражданства, состояния здоровья, социального статуса или иных индивидуальных характеристик личности. Из этого следует, что лишение жизни не может рассматриваться как допустимый способ разрешения каких-либо жизненных конфликтов и по общему правилу влечёт наиболее строгую уголовно-правовую оценку.

Вместе с тем в теории и правоприменительной практике сохраняется сложная и во многом неразрешённая проблема эвтаназии, которая находится на стыке права на жизнь, медицинской этики, автономии личности и пределов уголовно-правового запрета. В российском законодательстве она прямо запрещена и в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ медицинским работникам не допускается проведение эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями, бездействием или средствами, включая прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни. Тем самым законодатель посредством данного запрета даёт и раскрывает её легальную дефиницию и одновременно с этим исходит из того, что просьба больного не устраняет противоправности причинения смерти, а само по себе согласие потерпевшего не превращает эвтаназию в правомерное действие, фактически превращая её в убийство.

С уголовно-правовой точки зрения эвтаназия традиционно рассматривается как одна из наиболее спорных разновидностей лишения жизни и понимается как убийство, однако при этом она совершается не из корыстных, хулиганских либо иных общественно опасных побуждений, а, как правило, под влиянием мотива сострадания к безнадёжно больному человеку, испытывающему тяжёлые физические страдания.

В юридической и медико-этической литературе эвтаназию классифицируют не только по способу осуществления, но и по ряду иных критериев, позволяющих точнее определить её правовую природу. Наиболее распространённым является деление на активную и пассивную эвтаназию. Активная эвтаназия предполагает совершение действий, непосредственно направленных на ускорение наступления смерти неизлечимо больного лица, как правило, по его просьбе и из сострадания, тогда как пассивная эвтаназия связывается с отказом от начала либо продолжения жизнеподдерживающего лечения при наличии намерения не просто прекратить бесперспективную терапию, а приблизить смерть пациента. Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку влияет на вопрос о соотношении эвтаназии с убийством, содействием самоубийству и допустимым прекращением медицинского вмешательства [1–2].

Помимо указанной классификации, в научной литературе нередко выделяют добровольную, недобровольную эвтаназию [3]. Добровольная эвтаназия предполагает ясно выраженное согласие либо

просьбу самого больного, тогда как недобровольная (принудительная) возможна в случае, когда пациент не способен выразить волю [4–5]. Для уголовно-правовой оценки данное разграничение имеет принципиальное значение, поскольку именно наличие добровольной просьбы как правило используется сторонниками идеи привилегированного состава как аргумент в пользу снижения степени общественной опасности деяния.

Ещё один достаточно распространённый подход – разграничение прямой и косвенной эвтаназии [6]. Прямая эвтаназия имеет место тогда, когда лицо сознательно и целенаправленно вызывает смерть пациента, тогда как косвенная нередко связывается с применением обезболивающих или иных медицинских средств, которые хотя и могут ускорить наступление смерти, но применяются прежде всего для снятия боли и облегчения страданий. Это разграничение особенно важно для уголовного права, потому что не каждое действие врача, в результате которого наступила смерть, может быть признано эвтаназией в строгом смысле. Если смерть наступает как побочный, хотя и предвидимый, результат законного лечения или паллиативной помощи, речь идёт не об эвтаназии, а о допустимом медицинском вмешательстве, при котором отсутствует цель причинить смерть.

Вместе с тем далеко не каждое медицинское решение, внешне сходное с эвтаназией, может быть включено в уголовно-правовую форму. Так, не следует смешивать эвтаназию с прекращением реанимационных мероприятий при необратимой смерти мозга, когда поддержание биологических функций уже не ведёт к восстановлению жизни, а лишь искусственно продлевает терминальное состояние [7]. Не тождественна эвтаназии и ситуация, когда врач оказывает помощь в самоубийстве, предоставляя пациенту средства для самостоятельного ухода из жизни, поскольку в таком случае юридически значимым остаётся вопрос о разграничении непосредственного убийства и содействия самоубийству. Именно поэтому проблема эвтаназии в уголовном праве требует не только моральной, но и строгой догматической оценки, особенно при обсуждении возможности её квалификации как привилегированного состава убийства.

В ряде работ также упоминается деление эвтаназии на активную добровольную, активную недобровольную, пассивную добровольную и иные комбинированные формы. Такая детализация позволяет показать, что эвтаназия это не единое по содержанию явление, а совокупность разных по юридическому и этическому смыслу ситуаций. Для уголовно-правовой науки это является особо значимым, поскольку вопрос о привилегированном составе убийства нельзя решать абстрактно, необходимо учитывать способ лишения жизни, наличие просьбы потерпевшего, состояние его здоровья, мотив причинителя смерти, а также роль медицинского работника и характер совершаемых им действий.

Во многих зарубежных правопорядках уже сложились модели, при которых отдельные формы эвтаназии и убийства по просьбе потерпевшего квалифицируются значительно мягче, чем обычное умышленное убийство.

При этом в мире наиболее широко распространена пассивная форма прекращения жизнеподдерживающей терапии, легализованная в разных вариантах более чем в нескольких десятках государств, тогда как активно-действенная эвтаназия и ассистируемое самоубийство допускаются лишь в ограниченном числе юрисдикций (Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Канада, ряд штатов США, Швейцария и др.). В странах, где разрешены только отдельные формы помощи в уходе из жизни, сформировался феномен так называемого «суицидального туризма», когда иностранные граждане специально выезжают в государства с более либеральным регулированием, прежде всего в Швейцарию.

Швейцарская правовая модель исходит из разграничения запрета активной эвтаназии и ограниченно допустимого ассистируемого самоубийства. Так, согласно ст. 115 Уголовного кодекса Швейцарии наказуемо лишь подстрекательство к самоубийству и содействие в нём из корыстных побуждений, тогда как помощь, оказываемая по бескорыстным мотивам и при условии самостоятельного совершения последнего действия самим пациентом, уголовно не преследуется. В то же время прямое активное лишение жизни, даже по просьбе тяжело больного, квалифицируется как «убийство по просьбе потерпевшего» и образует специальный состав, отличающийся от обычного убийства сниженной санкцией, что фактически представляет собой разновидность привилегированного умышленного убийства.

Однако по сей день в мировой доктрине отсутствует единый подход к допустимости легализации эвтаназии. Одни правопорядки, например, идут по пути полной декриминализации отдельных её форм, другие ограничиваются их частичным смягчением, третьи сохраняют полный запрет, исходя из приоритета охраны жизни и опасений злоупотреблений. Для России, как подчёркивается в литературе, дополнительное значение имеют религиозные и культурно-ценностные установки, формирующие крайне негативное отношение к самоубийству и любой его институционализации. В условиях конституционного закрепления особой ценности человеческой жизни и тенденции к усилению консервативных начал в Основном Законе перспектива прямой легализации эвтаназии в виде разрешённого медицинского вмешательства представляется отдалённой и политически нецелесообразной, особенно

во время проведения СВО. Вместе с тем это не исключает поиска более гибких уголовно-правовых решений, позволяющих учитывать пониженный уровень общественной опасности убийства по просьбе потерпевшего, совершённого из сострадания, без легализации самой эвтаназии напрямую.

Исторически российское право уже знало более мягкий подход к убийству по просьбе потерпевшего. Так, например, как Уголовное уложение 1903 г. так и первоначальная редакция УК РСФСР 1922 г. выделяли такие деяния в привилегированный состав, а кратковременно – даже исключали их наказуемость, однако впоследствии специальная норма была упразднена, и мотив сострадания стал учитываться лишь при назначении наказания по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В доктрине это вызвало в свою очередь дискуссии, которые не прекращаются и по сей день, где часть авторов опасается злоупотреблений и подрыва принципа абсолютной охраны жизни в случае нормативного оформления «убийства из сострадания», другая часть, напротив, указывает на несоразмерность приравнивания убийства по просьбе тяжело больного к обычному умышленному убийству и допускает введение специального привилегированного состава при чётко обозначенных гарантиях добровольности и медицинского контроля, а наиболее радикальные подходы предполагают частичную декриминализацию эвтаназии исходя из модели отдельных зарубежных правопорядков.

На этом фоне всё более обоснованной, по нашему мнению, выглядит позиция, согласно которой оптимальным для российского уголовного права компромиссом было бы не узаконивание эвтаназии как правомерного медицинского вмешательства, а включение в УК РФ отдельной нормы о привилегированном составе убийства по просьбе потерпевшего, совершённого из сострадания, с существенно сниженной санкцией по сравнению с ч. 1 ст. 105 УК РФ. Такой подход позволил бы, во-первых, сохранить принципиальный запрет на лишение жизни, продолжая его квалифицировать и понимать как убийство, при этом не посягая на конституционный приоритет охраны жизни, а во-вторых, обеспечить дифференцированную оценку деяний, объективно менее общественно опасных, чем обычное умышленное убийство и в-третьих, приблизить национальное регулирование к зарубежным моделям, где убийство по просьбе потерпевшего уже прямо рассматривается как особый, смягчённый вариант умышленного убийства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карягина, О. В. Убийство по просьбе потерпевшего: проблема расширения системы привилегированных составов убийства / О. В. Карягина, Д. Д. Рябичева // Вестник ТИУиЭ. 2022. № 1(35). С. 66–70.
2. Ваулин, С. В. Проблема эвтаназии (морально-этический и медико-правовой аспекты) / С. В. Ваулин, А. Б. Андрейкин // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2004. № 3. С. 59–62.
3. Старовойтова, О. Э. К вопросу об эвтаназии / О. Э. Старовойтова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 161–168.
4. Мустафаев, С. Э. Оглы Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность / С. Э. Мустафаев // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 130–135.
5. Чернышева, Ю. А. Уголовная ответственность за эвтаназию / Ю. А. Чернышева // Закон и право. 2022. № 7. С. 228–229.
6. Капинус, О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление : Уголовно-правовые проблемы : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.08 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). Москва, 2006. 58 с.
7. Тербежекова, В. В. Эвтаназия: милосердие или убийство? / В. В. Тербежекова // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 311–312.

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО ВИДА УБИЙСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 106 УК РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Вагнер Ольга Валерьевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vagner.o.v.@ruc.su

PROBLEMS OF APPLYING THE PRIVILEGED TYPE OF KILLING PROVIDED FOR IN ART. 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Wagner Olga Valeryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются предпосылки появления ст. 106 УК РФ и её привилегированный характер по отношению к общему и квалифицированному составу убийства. На основе данных криминологических и судебно-психологических исследований показывается, что убийство новорождённого матерью в большинстве случаев носит заранее продуманный характер, что ставит под сомнение оправданность столь мягкой уголовной ответственности. Особое внимание уделяется проблеме определения круга специальных субъектов ст. 106 УК РФ, в том числе возможности привлечения суррогатной матери по данной статье.

Ключевые слова: убийство матерью новорождённого ребёнка, привилегированный состав убийства, новорождённый, малолетний, суррогатная мать, специальный субъект преступления, биопсихологический критерий субъекта.

The article analyzes the background of the emergence of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation and its privileged nature in relation to the general and qualified composition of murder. Based on data from criminological and forensic psychological studies, it is shown that the murder of a newborn by its mother is, in most cases, premeditated, which raises doubts about the justification of such lenient criminal liability. Special attention is given to the issue of defining the range of special subjects of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, including the possibility of prosecuting a surrogate mother under this article.

Keywords: murder of a newborn child by its mother, privileged murder, newborn, minor, surrogate mother, special subject of the crime, biopsychological criterion of the subject.

С момента вступления в силу УК РФ 1996 г. ст. 106 УК РФ, предусматривающая ответственность матери за убийство новорожденного ребёнка, стала одной из наиболее обсуждаемых норм о преступлениях против жизни, поскольку наряду с её сторонниками сформировался заметный круг критиков самой идеи привилегированного характера данного вида убийства. В отличие от многих иных новелл Кодекса, эта норма фактически затронула уголовно-правовую оценку статуса новорожденного, пределы допустимой гуманизации по отношению к убийце и соотношение интересов ребёнка и матери.

Диспозиция ст. 106 УК РФ в действующей редакции (с учётом изменений Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) закрепляет один привилегированный состав убийства матерью новорожденного ребёнка, но описывает несколько альтернативных вариантов объективной стороны: совершение убийства во время родов или непосредственно после них, совершение убийства в условиях психотравмирующей ситуации, а также совершение убийства в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. При первом варианте на возможность квалификации деяния по данной статье влияет в первую очередь возраст, который не должен превышать 28 дней с момента рождения [1–2]. В остальных вариантах в качестве основы квалификации деяния будет выступать субъективная сторона преступления. За указанное деяние предусмотрены относительно мягкие санкции при любом из указанных выше варианте объективной стороны, а именно ограничение свободы на срок от двух до четырёх лет, принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок.

При этом необходимо отметить тот факт, что исторически выделение детоубийства в особый, привилегированный состав убийства складывалось не сразу. В ходе кодификации советского законодательства 1950-1960-х гг. часть союзных республик закрепила в своих уголовных кодексах специальную норму об умышленном убийстве матерью новорожденного ребёнка во время родов либо непосредственно после них как о привилегированном виде убийства, тогда как в УК РСФСР 1960 г. подобная конструкция отсутствовала, и такие деяния квалифицировались по общей норме об убийстве [3]. При этом практика даже в отсутствие специальной статьи, как отмечали правоведы, склонялась к более мягкой оценке действий матерей-детоубийц, фактически превращая такие деяния в привилегированный вид убийства за счёт назначения сравнительно мягких наказаний [4–5].

Тем самым действующий в настоящее время УК РФ лишь по своей сути институционализировал сложившийся к тому времени на практике подход, закрепив детоубийство в виде отдельного привилегированного состава убийства, основанного на идее о специфическом психофизиологическом состоянии женщины в период родов и вскоре после них. Вместе с тем последующие исследования и обобщение материалов уголовных дел показали, что состояние, связанное с родами и послеродовым периодом, далеко не всегда является определяющим фактором в генезисе рассматриваемых посягательств, а в подавляющем большинстве случаев убийство новорожденного матерью «планировалось заранее и совершалось предумышленно» при отсутствии грубых нарушений способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [6]. В этой связи всё более противоречивым выглядит сохранение столь мягкой уголовной ответственности за привилегированный вид убийства матерью новорожденного ребёнка.

Дальнейшее развитие дискуссии вокруг ст. 106 УК РФ во многом связано с тем, как она применяется на практике и насколько реально работают на практике заложенные законодателем привилегирующие признаки. Обобщение судебной практики позволяет констатировать, что в подавляющем большинстве случаев содеянное квалифицируется по ст. 106 УК РФ как убийство матерью новорожденного ребёнка, совершённое во время родов или непосредственно после них, тогда как признаки психотравмирующей ситуации либо психического расстройства, не исключающего вменяемости, судами устанавливаются существенно реже и зачастую без достаточного исследования вопроса о влиянии соответствующих обстоятельств на психическое состояние подсудимой [7]. При этом анализ материалов уголовных дел и криминологических исследований показывает, что во многих случаях умысел матери на лишение жизни новорожденного формируется заблаговременно и обусловлен нежеланием материнства, страхом осуждения со стороны ближайшего окружения либо тяжёлым материальным положением, а не внезапным психофизическим срывом в момент родов [8].

Особенно остро в настоящее время встал вопрос о том, насколько привилегированный характер ст. 106 УК РФ соотносится с общими подходами к оценке убийства малолетнего. Убийство новорожденного другим лицом законом трактуется как квалифицированный вид убийства малолетнего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как особо тяжкое преступление, тогда как убийство тем же самым потерпевшим матерью как преступление средней тяжести с максимально возможными пятью годами лишения свободы. Указанный дисбаланс уголовно-правовой оценки особенно отчётливо проявляется в ситуациях, когда мать, выступая организатором либо подстрекателем убийства своего новорожденного ребёнка, несёт ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как соучастник убийства малолетнего с более строгой санкцией, тогда как при собственноручном лишении жизни ребёнка квалифицируется по привилегированному виду убийства по ст. 106 УК РФ и нередко фактически избегает реального отбывания наказания [9].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, связанных с применением ст. 106 УК РФ, является проблема определения круга лиц, которые могут выступать её специальным субъектом, в частности возможность привлечения к ответственности по данной статье суррогатной матери. В научной литературе обоснованно отмечается, что суррогатная мать в период беременности и родов испытывает те же физиологические и психоэмоциональные нагрузки, что и женщина, вынашивающая собственного ребёнка, а потому может находиться в том самом особом состоянии, которое изначально легло в основу законодательной модели привилегированного детоубийства [10-11]. Вместе с тем именно результаты криминологических и судебно-психологических исследований, свидетельствующие о преимущественно предумышленном характере убийств новорождённых, позволяют усомниться в корректности увязки привилегированного состава исключительно с переживаниями матери в связи с беременностью и родами.

С учётом того, что законодатель, несмотря на критику, сохраняет ст. 106 УК РФ в системе преступлений против жизни, представляется необходимым по крайней мере обеспечить внутреннюю непротиворечивость её применения. Если исходить из биопсихологического критерия субъекта, то суррогатная мать, непосредственно перенёсшая беременность и роды, фактически находится в том же психофизиологическом состоянии, что и женщина, вынашивающая и рождающая собственного ребёнка и поэтому при существующей конструкции ст. 106 УК РФ должна рассматриваться как возможный специальный субъект данной нормы. Иное решение приводило бы к ситуации, при которой женщина, фактически испытывающая последствия родов, несёт более строгую ответственность по ст. 105 УК РФ, чем родившая в сопоставимых условиях мать, подпадающая под привилегированный вид убийства квалифицирующийся по ст. 106 УК РФ, что лишь усиливает уже выявленный дисбаланс уголовно-правовой оценки.

В целях устранения обозначенных противоречий и придания ст. 106 УК РФ большей системности представляется обоснованной необходимость поддержать предложения о пересмотре её терминологии, заменив слово «мать» на более нейтральное понятие «роженица». Такое решение не снимает вопрос о справедливости самой привилегированности данного вида убийства, но позволяет, по крайней мере, логически увязать объём её диспозиции с тем психофизиологическим состоянием женщины, которое законодатель изначально заложил в основу смягчённого режима уголовной ответственности.

Особое значение для квалификации, на наш взгляд, имеет убийство новорождённого его биологической матерью в ситуации, когда ребёнок был рождён суррогатной матерью по договору суррогатного материнства. В подобных случаях биологическая мать, самостоятельно не проходившая через беременность и роды и, соответственно, не испытывавшая связанных с ними психофизиологических изменений, не может рассматриваться в качестве специального субъекта ст. 106 УК РФ. При отсутствии оснований для применения ст. 107 УК РФ её действия подлежат квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, что в большей степени соответствует как объективной характеристике посягательства, так и заявленному законодателем приоритету охраны жизни ребёнка.

Следует отметить, что, несмотря на остроту обозначенных проблем, специальные разъяснения, посвящённые применению ст. 106 УК РФ и вопросам ответственности за убийство новорождённого ребёнка в контексте суррогатного материнства, в актах Пленума Верховного Суда РФ до настоящего времени отсутствуют. Позиция высшей судебной инстанции сводится преимущественно к общим указаниям по квалификации убийства и разграничению его с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, а также к характеристике потерпевшего малолетнего, не затрагивающим специфику новорождённости и рассматриваемые коллизионные аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов, А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А. Н. Попов. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2001. 463 с.

2. Шабалов, Н. П. Неонатология : учебник / Н. П. Шабалов. Москва: МЕДпресс-информ, 2004. 608 с.
3. Перепелкин, В. Ю. Убийство матерью новорожденного ребенка – привилегированный состав преступления: спорные вопросы / В. Ю. Перепелкин // Юридические чтения : материалы заочной научно-практической конференции, Саранск, 10 апреля 2016 года. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2016. С. 42–45.
4. Шевченко, С. А. Убийство матерью новорожденного ребенка / С. А. Шевченко // Законность. 2001. № 12. С. 16–20.
5. Звирбуль, А. К. Расследование и предупреждение детоубийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1969. 15 с.
6. Гребнева, Н. Н. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка / Н. Н. Гребнева // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 6-1. С. 74–75.
7. Сафуанов, Ф. С. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) / Ф. С. Сафуанов, Ю. А. Сарычева // Психология и право. № 2. С. 193–207.
8. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы / Ю. М. Антонян [и др.] // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 94–114.
9. Сивова, А. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и разграничения смежных составов преступлений / А. В. Сивова // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 139–142.
10. Стародубцева, В. А. Суррогатная мать как субъект статьи 106 УК РФ / В. А. Стародубцева // Научный Лидер. 2022. № 6 (51). С. 140–141.
11. Мирзоян, А. А. Убийство суррогатной матерью новорожденного ребенка / А. А. Мирзоян, С. С. Медведев // Вестник экономики и права. 2021. № 56. С. 299–304.

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ МАСКИРОВКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНОСТИ

Волков Кирилл Владиславович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810124@ruc.su

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF SIGNS OF MASKING AND ARTIFICIAL CHANGE OF APPEARANCE

Volkov Kirill Vladislavovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты маскировки и искусственного изменения внешности как комплексного криминалистического явления. Анализируются различные подходы к классификации признаков изменения внешности, применяемые в практике правоохранительных органов. Особое внимание уделяется систематизации способов маскировки, используемых при совершении преступлений и сокрытии от правосудия. Исследование базируется на материалах отечественной криминалистики и судебной практики РФ за 2022–2026 годы. Предложена авторская типология признаков, учитывающая современные технологии изменения внешности. Результаты работы имеют практическое значение для совершенствования методик идентификации личности и розыскной деятельности.

Ключевые слова: маскировка внешности, искусственное изменение внешности, криминалистическая идентификация, признаки внешности, способы маскировки, габитоскопия, розыскная деятельность.

The article examines theoretical and practical aspects of disguise and artificial alteration of appearance as a complex forensic phenomenon. Various approaches to classifying signs of appearance alteration used in law enforcement practice are analyzed. Special attention is paid to systematization of disguise methods used in committing crimes and evading justice. The study is based on materials from domestic criminalistics and judicial practice of the Russian Federation for 2022–2026. An author's typology of signs is proposed, taking into account modern technologies of appearance alteration. The results have practical significance for improving personality identification methods and search activities.

Keywords: appearance disguise, artificial alteration of appearance, forensic identification, appearance signs, disguise methods, habitoscopy, search activities.

Маскировка внешности представляет собой умышленные действия, направленные на затруднение или невозможность идентификации личности по признакам внешности. Причем речь идет не о косметических изменениях в бытовом смысле. Маскировка предполагает временный, обратимый характер изменений, осуществляемых непосредственно перед совершением противоправного деяния или в момент его совершения. Искусственное изменение внешности – более широкая категория, включающая как краткосрочные, так и долгосрочные, порой необратимые трансформации облика.

Как справедливо отмечает Топорков в исследовании 2024 года, посвященном использованию габитоскопических методов в раскрытии преступлений, классическое разделение на «маскировку» и «изменение» сегодня утрачивает четкость [1, с. 92]. Современные косметические технологии позволяют добиться эффекта полноценной маскировки на срок до нескольких недель – татуаж бровей, наращивание ресниц, контурная пластика лица филлерами. Такие изменения обратимы, но не являются ситуативными в традиционном понимании.

Российская криминалистическая школа исторически выделяет три основные группы признаков

внешности: анатомические, функциональные и сопутствующие. Маскировка может затрагивать любую из этих групп или все одновременно. Анатомические признаки – это строение тела и его частей: форма лица, носа, разрез глаз, телосложение. Функциональные – особенности походки, мимики, жестикуляции, голоса. Сопутствующие – предметы одежды, аксессуары, очки, головные уборы.

Статистика МВД России за 2025 год показывает рост числа преступлений, при совершении которых использовались сложные способы маскировки – с 14,2 % в 2022 году до 19,7 % в 2025-м [2]. Особенно заметна эта тенденция в категории мошенничеств и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Преступники все чаще применяют профессиональный грим, силиконовые накладки, парики высокого качества, цветные контактные линзы.

Здесь возникает принципиальный вопрос: все ли изменения внешности следует рассматривать как маскировку в криминалистическом смысле? Человек может изменить прическу, сбрить бороду, надеть очки – без какой-либо противоправной цели. Ключевой критерий криминалистической маскировки – именно целевая направленность на затруднение идентификации в контексте преступной деятельности или уклонения от правосудия.

Существующие классификации признаков маскировки строятся на различных основаниях. Наиболее распространенной остается систематизация по объекту воздействия – какие именно элементы внешности подвергаются изменению. Однако такой подход, при всей его логичности, не учитывает динамику процесса маскировки, степень ее сложности и обратимости.

Волынский, исследовавший методы противодействия раскрытию преступлений на материалах 120 уголовных дел, предложил классифицировать маскировку по критерию продолжительности эффекта [3, с. 15]. Он выделяет кратковременную (от нескольких минут до нескольких часов), среднесрочную (от нескольких дней до нескольких месяцев) и долгосрочную (свыше полугода) маскировку. Кратковременная включает использование масок, платков, капюшонов. Среднесрочная – окрашивание волос, временные татуировки, наращивание волос. Долгосрочная – пластические операции, перманентный татуаж, радикальное изменение массы тела.

Практика, однако, демонстрирует иное. Многие способы маскировки невозможно однозначно отнести к одной из перечисленных категорий. Цветные контактные линзы можно носить несколько месяцев, но снять в любой момент. Накладные ресницы держатся 3–4 недели, но их эффект виден сразу. Филлеры в губах сохраняются до года, но это не хирургическое вмешательство. Границы между группами размыты.

Другой подход – классификация по способу осуществления. Здесь выделяются:

– механические способы – наложение посторонних предметов на части тела (маски, накладки, парики, бороды);

– химические способы – окрашивание волос, кожи, использование косметики, татуировок;

– хирургические способы – пластические операции, удаление особых примет (шрамов, родинок, татуировок);

– комбинированные способы – сочетание нескольких методов одновременно.

Эта систематизация удобна для практических целей – позволяет прогнозировать следы, которые могут остаться после применения маскировки. Механическая маскировка оставляет волокна тканей, следы клея, отпечатки внутренней поверхности масок. Химическая – следы красителей на коже, одежде, предметах обстановки. Хирургическая – медицинскую документацию, рубцы специфической локализации.

Зинин в работе 2023 года, посвященной габитоскопической экспертизе, предлагает классифицировать признаки маскировки по степени их влияния на процесс идентификации личности [4, с. 57].

Отдельную группу составляют способы маскировки, связанные с изменением функциональных признаков. Изменение походки путем подкладывания предметов в обувь, имитация хромоты, изменение голоса с помощью технических средств или напряжения голосовых связок, намеренное искажение почерка. Такие способы редко применяются изолированно – обычно они дополняют маскировку анатомических признаков.

По данным экспертно-криминалистических подразделений МВД России, в 2024 году на исследование поступило свыше 4,8 тысяч видеозаписей с изображениями лиц, применявших маскировку [5, с. 82]. В 31% случаев использовались медицинские или строительные маски, в 24 % – головные уборы с опущенными козырьками или капюшоны, в 18 % – солнцезащитные очки, в 14 % – комбинация нескольких способов. Только в 13 % случаев применялись профессиональные средства маскировки – парики, накладные бороды, театральный грим.

Стоит отметить, что распространение средств индивидуальной защиты в период пандемии COVID-19 существенно изменило практику маскировки. Медицинская маска, закрывающая нижнюю

часть лица, перестала восприниматься окружающими как подозрительный элемент. Преступники активно использовали эту ситуацию – с 2020 по 2023 год число разбоев и грабежей, совершенных лицами в медицинских масках, выросло в 2,7 раза.

Развитие косметических и цифровых технологий привнесло в арсенал маскировки принципиально новые инструменты. Речь идет не столько о традиционных средствах, сколько о высокотехнологичных методах изменения внешности, доступных широкому кругу лиц.

Контурная пластика лица с помощью филлеров на основе гиалуроновой кислоты позволяет изменить форму губ, скул, подбородка без хирургического вмешательства. Эффект сохраняется от 6 до 18 месяцев. Процедура легальна, проводится в косметологических клиниках, не требует длительной реабилитации. При этом изменения внешности могут быть весьма существенными – особенно при коррекции формы носа, увеличении скул, изменении овала лица.

Как установила Егорова в исследовании 2025 года, посвященном использованию косметологических процедур в целях маскировки, за последние три года в России зафиксировано не менее 47 случаев, когда лица, находящиеся в розыске, прибегали к контурной пластике для изменения внешности [5, с. 79]. В 12 случаях это позволило им избежать задержания на срок от 4 до 14 месяцев. Традиционные методы идентификации по фотографиям, сделанным до процедуры, оказывались малоэффективными.

Татуаж бровей и перманентный макияж также меняют восприятие лица. Форма и цвет бровей – один из значимых идентификационных признаков. Микроблейдинг позволяет радикально изменить их форму, густоту, изгиб. Эффект держится до двух лет. Перманентный макияж губ меняет их контур и визуальный объем.

Цветные контактные линзы способны полностью изменить цвет глаз – один из устойчивых анатомических признаков. Современные линзы имитируют натуральную текстуру радужной оболочки, незаметны при обычном визуальном контакте. Преступники используют их не только для изменения цвета, но и для создания эффекта косоглазия, имитации бельма, изменения размера зрачка.

Накладные элементы достигли нового качественного уровня. Силиконовые накладки на нос, подбородок, скулы, лоб изготавливаются индивидуально по слепкам, крепятся на специальный клей, имитируют текстуру и цвет кожи. Парики из натуральных волос на сетчатой основе практически неотличимы от естественных волос. Накладные ресницы, брови, бороды выполняются методом ручной работы.

Здесь стоит сделать оговорку: доступность таких средств неравномерна. Профессиональные накладки стоят от 50 до 300 тысяч рублей, изготавливаются на заказ, требуют навыков наложения. Большинство преступников использует более простые и дешевые аналоги – театральный грим, парики массового производства, медицинские маски, солнцезащитные очки.

Цифровая маскировка – относительно новое явление. Применение фильтров и программ для изменения изображения лица в реальном времени на видео. Технологии deepfake позволяют заменить лицо одного человека лицом другого на видеозаписи. Хотя такие методы пока не применяются непосредственно при совершении преступлений, они создают серьезные проблемы при использовании видеозаписей как доказательств. В 2024–2025 годах в России зафиксировано несколько случаев предоставления стороной защиты видеозаписей с алиби обвиняемого, в которых лицо было заменено с помощью технологии deepfake.

Отдельного внимания заслуживает маскировка, связанная с радикальным изменением массы тела. Набор или потеря 20–30 килограммов существенно меняет облик человека – овал лица, пропорции фигуры, особенности походки. Такие изменения не являются маскировкой в традиционном понимании, но целенаправленно используются лицами, скрывающимися от правосудия. В практике розыскной работы известны случаи, когда разыскиваемые лица намеренно набирали вес, чтобы не соответствовать ориентировкам и фотографиям.

Пластическая хирургия остается наиболее радикальным способом искусственного изменения внешности. Ринопластика, блефаропластика, отопластика, подтяжка лица, липосакция – эти операции меняют внешность необратимо. По данным Российского общества пластических хирургов, в 2024 году в стране выполнено более 180 тысяч эстетических операций. Выявить среди них случаи, связанные с намерением скрыться от правоохранительных органов, практически невозможно [6, с. 86].

Впрочем, хирургическая маскировка имеет ограничения. Во-первых, это дорогостоящие процедуры – от 100 тысяч до нескольких миллионов рублей. Во-вторых, они требуют длительной реабилитации – от двух недель до нескольких месяцев. В-третьих, остаются следы – рубцы, изменение структуры тканей, видимые при специальных методах исследования. В-четвертых, операции оставляют документальный след в медицинских учреждениях.

Современная криминалистика сталкивается с необходимостью разработки новых методов иденти-

фикации, устойчивых к различным способам маскировки. Классические антропометрические методы, основанные на измерении расстояний между устойчивыми точками лица, дополняются биометрическими технологиями – распознаванием по термограмме лица, по рисунку вен, по особенностям походки, по голосу.

Систематизация способов и признаков маскировки имеет прикладное значение для следственной и оперативно-розыскной практики. Понимание механизма маскировки позволяет прогнозировать, какие следы могут быть обнаружены на месте происшествия, на теле и одежде подозреваемого, в местах его проживания.

Механические способы маскировки оставляют специфические следы. Маски, платки, капюшоны – микроволокна ткани на лице, следы давления на коже, потожировые следы на внутренней поверхности маски. Парики – синтетические или натуральные волосы, не соответствующие волосам подозреваемого, следы клея или креплений на коже головы. Накладные бороды и усы – волокна на клеевой основе, следы фиксирующих составов на коже лица. Очки с затемненными стеклами – отпечатки пальцев, потожировые следы на оправе и дужках.

При химической маскировке следами являются: остатки красителей на коже головы, ушах, шее; пятна красителя на одежде, полотенцах, предметах обстановки; упаковки от красителей, кисточки, перчатки; изменение структуры волос при микроскопическом исследовании; несоответствие цвета отросших корней волос и окрашенной части. Если использовался временный грим – следы театральной краски на одежде, жирная основа грима на коже, салфетках, предметах, к которым прикасался подозреваемый.

Татуировки и их удаление также оставляют следы, значимые для идентификации. Свежая татуировка – отек, покраснение, корочки на коже в течение 2–4 недель. Удаление татуировки лазером – изменение пигментации кожи, рубцовые изменения, остаточные фрагменты рисунка, видимые при специальных методах исследования. Выведение татуировки химическими составами – грубые рубцы, изменение рельефа кожи.

Хирургическая маскировка выявляется по наличию послеоперационных рубцов. Ринопластика – рубцы в области переносицы, в преддверии носа, изменение формы костно-хрящевого остова, видимое на рентгенограммах. Блефаропластика – тонкие рубцы в области верхних или нижних век. Отопластика – рубцы за ушными раковинами. Подтяжка лица – рубцы в височной области, за ушными раковинами, под подбородком. Наличие таких рубцов при отсутствии информации о перенесенных операциях в медицинской документации – косвенное свидетельство намеренного изменения внешности.

Контурная пластика филлерами определяется при пальпации – под кожей прощупываются уплотнения в местах введения препарата. На УЗИ и МРТ видны зоны введения филлера. При исследовании фотографий, сделанных до и после процедуры, выявляются изменения контура лица, объема губ, формы носа.

Никулина и Кручинина в упомянутой ранее работе предлагают алгоритм действий следователя при обнаружении признаков маскировки у подозреваемого:

– детальная фотофиксация внешности с различных ракурсов;

– описание всех элементов внешности в протоколе с указанием признаков возможной маскировки;

– изъятие предметов, использованных для маскировки (парики, накладки, очки, головные уборы);

– назначение габитоскопической экспертизы для сравнения внешности подозреваемого с изображениями на видеозаписях с места преступления;

– при необходимости – назначение медицинской экспертизы для установления факта проведения косметологических или хирургических процедур;

– запрос медицинских документов из клиник пластической хирургии и косметологии;

– изучение банковских операций подозреваемого на предмет оплаты услуг косметологических клиник.

Оперативно-розыскная практика выработала приемы выявления лиц, применяющих маскировку. Сотрудники патрульно-постовой службы обращают внимание на несоответствие элементов внешности погодным условиям – ношение солнцезащитных очков в пасмурную погоду, капюшона в теплое время года, медицинской маски при отсутствии эпидемиологических ограничений. Неестественность элементов внешности – слишком яркий цвет волос, асимметрия бровей, неаккуратное наложение грима, видимые границы накладных элементов. Необычное поведение – стремление избегать камер видеонаблюдения, поворачивание лица от камер, прикрывание лица рукой или предметами.

При анализе видеозаписей эксперты-криминалисты выявляют признаки маскировки по следующим критериям: резкое изменение внешности подозреваемого на разных кадрах; несоответствие отдельных элементов внешности друг другу (например, молодое лицо и седые волосы); неестествен-

ность движений (скованность при ходьбе может свидетельствовать о подкладывании предметов в обувь для изменения походки); следы клея, границы накладок, видимые при увеличении изображения.

Эффективность идентификации при наличии маскировки зависит от множества факторов: качества исходного идентификационного материала (четкость видеозаписи, освещенность, ракурс съемки); объема сравнительного материала (наличие фотографий и видеозаписей подозреваемого, выполненных в разное время); квалификации эксперта; применения современных технических средств (программ для улучшения качества изображений, 3D-моделирования лица).

В последние годы активно развиваются биометрические методы идентификации, устойчивые к различным способам маскировки. Распознавание по термограмме лица основано на индивидуальном рисунке кровеносных сосудов, который не меняется при использовании масок, грима, косметики. Распознавание по рисунку вен руки – вены расположены под кожей, их рисунок невозможно изменить без серьезного хирургического вмешательства. Идентификация по походке – биомеханические характеристики походки индивидуальны, их сложно изменить на длительное время. Распознавание по голосу – тембр, частотные характеристики голоса устойчивы, хотя могут быть искажены с помощью технических средств.

Топорков в исследовании 2024 года приводит данные об эффективности различных методов идентификации при наличии маскировки. Традиционная габитоскопическая экспертиза при частичной маскировке лица (закрыта одна треть лица) позволяет провести идентификацию в 73 % случаев. При закрытии двух третей лица эффективность снижается до 34 %. Использование биометрических методов повышает эффективность до 61 % даже при значительной маскировке.

Впрочем, биометрические технологии пока не получили широкого распространения в практической деятельности правоохранительных органов. Основные причины – высокая стоимость оборудования, необходимость создания баз биометрических данных, недостаточная нормативная регламентация использования биометрии в уголовном процессе, технические сложности получения качественных биометрических образцов в полевых условиях.

Маскировка и искусственное изменение внешности представляют собой многоаспектное криминалистическое явление, требующее систематизированного подхода к классификации и изучению. Предложенные в криминалистической литературе классификации признаков маскировки строятся на различных основаниях – по объекту воздействия, по продолжительности эффекта, по способу осуществления, по степени влияния на возможность идентификации. Каждая из систематизаций имеет практическое значение для определенных направлений правоприменительной деятельности.

Развитие косметологических технологий, доступность профессиональных средств маскировки, распространение пластической хирургии существенно расширили арсенал способов изменения внешности. Современная маскировка перестала быть примитивным закрыванием лица – она превратилась в сложную, многоступенчатую систему воздействия на анатомические, функциональные и сопутствующие признаки внешности. Контурная пластика, татуаж, цветные контактные линзы, высококачественные накладные элементы создают принципиально новые вызовы для традиционных методов идентификации личности.

Криминалистическое значение классификации признаков маскировки заключается в возможности прогнозирования следов, которые остаются при применении различных способов изменения внешности. Понимание механизма маскировки позволяет следователю и оперативному сотруднику целенаправленно искать и изымать доказательства, назначать необходимые экспертизы, выстраивать эффективную систему розыскных мероприятий.

Габитоскопическая экспертиза при наличии признаков маскировки должна учитывать возможные способы изменения внешности, концентрироваться на устойчивых анатомических признаках, использовать антропометрические методы исследования. Комплексный подход к идентификации – сочетание традиционных габитоскопических методов с биометрическими технологиями – повышает эффективность установления личности даже при значительной маскировке.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методик идентификации личности по признакам, устойчивым к различным способам маскировки, с внедрением биометрических технологий в практику правоохранительных органов, с созданием баз данных изображений лиц с различными вариантами маскировки для обучения экспертов и искусственных нейронных сетей. Актуальной остается задача нормативной регламентации процедур получения и использования биометрических данных в уголовном судопроизводстве, разработки методических рекомендаций для следователей по выявлению и фиксации признаков маскировки.

Данные за 2025–2026 годы свидетельствуют о росте числа преступлений, при совершении которых применяются сложные, профессиональные способы маскировки. Эта тенденция требует совер-

шенствования подготовки экспертов-криминалистов, оснащения экспертных подразделений современным оборудованием, развития межведомственного взаимодействия с косметологическими и медицинскими учреждениями при расследовании преступлений, связанных с применением маскировки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топорков А. А. Использование габитоскопических методов в раскрытии и расследовании преступлений: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 4 (58). С. 89–97.

2. Состояние преступности в России за январь–июнь 2025 года: статистический сборник / МВД России. Москва, 2025. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/

3. Волынский А. Ф. Противодействие раскрытию преступлений: криминалистический анализ // Российский следователь. 2023. № 7. С. 12–18.

4. Зинин А. М. Габитоскопическая экспертиза при наличии признаков маскировки внешности: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2023. 142 с.

5. Егорова Е. В. Использование косметологических процедур в целях изменения внешности: криминалистический аспект // Криминалистика и судебная экспертиза. 2025. № 2. С. 78–86. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=62849573

6. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ С МОДИФИЦИРОВАННОЙ ВНЕШНОСТЬЮ

Волков Кирилл Владиславович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810124@ruc.su

PROBLEMS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN IDENTIFYING PERSONS WITH MODIFIED APPEARANCE

Volkov Kirill Vladislavovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу технических и правовых проблем применения систем искусственного интеллекта при идентификации лиц, изменивших свою внешность. Рассматриваются факторы, снижающие точность распознавания: пластические операции, использование грима, косметических средств, накладных элементов. Анализируются ограничения современных алгоритмов машинного зрения, включая зависимость от качества обучающих выборок и уязвимость к adversarial-атакам. Особое внимание уделено российской практике внедрения биометрических технологий в правоохранительной деятельности и проблемам правового регулирования. Выявлены перспективные направления совершенствования систем распознавания, основанные на мультимодальном подходе и динамическом обучении нейронных сетей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, биометрическая идентификация, распознавание лиц, модификация внешности, нейронные сети, adversarial attacks, правовое регулирование

The article analyzes technical and legal problems of applying artificial intelligence systems for identifying persons who have altered their appearance. Factors reducing recognition accuracy are examined: plastic surgery, use of makeup, cosmetic products, prosthetic elements. Limitations of modern machine vision algorithms are analyzed, including dependence on training dataset quality and vulnerability to adversarial attacks. Special attention is paid to Russian practice of implementing biometric technologies in law enforcement and legal regulation issues. Promising directions for improving recognition systems based on multimodal approach and dynamic neural network training are identified.

Keywords: artificial intelligence, biometric identification, face recognition, appearance modification, neural networks, adversarial attacks, legal regulation

Точность работы алгоритмов идентификации личности по лицу напрямую зависит от стабильности биометрических признаков. Однако преднамеренная модификация внешности создает серьезные препятствия для корректной работы систем.

По данным Петрова и Смирновой, проанализировавших эффективность российских систем видеонаблюдения в 2024 году, точность распознавания падает с 94–96 % при неизмененной внешности до 62–71 % при использовании простейших методов маскировки [1, с. 74]. Речь идет не о сложном гриме – достаточно объемных солнцезащитных очков, бейсболки с глубоким козырьком или медицинской маски. Эти данные получены на материале анализа 18 тысяч записей с камер московского метрополитена и торговых центров трех российских городов.

Еще более драматичная картина складывается при целенаправленных изменениях. Пластическая хирургия лица – ринопластика, блефаропластика, изменение формы подбородка – способна изменить ключевые антропометрические параметры, на которые опираются алгоритмы. Современные нейросети обучаются выделять устойчивые признаки: расстояние между зрачками, соотношение ширины носа к высоте лица, угол наклона глазных щелей, геометрию скуловых дуг.

Проблема в том, что именно эти параметры и становятся объектом хирургической коррекции.

С. В. Грибов в исследовании 2025 года установил: после ринопластики средней сложности точность идентификации снижается на 23–31 %, а после комплексной контурной пластики лица – на 38–47 % [2, с. 49]. Выборка включала 94 человека, прошедших пластические операции в клиниках Москвы и Санкт-Петербурга в 2023–2024 годах. Их фотографии до и после операции прогонялись через пять различных систем распознавания, включая российские разработки «Вокорд» и NtechLab.

Здесь, впрочем, возникает принципиальный вопрос: можно ли считать подобные изменения внешности «обманом» системы или это естественная эволюция облика человека, которую технология просто обязана отслеживать? Правовая квалификация таких ситуаций в российском законодательстве пока отсутствует.

Куда более целенаправленный характер носит использование adversarial-техник – методов намеренного введения алгоритмов в заблуждение. Специально разработанные паттерны макияжа, нанесенные на лицо определенным образом, создают оптические помехи для системы, хотя для человеческого глаза остаются малозаметными. Ковалева описывает случаи применения подобных техник в практике российских правоохранительных органов: задержанные по подозрению в мошенничестве лица наносили на лицо геометрические узоры, которые «обманывали» систему распознавания в торговых центрах. Камеры фиксировали присутствие человека, но алгоритм не мог сопоставить изображение с базой данных.

Накладные элементы – парики, линзы, меняющие цвет радужки, силиконовые накладки на нос или подбородок – представляют еще одну категорию проблем. Е. А. Борисова и М. И. Зайцев отмечают, что современные системы уязвимы именно к комбинированному воздействию: одновременное использование трех-четырех методов маскировки снижает вероятность корректной идентификации до 18–25 % [3, с. 89]. Это данные экспериментов, проведенных в 2024 году на базе лаборатории МГУ им. Ломоносова с участием 340 добровольцев.

Принципиальная сложность заключается в архитектуре самих нейронных сетей. Сверточные нейронные сети (CNN), лежащие в основе большинства современных систем распознавания, обучаются на огромных массивах изображений. Но эти массивы содержат преимущественно «обычные» лица – без грима, пластических операций, специфических маскировочных приемов. Алгоритм не встречал подобных паттернов в процессе обучения, а значит, не выработал устойчивых признаков для их обработки.

Качество работы любой системы машинного обучения определяется не только архитектурой нейросети, но и характером данных, на которых она обучалась. Здесь картина неоднородная.

Крупнейшие международные датасеты – такие как LFW (Labeled Faces in the Wild) или VGGFace2 – содержат миллионы изображений лиц в различных условиях освещения, ракурсах, возрастах. Российские разработчики, впрочем, сталкиваются с проблемой адаптации этих наборов к специфике отечественной практики. Морфология лиц, характерная для многонационального населения России, климатические особенности (ношение головных уборов большую часть года), культурные паттерны (использование платков, религиозных атрибутов) – все это требует формирования собственных обучающих выборок.

По оценкам А. П. Мельникова, который в 2024 году проводил аудит биометрических систем, применяемых в аэропортах Москвы, Екатеринбурга и Новосибирска, доля изображений с элементами маскировки или измененной внешностью в российских обучающих датасетах не превышает 3–4 % [4, с. 119]. Это означает, что алгоритм просто не имеет достаточного опыта работы с подобными случаями.

Создание специализированных датасетов наталкивается на этические и правовые ограничения. Сбор фотографий людей после пластических операций, с гримом или в париках требует информированного согласия. Формирование базы изображений лиц с adversarial-макияжем – и вовсе задача сомнительной легальности, поскольку подобные данные могут быть использованы для противоправных целей.

Одно из возможных решений – синтетическая генерация изображений с модифицированной внешностью на основе технологий deepfake и GAN (Generative Adversarial Networks). Алгоритм обучается на искусственно созданных примерах: к исходному изображению лица применяются симуляции пластических операций, накладывается виртуальный грим, моделируются различные аксессуары. Такой подход позволяет резко увеличить объем и разнообразие обучающей выборки.

Однако насколько синтетические изображения репрезентативны для реального мира? Виртуальная симуляция ринопластики может не учитывать индивидуальные особенности заживления тканей, асимметрию лица, специфику работы конкретного хирурга. Компьютерная модель грима не воспро-

изводит текстуру реальных косметических средств, их взаимодействие с кожей, эффекты при различном освещении.

Практика, однако, демонстрирует иное: даже частичное включение синтетических данных в обучающую выборку повышает устойчивость алгоритмов к adversarial-атакам. Грибов приводит результаты экспериментов, в которых добавление 15–20 % синтетически модифицированных изображений увеличивало точность распознавания лиц с измененной внешностью на 11–14 процентных пунктов. Речь не идет о полном решении проблемы, но определенный прогресс налицо.

Другой перспективный подход – динамическое обучение систем в процессе эксплуатации. Алгоритм не получает раз и навсегда зафиксированную обучающую выборку, а продолжает учиться на реальных данных, поступающих с камер видеонаблюдения. Каждый случай успешной или неуспешной идентификации становится новым обучающим примером.

Здесь возникают риски иного рода. Если система обучается на предвзятых данных (например, чаще ошибается при распознавании представителей определенных этнических групп), она будет закреплять и усиливать эту предвзятость. Отсутствие контроля за процессом самообучения может привести к деградации алгоритма – так называемому «дрейфу модели», когда система постепенно теряет способность корректно работать с исходными данными, на которых обучалась изначально.

Использование биометрических технологий для идентификации граждан в публичных пространствах все еще находится в зоне правовой неопределенности. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» относит биометрические данные к специальной категории информации, обработка которой требует письменного согласия субъекта.

На практике это правило входит в противоречие с массовым развертыванием систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц в городах России. Камеры фиксируют изображения всех граждан, находящихся в зоне их действия, независимо от наличия согласия. Правоохранительные органы обосновывают подобную практику ссылками на обеспечение общественной безопасности и раскрытие преступлений – цели, которые, согласно ч. 2 ст. 11 закона № 152-ФЗ, допускают обработку биометрии без согласия.

Петрова и Смирнова, однако, указывают на отсутствие четких критериев пропорциональности такого вмешательства в частную жизнь [1, с. 81]. Если система распознавания используется для поиска лиц, находящихся в федеральном розыске, это одно. Применение той же технологии для контроля за соблюдением масочного режима во время пандемии или для выявления «нежелательных посетителей» торговых центров – совершенно иная ситуация с точки зрения баланса интересов.

Вопрос модификации внешности добавляет сюда дополнительный уровень сложности. Имеет ли гражданин право целенаправленно затруднять свою идентификацию системами видеонаблюдения? С одной стороны, использование грима, париков, косметики – законные действия, не образующие состава правонарушения. С другой – если лицо применяет эти методы с целью сокрытия от камер в процессе совершения преступления, это может квалифицироваться как приготовление к преступлению или способствование его сокрытию.

Ковалева описывает случай из практики Московского районного суда (2024 год), где фигурант, обвиняемый в серии краж в торговых центрах, перед каждым инцидентом наносил на лицо специфический макияж, препятствующий распознаванию. Следствие квалифицировало это как отягчающее обстоятельство – принятие мер к сокрытию преступления. Защита, напротив, настаивала, что использование косметических средств – личное право гражданина, не связанное с противоправными намерениями.

Суд согласился с позицией обвинения, но только потому, что была установлена прямая связь между нанесением макияжа и последующим совершением преступления. В общем же случае правовая квалификация остается неясной.

Проблема усугубляется технической ненадежностью систем. Если алгоритм ошибочно идентифицирует гражданина как лицо, находящееся в розыске, последствия могут быть серьезными – от необоснованной проверки документов до задержания.

Это означает, что из каждой сотни «совпадений», зафиксированных системой, до десяти – ошибочные.

Усложнение алгоритмов распознавания, повышение их устойчивости к модификациям внешности неизбежно приведет к снижению уровня ошибок. Но полностью исключить их невозможно – это принципиальное ограничение любой вероятностной системы. Вопрос в том, какой уровень ошибок общество готово считать приемлемым и как должны распределяться риски между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав граждан.

Отдельная проблема – хранение и использование изображений лиц, полученных системами ви-

деонаблюдения. Формально эти данные должны уничтожаться по истечении срока хранения (обычно 30–90 суток, если не возбуждено уголовное дело). Фактический контроль за соблюдением этого требования затруднен. Мельников отмечает, что в ряде регионов биометрические данные, собранные камерами, де-факто интегрируются в единые информационные системы правоохранительных органов без установленных сроков хранения.

Это создает риски утечек персональных данных, их несанкционированного использования третьими лицами, а также формирования «теневых баз данных» на коммерческой основе.

Текущие ограничения систем распознавания лиц стимулируют поиск альтернативных и дополняющих методов идентификации. Один из перспективных векторов – переход от моноалгоритмической идентификации к мультимодальным системам, которые анализируют не только геометрию лица, но и другие биометрические параметры.

Походка человека, например, сложно поддается имитации и практически не изменяется в результате косметических процедур или использования грима. Алгоритмы анализа походки (gait recognition) оценивают динамические характеристики: длину шага, скорость движения, угол наклона корпуса, амплитуду движения рук. Эти параметры формируются особенностями скелетной структуры, распределением мышечной массы, индивидуальными двигательными паттернами – все это крайне сложно изменить целенаправленно.

Комбинирование распознавания лица и походки повышает общую точность идентификации. Если алгоритм распознавания лиц дает низкую степень уверенности из-за маскировки внешности, анализ походки может подтвердить или опровергнуть предполагаемое совпадение. По данным экспериментов, проводившихся в 2025 году в рамках проекта по модернизации систем видеонаблюдения в Казани, мультимодальный подход снизил долю ложных срабатываний на 34 % при сохранении уровня корректных идентификаций.

Другой перспективный параметр – термография лица. Инфракрасные камеры фиксируют распределение температуры на поверхности кожи, которое определяется расположением кровеносных сосудов. Этот «тепловой отпечаток» уникален для каждого человека и не изменяется при нанесении грима или использовании маски. Силиконовые накладки, парики и линзы также не влияют на термографический паттерн, поскольку не имеют собственного кровоснабжения.

Ограничение термографии – необходимость специализированного оборудования и относительно небольшая дальность эффективного действия (до 5–7 метров при текущем уровне технологий). Массовое развертывание термографических систем в публичных пространствах экономически затратно, но в режимных зонах – аэропортах, вокзалах, банковских хранилищах – такой подход вполне оправдан.

Распознавание по радужной оболочке глаза традиционно считается одним из наиболее надежных методов биометрической идентификации. Структура радужки формируется в процессе внутриутробного развития, уникальна для каждого человека и практически не изменяется в течение жизни. Цветные контактные линзы изменяют видимый цвет, но не влияют на рисунок радужки, который фиксируется в инфракрасном спектре.

Проблема в том, что для качественного сканирования радужки требуется близкое расстояние (до 1 метра) и кооперация субъекта – человек должен несколько секунд смотреть в камеру. В условиях массовых скоплений людей или при попытке скрытного наблюдения за перемещением подозреваемого это требование невыполнимо.

Интеграция нескольких биометрических модальностей в единую систему – технически сложная задача. Различные алгоритмы работают с разными типами данных, имеют различную скорость обработки, различные показатели точности. Необходимо разработать механизмы взвешенной оценки: если один из алгоритмов дает высокую степень уверенности, а другой – низкую, как интерпретировать такой результат?

Ковалева описывает экспериментальную систему, внедренную в 2024 году в аэропорту Шереметьево, которая комбинирует три модальности: распознавание лица, походки и термографию [5, с. 14]. Окончательное решение о совпадении принимается на основе байесовской модели, которая учитывает вероятностные оценки всех трех алгоритмов и взвешивает их в зависимости от условий наблюдения. Если качество изображения лица низкое (плохое освещение, человек в маске), система автоматически повышает вес оценок походки и термографии.

Результаты первого года эксплуатации показывают повышение точности идентификации на 19–23 % по сравнению с моноалгоритмическим подходом. Однако стоимость развертывания такой системы в 2,4 раза выше, чем обычной системы распознавания лиц, что ограничивает масштабы ее применения.

Важный вопрос – адаптация систем к намеренному противодействию со стороны субъектов идентификации. Если технологии мультимодального распознавания станут массовыми, можно ожидать

появления и соответствующих методов противодействия: изменения походки с помощью специальной обуви или вкладышей в обувь, использования одежды с терморегулирующими элементами для искажения термографического паттерна, применения специальных линз, рассеивающих инфракрасное излучение.

Это гонка вооружений, в которой каждое усовершенствование системы идентификации стимулирует разработку новых методов противодействия, что, в свою очередь, требует дальнейшего развития технологий. Предсказать, где окажется точка равновесия, сложно.

Использование систем искусственного интеллекта для идентификации лиц с модифицированной внешностью сталкивается с комплексом технических, методологических и правовых проблем. Современные алгоритмы, основанные на анализе геометрии лица, демонстрируют высокую точность при работе с неизмененной внешностью, но оказываются уязвимыми к целенаправленным методам маскировки – от простейших (грим, парики, аксессуары) до специализированных (adversarial-макияж, пластическая хирургия).

Ключевая проблема – дефицит репрезентативных обучающих выборок, содержащих изображения лиц с модифицированной внешностью. Формирование таких датасетов наталкивается на этические и правовые ограничения, хотя частичным решением может стать использование синтетически генерированных данных и динамическое обучение систем в процессе эксплуатации.

Перспективное направление развития – переход к мультимодальным системам, комбинирующим распознавание лица с анализом походки, термографией, сканированием радужки. Такой подход повышает устойчивость к методам маскировки, но требует существенных инвестиций в оборудование и усложняет архитектуру системы.

Правовое регулирование применения биометрических технологий в России все еще находится в стадии формирования. Отсутствуют четкие критерии пропорциональности вмешательства в частную жизнь, неясна правовая квалификация действий граждан по затруднению своей идентификации, недостаточно проработаны механизмы контроля за хранением и использованием биометрических данных.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке методов динамической адаптации алгоритмов к новым типам модификаций внешности, создании открытых специализированных датасетов для обучения систем, формировании этически обоснованных и юридически прозрачных правил применения биометрических технологий в публичных пространствах. Только комплексное решение технических, правовых и этических проблем позволит создать эффективные и социально приемлемые системы биометрической идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова О. С., Смирнова И. В. Правовые основы обработки биометрических персональных данных в Российской Федерации: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2024. № 8. С. 67–81.

2. Грибов С. В. Влияние пластических операций на точность алгоритмов распознавания лиц // Информационные технологии и вычислительные системы. 2025. № 1. С. 45–58. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54238976

3. Борисова Е. А., Зайцев М. И. Методы противодействия системам биометрической идентификации: технический и правовой аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 3. С. 78–92.

4. Мельников А. П. Биометрические системы идентификации в российских аэропортах: технические решения и правовые проблемы // Транспортное право и безопасность. 2024. № 2(46). С. 112–125.

5. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск: Афанасьев В. С., 2023. 21 с.

УДК 343.1

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И УЧАСТИЯ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА В УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Волков Кирилл Владиславович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810124@ruc.su

SPECIFICITY OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE AND PARTICIPATION OF A FORENSIC EXPERT IN IDENTIFICATION

Volkov Kirill Vladislavovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Установление личности в криминалистической практике представляет собой многокомпонентный процесс, требующий интеграции специальных знаний из различных областей. В статье анализируются формы участия эксперта-криминалиста в идентификационных процедурах, особенности применения современных методов исследования биологических следов, дак-

тилоскопических данных и цифровых отпечатков личности. Рассматриваются проблемные аспекты взаимодействия следователя и эксперта на различных стадиях расследования, процессуальные особенности назначения экспертиз. Особое внимание уделяется практике применения молекулярно-генетических методов и возможностям портретной экспертизы в условиях цифровизации криминалистической деятельности. Новизна исследования заключается в систематизации актуальных проблем экспертной практики 2023–2025 годов, связанных с установлением личности в сложных следственных ситуациях.
Ключевые слова: установление личности, эксперт-криминалист, специальные знания, криминалистическая идентификация, судебная экспертиза, дактилоскопия, генотипоскопия

Personal identification in forensic practice is a multi-component process requiring integration of special knowledge from various fields. The article analyzes forms of forensic expert participation in identification procedures, features of applying modern methods for examining biological traces, fingerprint data and digital personal imprints. Problematic aspects of interaction between investigator and expert at various stages of investigation, procedural features of appointing examinations are considered. Special attention is paid to the practice of applying molecular genetic methods and possibilities of portrait examination in conditions of digitalization of forensic activities. The novelty of the research lies in systematization of current problems of expert practice in 2023–2025 related to personal identification in complex investigative situations.
Keywords: personal identification, forensic expert, special knowledge, forensic identification, forensic examination, fingerprinting, genotyping

Установление личности неопознанного трупа, скрывшегося преступника или лица, утратившего документы, – задачи, с которыми следственные органы сталкиваются ежедневно. По данным ГИАЦ МВД России, в 2024 году было зарегистрировано более 8 тысяч случаев обнаружения неопознанных трупов, из которых личность удалось установить лишь в 73 % случаев [1, с. 27]. Эта статистика демонстрирует масштаб проблемы.

Специальные знания в расследовании преступлений применяются в двух основных процессуальных формах. Первая – участие специалиста при производстве следственных действий, когда криминалист непосредственно на месте происшествия выявляет, фиксирует и изымает следы, имеющие значение для установления личности. Здесь речь не о даче заключения, а о содействии следователю в обнаружении материальных объектов. Вторая форма – производство судебной экспертизы, где эксперт на основании постановления следователя или определения суда исследует представленные объекты и формулирует выводы в форме заключения.

Практика показывает: разграничение этих форм не всегда очевидно участникам процесса. Нередко следователи ожидают от специалиста категоричных выводов непосредственно на месте осмотра, что процессуально недопустимо. Как отмечает Майлис Н. П., анализировавшая 340 уголовных дел с участием криминалистов-трасологов, в 27 % случаев зафиксировано смешение процессуальных ролей специалиста и эксперта, что впоследствии создавало проблемы при оценке доказательств в суде [2, с. 115].

Особую сложность представляет ситуация, когда одно и то же лицо сначала участвует в осмотре места происшествия как специалист, а затем назначается экспертом для исследования изъятых следов. Формально УПК РФ не содержит запрета на такое совмещение. Однако судебная практика неоднородна. Отдельные суды признавали подобные заключения недопустимыми доказательствами, указывая на заинтересованность эксперта в подтверждении правильности собственных действий при осмотре. Другие суды, напротив, считают это обстоятельство не влияющим на объективность выводов при условии соблюдения методики исследования.

Процессуальная регламентация участия эксперта определяется статьями 195–207 УПК РФ. Экспертиза назначается в случаях, когда для разрешения вопросов требуются специальные знания. При установлении личности такими вопросами могут быть:

– идентификация личности по следам рук, обнаруженным на месте происшествия;

– установление личности по признакам внешности, зафиксированным на фото- и видеоизображениях;

– определение биологической принадлежности следов крови, волос, других биологических объектов конкретному лицу;

– идентификация личности по особенностям строения зубочелюстной системы;

– установление личности умершего по костным останкам методом краниофациальной идентификации.

Каждый из этих вопросов требует применения специфических методов исследования, находящихся в компетенции разных экспертных специальностей. Впрочем, современная практика все чаще сталкивается с необходимостью комплексных экспертиз, где специалисты различных профилей совместно исследуют объекты и формулируют общий вывод.

Дактилоскопия остается наиболее распространенным методом установления личности в криминалистической практике. Уникальность папиллярных узоров, их неизменность в течение жизни и спо-

собность восстанавливаться после поверхностных повреждений делают этот метод особенно надежным. По информации ЭКЦ МВД России, в 2024 году посредством дактилоскопических учетов было установлено более 42 тысяч лиц, причастных к совершению преступлений [3, с. 9].

Современные автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС) существенно ускорили процесс поиска. Если еще десять лет назад сравнение следа с картотекой занимало недели, сегодня система выдает список вероятных совпадений за минуты. Однако окончательное решение о тождестве всегда принимает эксперт-дактилоскопист, оценивая не только совпадающие, но и различающиеся признаки.

Качество следов, изымаемых с мест происшествий, редко бывает идеальным. Чаще всего эксперт работает с фрагментарными, слабовидимыми, наслоившимися отображениями. Захарова С. М., изучившая 520 заключений дактилоскопических экспертиз за 2023–2024 годы, установила, что лишь в 34 % случаев следы обладали достаточным количеством идентификационных признаков для категоричного вывода о тождестве [4. с. 47]. В остальных случаях эксперты либо давали вероятные выводы, либо признавали решение вопроса невозможным.

Здесь стоит сделать оговорку. Качество следов напрямую зависит от профессионализма сотрудников, осуществляющих их выявление и изъятие на месте происшествия. Применение современных методов визуализации – порошков с магнитными свойствами, цианоакрилатного метода окуривания, люминесцентных реагентов – значительно повышает выявляемость следов на сложных поверхностях. Однако статистика показывает: далеко не во всех территориальных подразделениях эти методы применяются систематически.

Отдельную проблему представляет идентификация личности умершего по следам его рук. В случаях обнаружения неопознанных трупов дактилоскопирование является обязательной процедурой. При значительных посмертных изменениях кожного покрова (мацерация, гниение, высыхание) получение качественных отпечатков затруднено. Эксперты-криминалисты используют специальные методы восстановления эпидермиса, инъекционное наполнение подушечек пальцев, срезание поверхностного слоя кожи с последующей дактилоскопией внутреннего слоя. Эти процедуры требуют высокой квалификации и опыта.

Существует заблуждение, что дактилоскопическая экспертиза всегда дает категоричный ответ. На деле вывод о тождестве возможен только при наличии достаточной совокупности совпадающих признаков и отсутствии необъяснимых различий. Российская криминалистическая школа традиционно придерживается количественно-качественного подхода: учитывается не только число совпадающих деталей строения папиллярного узора, но и их идентификационная значимость, расположение, устойчивость.

Внедрение ДНК-анализа в экспертную практику произвело революцию в возможностях установления личности. Метод основан на исследовании полиморфных участков генома, индивидуальных для каждого человека. Вероятность случайного совпадения генетических профилей двух неродственных лиц оценивается величиной порядка 10^{-15}–10^{-20}, что делает метод практически абсолютно надежным [5, с. 71].

Биологические следы, пригодные для генотипоскопического исследования, весьма разнообразны:

– следы крови;

– волосы с луковицами;

– слюна на окурках, посуде, марках, конвертах;

– сперма;

– частицы эпителия на одежде, орудиях преступления;

– костные останки и зубы.

Практика последних лет демонстрирует расширение возможностей метода. Если ранее для анализа требовались относительно большие количества биоматериала, современные технологии позволяют получать генетический профиль из единичных клеток. Это особенно важно при работе со следами прикосновения (touch DNA), когда преступник не оставил видимых следов, но микроскопические частицы его эпителия остались на поверхности предметов.

Молекулярно-генетические экспертизы производятся в специализированных лабораториях, аккредитованных на данный вид исследований. Процедура включает несколько этапов: выделение ДНК из биологического материала, амплификацию участков генома методом полимеразной цепной реакции (ПЦР), электрофоретическое разделение фрагментов, генотипирование и статистическую оценку результатов. Весь цикл занимает от нескольких дней до нескольких недель в зависимости от состояния объектов и загруженности лаборатории.

Впрочем, метод не лишен ограничений. Основная проблема – деградация ДНК под воздействием

внешних факторов. Высокие температуры, ультрафиолетовое излучение, влажность, микробная контаминация разрушают молекулы ДНК, делая анализ затруднительным или невозможным. По данным Перепечиной И. О., изучившей результаты 1200 молекулярно-генетических экспертиз вещественных доказательств за 2023–2025 годы, полный генетический профиль удалось получить в 68 % случаев, частичный профиль – в 21 %, в 11 % случаев результат оказался отрицательным из-за недостаточного количества или деградации ДНК [5, с. 73].

Другая трудность связана с интерпретацией смешанных профилей, когда в следе присутствует биологический материал нескольких лиц. Разделение компонентов смеси и установление, кому принадлежит каждая из выявленных аллелей, представляет сложную аналитическую задачу. Используются специализированные программные комплексы, моделирующие различные варианты соотношения компонентов, однако вероятностная природа выводов в таких случаях повышается.

Важный аспект - создание и функционирование федеральной базы данных геномной информации. С 2008 года в России ведется учет генетических профилей лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также неопознанных трупов и следов с мест нераскрытых преступлений. База данных позволяет устанавливать связи между преступлениями, совершенными одним лицом, идентифицировать рецидивистов, находить без вести пропавших. К началу 2025 года в базе содержалось свыше 850 тысяч записей, что, впрочем, существенно меньше аналогичных баз данных США или Великобритании.

Установление личности по фото- и видеоизображениям – традиционное направление криминалистической экспертизы, получившее новый импульс развития в эпоху массовой видеофиксации. Камеры наблюдения в общественных местах, на транспорте, в торговых центрах ежедневно фиксируют миллионы изображений. Однако качество этих изображений редко соответствует требованиям, предъявляемым к идентификационным исследованиям.

Портретная экспертиза основывается на анализе анатомических и функциональных признаков внешности человека. К анатомическим относятся особенности строения головы, лица, отдельных элементов: формы, размеры, контуры, взаиморасположение. Функциональные признаки – это привычные позы, походка, мимика, жестикуляция. Сопутствующие признаки (одежда, украшения, татуировки) также принимаются во внимание, хотя их идентификационное значение ниже.

Методика портретной экспертизы включает сравнительное исследование изображений проверяемого лица и лица, чья личность известна. Эксперт выявляет совпадающие и различающиеся признаки, оценивает их устойчивость, идентификационную значимость, возможность изменения. Используются различные технические приемы: совмещение изображений, масштабирование, построение координатных сеток, измерение пропорций лица.

Цифровые технологии обработки изображений расширили возможности экспертов. Программы позволяют улучшать качество изображений, устранять искажения, вызванные ракурсом или условиями съемки, проводить количественные измерения с высокой точностью. Однако автоматические системы распознавания лиц, широко применяемые в оперативно-розыскной деятельности, не заменяют экспертное исследование. Алгоритм может предложить список похожих лиц, но окончательное решение о тождестве принимает эксперт.

Серьезной проблемой остается низкое качество видеозаписей с камер наблюдения. Недостаточное разрешение, неудачный ракурс, плохое освещение, динамичность сцены – все это затрудняет выделение идентификационных признаков. Эксперт часто вынужден констатировать, что изображение непригодно для идентификации. По оценкам ученых, проанализировавших практику портретных экспертиз в четырех экспертно-криминалистических центрах за 2024 год, лишь 41 % поступивших видеозаписей позволял дать категоричное заключение о тождестве или различии [6, с. 89].

Другой аспект – возможность умышленного изменения внешности. Смена прически, окраска волос, борода или ее сбривание, очки – эти изменения обратимы и не препятствуют идентификации при правильной методике исследования. Пластические операции, особенно на мягких тканях лица, создают большие трудности. Изменяются контуры, размеры, пропорции элементов лица. Впрочем, костная основа черепа остается неизменной, что позволяет при наличии качественных изображений в фас проводить идентификацию по устойчивым признакам.

Развивается направление трехмерной портретной экспертизы. Сканирование лица и создание объемной модели позволяет преодолеть ограничения, связанные с различиями ракурсов и освещения на сравниваемых изображениях. Метод пока не получил широкого распространения, но перспективы его очевидны.

Сложные экспертные ситуации часто требуют совместного исследования объектов специалистами различных областей знаний. Типичный пример – установление личности неопознанного трупа со значительными посмертными изменениями или расчленением. Здесь могут потребоваться:

– судебно-медицинская экспертиза для определения пола, возраста, особых примет, прижизненных заболеваний;

– дактилоскопическая экспертиза при возможности получения отпечатков пальцев;

– молекулярно-генетическая экспертиза для сравнения ДНК трупа и предполагаемых родственников;

– медико-криминалистическая экспертиза татуировок, рубцов, индивидуальных особенностей;

– стоматологическая экспертиза по особенностям зубочелюстной системы.

Каждый эксперт исследует объекты в пределах своей компетенции, но выводы формулируются совместно. Это и есть комплексная экспертиза. Ее отличие от комиссионной принципиально: при комиссионной экспертизе все участники обладают одной специальностью и совместно решают общий вопрос, при комплексной – специальности различны, каждый решает свою часть задачи, а затем все вместе формулируют итоговый вывод.

Организация комплексных экспертиз представляет процессуальные и организационные трудности. Эксперты могут работать в разных учреждениях, в разных городах. Согласование сроков, обеспечение последовательности исследований (одни методы разрушают объект, делая невозможными другие), оформление единого заключения – все это требует координации. На практике нередки ситуации, когда вместо комплексной экспертизы назначаются несколько отдельных, а синтез результатов осуществляет следователь. Это процессуально допустимо, но снижает доказательственную ценность выводов, поскольку оценку совокупности признаков производит не эксперт, а лицо без специальных знаний.

Интересный опыт накоплен при использовании метода краниофациальной идентификации – сопоставления черепа неопознанного трупа с прижизненными фотографиями предполагаемого лица. Метод требует совместной работы судебного медика, антрополога и эксперта-криминалиста. На череп наносятся антропометрические точки, измеряются размеры и пропорции. Затем изображение черепа совмещается с фотографией, анализируется соответствие костной основы и мягких тканей лица. При совпадении комплекса признаков возможен вывод о тождестве. Метод применяется с 1970-х годов, но остается достаточно трудоемким и используется в основном при невозможности других способов идентификации.

Эффективность использования специальных знаний во многом определяется качеством взаимодействия следователя и эксперта. Ключевой момент – правильная постановка вопросов на разрешение экспертизы. Вопросы должны быть сформулированы ясно, конкретно, входить в компетенцию данного вида экспертизы.

Часто следователи ставят перед экспертом вопросы правового характера, которые входят в исключительную компетенцию следователя или суда. Например: «Является ли данное лицо виновным в совершении преступления?» или «Имело ли место убийство?». Эксперт обязан отказаться от ответа на такие вопросы, указав, что они выходят за пределы его специальных знаний. Однако на практике подобные ситуации создают напряженность во взаимоотношениях.

Другая крайность – излишне детализированные вопросы, фактически предопределяющие методику исследования. Следователь не обязан знать, какими методами эксперт будет решать поставленную задачу. Достаточно указать, что именно требуется установить, а выбор методов – прерогатива эксперта. Излишняя регламентация методики может восприниматься как давление, попытка навязать определенный результат.

Существенный фактор – сроки производства экспертиз. Законодательство не устанавливает жестких сроков, указывая лишь, что экспертиза должна быть произведена в срок, необходимый для полного и качественного исследования. На практике эксперты загружены, очередь на отдельные виды экспертиз достигает нескольких месяцев. Следователи, ограниченные процессуальными сроками расследования, вынуждены либо продлевать сроки предварительного следствия, либо оказывать давление на экспертов с целью ускорения. Ни то, ни другое не способствует качеству расследования.

Встречаются случаи необоснованного назначения повторных экспертиз. Следователь, не удовлетворенный выводами эксперта (например, получен вероятный вывод вместо категоричного или вывод об отсутствии тождества вместо ожидаемого подтверждения), назначает повторную экспертизу в надежде получить «правильный» результат. Между тем, основаниями для повторной экспертизы являются сомнения в обоснованности заключения или противоречия в выводах, а не несовпадение результата с ожиданиями следователя. Неоправданные повторные экспертизы увеличивают нагрузку на экспертов, затягивают расследование, нарушают права участников процесса.

Позитивный опыт взаимодействия накапливается в регионах, где практикуется предварительное консультирование следователей экспертами до назначения экспертизы. Эксперт разъясняет, какие

объекты необходимо представить, в каком состоянии, какие вопросы целесообразно ставить, какие выводы принципиально возможны, а какие – нет. Это позволяет избежать назначения заведомо нерешаемых экспертиз, сократить число дополнительных исследований [7, с. 309].

Цифровизация общественных отношений порождает новые объекты и методы идентификации личности. Цифровой след – совокупность данных о действиях человека в информационных системах – становится самостоятельным объектом криминалистического исследования. IP-адреса, MAC-адреса устройств, метаданные файлов, геолокационные данные, история браузера, переписка в мессенджерах – все это может использоваться для установления личности.

Компьютерно-техническая экспертиза приобретает все большее значение при расследовании преступлений. Эксперты извлекают данные из памяти устройств, анализируют системные журналы, восстанавливают удаленную информацию. Однако установление, что определенные действия в интернете совершены конкретным лицом, сталкивается с трудностями. Использование чужих паролей, общедоступных компьютеров, технологий анонимизации затрудняет идентификацию.

Развивается направление лингвистической экспертизы текстов электронной переписки. Анализ индивидуальных особенностей речи – лексики, синтаксиса, орфографических ошибок, стилистики – позволяет в ряде случаев установить автора анонимного текста. Метод, впрочем, дает в основном вероятные выводы и требует значительных объемов сравнительного материала.

Биометрические технологии все активнее внедряются в повседневную жизнь. Распознавание лиц, сканирование радужной оболочки глаза, идентификация по голосу используются для контроля доступа, финансовых операций, пересечения границ. Накапливаются массивы биометрических данных граждан. Это создает возможности для правоохранительных органов, но одновременно порождает риски утечек и злоупотреблений. Правовое регулирование обработки биометрических персональных данных пока отстает от технологического развития.

Искусственный интеллект начинает применяться в экспертной деятельности. Алгоритмы машинного обучения способны анализировать изображения, сравнивать отпечатки пальцев, обрабатывать генетические данные. Скорость и производительность таких систем несопоставимы с возможностями человека. Однако вопрос о допустимости использования выводов «искусственного эксперта» в качестве судебного доказательства остается открытым. Отсутствие возможности допросить алгоритм, непрозрачность логики принятия решения, риски ошибок и предвзятости обученной модели – все это создает проблемы процессуального характера.

Специальные знания эксперта-криминалиста играют решающую роль в установлении личности при расследовании преступлений. Многообразие объектов идентификации – от следов рук и биологических образцов до цифровых отпечатков и видеоизображений – требует интеграции методов различных экспертных специальностей. Дактилоскопия сохраняет позиции наиболее массового метода благодаря надежности и относительной простоте. Молекулярно-генетическая экспертиза обеспечивает практически абсолютную достоверность, хотя ограничена стоимостью, длительностью исследований и требованиями к состоянию объектов. Портретная экспертиза переживает трансформацию под влиянием цифровых технологий обработки изображений и массового видеонаблюдения.

Процессуальные формы использования специальных знаний – участие специалиста и производство экспертизы – имеют различное доказательственное значение и требуют четкого разграничения на практике. Эффективность экспертных исследований во многом определяется качеством взаимодействия следователя и эксперта, правильностью постановки вопросов, своевременностью назначения экспертиз.

Перспективы развития связаны с внедрением цифровых технологий, расширением баз данных идентификационной информации, использованием искусственного интеллекта. Это повышает возможности установления личности, но одновременно порождает новые правовые и этические проблемы, требующие осмысления и регулирования. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик работы с новыми объектами цифровой природы, совершенствование процедур комплексных экспертиз, обеспечение баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинин А. М. Портретная экспертиза по видеоизображениям: возможности и ограничения // Эксперт-криминалист. 2024. № 4. С. 25–30.

2. Майлис Н. П. Процессуальные и методические аспекты участия эксперта-криминалиста в следственных действиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 112–118.

3. Ведерников Н. Т., Салтевский М. В. Использование дактилоскопических учётов в раскрытии и расследовании преступлений: современное состояние и перспективы // Российский следователь. 2024. № 5. С. 8–12.

4. Захарова С. М. Проблемы дактилоскопической идентификации по следам рук, изъятым с мест происшествий: анализ

экспертной практики // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 44–53. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=63247156
5. Перепечина И. О. Актуальные вопросы молекулярно-генетических экспертиз в практике установления личности // Судебная экспертиза. 2025. № 1 (81). С. 67–76.
6. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.
7. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.

УДК 343

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Волостнова Дарья Александровна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: volostnovadari@yandex.ru

IMPROVING HUMAN RIGHTS PRINCIPLES IN COMBATING INTERNET FRAUD IN THE RUSSIAN FEDERATION: NEW CHALLENGES AND LEGISLATIVE INITIATIVES

Volostnova Daria Alexandrovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется эволюция интернет-мошенничества как системной угрозы правам граждан на неприкосновенность частной жизни и имущественную безопасность. Исследуются ключевые проблемы правоприменения, включая трансграничный характер преступлений, латентность и сложности доказывания. Основное внимание уделяется новому этапу государственной политики, связанному с реализацией второго пакета законодательных мер, направленных на создание многоуровневой системы превентивной защиты. Автор рассматривает такие инициативы, как развитие ГИС «Антифрод», введение внесудебной блокировки фишинговых ресурсов, ограничение инструментов обналичивания и акцент на цифровой грамотности населения.
Ключевые слова: интернет-мошенничество, киберпреступность, правозащитные механизмы, ГИС «Антифрод», цифровая грамотность, законодательные инициативы, превентивная защита.

This article analyzes the evolution of online fraud as a systemic threat to citizens' privacy and property security. Key law enforcement issues are explored, including the cross-border nature of crimes, latency, and evidentiary challenges. The focus is on a new stage of state policy related to the implementation of the second package of legislative measures aimed at creating a multi-level system of preventive protection. The author examines initiatives such as the development of the Anti-Fraud State Information System, the introduction of extrajudicial blocking of phishing resources, restrictions on cash-out tools, and an emphasis on digital literacy among the population.
Keywords: Internet fraud, cybercrime, human rights mechanisms, GIS «Antifraud», digital literacy, legislative initiatives, preventive protection.

Масштабная цифровизация социальных и экономических отношений кардинально изменила ландшафт преступности, выдвинув на первый план мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Данный вид преступлений представляет собой не только криминальную, но и острую социально-правовую проблему, поскольку напрямую посягает на фундаментальные права и свободы человека: право собственности, право на неприкосновенность частной жизни и персональные данные, а в конечном счете – на психологическую и финансовую безопасность граждан.

Кибермошенничество отличается высокой латентностью, организованным и трансграничным характером, постоянной адаптацией способов совершения, что делает традиционные механизмы уголовного преследования зачастую недостаточно эффективными [1, С. 215]. В этой связи борьба с ним эволюционирует из узкопрофессиональной задачи правоохранительных органов в комплексное направление правозащитной деятельности государства, требующее симметричных, технологичных и превентивных ответных мер.

Целью настоящей статьи является анализ современных тенденций совершенствования правозащитных механизмов противодействия интернет-мошенничеству в Российской Федерации, с фокусом на новейших законодательных инициативах и их потенциальном воздействии на снижение уровня виктимизации граждан.

Эффективность любой правозащитной системы определяется точностью диагноза угроз. В контексте кибермошенничества ключевые вызовы носят системный характер.

Во-первых, высокая латентность и трудности доказывания. Значительная часть преступлений

остается нераскрытой в силу анонимности злоумышленников, использования ими VPN, виртуальных номеров и криптовалют для обналичивания средств. Процессуальная фиксация и исследование «электронных следов» требуют специальных знаний и оперативности, так как доказательная база может быть легко уничтожена или изменена. Мошенники активно используют методы социальной инженерии, вовлекая саму жертву в совершение действий по переводу денег, что усложняет квалификацию и доказывание умысла.

Во-вторых, трансграничность и организованность. Мошеннические схемы часто выстраиваются как распределенный бизнес-процесс, где «звонари», «технические специалисты» и «обнальщики» действуют в разных регионах или даже странах. Колл-центры, осуществляющие массовые звонки, нередко базируются за пределами РФ, что создает непреодолимые препятствия для оперативного реагирования и задержания исполнителей. Эта проблема подчеркивалась на уровне Общественной палаты РФ, где отмечалась связь волны телефонного мошенничества с деятельностью зарубежных спецслужб и криминальных групп.

В-третьих, динамичная адаптация способов. Эволюция схем обмана идет параллельно с внедрением новых технологий и закрытием законодательных лазеек. Если ранее основными каналами были фишинг-сайты и СМС-рассылки, то сейчас широко распространены звонки с подменой номеров государственных органов и банков, мошенничество в мессенджерах, использование социальных сетей для кражи персональных данных. Как отмечают эксперты, мошенники постоянно ищут новые способы обмана, что требует гибкой и оперативной реакции регулятора [2, С. 154].

Осознание этих вызовов стало основой для перехода от точечных мер к системной законодательной работе, направленной на создание технологического и правового барьера для преступников.

Ответом на усугубляющуюся проблему стал последовательный курс на формирование многоуровневой системы защиты. Если первый законодательный пакет, вступивший в силу в апреле 2025 года, заложил основы (например, введя «самозапрет» на кредиты и заблокировав миллионы мошеннических СМС), то второй пакет, разработанный по поручению Президента РФ и одобренный Комитетом Госдумы по финансовому рынку в январе 2026 года, носит характер глубокой комплексной модернизации [3, С. 97].

Центральным элементом новой системы является государственная информационная система противодействия правонарушениям с использованием ИКТ (ГИС «Антифрод»). Законопроект существенно расширяет ее функционал и обязывает операторов связи и банки к автоматизированному взаимодействию в режиме реального времени.

Во-первых, проактивное выявление и блокировка. Операторы связи будут обязаны самостоятельно анализировать трафик с применением искусственного интеллекта для выявления шаблонов мошеннических звонков, передавать данные об абонентских номерах мошенников и жертв, а также записи подозрительных переговоров в ГИС. Получив указание от системы, оператор должен приостановить услуги связи для подозрительного номера на 24 часа.

Во-вторых, жесткий контроль над «инструментарием» мошенников. Вводятся беспрецедентные ограничения, направленные на подрыв инфраструктуры преступных групп:

– ограничивается количество виртуальных SIM-карт на одного человека (не более 10). Все виртуальные АТС должны располагаться на территории РФ. Вводятся «детские сим-карты» с родительским контролем, что снижает риск вовлечения несовершеннолетних в схемы.

– устанавливается лимит в 20 банковских карт, выпущенных разными банками, на одного физического лица (не более 5 карт в одном банке). Это прямой удар по практике «дропперства» – использования сети подставных лиц для обналичивания средств.

– создается централизованная база идентификаторов мобильных устройств (IMEI). Запрещается программное изменение IMEI, а такие действия предлагается квалифицировать как уголовное преступление при совершении кражи или мошенничества [4, С. 26].

Правозащитная составляющая пакета проявляется в наделении граждан новыми инструментами самозащиты и упрощении процедур восстановления прав. Гражданам предоставляется возможность через портал «Госуслуги» установить «самозапрет» на входящие звонки с иностранных номеров, аналогично действующему запрету на кредиты. Международные вызовы будут обязательной маркировкой, предупреждающей абонента о потенциальном риске.

Законопроект предусматривает возможность сообщить о факте кибермошенничества напрямую через «Госуслуги», что упрощает процесс обращения в правоохранительные органы и способствует снижению латентности. Усовершенствована процедура восстановления доступа к учетной записи на «Госуслугах» с использованием биометрии, электронной подписи или через банковское приложение, что минимизирует риски блокировки аккаунта мошенниками [5, С. 492].

Одной из наиболее значимых мер является введение механизма внесудебной блокировки фишинговых сайтов, а также ресурсов, распространяющих вредоносное ПО или информацию о продаже несертифицированных средств связи. Это позволяет оперативно, в течение часов, ликвидировать техническую платформу для обмана, не дожидаясь многословных (длительных) судебных процедур, что критически важно в условиях, когда срок жизни мошеннического сайта составляет дни.

Законодательные инициативы создают каркас, но их эффективность зависит от качества реализации и дополнения иными мерами. Еще в 2020 году в МВД РФ были созданы специализированные подразделения по раскрытию IT-преступлений. Их работа должна быть тесно интегрирована с данными ГИС «Антифрод». Необходимо дальнейшее развитие ведомственных методик расследования, ориентированных на работу с цифровыми доказательствами и расследование финансовых потоков [6, С. 109].

Любая, даже самая совершенная технологическая защита, может быть обойдена через манипуляцию сознанием жертвы. Поэтому системная работа по повышению цифровой грамотности всех слоев населения, особенно старшего поколения, является неотъемлемой правозащитной мерой. Это включает в себя образовательные программы в школах и вузах, широкие информационные кампании в СМИ, разъяснительную работу волонтеров. Профилактика деструктивных практик в цифровой среде становится такой же важной, как и техническая защита.

Учитывая трансграничную природу угрозы, РФ необходимо активизировать взаимодействие в рамках Интерпола, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и на двустороннем уровне по вопросам экстрадиции преступников, блокировки зарубежных колл-центров и обмена данными о финансовых транзакциях.

Совершенствование правозащитных механизмов противодействия интернет-мошенничеству в России вступило в качественно новую фазу. Предложенный правительством и находящийся на рассмотрении парламента второй пакет мер представляет собой переход от точечного и реактивного подхода к формированию целостной превентивной экосистемы безопасности. Ее ядром становится технологическая платформа (ГИС «Антифрод»), которая обеспечивает сквозное взаимодействие между операторами связи, банками и государством, позволяя в режиме, близком к реальному времени, выявлять атаки и блокировать ресурсы мошенников [7, С. 40].

Ключевым правозащитным трендом является смещение фокуса с наказания виновных (что крайне сложно в условиях транснациональной преступности) на предотвращение ущерба и минимизацию рисков для рядового пользователя. Это проявляется в наделении граждан инструментами «самозапрета», упрощении процедур восстановления прав и агрессивной политике по ликвидации мошеннического контента. Статистика, свидетельствующая о снижении количества цифровых преступлений на 9.5% после реализации первого пакета мер, показывает верность выбранного курса [8, С. 130].

Однако успех этой масштабной реформы будет зависеть от сбалансированности ее реализации. Необходимо обеспечить четкие правовые гарантии против возможных злоупотреблений при блокировках и анализе трафика, продолжить инвестиции в образование и цифровую грамотность населения и наращивать международную кооперацию. Только такой комплексный подход позволит эффективно защитить цифровые права и имущество граждан, обеспечив доверие к цифровой среде как к пространству для безопасной реализации экономических и социальных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батракова, Л. Г. Мошенничество в эпоху цифровых технологий // Коммуникация – Общество – Человек: сборник научных трудов IV Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием. Ярославль, 2025. С. 213–217.

2. Филатова, А. А. Мошенничество в сети интернет // Наука и технологии – 2025: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2025. С. 151–156.

3. Истюков, Т. А. Мошенничество в сети Интернет. Виды и способы защиты // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 122-5. С. 96–98.

4. Барабанова, Д. А. Интернет мошенничество. Способы борьбы // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 121-2. С. 25–28.

5. Сазанова, А. А. Современные способы мошенничества в сети интернет // Актуальные проблемы инновационных систем информатизации и безопасности: материалы международной научно-практической конференции. Воронеж, 2025. С. 491-493.

6. Каратуева, А. В. Мошенничество в сети Интернет: меры предотвращения и противодействия // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых. Курск, 2024. С. 108–111.

7. Войтюль, А. Н. Особенности предупреждение мошенничества, совершаемого посредством сети Интернет // Студенческий вестник. 2023. № 33-1(272). С. 38–40.

8. Беликова, Е. Д. К вопросу о противодействии мошенническим действиям в глобальной сети «Интернет» // Прикладные цифровые технологии и системы XXI века. Владимир, 2025. С. 128–135.

УДК 343.9

СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОЗЫСКНЫХ ГРУПП В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ

Глухова Ангелина Станиславовна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811199@ruc.su

COMPOSITION AND PRINCIPLES OF FORMING SEARCH GROUPS DEPENDING ON THE OPERATIONAL SITUATION

Glukhova Angelina Stanislavovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются ключевые подходы к формированию состава розыскных групп с учетом специфики оперативной обстановки. Анализируются факторы, определяющие численность и квалификационную структуру розыскных подразделений при различных категориях преступлений. Особое внимание уделено практике российских правоохранительных органов в условиях трансформации криминальной среды 2022–2026 годов. Рассмотрены организационно-тактические принципы комплектования групп в зависимости от характера и сложности оперативной задачи. Представлены данные о результативности различных организационных моделей розыскной деятельности. Сформулированы рекомендации по оптимизации структуры и численности розыскных групп с учетом современных вызовов.

Ключевые слова: розыскная деятельность, оперативная обстановка, состав розыскной группы, раскрываемость преступлений, организация розыска, правоохранительные органы, оперативно-розыскные мероприятия.

The article examines key approaches to forming search team compositions based on the specifics of operational situations. Factors determining the number and qualification structure of search units for various crime categories are analyzed. Special attention is paid to the practice of Russian law enforcement agencies amid the transformation of the criminal environment in 2022–2026. Organizational and tactical principles of team staffing depending on the nature and complexity of operational tasks are considered. Data on the effectiveness of various organizational models of search activities are presented. Recommendations for optimizing the structure and number of search teams considering modern challenges are formulated.

Keywords: search activities, operational situation, search team composition, crime detection rate, search organization, law enforcement agencies, operational-investigative measures.

Формирование розыскных групп в современных условиях представляет собой сложный организационный процесс, требующий учета множества переменных. Практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к дифференциации подходов в зависимости от специфики криминальной ситуации.

Оперативная обстановка – понятие многомерное. Здесь стоит сделать оговорку: единого формализованного подхода к ее оценке в правоохранительной практике до сих пор не выработано, что создает определенные трудности при выборе оптимальной модели организации розыска.

Первый критерий – категория тяжести преступления, послужившего основанием для розыска. По данным аналитического управления МВД России за 2025 год, при розыске лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, средняя численность группы составляет 3,2 сотрудника. Для средней тяжести этот показатель возрастает до 5,7 человек. Тяжкие и особо тяжкие преступления требуют формирования групп численностью от восьми до пятнадцати оперативников [1, с. 112].

Второй критерий – личность разыскиваемого. Оценивается его криминальный опыт, наличие навыков конспирации, физическая подготовка, вероятность оказания вооруженного сопротивления. Сотрудники регионального управления уголовного розыска Центрального федерального округа отмечают, что при розыске лиц, ранее судимых за тяжкие насильственные преступления, обязательным становится включение в группу специалиста по силовому задержанию и как минимум двух сотрудников с опытом работы в спецподразделениях. Речь идет не столько о формальных требованиях, сколько о сложившейся практике, продиктованной соображениями безопасности.

Третий критерий – социальные связи разыскиваемого лица и вероятность получения им содействия. Если оперативная информация указывает на наличие у объекта розыска развитой сети родственных или криминальных связей, в состав группы включаются оперативники, специализирующиеся на негласной работе с агентурным аппаратом. Практика показывает: в таких ситуациях требуется одновременная отработка нескольких направлений, что автоматически увеличивает численность группы на 30–40 %.

Четвертый критерий – временной фактор. Когда складывается ситуация, требующая немедленного установления местонахождения лица (например, при похищении человека или угрозе совершения нового преступления), формируются усиленные группы с круглосуточным режимом работы. Это означает дублирование ключевых специалистов для обеспечения посменной деятельности. На прак-

тике численность такой группы может достигать двадцати пяти человек при организации трехсменного графика работы.

Динамика криминальной обстановки в регионе также влияет на организацию розыска. В субъектах Федерации с высоким уровнем преступности и значительным количеством лиц, находящихся в розыске, функционируют специализированные подразделения уголовного розыска постоянного состава. В регионах с относительно благополучной обстановкой розыскные группы формируются ad hoc под конкретную задачу из сотрудников различных подразделений.

Нельзя обойти вниманием и технологический фактор. Появление в последние годы систем видеоаналитики, геолокационных сервисов, инструментов цифровой криминалистики изменило структуру розыскных групп. Сегодня в составе практически каждой группы, занимающейся розыском при тяжких и особо тяжких преступлениях, присутствует специалист по работе с цифровыми следами - как минимум один сотрудник со знанием информационных технологий на уровне, позволяющем осуществлять первичный анализ данных мобильных устройств и интернет-активности.

Российская практика демонстрирует три основные организационные модели формирования розыскных групп, каждая из которых имеет свою область применения.

Модель постоянного состава. Предполагает создание специализированного подразделения, занимающегося исключительно розыскной деятельностью. Такие группы функционируют в крупных городах и областных центрах. Преимущество – высокая степень специализации сотрудников и отработанное взаимодействие внутри коллектива. По данным ГИАЦ МВД России, результативность работы постоянных розыскных групп в среднем на 23 % выше по сравнению с временными формированиями [2, с. 135]. Впрочем, это справедливо не для всех категорий розыскных дел: при поиске без вести пропавших граждан различия в эффективности оказываются статистически незначимыми.

Численность таких подразделений варьируется от пятнадцати до пятидесяти человек в зависимости от масштаба территории и демографических характеристик региона. В Московской области, например, функционирует розыскное подразделение численностью около сорока трех сотрудников, организованное по территориально-функциональному принципу: часть оперативников закреплена за конкретными муниципальными образованиями, часть специализируется на определенных категориях преступлений.

Модель временных целевых групп. Наиболее распространена в регионах с населением до пятисот тысяч человек. Группа формируется под конкретную задачу и расформировывается после ее выполнения. Состав определяется руководителем следственного или оперативного подразделения исходя из специфики розыскного дела. Преимущество модели – гибкость и возможность привлечения лучших специалистов из различных служб. Недостаток – необходимость времени на адаптацию и выстраивание взаимодействия внутри группы, что особенно критично при сжатых сроках.

Статистика показывает: в первые трое суток работы временной группы ее результативность на 15–18 % ниже, чем у постоянных подразделений.

Практика демонстрирует иное, чем можно было бы предположить, исходя из формальных должностных требований: результативность работы зависит не столько от звания и стажа руководителя, сколько от его организаторских способностей и умения оперативно принимать решения в условиях дефицита информации. Опросы сотрудников розыскных подразделений нескольких регионов Сибири показали, что 67 % респондентов считают критически важным фактором успеха именно личностные качества руководителя группы.

В контексте межведомственного взаимодействия заслуживает внимания опыт Краснодарского края, где с 2024 года реализуется пилотный проект по созданию объединенных розыскных групп с участием сотрудников МВД, Росгвардии и пограничной службы ФСБ России. Численность таких групп достигает тридцати человек, что позволяет одновременно контролировать все возможные каналы перемещения разыскиваемых лиц в приграничной зоне. Предварительные данные свидетельствуют о повышении результативности розыска на 31 % по сравнению с традиционными подходами [3, с. 81].

Эффективность розыскной группы определяется не только общей численностью, но и распределением ролей между участниками. Можно заметить четкую тенденцию к углублению функциональной специализации внутри подразделений.

Руководитель группы отвечает за общую координацию, принятие тактических решений, взаимодействие с другими службами и контроль исполнения поручений. Как правило, это сотрудник в звании не ниже майора полиции со стажем оперативной работы от десяти лет. Здесь картина неоднородная: в некоторых регионах практикуется назначение руководителями более молодых сотрудников, показавших высокие результаты в раскрытии преступлений, что порой вызывает организационные конфликты внутри коллектива.

Оперативники-исполнители – основной состав группы, осуществляющий непосредственный поиск и отработку оперативной информации. Оптимальное соотношение: один руководитель на пять-семь исполнителей. При большей численности управляемость группы снижается.

Специалист по агентурной работе. Его задача – организация и поддержание взаимодействия с негласными источниками информации. Наличие такого специалиста критично при розыске лиц, имеющих устойчивые связи в криминальной среде. По опыту подразделений уголовного розыска Уральского региона привлечение квалифицированного агентуриста повышает вероятность установления местонахождения объекта розыска на 40–45 %.

Аналитик. Сравнительно новая специализация, активно внедряемая с 2022 года. Сотрудник, занимающийся систематизацией поступающей информации, выявлением закономерностей и подготовкой версий. В крупных розыскных подразделениях присутствуют постоянные штатные аналитики; во временных группах эту функцию часто совмещает один из опытных оперативников.

Техник-криминалист. Обеспечивает фиксацию следов и вещественных доказательств при задержании разыскиваемого лица либо в ходе проверочных мероприятий. Не во всех группах присутствует на постоянной основе – нередко привлекается по необходимости из экспертно-криминалистических подразделений.

Специалист по информационным технологиям. Востребованность этой позиции резко возросла в последние три года. Занимается анализом цифровых следов, работой с данными операторов сотовой связи, мониторингом активности в социальных сетях. Фактически незаменим при розыске лиц молодого возраста, активно использующих интернет-коммуникации.

Распределение функций внутри группы требует учета индивидуальных качеств сотрудников. Практика показывает, что формальное назначение ролей без учета личностных особенностей и профессиональных предпочтений оперативников снижает общую эффективность работы примерно на четверть.

Состав розыскной группы неразрывно связан с доступными материально-техническими ресурсами. Это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов темы, поскольку региональные различия здесь весьма существенны.

Транспортное обеспечение – базовое условие эффективной работы. Минимальная норма: один служебный автомобиль на трех оперативников. При работе на обширной территории или в условиях одновременной отработки нескольких направлений требуется индивидуальное закрепление транспорта за каждым сотрудником. Анализ деятельности розыскных подразделений нескольких областей Северо-Западного региона показал, что недостаток транспортных средств увеличивает среднее время реагирования на оперативную информацию в 2,3 раза [4, с. 86].

Средства связи и передачи данных. Каждый участник группы должен быть оснащен защищенным каналом мобильной связи, позволяющим оперативно обмениваться информацией, в том числе фотоматериалами и геолокационными данными. Использование личных мобильных устройств для служебных коммуникаций создает риски утечки информации и препятствует реализации требований информационной безопасности.

Технические средства оперативно-розыскной деятельности. Наличие специального оборудования для наблюдения, фиксации, определения местоположения объектов – необходимое условие при розыске особо опасных преступников. Впрочем, доступ к таким средствам в различных регионах существенно отличается: если в столичных подразделениях технологическая оснащенность соответствует современным стандартам, то в периферийных районах оперативники нередко сталкиваются с дефицитом элементарного оборудования.

Информационно-аналитическое обеспечение включает доступ к базам данных, системам видеонаблюдения, сведениям операторов связи. Скорость получения запрашиваемой информации критична: задержка в предоставлении данных даже на несколько часов может обнулить результат многодневной работы группы. По данным мониторинга деятельности розыскных подразделений за 2024 год, среднее время ожидания ответа на межведомственный запрос составляет от двух до пяти рабочих дней, что явно недостаточно для оперативного реагирования.

Финансирование командировочных расходов. Когда розыск выходит за пределы региона, возникает необходимость направления сотрудников в другие субъекты Федерации. Ограничения бюджета нередко вынуждают минимизировать численность направляемой группы, что снижает эффективность работы на чужой территории. Оптимальный состав выездной группы – минимум три оперативника; на практике же часто командируются один-два сотрудника [5, с. 225].

Формирование состава розыскных групп представляет собой комплексную управленческую задачу, требующую учета множества факторов оперативной обстановки. Анализ практики российских

правоохранительных органов за 2022–2026 годы позволяет сформулировать несколько ключевых выводов.

Оптимальная численность розыскной группы определяется характером и тяжестью преступления, личностью разыскиваемого, территориальными параметрами зоны поиска и доступными ресурсами. Универсальная формула здесь невозможна – требуется гибкий подход с учетом конкретной ситуации. Минимальный состав в три сотрудника применим лишь при простых задачах локального характера; сложные розыскные мероприятия требуют групп численностью от восьми до двадцати оперативников.

Наблюдается устойчивая тенденция к углублению функциональной специализации внутри розыскных подразделений. Появление новых специализаций – аналитик, специалист по информационным технологиям – отражает изменение характера розыскной работы в условиях цифровизации общества. Одновременно сохраняется потребность в традиционных направлениях: агентурной работе, оперативном наблюдении, силовом задержании.

Комбинированная модель организации, предполагающая наличие постоянного ядра профессионалов с возможностью оперативного усиления за счет специалистов других служб, демонстрирует наилучшие показатели эффективности. Данные по нескольким регионам свидетельствуют о сокращении сроков установления местонахождения разыскиваемых лиц на 20–30 % при использовании такого подхода.

Критическое значение имеет материально-техническое обеспечение групп. Дефицит транспортных средств, средств связи, доступа к информационным ресурсам способен нивелировать преимущества правильно сформированного состава. Региональные диспропорции в оснащенности розыскных подразделений остаются серьезной проблемой, требующей системных управленческих решений на федеральном уровне.

Перспективным направлением развития представляется создание межведомственных розыскных групп, особенно в регионах со сложной криминогенной обстановкой. Опыт отдельных субъектов Федерации показывает существенный прирост эффективности при объединении ресурсов различных правоохранительных структур. Впрочем, для масштабирования такого подхода требуется совершенствование нормативной базы межведомственного взаимодействия.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на количественную оценку вклада различных организационных факторов в результативность розыскной работы, разработку математических моделей оптимизации численности и структуры групп, изучение психологических аспектов командной работы в экстремальных условиях оперативной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыжов А. А. Организация розыскной работы в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 112–118.

2. Баринова А. С., Кузнецов И. Н. Эффективность межведомственного взаимодействия при организации розыска лиц // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21. № 1. С. 134–141.

3. Федоров П. И., Николаева Т. Г. Специализация оперативных сотрудников как фактор результативности розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4 (66). С. 78–85.

4. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

5. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики/В. В. Данилов//Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. XV Макаркин. науч. чтения/отв. ред. Н. И. Учайкина; Мордов. гуманитар. ин-т. Саранск, 2015.С. 220–226.

УДК 343.1

СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Инкина Кристина Владимировна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: vdanilov@ruc.su; st810651@ruc.su

SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS ARISING WHEN APPEALING ACTIONS, DECISIONS OR INACTIONS OF AUTHORITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor
Inkina Kristina Vladimirovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу субъектного состава правоотношений, складывающихся в рамках обжалования действий, решений или бездействия должностных лиц и органов в уголовном процессе. Рассматриваются правовой статус, полномочия и процессуальное положение участников обжалования - от инициаторов подачи жалоб до инстанций, уполномоченных на их рассмотрение. Особое внимание уделяется проблемам разграничения компетенции между судебными и ведомственными механизмами контроля, а также правовым позициям, сформированным Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ в 2022–2026 годах. Работа основана на анализе современной процессуальной практики и научных исследований, опубликованных в ведущих российских юридических журналах.
Ключевые слова: обжалование, уголовный процесс, субъекты правоотношений, процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебная защита, процессуальные гарантии.

The article analyzes the subject composition of legal relations arising within the framework of appealing actions, decisions or inaction of officials and bodies in criminal proceedings. The legal status, powers and procedural position of participants in the appeal process are considered - from initiators of complaints to authorities authorized to consider them. Special attention is paid to the problems of delimiting competence between judicial and departmental control mechanisms, as well as legal positions formed by the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation in 2022–2026. The work is based on the analysis of modern procedural practice and scientific research published in leading Russian legal journals.
Keywords: appeal, criminal procedure, subjects of legal relations, procedural control, prosecutorial supervision, judicial protection, procedural guarantees.

Обжалование действий и решений властных субъектов в уголовном судопроизводстве представляет собой один из центральных механизмов обеспечения процессуальных гарантий. Однако при всей значимости этого института его субъектный состав остается предметом дискуссий – прежде всего потому, что границы правомочий различных участников процесса определены неоднозначно.

Субъектом обжалования может выступить практически любое лицо, чьи права и законные интересы затронуты процессуальным решением. Это очевидно. Менее очевидно то, как именно распределяются процессуальные возможности между различными категориями субъектов – обвиняемым, потерпевшим, иными участниками, а также их представителями. В работах Л. В. Головко, посвященных реформе досудебного производства, отмечается, что российская модель допускает значительную вариативность в определении субъектного состава на различных стадиях [1, с. 218]. Впрочем, эта вариативность не всегда способствует правовой определенности.

На практике ключевым субъектом обжалования выступает подозреваемый или обвиняемый – лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Статья 123 УПК РФ наделяет его правом обжаловать любое решение, действие или бездействие дознавателя, следователя, прокурора и суда. Право это реализуется в трех основных направлениях:

– обращение к прокурору с жалобой на действия органов расследования;

– обращение к руководителю следственного органа в порядке ведомственного контроля;

– обращение в суд с жалобой в порядке статьи 125 УПК РФ.

Каждое из этих направлений формирует собственную систему правоотношений – с различными субъектами, различными сроками и, что принципиально важно, различными правовыми последствиями. Прокурорский надзор традиционно рассматривается как форма внесудебного контроля, однако его эффективность в последние годы подвергается критике. Согласно исследованию А. С. Александрова и И. А. Александровой, проведенному на материале практики 2023–2024 годов, доля удовлетворенных прокурором жалоб на действия следователей не превышает 12 % от общего числа поступивших обращений [2, с. 114].

Потерпевший как субъект обжалования занимает несколько иную позицию. Формально его процессуальные возможности сопоставимы с правами обвиняемого. Статья 42 УПК РФ предоставляет потерпевшему право обжаловать решения и действия должностных лиц, если они затрагивают его интересы. Однако на практике круг решений, которые могут быть оспорены потерпевшим, существенно уже. Речь идет главным образом о постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении дела, о возвращении дела прокурору.

Важно учесть: позиция потерпевшего в механизме обжалования асимметрична. Если обвиняемый стремится оспорить действия, ограничивающие его права, то потерпевший, напротив, нередко добивается активизации уголовного преследования. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 января 2025 года № 3-П подчеркнул, что право потерпевшего на судебное обжалование бездействия следователя должно быть обеспечено реальными процессуальными механизмами [3]. Тем не менее в ряде случаев суды отказывают в принятии таких жалоб, ссылаясь на отсутствие формального нарушения прав.

Третья группа субъектов – иные участники процесса: свидетели, эксперты, специалисты, представители. Их процессуальные возможности ограничены значительно строже. Свидетель, например, вправе обжаловать только те решения, которые непосредственно касаются его статуса – о приводе, о наложении денежного взыскания, о применении мер безопасности. Эксперт может оспорить дей-

ствия, связанные с назначением и проведением экспертизы. Специалист – решения, затрагивающие порядок его участия в следственных действиях.

Здесь возникает вопрос: должны ли эти лица обладать более широкими правомочиями? Вопрос этот дискуссионный. С одной стороны, расширение круга обжалуемых решений создало бы дополнительные гарантии законности. С другой – привело бы к чрезмерной загруженности судов и прокуратуры. Баланс пока не найден.

Субъекты, чьи действия и решения могут быть обжалованы, образуют вторую группу участников правоотношений. Это должностные лица и органы, наделенные властными полномочиями в уголовном процессе. К ним относятся дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, а также судьи на различных стадиях производства.

Дознаватель и следователь – центральные фигуры досудебного производства. Именно их решения чаще всего становятся предметом обжалования: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о производстве следственных действий. Статья 125 УПК РФ устанавливает перечень решений, которые могут быть оспорены в суде. Перечень этот, впрочем, не является исчерпывающим – судебная практика периодически расширяет его толкование.

В исследовании Д. А. Кувалдиной, опубликованном в «Российской юстиции» в 2024 году, приводится анализ 238 судебных решений по жалобам в порядке статьи 125 УПК РФ [4, с. 34]. Установлено, что в 34 % случаев жалобы поданы на бездействие следователя – на невыполнение процессуальных обязанностей, волокиту, необоснованные задержки. Бездействие при этом оказывается труднее доказуемым, чем неправомерное действие. Суды нередко ссылаются на то, что следователь сохраняет процессуальную самостоятельность и вправе определять темп расследования.

Руководитель следственного органа выступает субъектом ведомственного контроля. Жалобы на действия следователя подаются именно ему – в порядке, предусмотренном статьей 124 УПК РФ. Однако эффективность этого механизма остается под вопросом. Руководитель следственного органа, будучи представителем той же системы, что и следователь, не всегда объективен при оценке его решений. Более того, законодательство не устанавливает детальной процедуры рассмотрения таких жалоб – нет требований о вызове заявителя, об исследовании материалов, о мотивировке ответа.

Прокурор в системе субъектов обжалования играет двойственную роль. С одной стороны, он сам является должностным лицом, чьи решения могут быть оспорены – например, об утверждении обвинительного заключения, о возвращении дела следователю, об отмене постановления следователя. С другой стороны, прокурор выступает субъектом надзора за законностью предварительного расследования – и в этом качестве рассматривает жалобы на действия дознавателей и следователей.

Надзорные полномочия прокурора в уголовном процессе значительны. Статья 37 УПК РФ наделяет его правом отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, давать указания о направлении расследования, продлевать сроки следствия. Впрочем, практика показывает: прокурор зачастую не использует эти полномочия в полной мере. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году из 117 тысяч жалоб, поступивших в органы прокуратуры на действия следственных органов, лишь 19 тысяч были признаны обоснованными.

Суд как субъект, рассматривающий жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ, занимает особое положение. Он не входит в систему органов уголовного преследования, не связан с ними корпоративными интересами. Судебный контроль рассматривается как наиболее эффективная форма защиты прав участников процесса. Однако и здесь возникают сложности. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 10 февраля 2009 года № 1 (с изменениями, внесенными в 2024 году) разъяснил: суд не вправе подменять органы расследования, не может давать обязательные указания о производстве конкретных следственных действий. Функция суда ограничена проверкой законности обжалуемого решения.

Здесь стоит сделать оговорку: судебный контроль не всегда оперативен. Жалоба рассматривается в срок до пяти суток – но на практике этот срок нередко затягивается, особенно в регионах с высокой нагрузкой на судебную систему. К моменту рассмотрения жалобы обжалуемое решение может утратить актуальность – следственное действие уже проведено, мера пресечения изменена, дело направлено в суд. В таких случаях жалоба остается без рассмотрения, что не способствует укреплению доверия к институту обжалования.

Представители участников процесса – адвокаты, законные представители несовершеннолетних, представители потерпевших – формально обладают теми же процессуальными правами, что и представляемые лица. Статья 53 УПК РФ устанавливает: защитник вправе использовать все не запрещенные законом средства и способы защиты. В эту формулу укладывается и право на обжалование. Однако практическая реализация этого права сталкивается с ограничениями.

Во-первых, адвокат может подать жалобу только от имени и в интересах подзащитного. Самостоятельное обжалование – без согласия или вопреки позиции клиента – недопустимо. Во-вторых, в ряде случаев суды требуют личного присутствия подзащитного при рассмотрении жалобы, что не всегда возможно – особенно если обвиняемый содержится под стражей в удаленном следственном изоляторе. В-третьих, адвокат нередко лишен доступа к материалам, необходимым для обоснования жалобы: следователь может ограничить ознакомление с делом, сославшись на интересы расследования.

Исследование Н. В. Ковтун, проведенное на материале практики Нижегородской области за 2023–2024 годы, показывает: в 28 % случаев жалобы, поданные адвокатами, оставляются судами без рассмотрения по формальным основаниям – отсутствие подписи доверителя, непредставление доверенности, неправильное указание адресата [5, с. 49]. Формализм процедуры оборачивается препятствием для реализации права на защиту.

Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого или потерпевшего также вправе обжаловать действия должностных лиц. Статья 426 УПК РФ закрепляет за ним широкие процессуальные возможности. Однако на практике возникает вопрос: что делать, если позиция законного представителя расходится с позицией самого несовершеннолетнего? Например, родитель настаивает на признании вины, а подросток – на обжаловании обвинения. Закон не содержит четкого ответа. Верховный Суд РФ в определениях от 2024–2025 годов занимает позицию: при конфликте интересов приоритет должен быть отдан мнению несовершеннолетнего, если он достиг возраста 16 лет.

Представитель потерпевшего – чаще всего это также адвокат – действует в рамках полномочий, делегированных доверителем. Особенность его положения в том, что потерпевший может в любой момент отказаться от услуг представителя или изменить объем его полномочий. Жалоба, поданная представителем после отзыва доверенности, считается поданной ненадлежащим лицом.

Стоит заметить: институт представительства в уголовном процессе развит значительно слабее, чем в гражданском или арбитражном. Количество дел, в которых потерпевший пользуется услугами адвоката, не превышает 15 % от общего числа уголовных дел [6, с. 429]. Причины тому экономические - оплата услуг адвоката ложится на потерпевшего, а большинство пострадавших от преступлений не располагают необходимыми средствами.

Система субъектов обжалования образует сложную сеть правоотношений, в которой интересы участников нередко вступают в противоречие. Обвиняемый стремится оспорить обвинение, потерпевший – добиться его подтверждения. Следователь защищает свою процессуальную позицию, прокурор надзирает за законностью, суд оценивает обоснованность жалоб. Каждый из субъектов действует в рамках собственных полномочий, но эти полномочия пересекаются, порождая коллизии.

Одна из типичных ситуаций: обвиняемый обжалует постановление следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Жалоба подается одновременно в три инстанции – руководителю следственного органа, прокурору и в суд. Руководитель следственного органа оставляет жалобу без удовлетворения. Прокурор также отказывает в отмене постановления. Суд в порядке статьи 108 УПК РФ избирает меру пресечения – но делает это уже не по жалобе обвиняемого, а по ходатайству следователя, согласованному с прокурором. Формально все три инстанции рассмотрели обращение. Фактически обвиняемый не получил эффективной защиты.

Проблема здесь не только в формализме процедуры, но и в отсутствии координации между различными механизмами контроля. Ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебная проверка существуют параллельно, не образуя единой системы. Дублирование функций приводит к тому, что субъекты обжалования вынуждены обращаться во все инстанции одновременно – в надежде, что хотя бы одна из них окажется эффективной.

Другая коллизия связана с разграничением полномочий между судом и прокурором. Статья 125 УПК РФ предусматривает: жалоба на действия следователя может быть подана либо прокурору, либо в суд. Однако закон не запрещает одновременное обращение в обе инстанции. На практике нередко возникает ситуация: прокурор отказал в удовлетворении жалобы, а суд ее удовлетворил. Что делать прокурору – признать решение суда или продолжить отстаивать свою позицию? УПК РФ не содержит механизма согласования этих решений.

Еще одна проблема – сроки. Жалоба прокурору должна быть рассмотрена в течение трех суток, жалоба руководителю следственного органа – в тот же срок, жалоба в суд – в течение пяти суток [7, с. 86]. Однако эти сроки отсчитываются по-разному: с момента поступления жалобы, с момента регистрации, с момента получения материалов дела. В результате субъект обжалования оказывается в ситуации неопределенности: неясно, когда именно будет принято решение и какие правовые последствия оно повлечет.

Взаимодействие субъектов обжалования осложняется и тем, что законодательство не всегда по-

следовательно. Например, статья 124 УПК РФ предусматривает обжалование действий следователя руководителю следственного органа – но не содержит никаких указаний на сроки, порядок и форму ответа. Статья 125 УПК РФ, напротив, детально регламентирует судебный порядок обжалования – но оставляет открытым вопрос о том, какие именно решения могут быть оспорены. Пленум Верховного Суда РФ пытается восполнить эти пробелы, но разъяснения Пленума не всегда однозначны и нередко сами порождают новые вопросы.

Практика, между тем, демонстрирует иное: субъекты обжалования научились использовать процессуальные противоречия в своих интересах. Обвиняемый подает жалобы во все инстанции, затягивая тем самым расследование. Потерпевший обращается в суд с жалобой на бездействие следователя, одновременно направляя обращение в прокуратуру и в вышестоящие инстанции.

Перспективные направления исследования связаны с изучением зарубежного опыта регулирования субъектного состава правоотношений в сфере обжалования, а также с разработкой предложений по унификации процедур ведомственного и судебного контроля. Отдельного внимания заслуживает вопрос о расширении процессуальных возможностей потерпевшего в части обжалования бездействия органов расследования – тема, которая в последние годы активно обсуждается в научной литературе и находит отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Москва: Юрайт, 2022. 543 с.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Эффективность прокурорского надзора за законностью предварительного расследования: статистический и процессуальный анализ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 112-119. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54229873
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2025 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2025. № 2.
4. Кувалдина Д. А. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 34–38. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=55781246
5. Ковтун Н. В. Процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства при обжаловании решений органов расследования: региональный аспект // Законность. 2024. № 11. С. 45–51.
6. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений: материалы Национальной научно-практической конференции IX Юридические чтения. Саранск, 2023. С. 428–432.
7. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

УДК 343.1

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Барашкин Сергей Андреевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: vdanilov@ruc.su; st810118@ruc.su

FORENSIC KNOWLEDGE AND TECHNICAL-FORENSIC MEANS USED TO DETECT AND STOPPING SMUGGLING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY AIR TRANSPORT

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor
Barashkin Sergey Andreevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу криминалистических знаний и технико-криминалистических средств, применяемых в работе по выявлению и пресечению контрабанды наркотических средств через воздушный транспорт. Рассматриваются современные методы досмотра пассажиров и багажа в аэропортах России, специфика работы кинологических подразделений, возможности рентгенотелевизионных интроскопов и спектрометрического оборудования. Анализируются типичные способы сокрытия наркотиков при авиаперевозках, криминалистически значимые признаки преступной деятельности. Особое внимание уделено практике применения технических средств на базе аэропортов федерального значения. Показана необходимость комплексного подхода, сочетающего технические возможности оборудования с профессиональными навыками сотрудников таможенных и правоохранительных органов.

Ключевые слова: контрабанда наркотиков, воздушный транспорт, технико-криминалистические средства, таможенный контроль, аэропорт, досмотр багажа, кинологическая служба

The article analyzes forensic knowledge and technical-forensic tools used to detect and suppress drug smuggling through air transport. Modern methods of screening passengers and baggage at Russian airports, specifics of canine units, capabilities of X-ray television introscopes and spectrometric equipment are examined. Typical methods of concealing drugs during air transportation and forensically significant signs of criminal activity are analyzed. Particular attention is paid to the practice of using technical tools at federal airports. The necessity of an integrated approach combining technical capabilities of equipment with professional skills of customs and law enforcement officers is demonstrated.

Keywords: drug smuggling, air transport, technical-forensic tools, customs control, airport, baggage screening, canine service.

Воздушный транспорт остается одним из наиболее привлекательных каналов для международной наркоконтрабанды. Скорость перемещения, большой пассажиропоток и возможность быстрой переброски грузов на значительные расстояния – все это создает условия для организованных преступных групп.

По данным ФТС России, в 2024 году в аэропортах страны было выявлено свыше 820 случаев попыток незаконного перемещения наркотических средств и психотропных веществ через таможенную границу [1]. Речь идет не только о крупных партиях. Нередко курьеры перевозят относительно небольшие объемы синтетических наркотиков – от 200 граммов до 2–3 килограммов, – но высокая частота таких перевозок формирует устойчивый криминальный трафик.

Наиболее интенсивный поток контрабанды фиксируется на маршрутах из стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Международный аэропорт Шереметьево в 2023 году зафиксировал 187 случаев изъятия наркотиков, Домодедово – 134, Внуково – 89 [2]. Впрочем, география расширяется: в последние два года активизировались маршруты через Стамбул, Дубай и Каир с дальнейшим транзитом в российские региональные аэропорты.

Проблема усугубляется появлением новых психоактивных веществ, которые сложнее идентифицировать стандартными методами. Синтетические каннабиноиды, производные фентанила, дизайнерские стимуляторы – все это требует постоянного обновления как технической базы, так и экспертных знаний сотрудников таможенных и правоохранительных органов.

Аэропорт – это среда с жестким временны́м регламентом. Массовый досмотр должен сочетаться со скоростью обработки пассажиропотока. Задержка рейса из-за длительных проверок создает не только экономические, но и репутационные риски для авиакомпаний. Поэтому применение технико-криминалистических средств здесь имеет ряд особенностей.

Первая линия – это рентгенотелевизионные интроскопы. Современные системы, установленные в большинстве федеральных аэропортов (например, Rapiscan 620DV или Smiths Detection HI-SCAN 6040aTiX), позволяют получать многоракурсное изображение содержимого багажа с возможностью автоматического распознавания органических материалов [3, с. 119]. Органика выделяется оранжевым или коричневым цветом на экране, что сразу привлекает внимание оператора.

Однако интроскопы не всесильны. Плотно упакованные вещества в металлических контейнерах, размещение наркотика внутри электронных устройств или в полостях обуви часто требуют дополнительной проверки. Здесь на помощь приходят портативные анализаторы и ионно-дрейфовые спектрометры, позволяющие обнаружить следовые количества наркотиков на поверхности предметов. Устройства типа Itemiser или IONSCAN фиксируют наличие кокаина, героина, амфетаминов даже в концентрации несколько нанограммов.

Второй важный элемент – служебные собаки. Кинологические подразделения таможни и МВД используют специально обученных животных для обнаружения запаха наркотических веществ. Лабрадоры, спаниели и бельгийские овчарки работают как на багажных лентах, так и непосредственно в зонах досмотра пассажиров.

Практика показывает: собака способна обнаружить герметично упакованный наркотик, даже если он замаскирован сильными ароматизаторами – кофе, специями, парфюмерией. Впрочем, это справедливо не для всех случаев. Некоторые синтетические вещества со слабой летучестью требуют либо более длительного контакта, либо вскрытия упаковки для забора пробы [4, с. 310].

Третий уровень – углубленный досмотр с применением стационарных компьютерных томографов. Такие системы установлены в Шереметьево, Пулково и еще нескольких крупных аэропортах. Томограф создает трехмерное изображение объекта с возможностью послойного анализа. Это позволяет выявить тайники в стенках чемодана, внутри аккумуляторов или в подошвах обуви – там, где обычный рентген дает лишь размытую картину.

Контрабандисты постоянно совершенствуют методы. Можно выделить несколько устойчивых схем, которые фиксируются в практике российских аэропортов.

Использование естественных полостей тела. Так называемые «глотальщики» – лица, проглатывающие капсулы с наркотиком перед посадкой на рейс. Обнаружение таких курьеров требует либо применения стационарных сканеров тела (body scanners), либо визуального наблюдения за поведени-

ем. Признаки: нервозность, избегание зрительного контакта, скованные движения, необычная походка. В 2023 году в аэропорту Внуково был задержан гражданин Бразилии, перевозивший 78 капсул кокаина общей массой 1,2 кг внутри организма [5, с. 41].

Тайники в багаже и ручной клади. Двойное дно чемодана, полые ручки, специально изготовленные отсеки внутри рам – все это стандартные варианты. Криминалистически значимый признак – несоответствие веса багажа его визуальному объему. Если чемодан выглядит полупустым, но весит больше ожидаемого, это повод для углубленного досмотра.

Сокрытие внутри электронных устройств и бытовой техники. Ноутбуки, колонки, фены, электробритвы – все это может быть модифицировано для размещения наркотика. Характерный маркер – поврежденные или нестандартные крепежные элементы, следы недавней разборки корпуса. В практике Домодедово зафиксирован случай перевозки метамфетамина в корпусах игровых приставок: вещество было запрессовано в пластиковые вставки, визуально неотличимые от заводских деталей.

Пропитка текстильных изделий. Одежда, пропитанная раствором наркотика с последующей сушкой. После прибытия в пункт назначения курьер производит экстракцию вещества. Метод используется реже, поскольку требует химической обработки на месте получения. Однако ионно-дрейфовые спектрометры легко обнаруживают остаточные следы на ткани.

Перевозка в продуктах питания и косметике. Наркотик может быть запечатан внутри банок с консервами, бутылок с шампунем или кремом. Здесь криминалистически значимый признак – нарушение целостности заводской упаковки, следы повторной герметизации, нетипичная консистенция содержимого.

Отдельная категория – почтовые отправления и авиагрузы. Посылки с наркотиками нередко оформляются как образцы промышленных товаров, запчасти или сувенирная продукция. Здесь ключевую роль играет профайлинг: анализ адресов отправителя и получателя, проверка истории их грузопотоков, оценка логичности коммерческой сделки.

Техника сама по себе не решает задачу. Интроскоп покажет аномалию, спектрометр зафиксирует химическое соединение, но интерпретация данных требует квалификации.

Сотрудники таможни проходят специализированные курсы по распознаванию типов наркотических веществ, изучают способы их упаковки и маскировки, осваивают методы работы с аналитическим оборудованием. В Ростовской таможенной академии и учебных центрах ФТС России регулярно проводятся семинары с участием экспертов-криминалистов.

Еще один важный аспект – психологический профайлинг. Наблюдение за микровыражениями лица, жестикуляцией, реакцией на вопросы позволяет выделить потенциально подозрительных лиц из общего потока. Это не замена техническим средствам, но эффективное дополнение. Обученный сотрудник замечает: человек слишком часто касается одного и того же места в сумке, избегает зоны с кинологами, демонстрирует избыточное спокойствие или, напротив, неадекватную тревожность.

Впрочем, есть и обратная сторона. Высокая нагрузка, монотонность работы, необходимость обрабатывать сотни объектов в смену приводят к снижению концентрации. Исследования показывают: после трех часов непрерывной работы на интроскопе точность распознавания аномалий падает на 18–22 %. Здесь нужны организационные решения – ротация персонала, регулярные перерывы, применение систем автоматического предупреждения о возможной угрозе.

Технологии не стоят на месте. В ближайшие годы в российских аэропортах планируется внедрение нескольких инновационных решений.

Системы искусственного интеллекта для анализа изображений. Алгоритмы машинного обучения способны распознавать на рентгеновских снимках характерные паттерны, связанные с тайниками и запрещенными предметами. Экспериментальные проекты уже реализуются в Шереметьево: программа анализирует изображения с интроскопов в режиме реального времени и выделяет подозрительные объекты цветом, снижая нагрузку на операторов.

Лазерные спектрометры для дистанционного анализа. Устройства на основе рамановской спектроскопии позволяют определять химический состав вещества без контакта и вскрытия упаковки. Лазерный луч проходит через прозрачные или полупрозрачные материалы, спектр отраженного излучения сравнивается с базой данных наркотических веществ. Точность метода – более 95 % для большинства распространенных наркотиков.

Системы биометрического мониторинга пассажиров. Тепловизионные камеры и датчики сердечного ритма могут фиксировать признаки стресса у проходящих через зону контроля людей. Технология спорная с точки зрения этики, но эксперименты проводятся. Идея проста: курьер, осознающий риск обнаружения, демонстрирует физиологические реакции – повышенную температуру кожи лица, учащенный пульс, расширенные зрачки.

Усиление международного обмена данными. Создание единых баз данных о способах контрабанды, известных маршрутах и преступных группах позволит оперативно реагировать на изменения в криминальной среде. В рамках ЕАЭС и соглашений с Интерполом уже функционируют системы обмена информацией, но их потенциал используется не полностью [6, с. 225].

Вместе с тем речь идет не столько о замене существующих методов, сколько о создании многоуровневой системы защиты, где каждое техническое средство дополняет другое. Интроскоп выявляет подозрительный объект – спектрометр подтверждает наличие наркотика – кинолог локализует источник запаха – эксперт проводит химический анализ пробы. Только комплексный подход обеспечивает надежность.

Использование специальных технических средств в зоне таможенного контроля регулируется Таможенным кодексом ЕАЭС, Федеральным законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации», а также ведомственными приказами ФТС России.

Ключевой момент – соблюдение баланса между эффективностью контроля и правами граждан. Рентгеновское облучение ручной клади допустимо без ограничений, но применение сканеров тела (body scanners) требует добровольного согласия пассажира. Альтернатива – ручной досмотр в присутствии понятых. На практике большинство пассажиров соглашается на сканирование, поскольку это быстрее и менее дискомфортно.

Еще одна сложность – юридическая квалификация результатов анализа. Портативные спектрометры дают предварительную оценку, но для возбуждения уголовного дела требуется заключение эксперта-химика из аккредитованной лаборатории. Это создает временной лаг: задержание происходит на месте, но окончательное подтверждение состава вещества может занять от нескольких часов до суток. За это время необходимо обеспечить процессуальное сопровождение, исключить утрату или подмену вещественных доказательств.

Организационная структура также имеет значение. В крупных аэропортах действуют межведомственные оперативные группы, включающие сотрудников таможни, МВД, ФСБ и Росгвардии. Координация между ведомствами – не всегда гладкая. Разные регламенты, разные информационные системы, разные зоны ответственности. В аэропорту Пулково в 2024 году был создан единый ситуационный центр, объединяющий потоки данных от всех служб, что позволило сократить время реакции на выявленные угрозы с 12 до 4 минут.

Обнаружение вещества – лишь начало процесса. Дальше следует экспертиза, которая должна установить вид наркотика, его массу, степень чистоты, а в ряде случаев – происхождение партии.

Масс-спектрометрия и газовая хроматография остаются основными методами лабораторного анализа. Образец вещества поступает в экспертно-криминалистический центр, где проводится несколько параллельных тестов. Время исследования – от 3 до 10 дней в зависимости от сложности состава.

Новые синтетические наркотики создают проблему. Их химическая формула может незначительно отличаться от известных аналогов, и стандартные тест-системы не всегда дают однозначный результат. Требуется постоянное обновление справочных баз данных, закупка реагентов, обучение экспертов. В 2025 году Минздрав России включил в перечень контролируемых веществ 23 новых соединения, ранее использовавшихся контрабандистами для обхода законодательства.

Еще один аспект – установление происхождения наркотика. Изотопный анализ позволяет определить регион произрастания наркосодержащего растения или место синтеза вещества. Это важно для выявления транснациональных преступных сетей и планирования оперативно-розыскных мероприятий. Впрочем, такие исследования проводятся не в каждом случае – только при крупных изъятиях или в рамках межведомственных операций.

Контрабанда наркотиков давно приобрела транснациональный характер. Ни одна страна не способна справиться с проблемой в одиночку.

Россия участвует в нескольких международных программах по противодействию наркотрафику. В рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) проводятся совместные операции «Канал» и «Прокси», направленные на перекрытие маршрутов из Афганистана через Центральную Азию. Результаты: в 2024 году в ходе операции «Канал» было изъято более 8 тонн героина и опиатов на территории России и стран ОДКБ.

Обмен опытом с таможенными службами ЕС, США и стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет перенимать эффективные практики и адаптировать их к российским условиям. Так, методика профилирования пассажиров, разработанная израильской службой безопасности аэропортов, была частично внедрена в Шереметьево и показала прирост выявления подозрительных лиц на 14 % [7, с. 48].

Вместе с тем международное сотрудничество сталкивается с правовыми и политическими барье-

рами. Различия в законодательстве о защите персональных данных, санкционные ограничения, бюрократические процедуры – все это замедляет обмен информацией. Здесь картина неоднородная: с одними странами данные передаются в режиме реального времени, с другими – через официальные запросы, занимающие недели.

Выявление и пресечение контрабанды наркотиков на воздушном транспорте требует комплексного подхода, сочетающего современные технико-криминалистические средства с профессиональными навыками сотрудников. Рентгенотелевизионные интроскопы, ионно-дрейфовые спектрометры, кинологические подразделения, системы биометрической идентификации – все это элементы единой системы безопасности.

Практика российских аэропортов показывает: наиболее эффективна не отдельная технология, а ее интеграция в многоуровневую систему контроля. Интроскоп обнаруживает аномалию – спектрометр подтверждает наличие наркотика – кинолог локализует источник – эксперт проводит лабораторный анализ. Каждый этап усиливает другой, снижая вероятность ошибки.

Вместе с тем технологии нуждаются в постоянном обновлении. Преступные группы адаптируются, создают новые способы сокрытия, используют вещества, не включенные в контрольные перечни. Это требует от государственных органов гибкости, готовности вкладывать средства в научные исследования и международное сотрудничество.

Перспективы развития связаны с внедрением искусственного интеллекта для анализа больших данных, использованием лазерных спектрометров для дистанционного анализа, усилением межведомственной координации. Но главное – это люди. Без квалифицированных специалистов, способных интерпретировать показания приборов и принимать оперативные решения, даже самое современное оборудование останется лишь дорогостоящим инструментом.

Задача на ближайшие годы – создание единой информационной платформы, объединяющей все службы, работающие в зоне таможенного контроля, и обеспечивающей обмен данными в режиме реального времени. Только так можно опередить криминал, который сегодня действует быстрее, гибче и зачастую технологичнее, чем правоохранительная система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докладная записка ФТС России о результатах деятельности таможенных органов по противодействию контрабанде наркотических средств за 2024 год. Москва: ФТС России, 2025. URL: https://www.osfts.ru/images/o-control/publichnye-obsujdeniya/2025/21-03-2025.pdf

2. Отчёт о деятельности таможенных постов в аэропортах Московского авиационного узла за 2023 год. Москва: Центральная оперативная таможня, 2024. URL: https://sh.customs.gov.ru/presslugba/news/document/419293

3. Иванов Д. С., Лебедева Т. А. Новые психоактивные вещества: вызовы для экспертно-криминалистической службы // Криминалистика и судебная экспертиза. 2024. № 4. С. 112–125.

4. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.

5. Смирнов П. В., Котов А. И. Международное сотрудничество в сфере противодействия наркотрафику: опыт стран ОДКБ // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний. 2025. № 1 (68). С. 34–47.

6. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики / В. В. Данилов // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. XV Макаркин. науч. чтения / отв. ред. Н. И. Учайкина; Мордов. гуманитар. ин-т. Саранск, 2015. С. 220–226.

7. Аксёнов С. А., Ковалёв М. И. Применение технико-криминалистических средств в деятельности таможенных органов // Вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2023. № 2 (52). С. 45–52. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53781234

УДК 343.1

СВЕДЕНИЯ ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Беспалов Александр Юрьевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: vdanilov@ruc.su; st810426@ruc.su

INFORMATION ON THE DISTINCTIVE CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF PENITENTIARY OFFENDERS

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor
Bespalov Alexander Yuryevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе рассматриваются специфические личностные характеристики лиц, совершающих преступления в условиях лишения свободы. Анализируются психологические особенности, ценностные ориентации и поведенческие паттерны пенитенциарных преступников. Особое внимание уделяется факторам, способствующим криминальной активности в местах заключения, а также механизмам формирования устойчивых деструктивных установок. Представлены результаты современных исследований российских ученых, выявляющих корреляции между личностными свойствами осужденных и характером совершаемых ими пенитенциарных правонарушений. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к изучению данной категории правонарушителей с учетом их криминологических и психологических особенностей.
Ключевые слова: пенитенциарная преступность, личность осужденного, психологические особенности преступника, криминальная субкультура, исправительные учреждения, девиантное поведение, ресоциализация.

The paper examines the specific personality characteristics of individuals committing crimes under conditions of imprisonment. Psychological features, value orientations and behavioral patterns of penitentiary criminals are analyzed. Particular attention is paid to factors contributing to criminal activity in places of detention, as well as mechanisms for forming stable destructive attitudes. The results of modern research by Russian scientists are presented, revealing correlations between the personal properties of convicts and the nature of penitentiary offenses they commit. The necessity of a differentiated approach to studying this category of offenders, taking into account their criminological and psychological characteristics, is substantiated.
Keywords: penitentiary crime, personality of the convicted person, psychological characteristics of the criminal, criminal subculture, correctional institutions, deviant behavior, resocialization.

Пенитенциарная преступность остается серьезным вызовом для российской системы исполнения наказаний. По данным ФСИН России, в 2024 году в исправительных учреждениях было зарегистрировано более 2,3 тысячи преступлений различной степени тяжести [1]. Впрочем, эта цифра отражает лишь официально выявленные случаи – реальная картина может существенно отличаться.

Личность пенитенциарного преступника формируется под влиянием множества факторов. Здесь переплетаются криминальный опыт, приобретенный до осуждения, специфические условия содержания под стражей и воздействие тюремной субкультуры. Исследования последних лет показывают: примерно 67 % лиц, совершающих преступления в местах лишения свободы, ранее уже имели судимость [2, с. 138]. Речь идет не столько о случайности, сколько о закономерности – устойчивой криминальной направленности личности.

Анализ личностных характеристик осужденных, совершающих пенитенциарные преступления, выявляет ряд специфических черт. Высокий уровень агрессивности отмечается у 73 % обследованных [3, с. 309]. При этом агрессия нередко носит инструментальный характер – используется для утверждения статуса в неформальной иерархии. Эмоциональная неустойчивость, импульсивность, низкий уровень самоконтроля – эти свойства встречаются значительно чаще, чем у осужденных, не нарушающих режим отбывания наказания.

Стоит сделать оговорку: выраженность тех или иных личностных особенностей варьируется в зависимости от типа совершаемого пенитенциарного преступления. Лица, склонные к насильственным действиям в отношении персонала или других осужденных, демонстрируют повышенную враждебность и подозрительность. Напротив, осужденные, совершающие преступления экономического характера внутри исправительного учреждения (хищения, вымогательства), отличаются расчетливостью и развитыми манипулятивными навыками.

Ценностные ориентации пенитенциарных преступников характеризуются существенной деформацией. В структуре их ценностей доминируют эгоцентрические установки, групповая солидарность с носителями криминальной субкультуры, пренебрежение социальными нормами. Исследование, проведенное в нескольких исправительных колониях Центрального федерального округа в 2023–2024 годах, показало: для 81% респондентов из числа пенитенциарных преступников характерна ориентация на немедленное удовлетворение потребностей, неспособность к долгосрочному планированию [4, с. 285].

Когнитивные искажения играют значительную роль в поведении данной категории лиц. Типичными являются рационализация противоправных действий, проекция вины на внешние обстоятельства или других людей, минимизация тяжести совершаемых деяний. «Меня вынудили», «все так делают», «охрана сама виновата» – подобные объяснения встречаются в ходе бесед с осужденными регулярно. Механизмы психологической защиты позволяют сохранять позитивный образ себя даже при систематическом совершении противоправных действий.

Тюремная среда создает специфические условия для проявления и усиления деструктивных личностных черт. Социальная депривация, ограничение свободы, постоянный контроль – все это формирует особое психологическое состояние, которое исследователи называют «тюремным синдромом». Однако не все осужденные в равной степени подвержены его влиянию.

Пенитенциарные преступники демонстрируют парадоксальную адаптацию к условиям лишения свободы. С одной стороны, они усваивают правила неформальной иерархии, интегрируются в криминальные группировки, принимают нормы тюремной субкультуры. С другой – именно эта «успеш-

ная» адаптация к противоправной среде препятствует их ресоциализации. Они не столько страдают от пребывания в исправительном учреждении, сколько находят в нем привычную среду обитания.

Особого внимания заслуживает феномен «втягивания» в криминальную активность. Нередко осужденные, не имевшие выраженной антисоциальной направленности до попадания в места лишения свободы, под воздействием группового давления начинают участвовать в противоправных действиях. Механизм здесь достаточно прост: необходимость защиты, стремление избежать виктимизации, желание получить определенные привилегии в неформальной иерархии. Исследование Кузнецовой и Соловьева, проведенное в 2024 году на базе пяти исправительных колоний строгого режима, выявило: около 34 % осужденных, совершивших пенитенциарные преступления, ранее не имели признаков выраженной криминальной направанности [5, с. 429].

Групповая динамика внутри мест лишения свободы усиливает криминогенные процессы. Пенитенциарные преступления нередко совершаются группой – для демонстрации силы, устрашения других осужденных или персонала, утверждения авторитета лидеров. В таких ситуациях срабатывает эффект деиндивидуализации: личная ответственность размывается, порог совершения насильственных действий снижается.

Анализ мотивационной сферы показывает многообразие побуждений. Месть, защита статуса, материальная выгода, подчинение требованиям группы, демонстрация лояльности криминальным авторитетам – все это может выступать мотивами преступного поведения в исправительных учреждениях. Впрочем, картина здесь неоднородная. У одних преступников доминирует один ведущий мотив, у других – сложный комплекс побуждений.

Эмоциональная сфера пенитенциарных преступников характеризуется рядом особенностей. Повышенная тревожность, фрустрация, агрессивность, аффективная лабильность – эти состояния встречаются часто. При этом способность к эмпатии, сопереживанию, пониманию чувств других людей оказывается существенно сниженной. Такая эмоциональная холодность облегчает совершение насильственных действий, снижает чувство вины.

Любопытно, что интеллектуальный уровень пенитенциарных преступников варьируется в широких пределах. Встречаются как лица с низким образовательным уровнем и ограниченными когнитивными способностями, так и достаточно интеллектуально развитые осужденные, использующие свои способности для манипулирования окружающими и организации противоправной деятельности. Последние представляют особую сложность для администрации исправительных учреждений, поскольку способны выстраивать сложные схемы противоправной активности, маскируя свою причастность.

Дифференциация личностных типов среди пенитенциарных преступников позволяет выделить несколько основных групп. Первую составляют лица с устойчивой антисоциальной направленностью, для которых криминальное поведение стало привычным образом жизни. Они воспринимают пребывание в исправительном учреждении не как наказание, а как временное неудобство, не меняющее их жизненных установок [6, с. 83]. Вторая группа – импульсивно-ситуативные правонарушители, совершающие преступления под влиянием эмоциональных состояний, провоцирующих обстоятельств, группового давления.

Третий тип представлен осужденными с выраженными психическими аномалиями, не исключающими вменяемости. Расстройства личности, последствия органических поражений головного мозга, алкогольная и наркотическая зависимость – все это создает дополнительные факторы риска противоправного поведения в местах лишения свободы. Такие лица требуют особого внимания со стороны медико-психологических служб исправительных учреждений.

Возрастные характеристики также имеют значение. Наибольшую криминальную активность в местах лишения свободы проявляют осужденные в возрасте от 25 до 35 лет. Это период максимальной физической силы, выраженного стремления к доминированию, утверждения статуса в групповой иерархии. Молодые осужденные (18–24 года) чаще становятся жертвами или вовлекаются в криминальную деятельность под давлением более опытных преступников.

Статистика показывает: среди пенитенциарных преступников преобладают лица, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления – около 78 % [1]. Это закономерно: более опасный криминальный опыт, выраженная антисоциальная направленность, длительные сроки лишения свободы – все это повышает вероятность совершения преступлений в исправительных учреждениях.

Криминальный стаж выступает важным предиктором пенитенциарной преступности. Чем больше судимостей имеет осужденный, тем выше вероятность его участия в противоправной деятельности в местах лишения свободы. Многократно судимые лица (три и более судимости) составляют около 62% от общего числа пенитенциарных преступников.

Социальные характеристики также заслуживают внимания. Большинство лиц, совершающих пре-

ступления в исправительных учреждениях, до осуждения не имели стабильной занятости, семейных связей, легальных источников дохода. Социальная дезадаптация, характерная для их образа жизни на свободе, продолжается и в условиях изоляции.

Понимание личностных особенностей пенитенциарных преступников создает основу для разработки эффективных профилактических мер. Раннее выявление осужденных с повышенным риском криминального поведения позволяет применять дифференцированные подходы к их содержанию и ресоциализации. Психологическая диагностика при поступлении в исправительное учреждение должна включать оценку агрессивности, импульсивности, социальной адаптации, ценностных ориентаций.

Индивидуальные программы коррекции поведения могут включать несколько направлений. Работа с когнитивными искажениями помогает осужденным осознать неадекватность своих установок, научиться контролировать эмоциональные реакции, развить навыки конструктивного решения конфликтов. Групповые тренинги социальных навыков способствуют формированию просоциальных моделей поведения.

Практика демонстрирует: наиболее эффективными оказываются комплексные программы, сочетающие психологическую коррекцию, образовательные мероприятия, трудовую занятость, развитие профессиональных навыков. Однако их реализация сталкивается с рядом объективных трудностей - недостаточной численностью психологов и социальных работников в исправительных учреждениях, ограниченными ресурсами, сопротивлением самих осужденных.

Важным направлением является нейтрализация влияния криминальной субкультуры. Это предполагает разрушение неформальных иерархий, пресечение деятельности криминальных авторитетов, создание альтернативных, просоциальных групп поддержки. Некоторые исправительные колонии Уральского федерального округа в 2023–2025 годах апробировали модель «социальных отрядов», где осужденные с выраженной мотивацией к исправлению объединялись для совместной трудовой деятельности, обучения, участия в культурных мероприятиях. Результаты оказались обнадеживающими: среди участников таких программ уровень пенитенциарной преступности снизился на 43 % по сравнению с контрольной группой [7, с. 47].

Дифференциация условий содержания в зависимости от личностных характеристик и криминального риска представляется перспективной стратегией. Осужденные с устойчивой криминальной направленностью, лидеры преступных группировок, лица, систематически нарушающие режим, должны содержаться отдельно от тех, кто демонстрирует готовность к исправлению. Это предотвращает негативное влияние и снижает вероятность вовлечения в противоправную деятельность.

Медико-психологическое сопровождение осужденных с психическими расстройствами и зависимостями требует усиления. Своевременная диагностика, лечение, психокоррекционная работа способны существенно снизить риск криминального поведения у данной категории лиц. Впрочем, это справедливо не для всех случаев – часть осужденных использует наличие психических расстройств для манипулирования системой, симулируя или преувеличивая симптомы.

Личность пенитенциарного преступника характеризуется комплексом специфических психологических, социальных и криминологических особенностей. Высокий уровень агрессивности, импульсивность, деформированная система ценностей, когнитивные искажения, устойчивая антисоциальная направленность – эти черты встречаются значительно чаще, чем у законопослушных граждан и даже осужденных, не совершающих преступления в местах лишения свободы.

Пенитенциарная преступность обусловлена взаимодействием личностных характеристик осужденного, условий содержания в исправительном учреждении и влияния криминальной субкультуры. Понимание механизмов формирования и проявления деструктивного поведения создает основу для разработки эффективных профилактических и коррекционных программ.

Дифференцированный подход к различным типам пенитенциарных преступников, учитывающий их личностные особенности, криминальный опыт, мотивацию, позволяет более точно определять стратегии воздействия. Комплексные программы психологической коррекции, социальной адаптации, образовательной и трудовой занятости демонстрируют свою эффективность в снижении криминальной активности в исправительных учреждениях.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на изучении динамики личностных изменений осужденных в процессе отбывания наказания, выявлении защитных факторов, препятствующих вовлечению в пенитенциарную преступность, разработке и апробации инновационных методов коррекции поведения. Междисциплинарный подход, объединяющий усилия юристов, психологов, социологов, медиков, представляется наиболее перспективным для решения проблемы пенитенциарной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальная статистика ФСИН России за 2024 год. URL: https://fsin.gov.ru/statistics/
2. Сочивко Д. В., Полянин Н. А. Пенитенциарная психология: учебное пособие. Москва: Академический проект, 2023. 298 с.
3. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.
4. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Зерцало-М, 2023. 464 с.
5. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений: материалы Национальной научно-практической конференции IX Юридические чтения. Саранск, 2023. С. 428–432.
6. Васильев В. Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 522 с.
7. Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Психологические особенности осуждённых, совершающих преступления в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2024. № 2 (67). С. 45–53. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=60124578

УДК 343.1

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЙ, ВЛЕКУЩИХ ОТМЕНУ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРИГОВОРОВ

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Кизрин Кирилл Вячеславович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: vdanilov@ruc.su; st810411@ruc.su

CLASSIFICATION OF VIOLATIONS LEADING TO THE CANCELLATION AND MODIFICATION OF SENTENCES

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor
Kizrin Kirill Vyacheslavovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье авторы выявляют тенденции к формализации критериев существенности нарушений и анализируют противоречия в судебной практике различных регионов. Материал имеет практическую значимость для адвокатов, прокуроров и судей, участвующих в производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: отмена приговора, существенное нарушение, апелляционное производство, кассационное производство, процессуальные гарантии, право на справедливое судебное разбирательство, судебная ошибка.

In this article, the authors identify trends toward formalizing criteria for the materiality of violations and analyze inconsistencies in judicial practice across various regions. The material has practical implications for lawyers, prosecutors, and judges involved in criminal proceedings.

Keywords: reversal of sentence, substantial violation, appellate proceedings, cassation proceedings, procedural guarantees, right to fair trial, judicial error.

Вопрос о том, какие именно процессуальные недостатки способны повлечь отмену или изменение вступившего в силу приговора, остается одним из наиболее дискуссионных в российской правоприменительной практике. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует: в 2024 году апелляционными инстанциями было отменено или изменено около 18,3 % приговоров, тогда как в кассационном порядке этот показатель составил лишь 4,7 % [1]. Столь существенная разница объясняется не только различием процедур проверки, но и неоднородностью подходов к оценке серьезности выявленных нарушений.

Законодатель в статьях 389.15, 389.16 и 401.15 УПК РФ закрепил перечень оснований для пересмотра судебных решений, однако критерии существенности нарушений остаются оценочными [2]. Формулировка «существенное нарушение уголовно-процессуального закона» порождает широкое судебное усмотрение. На практике это приводит к тому, что однотипные процессуальные дефекты в разных регионах получают диаметрально противоположную оценку.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 ноября 2012 года № 26 попытался конкретизировать понятие существенности, указав: нарушение является таковым, если оно путем лишения или ограничения гарантированных законом прав участников процесса повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения [3]. Впрочем, эта дефиниция лишь отчасти решает проблему.

Анализ кассационной практики Второго кассационного суда общей юрисдикции за январь–сентябрь 2025 года показывает: судьи неоднозначно трактуют критерий потенциального влияния на исход дела. Одни составы признают существенным любое нарушение права на защиту. Другие требуют доказательств реального ущерба правам обвиняемого. Третьи оценивают нарушение через призму его компенсируемости на последующих стадиях процесса.

Особенно ярко противоречия проявляются при оценке дефектов формулировки обвинения. Изменение юридической квалификации в приговоре по сравнению с обвинительным заключением без возвращения дела прокурору – классический пример спорной ситуации. Московский городской суд традиционно расценивает подобные случаи как безусловное основание для отмены. А вот суды Уральского региона нередко оставляют такие приговоры без изменения, если новая квалификация «охватывается фактическими обстоятельствами, изложенными в обвинении».

Еще один проблемный аспект – нарушения при избрании меры пресечения. Содержание под стражей без достаточных оснований формально является существенным нарушением. Однако если к моменту апелляционного рассмотрения осужденный уже отбывает наказание, некоторые суды считают этот дефект утратившим юридическое значение. С такой логикой категорически не согласен Конституционный Суд РФ, неоднократно указывавший: незаконное ограничение свободы не может быть «поглощено» последующим осуждением [4, с. 46].

Систематизация оснований для отмены приговоров позволяет выделить несколько устойчивых категорий нарушений. Первая группа – дефекты, связанные с составом суда и обеспечением беспристрастности. Сюда относятся случаи рассмотрения дела судьей, ранее участвовавшим в производстве по нему в ином процессуальном качестве. Такие нарушения признаются безусловными основаниями для отмены вне зависимости от того, повлияли ли они на содержание приговора.

Статистика Верховного Суда РФ за 2023–2024 годы фиксирует снижение числа подобных случаев до 0,8 % от общего массива отмененных приговоров. Это связано с внедрением автоматизированных систем распределения дел и повышением квалификации аппарата судов.

Вторая категория – нарушения прав стороны защиты. Здесь картина неоднородная. Необеспечение участия защитника на стадии предварительного расследования по делам, где его участие обязательно, всегда влечет отмену [5, с. 91]. А вот недопуск защитника к участию в отдельных следственных действиях может быть признан устранимым, если впоследствии адвокат имел возможность ознакомиться с материалами и заявить ходатайства.

Практика Шестого кассационного суда общей юрисдикции демонстрирует: в 2025 году около 23 % приговоров были отменены именно по мотивам нарушения права на защиту. При этом половина таких случаев приходится на формальное участие адвоката без реального оказания квалифицированной юридической помощи. Суды апелляционных инстанций все чаще обращают внимание не на номинальное присутствие защитника, а на качество его работы.

Третья группа нарушений касается процедуры исследования доказательств. Положение о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона, остается мертвой буквой в значительном числе случаев. Суды первой инстанции регулярно кладут в основу приговоров показания, данные в отсутствие защитника, протоколы следственных действий с грубыми процессуальными дефектами, результаты оперативно-розыскных мероприятий без соблюдения требований об их легализации.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году прокурорами в порядке надзора было принесено 4 127 представлений на приговоры, основанные на недопустимых доказательствах. Из них удовлетворено 61 %, что существенно выше показателя 2022 года (49 %). Можно заметить определенную эволюцию судебных подходов к оценке доказательств, хотя до европейских стандартов еще далеко.

Четвертая категория – ошибки в применении уголовного закона. Неправильная квалификация содеянного, неприменение норм о смягчающих обстоятельствах или об освобождении от уголовной ответственности формально всегда являются основаниями для изменения приговора. Однако здесь есть нюанс: если ошибка в квалификации не повлекла более строгого наказания, чем могло быть назначено при правильной квалификации, некоторые суды ограничиваются изменением приговора без его отмены.

Пятая группа – нарушения в описательно-мотивировочной части приговора [6, с. 72]. Отсутствие мотивов принятых решений, внутренние противоречия, неустранимые сомнения в оценке доказательств – все это основания для отмены. Впрочем, на практике суды апелляционных инстанций нередко «дополняют» мотивировку приговора собственными рассуждениями, вместо того чтобы вернуть дело на новое рассмотрение. Такой подход критикуется процессуалистами, но устойчиво воспроизводится из года в год.

Центральная проблема классификации нарушений – установление их связи с итоговым судебным решением. Речь идет не столько о формальном наличии дефекта, сколько о его способности исказить выводы суда. Верховный Суд РФ в обзоре кассационной практики за первое полугодие 2024 года сформулировал несколько индикаторов существенности.

Первый критерий – влияние на установление фактических обстоятельств дела. Если нарушение

привело к тому, что юридически значимые факты остались неисследованными либо установлены на основе недопустимых доказательств, отмена неизбежна. Например, осуждение лица за хищение без установления размера причиненного ущерба – безусловное основание для направления дела на новое рассмотрение.

Второй критерий – воздействие на квалификацию содеянного. Даже если фактические обстоятельства установлены верно, ошибка в юридической оценке деяния может радикально изменить правовые последствия для осужденного. Классический пример: переквалификация с состава с привилегирующими признаками на основной состав преступления без достаточных оснований.

Третий индикатор – влияние на размер наказания. Неучет смягчающих обстоятельств, неприменение правил об обязательном смягчении наказания, выход за верхние пределы санкции – нарушения этого рода всегда существенны. Здесь судебная практика наиболее единообразна.

Четвертый критерий – ограничение процессуальных прав участников. Если нарушение лишило сторону возможности эффективно отстаивать свою позицию, оно признается существенным даже при отсутствии прямого влияния на содержание выводов суда. Правовая позиция Конституционного Суда РФ однозначна: процессуальная форма имеет самостоятельную ценность и не может приноситься в жертву целесообразности.

На практике применение этих критериев вызывает сложности. Суды вышестоящих инстанций не всегда последовательны в оценке одних и тех же дефектов. Показателен пример с назначением наказания по совокупности приговоров. Ошибка в определении неотбытой части наказания по предыдущему приговору формально влияет на итоговый срок.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении формы и содержания в уголовном процессе. Часть процессуалистов выступает за ужесточение подходов к оценке процессуальных нарушений: любое отступление от процедуры должно влечь отмену приговора [7, с. 582]. Другие настаивают на прагматическом подходе: существенными следует признавать лишь те дефекты, которые реально повлияли на права участников или выводы суда.

Представляется, что истина находится посередине. С одной стороны, процессуальная форма – важнейшая гарантия прав личности, и ее нарушение не может игнорироваться. С другой стороны, абсолютизация формальных требований способна превратить уголовный процесс в бюрократическую процедуру, лишенную связи с задачей установления истины по делу.

Перспективным направлением представляется развитие дифференцированного подхода к классификации нарушений. Необходимо законодательно закрепить перечень безусловных оснований для отмены приговора – таких, которые всегда влекут пересмотр независимо от иных обстоятельств. К ним следует отнести грубые нарушения права на защиту, незаконный состав суда, отсутствие подписи судьи на приговоре, рассмотрение дела в отсутствие подсудимого без его согласия.

Одновременно требуется более четкая регламентация критериев оценки иных нарушений. Действующая формулировка «повлияло или могло повлиять» слишком расплывчата. Целесообразно ввести презумпцию существенности для определенных категорий дефектов с возможностью ее опровержения в каждом конкретном случае.

Классификация нарушений, влекущих отмену и изменение приговоров, остается одной из сложнейших задач уголовно-процессуальной теории и практики. Проведенный анализ позволяет констатировать: единого, универсально применимого критерия существенности нарушения не существует. Оценка процессуальных дефектов всегда контекстуальна и требует учета множества факторов – от характера преступления до стадии процесса, на которой допущено нарушение.

Современная судебная практика демонстрирует движение в сторону большей формализации подходов к оценке нарушений. Это снижает субъективизм, но порождает риск механического применения шаблонов. Необходим баланс между процессуальной строгостью и разумным прагматизмом, между защитой формы и стремлением к материальной справедливости.

Статистика последних лет свидетельствует о постепенном повышении качества судебных решений и снижении доли отмененных приговоров. Однако значительное число отмен по процессуальным основаниям указывает на сохраняющиеся системные проблемы. Требуется дальнейшее совершенствование законодательного регулирования оснований пересмотра приговоров, развитие единообразной судебной практики, повышение квалификации судей и адвокатов.

Перспективным направлением исследований представляется сравнительно-правовой анализ подходов к классификации нарушений в различных правовых системах, изучение опыта международных судебных органов, разработка автоматизированных систем поддержки принятия решений при оценке процессуальных дефектов. Только комплексный подход позволит выстроить эффективную систему судебного контроля, обеспечивающую баланс между стабильностью приговоров и необходимостью исправления судебных ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.
4. Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте реформирования уголовно-процессуального законодательства // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 44–48.
5. Марфицин П. Г., Шимбарева Н. В. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание отмены или изменения приговора // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3. С. 87–94. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=58742315 (дата обращения: 22.03.2026).
6. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Преступления в сфере экономики и против государственной власти: учеб.-метод. пособие. Саранск: РИЦ МГПИ, 2020. 153 с.
7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. 9-е изд., перераб. Москва: Норма, 2023. 752 с.

УДК 342.2

ОТ СОЗДАНИЯ НОРМЫ К ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Еремкина Надежда Васильевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: n.v.eremkina@ruc.su

FROM THE CREATION OF A NORM TO ITS IMPLEMENTATION: THEORETICAL MODEL OF LEGAL ACTIVITY

Eremkina Nadezhda Vasilievna, master's student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье представлен авторский взгляд на юридическую деятельность как на единый механизм, интегрирующий нормотворчество и правоприменение. Центральным элементом исследования выступает теоретическая модель, демонстрирующая транзит правовой нормы от идеи до ее реализации через призму основополагающих принципов. Доказывается, что именно принципы выступают в качестве стабилизирующего фактора, гарантирующего непротиворечивость и предсказуемость права на всех этапах его существования.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правотворчество, правоприменение, теоретическая модель, принципы права, механизм правового регулирования, имплементация норм, правовые пробелы.

The article presents the author's view of legal activity as a single mechanism that integrates rulemaking and law enforcement. The central element of the study is a theoretical model that demonstrates the transit of a legal norm from an idea to its implementation through the prism of fundamental principles. It is proved that it is the principles that act as a stabilizing factor that guarantees the consistency and predictability of law at all stages of its existence.

Keywords: legal activity, law-making, law enforcement, theoretical model, principles of law, legal regulation mechanism, implementation of norms, legal gaps.

Правотворческий процесс представляет собой сложный, многоуровневый механизм, осуществляемый уполномоченными государственными и негосударственными структурами в целях нормативного регулирования общественных отношений. Его сущность раскрывается в последовательной деятельности разнообразных субъектов права, нацеленной на формирование и корректировку нормативных правовых актов, выступающих центральным элементом системы источников права в России.

Несмотря на значительную теоретическую проработку проблематики правотворчества и правоприменения, современный этап характеризуется наличием существенных затруднений, связанных с качеством имплементации соответствующих правовых норм на практике. В данном контексте актуализируется необходимость анализа государственной деятельности сквозь призму ценностных ориентиров, которые «кристаллизуются» в пространстве правовой культуры социума и получают свое нормативное выражение в принципах права. Таким образом, ключевой задачей становится осмысление этих принципов в качестве фундаментальной основы всей юридической деятельности.

При раскрытии категории «принцип» методологически верным представляется первоначальный анализ его содержания через обращение к общенаучному дискурсу, в частности к данным лексикографии. Так, в толковых словарях русского языка данный термин интерпретируется трояко: как базовое положение теории или учения; как устойчивое убеждение или мировоззренческая установка; как фундаментальная особенность устройства какой-либо системы. Этимологически понятие восходит к латинскому «principium» («начало»), что позволяет говорить о правомерности и глубокой обоснован-

ности использования в юридической науке для его характеристики таких категорий, как «идея», «начало» или «исходное положение», отражающих его изначальную семантику.

Философская рефлексия над категорией «принцип» раскрывает его как фундаментальную, универсальную и незыблемую в своих основаниях субстанцию. Генезис данного понятия уходит корнями в античную философскую мысль, где в учениях досократиков оно впервые было артикулировано в качестве первоначала (архэ) – ключевого элемента, призванного объяснить происхождение и устройство Космоса, а также всего многообразия объектов объективной реальности. Именно в рамках натурфилософских концепций Древней Греции принцип начал оформляться не просто как абстрактная идея, но как метафизическая основа мироздания, его смысловой и организующий центр.

Дальнейшая эволюция философского понимания принципа привела к его конституированию в статусе неизменного первофеномена, лежащего в фундаменте как онтологии (учения о бытии), так и гносеологии (учения о познании). В этом двойном статусе принцип стал играть роль системообразующего элемента, детерминирующего структуру философских систем и научных теорий. Следует выделить несколько ключевых аспектов его философской интерпретации:

– онтологический аспект: принцип понимается как абсолютное начало, субстанциональная основа бытия, предшествующая любым конкретным проявлениям и формам. Это та исходная точка, из которой разворачивается все сущее;

– гносеологический и методологический аспекты: здесь принцип выступает в качестве исходного пункта и фундаментального руководящего положения в процессе построения теории и получения знания. Он задает систему координат для исследования, определяя его логику и границы;

– аксиологический аспект: принцип приобретает характер высшей ценности или нормы, направляющей человеческую деятельность и мышление, становясь, таким образом, стержнем мировоззрения.

Итак, философская традиция заложила прочный фундамент для междисциплинарного использования категории «принцип», утвердив его в качестве универсальной матрицы для организации сложных систем – будь то система мироздания, система знания или система права. Эта исходная смысловая нагрузка, связанная с идеей первоначала, порядка и системности, была впоследствии трансплантирована в конкретные научные дисциплины, в том числе в юриспруденцию, где принципы стали выполнять роль несущей конструкции всей правовой материи [1].

Для современных юридических исследований характерен широкий диапазон научных позиций относительно понятия «принцип» [2; 3]. Причина подобного разнообразия трактовок кроется в том, что данное понятие, несмотря на кажущуюся простоту, наполняется специфическим содержанием в зависимости от правовой отрасли. Еще столетие назад выдающийся российский правовед и мыслитель Н. Н. Алексеев обращал внимание на эту проблематику. В его работах отмечалось: «Формулирование общих принципов права представляет собой чрезвычайно трудную задачу... Юридическая догматика фрагментировалась на множество обособленных, преимущественно автономных научных направлений, лишенных единой концептуальной основы и системной взаимосвязи». Логические определения характеризовались многочисленными противоречиями, что было вызвано специфическими потребностями различных правовых областей. При этом для каждой из юридических наук характерно наличие собственной базовой теоретической части и специфического понятийного аппарата [4].

Проблема дефиниции категории «принцип», будучи классической для правоведения, породила за долгие годы своего изучения множество научных позиций – от устоявшихся парадигм до дискуссионных моделей, граничащих с научной полемикой. Несмотря на это, концептуальное значение данного понятия продолжает эволюционировать, а его теоретическое наполнение – расширяться за счет новых доктринальных интерпретаций. В этой связи представляется методологически оправданным обратиться к широкому спектру существующих подходов – как ретроспективных, так и современных. Такой плюралистичный анализ позволит не только систематизировать накопленное знание, но и выявить актуальное содержание принципа в контексте современных правовых реалий, определяющих его нормативно-регулятивный и интерпретационный потенциал.

В академическом дискурсе категория «принципы права» получает неоднозначную трактовку, что демонстрирует анализ ключевых источников. Так, в фундаментальном труде «Общая теория государства и права» под редакцией С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца и Т. В. Касаевой предлагается лаконичная дефиниция, согласно которой принципы права интерпретируются как основополагающие начала, ключевые идеи, детерминирующие и репрезентирующие его сущность [5]. Иной ракурс рассмотрения проблемы находим в диссертационном исследовании К. А. Чернова, который акцентирует функциональный аспект, определяя принципы как «идеи, определенным образом влияющие на построение системы права, реализацию права и в итоге воплощающиеся в правопорядке» [6].

Представляется, что в конструкции, предложенной К. А. Черновым, использование лексики с размытой семантикой, в частности термина «некий», вносит элемент научной неопределенности. По-

добная формулировка, хотя и отражает многогранность явления, может нивелировать нормативную определенность, требуемую для базовых правовых конструкций. В связи с этим возникает методологическая потребность в обращении к более репрезентативному кругу источников, что позволит верифицировать данное определение через призму классических трудов и современных научных парадигм [6].

В современной отечественной правовой доктрине наблюдается плюрализм подходов к осмыслению сущности принципов права. Анализ позиций ведущих теоретиков позволяет выявить как консенсусные, так и дискуссионные аспекты в трактовке данной категории.

Д. А. Ковалев акцентирует аксиологическую природу принципов, определяя их как основополагающие идеи и начала, не только выражающие сущность права, но и генетически производные от фундаментальных ценностей справедливости и свободы. Схожей позиции придерживается В. Н. Карташов, характеризующий принципы в качестве фундаментальных правовых идеалов, сформулированных путем рефлексии над научной доктриной и юридической практикой. Особый интерес представляет синтетическая концепция

М. И. Байтина, интегрирующая нормативный и ценностный аспекты. Ученый определяет содержание принципов как систему исходных детерминирующих идей, положений и установок, конституирующих нравственно-организационную основу генезиса, развития и функционирования правовой материи. Согласно данной логике, именно принципы права служат тем каркасом, который предопределяет процессы формирования, динамики и реализации правовых норм, выступая, таким образом, диагностическим критерием для идентификации природы правовой системы в дихотомии «демократическое – тоталитарное» [7].

Проведенный анализ демонстрирует, что при видимой вариативности дефиниций отечественная наука единодушна в признании за принципами права статуса системообразующего элемента, выполняющего одновременно ценностно-ориентирующую, детерминирующую и идентификационную функции в правовой системе.

Принципы права по своей природе не являются продуктом целенаправленного нормотворчества; их генезис носит объективный и органический характер. Они имплицитно присутствуют в правовом поле, аккумулируя в себе достигнутый уровень социального развития, а также актуальные потребности социума и государства. Задача юридической науки заключается в их доктринальном выявлении, систематизации и легитимации посредством глубокой рефлексии над закономерностями правогенеза и функционирования правовой системы.

С формально-юридической точки зрения бытование принципов в позитивном праве отличается дуализмом. Первая, легализованная, форма предполагает их прямую текстуальную фиксацию в нормативных актах. Классическим примером служит Уголовный кодекс Российской Федерации, где в ст. 3–7 конституированы основополагающие начала, образующие нормативный фундамент всей отрасли.

Вторая форма является имплицитной и характеризуется их логической дедукцией из совокупности правовых предписаний. Иллюстрацией данной модели выступает обычай делового оборота (ст. 5 ГК РФ). Хотя в тексте данной нормы не содержится каталога конкретных принципов, сама ее сущность – признание сложившегося правила поведения – предполагает, что такая практика зиждется на фундаменте ключевых правовых начал, таких как добросовестность, законность и равенство участников. Эти принципы выступают неписаным условием стабильности и предсказуемости экономического оборота.

Ключевые выводы представленной статьи могут быть сформулированы следующим образом:

1. Принципы права представляют собой системообразующий элемент правовой системы, выполняющий двоякую функцию: служат мировоззренческим основанием для формирования всех элементов права и обеспечивают ценностно-нормативное единство правового регулирования.

2. В функциональном аспекте принципы права выступают в качестве эффективного инструмента преодоления правовых дефектов – пробелов, коллизий и иных системных противоречий, что особенно значимо в условиях динамичного развития общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникушин С. В., Лысенков С. Г. Теоретико-философские аспекты понимания категории «Принцип» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 11–16.

2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

3. Котляров С. Б. Проблемы систематизации источников права в современной Российской правовой системе / С. Б. Котляров, А. Б. Студеникин // The Newman in Foreign Policy. 2021. Т. 2, № 59 (103). С. 17–20.

4. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Москва: Книга по Требованию, 2011. 161 с.

5. Общая теория государства и права: учебник // под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. 392 с.

6. Чернов К. А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2003. 31 с.
7. Гуманитарные чтения: сборник статей, Владивосток, 01 января 2021 года / редколлегия: А. В. Милежик, (отв. ред.), Н. А. Шабельникова, А. В. Усов,
3. В. Якимова. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2021. 344 с.

УДК 340

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Журавлева Мария Андреевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st112316@ruc.su

MAIN DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF THE CREDIT AND FINANCIAL SYSTEM OF RUSSIA

Zhuravleva Maria Andreevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается уголовно-правовой аспект в обеспечении устойчивости кредитно-финансовой сферы через создание защитного механизма по профилактике и выявлении, расследовании преступлений в финансовой сфере в соответствии с принципом неотвратимости наказания. Автор выделяет в действующем законодательстве существующие проблемы и предлагает конструктивные способы их разрешения.
Ключевые слова: уголовная политика, кредитно-финансовая система, финансовый контроль, финансовая устойчивость, финансовое правонарушение.

The article considers the criminal legal aspect in ensuring the sustainability of the credit and financial sphere through the creation of a protective mechanism for the prevention and detection, investigation of crimes in the financial sphere in accordance with the principle of inevitability of punishment. The author identifies existing problems in the current legislation and offers constructive ways to solve them.
Keywords: criminal policy, credit and financial system, financial control, financial stability, financial offense.

В проведении любого направления государственной политики обеспечивающим фактором ее результативности и решающим в соблюдении и исполнении, безусловно, является контрольно-карательный механизм системы государственного управления.

Поэтому в вопросе обеспечения финансовой устойчивости государства особое значение приобретает не только финансовая, но и уголовно-правовая политика, нацеленная на пресечение и борьбу с финансовыми преступлениями, соблюдение финансового порядка всеми участниками финансовых правоотношений, что в результате обеспечивает не только финансовую устойчивость в государстве, но и благоприятный социально-экономический климат в стране.

Уголовная политика в сфере кредитно-финансовых отношений является частью комплексной программы государства по обеспечению финансового суверенитета и представляет собой многоуровневый механизм, каждый из элементов которого критически важен и взаимосвязан с другими.

Ассоциации уголовного аспекта финансовой политики государства исключительно с карательными мерами вполне обоснованы ввиду специфики уголовно-правового блока в российском праве.

Однако, задачами уголовно-правовой политики являются не столько ужесточение карательных мер, как снижение уровня преступности в кредитно-финансовой сфере и повышение доверия населения посредством проведения превентивных мер. То есть, это меры законодательного, правоохранительного и профилактического плана.

Базовым и стратегически важным направлением уголовно-правовой политики в обеспечении устойчивости финансовой системы государства является зона профилактических мероприятий при совместных усилиях правоохранительных, финансовых органов и образовательных структур.

В условиях построения информационного общества, основанного на обществе знаний, цифровых технологиях и больших базах данных, именно финансовое и цифровое просвещение населения приобретает перспективное значение.

К примеру, понимание и распознавание угрозы безопасности собственному цифровому портфолио способно предотвратить совершение уголовно наказуемого деяния; основы финансовой грамотности необходимы каждому для соблюдения финансового законодательства и привития правовой культуры ведения легального предпринимательства.

Межведомственное взаимодействие правоохранительных и финансовых органов в условиях Экономики данных позволяет в кратчайшие сроки получить и оперативно обработать колоссальный массив сведений.

Это особенно ценно при проведении контрольно-надзорных мероприятий, позволяющих выявить и пресечь финансовые правонарушения по финансовым операциям, будь то банковский сектор, бюджетные отношения или сфера частного бизнеса.

Организация и осуществление финансового контроля, полномочия контролирующих субъектов, виды контрольных мероприятий, их форма и сроки регламентированы отраслями банковского, валютного, налогового, бюджетного права, а также законодательством о бухгалтерском учете, аудиторской деятельности и др.

Контроль в кредитно-финансовой системе представляет условно можно разделить на банковский надзор за деятельностью кредитных организаций, осуществляемый Банком России, и контроль за финансовыми транзакциями внутри банковской системы как необходимой функциональной основы денежного обращения, который проводится финансовыми органами (ФНС России, Росфинмониторинг, Казначейство России и др.).

Здесь можно провести аналогию с контролем за расходованием бюджетных средств в рамках контрактной системы, где «организационный» контроль осуществляет ФАС России, а непосредственно денежные средства становятся предметом контроля Казначейства России.

В уголовно-правовой политике государства в тактическом аспекте не меньшее значение приобретает такое направление, как совершенствование законодательной базы в обеспечении устойчивости кредитно-финансовой сферы.

Правоприменительная деятельность без четких правил и правовых конструктов ведет к нарушению принципов правовой определенности и неотвратимости наказания особенно при установлении события преступления, изобличения лица в соответствии с уголовно-процессуальными нормами.

К примеру, законом не определено понятие финансового (банковского) правонарушения или финансового преступления (по примеру налогового правонарушения). Законодательно не установлено понятие «кредитно-финансовой» или финансовой системы государства.

Институт юридической ответственности в финансовой сфере и определения видов финансовых санкций также остаются предметом научного дискурса именно в силу отсутствия единой унифицированной основы правопонимания категорий «финансовая ответственность», «финансовая санкция» или «юридическая ответственность» [1].

Более того, сама банковская деятельность как основа кредитно-финансовых отношений не имеет своего легального определения, а ее правовая природа остается предметом научных споров. Банк России с его широким кругом полномочий и компетенций не имеет однозначного правового статуса в системе органов публичной власти.

Если обратиться к трудам отечественных ученых, то финансовым преступлением понимается то, что имеет финансовую составляющую [2] в виде способа совершения преступления, сокрытия следов, цели и др. В международной практике под финансовым преступлением понимается «любое ненасильственное преступление, приводящее к финансовым потерям» [3].

Из специфики финансовых правоотношений другая группа ученых финансовое преступление определяет как «нарушения охраняемых уголовным законом финансовых отношений, дополнительно причиняющие вред не только экономическим отношениям, но и государственной безопасности» [4].

Анализ норм уголовного закона не позволяет однозначно определить и выделить общую или единую группу финансовых преступлений, борьба с которыми направлена на обеспечение устойчивости кредитно-финансовой системы.

Это обусловлено тем, что меры реагирования на преступления в данной сфере можно представить по нескольким направлениям, объединяющим несколько составов преступления, установленных уголовным законом России.

Прежде всего, это статьи уголовного закона, направленные на пресечение криминального вывода активов (финансовое мошенничество, преднамеренное банкротство кредитных организаций и др.).

Однако здесь важно указать проблему обналичивания криптовалют, которая на сегодняшний день остается вне правового поля. Это особенно актуально в таком направлении как противодействие легализации доходов неясного происхождения.

Третьим направлением в борьбе с финансовыми преступлениями в целях обеспечения устойчивости кредитно-финансовой системы выступает правоохранительная деятельность.

Меры по охране стабильности национальной валюты включают в себя борьбу с фальшивомонетничеством, выводом капитала из страны, легализацией теневых доходов, применение мер по обеспечению защиты и интересов клиентов банковского сектора, направленных на борьбу с незаконной банковской деятельностью в нарушение норм банковского законодательства и др.

При этом в условиях цифровизации экономических отношений и перевода денежного обращения в

цифру через внедрение в оборот цифрового рубля [5] с обязательным переходом крупнейших кредитных организаций на его единую платформу [6] остается открытым и острым вопрос о его легализации в уголовном законодательстве.

Новеллой уголовного закона стало нормативное закрепление цифровой валюты как имущества в феврале 2026 года [7]. Однако, цифровой рубль как третья форма денежной единицы РФ не получил своего юридического закрепления, что представляет серьезные риски ввиду незащищенности электронно-цифровой формы финансовых отношений в уголовном законе.

В этой связи наряду с криминализацией деяний, направленных на подрыв финансового суверенитета и экономической безопасности государства, важно узаконить в Уголовном кодексе РФ институт цифрового рубля.

В целом необходимо подчеркнуть, что преступления в кредитно-финансовой сфере влекут последствия от совершения такого рода преступления не только в виде вреда экономическим интересам участников правоотношений, но в конечном итоге представляют угрозу социальной стабильности общества, государственной безопасности.

Рассмотрение данной темы позволяет обозначить ряд узловых моментов, требующих своего разрешения на государственном уровне, поскольку устойчивость кредитно-финансовой системы определяет финансовый суверенитет и экономическую безопасность государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Институт ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации // V Юридические чтения. Материалы Национальной научно-практической конференции. отв. редактор Р. Р. Хайров. 2019. С. 12–16.

2. Ефимов С. В. Использование финансовой информации о преступной деятельности при проведении финансовых расследований // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 6. С. 93.

3. Financial System Abuse, Financial Crime and Money Laundering. Background Paper. URL: https://www.imf.org/external/np/ml/2001/eng/021201.htm

4. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. Экономические и финансовые преступления: необходимость дифференцированного подхода к определению сущности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе. 2021. № 10. С. 76.

5. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации от 24.07.2023 № 339-ФЗ // Российская газета. № 167. 31.07.2023. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 24.07.2023 № 340-ФЗ: ред. от 15.12.2025 // Российская газета. № 167. 31.07.2023.

6. Массовое внедрение цифрового рубля начнется 1 сентября 2026 года. URL: https:// cbr.ru/press/event/

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 20.02.2026 // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 347.96

ФССП РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Жуткина Наталья Павловна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: zhytkina.n.p.@ruc.su

FSSP OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF MODERN ECONOMIC CHALLENGES: EFFECTIVENESS OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND SECURITY OF JUDICIAL ACTIVITIES

Zhutkina Natalya Pavlovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу деятельности ФССП России в условиях санкционного давления и бюджетных ограничений, рассматриваются ключевые проблемы исполнительного производства, методические и ресурсные ограничения системы оценки эффективности, а также роль службы в обеспечении безопасности судебной деятельности и необходимости учёта этих аспектов при модернизации подходов к оценке её работы.

Ключевые слова: исполнительное производство, эффективность деятельности, система оценки, безопасность судебной деятельности, обеспечение порядка в судах, ресурсные ограничения.

The article is devoted to the analysis of the activities of the Federal Service for Judicial Enforcement in the conditions of sanctions pressure and budgetary restrictions. The key problems of enforcement proceedings, methodological and resource limitations of the efficiency assessment system, as well as the role of the service in ensuring the security of judicial activity and the need to take these aspects into account when modernizing approaches to assessing its work, are considered.

Keywords: enforcement proceedings, efficiency of activities, assessment system, security of judicial activity, ensuring order in courts, resource limitations.

В условиях современных глобальных вызовов экономическая устойчивость государства приобретает стратегическое значение, особенно на фоне рекордного дефицита бюджета, ужесточения санкций со стороны недружественных государств и роста инфляции, подрывающих платежеспособность как бизнеса, так и населения [1]. Указанные факторы в совокупности усугубляют проблему неисполнения обязательств и объективно обусловливают необходимость использования государством эффективных инструментов принудительного взыскания долгов, в рамках которых Федеральная служба судебных приставов (ФССП России) выступает ключевым органом исполнительной власти.

В соответствии с приоритетами, обозначенными Министерством экономического развития Российской Федерации, качество государственного управления рассматривается как фундаментальное условие реализации стратегических ориентиров социально экономического развития и снижения внешних и внутренних рисков [2]. В этой связи Федеральная служба судебных приставов занимает особое место в системе органов исполнительной власти, обеспечивая установленный законом порядок деятельности судов на всей территории Российской Федерации, включая обеспечение безопасности судей, а также принудительное исполнение судебных актов и решений иных уполномоченных органов. Кроме этого, они наделены рядом иных функций, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве, что направлено на снижение макроэкономических потерь, связанных с образованием задолженности и неисполнением обязательств [3].

Эмпирические данные по результатам деятельности ФССП России за 2025 год свидетельствуют о том, что, несмотря на заметный прогресс в сфере цифровизации исполнительного производства (существенное увеличение доли исполнительных документов, поступающих и обрабатываемых в электронном виде), действующая организация работы по исполнению судебных актов и иных исполнительных документов не в полной мере соответствует динамике современных социально экономических процессов, включая рост числа исполнительных производств, связанных с задолженностью по жилищно коммунальным услугам и административным штрафам.

Вместе с тем анализ научных исследований, посвящённых вопросам оценки эффективности деятельности органов ФССП, выявляет методические пробелы: существующие подходы к оценке результативности исполнительного производства зачастую не позволяют в достаточной степени соотнести фактические показатели работы службы с установленными нормативными ориентирами, прежде всего в части сроков фактического исполнения, полноты взыскания и своевременности принятия мер по обращению взыскания на имущество должников.

Система оценки эффективности деятельности территориальных органов ФССП России в настоящее время закреплена во внутриведомственных актах службы и основывается на балльной оценке комплекса показателей, характеризующих организацию исполнительного производства, обеспечение установленного порядка деятельности судов, а также результаты дознания и осуществления административной юрисдикции.

Указанная система включает как основные, так и дополнительные показатели, сгруппированные по ключевым направлениям деятельности (организация исполнительного производства, обеспечение установленного порядка деятельности судов, организация дознания и организационно управленческая деятельность), при этом итоговая оценка строится на степени достижения прогнозных, плановых и среднероссийских значений соответствующих индикаторов и выражается в виде рейтинга территориальных органов. Вместе с тем анализ действующих методик расчётов и практики их применения позволяет констатировать, что существующая система оценки, несмотря на формальную комплексность и развитый балльный механизм, в недостаточной мере отражает реальные качественные характеристики исполнительного производства, что обусловливает потребность в её дальнейшем совершенствовании и разработке более гибких критериев, учитывающих не только количественные, но и содержательные параметры деятельности органов принудительного исполнения.

Отдельного рассмотрения заслуживает деятельность органов ФССП России по обеспечению установленного порядка деятельности судов и безопасности участников судопроизводства. Данная функция традиционно воспринимается как вспомогательная по отношению к исполнительному производству, однако в современных условиях она приобретает самостоятельное значение, непосредственно влияя на доступность правосудия, устойчивость функционирования судебной системы и уровень доверия к судебной власти. Речь идёт не только о формальном соблюдении пропускного режима и поддержании внешнего порядка в здании суда, но и о предотвращении случаев, связанных с угрозами жизни и здоровью судей, работников аппарата и иных участников процесса, а также с возможными попытками побега подсудимых.

В научной литературе обоснованно подчёркивается, что анализ посягательств на представителей судебной власти требует переосмысления роли судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов как ключевого звена системы гарантий личной безопасности судей. Так,

Д. М. Малахов, исследуя вопросы информационно технического обеспечения безопасности судей, отмечает необходимость расширения участия судебных приставов в механизме защиты судей, включая ситуации, выходящие за рамки непосредственно судебного заседания и нахождения судьи в здании суда [4]. Представляется, что указанный подход, хоть и нуждается в уточнении с учётом действующего разграничения полномочий между ФССП России и органами внутренних дел, в целом отражает объективную тенденцию к институциональному усилению роли судебных приставов в обеспечении независимости и защищённости судейского корпуса.

Также важно отметить и тот факт, что значительная часть зданий судов в России не соответствует современным требованиям к их функционально планировочной организации с точки зрения безопасности [5]. Отсутствие чёткого разделения потоков движения судей, сотрудников аппарата суда, граждан, адвокатов и конвоируемых лиц, недостаточная обеспеченность специализированными конвойными помещениями, отдельными лифтами и проходами для подсудимых, наличие «узких мест» (лифты, длинные коридоры, лестничные пролёты), а также ограниченные возможности для видеонаблюдения и оперативной блокировки опасных зон создают благоприятные условия для реализации противоправных посягательств. Данные недостатки в инфраструктуре в сочетании с нехваткой кадров судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и сотрудников конвоя приводят к тому, что обеспечение безопасности фактически осуществляется в условиях постоянного дефицита ресурсов, повышая в свою очередь нагрузку на персонал и увеличивает риск допущения ошибок.

Тем самым, проблематика безопасности в зданиях судов и при конвоировании подсудимых представляет собой не частный, а системный вопрос, затрагивающий одновременно организационное, кадровое, материально техническое и правовое обеспечение деятельности ФССП России. Наличие резонансных инцидентов с побегами и нападениями в судах, равно как и фиксируемые в правоприменительной практике случаи нарушений установленного порядка в зале судебного заседания, свидетельствуют о необходимости не только совершенствования ведомственных инструкций и регламентов, но и пересмотра подходов к ресурсному обеспечению данной сферы. Представляется обоснованным дальнейшее развитие действующей системы оценки эффективности деятельности территориальных органов ФССП России за счёт включения интегральных показателей состояния безопасности судов (количества зарегистрированных нарушений порядка, попыток побега, фактов насильственных посягательств на судей, работников аппарата и сотрудников ФССП). Это позволило бы в более полной мере учитывать качественные параметры обеспечиваемой безопасности наряду с показателями результативности исполнительного производства и придать соответствующему направлению деятельности надлежащее приоритетное значение.

Вместе с тем реализация возложенных на ФССП России полномочий серьёзно осложняется совокупностью внутренних институциональных ограничений. На кадровом уровне сохраняется систематический дефицит квалифицированных судебных приставов исполнителей, что влечёт за собой чрезмерную индивидуальную нагрузку и фактическое превращение значительной части производств в режим «поточного» рассмотрения, лишённого необходимой глубины правового анализа.

В этих условиях служба остаётся малопривлекательной на рынке труда, поскольку при высоких требованиях к уровню ответственности и эмоциональной нагрузке размер материального вознаграждения и объём реальных социальных гарантий явно не соотносятся с принимаемыми рисками, что ведёт к заметной текучести кадров и затрудняет формирование устойчивого и стабильного профессионального коллектива. Дополнительными негативными факторами выступают неоднородность региональной правоприменительной практики, наличие разночтений в толковании норм исполнительного законодательства и ограниченность финансово технических ресурсов, вследствие чего исполнение судебных решений, предполагающих существенные организационные и материальные затраты (например, связанных со сносом самовольных построек либо проведением сложных восстановительных работ), на практике нередко растягивается во времени или фактически становится невозможной, несмотря на формальное наличие исполнительного документа. В результате чего возникает несбалансированность между объёмом возложенных на ФССП России задач и её реальными ресурсными возможностями, что отражается на конечных результатах принудительного исполнения.

Таким образом, в современных условиях ФССП России, с одной стороны, выступает ключевым звеном механизма обеспечения экономической и институциональной устойчивости государства через систему принудительного исполнения судебных актов, а с другой функционирует в условиях совокупности методических, организационных, ресурсных и инфраструктурных ограничений, существенно влияющих как на результативность исполнительного производства, так и на состояние безопасности судебной деятельности, что обуславливает объективную необходимость комплексного пересмотра действующих подходов к оценке её эффективности и ресурсному обеспечению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боталов, Д. К. Анализ деятельности Федеральной службы судебных приставов России / Д. К. Боталов, А. А. Ахметов // Наука. Образование. Культура: актуальные проблемы и практика решения : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, Прокопьевск, 25 ноября 2021 года. Прокопьевск: Филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Прокопьевске, 2021. С. 61–64.
2. Львова, К. А. Совершенствование деятельности службы судебных приставов / К. А. Львова // Молодой ученый. 2020. № 38 (328). С. 105–107.
3. Арзамасцев, Н. И. Особенности полномочий судебных приставов исполнителей / Н. И. Арзамасцев // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 106–112.
4. Малахов, Д. М. Об информационно-техническом обеспечении личной безопасности судей / Д. М. Малахов // Правосудие. 2025. № 3. С. 56–66.
5. Галуева, В. О. Современные проблемы эффективности деятельности судебных приставов и пути их решения в России / В. О. Галуева // Право и государство: теория и практика. 2024. №11 (239). С. 130–132.

УДК 343.3/.7

КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЯ ПО СТ. 158 УК РФ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Зайцев Николай Борисович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: zayzev.n.b..@ruc.su

QUALIFICATION OF THEFT UNDER ARTICLE 158 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL BACKGROUND AND CURRENT PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Zaitsev Nikolay Borisovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье прослеживается историческое развитие регулирования ответственности за хищение и анализируются актуальные проблемы квалификации кражи по ст. 158 УК РФ: разграничение тайного и открытого хищения, определение момента окончания преступления, оценка присвоения найденного имущества и установление корыстной направленности поведения виновного на основе судебной практики Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: кража, хищение, преступления против собственности, тайное и открытое хищение, корыстная цель.

The article traces the historical development of the regulation of liability for theft and analyzes the current problems of qualifying theft under Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation: distinguishing between secret and open theft, determining the moment when the crime is completed, assessing the appropriation of found property, and establishing the malicious intent of the perpetrator based on the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: theft, embezzlement, crimes against property, secret and open theft, malicious intent.

Преступления против собственности относятся к наиболее распространенным видам общественно опасных посягательств, что ежегодно отражается в обзорах судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ) стабильно занимает одно из первых мест по числу зарегистрированных и рассмотренных уголовных дел, что обусловливает особую значимость судебной практики по делам данной категории для охраны права собственности. При этом на протяжении длительного исторического периода тайное хищение чужого имущества выступало одним из наиболее распространённых преступных деяний [1].

Историческое развитие уголовно-правовой охраны собственности в России восходит к нормам древнерусского права. Так, уже в Русской Правде предусматривалась ответственность за посягательства на имущество, при этом размер взыскания ставился в зависимость от значимости украденной вещи, что свидетельствует о ранней дифференциации санкций за хищение.

В последующем в российском уголовном законодательстве прослеживается тенденция к последовательной конкретизации составов хищений и дифференциации ответственности за их совершение. Дореволюционные уголовные акты, в частности Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. предусматривали различные виды посягательств на собственность и различные меры наказания в зависимости от формы хищения и обстоятельств его совершения.

В научной литературе отмечается, что к концу XIX, началу XX вв. законодательство Российской империи выработало достаточно развернутую, систематизированную и регламентированную систему правовых норм об ответственности за хищения, отражающую дифференциацию по степени общественной опасности тех или иных форм завладения чужим имуществом.

В советский период данный подход был развит в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., где были системно закреплены специальные составы хищения государственного, общественного и личного имущества, а также проведена дифференциация наказаний с учетом размера причиненного ущерба, в том числе путем выделения мелкого и крупного хищения. Указанные положения справедливо рассматриваются в доктрине как предпосылка современной модели стоимостных критериев уголовной ответственности за хищения в российском уголовном праве.

В действующем Уголовном кодексе РФ учёт размера имущественного вреда при решении вопроса об уголовной ответственности и квалификации хищений закреплен в примечаниях к ст. 158 УК РФ, где через установление минимального порога значительного ущерба (не менее 5 000 руб.), а также критериев крупного и особо крупного размеров (свыше 250 000 и 1 000 000 руб. соответственно) конкретизируются оценочные признаки состава преступления.

В доктрине уголовного права посягательства на собственность, охватываемые ст. 158 УК РФ, справедливо рассматриваются как одна из наиболее проблемных групп преступлений с точки зрения установления формы вины, особенно в случаях неопределённого (неконкретизированного) умысла, когда субъект осознаёт возможность причинения имущественного ущерба, не зная и не оценивая его точный размер [2]. В этих условиях решающее значение приобретает не столько формальное описание объективной стороны хищения как противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц, совершенного с корыстной целью, сколько содержание субъективной стороны, поскольку именно направленность и степень определенности умысла задают пределы уголовно-правовой оценки содеянного.

При этом на практике наибольшие трудности вызывает не столько формальное отграничение кражи от иных форм хищения, сколько толкование отдельных признаков состава, непосредственно влияющих на квалификацию содеянного. К числу таких признаков относятся, в частности, тайность изъятия, момент окончания преступления, правовая оценка присвоения найденного имущества и установление корыстной направленности поведения виновного.

Особо остро проблема проявляется при разграничении тайного и открытого хищения. В разъяснениях Верховного Суда РФ открытым признается такое завладение чужим имуществом, которое совершается в присутствии собственника, иного владельца либо посторонних лиц при осознании виновным того, что указанные лица воспринимают происходящее как противоправное. При отсутствии этих условий хищение подлежит квалификации как тайное. Тем не менее, в правоприменительной практике встречаются случаи, когда признак открытости устанавливается лишь исходя из факта применения насилия к потерпевшему или совершения хищения после такого насилия, без исследования вопроса о реальном восприятии изъятия имущества.

Показателен приговор по делу Голенищева А.Ю., Зеленского В.С. и Рыкунова К.Ю., измененный кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.02.2013 № 56 О13 6 [3]. Суд первой инстанции квалифицировал их действия по ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабеж с незаконным проникновением в жилище, мотивируя это тем, что завладение денежными средствами последовало за применением насилия к потерпевшей и было признано открытым, хотя на момент изъятия имущества потерпевшая фактически не воспринимала происходящее, а посторонние лица отсутствовали. Верховный Суд РФ обоснованно указал, что в подобных условиях отсутствуют признаки открытого хищения, поскольку соучастники не могут рассматриваться в качестве посторонних лиц, и переквалифицировал содеянное на кражу, совершенную с незаконным проникновением в жилище (ст. 158 ч. 3 п. «а» УК РФ).

Данный пример из практики наглядно демонстрирует, что одной из распространенных проблем квалификации кражи является необоснованное расширительное толкование признака открытого хищения и подмена кражи грабежом за счет формального учета факта насилия, а не условий восприятия изъятия имущества.

Не менее существенные трудности правоприменения связаны с определением момента окончания кражи. В соответствии с позицией Верховного Суда РФ хищение считается оконченным с того момента, когда имущество изъято из владения потерпевшего и у виновного возникает реальная возможность пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению. Между тем в делах о хищениях из торговых залов суды нередко исходят из формального критерия пересечения кассовой зоны либо выхода за пределы магазина, не исследуя того факта, а был ли у лица фактический доступ к распоряжению похищенным. В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 кража считается оконченной в тот момент, когда имущество изъято и у виновного появляется реальная возможность пользоваться им либо распоряжаться по своему усмотрению. Игнорирование этого критерия приводит к тому, что суды признают оконченным хищение там, где фактически имеет место лишь покушение.

Показателен в этом отношении приговор Ленинского районного суда г. Саратова, измененный кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.12.2020 № 77 2976/2020 в отношении Шестакова С. Н. и Ф. (дело о хищении металлических изделий с дачного участка) [4]. Суд первой инстанции квалифицировал их действия по эпизоду с имуществом Ф. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ как оконченную кражу, исходя из того, что осужденные вынесли металлолом с территории участка и уехали на автомобиле. Между тем, как следует из признанных судом показаний самих осужденных и протокола осмотра места происшествия, автомобиль с похищенным был остановлен сотрудниками полиции в непосредственной близости от места совершения деяния, на территории того же садоводческого товарищества, сразу после выезда, и имущество было изъято, не успев быть реализованным или использованным. Кассационная инстанция справедливо указала, что при таких обстоятельствах у Шестакова С. Н. и его соучастницы не возникло реальной возможности распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению, а их умысел на хищение не был доведен до конца по независящим от них причинам в связи с немедленным задержанием и изъятием имущества.

Следовательно, содеянное подлежит квалификации не как оконченное преступление, а как покушение на кражу (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Дело в этой части было направлено на новое рассмотрение с указанием учесть положение ст. 5 и 29 УК РФ о виновности лишь в тех последствиях, в отношении которых установлена вина, и о необходимости наличия всех признаков состава для признания преступления оконченным.

Рассмотренный пример позволяет констатировать, что одной из распространённых проблем правоприменения при квалификации краж является сведение момента окончания преступления к факту физического изъятия имущества либо его выноса за пределы владения потерпевшего без анализа и исследования наличия у виновного реальной возможности распоряжаться похищенным. Игнорирование данного критерия приводит к ошибочному признанию неоконченного хищения оконченным преступлением и, как следствие, к назначению несоразмерно строгого наказания.

Существенные затруднения вызывает также установление корыстной направленности поведения лица как обязательного признака субъективной стороны хищения. По смыслу примечания к ст. 158 УК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ корыстная цель предполагает стремление виновного противоправно и безвозмездно изъять либо обратить чужое имущество в свою пользу или пользу третьих лиц, распорядившись им как своим собственным. При этом в правоприменительной практике нередко корыстная направленность выводится из самого факта завладения имуществом, без надлежащего исследования реальных мотивов и целей поведения виновного.

Характерным в данном контексте является дело П.Д.С., рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 26.06.2025 № 51 УДП25 1 К8 [5]. Первоначально П.Д.С. был признан виновным в краже забытого в вагоне поезда телефона и осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ, однако суд апелляционной инстанции отменил обвинительный приговор и оправдал его за отсутствием в действиях состава преступления, а кассационная инстанция оставила оправдательное решение без изменения. Как установлено судами апелляционной и кассационной инстанций, П.Д.С., обнаружив на полке забытый телефон, взял его с намерением по окончании рабочей смены передать дежурному по вокзалу, о чём в течение 25-30 минут сообщил своим коллегам, и в тот же день передал аппарат сотруднику полиции, пришедшему к нему на работу. Верховный Суд РФ указал, что показания свидетелей о фактическом отсутствии у П.Д.С. корыстного мотива его действий не были опровергнуты, однако не получили надлежащей оценки в приговоре мирового судьи, вследствие чего необоснованно был сделан вывод о наличии у него прямого умысла на тайное обращение телефона в свою пользу. При отсутствии доказательств корыстной направленности тот факт, что П.Д.С. не передал телефон иным лицам немедленно, а выдал его прибывшему сотруднику полиции, не может расцениваться как признак хищения.

Тем самым данное уголовное дело демонстрирует, что формальный вывод суда о корыстной цели, основанный исключительно на временном владении чужой вещью, при игнорировании установленных мотивов и заявленной цели передачи находки приводит к искусственному конструированию признаков кражи там, где отсутствует умысел на противоправное безвозмездное обращение имущества в свою пользу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуева, М. А. Становление российского законодательства об ответственности за хищение / М. А. Зуева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-3. С. 132–135.

2. Аккаева, Х. А. Современные проблемы квалификации хищений: коллизии и несовершенство законодательства / Х. А. Аккаева // Право и управление. 2025. №1. С. 204–213.

3. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 февраля 2013 г. № 56-О13-6 – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70246582/

4. Определение суда кассационной инстанции от 29 декабря 2020 г. № 77-2976/2020 URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7137692&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1
5. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2025 г. N 51-УДП25-1-К8 – URL: https://base.garant.ru/412281668/

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Инкина Кристина Владимировна
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810651@ruc.su

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF APPEALING ACTIONS AND DECISIONS OR INACTIONS OF AUTHORITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Inkina Kristina Vladimirovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу института обжалования в уголовном процессе как механизма защиты прав участников судопроизводства. Рассматривается многоуровневая природа права на обжалование, включающая конституционные, процессуальные и международно-правовые аспекты. Особое внимание уделяется дуалистической сущности института – одновременно гарантии справедливости и инструмента контроля за законностью принимаемых решений. Анализируются современные тенденции развития обжалования в российском уголовном процессе с учетом позиций Конституционного Суда РФ и практики ЕСПЧ. Выявлены основные проблемные зоны правового регулирования, связанные с расширением круга обжалуемых решений и временными ограничениями.

Ключевые слова: обжалование, уголовное судопроизводство, правовая природа, процессуальные гарантии, судебный контроль, защита прав, апелляция, кассация.

This article provides a comprehensive analysis of the institution of appeal in criminal proceedings as a mechanism for protecting the rights of participants in the proceedings. It examines the multifaceted nature of the right to appeal, encompassing constitutional, procedural, and international legal aspects. Particular attention is paid to the dualistic nature of this institution – both a guarantee of justice and a tool for overseeing the legality of decisions. Current trends in the development of appeals in Russian criminal proceedings are analyzed, taking into account the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the practice of the ECHR. Key problem areas in legal regulation related to the expansion of the range of decisions subject to appeal and time limits are identified.

Keywords: appeal, criminal proceedings, legal nature, procedural guarantees, judicial review, protection of rights, appeal, cassation.

Право на обжалование процессуальных решений представляет собой не просто техническую возможность инициировать проверку судебного акта. Природа этого института существенно глубже. Конституция РФ в статье 46 закрепляет право каждого на судебную защиту, что автоматически предполагает возможность оспаривания любых актов, затрагивающих права и свободы личности. Причем конституционное регулирование не ограничивается только судебными решениями – под защиту подпадают действия и бездействие должностных лиц на всех стадиях уголовного преследования.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 июля 1998 года № 20-П сформулировал принципиальную позицию: право на судебную защиту включает возможность пересмотра судебного решения вышестоящей инстанцией [1, с. 267]. Впрочем, это справедливо не для всех процессуальных актов – законодатель вправе устанавливать определенные ограничения, если они обусловлены балансом частных и публичных интересов.

Интересно, что в период с 2022 по 2024 год правоприменительная практика зафиксировала устойчивый рост обращений граждан на действия следственных органов – по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество жалоб увеличилось на 17,3 %.

Каждый из этих механизмов обладает собственной процессуальной формой и преследует специфические цели. Апелляция направлена на проверку законности и обоснованности не вступившего в силу решения с возможностью исследования доказательств. Кассация же ограничена проверкой правильности применения норм материального и процессуального права. Такая дифференциация оправдана задачами соответствующих стадий, хотя на практике границы между ними иногда размываются.

Особую позицию занимает производство по жалобам на действия должностных лиц на досудебной стадии. Здесь суд выступает не в привычной роли разрешения дела по существу, а в качестве органа судебного контроля. Решение выносится в форме постановления, которое, однако, не предреша-

ет вопросы виновности. Прокуратура Республики Татарстан в аналитической записке за 2023 год указала на рост удовлетворения подобных жалоб до 23 % от общего числа, что вдвое превышает показатели 2019 года.

Процессуальные сроки обжалования варьируются в зависимости от вида решения: на приговор суда – 15 суток с момента провозглашения резолютивной части или вручения копии; на постановление о прекращении уголовного дела – 10 суток; на действия и решения на досудебной стадии – в любой момент до окончания предварительного расследования.

Впрочем, эта картина неоднородная. Для ходатайств об ознакомлении с материалами дела срок не установлен вообще, что создает правовую неопределенность.

Природа института обжалования в уголовном судопроизводстве не сводится к простой защите индивидуального интереса. Здесь переплетаются два начала: частноправовое (субъективное право участника процесса на оспаривание неблагоприятного решения) и публично-правовое (обеспечение законности и справедливости правосудия в целом).

Эта двойственность наиболее отчетливо проявляется в апелляционном производстве. С одной стороны, инициатива пересмотра принадлежит заинтересованной стороне – без апелляционной жалобы или представления суд не вправе проверить решение. С другой стороны, суд апелляционной инстанции не связан доводами жалобы и обязан проверить дело в полном объеме, включая аспекты, которые жалующаяся сторона не затрагивала. Конституционный Суд РФ в определении от 18 декабря 2003 года № 468-О подчеркнул: проверка судебного решения служит не только интересам участников, но и публичному интересу в обеспечении правосудия.

Кассационное производство демонстрирует еще более выраженный публичный характер. После реформы 2013 года кассация была концептуально переосмыслена – из инстанции повторного рассмотрения дела она превратилась в инструмент выявления фундаментальных нарушений закона.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года № 26 (с изменениями от 2022 года) расширило возможности участников по обжалованию промежуточных решений, которые ранее считались необжалуемыми [2, с. 429]. Впрочем, полного отказа от публичного начала не происходит – законодатель сохраняет механизмы пересмотра в интересах закона вне зависимости от позиции сторон.

Анализ соотношения двух начал показывает: современная модель обжалования в уголовном процессе представляет собой динамичную конструкцию, где удельный вес частных и публичных элементов варьируется в зависимости от стадии производства и характера обжалуемого решения. Универсальной формулы не существует.

Несмотря на детальное нормативное регулирование, правоприменительная практика выявляет ряд системных проблем, препятствующих эффективной реализации права на обжалование.

Первая группа проблем связана с неопределенностью круга обжалуемых решений. Статья 125 УПК РФ предусматривает возможность обжалования действий и решений, способных причинить ущерб конституционным правам участников. Однако критерий «способности причинить ущерб» оценочный, что порождает разночтения. Например, отказ следователя в удовлетворении ходатайства о производстве экспертизы одни суды признают обжалуемым, другие – нет. Определение Верховного Суда РФ от 13 июля 2023 года по делу № 5-УД23-37-К2 попыталось выработать критерии, но единообразия пока не достигнуто.

Вторая проблема – временные ограничения. Для обжалования приговора установлен 15-суточный срок, который начинает течь с момента провозглашения резолютивной части. На практике осужденный в колонии получает копию приговора через несколько недель, когда срок уже истек. Конституционный Суд РФ в постановлении от 11 мая 2005 года № 5-П указал, что срок должен исчисляться с момента вручения копии, однако проблема полностью не решена.

Третья сложность касается обжалования промежуточных судебных решений. По общему правилу они не подлежат самостоятельному обжалованию, а проверяются при обжаловании итогового решения. Такой подход экономичен процессуально, но лишает участников возможности оперативно исправить нарушение. В результате незаконное решение порождает цепочку последующих актов, которые затем приходится отменять целиком.

Статистика Судебного департамента за 2024 год показывает: доля отмененных или измененных судебных решений в апелляции составила 14,2 %, в кассации – 3,8 % [3, с. 36]. Эти цифры можно интерпретировать двояко. С одной стороны, они свидетельствуют об относительно высоком качестве судебных актов первой инстанции. С другой – о формализме проверочных инстанций, которые не всегда выявляют допущенные нарушения.

Четвертая проблема – доступность квалифицированной юридической помощи. Обжалование требует специальных знаний, которыми рядовой гражданин не обладает. Институт адвокатуры не всегда справляется с задачей обеспечения эффективной защиты. По данным мониторинга Федеральной палаты адвокатов РФ, около 30 % жалоб составляются с существенными процессуальными дефектами, что препятствует их рассмотрению по существу.

Пятая проблема связана с электронным правосудием. Внедрение системы подачи жалоб через ГАС «Правосудие» упростило доступ к обжалованию, но породило новые вызовы. Не все участники процесса владеют цифровыми технологиями. Кроме того, электронная подпись требуется для направления жалобы, что создает дополнительный барьер.

Направления совершенствования института обжалования видятся в следующем: законодательное закрепление исчерпывающего перечня обжалуемых решений на досудебной стадии с четкими критериями; изменение порядка исчисления сроков обжалования с привязкой к моменту реального получения копии решения; расширение возможностей самостоятельного обжалования промежуточных судебных актов по узкому кругу оснований; развитие системы бесплатной юридической помощи в части подготовки процессуальных документов; совершенствование цифровых инструментов с учетом потребностей различных категорий участников процесса.

Реализация этих мер позволит приблизить российскую модель обжалования к стандартам справедливого судопроизводства, закрепленным в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Институт обжалования в уголовном судопроизводстве представляет собой многомерную правовую конструкцию, объединяющую конституционные гарантии, процессуальные механизмы и международно-правовые стандарты. Его природа определяется сочетанием частноправового элемента (защита индивидуальных интересов участников процесса) и публично-правового компонента (обеспечение законности и единообразия правоприменения) [4, с. 85].

Анализ действующего регулирования и правоприменительной практики показывает, что российская модель обжалования в целом соответствует критериям справедливого судопроизводства, однако сохраняет ряд системных проблем. К ним относятся: неопределенность круга обжалуемых решений на досудебной стадии, формализм сроков обжалования, ограниченная возможность самостоятельного оспаривания промежуточных актов, недостаточная доступность квалифицированной юридической помощи.

Статистические данные за 2022–2024 годы свидетельствуют о возрастающей активности граждан в реализации права на обжалование, что отражает повышение правовой культуры общества. Одновременно растет и качество судебного контроля – доля удовлетворенных жалоб на действия органов расследования увеличилась более чем вдвое по сравнению с предшествующим периодом.

Дальнейшее развитие института должно идти по пути конкретизации оснований и процедур обжалования, устранения формальных барьеров, препятствующих доступу к правосудию, и усиления гарантий реальной проверки доводов жалующихся. Важным направлением представляется адаптация процессуальных форм к условиям цифровизации при сохранении возможности традиционного документооборота для тех участников, которые не владеют информационными технологиями.

Правовая природа обжалования не является статичной – она эволюционирует под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ, практики ЕСПЧ и изменений в общественном правосознании. Задача законодателя – своевременно отражать эти изменения в нормах УПК РФ, обеспечивая баланс между процессуальной экономией и полнотой защиты прав личности. Только при таком подходе институт обжалования сможет выполнять свою двуединую функцию: служить инструментом исправления ошибок и одновременно гарантией справедливого правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления и определения 1998–2024 гг. по вопросам уголовного судопроизводства: сборник. Москва: Юридическая литература, 2024. 512 с.

2. Данилов В. В., Чиняков О. Е. Тактические приемы проведения предварительного допроса опознающего при раскрытии и расследовании преступлений: материалы Национальной научно-практической конференции IX Юридические чтения. Саранск, 2023. С. 428–432.

3. Баженов О. И. Динамика судебного обжалования в российском уголовном процессе: статистический анализ 2022–2024 гг. // Российский судья. 2024. № 7. С. 34–39. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=62147893

4. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

УДК 340

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Борисов Владислав Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: ekechaykina@list.ru; leaga13@bk.ru

LEGAL REGIME OF DIGITAL ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor
Borisov Vladislav Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается становление и развитие цифрового исполнительного производства, выявлены актуальные вопросы цифровизации деятельности органов принудительного исполнения и предложены конструктивные решения.
Ключевые слова: цифровое исполнительное производство, законность, участники производства, органы принудительного исполнения, правовой режим.

The article examines the formation and development of digital enforcement proceedings, identifies topical issues of digitalization of the activities of enforcement agencies and proposes constructive solutions.
Keywords: digital enforcement proceedings, legality, participants in the proceedings, enforcement authorities, legal regime.

Исполнительное производство как неотъемлемая часть государственной политики и правовых обязанностей государства в полной мере включено в общенациональный процесс цифровизации общественных отношений.

В этой связи цифровое преобразование принудительного исполнения носит постепенный, поэтапный характер, обусловленный процессом построения Электронного правительства и системы виртуальных государственных услуг (цифрового государства), а также Экономики данных (цифровой экономики).

Формирование цифровой экосистемы исполнительного производства непосредственно связано с началом процесса информатизации судебной системы и всего государственного аппарата в рамках построения электронного правительства. К примеру, Постановлением Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 был задан курс в рамках федеральной целевой программы на цифровизацию правосудия, т.е. информационное обеспечение и внедрение IT-технологий в систему органов государственной власти.

Отдельной вехой в дальнейшем формировании новой реальности стали указы Президента РФ 2017 и 2019 годов [1], концептуально определившие основы построения Информационного общества и цифровой экономики (с 2025 года цифровая экономика стала именоваться Экономикой данных, тем самым подчеркивается значимость сведений и информационных баз данных как драйвера в построении экосистем и цифровых платформ в цифровом пространстве) и стратегии развития простых и сложных систем на основе искусственного интеллекта.

Безусловно, правовой режим цифровизации исполнительного производства составили и федеральные законы, которые обеспечили формирование огромных баз данных, исчисляемых терабайтами в сутки, обрабатываемых в режиме реального времени на колоссальных скоростях во всех сферах и электронное взаимодействие ведомств [2].

В частности, так называемый Закон об ЕФИРе [3] – федеральный регистр, сведения которого стали единственно достоверными и правильными для использования и межведомственного взаимодействия в системе органов публичной власти с 2026 года.

Все это свидетельствует об объективных процессах формирования единого цифрового пространства. При этом очевидным становится создание более эффективной модели государственного управления, в частности в сфере исполнительного производства, о чем свидетельствуют отчетные данные ФССП России [4].

Формируемая экосистема цифрового исполнительного производства по примеру существования экосистемы цифрового правосудия, экосистемы налогового администрирования или экосистем частных компаний базируется на совокупности элементов: информационные базы данных; программное обеспечение и цифровые инструменты; субъекты и их цифровое взаимодействие; правовая основа.

Исходя из этого, приоритетными направлениями виртуализации деятельности ФССП России выступают: дальнейшее внедрение информационных технологий, расширение электронного взаимодействия, создание полноценной функционально выверенной и стабильной информационно-правовой среды для сторон исполнительного производства [5].

Реализация программы цифровизации исполнительного производства и становления экосистемы принудительного исполнения проходила параллельно с формированием цифрового пространства в государстве как его неотъемлемой части.

К примеру, при создании благоприятных технических и информационно-технологических условий в 2011 году в Закон об исполнительном производстве была введена статья 6.1 о Банке данных в исполнительном производстве (далее – банк данных).

Данный информационный ресурс позволил из разных источников (не только суды, но и налоговые органы, кредитные организации и др.) аккумулировать сведения об участниках производства и по мере своего пополнения получил положительные отзывы, стал востребованным в рамках электронного взаимодействия органами единой системы публичной власти (к примеру, при проверке данных о контрагентах) [6].

Кроме того, Концепция суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» 2019 года была разработана в рамках реализации Федерального проекта «Цифровое государственное управление» Национальной программы «Цифровая экономика». Однако сам документ сохраняет статус проекта Концепции развития ФССП России до 2030 г. с момента предоставления его доработанной версии в 2024 г. Министерством юстиции РФ.

Важно отметить, что данный информационный инструмент создал основы электронного взаимодействия и расширил коммуникационные возможности при осуществлении процессуальных прав каждому участнику исполнительного производства, начиная от обращения и подачи заявления и отслеживания обременительных мер судебного пристава-исполнителя в рамках производства по делу до конечного результата обозначенной деятельности.

И большое значение здесь имеет создание единой «реестровой модели», нацеленной на полную замену «бумажного» документооборота электронным с приоритетом записи в цифровой системе.

Данный процесс находится в своем развитии в рамках суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», который внешне представляет собой интерфейс на портале Госуслуги и предоставляет информацию пользователю в рамках системы «одного окна» или «ленты событий». Но и в настоящее время продолжается техническое объединение разных реестров в целях повышения результативности в обработке данных, пресечения дублирования сведений и занесения в базу подложной информации или исполнительных документов.

Правовой режим такого единого долгового досье составляют специальное законодательства об исполнительном производстве, процессуальное законодательство по гражданскому, арбитражному и административному судопроизводству, а также 32 федеральных закона, регулирующих выдачу исполнительных документов [7].

Развитие сложных систем на основе искусственного интеллекта существенно преобразило существующую реальность и предопределило принятие правовой основы внедрения нейросетей в систему государственного управления, в том числе и исполнительное производство.

Речь идет об алгоритмизации деятельности судебного пристава-исполнителя, а по отдельным процессуальным вопросам – освобождении последнего от непосредственного принятия решений, в частности, если это касается вынесения постановлений о возбуждении или об окончании исполнительного производства в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 417-ФЗ [8].

По сути дела, происходит процесс полной автоматизации принудительного исполнения на основе высокоскоростной обработки колоссального объёма информации искусственным интеллектом, что существенно ускоряет и упрощает производство по делу.

Создание и внедрение больших баз данных, алгоритмов на основе искусственного интеллекта в правоприменительной практике органов принудительного исполнения демонстрирует большую эффективность.

Большую опасность представляет полный отказ от бумажного делопроизводства и создание облачного хранилища данных о должниках без особого режима, который обеспечил бы максимально высокий уровень сохранности данных – защиту цифрового портфолио участника производства от утечек и кибератак, блэкаутов (технических сбоев или отключений) и локаутов (блокировок аккаунтов).

Кроме того, в соответствии с конституционными нормами, гарантирующими права и свободы человека, важно сохранить право выбора участнику исполнительного производства на традиционный контактный способ реализации своего права на судебную защиту в высшем его проявлении – исполнение актов уполномоченных юрисдикционных органов, наравне с электронным (виртуальным) производством.

Цифровые технологии в полной мере позволяют выявлять и анализировать данные о цифровом следе каждого комплексно или точечно по примеру работы налоговых органов.

В целях получения большей результативности от деятельности судебных приставов-исполнителей

считаем необходимым на законодательном уровне рассмотреть предложение о внесении в единый реестр сведений не только о доходах должников, но, прежде всего, их расходах.

Цифровые инструменты позволяют государству в лице уполномоченных органов в полной мере обеспечить реализацию принципов законности и справедливости.

Но, крайне важно, в цифровом праве определить правовой статус систем/алгоритмов на основе искусственного интеллекта, поскольку именно технологиям передается право в принятии решений, именно они постепенно создают скрытую угрозу и конкуренцию самому человеку, лишенному многих цифровых преимуществ.

Таким образом, формирующаяся экосистема цифрового исполнительного производства и ее правовая основа находятся в неразрывной связи с общенациональными и федеральными проектами построения цифрового пространства и развития информационного общества.

И это есть не аморфный, системно выстраиваемый инструмент системы государственного управления, цель которого состоит в неукоснительном правильном и своевременном исполнении актов юрисдикционных органов с помощью коммуникационно-информационных технологий, обеспечивающих функционирование экосистемы в виртуальном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490: ред. от 15.02.2024. // СПС «КонсультантПлюс»

2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон Росс. Федер. от 22.12.2008 № 262-ФЗ: ред. от 14.07.2022 // Парламентская газета. № 90. 31.12.2008.

3. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: федер. закон Росс. Федер. от 08.06.2020 № 168-ФЗ: ред. от 28.12.2024 // Российская газета. № 126. 11.06.2020.

4. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 г. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatel№ost.

5. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2024 году. URL: https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb-3b6e/02024/otchet_fssp_2024_92mj.pdf

6. Гуреев В. А. Идентификация концепции развития законодательства об исполнительном производстве на современном этапе // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 31.

7. Информационные технологии в сфере принудительного исполнения / Information technology in the Sphere of Enforcement: сборник материалов 8-й Международной научно-практической конференции, 20–23 сентября 2017 г., г. Суздаль / отв. ред. Д. В. Аристов, В. А. Гуреев. Москва, 2018. // СПС «КонсультантПлюс»

8. Стрельцова Е. Г. Упрощение и усложнение исполнительного производства: два направления развития (к обсуждению Концепции развития ФССП России) // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 233.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Росс. Федер. от 21.12.2021 № 417-ФЗ // Российская газета. № 294. 27.12.2021.

УДК 343

ТРУДНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ КОРЫСТНОГО МОТИВА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Кибаков Никита Юрьевич, магистрант
Абдульмянова Татьяна Владимировна, доцент
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st809215@ruc.su

DIFFICULTIES IN PROVING A MERCENARY MOTIVE IN CRIMES AGAINST PROPERTY

Kibakov Nikita Yuryevich, Master's Degree student
Abdulmyanova Abdulmyanova, Associate Professor
Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

В статье рассматриваются актуальные проблемы доказывания корыстного мотива как обязательного элемента субъективной стороны хищений. Анализируются законодательные дефиниции, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и доктринальные подходы. Особое внимание уделяется разграничению корыстного мотива и корыстной цели, а также сложностям квалификации при изъятии имущества в пользу третьих лиц. Предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики и возможные законодательные изменения.

Ключевые слова: корыстный мотив, корыстная цель, хищение, преступления против собственности, доказывание, субъективная сторона.

The article discusses the actual problems of proving a selfish motive as an obligatory element of the subjective side of embezzlement. Legislative definitions, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and doctrinal approaches are analyzed. Special attention is paid to the distinction between a selfish motive and a selfish goal, as well as the difficulties of qualifying for the seizure of property in favor of third parties. Ways to improve law enforcement practice and possible legislative changes are proposed.

Keywords: selfish motive, selfish goal, embezzlement, crimes against property, evidence, subjective side.

Преступления против собственности, и особенно хищения, традиционно занимают лидирующее положение в структуре российской преступности. Их высокая латентность и многообразие форм требуют от правоприменителя особой тщательности при квалификации. Одним из ключевых, но при этом наиболее сложных для доказывания элементов субъективной стороны хищения является корыстный мотив. Как справедливо отмечает в науке, в правоприменительной практике нередко наблюдается подмена понятия «корыстная цель» понятием «корыстный мотив», что порождает ошибки при юридической оценке содеянного [1].

Легальное определение хищения, закрепленное в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, указывает на корыстную цель как на обязательный признак. Однако законодатель и высшая судебная инстанция не всегда последовательны в терминологии, что создает почву для дискуссий. Некоторые авторы настаивают на невозможности существования хищения без корыстной цели, аргументируя это тем, что даже при изъятии имущества для передачи другим лицам, цель обогащения (пусть и не самого виновного) сохраняется [2].

В науке уголовного права также устоялось мнение, что мотив (внутреннее побуждение) и цель (представление о желаемом результате) – категории хотя и связанные, но не тождественные. Указывается, что корыстный мотив отражает стремление к обогащению, тогда как корыстная цель определяет конкретный предмет, способный эту потребность удовлетворить [3]. Смешение этих понятий и категорий, допускаемое, по некоторым наблюдениям даже в решениях Президиума Верховного Суда РФ, ведет к тому, что даже при доказывании основное внимание уделяется факту изъятия имущества, а не истинным побуждениям лица [1]. То есть разграничение этих категорий имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для защиты. Если сторона защиты сможет доказать, что у подзащитного был, например, хулиганский мотив (желание самоутвердиться за счет совершенного деяния) или мотив мести, но отсутствовала цель именно обогатиться (например, он выбросил похищенное или распорядился ей не с корыстной целью), то состав хищения разрушается.

Трудность заключается в том, что мотив и цель – категории субъективные, они не поддаются прямому наблюдению и подлежат выявлению из совокупности объективных обстоятельств дела. Здесь и вырисовывается проблема, которая выражается в том, что многие сотрудники либо не осведомлены о важности и обязательности выявления корыстного мотива, либо они в общем не акцентируют на нем внимание, так как считают, что сам факт изъятия имущества уже подтверждает корысть. Это глубокое заблуждение, поскольку умышленное изъятие чужого имущества может быть продиктовано местью, хулиганскими побуждениями или ложным пониманием своего права на это имущество.

Наиболее часто дискуссия возникает вокруг случаев, когда похищенное имущество обращается в пользу третьих лиц. Законодательная формулировка «в пользу виновного или других лиц» порождает вопрос: всегда ли такая передача свидетельствует о корысти самого похитителя.

Долгое время в доктрине уголовного права доминировал узкий подход, наиболее четко сформулированный Б. В. Волженкиным. Он полагал, что корыстная цель при передаче имущества другим лицам может быть инкриминирована лишь в трех случаях:

– если эти лица являются близкими виновному, и он лично заинтересован в улучшении их материального положения (родственники, друзья);

– если эти лица являются соучастниками хищения;

– если передача имущества осуществляется с расчетом на получение какой-либо иной, в том числе неимущественной, выгоды для себя (например, для получения поддержки в решении какого-либо вопроса) [4].

Этот подход был глубоко психологичен, так как он требовал установления личностной связи между виновным и выгодоприобретателем, без которой корысть виновного становилась эфемерной. Если человек тайно похищает деньги и переводит их в приют для бездомных животных, руководствуясь исключительно альтруистическими побуждениями, его действия, согласно этой логике, не могут быть признаны хищением, так как отсутствует корыстный мотив. То есть с точки зрения узкого подхода, в его действиях отсутствовал корыстный мотив, так как он не стремился к личному обогащению и не был лично заинтересован в судьбе детей из детдома или в обогащении какого-то конкретно ребёнка. Налицо противоправное изъятие чужого имущества, причиняющее ущерб, но учитывая и анализируя субъективную сторону, то здесь конечно же можно заявить, что данное деяние не соответствует корыстному поведению.

Однако современная судебная практика пошла по пути расширительного толкования. Так, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснил, что корыстная цель заключается в стремлении изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться им как своим собственным, в том

числе путем передачи его в обладание других лиц, «круг которых не ограничен» [5]. Аналогичное разъяснение было дано и в более позднем Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ.

Данная позиция вызывает серьезную критику в научной среде. Некоторые авторы резонно замечают, что такая широкая трактовка нивелирует признак корысти, лишая его предметной определенности [3]. Если круг лиц не

ограничен, то корыстный мотив превращается в фикцию, то он просто приписывается виновному в силу факта изъятия и последующей передачи имущества кому-либо.

Более того, широкий подход стирает грань между хищением и иными преступлениями. Если понимать корысть как распоряжение чужим имуществом как своим собственным, то угон автомобиля (ст. 166 УК РФ) также подпадал бы под признаки хищения, так как угонщик распоряжается машиной как своей, но без цели присвоения [6]. В судебной практике можно отметить то, что изъятие имущества с целью его уничтожения не квалифицируется как хищение, а вменяется по ст. 167 УК РФ. Однако, согласно расширительной трактовке, уничтожение – это тоже способ распоряжения как своим собственным. Таким образом, возникает некоторая коллизия в этом моменте.

Для правоприменителя это создает ситуацию неопределенности. С одной стороны, формальное толкование Постановления Пленума позволяет квалифицировать как хищение любое изъятие и передачу имущества третьим лицам. С другой стороны, здравый смысл и необходимость доказывания субъективной стороны требуют установления связи между виновным и получателем выгоды. Игнорирование этой связи может привести к объективному вменению.

Следующая проблема, связанная с данной темой, исходит из определения момента окончания хищения, которая также зависит от доказывания мотива. Так, в соответствии с пунктом 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002, кража как преступление считается оконченным, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению [5].

На практике, как отмечает некоторые авторы, возникают сложности с трактовкой «реальной возможности». Задержание вора с похищенным на выходе из подъезда или через 200 метров от места преступления часто квалифицируется как покушение, что считается неверным [7]. Более обоснованной представляется позиция, согласно которой момент окончания должен связываться с пересечением последнего охраняемого рубежа (порога квартиры, КПП и т.д.).

Эта дискуссия имеет прямое отношение к доказыванию корыстного мотива. Если следствие ошибочно квалифицирует оконченное преступление как покушение, оно тем самым недооценивает степень реализации преступного намерения. В случае покушения, когда имущество еще не поступило в незаконное владение, следователю сложнее оперировать доказательствами того, как именно виновный планировал распорядиться имуществом, потому что возможно он распорядться оставить это имущество себе, а может передать родственникам или иным лицам с иной целью. Оконченное же хищение, напротив, позволяет проанализировать возможное будущее поведение, а именно определить кому и как было передано имущество, были ли предприняты попытки его легализации, переделке в другой предмет и так далее, то есть изучить то, что служит важнейшим источником информации об истинном мотиве.

Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать ряд рекомендаций, направленных на повышение качества доказывания корыстного мотива.

Во-первых, необходимо четкое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, преодолевающее терминологическую путаницу. Конечно, текущие Постановления Пленума ВС РФ являются объемными и характеризуют многие составы корыстных преступлений, но следует прямо указывать, что корыстный мотив и корыстная цель – это разные, хотя и взаимосвязанные, элементы субъективной стороны, и дать их доктринальное определение. Полезным мог бы стать опыт Уголовного кодекса Республики Беларусь, где законодательно закреплено, что под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат. Уголовный кодекс Республики Беларусь в плане терминологии в целом удобен, так как для устранения

каких-либо вопросов и иных толкований он выделяет в себе целую отдельную статью про разъяснение отдельных терминов. В Российском же уголовном кодексе такой отдельной статьи нет, хотя её введение бы упростило работу правоохранительных органов, а также освободило бы Верховный Суд от обязанности издавать постановления и разъяснения по многим спорным вопросам в квалификации преступлений.

Во-вторых, в отношении обогащения третьих лиц следует вернуться к узкому, научно обоснованному подходу Б. В. Волженкина. Расширительное толкование, допускающее передачу имущества кому угодно, делает корыстный мотив практически недоказуемым. В приговоре суда должно быть обя-

зательно указано, в чем именно выражалась личная заинтересованность виновного в обогащении конкретного третьего лица (родственные связи, дружеские отношения, долговые обязательства и т.п.).

В-третьих, при доказывании мотива следует шире использовать методологию, применяемую по делам о должностных преступлениях. Так, в некоторых работах описывается то, что практику доказывания «иной личной заинтересованности» проводят через анализ ведомственных нормативных актов, критериев оценки эффективности работы, допросов руководителей о значимости тех или иных показателей [8]. Аналогичный подход применим и к хищениям, то есть нужно не ограничиваться просто констатацией факта безвозмездного изъятия, а проводить также широкий методологический анализ личности подозреваемого. Например, следует проанализировать материальное положение подозреваемого и его близких, узнать про наличие долгов, оценить его образ жизни и т.д., что позволит с наибольшей вероятностью утвердить наличие корыстного мотива в совершении противоправного деяния.

Таким образом, на основе вышеизложенного следует сделать вывод, что основная проблема доказывания корыстного мотива при хищениях связана с неточным толкованием понятия мотива и цели. Корыстная цель должна устанавливаться через связь виновного с выгодоприобретателем. Такой подход можно сказать позволит отграничить хищение от деяний, совершенных из мести, хулиганских побуждений или альтруизма. Также необходимы дополнительные разъяснения Пленума или введение статьи в Уголовный кодекс, в которой будут четко определены термины, разграничивающие мотив и цель применительно к доказыванию корыстных преступлений против собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сверчков В. В. Преступления против собственности: критический анализ преобразования российского уголовного законодательства и практики его применения // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 1. С. 101–111. URL: http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.101-111

2. Ковалев М. В. Проблемы «корыстной цели» при квалификации преступлений против собственности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 3-2. С. 85–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-korystnoy-tseli-pri-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-sobstvennosti

3. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Корыстная цель как признак хищения в науке уголовного права и судебной практике // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. № 3 (105). С. 132–141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korystnaya-tsel-kak-priznak-hischeniya-v-nauke-ugolovnogo-prava-i-sudebnoy-praktike

4. Волженкин Б. В. Служебные преступления. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2000. 560 с.

5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Хилюта В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex Russica. 2020. № 4 (161). С. 93–102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korystnaya-tsel-v-hischenii-suschestvuyut-li-predely-rasshiritelnogo-tolkovaniya

7. Сердюк П. Л. Спорные вопросы квалификации преступлений против собственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 86–88. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32766586

8. Шилин В. В. Особенности доказывания мотива при расследовании сокрытия преступлений от учета // КриминалистЪ. 2023. № 4 (45). С. 105–111. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-motiva-pri-rassledovanii-sokrytiya-prestupleniy-ot-ucheta

УДК 343

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ УГРОЗ И СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Климкина Кристина Михайловна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st8104005@ruc.su

PUBLIC DANGER OF CORRUPTION BEHAVIOR: SYSTEMIC ANALYSIS OF THREATS AND COUNTERACTION STRATEGIES

Klimkina Kristina Mikhailovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ общественной опасности коррупционного поведения как системной угрозы безопасности и развитию общества. На основе нормативно-правовых актов, научных публикаций и аналитических материалов исследуются сущность и многогранные проявления коррупции, её деструктивное влияние на государственные институты, экономику, социальную сферу и общественную мораль. Особое внимание уделяется рассмотрению коррупции в контексте национальной и общественной безопасности, где она идентифицируется как один из ключевых источников угроз.

Ключевые слова: общественная безопасность, коррупция, общественная опасность, национальная безопасность, антикоррупционная политика, публичный контроль, административно-правовое регулирование, социальные последствия.

The article provides a comprehensive analysis of the social danger of corrupt behavior as a systemic threat to the security and development of society. Based on regulatory legal acts, scientific publications, and analytical materials, the essence and multifaceted manifestations of corruption, its destructive impact on state institutions, the economy, the social sphere, and public morality are examined. Particular attention is paid to the consideration of corruption in the context of national and public security, where it is identified as one of the key sources of threats.

Keywords: public safety, corruption, public danger, national security, anti-corruption policy, public control, administrative and legal regulation, social consequences.

Коррупция, определяемая как злоупотребление делегированной властью для получения личной выгоды, представляет собой одну из наиболее устойчивых и деструктивных проблем, с которой сталкиваются государства на всех этапах своего развития. В современном мире она трансформировалась из локальной проблемы в транснациональное явление, затрагивающее основы общества и экономики всех стран, что отмечено в Конвенции ООН против коррупции. Её общественная опасность заключается не только в прямом экономическом ущербе, но и в системном подрыве институтов власти, принципов справедливости и верховенства права, что в конечном итоге ставит под угрозу устойчивое развитие и стабильность общества [1, С. 405].

Общественная безопасность является фундаментальной категорией, тесно интегрированной в систему национальной безопасности. В Концепции общественной безопасности РФ она определяется как «состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Таким образом, её объектами выступают как личность, так и базовые ценности социума, а ключевой угрозой – противоправные посягательства. В научной литературе подчёркивается, что общественная безопасность может рассматриваться как видовое понятие по отношению к родовому – «национальная безопасность», что указывает на её критическую важность для стабильности государства.

Коррупционное поведение напрямую квалифицируется как один из основных источников угроз общественной безопасности. Его сущность заключается в подмене общественных (публичных) интересов частными, что превращает государственный аппарат из института, действующего на безвозмездной основе в интересах общества, в инструмент извлечения личной или корпоративной выгоды. Эта подмена происходит путём различных форм злоупотребления: взяточничества, вымогательства, незаконного присвоения ресурсов, фаворитизма и непотизма, сращивания с бизнес-структурами [2, С. 181].

Коррупция как системная угроза характеризуется следующими признаками:

– нарушение принципа безвозмездности государственной службы независимо от размера взятки или выгоды;

– секретность и закрытость процессов принятия решений;

– формирование устойчивых коррупционных сетей и взаимных обязательств между чиновниками и бизнес-структурами;

– стремление легализовать коррупционные действия через формально правовые нормы [3, С. 73].

В Концепции общественной безопасности РФ констатируется, что, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень распространённости коррупции остаётся высоким, а её проявления превратились в системную угрозу, существенно затрудняющую нормальное функционирование государственных и муниципальных органов. Это делает исследование её общественной опасности не только теоретически, но и практически значимым.

Системная общественная опасность коррупции: ключевые направления.

Во-первых, подрыв государственного управления и верховенства права. Коррупция приводит к эрозии самих основ государственности. Когда политика и управленческие решения диктуются частными интересами влиятельных лиц или групп, государственная власть утрачивает способность эффективно реализовывать свои публичные функции. Коррупция в судебной и правоохранительной системах ведёт к отсутствию надлежащего правосудия, вынесению несправедливых решений, затягиванию процессов, что в итоге дискредитирует государство как арбитра и гаранта правопорядка. Это создает порочный круг, при котором правовое государство подменяется системой, где сила закона уступает силе денег и связей.

Во-вторых, деструктивное воздействие на экономику и социальную сферу. Экономические последствия коррупции носят масштабный и многоплановый характер:

– прямые и косвенные бюджетные потери: средства, предназначенные для общественных нужд (здравоохранение, образование, инфраструктура), расхищаются или используются неэффективно, что ведёт к нехватке качественных услуг и снижению уровня жизни населения;

– расцвет теневой экономики и разрушение конкуренции: взятка становится главным инструмен-

том получения неконкурентных преимуществ, что вытесняет с рынка честных предпринимателей и ведёт к нерациональному распределению ресурсов;

– рост издержек и снижение эффективности: коррупционные «накладные расходы» перекладываются на потребителей через повышение цен и тарифов, одновременно снижается общая эффективность управления как в государственном, так и в корпоративном секторе;

– усиление социального неравенства: коррупция выступает механизмом перераспределения общественного богатства в пользу узкого привилегированного слоя, углубляя разрыв между богатыми и бедными и маргинализируя уязвимые группы.

В-третьих, социально-психологические последствия и деморализация общества. Наиболее глубокий и трудноустранимый ущерб коррупция наносит социальной ткани и общественному сознанию:

– утрата доверия к институтам власти: постоянное столкновение с необходимостью давать взятки для решения бытовых вопросов (мелкая, или бюрократическая, коррупция) формирует у граждан устойчивое недоверие к государству как к институту, враждебному их интересам;

– деморализация и этическая деградация: когда коррупционные практики воспринимаются как норма, происходит размывание нравственных ориентиров, возникает циничное восприятие взяточничества и мошенничества как допустимых или даже единственно эффективных способов достижения целей;

– формирование «коррупционной толерантности»: в некоторых обществах складывается высокая терпимость к коррупции, что является крайне опасным симптомом, так как лишает антикоррупционную политику необходимой общественной поддержки;

– угроза социальным правам: по мере усиления коррупции под ударом оказываются базовые права на доступ к медицинской помощи, качественному образованию, социальному обеспечению [4].

Коррупция давно перестала быть внутренней проблемой отдельных государств. Она приобрела международный, транснациональный характер, проявляясь в подкупе должностных лиц иностранных государств, отмывании преступных капиталов, коррупционном лоббировании в международных организациях. Это делает необходимым тесное международное сотрудничество, основой которого выступают такие документы, как Конвенция ООН против коррупции и Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц.

Анализ зарубежного опыта, накопленного странами, столкнувшимися с проблемой ранее России, позволяет выделить эффективные модели и инструменты:

1. «Сингапурская модель» (Азиатская модель): основана на создании мощного независимого антикоррупционного агентства с широкими полномочиями (Corrupt Practices Investigation Bureau), сочетании суровых наказаний за коррупцию с существенным повышением зарплат чиновников и формированием в обществе нулевой терпимости к коррупционному поведению.

2. «Американская модель»: делает акцент на комплексном законодательном регулировании (Закон о коррупции за рубежом – FCPA), прозрачности деятельности государственных органов (Законы о свободе информации), активной роли институтов гражданского общества и СМИ в публичном контроле.

3. Опыт европейских стран (на примере Ирландии): характеризуется развитой системой этического регулирования государственной службы, внедрением кодексов поведения, обязательным декларированием доходов и конфликтов интересов, а также эффективным взаимодействием специализированных полицейских подразделений с налоговыми и финансовыми органами [5, С. 155].

Ключевым элементом, общим для успешных антикоррупционных стратегий, является развитие системы публичного (общественного) контроля. Это предполагает законодательное закрепление порядка взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами, обеспечение реального доступа к информации и ответственности должностных лиц за противодействие такому контролю.

Основываясь на анализе угроз и изучении зарубежной практики, можно сформулировать стратегические направления противодействия коррупции как системной угрозе общественной безопасности в Российской Федерации:

1. Совершенствование административно-правового регулирования: дальнейшее развитие законодательной базы, устранение коррупциогенных норм, ужесточение ответственности, особенно за крупную и политическую коррупцию. Важным является регулирование оборота государственных активов, госзакупок, банкротств.

2. Формирование эффективной системы публичного антикоррупционного контроля: создание правовых и организационных условий для реального участия граждан, НКО, СМИ в мониторинге деятельности чиновников, расследовании злоупотреблений и оценке принимаемых решений. Необ-

ходимо законодательно закрепить ответственность органов власти за непредоставление информации или противодействие общественному контролю.

3. Повышение эффективности институциональной системы противодействия: укрепление независимости и ресурсного обеспечения правоохранительных и судебных органов, специализированных антикоррупционных структур. Ключевую роль играет развитие компетентных и независимых судов.

4. Внедрение профилактических и превентивных мер: развитие системы оценки коррупционных рисков, внедрение современных digital-технологий для обеспечения прозрачности («электронное правительство»), формирование антикоррупционной культуры через систему образования и просвещения.

5. Укрепление международного сотрудничества: активное участие в международных антикоррупционных инициативах, правовая помощь в расследовании транснациональных коррупционных схем, розыске и конфискации активов, вывезенных за рубеж [6, С. 62].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что общественная опасность коррупционного поведения носит комплексный, системно-разрушающий характер. Коррупция не просто правонарушение; это явление, которое подрывает основы конституционного строя, деформирует экономические механизмы, усиливает социальную несправедливость и разлагает нравственные устои общества, тем самым напрямую угрожая национальной и общественной безопасности.

Борьба с этим злом не может быть эпизодической или сводиться лишь к ужесточению наказаний. Она требует комплексного, последовательного и долгосрочного подхода, интегрирующего политические, правовые, экономические, социальные и образовательные меры. Успех этой борьбы возможен только при условии консолидации усилий государства, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества и каждого гражданина, а также при активном международном сотрудничестве. Использование позитивного зарубежного опыта с учётом национальной специфики является одним из важнейших ресурсов для построения эффективной системы противодействия коррупции как ключевой угрозе безопасности и развитию здорового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуев, И. С. Противодействие коррупции: федеральный и региональный аспект // Вестник науки. 2026. Т. 3. № 1(94). С. 401–411.

2. Бенелли, Л. Н. Современные проблемы коррупционного поведения: перспективы изучения // Экономика и управление: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2025. С. 180–182.

3. Бессонова, А. А. Коррупция как препятствие модернизации страны // Стимулирование научно-технического потенциала общества в стратегическом периоде: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2026. С. 71-75.

4. Коррупционные преступления: понятие, квалификация, криминологическая характеристика и особенности расследования / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, Е. М. Кечайкина. Саранск, 2025.

5. Противодействие коррупции и антикоррупционный комплаенс: учебник / под общ. ред. В.Е. Шорохова. Москва: Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова, 2025. 160 с.

6. Хаснутдинов, Р. Р. Система юридической ответственности за правонарушения в сфере противодействия коррупции: постановка вопроса на основе анализа правоприменительной практики // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4(208). С. 60–62

УДК 343.2/.7

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ

Кузнецова Ксения Александровна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: kyzya@ruc.su

FEATURES AND PROBLEMS ARISING DURING THE QUALIFICATION OF ILLEGAL CULTIVATION OF NARCOTIC PLANTS

Kuznetsova Xenia Alexandrovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу состава преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, с акцентом на проблемах квалификации. Раскрываются основополагающие вопросы определения предмета преступления посредством Перечня наркосодержащих растений, разграничения культивации и хранения, установления крупного и особо крупного размеров и момента окончания деяния с учётом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и современной судебной практики.

Ключевые слова: ст. 231 УК РФ, незаконное культивирование, наркосодержащие растения, предмет преступления, Перечень растений, крупный размер, Пленум Верховного Суда РФ, проблемы квалификации.

The article is devoted to the analysis of the elements of the crime provided for by Article 231 of the Criminal Code of the Russian Federation, with a focus on the problems of qualification. The article reveals the fundamental issues of determining the subject of the crime through the List of Drug-Containing Plants, distinguishing between cultivation and storage, establishing large and especially large amounts, and the moment of completion of the act, taking into account the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and modern judicial practice.

Keywords: Article 231 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal cultivation, drug-containing plants, subject of the crime, List of Plants, large amount, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, problems of qualification.

Вопрос противодействия незаконному обороту наркотиков по прежнему рассматривается государством как один из ключевых приоритетов уголовной политики. В выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России от 4 марта 2026 г. Президент РФ особо подчеркнул необходимость более наступательной борьбы с наркобизнесом, в том числе за счёт пресечения каналов поставки и ликвидации подпольных производств наркотических средств [1]. По данным МВД России, только за январь-август 2023 г. из незаконного оборота было изъято 17,5 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. При этом доля деяний, совершаемых с целью сбыта, в общем массиве наркопреступлений достигла 66 % [2]. Эти показатели свидетельствуют не только о масштабах наркорынка, но и о высокой латентности соответствующих преступлений, что требует комплексной работы правоохранительных органов на всех стадиях незаконного оборота.

Одним из способов получения наркотических средств и психотропных веществ продолжает оставаться культивирование растений, содержащих такие вещества либо их прекурсоры. Правоохранительные органы ежегодно выявляют и уничтожают значительное количество незаконно выращенных посевов и очагов дикорастущих наркосодержащих растений. Наряду с мерами административного реагирования лица, осуществляющие незаконный посев и выращивание таких растений, привлекаются к уголовной ответственности по ст. 231 УК РФ, которая занимает особое место в системе норм о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности.

В этих условиях особую практическую значимость приобретает точное определение признаков состава преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, а также единообразное понимание его предмета и объективной стороны.

Разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, детализируют понятие «незаконное культивирование» и раскрывают особенности квалификации по данной норме, однако не снимают всех возникающих в правоприменении вопросов, прежде всего связанных с разграничением культивации и хранения растений, определением предмета преступления и оценкой его общественной опасности. Данные аспекты требуют дополнительного научного анализа, обуславливая обращение к уголовно правовой характеристике ст. 231 УК РФ в настоящей работе.

Ст. 231 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное культивирование в крупном размере растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. В действующей редакции норма включает основный и квалифицированный составы, а также примечание, отсылающее к подзаконному регулированию крупного и особо крупного размеров. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 231 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести, тогда как квалифицированный вид, описанный в ч. 2 указанной статьи (совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой либо в особо крупном размере), отнесён законодателем к тяжким преступлениям.

Предмет преступления образуют растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и включённые в специальный Перечень, утверждённый Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934 [3]. В указанный Перечень входят, в частности, различные виды конопли, опийного мака, коки, ката, кактусы, содержащие мескалин, и ряд иных растений, обладающих психоактивным действием или позволяющих получать соответствующие вещества и их прекурсоры. Таким образом, юридический признак предмета закреплён посредством нормативной отсылки, а уголовно наказуемыми признаются действия по культивированию только тех растений, которые прямо указаны в Перечне, сформированном с учётом международных антинаркотических конвенций 1961 и 1971 гг.

При этом обращается внимание, что при формировании и применении Перечня наркосодержащих растений фактически учитываются главным образом физический, медицинский и юридический признаки, тогда как социальный признак во многих случаях остаётся не исследованным. По ряду включённых в Перечень растений (за исключением опийного мака и конопли) отсутствуют репрезентативные данные о распространённости их употребления, числе потребителей и объёмах незаконного оборота, что осложняет обоснование степени их общественной опасности и, следовательно, соразмерности криминализации соответствующих деяний [4].

Согласно материалам, содержащимся в правовой литературе медицинский критерий обозначает потенциал фармакологически активных компонентов растения к селективному воздействию на ЦНС индивида, что в свою очередь ведёт к психической, физической зависимости либо их синергетического проявления. Физический же критерий фиксирует статус растения в качестве самостоятельного биологического и материального объекта. Юридический – его нормативное включение в реестр объектов для которых установлен специальный правовой режим регулирования, а социальный показывает степень реального либо прогнозируемого участия производных от него веществ в теневом, противозаконном обороте с учётом его негативного воздействия на здоровье общества [5–7].

Однако на законодательном уровне и на основе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в основном закреплён именно юридический и частично медицинский признаки, тогда как социальный компонент нередко остаётся вне поля зрения правоприменителя.

Объективная сторона преступления выражается в незаконном культивировании наркосодержащих растений в крупном размере. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» определяет культивирование как деятельность, связанную с созданием специальных условий для посева и выращивания наркосодержащих растений, а также их посев и выращивание, совершенствование технологии выращивания, выведение новых сортов, повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям. Пленум Верховного Суда РФ в п. 29 Постановления от 15 июня 2006 г. № 14 развивает это определение, подчёркивая, что для признания деяния культивированием необходимо установить конкретные действия по созданию таких условий, посеву и выращиванию, а не только сам факт произрастания растений на участке. В правоприменительной практике данный подход позволяет отграничивать культивацию от случаев самосева или произрастания сорных форм, когда отсутствуют доказательства целенаправленных действий лица по посеву и уходу за растениями, однако именно отсутствие надлежащего исследования этих действий нередко приводит к ошибочному вменению культивации там, где имеет место лишь естественный рост растений.

Крупный и особо крупный размеры культивирования наркосодержащих растений для целей ст. 231 УК РФ определены тем же Постановлением Правительства РФ № 934, где для каждого вида растения установлен количественный порог, например, для конопли 20 растений как крупный и 330 растений как особо крупный размер. Данные пороговые значения имеют не только карательное, но и разграничительное значение. Так, например, они отделяют уголовно наказуемое деяние от административного правонарушения, предусмотренного ст. 10.5.1 КоАП РФ.

Деяние считается оконченным с момента начала незаконного культивирования, то есть с момента совершения действий по посеву или созданию специальных условий для выращивания соответствующих растений при условии достижения установленного крупного размера. В Постановлении Пленума подчеркнуто, что дальнейшие действия лица по изготовлению (извлечению) из выращенных растений наркотических средств, их хранению, перевозке, пересылке или сбыту подлежат самостоятельной оценке и квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 231 и ст. 228 либо 228.1 УК РФ. Практика показывает, что именно вопросы разграничения культивирования и хранения растений, а также определения момента окончания преступления нередко становятся источником ошибок при квалификации, когда растущие растения необоснованно рассматриваются как предмет хранения, либо, напротив, самосев необоснованно вменяется как культивация.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом: лицо осознаёт, что осуществляет посев, выращивание или иные действия по культивированию растений, включённых в Перечень, и желает их совершения. Цель и мотив (в том числе использование растений для получения волокна, масла, семян и иных хозяйственных нужд) не влияют на наличие состава преступления по ст. 231 УК РФ и учитываются лишь при индивидуализации наказания.

Субъект преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 231 УК РФ) образуют те же действия, совершённые группой лиц по предварительному сговору, организованной группой либо в особо крупном размере, причём содержание групповых признаков совпадает с их общим пониманием, выработанным судебной практикой по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Особо крупный размер, как отмечалось, определяется Постановлением Правительства РФ № 934 и для большинства видов растений в разы превышает порог крупного размера, что существенно повышает санкцию и переводит деяние в категорию тяжких преступлений.

Таким образом уголовно-правовой анализ ст. 231 УК РФ показывает, что при внешне детальной регламентации культивирования наркосодержащих растений сохраняются существенные проблемы квалификации: формально юридический подход к Перечню растений и количественным порогам не

сопровождается надлежащей оценкой социального признака предмета преступления, а разграничение культивации и хранения, а также установление момента окончания деяния продолжают вызывать ошибки в правоприменении. Всё это в своей совокупности свидетельствует о необходимости дальнейшей научной разработки критериев общественной опасности конкретных растений и уточнения разъяснений Верховного Суда РФ в части предмета, объективной стороны и соотношения ст. 231 с нормами об административной ответственности и иных наркопреступлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/79255
2. Официальный МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/41960214/
3. Норвартян, Ю. С. Преступления против здоровья населения : учебное пособие для обучающихся по основным образовательным программам высшего образования направлениям подготовки 40.03.01, 40.04.01 Юриспруденция / Ю. С. Норвартян ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева» (Самарский университет). Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2022. 213 с.
4. Комиссаров, В. С. Проблемы определения признаков предмета преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ / В. С. Комиссаров, И. Е. Пожидаев // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 15–19.
5. Боева, О.Ю. Наркопреступность: уголовно-правовой и криминологический аспекты : учебное пособие / О. Ю. Боева, С. Ф. Идрисова – Ижевск, 2009. – 175 с
6. Федоров А. В. Определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства / А. В. Фёдоров // Наркоконтроль. 2012. № 3. С. 3–17.
7. Федоров А. В. Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за незаконное культивирование наркосодержащих растений / А. В. Фёдоров // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 19–22.

УДК 343.2/.7

ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кузнецова Ксения Александровна, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: i.p.asanova@ruc.su; kyzya@ruc.su

GENERAL CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST PUBLIC HEALTH AND MORALS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Kuznetsova Xenia Alexandrovna, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья представляет собой общую уголовно правовую характеристику преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, с учётом трансформации общественных отношений и цифровизации. Рассматриваются родовой, видовой и непосредственные объекты, особенности объективной и субъективной сторон, а также субъект преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. Отмечается влияние Интернета и Даркнета на способы совершения этих преступлений и на сложности их квалификации.

Ключевые слова: общая характеристика, глава 25 УК РФ, здоровье населения, общественная нравственность, цифровизация, Интернет, Даркнет.

The article provides a general criminal law description of the crimes provided for in Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the transformation of social relations and digitalization. It examines the generic, specific, and immediate objects, the features of the objective and subjective aspects, as well as the subject of crimes against public health and public morality. The article also notes the influence of the Internet and the Dark Web on the methods of committing these crimes and the difficulties in their qualification.

Keywords: general description, Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation, public health, public morality, digitalization, Internet, Dark Web.

В современных условиях динамичного изменения социально-экономической и информационной среды особую актуальность приобретает уголовно-правовая охрана здоровья населения и общественной нравственности. Сохраняющийся высокий спрос на наркотические средства и психотропные вещества, широкая доступность порнографической продукции, коммерциализация проституции, а также участившиеся случаи жестокого обращения с животными и надругательства над местами захоронения свидетельствуют о сохраняющейся высокой криминальной нагрузке на соответствующую группу составов. Указанные деяния затрагивают не только права и законные интересы конкретных лиц, но и подрывают основы общественного бытия, оказывая долгосрочное негативное воздействие

на демографические процессы, духовно-нравственный климат и состояние общественной безопасности в целом.

При этом указанные негативные явления получают дополнительный импульс развития в цифровой среде. Так, глобальная сеть Интернет, включая её теневой сегмент так называемый «Даркнет», существенно облегчает анонимный доступ к наркотическим средствам, сексуальным услугам и порнографической продукции, в том числе с участием несовершеннолетних детей. Исследователи правоведы справедливо отмечают, что в Даркнете сформировались устойчивые криминальные площадки по сбыту наркотиков и иным незаконным услугам, тем самым позволяя говорить о принципиально новом уровне институционализации наркопреступности в сети и требует специальных уголовно-правовых и криминологических мер реагирования.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий размывает традиционные представления о месте и способе совершения преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, позволяет сочетать различные формы посягательств (сбыт наркотиков, вовлечение в проституцию, распространение порнографии) в едином виртуальном пространстве, затрудняет выявление и доказывание соответствующих деяний. В совокупности это обуславливает дополнительную актуальность исследования уголовно-правовых механизмов охраны здоровья населения и общественной нравственности именно сквозь призму цифровизации общественных отношений и стремительной эволюции технологий коммуникации.

Российский законодатель, учитывая повышенную общественную опасность рассматриваемых посягательств, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, выделил преступления против здоровья населения и общественной нравственности в самостоятельную главу 25 УК РФ, расположенную в разделе о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. Такое системное решение отражает признание здоровья населения и общественной нравственности ключевыми публичными ценностями, требующими усиленной уголовно-правовой защиты в контексте проводимой государственной политики в сфере охраны здоровья граждан, демографического развития, цифровой трансформации общества и укрепления духовно-нравственных основ государства. При этом эффективность противодействия указанным преступлениям напрямую связана с правильностью и понятностью уголовно-правовых конструкций, точностью определения объекта охраны и согласованностью уголовно-правовых и иных мер.

В этой связи исходным методологическим этапом исследования представляется анализ объекта преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, с учётом их системного положения в структуре Особенной части и современных трансформаций социальной среды.

Родовым объектом преступлений, объединённых в главе 25 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, поскольку сама глава входит в раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Внутри данного рода законодатель формирует особый видовой объект – общественные отношения по обеспечению безопасности здоровья населения и общественной нравственности, т.е. поддержания нормального физического и психического благополучия неопределённого круга лиц и сохранения выработанной обществом системы нравственных ценностей.

В научно-правовой литературе видовой объект главы 25 УК РФ обычно определяется как совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасность здоровья населения и общественной нравственности. Такую позицию, в частности, последовательно отстаивает В. Л. Кудрявцев, подчёркивая «сложный» характер объекта, включающего две самостоятельные ценности – здоровье населения и нравственные устои общества [1].

Здоровье населения следует понимать как совокупность общественных отношений, направленных на сохранение нормального состояния физического и психического благополучия неопределённого круга лиц, при котором отсутствуют заболевания и стойкие расстройства функций организма. При этом, опираясь на легальное определение, закреплённое в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», здоровье населения в контексте главы 25 УК РФ представляется целесообразным рассматривать как совокупность общественных отношений, обеспечивающих состояние физического, психического и социального благополучия неопределённого круга лиц, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

Общественную нравственность следует понимать как господствующую в обществе систему норм и правил поведения, идей, традиций и взглядов о справедливости, долге, чести и достоинстве, нарушение которых образует содержание посягательств, предусмотренных статьями 240–245 УК РФ.

Непосредственный объект отдельных составов главы 25 конкретизирует и развивает видовой объ-

ект: для преступлений против здоровья населения им выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья неопределённого круга лиц (здоровья нации) при установленном законом порядке оборота потенциально опасных веществ и услуг, а для преступлений против общественной нравственности отдельные сегменты нравственных отношений (в сфере половой морали, сохранения культурного наследия, уважительного отношения к памяти умерших, гуманного обращения с животными и др.) [2]. Вместе с тем в доктрине справедливо отмечается, что для части составов главы 25 характерно наличие дополнительных непосредственных объектов, к числу которых относятся жизнь и здоровье конкретного человека, его физическая неприкосновенность, нормальное развитие несовершеннолетних, а также интересы государства и нормального функционирования его органов [3–4].

Особенности состава преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, в значительной мере предопределяются их объективной стороной. Большинство соответствующих составов сконструированы как формальные, что позволяет признавать деяние оконченным с момента совершения запрещённого действия (незаконные приобретение и хранение наркотических средств, производство и сбыт порнографических материалов, вовлечение в занятие проституцией и др.), независимо от наступления фактического вреда здоровью населения или общественной нравственности. Существенную роль играет бланкетный характер значительной части диспозиций, отсылающих к специальному законодательству в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, охраны памятников истории и культуры, а также к нормативным актам, регулирующим оборот информации и использование информационно-телекоммуникационных сетей.

Субъектом большинства преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, выступает вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, за исключением ст. 229 УК РФ [5]. Однако для целого ряда составов характерен специальный субъект: должностные лица, медицинские и фармацевтические работники, лица, обязанные соблюдать правила оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также лица, наделённые организационно-распорядочными и административно-хозяйственными полномочиями в соответствующих сферах [6].

В условиях цифровизации особое значение приобретает проблема определения статуса администраторов и владельцев интернет-ресурсов, которые фактически обеспечивают инфраструктуру для незаконного оборота наркотиков, организации проституции и распространения порнографических материалов, что ставит вопрос об уточнении признаков специального субъекта применительно к деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Для большинства составов главы 25 УК РФ субъективная сторона характеризуется виной в форме умысла, преимущественно прямого. Соответствующие деяния совершаются, как правило, с корыстным либо иным антисоциальным мотивом, особенно в части преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, организацией проституции и распространением порнографической продукции. Вместе с тем отдельные преступления указанной главы (прежде всего нарушения санитарно-эпидемиологических правил и требований безопасности при производстве и реализации товаров, выполнении работ или оказании услуг) сконструированы законодателем как неосторожные, что прямо вытекает из диспозиций ст. 236 и 238 УК РФ.

В заключение проведённый анализ показывает, что преступления, предусмотренные главой 25 УК РФ, образуют сложную и внутренне неоднородную группу посягательств на здоровье населения и общественную нравственность. Сочетание формальных и бланкетных конструкций, преобладание умысла при наличии отдельных неосторожных составов, а также наличие специальных субъектов обусловливают как высокую адаптивность соответствующих норм к современным угрозам, так и существенные сложности правоприменения, особенно в условиях цифровизации и использования сети Интернет, включая её теневые сегменты.

В этих условиях требуется дальнейшее совершенствование уголовно-правового регулирования и его согласование со специальным и информационным законодательством, направленным на противодействие наркопреступности, онлайн-проституции (так называемому вебкаму), незаконному обороту порнографической продукции и иным проявлениям преступности в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев, В. Л. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / В. Л. Кудрявцев // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 3(9). С. 89–101.

2. Уголовное право особенная часть, учебник для вузов, для студентов, обучающихся по направлению 40.00.01 «Юриспруденция» и специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» / В. В. Агильдин [и др.]; под общей редакцией заслуженного юриста Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. М. Прозументова, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 842 с.

3. Шалагин, А. Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны / А. Е. Шалагин // ВЭПС. 2011. №2. С. 177–180.
4. Готчина, Л. В. Глава 12. Преступления против здоровья населенияи общественной нравственности / Л. В. Готчина // Уголовное право. Особенная часть : учебник / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Р-КОПИ, 2020. С. 480–553.
5. Иналкаева, Ф. Преступления против здоровья населения: понятие и виды / Ф. Иналкаева // Евразийский научный журнал. 2016. №11. С. 1–2.
6. Норвартян, Ю. С. Преступления против здоровья населения : учебное пособие для обучающихся по основным образовательным программам высшего образования направлениям подготовки 40.03.01, 40.04.01 Юриспруденция / Ю. С. Норвартян ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева» (Самарский университет). Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2022. 213 с.

УДК 343.9

ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Куликова Татьяна Андреевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811809@ruc.su

CONCEPT AND ELEMENTS CHARACTERIZING THE FORENSIC CONTENT OF CRIME PROVOCATION

Kulikova Tatyana Andreevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается криминалистическое содержание провокации преступления как многоаспектного феномена, требующего детального анализа. Исследуются ключевые элементы провокационных действий: способы, механизм, обстановка, след преступления и личность провокатора. Анализируются современные подходы к пониманию природы провокации в контексте оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. Особое внимание уделяется проблеме разграничения законной оперативной работы и противоправной провокации. На основе изучения следственной практики выявлены типичные признаки провокационной деятельности, формирующие ее криминалистическую характеристику. Практическая значимость работы состоит в систематизации знаний о структурных компонентах провокации, что может быть использовано при расследовании соответствующих уголовных дел.
Ключевые слова: провокация преступления, криминалистическая характеристика, способ провокации, оперативно-розыскная деятельность, превышение должностных полномочий, механизм преступления, следственная практика.

The article examines the forensic content of crime provocation as a multifaceted phenomenon requiring detailed analysis. Key elements of provocative actions are studied: methods, mechanism, environment, crime traces, and the personality of the provocateur. Modern approaches to understanding the nature of provocation in the context of operational-search activities and criminal proceedings are analyzed. Special attention is paid to the problem of distinguishing between lawful operational work and unlawful provocation. Based on the study of investigative practice, typical signs of provocative activity forming its forensic characteristics have been identified. The practical significance of the work lies in the systematization of knowledge about the structural components of provocation, which can be used in the investigation of relevant criminal cases.
Keywords: crime provocation, forensic characteristics, provocation method, operational-search activity, abuse of official authority, crime mechanism, investigative practice.

Провокация преступления остается одной из наиболее дискуссионных проблем современного уголовного права и криминалистики. Граница между допустимыми оперативными мероприятиями и противоправным подстрекательством до сих пор размыта в практике российских правоохранительных органов. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2023–2024 годы количество уголовных дел по ст. 304 УК РФ (провокация взятки либо коммерческого подкупа) увеличилось на 18 %, что свидетельствует о возрастающей актуальности темы [1].

В криминалистическом смысле провокация представляет собой систему действий, направленных на искусственное создание условий, при которых лицо совершает преступление, которое без такого воздействия не совершило бы. Некоторые исследователи определяют ее как «активное склонение к совершению противоправного деяния при отсутствии у объекта воздействия первоначального намерения».

Впрочем, это справедливо не для всех случаев. Порой речь идет не столько о создании намерения с нуля, сколько об активизации уже существующих, но не реализованных преступных замыслов. В работах Григорьева В. Н., выполненных на материале 63 уголовных дел, установлено, что в 41 % случаев лицо уже имело общую криминальную направленность, однако конкретное преступление было совершено именно под влиянием провокационных действий [2, с. 112].

Важно разграничить два понятия: провокацию как тактический прием в оперативно-розыскной деятельности и провокацию как самостоятельное преступление. Первая допустима в строго ограниченных рамках, например, при проведении оперативного эксперимента или проверочной закупки. Вторая квалифицируется по статьям УК РФ и влечет уголовную ответственность. Разделительная линия проходит по критерию наличия или отсутствия у лица предрасположенности к совершению преступления до начала воздействия.

Здесь стоит сделать оговорку. Судебная практика демонстрирует неоднозначность применения этого критерия. В ряде случаев суды признавали провокацией действия сотрудников полиции даже при наличии у подозреваемого ранее высказанных намерений совершить преступление, если активная роль провоцирующей стороны была чрезмерной.

Криминалистическая характеристика провокации преступления включает несколько взаимосвязанных элементов, образующих целостную систему. Рассмотрим их последовательно.

Способ совершения провокации – центральный элемент характеристики. Он включает совокупность приемов и действий, направленных на вовлечение лица в преступную деятельность. Анализ следственной практики позволяет выделить типовые способы:

– создание искусственной ситуации, имитирующей благоприятные условия для преступления;

– активное предложение совершить противоправное деяние с обещанием выгод или гарантий безопасности;

– психологическое давление, включающее убеждение, уговоры, эксплуатацию материальной нужды;

– использование доверительных отношений или служебного положения;

– предоставление средств совершения преступления (орудий, информации, соучастников);

– создание видимости множественности предложений от «независимых» лиц.

В работе Кудрявцева В. Л., посвященной анализу 87 случаев провокации взятки в 2022–2024 годах, показано, что наиболее распространенным способом (в 54 % случаев) является создание ситуации, при которой провокатор сам выступает инициатором передачи денежных средств, настойчиво навязывая их должностному лицу [3, с. 89].

Механизм провокации представляет собой динамическую сторону преступной деятельности - последовательность действий и событий во времени и пространстве. Типичный механизм включает следующие стадии:

Первая – подготовительная: изучение личности потенциального объекта, его слабых сторон, жизненных обстоятельств. На этой стадии провокатор собирает информацию о материальном положении, психологических особенностях, социальных связях жертвы. Нередко используются методы наружного наблюдения, опрос окружения, анализ публичных данных.

Вторая – установление контакта и формирование доверия. Провокатор создает видимость случайного знакомства, общности интересов, дружеских отношений. Данные по ряду регионов показывают, что эта стадия может длиться от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от сложности планируемой операции.

Третья – непосредственное склонение к преступлению. Здесь картина неоднородная. Иногда это прямое предложение совершить конкретное деяние с детальным планом действий. В других случаях – постепенное «погружение» в криминальную среду через серию небольших правонарушений, создающих иллюзию безнаказанности.

Четвертая – документирование и контроль. На этой стадии провокатор обеспечивает фиксацию совершаемого преступления: ведет аудиозапись, применяет средства видеонаблюдения, привлекает понятых или негласных свидетелей. По данным исследования Панова Н. И., проведенного в 2023 году на базе Московского университета МВД, в 78 % случаев провокации имелась предварительная договоренность о фиксации преступления техническими средствами [4, с. 156].

Обстановка совершения провокации – совокупность условий, в которых происходит склонение к преступлению. Значение этого элемента трудно переоценить. Провокаторы целенаправленно выбирают время, место и обстоятельства, максимально способствующие достижению цели.

Типичные характеристики обстановки:

– изолированность от посторонних наблюдателей при сохранении возможности скрытой фиксации;

– создание срочности, ограничения времени на принятие решения;

– присутствие лиц, создающих видимость «надежности» операции;

– использование мест, ассоциирующихся с деловыми или дружескими встречами (кафе, офисы, автомобили).

В ряде случаев наблюдается устойчивая тенденция к использованию вечернего времени или вы-

ходных дней, когда у объекта снижена бдительность, он расслаблен и менее критичен в оценке происходящего. Статистика Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России за 2024 год свидетельствует, что 63% провокаций взятки происходят в период с 18:00 до 22:00 часов [5].

След преступления в контексте провокации имеет специфическое значение. Речь идет не столько о традиционных материальных следах, сколько о доказательственной информации, фиксирующей факт провокационных действий.

К числу таких следов относятся:

– аудио- и видеозаписи переговоров, демонстрирующие инициативную роль провокатора;

– документы, подтверждающие искусственное создание ситуации;

– показания свидетелей о поведении сторон;

– финансовые документы, раскрывающие источник денежных средств;

– служебная документация оперативных подразделений;

– данные детализации телефонных соединений, переписки в мессенджерах.

Практика, однако, демонстрирует иное: в значительной части случаев материалы оперативной фиксации оказываются неполными или тенденциозно отредактированными. Защита нередко сталкивается с ситуацией, когда предоставляются лишь фрагменты записей, где зафиксирован момент передачи денег, но отсутствует предшествующий контекст разговора.

Личность провокатора – ключевой элемент криминалистической характеристики. Понимание психологических, профессиональных и социальных особенностей лица, осуществляющего провокацию, критически важно для выявления и доказывания этого деяния.

Типологически провокаторов можно разделить на несколько групп:

Первая – сотрудники правоохранительных органов, превышающие полномочия при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Мотивы здесь могут быть различными: стремление улучшить показатели раскрываемости, личная неприязнь к объекту, коррупционная заинтересованность в привлечении определенных лиц к ответственности. Исследование Григорьева В. Н. показывает, что в 67 % изученных случаев провокации со стороны сотрудников полиции основным мотивом выступало желание «закрыть» статистические планы по определенным категориям преступлений [2, с. 125].

Вторая – лица, сотрудничающие с правоохранительными органами на негласной основе. Это могут быть внештатные сотрудники, конфиденциальные помощники, лица, работающие по изобличению в обмен на смягчение собственной ответственности. Их мотивация часто связана с получением вознаграждения, освобождением от уголовного преследования или местью.

Третья – частные лица, действующие по собственной инициативе. Мотивы: месть, желание устранить конкурента, шантаж, получение компромата для последующего использования. Это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов темы, поскольку действия таких провокаторов часто остаются латентными и сложно доказуемыми.

Психологический портрет типичного провокатора включает следующие черты:

– высокий уровень коммуникативных способностей, умение располагать к себе;

– способность к манипулированию, эксплуатации психологических слабостей;

– настойчивость, целеустремленность в достижении результата;

– готовность к обману, отсутствие моральных ограничений;

– нередко – наличие криминального опыта или специальной подготовки.

Данные психологического тестирования 34 лиц, осужденных за провокацию преступлений в 2022–2023 годах, демонстрируют повышенные показатели по шкалам макиавеллизма и психопатии, что подтверждает их склонность к манипулятивному поведению [6, с. 307].

Личность жертвы провокации также требует внимания. Анализ следственной практики позволяет выделить группы риска:

– должностные лица с широкими дискреционными полномочиями;

– лица, находящиеся в сложном материальном положении;

– лица с низким уровнем правовой грамотности;

– лица, ранее демонстрировавшие готовность к правонарушениям;

– лица с определенными личностными особенностями: внушаемостью, слабостью воли, зависимостью от чужого мнения.

Впрочем, эта закономерность прослеживается не во всех случаях. Встречаются ситуации, когда объектом провокации становились опытные, осторожные специалисты с безупречной репутацией. Здесь решающую роль играет мастерство провокатора и тщательность подготовки операции.

Центральная проблема правоприменительной практики – установление границы между допустимой оперативной работой и противоправной провокацией. Российское законодательство и позиция Европейского суда по правам человека выработали ряд критериев, позволяющих проводить такое разграничение.

Критерий предрасположенности. Если у лица до начала оперативного воздействия имелось намерение совершить преступление, и оперативные действия лишь создали условия для его реализации и документирования – это законная деятельность. Если же намерения не было, и оно сформировалось исключительно под влиянием провокатора – налицо провокация.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 года № 24 указал, что о наличии умысла на совершение преступления до начала оперативно-розыскного мероприятия могут свидетельствовать: предшествующее поведение лица, его высказывания, поиск орудий преступления, установление связей с возможными соучастниками [5].

Критерий инициативы. Кто выступает инициатором преступного деяния? Если инициатива исходит от самого правонарушителя, а оперативные сотрудники лишь реагируют на нее – провокации нет. Если же инициатором выступает представитель правоохранительных органов, активно склоняющий лицо к преступлению – это признак провокации.

Можно заметить, что на практике установление истинного инициатора часто затруднено. Стороны представляют противоположные версии событий, а объективные доказательства (аудио-, видеозаписи) либо отсутствуют, либо неполны.

Критерий настойчивости и давления. Однократное предложение совершить преступление, на которое лицо сразу согласилось, свидетельствует о его предрасположенности. Многократные предложения, уговоры, обещания выгод, создание искусственных затруднений – признаки провокационного воздействия.

В деле «Ваньян против России» (жалоба № 53203/99) Европейский суд по правам человека указал, что повторяющиеся контакты и настойчивые предложения со стороны агента могут свидетельствовать о провокации, особенно если первоначально лицо отказывалось от участия в преступлении [7, с. 218].

Критерий соразмерности. Допустимы ли примененные методы воздействия с точки зрения их интенсивности и характера? Использование угроз, шантажа, эксплуатация беспомощного состояния, создание безвыходной ситуации – явные признаки провокации, даже если у лица имелась общая криминальная направленность.

Критерий процессуальной регламентации. Проведены ли оперативные мероприятия в строгом соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»? Имелось ли надлежащее решение руководителя о проведении ОРМ? Соблюдены ли гарантии прав лица? Несоблюдение процедурных требований может свидетельствовать о выходе за пределы полномочий.

Анализ 152 приговоров по делам о провокации взятки, вынесенных судами Центрального федерального округа в 2023–2024 годах, показал, что в 44 % случаев суды признавали доказательства недопустимыми именно из-за существенных нарушений процедуры проведения оперативного эксперимента [3, с. 102].

Расследование дел о провокации преступлений сопряжено со значительными трудностями доказательственного характера. Специфика заключается в необходимости реконструкции не только объективной стороны деяния, но и субъективных намерений участников, динамики их взаимодействия.

Первоочередные следственные действия:

Допрос подозреваемого (обвиняемого) в провокации – критически важное мероприятие. Необходимо детально выяснить: как возникла идея проведения операции, кто и когда принимал решения, какова была последовательность действий, какие инструкции давались, каким образом осуществлялась фиксация. Особое внимание – противоречиям в показаниях относительно инициативы и активной роли сторон.

Допрос потерпевшего – лица, в отношении которого осуществлялась провокация. Здесь важно установить: при каких обстоятельствах состоялось знакомство с провокатором, кто первым заговорил о возможности совершения преступления, были ли ранее у него мысли о подобных действиях, оказывалось ли на него давление, какова была его внутренняя позиция.

Истребование и анализ материалов оперативно-розыскной деятельности: постановлений о проведении ОРМ, рапортов оперативных сотрудников, актов внедрения технических средств, аудио- и видеозаписей. Критически важна полнота предоставленных материалов. Защита вправе требовать не фрагментов, а полных записей всех контактов провокатора с потерпевшим.

Назначение экспертиз: фоноскопической для проверки подлинности и непрерывности аудиозапи-

сей, психологической для выявления признаков психологического давления, почерковедческой при наличии документов. В отдельных случаях назначается комплексная психолого-лингвистическая экспертиза для определения коммуникативной стратегии участников разговора, выявления инициативной роли.

Допрос свидетелей: коллег, родственников, знакомых потерпевшего, которые могут подтвердить или опровергнуть наличие у него до провокации намерения совершить преступление, его материальное положение, высказывания.

Типичные доказательства провокации:

– полные аудио- или видеозаписи, демонстрирующие настойчивость провокатора, его инициативную роль, возражения или колебания потерпевшего;

– показания свидетелей о предшествующем поведении и намерениях сторон;

– переписка в мессенджерах, СМС-сообщения;

– документы, свидетельствующие о нарушении процедуры проведения ОРМ;

– заключения экспертов;

– данные о материальном положении потерпевшего, его личности.

Процесс доказывания осложняется тем, что провокаторы, особенно имеющие профессиональную подготовку, умело выстраивают ситуацию, создавая видимость законности своих действий. Они избегают прямых высказываний, используют намеки, эксплуатируют ситуационные факторы [8, с. 84].

Криминалистическое содержание провокации преступления представляет собой сложную, многоэлементную структуру, требующую комплексного анализа. Ключевые элементы – способ, механизм, обстановка, следы и личность провокатора – находятся в тесной взаимосвязи, формируя целостную картину противоправной деятельности.

Основные выводы исследования сводятся к следующему. Во-первых, критерием разграничения законной оперативной работы и провокации является наличие у лица предрасположенности к совершению преступления до начала воздействия. Во-вторых, центральное значение имеет вопрос об инициативе: провокация характеризуется активной, настойчивой ролью провоцирующей стороны. В-третьих, доказывание факта провокации требует всесторонней реконструкции обстоятельств взаимодействия сторон, анализа полных, не отредактированных записей контактов.

Практическая значимость результатов состоит в формировании системного представления о структурных компонентах провокации, что может быть использовано следователями при расследовании уголовных дел по ст. 304 УК РФ, адвокатами – при построении защиты, судьями – при оценке допустимости доказательств.

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на нескольких направлениях: разработке методики выявления признаков провокации на ранних стадиях расследования; анализе зарубежного опыта правового регулирования провокационной деятельности; изучении психологических аспектов взаимодействия провокатора и жертвы. Также требует углубленного анализа проблема латентной провокации, осуществляемой частными лицами вне рамок оперативно-розыскной деятельности.

Представляется, что законодателю следует детализировать критерии допустимости оперативного воздействия, установив четкие процессуальные гарантии для лиц, в отношении которых проводятся оперативные мероприятия. Это позволит минимизировать риск злоупотреблений и повысить доверие общества к деятельности правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

2. Григорьев В. Н. Провокация преступления как форма злоупотребления правом в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 110–128.

3. Кудрявцев В. Л. Провокация взятки: проблемы квалификации и доказывания // Российский следователь. 2024. № 7. С. 85–106.

4. Панов Н. И. Способы фиксации доказательств при проведении оперативного эксперимента // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 153–170.

5. Аналитический обзор состояния преступности в сфере коррупции за 2024 год / Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России. Москва, 2024. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/56672721/

6. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.

7. Яровая М. В. Провокация преступления в практике Европейского суда по правам человека // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 5. С. 201–225.

8. Данилов В. В., Абдульмянова Т. В., Асанова И. П. Основы методики экспертного одорологического (запахового) исследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 82–90.

УДК 343.2/.7

ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 126 И 127 УК РФ К ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ РОДИТЕЛЕЙ ПО УДЕРЖАНИЮ РЕБЁНКА: ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Кяшкин Ярослав Олегович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: kyash.ya.oleg@ruc.su

APPLICATION OF ARTICLES 126 AND 127 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO PARENTS' ILLEGAL ACTIONS OF KEEPING THEIR CHILD: LIMITS OF CRIMINAL LEGAL QUALIFICATION IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE

Kyashkin Yaroslav Olegovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается криминалистическое содержание провокации преступления как многоаспектного феномена, требующего детального анализа. Исследуются ключевые элементы провокационных действий: способы, механизм, обстановка, след преступления и личность провокатора. Анализируются современные подходы к пониманию природы провокации в контексте оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. Особое внимание уделяется проблеме разграничения законной оперативной работы и противоправной провокации. На основе изучения следственной практики выявлены типичные признаки провокационной деятельности, формирующие ее криминалистическую характеристику. Практическая значимость работы состоит в систематизации знаний о структурных компонентах провокации, что может быть использовано при расследовании соответствующих уголовных дел.

Ключевые слова: провокация преступления, криминалистическая характеристика, способ провокации, оперативно-розыскная деятельность, превышение должностных полномочий, механизм преступления, следственная практика.

The article examines the forensic content of crime provocation as a multifaceted phenomenon requiring detailed analysis. Key elements of provocative actions are studied: methods, mechanism, environment, crime traces, and the personality of the provocateur. Modern approaches to understanding the nature of provocation in the context of operational-search activities and criminal proceedings are analyzed. Special attention is paid to the problem of distinguishing between lawful operational work and unlawful provocation. Based on the study of investigative practice, typical signs of provocative activity forming its forensic characteristics have been identified. The practical significance of the work lies in the systematization of knowledge about the structural components of provocation, which can be used in the investigation of relevant criminal cases.

Keywords: crime provocation, forensic characteristics, provocation method, operational-search activity, abuse of official authority, crime mechanism, investigative practice.

Уголовно-правовая охрана личной свободы человека традиционно рассматривается как одно из центральных направлений защиты личности, призванное обеспечивать реализацию конституционных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность. Вместе с тем данные судебной практики последних лет и изменения уголовного закона свидетельствуют, что именно в этой сфере наиболее отчётливо проявляются проблемы квалификации, связанные как с особенностями законодательной техники, так и с расширением круга случаев, фактически охватываемых составами преступлений против личной свободы человека.

Составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 126–128 УК РФ, отличаются сложной внутренней структурой и высокой степенью абстрактности описания объективных признаков, тем самым значительным образом затрудняя проведение чётких разграничений между смежными составами и приводит к расхождениям в подходах судов к квалификации сходных деяний. Отсутствие в законе легальных определений похищения человека и незаконного лишения свободы обусловливает то, что разграничение этих деяний осуществляется преимущественно на основе сочетания судебных разъяснений и доктринальных подходов, а не посредством закреплённых законодателем критериев.

Дополнительные трудности создаёт и конструкция квалифицированных и особо квалифицированных составов, включающая значительное число альтернативных признаков, относящихся к различным элементам состава преступления. В диспозиции ст. 127 УК РФ признак незаконности лишения свободы сформулирован в общем виде и не получает нормативного раскрытия, при этом отсутствуют специальные указания на цель или мотив деяния, а совокупность признаков, характеризующих потерпевшего, способ и последствия, выстроена неоднородно по сравнению с близкими по объекту нормами. В результате существенно расширяется пространство для оценочного усмотрения при выборе между конкурирующими нормами при квалификации.

Значительные затруднения возникают при рассмотрении дел, связанных с неисполнением решений суда о месте жительства ребёнка и порядке осуществления родительских прав. Действия одного из родителей, не лишённого родительских прав, самовольно изменяющего установленный судебным актом порядок места жительства ребёнка, в ряде случаев квалифицируются судами как незаконное

лишение свободы по ст. 127 УК РФ, при этом признак «незаконности» подменяется самим фактом уклонения от исполнения решения суда. Иными словами, вместо проверки того, выходит ли вмешательство за пределы допустимой реализации родительских полномочий и образует ли оно уголовно-правовое посягательство на личную свободу ребёнка, судам бывает достаточно установить формальное нарушение судебного акта. В подобных ситуациях объект уголовно-правовой охраны фактически подменяется: вместо личной свободы ребёнка в узком смысле, им фактически оказываются отношения по исполнению судебных актов и осуществлению родительских прав и обязанностей.

Также по смыслу ст. 126 УК РФ не признаётся похищением и удержание ребёнка его родителем, поскольку ребёнок находится со своим законным представителем, который не является субъектом данного преступления, а противоправное поведение родителя подлежит оценке через механизмы семейного и административного права. В подобных случаях действия родителя, не лишённого и не ограниченного в родительских правах, по общему правилу должны получать правовую оценку по ст. 19.1 КоАП РФ как самоуправство, тогда как уголовно-правовая ответственность уместна лишь при наличии признаков самоуправства, предусмотренного ст. 330 УК РФ, то есть самовольного, вопреки установленному порядку осуществления действительного или предполагаемого права, причинившего существенный вред другому родителю либо самому ребёнку, при том, что «существенный вред» сохраняет оценочный характер и определяется судом с учётом значимости нарушенных прав и последствий посягательства.

Позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации согласуется с этим подходом. В разъяснениях, подготовленных по обращениям граждан, указывается, что случаи изъятия родителем у другого родителя ребёнка и его удержания без согласия последнего, если такие действия совершаются в интересах ребёнка, не образуют состава преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ, а вопросы ответственности должны решаться с учётом конституционного принципа равенства прав и обязанностей родителей (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, ч. 1 ст. 61 СК РФ). В научной литературе, посвящённой так называемому «семейному киднеппингу», также подчёркивается, что в действующем УК РФ специально не предусмотрена ответственность за похищение собственного ребёнка, а конфликты родителей по поводу ребёнка изначально выводились законодателем за рамки ст. 126 УК РФ при конструировании данной правовой нормы [1–5].

Попытки криминализировать такие действия предпринимались на уровне законодательных инициатив, а также в ряде научных работ, однако значительной поддержки так и не получили [6–8]. Так, например, в работах, анализирующих проекты о введении специального состава похищения ребёнка одним из родителей, отмечается, что предложения о расширении уголовной ответственности встретили серьёзную критику именно ввиду несоответствия уголовно-правовых мер характеру семейных конфликтов и риска подмены семейно-правовых инструментов составами преступлений против свободы личности. В результате чего правовое регулирование по данному вопросу фактически остаётся прежним, а споры о месте жительства ребёнка и порядке общения с ним предполагают преимущественно семейно-правовые и административные способы реагирования, а не использование ст. 126 УК РФ как универсального механизма разрешения родительских споров.

На этом фоне особенно показателен приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 23 июня 2025 г. по делу Магомедкеримова М. Н., осуждённого по п.п. «д», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ за длительное удержание двух малолетних детей по месту своего проживания вопреки судебным решениям, определившим их место жительства с матерью [9]. Суд признал, что самовольное определение отцом места жительства детей, их нахождение в жилище без возможности свободно покинуть его в период с 10 июня 2021 г. по 4 января 2022 г., а также вывоз за пределы Российской Федерации образуют незаконное лишение свободы, не связанное с похищением, хотя конфликт изначально возник из спора о порядке осуществления родительских прав и исполнения судебных актов. Данный пример демонстрирует, как при отсутствии нормативного раскрытия признака незаконности лишения свободы состав ст. 127 УК РФ фактически используется для реагирования на семейно правовой конфликт, в котором отношения по исполнению судебных решений выходят на первый план по сравнению с посягательством на личную свободу ребёнка в собственном смысле.

При рассмотрении вопроса о наличии посягательства на личную свободу ребёнка необходимо учитывать специфику её реализации в несовершеннолетнем возрасте. В доктрине справедливо отмечается, что ребёнок является обладателем личной свободы как конституционного права, однако фактическая возможность самостоятельно определять своё местонахождение и порядок перемещения у малолетнего отсутствует, а соответствующие решения принимаются его родителями или иными законными представителями в пределах, предоставленных им законом полномочий и с учётом интересов ребёнка. Определение родителями места жительства ребёнка, режима его пребывания в жилище и

круга перемещений в обычной ситуации рассматривается как реализация родительских прав и исполнение обязанностей по воспитанию и содержанию, а не как посягательство на личную свободу, если такие меры не выходят за пределы установленного законом порядка и не свидетельствуют об очевидном злоупотреблении правом.

Соответственно, вопрос о квалификации действий родителя по ст. 127 УК РФ не может решаться лишь исходя из факта физического нахождения ребёнка в определённом месте вопреки судебному решению. Необходима оценка того, трансформируются ли реализуемые полномочия в произвольное лишение ребёнка свободы перемещения вне рамок законно установленного семейного устройства и вопреки его интересам, либо речь идёт о неправомерном способе защиты или реализации родительских прав, требующем семейно правовой, административной или, в крайних случаях, уголовно-правовой оценки уголовно-правовой оценки по ст. 330 УК РФ о самоуправстве.

Игнорирование этих особенностей приводит к тому, что отношения, связанные с исполнением судебных актов и осуществлением родительских прав, подменяют собой объект охраны норм о преступлениях против свободы личности. В результате состав ст. 127 УК РФ начинает использоваться для разрешения семейно-правовых конфликтов, для которых изначально предназначены механизмы семейного, гражданского процессуального и административного права, тогда как уголовно-правовая оценка должна сохраняться за случаями реального произвольного лишения ребёнка свободы перемещения, не обусловленного законными родительскими полномочиями и явно противоречащего его интересам.

Похожие трудности возникают и за пределами семейных споров по делам, где ограничение свободы перемещения не является самостоятельной целью виновного, а лишь сопутствует иным посягательствам (например, причинению вреда здоровью, вымогательству, имущественным преступлениям). В таких ситуациях встаёт вопрос, подлежит ли лишение свободы самостоятельной квалификации по ст. 127 УК РФ либо полностью поглощается основным составом, что вновь зависит от того, насколько обоснованно суд определяет пределы уголовно правовой охраны личной свободы.

Классические для доктрины уголовного права разграничительные критерии между ст. 126 и 127 УК РФ исходят из того, что похищение человека предполагает, как правило, совокупность действий по захвату, перемещению и последующему удержанию потерпевшего вне привычной для него среды, тогда как при незаконном лишении свободы основным элементом является ограничение возможности свободного передвижения при сохранении исходного местонахождения лица. Однако в реальной практике, особенно в семейно-правовых и имущественных конфликтах, фактические действия виновного нередко сочетают в себе признаки обеих конструкций, а оценка наличия либо отсутствия «изъятия из среды» приобретает формальный характер.

В этих условиях именно признак незаконности лишения свободы и его толкование играют ключевую роль при проведении судами границы между составами ст. 126 и 127 УК РФ, а также при решении вопроса о том, имеется ли в конкретной ситуации посягательство на личную свободу как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Оценочный характер данного признака при отсутствии его нормативного раскрытия и на фоне абстрактности законодательного описания объективной стороны составов ст.ст. 126–127 УК РФ становится одной из основных причин разнородности и отсутствия должного единобразия судебной практики.

Представляется целесообразным, с одной стороны, нормативно конкретизировать признак незаконности лишения свободы применительно к ст. 127 УК РФ, по крайней мере через указание на его связь с отсутствием законных оснований и пределов ограничения свободы, несоблюдением установленных процедур, а также очевидной несоразмерностью вмешательства заявленной цели. С другой стороны, важным направлением является развитие разъяснений высших судебных инстанций, прямо фиксирующих недопустимость подмены объекта уголовно-правовой охраны в делах, где в действительности затрагиваются преимущественно семейные, имущественные или иные отношения.

Совокупность указанных мер могла бы способствовать более чёткому разграничению похищения человека и незаконного лишения свободы, сокращению числа пограничных ситуаций, в которых исход квалификации определяется преимущественно оценочным усмотрением суда, а также укреплению принципов справедливости и предсказуемости уголовной ответственности за посягательства на личную свободу человека.

ЛИТЕРАТУРА

1.Городнова, О. Н. Похищение ребенка одним из родителей как уголовно наказуемое деяние / О. Н. Городнова // Вестник ЧГУ. 2012. №1. С. 129–135.

2.Тютюнник, И. Г. Объект похищения человека / И. Г. Тютюнник // Российский следователь. 2007. № 12. С. 16–18.

3.Ушакова, Е. В. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации объективных признаков похищения человека / Е. В. Ушакова // Российский следователь. 2010. № 18. С. 22–25.

4.Настольная книга судьи по уголовным делам / Г. А. Есаков [и др.] Москва : Проспект, 2008. 569 с.
5.Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / Иногамова-Хегай [и др.] Москва : ИНФРА-М, 2013. 350 с.
6.Иванова, Е. В. Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей / Е. В. Иванова // Актуальные проблемы российского права. 2019. №11 (108). С. 104–112.
7.Фролова, А. А. Похищение ребенка одним из родителей как уголовно наказуемое деяние / А. А. Фролова // Актуальные проблемы публичного права : сборник научных трудов на II Международной научно-практической конференции, Владимир, 24–25 декабря 2020 года. Том Выпуск 13. Владимир : Шерлок-Пресс, 2021. С. 479–482.
8.Жилина, В. А., Васильев, А. М. Уголовная ответственность за похищение несовершеннолетнего (малолетнего) лица одним из его родителей / В. А. Жилина, А. М. Васильев // Вестник науки и творчества. 2024. №5 (96). С. 34–37.
9.Приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 23.06.2025 по делу № 1-288/2025 в отношении Магомедкеримова М. Н. по п.п. «д», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ – URL: https://m.mos-gorsud.ru/rs/nagatinskij/cases/docs/content/13164e90-50bf-11f0-a334-932ec8120b89

УДК 343.2/.7

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РФ

Кяшкин Ярослав Олегович, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: i.p.asanova@ruc.su; kyash.ya.oleg@ruc.su

EVOLUTION OF CRIMINAL PROTECTION OF PERSONAL FREEDOM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kyashkin Yaroslav Olegovich, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается историко-правовое развитие уголовно-правовой охраны свободы личности в России от древнерусского права до действующего УК РФ. Показано, как имущественно-сословное понимание посягательств на лицо постепенно сменяется признанием личной свободы самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты, формирующим современную систему преступлений, закреплённую в главе 17 УК РФ.
Ключевые слова: свобода личности, преступления против свободы личности, личная свобода, уголовно-правовая охрана, историко-правовой анализ, глава 17 УК РФ.

The article examines the historical and legal development of the criminal legal protection of personal freedom in Russia, from Old Russian law to the current Criminal Code of the Russian Federation. It shows how the property-based understanding of encroachments on a person is gradually replaced by the recognition of personal freedom as an independent object of criminal legal protection, which forms the modern system of crimes enshrined in Chapter 17 of the Criminal Code of the Russian Federation.
Keywords: personal freedom, crimes against personal freedom, personal liberty, criminal legal protection, historical and legal analysis, Chapter 17 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Право на свободу личности в современной российской доктрине и конституционно-правовом регулировании рассматривается как одно из ключевых, системообразующих прав человека, выступающее структурным элементом личной (гражданской) свободы и опорой для реализации всех иных субъективных прав и свобод. Основной закон РФ закрепляет приоритет человека, его прав и свобод как высшей ценности и возлагает на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите, подчеркивая неотчуждаемый характер основных прав и свобод и их принадлежность каждому от рождения, что в полной мере относится и к праву на свободу и личную неприкосновенность. Также достаточно большое количество международных конвенций и деклараций предусматривают запрет ограничения личной свободы [1, с. 730].

Вместе с тем устойчивый характер и многообразие посягательств на свободу личности, выражающихся прежде всего в незаконном лишении свободы, похищении человека и иных формах противоправного ограничения личной свободы, свидетельствуют о сохраняющейся высокой криминологической значимости данной группы преступлений. Правоприменительная практика по прежнему демонстрирует значительные трудности, связанные с выявлением и доказыванием признаков составов преступлений против свободы личности, их разграничением с смежными посягательствами и обеспечением единообразной квалификации, что обуславливает необходимость комплексного историко-правового анализа эволюции уголовно-правовой охраны свободы личности и критической оценки современных подходов к конструированию составов и их применению в судебно-следственной практике.

В этой связи обращение к историческому развитию правовых норм, регулирующих ответственность за посягательства на свободу личности, позволяет выявить, на каких этапах свобода личности начала рассматриваться законодателем как отдельный, непосредственный объект уголовно-правовой охраны и какие модели её защиты предлагались на различных этапах становления отечественного уголовного законодательства. Историко-правовые и уголовно-правовые исследования показывают, что в древнерусском и раннем московском праве посягательства на человека преимущественно квалифицировались через призму имущественных и сословных интересов, а свобода личности как таковая не выделялась в качестве отдельного объекта защиты. Лишь по мере усложнения социальной структуры, формирования кодифицированных актов и развития научных представлений о правах человека в уголовном законодательстве Российской империи и последующих периодов появляются специальные составы, прямо ориентированные на охрану личной свободы, что в результате обусловило формирование современной системы преступлений против свободы личности в рамках главы 17 УК РФ.

Право Древней Руси не знало самостоятельной категории преступлений против свободы личности, в связи с чем соответствующие посягательства не выделялись в особую группу и рассматривались в рамках иных составов, прежде всего имущественных и сословных преступлений. В Русской Правде и последующих судебниках основным объектом охраны выступали интересы собственника и устойчивость сложившихся форм зависимости, тогда как личная свобода зависимых слоёв населения не воспринималась законодателем как самостоятельная ценность. Показательно, что похищение холопа квалифицировалось как разновидность кражи с причинением ущерба владельцу, причём размер штрафа за такое посягательство нередко превышал сумму, назначавшуюся за лишение жизни зависимого лица, что на уровне санкций наглядно демонстрировало приоритет вещно имущественного и сословного начала над идеей индивидуальной свободы.

Дальнейшее развитие норм, имеющих значение для становления уголовно-правовой охраны свободы личности, связано с судебниками конца XV – середины XVI века и последующей кодификацией. В Судебнике 1497 г. закрепляется состав так называемой «головной татьбы» – похищения людей, преимущественно холопов, за которое устанавливалась смертная казнь, причём аналогичный подход сохраняется и в Судебнике 1550 г. В научной литературе подчёркивается, что столь суровое наказание было обусловлено, прежде всего, стремлением законодателя защитить имущественные интересы владельцев и стабильность сословного строя, а не личную свободу похищаемых лиц, которая по-прежнему не выделялась в качестве самостоятельного объекта уголовно правовой охраны.

В то же время в Судебнике 1550 г. появляются нормы, которые в ретроспективе следует рассматривать как первые шаги к ограничению произвольного лишения свободы, например запрет «холопить» свободнорожденных детей, а также правила, направленные против незаконного заключения под стражу без ведома выборных представителей местного сообщества. Данные положения, несмотря на их сословную окраску, фактически сдерживали злоупотребления властью и формировали зачатки гарантий личной свободы, что имеет принципиальное значение для понимания ранних стадий формирования институтов, близких к современному запрету произвольного лишения свободы. На наш взгляд, именно здесь впервые проявляется попытка ограничить усмотрение властных субъектов при решении вопроса о лишении лица свободы.

Весьма значимым этапом в развитии норм, имеющих значение для охраны личной свободы, стало принятие Соборного Уложения 1649 г., которое существенно расширило и систематизировало ответственность за посягательства на личную свободу и иные блага личности, хотя указанный объект ещё не рассматривался законодателем в качестве самостоятельной категории уголовно-правовой охраны. В историко-правовой литературе отмечается, что Уложение устанавливает суровые меры за похищение женщин и иные деяния, сопряжённые с насильственным посягательством на их честь и целомудрие, а также предусматривает специальные составы, связанные с принудительным переводом лиц в зависимое состояние. При этом объект охраны по-прежнему носит комплексный характер, наряду с фактическим ограничением свободы законодатель защищает семейные, сословные и нравственные устои, а личная свобода выступает лишь одним из элементов этой совокупности, не будучи чётко выделенной в качестве самостоятельной уголовно-правовой ценности. Это в свою очередь позволяет отнести Соборное Уложение к раннему кодификационному этапу развития уголовного законодательства, когда свобода личности уже получает определённые нормативные очертания, но ещё не занимает самостоятельного, центрального места в системе уголовно-правовых ценностей.

Дальнейшая эволюция уголовного законодательства Российской империи свидетельствует о постепенном отходе от исключительно сословно имущественного понимания посягательств на человека и о движении в сторону признания личной свободы самостоятельным объектом правовой охраны.

Так, в правовых актах XVIII–XIX вв. ответственность за похищение людей, обращение свободных лиц в зависимое состояние и незаконное удержание сопровождается ужесточением санкций вплоть до каторжных работ и лишения всех прав состояния, однако соответствующие деяния по-прежнему, на что последовательно указывает доктрина, нередко рассматриваются как квалифицированные виды кражи либо как посягательства на семейный и сословный порядок. Вместе с тем уже в этот период формируются предпосылки для перехода к более системному подходу, в законодательстве закрепляются специальные нормы о незаконном лишении свободы и злоупотреблениях должностных лиц, связанных с необоснованным заключением под стражу, что в свою очередь свидетельствует о всё более возрастающем внимании государства к гарантиям личной свободы.

Качественный перелом в подходе к охране личной свободы связан с принятием Уголовного уложения 1903 г. Именно в нём личная свобода впервые получает выражение в виде самостоятельного комплекса уголовно правовых норм, объединённых в отдельной главе, предусматривающей ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека, незаконное заключение под стражу и ряд родственных составов. Структурное обособление этих деяний от иных посягательств на личность следует рассматривать как закрепление личной свободы в качестве самостоятельного непосредственного объекта уголовно правовой охраны и как отправную точку для последующей эволюции преступлений против свободы личности в советском и современном российском уголовном праве. Именно с этого, кодификационного дореволюционного этапа, начинается собственно история специальных уголовно-правовых норм о преступлениях против свободы личности в узком значении [2].

Советский этап развития уголовного законодательства демонстрирует заметное изменение подходов к пониманию и уголовно-правовой охране свободы личности по сравнению с дореволюционным правом. С одной стороны, свобода декларируется как одно из важнейших социалистических благ, обеспечиваемых государством трудящихся, с другой же стороны в реальной уголовно правовой регламентации приоритет зачастую отдается защите интересов государства и общественного строя, накладывая отпечаток на объём и содержание уголовно-правовой охраны личной свободы. УК РСФСР 1922 и 1926 гг. закрепляют ряд составов, направленных на пресечение незаконного лишения свободы и связанных с ним злоупотреблений, однако часть деяний, традиционно относимых к преступлениям против свободы личности (например, формы торговли людьми), в советском праве либо прямо не выделяется, либо воспринимается как «чуждая» социалистическому обществу категория. Тем самым указанные кодексы в качестве преступлений против свободы личности предусматривали похищение ребенка и похищение совершеннолетнего лица [2, с. 20].

УК РСФСР 1960 г. в целом развивает заложенные ранее подходы и закрепляет систему преступлений против личности, внутри которой сохраняется выделение, в том числе, составов, посягающих на личную свободу. В доктрине обращается внимание, что, сохраняя традиционную для отечественного права группировку преступлений против личности на посягательства против жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства, советский законодатель заметно сужает круг форм уголовно-правовой реакции на деяния против свободы личности, опираясь на идеологическую установку о невозможности ряда видов эксплуатации и фактического порабощения в социалистическом обществе. Тем самым в качестве преступного деяния законодательно была признана торговля несовершеннолетними лицами лишь после распада СССР [3, с. 15].

Вместе с тем институты незаконного лишения свободы, принудительного помещения в психиатрические учреждения, злоупотребления должностными полномочиями, сопряжённые с неправомерным ограничением свободы граждан, получают достаточно детальную нормативную разработку. В свою очередь это говорит о сохранении высокой значимости личной свободы как охраняемого блага, пусть и в специфической политико-правовой форме.

Переход к новому этапу развития охраны свободы личности связан с принятием УК РФ 1996 г., который формирует действующую в настоящее время модель преступлений против свободы личности, системно увязанную с преступлениями против чести и достоинства. Законодатель объединяет соответствующие составы в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», тем самым институционализируя результат длительной исторической эволюции, в ходе которой личная свобода последовательно выделялась из массы иных благ личности. В данной главе закрепляются, в частности, похищение человека, незаконное лишение свободы, использование рабского труда и ряд иных деяний, непосредственно посягающих на возможность лица самостоятельно распоряжаться собой, выбирать место пребывания и образ жизни.

Важной особенностью постсоветского периода является возвращение в уголовное законодательство тех форм посягательств на свободу личности, которые длительное время фактически игнориро-

вались или оценивались как невозможные в отечественной правовой системе. Речь идёт прежде всего о преступлениях, связанных с торговлей людьми, эксплуатацией и фактическим порабощением, что наглядно проявляется в появлении в УК РФ специальных норм об использовании рабского труда и иных формах эксплуатации. Тем самым законодатель во многом возрождает элементы дореволюционной традиции уголовно-правовой охраны личной свободы, адаптируя их к современным социально-экономическим реалиям и международным обязательствам России в сфере противодействия торговле людьми и иным тяжким посягательствам на свободу личности.

Таким образом проведённый обзор позволяет констатировать, что эволюция уголовно-правовой охраны свободы личности в России представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, в рамках которого постепенно преодолевается первоначально доминировавшее имущественно сословное понимание посягательств на лицо и утверждается идея личной свободы как самостоятельной ценности и непосредственного объекта уголовно-правовой охраны и защиты. На разных исторических этапах от древнерусских памятников права и Соборного Уложения до дореволюционных кодификаций, советского законодательства и действующего УК РФ изменяются не только перечень и конструкция составов преступлений против свободы личности, но и их место в системе охраняемых благ, что в совокупности обусловило современную конфигурацию главы 17 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юхнина, Н. С. Свобода личности как объект уголовно-правовой охраны / Н. С. Юхнина // Верховенство права: человек в государстве: сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 24 октября 2019 года. Ижевск : Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2019. С. 729–733.

2. Вележев, С. И. Вопросы уголовно-правовой регламентации противоправных деяний против свободы личности в истории России / С. И. Вележев // Вестник Самарского юридического института. 2024. №1 (57). С. 17–22.

3. Жинкин, А. А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 25 с.

УДК 343.9

ВОЗРАСТНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Липатов Антон Александрович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810217@ruc.su

AGE PERIODIZATION AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS AS DETERMINANTS OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION

Lipatov Anton Alexandrovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается взаимосвязь между возрастными характеристиками человека, его психофизиологическими особенностями и спецификой информации, значимой для криминалистической практики. Анализируются современные подходы к возрастной периодизации в контексте формирования способности к восприятию, запоминанию и воспроизведению криминалистически значимых сведений. Исследуется влияние нейрофизиологических процессов, характерных для различных возрастных групп, на качество свидетельских показаний и иных форм доказательственной информации. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к получению и оценке информации от лиц разного возраста с учетом их психофизиологических возможностей. Предлагаются практические рекомендации по совершенствованию тактики следственных действий.

Ключевые слова: возрастная периодизация, психофизиологические особенности, криминалистически значимая информация, свидетельские показания, следственные действия, память, восприятие

The article examines the relationship between a person’s age characteristics, psychophysiological features, and the specifics of information relevant to forensic practice. Modern approaches to age periodization are analyzed in the context of forming the ability to perceive, memorize, and reproduce forensically significant information. The influence of neurophysiological processes characteristic of different age groups on the quality of witness testimony and other forms of evidentiary information is investigated. The necessity of a differentiated approach to obtaining and evaluating information from persons of different ages, taking into account their psychophysiological capabilities, is substantiated. Practical recommendations for improving investigative tactics are proposed.

Keywords: age periodization, psychophysiological features, forensically significant information, witness testimony, investigative actions, memory, perception

Способность человека к адекватному восприятию событий преступления и последующему воспроизведению связанных с ними обстоятельств определяется совокупностью биологических, психо-

логических и социальных факторов, изменяющихся на протяжении жизни. Нейрофизиологические исследования последних лет, выполненные на базе МГУ имени М. В. Ломоносова и Института мозга человека РАН, демонстрируют существенную вариативность когнитивных процессов в зависимости от возраста субъекта [1, с. 93]. При этом речь идет не о линейной деградации или развитии способностей – картина здесь куда более сложная и неоднородная.

Детский возраст характеризуется высокой пластичностью нервной системы, однако именно эта пластичность создает предпосылки для искажения воспринятой информации под влиянием внешних факторов. Дошкольники (3–7 лет) воспринимают события фрагментарно, выхватывая отдельные яркие детали и нередко дополняя пробелы элементами фантазии. Согласно исследованиям Холмовской Н. А., проведенным в 2023 году на материале анализа 127 случаев допроса несовершеннолетних свидетелей, дети до 7 лет способны точно воспроизвести лишь 34 % деталей наблюдаемого события, при этом остальная информация включает либо домысленные элементы, либо данные, внушенные взрослыми при предварительных беседах [2, с. 24].

Младший школьный возраст (7–11 лет) отличается постепенным формированием произвольного внимания и логической памяти. Дети этого периода уже способны к последовательному изложению событий, однако временны́е оценки остаются крайне неточными.

По данным Семеновой И. В., анализировавшей протоколы допросов несовершеннолетних в Центральном федеральном округе за 2022–2024 годы, ошибка в оценке продолжительности события у детей 7–9 лет может достигать 300 % [3, с. 35]. Десятилетний свидетель может оценить пятиминутный эпизод как получасовой или, напротив, сжать в восприятии двадцатиминутное событие до «нескольких минут».

Подростковый возраст (12–17 лет) представляет особый интерес. С одной стороны, когнитивные функции приближаются к уровню взрослого человека: развита способность к анализу, критическому осмыслению, точной фиксации деталей. С другой стороны, Григорьев А. С. и Белова Т. Н. фиксируют у подростков повышенную склонность к аффективному искажению воспоминаний под влиянием эмоционального состояния в момент допроса [4, с. 19]. Подросток может намеренно умалчивать о части обстоятельств из страха перед последствиями, из солидарности с группой сверстников или, напротив, преувеличивать отдельные детали для привлечения внимания.

Здесь стоит сделать оговорку: речь идет не столько о сознательной лжи, сколько о специфической трансформации памяти под влиянием актуального психоэмоционального фона.

Период ранней и средней зрелости (18–55 лет) традиционно рассматривается как оптимальный с точки зрения надежности свидетельских показаний. Действительно, в этом возрасте наблюдается баланс между сохранностью когнитивных функций, жизненным опытом и относительной устойчивостью к внешним воздействиям. Впрочем, это справедливо не для всех случаев. Как показывают материалы экспертных исследований, проведенных в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России в 2024 году, качество воспроизведения информации взрослыми свидетелями существенно варьируется в зависимости от профессиональной деятельности, образовательного уровня и индивидуально-психологических особенностей.

Явление «туннельного внимания», описанное в работах Антоновой Л. М., заключается в сужении фокуса восприятия на отдельную деталь – чаще всего на источник угрозы (оружие, лицо нападавшего) – при одновременном игнорировании периферийных деталей [5, с. 49]. Свидетель может детально описать пистолет, направленный в его сторону, но оказаться неспособным воспроизвести одежду преступника, обстановку помещения, наличие соучастников.

Возрастные особенности реакции на стресс также неоднородны. Дети дошкольного возраста нередко вытесняют травмирующие воспоминания, замещая их нейтральными или позитивными образами. Подростки склонны к гипертрофированной эмоциональной реакции с последующим искажением фактической стороны события. Пожилые люди при интенсивном стрессе могут испытывать временную дезориентацию, что затрудняет формирование связного воспоминания.

Отдельного внимания заслуживает феномен ложных воспоминаний. Экспериментальные исследования, проведенные на кафедре психологии МГУ в 2024 году, показали, что при повторных допросах с использованием наводящих вопросов у 37 % испытуемых формировались устойчивые ложные воспоминания о деталях, которых в действительности не было. При этом субъективная уверенность в истинности таких воспоминаний не отличалась от уверенности в подлинных воспоминаниях. Особенно уязвимы к формированию ложных воспоминаний дети до 10 лет и лица пожилого возраста с начальными признаками когнитивного снижения.

Здесь возникает принципиальный вопрос: как дифференцировать подлинное воспоминание от ложного в условиях следственной практики? Однозначного ответа нет. Однако комплексное исполь-

зование психофизиологических методик, включая анализ микровыражений, речевых паттернов, вегетативных реакций, позволяет с определенной степенью вероятности выявлять признаки неискренности или неуверенности допрашиваемого лица.

Дифференцированный подход к проведению следственных действий предполагает учет не только формального возраста участника, но и его функционального состояния, индивидуально-психологических характеристик, условий восприятия события.

При допросе несовершеннолетних свидетелей и потерпевших рекомендуется:

– проводить допрос в привычной для ребенка обстановке с участием педагога или психолога;

– использовать свободный рассказ с минимальным количеством уточняющих вопросов на первом этапе;

– избегать сложных грамматических конструкций и абстрактных понятий;

– фиксировать не только содержание показаний, но и эмоциональные реакции, невербальные проявления;

– не допускать повторных допросов без крайней необходимости ввиду высокого риска формирования ложных воспоминаний;

– применять методы визуализации (рисунок, схема, макет) для облегчения воспроизведения пространственных характеристик события.

Для лиц среднего возраста оптимальной тактикой является сочетание свободного рассказа с последующей детализацией отдельных эпизодов. Целесообразно использовать метод когнитивного интервью, предполагающий мысленное восстановление контекста события, воспроизведение его с различных перцептивных позиций, в обратной хронологической последовательности. Григорьев А. С., применявший данный метод при расследовании серии краж в Московской области в 2023–2024 годах, отмечает повышение объема воспроизводимой информации на 28–35 % по сравнению со стандартной методикой допроса [4, с. 21].

При работе с пожилыми свидетелями необходимо учитывать:

– повышенную утомляемость, требующую сокращения продолжительности допроса;

– возможность наличия нарушений слуха или зрения, требующих создания соответствующих условий;

– склонность к детализации второстепенных обстоятельств в ущерб существенным;

– необходимость неоднократного возвращения к ключевым эпизодам для преодоления трудностей извлечения информации из долговременной памяти;

– повышенный риск конфабуляций при настойчивых попытках «вспомнить во что бы то ни стало».

Впрочем, эта закономерность прослеживается не во всех случаях. Отдельные пожилые свидетели демонстрируют когнитивные способности, сопоставимые с лицами среднего возраста, что требует индивидуальной оценки в каждой конкретной ситуации.

Универсальным принципом, применимым ко всем возрастным группам, является недопустимость психологического давления, использования наводящих вопросов, формирования у допрашиваемого лица ожиданий относительно «правильных» ответов. Качество криминалистически значимой информации определяется не столько объективными возможностями памяти свидетеля, сколько условиями, в которых осуществляется ее извлечение и фиксация.

Развитие нейровизуализационных технологий (функциональная магнитно-резонансная томография, позитронно-эмиссионная томография, электроэнцефалография высокого разрешения) открывает новые возможности для объективной оценки процессов формирования и воспроизведения воспоминаний. В настоящее время ведутся экспериментальные исследования по использованию данных методов в судебной практике США, Великобритании, Израиля. Для российской правовой системы вопрос о допустимости такого рода доказательств остается открытым.

Другим перспективным направлением является разработка компьютеризированных систем анализа речевых и поведенческих паттернов допрашиваемых лиц. Алгоритмы машинного обучения, обученные на массивах реальных протоколов допросов, потенциально способны выявлять признаки неискренности или ошибок памяти с точностью, превышающей возможности человека-эксперта. Данные по ряду пилотных проектов, реализованных в 2024–2025 годах на базе ведущих криминалистических учреждений, пока недостаточны для однозначного вывода об эффективности таких систем.

Третье направление связано с совершенствованием методик работы с особыми категориями свидетелей: лицами с расстройствами аутистического спектра, с интеллектуальными нарушениями, с посттравматическими стрессовыми расстройствами. Эти категории требуют специфических подходов, разработка которых находится на начальной стадии.

Возрастная периодизация и психофизиологические особенности человека представляют собой объективные детерминанты, определяющие характер, объем и достоверность криминалистически значимой информации. Игнорирование этих факторов в следственной практике неизбежно ведет к получению неполных, искаженных или недостоверных сведений, что негативно сказывается на качестве расследования и справедливости судебных решений.

Современный уровень развития нейрофизиологии, психологии памяти, когнитивных наук создает фундамент для научно обоснованного подхода к получению и оценке доказательственной информации от лиц различных возрастных групп. Внедрение дифференцированных тактических приемов, учитывающих индивидуальные особенности восприятия, запоминания и воспроизведения информации, позволяет существенно повысить эффективность следственных действий.

Вместе с тем необходимо признать, что многие аспекты взаимосвязи между возрастом, психофизиологическим состоянием и качеством свидетельских показаний остаются недостаточно изученными. Требуется проведение масштабных междисциплинарных исследований с участием криминалистов, психологов, нейрофизиологов, специалистов в области искусственного интеллекта. Только интеграция усилий различных научных направлений позволит создать целостную систему методов работы с криминалистически значимой информацией, учитывающую весь спектр возрастных и индивидуальных особенностей человека.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их применения при подготовке следователей, разработке методических рекомендаций, совершенствовании процессуального законодательства в части регламентации порядка получения показаний от различных категорий участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева Н. Н., Каримова Е. Д. Нейрофизиологические основы возрастных изменений когнитивных функций. Москва: Издательство МГУ, 2023. 286 с.

2. Холмовская Н. А. Достоверность показаний несовершеннолетних свидетелей: экспериментальное исследование // Криминалистъ. 2023. № 4 (44). С. 23–28.

3. Семёнова И. В. Особенности допроса несовершеннолетних свидетелей: процессуальные и психологические аспекты // Законность. 2024. № 7. С. 34–39.

4. Григорьев А. С., Белова Т. Н. Когнитивное интервью как метод повышения эффективности допроса свидетелей // Российский следователь. 2024. № 5. С. 18–23. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54291037

5. Антонова Л. М. Психофизиологические аспекты восприятия криминальных событий в условиях стресса // Вестник криминалистики. 2023. № 2 (86). С. 45–52. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53784621

УДК 343.9

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Липатов Антон Александрович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810217@ruc.su

CLASSIFICATION OF MINOR VICTIMS AND WITNESSES IN THE SYSTEM OF FORENSIC KNOWLEDGE

Lipatov Anton Alexandrovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе рассматриваются актуальные подходы к систематизации несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Анализируются критерии дифференциации потерпевших и свидетелей по возрастным, психологическим и процессуальным признакам. Особое внимание уделено специфике взаимодействия следователя с различными категориями несовершеннолетних при производстве следственных действий. Предложена многоуровневая классификация, учитывающая не только формально-юридический статус, но и виктимологические характеристики, степень психической травматизации, особенности когнитивного развития. Результаты могут быть использованы при разработке методических рекомендаций по расследованию преступлений с участием несовершеннолетних, а также в образовательном процессе при подготовке следователей и дознавателей.

Ключевые слова: несовершеннолетние потерпевшие, несовершеннолетние свидетели, криминалистическая классификация, тактика допроса, виктимология, следственные действия, психологические особенности

The paper examines current approaches to systematization of juvenile participants in criminal proceedings on the prosecution side. The criteria for differentiating victims and witnesses by age, psychological and procedural characteristics are analyzed. Particular attention is paid to the specifics of investigator’s interaction with various categories of minors during investigative actions. A multi-level classification is proposed that takes into account not only the formal legal status, but also victimological characteristics,

degree of mental traumatization, and features of cognitive development. The results can be used in developing methodological recommendations for investigating crimes involving minors, as well as in educational process for training investigators.
Keywords: juvenile victims, juvenile witnesses, forensic classification, interrogation tactics, victimology, investigative actions, psychological characteristics

Процессуальный статус несовершеннолетнего определяется его отношением к расследуемому событию. Потерпевший – лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Свидетель – лицо, которому могут быть известны обстоятельства, подлежащие установлению. Казалось бы, разграничение очевидно.

Практика, однако, демонстрирует иное. Ребенок, ставший очевидцем избиения матери, формально выступает свидетелем – но психологически переживает событие как собственную травму, демонстрирует симптомы посттравматического стресса, идентичные реакциям непосредственного потерпевшего. Несовершеннолетний, подвергшийся сексуальному насилию, одновременно является и потерпевшим по этому факту, и свидетелем – если в ходе того же эпизода пострадали другие лица. Жесткое процессуальное разграничение здесь не учитывает психологическую реальность.

Как отмечает М. М. Коченов в монографии 2023 года, посвященной судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних, «формальный процессуальный статус не совпадает с психологическим переживанием события, что создает методические проблемы при производстве допросов» [1, с. 147]. Автор анализирует 340 уголовных дел и фиксирует: в 62 % случаев несовершеннолетние свидетели демонстрировали психофизиологические реакции, характерные для потерпевших – избегание, повышенную тревожность при упоминании обстоятельств дела, соматические проявления стресса.

Это заставляет пересмотреть саму логику классификации. Недостаточно опираться исключительно на процессуальный критерий – требуется многомерная модель, включающая психологический, виктимологический и криминалистический компоненты.

Первый уровень классификации – возрастной. Здесь выделяют несколько групп, каждая из которых характеризуется специфическими когнитивными и коммуникативными возможностями.

Дети дошкольного возраста (3–7 лет) обладают ограниченной способностью к последовательному изложению событий, высокой внушаемостью, склонностью к фантазированию и смешению реальных впечатлений с воображаемыми. Согласно исследованию Т. Н. Секераж, выполненному на базе СК России по Ростовской области, при допросе детей 4–6 лет уровень противоречий в показаниях достигает 43 %, причем в большинстве случаев это не ложь, а результат несформированности механизмов произвольной памяти [2, с. 91]. Автор предлагает использовать методики свободного рассказа с минимальным количеством уточняющих вопросов и обязательным видеофиксированием для последующего анализа невербальных реакций.

Младший школьный возраст (7–11 лет) характеризуется более устойчивым вниманием и способностью к логическому изложению, но сохраняется высокая зависимость от эмоционального состояния и авторитета взрослого. Ребенок этого возраста может давать подробные показания – но легко меняет их под влиянием наводящих вопросов или давления со стороны родственников.

Подростковый возраст (12–18 лет) – наиболее противоречивая группа. С одной стороны, развиты абстрактное мышление и критическая оценка событий. С другой – выражены негативизм, стремление к эмансипации от взрослых, склонность к аффективным реакциям. По данным Центра защиты прав и интересов детей, именно подростки 14–17 лет чаще всего отказываются от ранее данных показаний (в 31 % случаев), причем мотивация отказа редко связана с давлением – чаще это попытка самостоятельно «управлять ситуацией» или защитить значимых лиц.

Возрастная классификация, впрочем, не абсолютна. Темпы психического развития индивидуальны, и хронологический возраст не всегда соответствует психологическому. Пятнадцатилетний подросток с задержкой психического развития может демонстрировать когнитивные возможности десятилетнего ребенка, что требует адаптации тактики допроса. Здесь неизбежно встает вопрос о необходимости предварительной психологической диагностики – но на практике она проводится лишь в 18 % случаев, когда у следователя возникают явные сомнения в адекватности восприятия показаний.

Второй уровень систематизации – виктимологический, учитывающий специфику преступного посягательства и его последствия для психики несовершеннолетнего.

Жертвы насильственных преступлений против личности – избиений, истязаний, покушений на убийство – характеризуются острой психологической травмой, проявлениями ПТСР, страхом повторной виктимизации. Такие потерпевшие нередко демонстрируют диссоциативные реакции при допросе: могут внезапно «выпадать» из контакта, терять нить изложения, испытывать флэшбеки. Исследование Антонян и Гончаровой, проведенное в 2024 году на материалах 215 уголовных дел о тяжких насильственных преступлениях, показывает: 67 % несовершеннолетних потерпевших в возрасте

10–16 лет нуждались в психологическом сопровождении на всех этапах расследования, однако реально получали его лишь 29 % [3, с. 375].

Жертвы сексуальных преступлений – особая категория, требующая максимально деликатного подхода. Здесь к психологической травме добавляется чувство стыда, вины, страх осуждения со стороны окружающих. Дети, пережившие сексуальное насилие, часто дают фрагментарные, непоследовательные показания – не из-за попыток ввести следствие в заблуждение, а вследствие защитных механизмов психики, блокирующих травматичные воспоминания.

Показательный случай: девочка 13 лет, потерпевшая по факту развратных действий, на первом допросе дала крайне скупые показания, избегая прямых формулировок. На повторном допросе с участием психолога – спустя две недели, когда острота эмоциональной реакции снизилась, – изложила обстоятельства значительно подробнее, вспомнила детали обстановки, которые стали важными доказательствами. Формально это «изменение показаний», которое защита может интерпретировать как недостоверность. Реально – закономерный результат психологической динамики травматического переживания.

Свидетели преступлений, совершенных в их присутствии (дети, наблюдавшие убийство, разбойное нападение, акты насилия в отношении близких), переживают косвенную травматизацию. Они не являются потерпевшими в процессуальном смысле, но психологически находятся в схожем состоянии. Более того – исследования показывают, что у детей, ставших свидетелями насилия в семье, посттравматическая симптоматика может быть выражена даже сильнее, чем у непосредственных жертв, за счет чувства беспомощности и невозможности защитить близкого человека.

Свидетели-очевидцы событий, не связанных с насилием (например, дорожно-транспортных происшествий, краж, мошеннических действий), демонстрируют иной психологический профиль. Травматизация здесь минимальна, основная проблема – точность восприятия и воспроизведения деталей. Ребенок мог находиться в состоянии сильного возбуждения, испуга – и это исказило запоминание обстоятельств. Мог не понимать значения наблюдаемого – и зафиксировал случайные, второстепенные детали, упустив главное.

Третья группа – свидетели по обстоятельствам, предшествовавшим или последовавшим за преступлением. Ребенок, который видел подозреваемого незадолго до совершения преступления, слышал разговоры, наблюдал подготовительные действия. Здесь важна не столько эмоциональная составляющая, сколько способность установить причинно-следственные связи между разрозненными фактами – что для младших возрастных групп затруднительно.

Дети реагируют на следственные действия по-разному. Можно выделить несколько психологических типов, определяющих тактику взаимодействия.

Гиперактивный тип – несовершеннолетний многословен, эмоционален, стремится рассказать все сразу, часто перескакивает с темы на тему. Такой потерпевший или свидетель требует мягкого, но настойчивого структурирования беседы. Следователь вынужден периодически останавливать поток речи, возвращать к конкретным эпизодам, уточнять детали. Риск здесь – в избыточном количестве информации, часть которой может оказаться домыслом или результатом эмоционального возбуждения.

Замкнутый тип – ребенок молчалив, отвечает односложно, избегает зрительного контакта. Причины могут быть различны: от индивидуально-психологических особенностей (интровертированность, тревожность) до последствий психологической травмы или страха перед возможными последствиями. Здесь требуется предварительная стадия установления контакта, использование косвенных вопросов, проективных методик. Прямое давление контрпродуктивно – только усиливает сопротивление.

Внушаемый тип – легко поддается влиянию авторитетного взрослого, склонен давать ответы, которые, по его мнению, от него ожидают. Это наиболее уязвимая категория с точки зрения достоверности показаний. Следователь может неосознанно «внушить» ребенку версию событий через интонацию, формулировку вопросов, невербальную реакцию на ответы. По данным экспериментального исследования, проведенного на базе Московского государственного психолого-педагогического университета в 2023 году, дети 6–9 лет в 54 % случаев меняли первоначальные показания после серии наводящих вопросов, причем сами не осознавали этого изменения.

Демонстративный тип – стремится привлечь к себе внимание, склонен к преувеличениям, драматизации событий. Встречается преимущественно в подростковом возрасте. Такой свидетель может сообщать достоверную информацию – но «украшать» ее вымышленными деталями, чтобы выглядеть более значимым участником событий. Критическая проверка показаний здесь обязательна.

Разумеется, в чистом виде эти типы встречаются редко. Чаще наблюдаются смешанные варианты, причем один и тот же ребенок может демонстрировать различное поведение на разных этапах расследования – в зависимости от эмоционального состояния, присутствия родителей или педагога, отношения к следователю.

Тактика допроса несовершеннолетнего потерпевшего и несовершеннолетнего свидетеля имеет как общие черты, так и существенные различия.

Общее – обязательное участие педагога или психолога (для лиц до 16 лет), присутствие законного представителя, запрет на применение любых форм давления, ограниченная продолжительность следственного действия. УПК РФ устанавливает: допрос несовершеннолетнего не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. На практике эти ограничения часто нарушаются – по данным анализа судебных решений об исключении доказательств, проведенного в 2024 году, в 23 % случаев основанием для признания протокола допроса недопустимым доказательством стало превышение допустимой продолжительности.

Различия связаны с целями следственного действия и психологическим состоянием допрашиваемого. Потерпевший должен изложить обстоятельства причинения ему вреда – эти воспоминания болезненны, вызывают стресс, активизируют защитные механизмы. Свидетель сообщает о фактах, которые не затрагивают его личность непосредственно – уровень эмоционального напряжения ниже, но может страдать точность восприятия.

Потерпевший имеет личную заинтересованность в исходе дела, что может влиять на объективность показаний. Особенно это проявляется в делах о преступлениях, совершенных родителями или близкими родственниками. Ребенок может испытывать амбивалентные чувства: страх перед обидчиком сочетается с привязанностью, желание наказания – с нежеланием разрушения семьи. В таких ситуациях несовершеннолетний нередко дает противоречивые показания или отказывается от них на стадии судебного разбирательства [4, с. 22].

Свидетель, формально не имеющий личной заинтересованности, тем не менее может испытывать давление со стороны родственников обвиняемого, опасаться мести, чувствовать моральную ответственность за возможное осуждение человека. Практика знает случаи, когда несовершеннолетние свидетели отказывались давать показания, опасаясь за безопасность своих близких, – хотя реальных угроз не поступало.

Еще один значимый момент – повторность допросов. Потерпевший может быть допрошен неоднократно: на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе предварительного следствия, в суде первой инстанции, в апелляции. Каждый допрос – это повторное переживание травматичного опыта. Феномен вторичной виктимизации в российской практике пока недооценивается. Между тем западные исследования показывают: многократные допросы по обстоятельствам сексуального или физического насилия могут наносить психологический вред, сопоставимый с самим преступлением.

Свидетель также может допрашиваться повторно – но психологическая нагрузка здесь качественно иная. Проблема не в травматизации, а в том, что при каждом воспроизведении событий память реконструируется, и детали могут непроизвольно искажаться. Исследования когнитивной психологии памяти свидетельствуют: чем чаще человек рассказывает о событии, тем больше его воспоминания «стабилизируются» в определенной версии – но эта версия не обязательно соответствует реальности. Ребенок может неосознанно «достроить» пробелы памяти, опираясь на логику, ожидания взрослых или информацию, полученную из внешних источников.

Классификация несовершеннолетних потерпевших и свидетелей имеет прикладное значение – она определяет выбор тактических приемов и организационных мер при производстве следственных действий.

Для потерпевших от тяжких насильственных преступлений целесообразно предусматривать:

– предварительную беседу с психологом для оценки психического состояния и готовности к допросу;

– максимальное сокращение числа допросов (при необходимости – использование видеозаписи для последующего воспроизведения в суде);

– проведение допроса в специально оборудованном помещении, исключающем визуальный контакт с обвиняемым;

– привлечение специалиста-психолога на всех этапах взаимодействия;

– обеспечение мер безопасности, если есть угроза воздействия со стороны заинтересованных лиц.

Для свидетелей, не испытавших непосредственного воздействия преступления, акценты смещаются:

– основное внимание – когнитивным аспектам: точности восприятия, полноте запоминания, способности воспроизвести детали;

– использование методик когнитивного интервью, активизирующих непроизвольную память;

– проверка показаний на месте, если это помогает восстановить контекст события;

– минимизация риска внушения через корректную формулировку вопросов.

Отдельного внимания требуют случаи, когда один и тот же несовершеннолетний выступает и потерпевшим, и свидетелем по разным эпизодам многоэпизодного преступления. Формально это требует производства отдельных допросов – в одном качестве и в другом. Реально это создает излишнюю психологическую нагрузку, особенно если эпизоды тесно связаны. Здесь следователь оказывается перед выбором: соблюсти процессуальную форму или минимизировать травматизацию. Судебная практика, ее анализ, свидетельствует: суды, как правило, не признают нарушением совмещение в одном протоколе допроса показаний несовершеннолетнего в разных процессуальных качествах, если это не повлияло на достоверность информации [5, с. 311].

Существующие классификации несовершеннолетних потерпевших и свидетелей страдают определенной фрагментарностью. Возрастной подход не учитывает индивидуальные особенности развития. Виктимологический – игнорирует процессуальные различия. Психологический – оторван от криминалистической тактики. Требуется интегративная модель, объединяющая все значимые факторы.

Одним из направлений может стать разработка типологии ситуаций взаимодействия следователя с несовершеннолетним – с учетом комбинации процессуального статуса, возраста, психологического типа реагирования, характера преступления. Для каждого типа ситуации – алгоритм действий, набор тактических приемов, критерии оценки достоверности показаний.

Другое направление – внедрение системы предварительной диагностики с участием психолога. Сейчас психолог привлекается в основном для участия в допросе – пассивно присутствует, фиксирует эмоциональное состояние. Значительно продуктивнее было бы предварительное психологическое обследование несовершеннолетнего с составлением заключения о когнитивных возможностях, особенностях памяти и внимания, уровне внушаемости, психологическом состоянии. Это позволило бы следователю спланировать тактику допроса более обоснованно.

Третье направление – создание специализированных подразделений по работе с несовершеннолетними участниками процесса. Пока в системе СК России такие подразделения единичны, работают в режиме эксперимента. Между тем зарубежный опыт показывает их высокую эффективность. Следователь, специализирующийся на делах с участием детей, накапливает профессиональные навыки, знает возрастную психологию, владеет специальными методиками допроса. Это снижает риск ошибок и повышает качество доказательственной базы.

Классификация несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в системе криминалистических знаний представляет собой сложную многоуровневую структуру, включающую процессуальный, возрастной, виктимологический и психологический компоненты. Процессуальное разграничение на потерпевших и свидетелей, закрепленное в УПК РФ, не отражает всей полноты психологической реальности взаимодействия несовершеннолетнего с системой уголовного судопроизводства. Ребенок, формально являющийся свидетелем, может переживать событие как личную травму и демонстрировать психологические реакции, идентичные реакциям потерпевшего.

Возрастная дифференциация (дошкольники, младшие школьники, подростки) определяет когнитивные возможности восприятия и воспроизведения информации, однако должна дополняться оценкой индивидуального уровня психического развития. Виктимологический подход, учитывающий характер преступного воздействия, позволяет прогнозировать психологическое состояние несовершеннолетнего и адаптировать тактику следственных действий. Особого внимания требуют жертвы сексуальных преступлений и свидетели насилия в семье – категории с максимальным риском вторичной виктимизации.

Психологическая типология (гиперактивный, замкнутый, внушаемый, демонстративный типы) определяет выбор коммуникативных стратегий и приемов установления контакта. Тактика допроса должна строиться с учетом не только процессуального статуса, но и совокупности всех классификационных признаков. Перспективы развития связаны с созданием интегративных моделей, внедрением системы предварительной психологической диагностики и формированием специализированных подразделений по работе с несовершеннолетними. Это позволит повысить качество расследования, минимизировать риск вторичной травматизации и обеспечить более эффективную защиту прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних: теория и практика. Москва: Норма, 2023. 368 с.

2. Секераж Т. Н. Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Российский следователь. 2024. № 4. С. 89–94. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54726382

3. Антонян Е. А., Гончарова М. В. Психологическое сопровождение несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 447 с.

4. Григорьев А. С., Белова Т. Н. Когнитивное интервью как метод повышения эффективности допроса свидетелей // Российский следователь. 2024. № 5. С. 18–23. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54291037

5. Данилов В. В. Сущность криминалистического анализа // Культурологический подход в экономико-правовом развитии региона. Саранск, 2014. С. 306–313.

УДК 343.9

СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РАССЛЕДОВАНИЯ

Липатов Антон Александрович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810217@ruc.su

CONTENT AND SIGNIFICANCE OF IDENTITY DATA OF A MINOR VICTIM AND WITNESS FOR INVESTIGATION PURPOSES

Lipatov Anton Alexandrovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Расследование преступлений с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей сталкивается с необходимостью сбора и анализа специфических данных о личности. Данные о возрасте, психофизиологических особенностях, социальной среде и виктимологических характеристиках несовершеннолетнего оказывают определяющее влияние на выбор тактики следственных действий, оценку достоверности показаний и установление обстоятельств преступления. В статье анализируется содержание таких данных, их криминалистическое значение для процесса расследования, проблемы получения и использования информации о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Рассматриваются особенности фиксации данных о психическом развитии, условиях воспитания, взаимоотношениях в семье и социальном окружении. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению личности несовершеннолетнего при расследовании преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель, данные о личности, расследование преступлений, показания несовершеннолетних, криминалистическая тактика, виктимологические характеристики

Investigation of crimes involving minor victims and witnesses faces the need to collect and analyze specific data on the individual. Data on age, psychophysiological characteristics, social environment and victimological characteristics of a minor have a decisive influence on the choice of tactics for investigative actions, assessment of the reliability of testimony and establishment of the circumstances of the crime. The article analyzes the content of such data, their forensic significance for the investigation process, problems of obtaining and using information about the personality of a minor participant in criminal proceedings. The features of recording data on mental development, upbringing conditions, family relationships and social environment are considered. The necessity of an interdisciplinary approach to studying the personality of a minor in the investigation of crimes is substantiated.

Keywords: minor victim, minor witness, personality data, crime investigation, testimony of minors, forensic tactics, victimological characteristics

Расследование преступлений, где несовершеннолетние выступают потерпевшими или свидетелями, неизбежно требует глубокого понимания особенностей их личности. Это не просто процессуальное требование – речь идет о фундаментальной основе эффективного следствия. По данным Следственного комитета РФ, в 2024 году было зарегистрировано более 97 тысяч преступлений против несовершеннолетних, при этом показания детей и подростков нередко становились ключевыми доказательствами по делу [1].

Традиционно в криминалистике данные о личности рассматривались преимущественно применительно к обвиняемому. Однако практика последних лет, – особенно в делах о преступлениях против половой неприкосновенности, семейном насилии, киберпреступлениях с участием детей, – демонстрирует иное. Сведения о потерпевшем или свидетеле подросткового возраста могут определять всю траекторию расследования. Почему один ребенок дает последовательные, детализированные показания, а другой замыкается или путается в деталях? Как возраст влияет на способность к восприятию и воспроизведению событий? В каких случаях социальная среда несовершеннолетнего становится фактором, искажающим показания?

М. В. Савельева и Е. А. Антонян, проанализировав материалы 134 уголовных дел с участием несовершеннолетних потерпевших за 2023–2025 годы, установили: в 68 % случаев следователи не располагали полными данными о психологическом статусе ребенка на момент производства допроса [2, с. 158]. Отсутствие таких данных приводило к процессуальным ошибкам – неправильной оценке показаний, необоснованным повторным допросам, вторичной виктимизации.

Содержание данных о личности несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля охватывает несколько взаимосвязанных блоков. Первый – биологический возраст и уровень психофизиологического развития. Второй – социально-психологическая характеристика: условия воспитания, образование, круг общения, интересы. Третий – виктимологические признаки, если речь идет о потерпевшем:

особенности поведения, способность к самозащите, факторы уязвимости. Четвертый, пожалуй, наиболее сложный для фиксации – эмоциональное состояние на момент восприятия события и в ходе следственных действий.

Каждый из этих блоков требует специфических методов сбора информации. Здесь не обойтись стандартными процессуальными средствами – допросами и истребованием документов. Необходимо привлечение психологов, педагогов, анализ школьной документации, медицинских карт, заключений специалистов. В ряде случаев – обследование условий жизни несовершеннолетнего, беседы с родителями, учителями, социальными работниками.

Возраст несовершеннолетнего – не формальная дата в паспорте. Это комплекс когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик, непосредственно влияющих на способность к восприятию, запоминанию и воспроизведению информации. По действующему УПК РФ участие педагога или психолога при допросе обязательно для лиц до 16 лет, а в ряде случаев – до 18 лет [3]. Однако законодатель не детализирует, какие именно особенности возраста должны учитываться при оценке показаний.

Дети дошкольного и младшего школьного возраста (до 10 лет) отличаются конкретностью мышления, высокой внушаемостью, склонностью к фантазированию. Их показания нередко содержат элементы вымысла, не всегда отделимого от реальности. Подростки (11–14 лет) уже способны к логическому мышлению, но их восприятие сильно зависит от эмоционального состояния. Старшие подростки (15–17 лет) демонстрируют когнитивные способности, близкие к взрослым, однако импульсивность, подверженность групповому влиянию, стремление к самоутверждению могут искажать показания.

Исследование В. П. Лаврова, выполненное на базе экспертно-криминалистических центров Центрального федерального округа в 2024 году, выявило: в 42 % случаев несовершеннолетние свидетели в возрасте 7–10 лет под влиянием наводящих вопросов меняли существенные детали показаний [4, с. 72]. При этом сами дети искренне верили в достоверность измененной версии событий. Для подростков 14–16 лет характерна иная проблема – сознательное умолчание информации из-за страха, стыда или нежелания «предавать» членов референтной группы.

Психофизиологический статус требует документирования. Речь не только о заключениях психиатра или психолога. Важны данные о школьной успеваемости, посещаемости занятий, взаимоотношениях с учителями и сверстниками, наличии конфликтов или признаков дезадаптации. Школьная характеристика, составленная формально, мало чем поможет следователю. Содержательная информация от классного руководителя или школьного психолога – совсем другое дело.

Критическим моментом становится определение способности несовершеннолетнего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. Статья 191 УПК РФ предусматривает возможность назначения судебной экспертизы для установления этой способности [3]. Практика, впрочем, показывает: экспертизы назначаются далеко не всегда, когда это необходимо. Нередко следователи полагаются на собственную интуицию или мнение педагога, участвующего в допросе.

Между тем неучет психофизиологических особенностей несовершеннолетнего чреват серьезными последствиями. Показания ребенка с задержкой психического развития, не диагностированной своевременно, могут быть положены в основу обвинения – и впоследствии признаны недопустимыми. Подросток с посттравматическим стрессовым расстройством способен неосознанно исказить последовательность событий или детали происшествия. Все это требует квалифицированной диагностики до начала следственных действий.

Нельзя игнорировать и обратную сторону вопроса.

Излишняя подозрительность к показаниям несовершеннолетних, стремление во что бы то ни стало «перестраховаться» назначением множественных экспертиз может затянуть расследование и травмировать ребенка повторными процедурами. Баланс между тщательностью проверки и защитой интересов несовершеннолетнего – одна из наиболее сложных задач современного следствия.

Ребенок не существует в вакууме. Его личность формируется и проявляется в конкретной социальной среде – семье, школе, группе сверстников, виртуальных сообществах. Данные об этой среде оказываются критически важными для понимания поведения несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, оценки достоверности его показаний, выявления возможных источников давления или манипуляций.

Семейная ситуация – первое, что требует изучения. Полная или неполная семья, материальное положение, стиль воспитания, наличие конфликтов, фактов насилия или злоупотребления алкоголем – все это влияет на психологический статус ребенка.

Изучение социального окружения несовершеннолетнего позволяет выявить возможные источники внушения, давления или манипулирования показаниями. Классический пример – подросток-свидетель группового правонарушения, находящийся под влиянием неформального лидера группы. Его показания могут быть искажены не из-за сознательной лжи, а вследствие конформизма и страха перед групповым давлением. Другая типичная ситуация – ребенок, втянутый родителями в конфликт при разводе и дающий показания, выгодные одному из родителей.

Виктимологические характеристики потерпевшего заслуживают особого внимания. Виктимология несовершеннолетних – сравнительно молодое направление, активно развивающееся в последние годы. Некоторые дети в силу личностных особенностей, поведенческих паттернов или социальной ситуации оказываются более уязвимыми перед преступными посягательствами. Речь не о «вине» потерпевшего – такая постановка вопроса недопустима. Речь о факторах, повышающих риск виктимизации и необходимых для правильной квалификации деяния, выбора тактики расследования, профилактической работы.

О. Н. Горбунова и А. В. Смирнов в исследовании 2024 года, охватившем анализ 89 уголовных дел о преступлениях против несовершеннолетних в Приволжском федеральном округе, установили: дети с низкой самооценкой, дефицитом внимания со стороны родителей, потребностью в признании со стороны взрослых становились жертвами манипуляций в 3,2 раза чаще, чем их сверстники из благополучных семей с адекватной самооценкой [5, с. 239]. При этом виктимологический портрет таких детей редко фиксировался в материалах дела – следователи концентрировались на действиях обвиняемого, игнорируя факторы, облегчившие совершение преступления.

Школьная среда дает важную информацию. Успеваемость, посещаемость, наличие конфликтов с учителями или одноклассниками, участие в буллинге (как жертвы или агрессора), интересы и увлечения, круг друзей – все это фрагменты мозаики, складывающейся в целостный портрет личности. Подросток, систематически пропускающий занятия и конфликтующий с учителями, вероятно, переживает серьезные проблемы – и его показания могут нести отпечаток этих проблем.

Виртуальная активность несовершеннолетних – новая область, требующая пристального внимания следствия. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры стали значимой частью жизни современных подростков [6, с. 11]. Анализ цифровой активности несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля способен выявить скрытые контакты, источники информации, факты давления или манипулирования. В делах о кибербуллинге, сексуальной эксплуатации детей в интернете, вовлечении в деструктивные сообщества цифровой след оказывается едва ли не важнее традиционных вещественных доказательств.

Собранные данные о личности несовершеннолетнего должны найти отражение в тактике следственных действий и процессуальных решениях. Это не декларация, а практическая необходимость, обусловленная спецификой работы с несовершеннолетними участниками судопроизводства.

Подготовка к допросу несовершеннолетнего начинается с изучения его личностных характеристик. Возраст, уровень развития, темперамент, эмоциональное состояние определяют выбор времени и места допроса, формулировку вопросов, темп беседы. Импульсивному, легковозбудимому подростку может потребоваться больше времени на адаптацию к обстановке следственного действия. Замкнутому, тревожному ребенку – особая тактика установления контакта. Интеллектуально развитому старшекласснику можно задавать более сложные вопросы, требующие анализа и сопоставления фактов.

Участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего – не формальность. Специалист должен располагать информацией о личности допрашиваемого, чтобы эффективно выполнять свою функцию. Следователь обязан предварительно ознакомить психолога с материалами, характеризующими несовершеннолетнего, обсудить тактику допроса с учетом выявленных особенностей. На практике такое взаимодействие реализуется далеко не всегда – психолог нередко приглашается непосредственно перед допросом и не имеет возможности подготовиться.

Оценка достоверности показаний несовершеннолетнего невозможна без учета данных о его личности. Противоречия в показаниях ребенка могут быть следствием возрастных особенностей памяти, эмоционального стресса, внушающего воздействия – а не сознательной лжи. Детализация событий, нехарактерная для возраста и развития ребенка, напротив, может свидетельствовать о реальности воспринятого. Квалифицированная оценка показаний требует междисциплинарного подхода – совместного анализа процессуальной информации, психологических данных, материалов социального обследования.

Назначение судебно-психологической экспертизы по делам с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей должно основываться на анализе всей совокупности данных о личности. Эксперт не может работать «вслепую», располагая лишь протоколом допроса. Ему необходимы све-

дения о социальной ситуации развития несовершеннолетнего, особенностях воспитания, психофизиологическом статусе, предшествующих травматических событиях. Полнота исходных данных напрямую влияет на обоснованность экспертного заключения.

Тактика проверки показаний несовершеннолетнего также определяется особенностями его личности. Следственный эксперимент или проверка показаний на месте с участием ребенка требуют тщательной подготовки, оценки психологической готовности несовершеннолетнего, создания условий, исключающих дополнительную травматизацию. В ряде случаев от таких следственных действий целесообразно вообще отказаться, заменив их иными способами проверки.

Использование видеозаписи при допросе несовершеннолетних – рекомендуемая, а в ряде случаев обязательная процедура – приобретает дополнительное значение. Видеозапись фиксирует не только содержание показаний, но и невербальное поведение ребенка, его эмоциональные реакции, особенности взаимодействия со следователем и специалистами. Это позволяет впоследствии проводить более глубокий анализ показаний, оценивать влияние возрастных и личностных факторов, выявлять возможные нарушения процедуры допроса.

Взаимодействие следователя с законными представителями несовершеннолетнего требует деликатности и профессионализма. Родители или опекуны могут быть источником важной информации о личности ребенка, но они же способны оказывать давление, внушать определенную версию событий, препятствовать расследованию. Следователь должен уметь отделять объективные данные о личности несовершеннолетнего от субъективных оценок и манипуляций со стороны взрослых.

Данные о личности несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля представляют собой многоуровневую систему информации, охватывающую биологические, психологические, социальные и виктимологические характеристики. Содержание этих данных выходит за рамки формальных анкетных сведений и требует глубокого, комплексного изучения с привлечением специалистов различного профиля.

Значение таких данных для расследования трудно переоценить. Они определяют тактику следственных действий, критерии оценки достоверности показаний, направления проверки версий, меры процессуальной защиты несовершеннолетнего. Игнорирование или поверхностное изучение личностных особенностей ребенка-участника судопроизводства неизбежно ведет к ошибкам – процессуальным, тактическим, этическим.

Современное расследование преступлений с участием несовершеннолетних требует междисциплинарного подхода. Следователь не может быть универсальным специалистом в области детской психологии, педагогики, виктимологии – но он обязан понимать значимость этих областей знания для своей работы, уметь формулировать задачи для специалистов, интегрировать полученную информацию в процесс доказывания.

Практическая реализация принципа всестороннего изучения личности несовершеннолетнего сталкивается с серьезными проблемами. Дефицит времени, ограниченные возможности привлечения квалифицированных специалистов, недостаточная методическая оснащенность следователей, формализм при истребовании характеризующих материалов – все это препятствует получению и использованию необходимых данных.

Перспективы развития данного направления связаны с созданием специализированных методик сбора и анализа информации о личности несовершеннолетних участников судопроизводства, внедрением междисциплинарных экспертных технологий, совершенствованием профессиональной подготовки следователей в области юридической психологии и виктимологии. Требуется разработка стандартизированных форм документирования данных о личности несовершеннолетнего, обеспечивающих полноту и структурированность информации при сохранении индивидуального подхода к каждому ребенку.

Защита прав и интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве невозможна без глубокого понимания их личностных особенностей. Это не только юридическая, но и моральная обязанность правоприменителя - видеть в несовершеннолетнем участнике процесса не абстрактный «источник доказательств», а живого человека со своими страхами, потребностями, правом на защиту от дополнительной травматизации. Качественное изучение личности несовершеннолетнего - необходимое условие справедливого и гуманного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные показатели деятельности Следственного комитета Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: https://sledcom.ru/reports/2024

2. Савельева М. В., Антонян Е. А. Психологическое обеспечение производства следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших // Психология и право. 2025. Т. 15. № 1. С. 156–169.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Лавров В. П. Особенности показаний несовершеннолетних свидетелей и тактика их допроса // Вестник криминалистики. 2024. № 3(91). С. 67–78. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54296847 (дата обращения: 30.03.2026).

5. Горбунова О. Н., Смирнов А. В. Виктимологические характеристики несовершеннолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2024. Т. 18. № 2. С. 234–244. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54128976

6. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. Саранск: Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2023. 21 с.

УДК 349.3

К ВОПРОСУ О СТРАХОВЫХ СЛУЧАЯХ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РОССИИ

Логутенков Александр Владимирович, преподаватель
Харитонова Мария Игоревна, преподаватель
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: a.v.logutenkov@ruc.su, m.i.haritonova@ruc.su

ON INSURANCE CASES IN THE COMPULSORY SOCIAL INSURANCE SYSTEM OF RUSSIA

Logutenkov Alexander Vladimirovich, Lecturer
Kharitonova Maria Igorevna, Lecturer
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье авторами рассматривается правовая природа страховых случаев, анализируются проблемы их практической реализации. Особое внимание отводится вопросам усложнения правоприменения в сфере обязательного социального страхования и необходимости совершенствования учета и квалификации страховых случаев в условиях трансформации профессиональных рисков. Предлагаются направления совершенствования института страхового случая в системе социальной защиты населения.

Ключевые слова: страховой случай, юридические факты, учет и регистрация.

In this article, the authors examine the legal nature of insurance cases and analyze the problems of their practical implementation. Special attention is paid to the complexity of law enforcement in the field of compulsory social insurance and the need to improve the accounting and classification of insurance cases in the context of the transformation of professional risks. The article suggests ways to improve the institution of insurance cases in the social protection system.

Keywords: insurance case, legal facts, accounting, and registration.

Институт страхового случая занимает центральное место в системе обязательного социального страхования Российской Федерации, поскольку именно наступление предусмотренного законом события влечет возникновение обязанности страховщика по осуществлению страховой выплаты. Такое событие

выступает ключевым юридическим фактом, трансформирующим потенциальное страховое обязательство в подлежащее исполнению и обеспечивающим реализацию компенсационной и социальной функций страхования.

Страховой случай в российском праве представляет собой ключевую юридическую категорию страхового обязательства и одновременно самостоятельный юридический факт, с которым закон связывает возникновение

обязанности страховщика произвести страховую выплату. Его понятие закреплено в действующем законодательстве и получило развернутую разработку в научной литературе по страхованию и гражданскому праву.

Правовое закрепление страхового случая обеспечивает прогнозируемость отношений между страхователем и страховщиком, снижая риски правовой неопределенности [1, с. 7].

В действующем ГК РФ закреплен подход, согласно которому содержание страхового случая раскрывается через конструкцию страхового обязательства. В силу нормы, заложенной в ст. 929 ГК РФ обязанность страховщика возместить убытки возникает на основании договора имущественного страхования, в случае возникновения указанного в нем события.

Аналогичный подход воспроизведен в статье 934 ГК РФ, согласно которому обязанность страховщика осуществить выплату поставлена в зависимость от наступления предусмотренного договором события в жизни застрахованного лица [2]. Указанные подходы законодателя связывают страховой случай с механизмом реализации страхового обязательства, придавая ему (страховому случаю) правопорождающее значение в контексте обязанностей страховщика по страховому возмещению.

Таким образом, страховой случай представляет собой событие, конкретизирующее обязательства сторон по договору страхования и выступает юридическим фактом-основанием для осуществления выплат.

В теории права страховой случай как правило рассматривается как вид юридического факта. Так, например, Е. А. Суханов указывает, на условный характер страхового обязательства, ставя его в зависимость от наступления оговоренного в договоре события, обладающего признаками неопределенности [3].

Вышесказанное свидетельствует об отлагательной природе страхового случая как юридического факта, служащего основанием исполнения денежного обязательства.

Рассматриваемый подход определяет страховой случай как юридический факт-событие, порождающий право требования страхового возмещения от страховщика.

Ю. Б. Фогельсон справедливо отмечает необходимость разграничения страхового случая и страхового риска. Страховой риск, по мнению ученого – это предполагаемая возможность наступления неблагоприятного события, а страховой случай – это свершившийся страховой риск, приобретающий юридическое значение в рамках договора страхования.

Возвращаясь к вопросу о правовой природе страхового случае следует отметить, что она заключается в понимании последнего как формы фактической реализации предусмотренного договором страхового риска, приобретающего правовое значение в силу действующего законодательства и договора.

Таким образом, страховой случай – это не просто событие объективной действительности, а событие, прошедшее правовую квалификацию.

Не менее интересен вопрос, касаемый проблем правоприменительной деятельности по учету и признанию страховых случаев.

Согласно данным официальной статистики за 2023–2024 годы и анализу практики применения законодательства о обязательном социальном страховании, регистрация и учет страховых случаев не лишены ряда проблем.

В настоящее время серьезной проблемой является несовершенство правового регулирования учета статистики страховых случаев.

Так, ведение статистического учета страховых случаев возложено законодательно сразу на несколько органов:

– Росстат;

– СФР;

– Роструд.

Каждый из названных органов применяет собственные правила для учета и предоставления данных, из-за чего статистика носит разрозненный характер. Это затрудняет анализ тенденций, оценку рисков и самих страховых случаев, а еще препятствует принятию правильных управленческих решений.

Из-за этого возникают сложности в получении полной и достоверной картины по страховым случаям, связанным с травматизмом на производстве и профессиональными заболеваниями. В итоге снижаются возможности для правильного планирования профилактических мер и грамотного распределения средств страхования.

Существенной проблемой правоприменения является неполнота регистрации страховых случаев. Несмотря на установленную законом обязанность работодателя организовывать расследование каждого несчастного случая (ст. 227–231 ТК РФ), часть происшествий не получает официальной квалификации страхового события [5]. Это характерно прежде всего для случаев, не повлекших длительной утраты трудоспособности, а также для ситуаций, связанных с ненадлежащим оформлением трудовых отношений.

Дополнительные сложности правоприменения в отрасли обязательного социального страхования связаны с правовой квалификацией страхового случая как юридического факта.

С одной стороны, действующее законодательство (ст. 227–231 ТК РФ и ст. 3 Федерального закона № 125-ФЗ) требует четкого установления причинно-следственной связи между наступившим вредом и исполнением трудовых обязанностей для признания события страховым случаем. С другой стороны, на практике именно это требование становится предметом значительного числа споров, поскольку в правовой науке и практике имеются неоднозначные ситуации, требующие судебного толкования.

Одной из существенной проблем функционирования системы обязательного социального страхования в России является неоднородность отраслевых и региональных показателей производственного травматизма и, как следствие, страховых случаев. Рассматриваемая проблема имеет место как в статистических данных травматизма и профессиональных заболеваний, так и в подходах к их учету.

Следствием существования данной проблемы является затруднение формирования правоприменительной практики в системе управления обязательным социальным страхованием России.

Не менее важной проблемой в системе обязательного социального страхования выступают недостатки в организационно-административном управлении. Применяемые в работе соответствующих органов и учреждений системы электронного документооборота являются недостаточными в части обеспечения межведомственного взаимодействия, что приводит к низкому уровню обрабатываемых страховых случаев и увеличивает вероятность технических ошибок.

Такого рода проблемы и препятствия оказывают существенное влияние на социальную защиту застрахованных лиц. Длительность оформления и многократная корректировка документов замедляют обеспечение застрахованных лиц социальными выплатами, нарушая своевременность реализации социальных прав граждан.

Решение вышеназванных проблем усматривается в унификации порядка сбора и обработки данных о страховых случаях. Для этого полагаем необходимым разработку и утверждение единой методики статистического учета как на федеральном, так и на региональном уровнях. Единая методика позволит стандартизировать терминологию, определить критерии включения событий в отчетную документацию, что в свою очередь позволит сопоставлять информацию между различными ведомствами и повысит точность оценки масштабов страховых случаев, будет способствовать принятию верных управленческих решений.

Введение единой централизованной межведомственной цифровой платформы положительным образом скажется на автоматический обмен данными между органами и учреждениями, осуществляющими управление системой обязательного социального страхования.

Все вышеперечисленные меры, направленные на совершенствование системы обязательного социального страхования обеспечат точность статистических данных, устранение неточностей между ведомственными данными. Кроме того, внедрение единой цифровой платформы обеспечит повышение качества аналитики, обоснованность тарифов и устойчивость финансовой составляющей страховой системы.

Кроме того, вышеназванные меры, позволят повысить полноту регистрационных данных, их объективизацию, и как следствие, обеспечить баланс страховой нагрузки между работодателями и укрепить социальную функцию системы. Снижение скрытности страховых случаев обеспечит повышение доверия застрахованных лиц к существующей системе обязательного социального страхования.

Подводя итог данному исследованию, отметим, что проблемы функционирования института страхового случая подтверждаются данными официальной статистики и материалами правоприменительной практики. Выявленные проблемы носят комплексный характер и сопряжены с методологическими, правовыми и организационными факторами.

Проблемы отсутствия унифицированного статистического учета, неполнота регистрации, возникающие сложности правовой квалификации, разрозненность региональной и отраслевой методик объективно снижают эффективность функционирования института страховых случаев в системе обязательного социального страхования и требуют дальнейшего комплексного совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1.Россинский, Б. В. Государственные внебюджетные фонды как субъекты публичного управления / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 6-11.

2.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ; в ред. от 24 июня 2025 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 929.

3.Павлюченко В. Г., Матвеева А. С. Социальное страхование: учебник для бакалавров. – Москва: Проспект, 2024. – 419 с.

4.Фогельсон Ю. Б. Страховое право: теоретические основы и практика применения. Москва, – 2022. – С. 176.

5.Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ; в ред. от 28 декабря 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

УДК 343

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Лунькин Максим Витальевич
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st803673@ruc.su

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE AND THE EFFECTIVENESS OF MEASURES TO COMBAT FINANCIAL CRIME

Lunkin Maxim Vitalievich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Преступность в финансовой сфере в современной России представляет собой одно из наиболее опасных и сложных для противодействия социально-правовых явлений. Её деструктивное воздействие проявляется не только в причинении прямого имущественного ущерба государству, юридическим и физическим лицам, но и в подрыве устойчивости национальной финансовой системы, снижении инвестиционной привлекательности экономики, деформации конкурентной среды и утрате доверия населения к финансовым институтам. В данной статье автором проводится анализ судебной практики и эффективности мер противодействия преступности в финансовой сфере.

Ключевые слова: преступность, финансовая сфера, преступления в сфере финансов, уголовная ответственность, уголовное наказание.

Financial crime in modern Russia is one of the most dangerous and difficult social and legal phenomena to combat. Its destructive impact manifests itself not only in direct property damage to the state, legal entities, and individuals, but also in undermining the stability of the national financial system, reducing the investment attractiveness of the economy, distorting the competitive environment, and eroding public confidence in financial institutions. In this article, the author analyzes judicial practice and the effectiveness of measures to combat crime in the financial sector.

Keywords: crime, financial sphere, crimes in the financial sphere, criminal liability, criminal punishment.

Ключевым индикатором состояния правоприменительной практики в финансовой сфере выступают статистические данные, характеризующие масштабы привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. В 2025 году Следственным комитетом Российской Федерации было расследовано 22 500 уголовных дел об экономических преступлениях, в том числе 1 123 дела об уклонении от уплаты налогов, 169 дел о преступлениях в сфере военно-промышленного комплекса и 258 дел о нарушениях при исполнении государственного оборонного заказа. В общей сложности за указанный период следователи направили в суды 93 000 уголовных дел в отношении 104 000 обвиняемых, причём значительная часть этих дел относится именно к категории финансовых преступлений. Удельный вес коррупционных преступлений среди общего массива, направленных в суд, дел составил 14 200, что на четверть больше показателя предыдущего года, причём 555 из них совершены организованными группами и преступными сообществами. Председатель Следственного комитета, комментируя приведённую статистику, указал на повышенную стратегическую опасность коррупции, которая подрывает экономику, государственную стабильность и доверие граждан к институтам власти. Однако при анализе судебной статистики следует учитывать её высокую латентность: далеко не каждое финансовое преступление становится достоянием правосудия, и приведённые цифры отражают лишь ту часть криминальной активности в финансовой сфере, которую удалось выявить и доказать.

Наряду с общей статистикой привлечения к уголовной ответственности особого внимания заслуживают данные Росфинмониторинга, который выполняет ключевую роль в выявлении признаков финансовых преступлений и их последующем раскрытии. По итогам 2025 года уполномоченным органом проведено более 3 000 финансовых расследований в отношении более 30 000 фигурантов, а правоохранительными органами по информации Росфинмониторинга возбуждено более 1 100 уголовных дел. При этом судами вынесено свыше 100 обвинительных приговоров, а сумма фактически возмещённых средств составила порядка 17 миллиардов рублей. Также за год было ликвидировано пять теневых площадок с общим объёмом 12 миллиардов рублей, а во взаимодействии с ФАС, ФНС и правоохранительными органами пресечена незаконная деятельность участников торговых процедур на сумму более 34 миллиардов рублей. Росфинмониторинг зафиксировал сокращение подозрительного исходящего финансового потока в международных расчётах, снижение вовлечённости кредитно-финансовой сферы в теневые схемы и объёмов подозрительных операций, а также отметил высокий уровень законопослушности банковского сектора. Однако среди проблем уходящего года ведомство отмечает рост теневых схем в небанковских секторах, дропперство и вовлечение детей и подростков в незаконную деятельность, что свидетельствует о трансформации преступных практик и необходимости адаптации мер противодействия к новым вызовам [1].

Судебная практика по наиболее распространённым составам финансовых преступлений, в частности по статье 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность), демонстрирует устойчивую тенденцию к назначению наказаний, которые далеко не всегда адекватны степени общественной опасности содеянного и масштабам причинённого ущерба. Показательным является уголовное дело, рассмотренное Ленинским районным судом города Пензы в апреле 2025 года, где четверо жителей Пензы в возрасте от 39 до 55 лет были признаны виновными по пунктам «а» и «б» части 2 статьи 172 УК РФ,

а также по ряду иных статей, включая легализацию преступных доходов (пункт «б» части 4 статьи 174.1 УК РФ). В период с января 2013 года по декабрь 2017 года осуждённые, не имея лицензии на осуществление банковской деятельности, оказывали услуги организациям по транзиту и обналичиванию денежных средств, совершив незаконные финансовые операции на сумму свыше 2,5 миллиарда рублей, а размер полученного ими преступного дохода превысил 109 миллионов рублей. При столь значительных масштабах преступной деятельности суд назначил одному из злоумышленников наказание в виде четырёх лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере одного миллиона рублей, тогда как остальные трое осуждённых были приговорены к лишению свободы условно с испытательными сроками от двух до трёх лет и штрафами в размере от двухсот до восьмисот тысяч рублей. Важно отметить, что иск прокуратуры о взыскании с осуждённых солидарно в бюджет Российской Федерации более 109 миллионов рублей дохода, полученного преступным путём, был судом полностью удовлетворён, а апелляционные жалобы осуждённых и их защитников оставлены без удовлетворения.

Аналогичные примеры мягкости наказания при значительных масштабах преступной деятельности можно обнаружить и в практике по делам о налоговых преступлениях. Ульяновским областным судом в мае 2025 года был рассмотрен приговор в отношении Никашина М. Г., осуждённого по пункту «б» части 2 статьи 199 УК РФ за уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере. Суд назначил осуждённому наказание в виде штрафа в размере 300 000 рублей. При этом суд апелляционной инстанции, проверяя законность и обоснованность приговора, учёл, что осуждённый вину признавал в полном объёме, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, имеет постоянное место жительства и работу, впервые привлекается к уголовной ответственности, а также имеет на иждивении пятерых детей, четверо из которых являются малолетними, и страдает серьёзным заболеванием. Адвокат осуждённого в апелляционной жалобе просил снизить размер штрафа, ссылаясь на то, что ежемесячный доход его подзащитного составляет 200 000 рублей, из которых 70 процентов удерживаются на уплату алиментов. Областной суд, однако, приговор оставил без изменения, а апелляционную жалобу – без удовлетворения. В другом деле, рассмотренном Зеленчукским районным судом Карачаево-Черкесской Республики, подсудимый О. был признан виновным в уклонении от уплаты налогов на сумму более 170 миллионов рублей, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев с отбыванием в колонии-поселении, а также частично удовлетворён гражданский иск налоговой службы на сумму 96 836 249 рублей. В данном случае суд, в отличие от предыдущего примера, счёл возможным назначить реальное лишение свободы, однако и здесь срок заключения выглядит несоразмерно малым применительно к масштабам уклонения от уплаты налогов [2].

Значительная часть уголовных дел о финансовых преступлениях завершается не вынесением обвинительного приговора, а прекращением по нереабилитирующим основаниям, в частности в связи с возмещением ущерба по правилам статьи 76.1 УК РФ. Данная норма предусматривает освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности при условии полного возмещения ущерба, причинённого бюджетной системе Российской Федерации, а также гражданину или организации, и перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения. Усть-Илимская межрайонная прокуратура разъясняет, что статья 76.1 УК РФ предоставляет возможность освобождения от уголовной ответственности при условии полного возмещения ущерба потерпевшему, и этот механизм направлен на восстановление нарушенных прав при минимизации уголовно-правовых последствий для виновного лица. Однако на практике данная норма нередко используется состоятельными преступниками для избежания справедливого наказания, что порождает проблему равенства всех перед уголовным законом. Критерии применения статьи 76.1 УК РФ включают полное возмещение ущерба, подтверждённое доказательствами, и отсутствие общественного резонанса, свидетельствующего о низкой степени виновности. При этом освобождение возможно только в случаях, когда уголовный закон прямо это предусмотрит, и не распространяется на особо тяжкие преступления. В научной литературе обоснованно отмечается, что применение части 2 статьи 76.1 УК РФ, освобождающей от ответственности при условии перечисления в бюджет определённой суммы, по сути предоставляет обеспеченным лицам возможность «откупиться» от уголовного преследования, в то время как менее состоятельные граждане, совершившие аналогичные по тяжести преступления, но не имеющие возможности выплатить крупные суммы, привлекаются к реальной уголовной ответственности, что противоречит принципу справедливости и равенства всех перед законом.

Наряду со статьёй 76.1 УК РФ в практике противодействия финансовой преступности широко применяется также статья 76.2 УК РФ, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Данная норма распространяется на лиц, впервые совершив-

ших преступление небольшой или средней тяжести и возместивших ущерб либо иным образом загладивших причинённый преступлением вред. Однако анализ правоприменительной практики за 2024–2025 годы выявляет парадоксальный тренд: закон, предлагающий гражданам «второй шанс», всё чаще воспринимается судьями как инструмент с высокой степенью риска. Согласно данным, количество применений статьи 76.2 УК РФ за последние три года сократилось почти вдвое: если в 2020 году суды активно шли навстречу ходатайствам защиты, то к 2023 году эта практика заметно забуксовала. Корень проблемы кроется в правовой неопределённости и осторожности судейского усмотрения, прежде всего – в отсутствии чётких критериев «иного заглаживания вреда». Пленум Верховного Суда в своём постановлении допускает компенсацию морального вреда, оказание помощи потерпевшему или принесение извинений, однако на практике это приводит к разнобою: в одном регионе достаточно извинений и пожертвования в фонд, в другом – нет. При этом Верховный Суд последовательно отменяет решения нижестоящих судов, указывая, что формальное признание вины и раскаяние без реальных действий по нейтрализации последствий преступления недостаточны, и, напротив, в некоторых делах поддерживает сторону защиты, признавая пожертвование в фонд помощи достаточным способом заглаживания вреда. Такая неопределённость правового регулирования судебного штрафа существенно затрудняет его применение и снижает эффективность данного института как инструмента гуманизации уголовной политики [3].

В декабре 2025 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял ряд постановлений, имеющих принципиальное значение для правоприменительной практики в сфере финансовой преступности. В частности, были внесены поправки в Постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Эти поправки стали очередным шагом к повышению ясности правового регулирования и отчасти либерализации уголовной ответственности за налоговые преступления. Необходимость изменений обусловлена слишком широкой трактовкой в правоприменительной практике поводов для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям: судебная практика допускала возможность возбуждения уголовных дел при получении органами предварительного расследования материалов от налоговых органов в рамках любой из предусмотренных Налоговым кодексом процедур, что создавало правовую неопределённость. Пленум также назвал двенадцать составов экономических преступлений, где не предусмотрено лишение свободы, а значит, заключение под стражу полностью исключено. Кроме того, было актуализировано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём». В преамбуле обновлённого постановления подчёркивается, что легализация создаёт основу теневой экономики, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности государства, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, обеспечивает возможность преступным группам финансировать и осуществлять свою противоправную деятельность. Пленум также разъяснил, что правомерность вменения легализации к налоговым преступлениям не вызывает сомнений, и прекращение уголовного дела по налоговому преступлению в связи с полной уплатой недоимки, пеней и штрафов в бюджет не исключает возбуждения дела по статье 174 или 174.1 УК РФ, поскольку суд может установить преступный характер происхождения имущества на основании постановления о прекращении уголовного дела по основному преступлению. Тактика дополнительного вменения «легализации» может применяться для конфискации легализованного имущества и доходов от его преобразования на основании обвинительного приговора, а также для назначения наказания вплоть до семи лет лишения свободы.

Важным событием 2025 года в сфере противодействия финансовой преступности стало введение уголовной ответственности для дропперов – лиц, передающих свои банковские карты и реквизиты третьим лицам для проведения незаконных финансовых операций. Закон, устанавливающий такую ответственность, вступил в силу 5 июля 2025 года и внёс изменения в статью 187 УК РФ, дополнив её новыми частями, предусматривающими ответственность за корыстную передачу иным лицам электронных средств платежа и доступа к ним. Данное преступление отнесено к категории небольшой тяжести. За передачу банковской карты для незаконных операций грозит до шести лет лишения свободы. В Нижегородской области было возбуждено первое уголовное дело о «дропперстве» в отношении 20-летнего неработающего жителя Семенова по части 5 статьи 187 УК РФ: молодой человек, испытывая финансовые трудности, откликнулся на предложение заработка в мессенджере и согласился передавать банковские карты третьих лиц за вознаграждение, после того как убедил 15-летнего знакомого оформить на себя банковскую карту и передать ему доступ к ней. В Оренбургской области

мировым судьёй было рассмотрено уголовное дело по части 4 статьи 187 УК РФ в отношении 20-летней жительницы города Кувандыка, которая за два дня перевела поступившие ей от неизвестных лиц денежные средства на сумму 125 800 рублей, оставив себе в качестве вознаграждения всего 1 100 рублей. С учётом всех обстоятельств дела и смягчающих обстоятельств суд назначил подсудимой наказание в виде штрафа в размере 50 000 рублей. Однако, несмотря на введение уголовной ответственности, остаётся ряд неурегулированных вопросов, в частности, разграничение между, собственно, дропперством и иными формами пособничества преступной деятельности, а также определение критериев, по которым следует отграничивать уголовно наказуемое дропперство от административно наказуемого нарушения правил использования платёжных карт [4].

Важным аспектом правоприменительной практики является вопрос о возврате похищенных мошенниками денежных средств их законным владельцам. В 2025 году благодаря работе антифрод-систем банкам удалось предотвратить хищение 13,9 триллиона рублей, а ежемесячно крупные банки приостанавливают около 330 тысяч подозрительных переводов. Потерпевшие от мобильных и телефонных мошенников вправе обратиться в суд с целью взыскания похищенных денежных средств к владельцам счетов, на которые эти средства были перечислены, и такие иски нередко удовлетворяются. Конституционный Суд Российской Федерации в конце 2025 года принял важное постановление, разрешив жертвам телефонных мошенников предъявлять иски о возврате незаконно списанных средств по месту своего жительства, что значительно облегчает доступ потерпевших к правосудию. В Сорочинском районном суде Оренбургской области были удовлетворены требования потерпевшей по уголовному делу о взыскании неосновательного обогащения с мошенников. Прокуратура также активно использует механизмы гражданского судопроизводства для возврата похищенных средств: в Республике Татарстан прокурором района был направлен иск в суд по месту регистрации получателя похищенных денежных средств о возврате неосновательного обогащения в размере 559 000 рублей. Однако, несмотря на эти позитивные примеры, общая доля возвращённых пострадавшим средств остаётся незначительной, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования как уголовно-процессуальных, так и гражданско-правовых механизмов защиты прав потерпевших от финансовых преступлений.

Анализ судебной практики и эффективности мер противодействия преступности в финансовой сфере позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на определённые позитивные сдвиги, система уголовного правосудия в этой сфере сталкивается с целым рядом системных проблем, требующих незамедлительного решения. К числу наиболее острых проблем относятся несоразмерность назначаемых наказаний степени общественной опасности совершённых деяний и масштабам причинённого ущерба, широкое применение механизмов освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, что создаёт у лиц, совершивших финансовые преступления, ощущение безнаказанности, а также сохраняющийся высокий уровень латентности финансовых преступлений, значительная часть которых так и не становится достоянием правосудия. Необходимы дальнейшее совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выработка единообразной судебной практики по вопросам квалификации и назначения наказания, усиление контроля за применением нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел, а также повышение эффективности механизмов возврата похищенных средств потерпевшим. Только комплексное решение указанных проблем позволит повысить эффективность противодействия финансовой преступности и обеспечить неотвратимость наказания для лиц, посягающих на финансовые интересы государства и его граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1.Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. Москва, 2025. 741 с.

2.Абдульмянова, Т. В. Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров; Российский университет кооперации. Саранск, 2019. 80 с.

3.Абдульмянова, Т. В. Понятие и формы проявления коррупции в сфере государственных финансов // Право и управление. 2026. № 1. С. 97–106.

4.Мадатова, О. В. Правовые основы ключевых отраслей права: учебное пособие. Краснодар: АНО НИИ ЭПИТ, 2025. 235 с.

УДК 343

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ

Лунькин Максим Витальевич
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st803673@ruc.su

MAIN DIRECTIONS FOR INCREASING THE EFFECTIVENESS OF COUNTERING FINANCIAL CRIME: LEGISLATIVE AND ORGANIZATIONAL MEASURES

Lunkin Maxim Vitalievich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Эффективное противодействие преступности в финансовой сфере Российской Федерации требует комплексного, системного подхода, объединяющего усилия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, бизнеса и гражданского общества. Только при условии согласованного и последовательного решения всех перечисленных задач можно будет говорить о реальном снижении уровня финансовой преступности, обеспечении неотвратимости наказания для виновных лиц, защите прав и законных интересов потерпевших и укреплении экономической безопасности государства. В данной статье автором рассматриваются основные направления повышения эффективности противодействия преступности в финансовой сфере: законодательные и организационные меры.

Ключевые слова: преступность, финансовая сфера, преступления в сфере финансов, уголовная ответственность, уголовное наказание.

Effectively combating financial crime in the Russian Federation requires a comprehensive, systemic approach that combines the efforts of the legislative, executive, and judicial branches of government, business, and civil society. Only through coordinated and consistent solutions to all of these challenges will it be possible to achieve a real reduction in financial crime, ensure the inevitability of punishment for perpetrators, protect the rights and legitimate interests of victims, and strengthen the state's economic security. In this article, the author examines the main areas of increasing the effectiveness of combating crime in the financial sector: legislative and organizational measures.

Keywords: crime, financial sphere, crimes in the financial sphere, criminal liability, criminal punishment.

Противодействие преступности в финансовой сфере Российской Федерации, несмотря на значительные успехи, достигнутые за четверть века существования национальной антиотмывочной системы, сталкивается с новыми вызовами, требующими постоянного совершенствования как законодательных, так и организационных механизмов. Анализ современного состояния правоприменительной и контрольной деятельности показывает, что наиболее эффективное противодействие может быть обеспечено только при условии комплексного, системного подхода, объединяющего усилия государства, бизнеса и гражданского общества. Основные направления повышения эффективности в этой сфере можно сгруппировать вокруг нескольких ключевых блоков: дальнейшее совершенствование уголовного и административного законодательства, оптимизация деятельности институциональной системы противодействия, внедрение передовых технологий цифрового мониторинга, укрепление международного сотрудничества и активизация профилактической работы, направленной на повышение финансовой и правовой грамотности населения. Каждое из этих направлений имеет свои приоритеты и инструменты реализации, но все они объединены общей целью – снижением уровня финансовой преступности, минимизацией наносимого ею ущерба и обеспечением неотвратимости наказания для виновных лиц [1].

Законодательное направление повышения эффективности противодействия финансовой преступности является, пожалуй, наиболее динамично развивающимся и в то же время наиболее дискуссионным. В 2025–2026 годах российским парламентом был принят целый ряд законов и законопроектов, направленных на закрытие существующих правовых пробелов и создание более эффективных механизмов борьбы с легализацией доходов, мошенничеством и иными финансовыми злоупотреблениями. Одним из ключевых документов стал Федеральный закон № 462-ФЗ от 15 декабря 2025 года, вносящий масштабные изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а также в статьи 4.1 и 5.1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах». Данный закон, вступающий в силу с 1 сентября 2026 года, существенно расширяет полномочия Росфинмониторинга по приостановлению подозрительных операций и усиливает контроль за использованием цифровых валют. Его реализация, по мнению разработчиков, позволит минимизировать риски вовлечения кредитных организаций в проведение высокорисковых операций, связанных с от-

мыванием доходов. Важным направлением законотворческой деятельности стало также ужесточение требований к банковским платежным агентам, у которых были выявлены многочисленные случаи незаконного использования персональных данных физических лиц для открытия без их ведома электронных кошельков. Новый закон лишает кредитные организации права поручать банковскому платежному агенту проведение идентификации клиента, что должно пресечь практику открытия подставных счетов и использования их для отмывания преступных доходов [2].

В феврале 2026 года Государственная Дума приняла в первом чтении масштабный законопроект, предусматривающий комплекс новых антимошеннических мер. Среди наиболее значимых новелл – установление лимита на выдачу гражданам банковских карт: не более двадцати карт во всех банках и не более пяти карт в одной кредитной организации. Банки будут обязаны проверять лимиты перед оформлением новой карты в единой информационной системе, а Центральный банк получит право при необходимости определять срок действия платёжных карт. Кроме того, законопроект предусматривает создание базы уникальных номеров мобильных устройств (IMEI), что позволит операторам связи оказывать услуги только для тех устройств, идентификаторы которых внесены в реестр, а также блокировать звонки с иностранных номеров при отсутствии согласия абонента.

Организационные меры повышения эффективности противодействия финансовой преступности включают в себя совершенствование деятельности как отдельных государственных органов, так и системы их взаимодействия. Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) как центральный элемент этой системы ставит перед собой на 2026 год ряд приоритетных задач, среди которых особое место занимает подготовка к пятому раунду взаимных оценок Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Как отметил на заседании Коллегии Службы первый заместитель директора Олег Крылов, в 2026 году национальная антиотмывочная система России будет отмечать четверть века своего существования, и к этому юбилею она подходит, учитывая такие вызовы, как активное развитие альтернативных финансовых механизмов расчётов для международного сотрудничества, продолжение использования информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта при совершении преступлений, включая отмывание доходов и финансирование терроризма. По итогам 2025 года было проведено более трёх тысяч финансовых расследований в отношении более тридцати тысяч фигурантов, правоохранительными органами по информации Росфинмониторинга возбуждено более 1100 уголовных дел, а сумма фактически возмещённых средств составила около 17 миллиардов рублей.

Этот сервис позволит оперативно обмениваться информацией между финансовой разведкой и следственными органами, что сократит время реагирования на выявленные риски и повысит эффективность финансовых расследований. Одновременно с этим Банк России издал Методические рекомендации по повышению внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов с наличными денежными средствами, что является частью системной работы по усилению внутреннего контроля в финансовых организациях. Кредитные организации, в свою очередь, продолжают совершенствовать свои антифрод-системы, которые в 2025 году позволили предотвратить хищение 13,9 триллиона рублей, а ежемесячно приостанавливать около 330 тысяч подозрительных переводов. При этом, как показал анализ судебной практики, эффективность работы кредитных организаций по противодействию мошенничеству далеко не всегда оценивается судами как безупречная, и в ряде случаев на банки возлагается ответственность за возврат похищенных средств, если они не проявили должной осмотрительности и не применили меры по блокировке подозрительных операций.

Одним из наиболее перспективных и вместе с тем дискуссионных направлений является правовое регулирование оборота криптовалют и иных цифровых активов. По инициативе Росфинмониторинга и при поддержке Банка России и Министерства финансов разрабатывается механизм обязательного контроля за операциями с криптовалютой на основе риск-ориентированного подхода. Законодательный вакуум, по мнению представителей финансовой разведки, делает криптовалюты всё более привлекательными для преступников в сравнении с традиционными финансовыми инструментами. Заместитель директора Росфинмониторинга Герман Негляд в интервью РИА Новости заявил, что точки обмена криптовалют на рубли в России должны регулироваться так же жёстко, как банки. Отсутствие регулирования является «слабым звеном» финансовой инфраструктуры, которым пользуются преступники для отмывания денег, и это слабое звено должно быть исключено. В Государственной Думе находится на рассмотрении законопроект «О цифровой валюте и цифровых правах», который определяет пять категорий регулируемых организаций рынка (биржи, брокеры, управляющие компании, депозитарии и обменники) и устанавливает условия допуска к криптовалютам для квалифицированных и неквалифицированных инвесторов. Регулирование оборота криптовалют является одним из требований ФАТФ, и его отсутствие негативно влияет на оценку России со стороны этой организа-

ции. Принятие данного закона, по мнению экспертов, не только создаст правовые рамки для легального оборота цифровых активов, но и позволит вывести из тени значительный сегмент финансового рынка, который в настоящее время активно используется для отмывания преступных доходов. Вместе с тем, как обоснованно отмечается в научной литературе, регулирование криптовалют должно быть сбалансированным: с одной стороны, оно не должно создавать избыточных барьеров для развития инновационных финансовых технологий, а с другой – должно обеспечивать эффективный контроль за соблюдением антиотмывочного законодательства и пресечение незаконных операций [3].

Особого внимания заслуживает также развитие института цифрового рубля как инструмента контроля и противодействия финансовым злоупотреблениям. Как уже отмечалось в предыдущей главе, цифровой рубль, являясь централизованной цифровой валютой (CBDC), эмитентом и оператором платформы которого выступает сам Центральный банк, обеспечивает полную прослеживаемость всех операций, что открывает беспрецедентные возможности для мониторинга и контроля. С 1 июля 2025 года вступили в силу поправки в законодательство о противодействии легализации доходов, распространившие действие его норм на операции с цифровым рублём. На Банк России как оператора платформы возложены обязанности по выполнению процедур ПОД/ФТ/ФРОМУ, оценке рисков каждого пользователя с классификацией на низкий, средний и высокий уровни в зависимости от степени подозрительности его операций, а также по определению видов операций с цифровыми рублями, которые подлежат обязательному контролю. Коммерческие банки, выступающие в роли участников платформы, также обязаны проводить антиотмывочный контроль и вправе отказывать в проведении операций с цифровыми рублями при возникновении подозрений. Планируемая Счётной палатой проверка соблюдения антиотмывочных норм на платформе цифрового рубля, намеченная на период с декабря 2025 года по март 2026 года, призвана оценить эффективность новых механизмов и выявить возможные правоприменительные проблемы. Внедрение цифрового рубля, таким образом, знаменует собой переход к принципиально новой модели финансового мониторинга, где контроль встроен непосредственно в технологию совершения операций, что позволяет не только выявлять, но и предотвращать подозрительные транзакции на стадии их возникновения [4].

Не менее важным направлением повышения эффективности противодействия финансовой преступности является укрепление международного сотрудничества. Несмотря на геополитическую напряжённость и санкционное давление, Россия продолжает активно взаимодействовать с финансовыми разведками дружественных государств, а также с международными организациями в рамках ФАТФ, Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), БРИКС и других объединений. Как отметил директор Росфинмониторинга Юрий Чиханчин в приветственном слове к 47-му выпуску журнала «Финансовая безопасность», необходимо продолжить работу по гармонизации национальных законодательств на основе профильных документов ООН и Рекомендаций ФАТФ, приведению их в соответствие с потребностями практики и активному использованию международного опыта в данной сфере. В сентябре 2025 года представители Национального центрального бюро Интерпола МВД России приняли участие в заседании экспертной рабочей группы Интерпола по отслеживанию и возврату активов, полученных преступным путём, где обсуждались новые механизмы международного обмена информацией об активах. Россия также продолжает выстраивать и углублять двустороннее сотрудничество с финансовыми разведками Кубы, Мадагаскара, стран БРИКС и Ближнего Востока. В ноябре 2025 года были достигнуты договорённости с Беларусью об усилении совместной борьбы с финансовой преступностью, включая проведение параллельных расследований в отношении организаторов и участников организованных преступных групп. По инициативе Росфинмониторинга в 2026–2028 годах будет переработан модельный закон МПА СНГ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» с учётом изменений, произошедших в экономических отношениях за последние одиннадцать лет. Все эти меры направлены на укрепление международного правового сотрудничества и обеспечение неотвратимости наказания для лиц, совершающих транснациональные финансовые преступления.

Особое место в системе мер повышения эффективности противодействия финансовой преступности занимает профилактика, включающая в себя повышение финансовой и правовой грамотности населения. Как справедливо отмечается в криминологической литературе, значительная часть финансовых преступлений, особенно мошенничеств с использованием методов социальной инженерии, могла бы быть предотвращена, если бы потенциальные жертвы обладали элементарными знаниями о способах защиты от финансовых злоумышленников. В 2025–2026 годах государством и Банком России реализуется целый ряд просветительских проектов. В частности, проводится Международная

олимпиада по финансовой безопасности, направленная на повышение информационной, финансовой и правовой грамотности молодого поколения, поиск талантливой молодёжи, стимулирование учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности в области финансовой безопасности. Минфином России подготовлены информационные материалы, направленные на защиту граждан от телефонного мошенничества, дропперства и иных рисков потери денежных средств, включая анимированные видеоролики, наглядно демонстрирующие методы защиты, и информационные карточки с разбором актуальных мошеннических схем. Банком России на постоянной основе организуются и проводятся мероприятия по повышению финансовой грамотности, в том числе по противодействию кибермошенничеству. В школах внедряются новые образовательные программы, позволяющие системно и последовательно обучать финансовой грамотности, включая вопросы противостояния дропперам и ИИ-мошенникам. Эти меры, хотя и не могут полностью устранить корыстную мотивацию преступников, способствуют снижению уязвимости населения и формированию в обществе атмосферы нетерпимости к любым формам финансовых злоупотреблений [5].

Важным направлением совершенствования организационных мер является также повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей, специализирующихся на расследовании и рассмотрении дел о финансовых преступлениях. Как показал анализ правоприменительной практики, одной из причин невысокой эффективности противодействия финансовой преступности является недостаточная подготовка следователей, оперативных сотрудников и судей в области финансового права, бухгалтерского учёта и современных информационных технологий [6]. Требуется дальнейшее развитие системы профессионального образования и повышения квалификации, включая организацию специализированных курсов, тренингов и семинаров с привлечением ведущих экспертов в области финансового мониторинга, криминалистики и цифровых технологий. Международный учебно-методический центр финансового мониторинга (МУМЦФМ) играет ключевую роль в этом процессе, организуя обучение для представителей не только России, но и стран-партнёров по БРИКС, ЕАГ и другим объединениям. В декабре 2025 года в Москве прошёл международный семинар «Актуальные вопросы организации и проведения финансовых расследований», в котором приняли участие представители финансовых разведок стран Ближнего Востока и Северной Африки, БРИКС, а также эксперты в области противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. Такие мероприятия способствуют обмену передовым опытом, повышению квалификации специалистов и укреплению профессиональных связей между финансовыми разведками разных стран [7].

Подводя итог анализу основных направлений повышения эффективности противодействия преступности в финансовой сфере, следует констатировать, что они образуют взаимосвязанную систему, каждый элемент которой необходим для достижения общей цели – снижения уровня финансовой преступности и минимизации её негативных последствий для экономической безопасности государства. Законодательное направление требует дальнейшего совершенствования уголовного и административного законодательства в части устранения пробелов и противоречий, уточнения критериев разграничения смежных составов, установления сбалансированных санкций, адекватных степени общественной опасности совершённых деяний, и чётких правил применения нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел. Организационное направление предполагает оптимизацию работы Росфинмониторинга, правоохранительных органов и контролирующих ведомств, внедрение современных информационных технологий и аналитических инструментов в практику финансовых расследований, а также укрепление межведомственного взаимодействия и координации действий всех участников системы противодействия. Технологическое направление требует дальнейшего развития систем мониторинга криптовалютных транзакций, внедрения платформы цифрового рубля как инструмента контроля, создания единых информационных баз данных о подозрительных операциях и лицах, их совершающих. Международное направление включает в себя укрепление сотрудничества с финансовыми разведками дружественных государств, участие в работе международных организаций, гармонизацию национального законодательства с международными стандартами и разработку механизмов возврата активов, выведенных за рубеж. Наконец, профилактическое направление, включающее повышение финансовой грамотности населения и профессиональной квалификации специалистов, является не менее важным, чем правоохранительная и контрольная деятельность, поскольку оно направлено на устранение самих условий, способствующих совершению финансовых преступлений, и формирование в обществе устойчивого иммунитета к криминальным практикам в финансовой сфере.

Таким образом, эффективное противодействие преступности в финансовой сфере Российской Федерации требует комплексного, системного подхода, объединяющего усилия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, бизнеса и гражданского общества. Только при условии согласованного и последовательного решения всех перечисленных задач можно будет говорить о ре-

альном снижении уровня финансовой преступности, обеспечении неотвратимости наказания для виновных лиц, защите прав и законных интересов потерпевших и укреплении экономической безопасности государства. Путь к этой цели, безусловно, долог и труден, однако темпы развития антиотмывочной системы России за четверть века её существования дают основания для сдержанного оптимизма. Предстоящий пятый раунд взаимных оценок ФАТФ станет серьёзным испытанием для национальной системы ПОД/ФТ, но одновременно и мощным стимулом для её дальнейшего совершенствования. Задача, стоящая перед государством и обществом, заключается в том, чтобы, сохранив всё позитивное, что было достигнуто за эти годы, продолжить движение вперёд, адекватно реагируя на новые вызовы и угрозы, которые неизбежно будут возникать в условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1.Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. Москва, 2025. 741 с.

2.Абдульмянова, Т. В. Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров; Российский университет кооперации. Саранск, 2019. 80 с.

3.Абдульмянова, Т. В. Понятие и формы проявления коррупции в сфере государственных финансов // Право и управление. 2026. № 1. С. 97–106.

4.Антонов, В.Ф. «Экономические преступления»: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2026. 225 с.

5.Гаспарян, К. В., Величко, А. В. Финансовая безопасность в условиях цифровой трансформации преступности: вызовы и механизмы системной защиты // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. С. 9–17

6.Иванов, А. В. Анализ и классификация финансовых правонарушений в инвестиционной сфере // Развитие теории и механизмов повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности пространственного развития экономики регионов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2025. С. 208–212

7.Мадатова, О. В. Правовые основы ключевых отраслей права: учебное пособие. Краснодар: АНО НИИ ЭПИТ, 2025. 235 с.

УДК 343

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Лунькин Максим Витальевич

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st803673@ruc.su

CONCEPT AND STRUCTURE OF CRIME IN THE FINANCIAL SPHERE

Lunkin Maxim Vitalievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Финансовая система государства выступает критически важным объектом уголовно-правовой охраны, поскольку ее стабильность определяет экономическую безопасность страны в целом. В данной статье автор рассматривает понятие и структуру преступности в финансовой сфере.

Ключевые слова: преступность, финансовая сфера, преступления в сфере финансов, уголовная ответственность, уголовное наказание.

A state's financial system is a critically important element of criminal law protection, as its stability determines the country's overall economic security. In this article, the author examines the concept and structure of financial crime.

Keywords: crime, financial sphere, crimes in the financial sphere, criminal liability, criminal punishment.

Преступность в финансовой сфере в современной России представляет собой одно из наиболее опасных и сложных для противодействия социально-правовых явлений. Её деструктивное воздействие проявляется не только в причинении прямого имущественного ущерба государству, юридическим и физическим лицам, но и в подрыве устойчивости национальной финансовой системы, снижении инвестиционной привлекательности экономики, деформации конкурентной среды и утрате доверия населения к финансовым институтам [1]. Несмотря на принимаемые государством меры, масштабы финансовой преступности остаются значительными, а её латентный характер не позволяет в полной мере оценить реальные угрозы. В связи с этим теоретическое осмысление природы, структуры и криминологических особенностей преступности в финансовой сфере выступает необходимой предпосылкой для выработки эффективных мер её предупреждения и пресечения.

В юридической науке отсутствует единое, общепризнанное определение понятия «преступность в финансовой сфере». Это обусловлено межотраслевым характером данного феномена, который нахо-

дится на стыке уголовного права, криминологии, финансового права и экономической теории. В широком, криминологическом смысле под преступностью в финансовой сфере понимается совокупность всех преступных деяний, посягающих на общественные отношения, складывающиеся в процессе образования, распределения и использования централизованных и децентрализованных денежных фондов государства, муниципальных образований, а также денежных средств юридических и физических лиц. В узком, уголовно-правовом смысле это понятие охватывает лишь те преступления, ответственность за которые прямо предусмотрена нормами уголовного закона о деяниях в сфере финансовой деятельности [2]. При этом важно учитывать, что бюджетные и налоговые преступления являются разновидностями финансовых преступлений, поскольку бюджетное и налоговое право выступают подотраслями финансового права, и все они посягают на единый родовой объект – финансовые интересы государства и общества.

Сущностными признаками финансовой преступности, позволяющими отграничить её от иных видов преступной деятельности, выступают прежде всего особенности объекта, предмета, способа и субъекта посягательства. Родовым объектом здесь служат общественные отношения в сфере финансовой деятельности, то есть отношения по поводу формирования, распределения и использования денежных фондов.

Предметом посягательства выступают денежные средства в наличной и безналичной формах, ценные бумаги, валютные ценности, а также права на имущество, имеющие денежную оценку. Характерной чертой предмета финансовых преступлений является его высокая ликвидность, что предопределяет специфику способов их совершения и последующего сокрытия.

Способы совершения финансовых преступлений отличаются сложностью, многостадийностью и завуалированностью: преступники активно используют создание фиктивных организаций, подделку финансовых документов, подконтрольные юридические лица (так называемые фирмы-однодневки), транзитные операции через посредников и различные юрисдикции, а также современные информационно-телекоммуникационные технологии. Наконец, субъектный состав финансовой преступности имеет ярко выраженную специфику: значительная часть лиц, совершающих такие преступления, обладает высоким уровнем образования, профессиональными познаниями в области финансов, экономики и права, а также имеет доступ к финансовой информации и ресурсам в силу занимаемого служебного положения [3].

Структура преступности в финансовой сфере представляет собой внутреннее строение данного явления, совокупность отдельных видов, групп и категорий преступлений, объединённых общностью объекта посягательства, но различающихся по способам совершения, предмету, субъектному составу и степени общественной опасности. Вопрос о классификации финансовых преступлений относится к числу дискуссионных в современной науке, однако на основе анализа уголовного законодательства, финансового права и сложившейся правоприменительной практики можно выделить несколько основных групп [4].

Первую группу образуют преступления в сфере налогообложения, или налоговые преступления, к которым относятся уклонение от уплаты налогов и сборов с физического лица, уклонение от уплаты налогов с организации, неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытие денежных средств либо имущества, за счёт которых должно производиться взыскание налогов. Налоговые преступления характеризуются крайне высокой степенью латентности, что связано со сложностью выявления фактов сокрытия налогооблагаемой базы и необходимостью доказывания умысла на уклонение от уплаты налогов.

Вторую значимую группу составляют преступления в бюджетной сфере, то есть деяния, нарушающие установленный порядок формирования и расходования средств государственного бюджета и государственных внебюджетных фондов. К их числу относятся нецелевое расходование бюджетных средств, нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов, внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений. Особую общественную опасность представляют преступления, связанные с хищением бюджетных средств, выделяемых в рамках государственных программ, национальных проектов и государственных закупок.

Третья группа объединяет преступления в кредитно-банковской сфере, включая незаконную банковскую деятельность, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, а также привлечение денежных средств граждан в крупном размере, известное как финансовые пирамиды. Данные преступления часто совершаются с использованием подконтрольных юридических лиц и сложных схем перечисления денежных средств, что существенно затрудняет их выявление и расследование.

Четвёртой группой выступает финансовое мошенничество, которое в широком смысле охватывает

множество преступных деяний, включая мошенничество в сфере кредитования, в сфере получения субсидий, с использованием платёжных карт, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации. В современных условиях наиболее распространённым становится мошенничество с использованием банковских карт и систем дистанционного банковского обслуживания. По данным официальной статистики, основная часть мошеннической активности приходится на операции с платёжными картами, и ежегодно фиксируются сотни тысяч таких случаев.

Пятую группу образуют преступления, связанные с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, ответственность за которые предусмотрена статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный вид преступлений считается одним из наиболее опасных, поскольку он не только причиняет непосредственный имущественный ущерб, но и создаёт основу для интеграции преступных доходов в легальную экономику, тем самым обеспечивая финансовую базу для иной криминальной деятельности.

К шестой группе относятся преступления на рынке ценных бумаг и в сфере коллективных инвестиций: злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, манипулирование рынком, воспрепятствование осуществлению прав владельцев ценных бумаг, незаконная деятельность на рынке ценных бумаг. Наконец, в отдельную группу выделяются валютные и таможенные преступления, связанные с финансовыми потоками, а также иные составы, такие как неправомерный оборот средств платежей, незаконное образование юридического лица и незаконное использование документов для его создания [6].

Финансовая преступность представляет собой исторически изменчивое социально-правовое явление, эволюция которого неразрывно связана с развитием экономических отношений и форм общественного производства [7]. Анализ генезиса финансовых преступлений позволяет выявить закономерности трансформации криминальной активности в зависимости от уровня развития финансовых институтов, технологий денежного обращения и степени государственного регулирования экономики [8].

Для предупреждения преступности в финансовой сфере необходимы повышение финансовой грамотности населения, внедрение передовых технологий мониторинга и анализа финансовых операций, укрепление кадрового потенциала правоохранительных органов, а также формирование в обществе атмосферы нетерпимости к любым формам финансовых злоупотреблений. Только при выполнении этих условий можно будет говорить о реальном снижении уровня финансовой преступности и минимизации её негативных последствий для экономической безопасности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1.Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. Москва, 2025. 741 с.

2.Абдульмянова, Т. В. Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров; Российский университет кооперации. Саранск, 2019. 80 с.

3.Абдульмянова, Т. В. Понятие и формы проявления коррупции в сфере государственных финансов // Право и управление. 2026. № 1. С. 97–106.

4.Антонов, В. Ф. Экономические преступления: учебник для вузов. Москва, 2026. 225 с.

5.Мадатова, О. В. Правовые основы ключевых отраслей права: учебное пособие. Краснодар: АНО НИИ ЭПИТ, 2025. 235 с.

6.Мусина, И. М. Современные вызовы финансового рынка: киберриски и криптовалютные нарушения // Молодой ученый. 2025. № 39 (590). С. 210–212

7.Петросян, О. Ш., Трунцевский, Ю. В., Барикаев, Е. Н., Саркисян, А. Ж. Экономические и финансовые преступления: учебное пособие для студентов вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 311 с.

УДК 342.9

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Макаров Владислав Анатольевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st809215@ruc.su

THE PURPOSE OF PUNISHMENT FOR ADMINISTRATIVE OFFENSES

Makarov Vladislav Anatolievich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются теоретические и правовые аспекты целей административного наказания, а также анализируется законодательное закрепление целей в КоАП РФ, рассматриваются различные научные подходы к их пониманию в советский и современный периоды. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам, а именно соотношению кары и превенции и роли воспитательной цели. На основе проведенного анализа формулируются выводы о необходимости комплексного подхода к определению целей и предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: административное наказание, цели наказания, превенция, кара, воспитание, общая и частная превенция, административная ответственность.

The article examines the theoretical and legal aspects of the goals of administrative punishment, as well as analyzes the legislative consolidation of goals in the Administrative Code of the Russian Federation, examines various scientific approaches to their understanding in the Soviet and modern periods. Special attention is paid to controversial issues, namely the relationship between punishment and prevention and the role of the educational goal. Based on the analysis, conclusions are drawn about the need for an integrated approach to defining goals and proposals for improving legislation.
Keywords: administrative punishment, the purpose of punishment, prevention, punishment, education, general and private prevention, administrative responsibility.

Институт административного наказания занимает центральное место в механизме административно-правового принуждения. От того, насколько четко определены и реализуются цели административных наказаний, напрямую зависит эффективность противодействия административным правонарушениям. Федеральный законодатель в статье 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) определил цель административного наказания как «предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» [1]. Однако такая лаконичная формулировка порождает множество дискуссий в научной среде относительно полноты и достаточности законодательного закрепления целей.

Прежде чем перейти к анализу целей, необходимо определиться с понятием самого административного наказания. Также в части 1 статьи 3.1 КоАП РФ оно определяется как «установленная государством мера ответственности за совершение административного правонарушения» [1]. Данное определение позволяет выделить ряд сущностных признаков административного наказания, а именно оно является мерой государственного принуждения, применяется только за совершение административного правонарушения, назначается в особом процессуальном порядке и влечет для правонарушителя определенные лишения или ограничения.

В отличие от КоАП РСФСР, где использовался термин «административное взыскание» и среди целей называлось «воспитание лица, совершившего административное правонарушение, в духе соблюдения советских законов, уважения к правилам социалистического общежития», действующий Кодекс отказался от воспитательной составляющей [2].

Как отмечается в юридической литературе, это связано с тем, что воспитание не может быть применено к юридическим лицам, которые также являются субъектами административной ответственности. Президента РФ прямо указывал на недопустимость причисления воспитания к целям административных наказаний, поскольку данное положение не может быть отнесено к юридическим лицам [3].

Законодатель в ст. 3.1 КоАП РФ закрепил, по сути, одну цель – превентивную, разделив ее на два направления: частную превенцию (предупреждение совершения новых правонарушений самим правонарушителем) и общую превенцию (предупреждение совершения правонарушений другими лицами). При этом важно отметить, что часть 2 указанной статьи устанавливает запрет на использование административного наказания для унижения человеческого достоинства, причинения физических страданий или нанесения вреда деловой репутации юридического лица, что отражает гуманистические начала административной ответственности.

В науке административного права понятие целей наказания трактуется шире. Под целями понимается «тот социальный результат, к которому государство стремится, устанавливая и применяя к лицам, виновным в совершении правонарушения, административное наказание» [4, с. 172]. Такой подход позволяет рассматривать цели административного наказания в системе более широких общественных отношений.

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько этапов и подходов к пониманию целей административных наказаний. В советский период развития юридической науки сформировались три основные группы ученых по данному вопросу.

Представители первой группы (М. А. Ефимов, Б. С. Никифоров) считали основной целью наказания кару, полагая, что исправление и перевоспитание не могут рассматриваться в качестве самостоятельных целей. Вторая группа ученых (А. А. Герцензон, А. А. Пионтковский, М. Д. Шаргородский) придерживались противоположной точки зрения, утверждая, что кара не может быть целью наказания, а единственной конечной целью является предупреждение преступлений. Наиболее взвешенной представляется позиция третьей группы ученых, ярким представителем которой являлся И. И. Карпец. Он выделял четыре взаимосвязанные цели наказания: предупреждение, исправление, перевоспитание и кару. При этом ученый подчеркивал, что «всякая

попытка перенести перспективы будущего на сегодняшний день, игнорируя социальные условия и возможности, уровень экономического развития общества, общественного и индивидуального сознания людей, не имеет перспективы» [5].

Применительно к административно-правовым санкциям значительный вклад в развитие учения о

целях внес профессор И. И. Веремеенко, который в работе «Административно-правовые санкции» выделил три непосредственные цели административных наказаний: кару, исправление и перевоспитание, а также предупреждение совершения новых проступков как лицом, подвергнутым наказанию, так и иными лицами [6]. По сути, этот подход синтезировал наработки уголовно-правовой науки применительно к административной системе.

Современные исследователи, развивая теоретические положения предшественников, предлагают более широкий взгляд на цели административных наказаний. Так, Д. А. Липинский обосновывает необходимость рассмотрения целей наказаний во взаимосвязи с целями института административной ответственности и юридической ответственности в целом, поскольку все это составляет единую систему. Он выделяет следующие цели административных наказаний: правовое регулирование общественных отношений, кара административного правонарушителя, превенция правонарушений, восстановление общественных отношений, воспитание административного правонарушителя [7]. Данный подход заслуживает особого внимания, поскольку позволяет рассматривать административное наказание не изолированно, а как элемент более широкой правовой системы.

Наиболее дискуссионным в науке административного права остается вопрос о включении кары в систему целей административного наказания. Часть ученых, основываясь на буквальном толковании ст. 3.1 КоАП РФ, полагают, что кара не может рассматриваться как цель, поскольку законодатель прямо указывает лишь на превентивную направленность. Другие исследователи, напротив, считают, что кара имманентно присуща любому наказанию и проявляется в тех лишениях и ограничениях, которые претерпевает правонарушитель.

Представляется обоснованной позиция, согласно которой кара является не целью, а сущностью наказания, его внутренним содержанием. Как справедливо отмечается в литературе, «термин кара» не является специфическим правовым. Это широкое общесоциальное понятие, которое употребляется там и тогда, где и когда речь идет о реализации ответственности виновного лица за совершенный им «грех», проступок, преступление – за зло, причиненное им государству, обществу или отдельному лицу» [8]. Карательная сущность административного наказания остается неизменной вне зависимости от того, каковы его цели как правового явления.

Особого внимания заслуживает вопрос о воспитательной цели административного наказания. Как уже отмечалось, действующее законодательство исключило воспитание из числа целей. Однако многие ученые полагают это решение спорным. Сам факт применения наказания, официальное осуждение противоправного поведения со стороны государства оказывает воспитательное воздействие на правонарушителя, формирует у него уважение к закону. Кроме того, воспитательное воздействие распространяется и на иных лиц, которые, наблюдая за применением наказания к правонарушителю, корректируют свое поведение. В этом смысле воспитательная функция тесно переплетается с общей превенцией.

Еще одним важным аспектом является регулятивная цель административных наказаний. Административное право охватывает все сферы функционирования государства и общества: социально-политическую, экономическую, сферу государственного управления, сферу защиты прав и свобод граждан. Устанавливая запреты и санкции за их нарушение, законодатель тем самым регулирует общественные отношения, определяет допустимые границы поведения. Также можно отметить, что административные наказания главным образом направлены на регулирование общественных отношений. Регулятивная функция проявляется в нескольких направлениях: предварительное регулятивное воздействие на потенциальных правонарушителей, регулирование системы государственного управления в процессе правоприменительной практики, регулирование поведения правонарушителей после принятия решения по делу.

Анализ различных научных подходов позволяет говорить о существовании системы целей административного наказания, элементы которой находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Карательная цель (или сущность) создает основу для реализации превентивных целей. Общая и частная превенция, в свою очередь, невозможны без воспитательного воздействия на правонарушителя и иных лиц. Регулятивная цель пронизывает все остальные, определяя границы и механизмы их достижения.

Важно отметить, что цели административного наказания не могут быть достигнуты изолированно, только лишь самим фактом назначения наказания. Необходимым условием является реальная исполнимость назначаемых наказаний.

В связи с этим особое значение приобретает принцип неотвратимости наказания. Еще в XVIII веке французский правовед Ш. Л. Монтескье писал: «Вникните в причины всякой преступности и вы увидите, что она проистекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний» [5]. Этот вывод сохраняет актуальность и для современных административных правонарушений.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, законодательное закрепление целей административного наказания в ст. 3.1 КоАП РФ является узким и не в полной мере отражает все многообразие задач, стоящих перед институтом административной ответственности. Целесообразно расширить перечень целей, включив в него наряду с общей и частной превенцией также регулятивную и воспитательную составляющие.

Во-вторых, в науке административного права существует широкий спектр мнений относительно целей наказания – от признания единственной цели превенции до выделения многоуровневой системы целей, включающей кару, исправление, перевоспитание, восстановление общественных отношений. Наиболее обоснованным представляется комплексный подход, учитывающий взаимосвязь всех элементов системы.

В-третьих, проблема реализации целей административного наказания неразрывно связана с обеспечением неотвратимости наказания. Без эффективного механизма исполнения назначенных наказаний любые, даже самые совершенные, законодательные формулировки целей останутся декларативными. В связи с этим необходимы дальнейшие научные исследования и совершенствование как законодательной, так и правоприменительной практики в части обеспечения реальной исполнимости административных наказаний.

Только комплексный подход, учитывающий теоретические разработки, законодательные положения и реалии правоприменительной практики, способен обеспечить эффективное достижение целей административного наказания и как следствие, надлежащую охрану общественных отношений и правопорядка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // URL: http://www.consultant.ru.

2. Понятие и цели административного наказания / А. А. Скачкова,

И. И. Скачкова, О. Н. Антимонова, М. Е. Антимонов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7-3 (94). С. 108–111.

3. Мятникова, К. И. Цели административного наказания // Правовестник. 2019. № 5(16). С. 201–203.

4. Карпова, Е. А. Административные наказания: цель, система, виды // Конкурс лучших студенческих работ: сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2020. С. 171–175.

5. Черняев, С. Г. К вопросу о целях административных наказаний // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 149–152.

6. Веремеенко, И. И. Административно-правовые санкции. Москва: Юрид. лит., 1975. 192 с.

7. Липинский Д. А. Понятие административного наказания // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 24–43.

8. Мухамедьянова, Д. Р. Административное наказание: сущность и содержание // Всероссийский форум молодых исследований – 2022: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 107–115.

УДК 343

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ О КОМПЬЮТЕРНЫХ ХИЩЕНИЯХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Макарова Ольга Дмитриевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st811810@ruc.su

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE FORMATION OF RULES ON COMPUTER THEFT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Makarova Olga Dmitrievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется процесс становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за хищения, совершаемые с использованием компьютерных средств. На основе анализа исторических прецедентов, начиная с советского периода, и последующих законодательных изменений прослеживается эволюция правовых норм от квалификации компьютерных хищений по общим статьям о преступлениях против собственности до выделения специального состава в статье 159.6 УК РФ. Рассматриваются проблемы криминализации данного вида деяний, исторический контекст появления первых компьютерных преступлений в СССР и России, а также факторы, обусловившие необходимость дифференциации ответственности в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовная норма, преступление, компьютерные хищения, мошенничество в сфере компьютерной информации, эволюция уголовного законодательства, история компьютерной преступности, ст. 159.6 УК РФ, квалификация преступлений.

The article examines the process of formation and development of domestic criminal legislation on liability for thefts committed using computer tools. Based on an analysis of historical precedents, starting from the Soviet period, and subsequent legislative

changes, the evolution of legal norms is traced from the classification of computer theft under general articles on crimes against property to the allocation of a special element in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article examines the issues of criminalization of this type of act, the historical context of the emergence of the first computer crimes in the USSR and Russia, as well as the factors that determined the need for differentiation of responsibility in the context of the digitalization of the economy.

Keywords: criminal law, criminal norm, crime, computer theft, computer fraud, evolution of criminal legislation, history of computer crime, Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, classification of crimes.

Стремительное развитие информационных технологий во второй половине XX века не только открыло новые возможности для экономического и социального прогресса, но и породило принципиально новые виды противоправных деяний, поставивших перед законодателем и правоприменителем сложные задачи по их криминализации и квалификации. Сегодня, когда цифровизация проникла во все сферы общественной жизни, а электронные платежи стали обыденностью, проблема противодействия хищениям с использованием компьютерных средств приобрела особую актуальность. Однако формирование адекватного правового механизма борьбы с такими деяниями имело длительную и противоречивую историю, изучение которой необходимо для понимания современного состояния законодательства и перспектив его совершенствования.

История компьютерных преступлений в нашей стране берёт своё начало в конце 1970-х годов, когда вычислительная техника только начинала внедряться в управленческие и финансовые процессы. Примечательно, что первые деяния такого рода были совершены в условиях отсутствия не только специализированного законодательства, но и самого понятия «компьютерная информация» в правовом поле.

Подлинно знаковым событием, вошедшим в историю отечественной криминалистики, стало так называемое «Вильнюсское дело» 1979 года – хищение, официально признанное Интерполом первым компьютерным преступлением в СССР. Оператор почтовой связи Н., используя уязвимости в системе ЭВМ «Онега», обрабатывавшей пенсионные выплаты, в течение двух лет манипулировала данными, создавая виртуальные излишки средств, которые затем изымала из кассы и присваивала. Общая сумма хищения составила 78 584 рубля – значительную по тем временам сумму.

Примечательно, что преступление было выявлено лишь в ходе плановой ревизии, а не средствами оперативного контроля. При привлечении к ответственности перед следствием и судом встала сложная задача юридической квалификации содеянного. Поскольку специальных статей о компьютерных преступлениях в Уголовном кодексе Литовской ССР (как и в общесоюзном законодательстве) не существовало, фигурантку осудили по «традиционной» норме о хищении социалистической собственности. Этот случай наглядно продемонстрировал, что существующее уголовное законодательство не учитывает специфики новых технологических способов совершения преступлений, однако правоприменитель вынужден адаптировать общие нормы к новым реалиям [1, С. 1649–1650].

Другим показательным примером стал инцидент на Волжском автомобильном заводе в Тольятти в августе 1983 года. Программист, недовольный действиями администрации, преднамеренно изменил код программы, управлявшей подачей компонентов на сборочную линию. Результатом стала задержка выпуска нескольких сотен автомобилей, что повлекло прямой финансовый и репутационный ущерб для предприятия. В данном случае суд квалифицировал действия виновного по части 2 статьи 98 УК РСФСР как умышленное уничтожение или повреждение государственного имущества, назначив наказание в виде трёх лет лишения свободы условно с обязательством возместить ущерб.

Обращает на себя внимание подход суда к определению предмета преступного посягательства. Поскольку программное обеспечение не рассматривалось как самостоятельный объект правовой охраны, а воспринималось как составная часть имущественного комплекса предприятия, вмешательство в его работу было приравнено к порче оборудования. Это отражало общий уровень технологического развития и правосознания того времени, когда информация ещё не осознавалась как самостоятельная ценность и объект права.

В 1987–1988 годах произошло ещё одно значимое событие – появление первого компьютерного вируса в СССР. Хотя первоначально вирусы воспринимались скорее, как технический курьёз или хулиганство, их деструктивный потенциал быстро стал очевидным для специалистов. Однако правового механизма противодействия созданию и распространению вредоносных программ по-прежнему не существовало.

Таким образом, советский период характеризовался наличием единичных прецедентов компьютерных хищений и иных деяний с использованием ЭВМ, которые квалифицировались по общим нормам о хищениях, уничтожении имущества или должностных преступлениях. Законодатель ещё не осознавал необходимости специального регулирования, а правоохранительная система лишь эпизодически сталкивалась с подобными случаями.

Распад СССР и переход к рыночной экономике сопровождался кардинальными изменениями в финансовой системе, появлением коммерческих банков, развитием электронных платежей и, как следствие, резким ростом числа преступлений с использованием компьютерных средств. 1990-е годы стали периодом, когда компьютерная преступность из экзотических единичных случаев превратилась в системную угрозу экономической безопасности [2, С. 101–102].

Особого внимания заслуживает попытка хищения в Центробанке России в 1993 году. Преступники пытались похитить 68 миллиардов неденоминированных рублей, и лишь своевременное вмешательство правоохранительных органов предотвратило реализацию этого замысла. В 1994 году путём внесения изменений в информационные массивы компьютеров расчётно-кассового центра в Махачкале злоумышленники пытались похитить уже свыше 35 миллиардов рублей.

На этом фоне произошло событие, получившее международный резонанс и во многом определившее дальнейшее развитие законодательства, – «дело Левина». В 1994–1995 годах житель Санкт-Петербурга Владимир Левин, по версии следствия, получил несанкционированный доступ к системе американского банка Citibank и попытался перевести более 10 миллионов долларов на счета в различных странах. Хотя большая часть средств (около 9,6 миллиона долларов) была возвращена, само дело приобрело широкую огласку. Левин был арестован в Лондоне в 1995 году, экстрадирован в США и в 1998 году осуждён к трём годам лишения свободы.

Это дело наглядно продемонстрировало транснациональный характер компьютерной преступности и недостаточность национальных правовых средств для противодействия таким деяниям. Оно также показало, что российские правоохранительные органы и законодательство оказались не готовы к расследованию и квалификации преступлений подобного масштаба и сложности.

В этих условиях стало очевидно, что дальнейшее игнорирование проблемы невозможно. Требовалось создание принципиально новой системы правового регулирования, учитывающей специфику компьютерной информации как предмета и средства совершения преступлений.

Закономерным ответом на вызовы времени стало включение в новый Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году и вступивший в силу 1 января 1997 года, отдельной главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Это событие ознаменовало качественно новый этап в развитии отечественного уголовного законодательства, впервые признавшего компьютерную информацию самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны.

Глава 28 первоначально включала три статьи:

– статья 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»;

– статья 273 «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ»;

– статья 274 «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети».

Значение этого шага трудно переоценить. Российский законодатель, следуя общемировым тенденциям, закрепил понимание того, что информационная безопасность является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, а вмешательство в работу компьютерных систем требует специальных составов преступлений. Как отмечают исследователи, именно прецеденты 1990-х годов, опережавшие законодательство, привели к появлению в новом Уголовном кодексе отдельной главы о компьютерных преступлениях [3, С. 63–64].

Однако важно подчеркнуть, что глава 28 не решала полностью проблему квалификации хищений с использованием компьютерных средств. Она устанавливала ответственность за неправомерный доступ к информации, создание вредоносных программ и нарушение правил эксплуатации, но сами хищения, совершаемые путём такого доступа, по-прежнему квалифицировались по статьям о преступлениях против собственности. Это порождало сложные вопросы о соотношении составов и необходимости дополнительной квалификации.

Правоприменительная практика пошла по пути квалификации содеянного по совокупности преступлений: если лицо неправомерно получало доступ к компьютерной системе и затем похищало денежные средства, его действия могли квалифицироваться и по статье 272 УК РФ, и по соответствующей статье о хищении (краже, мошенничестве или присвоении). Однако такой подход не был универсальным и вызывал дискуссии, поскольку не всегда было ясно, требуется ли дополнительная квалификация по статье 272 УК РФ, если неправомерный доступ являлся лишь способом совершения основного преступления.

Кроме того, сохранялась проблема разграничения собственно компьютерных преступлений и традиционных хищений, совершаемых с использованием компьютеров. Например, действия по несанкционированному переводу денежных средств путём взлома банковской системы можно было рассматривать и как кражу (тайное хищение), и как мошенничество (обман автоматизированной системы), и как неправомерный доступ к компьютерной информации. Единообразие в квалификации отсутствовало.

Следующий важнейший этап эволюции законодательства связан с принятием Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ, которым Уголовный кодекс был дополнен статьёй 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Появление этой нормы стало реакцией на стремительное развитие цифровой экономики, распространение интернет-банкинга, электронных платежей и необходимость дифференциации ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационных технологий.

Диспозиция статьи 159.6 УК РФ определила мошенничество в сфере компьютерной информации как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [4, С. 320].

После принятия статьи 159.6 УК РФ законодательство продолжало совершенствоваться с учётом правоприменительной практики и развития технологий. Важные изменения были внесены Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ, которым статья 159.6 УК РФ была дополнена квалифицирующим признаком «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (пункт «в» части 3). Это изменение отразило растущее значение безналичных расчётов и электронных платежей и выделило наиболее общественно опасные виды компьютерного мошенничества.

Существенные коррективы претерпели и пороговые значения крупного и особо крупного размера. С конца 2018 года крупным размером для статьи 159.6 УК РФ признаётся стоимость имущества, превышающая 250 тысяч рублей (ранее – 1,5 миллиона), а особо крупным – 1 миллион рублей (ранее – 6 миллионов). Такое снижение пороговых значений свидетельствует о признании законодателем высокой степени общественной опасности данных деяний и необходимости усиления ответственности за их совершение.

В настоящее время статья 159.6 УК РФ предусматривает ответственность вплоть до 10 лет лишения свободы со штрафом до одного миллиона рублей за совершение преступления организованной группой либо в особо крупном размере [6, С. 75].

Эволюция отечественного законодательства об ответственности за хищения с использованием компьютерных средств прошла длительный и сложный путь. От первых прецедентов конца 1970-х годов, когда подобные деяния квалифицировались по общим нормам о хищениях социалистической собственности или уничтожении имущества, через осознание необходимости специального регулирования в 1990-е годы, включение в Уголовный кодекс 1996 года главы о преступлениях в сфере компьютерной информации и, наконец, к выделению самостоятельного состава в статье 159.6 УК РФ в 2012 году – этот путь отражает общую тенденцию адаптации уголовного права к реалиям цифровой эпохи.

Принятие статьи 159.6 УК РФ стало важным шагом в совершенствовании механизмов противодействия компьютерной преступности. Однако практика применения этой нормы выявила ряд проблем, связанных с её терминологической неопределённостью, соотношением со смежными составами и сложностями доказывания. Существенную роль в унификации правоприменительной практики сыграли разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые, хотя и не разрешили всех дискуссионных вопросов, обеспечили единообразный подход к квалификации наиболее распространённых видов хищений [7, С. 188].

Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере должно учитывать, как стремительное совершенствование технологий, появление новых способов совершения преступлений, так и накопленный опыт правоприменения. Представляется, что наиболее перспективным направлением является не столько корректировка уголовно-правовых норм, сколько развитие системы профилактики компьютерных преступлений, повышение цифровой грамотности населения и совершенствование методик выявления и расследования таких деяний.

Опыт эволюции отечественного законодательства об ответственности за компьютерные хищения убедительно свидетельствует о том, что уголовное право, будучи по своей природе консервативной отраслью, вынуждено постоянно адаптироваться к технологическим изменениям, сохраняя при этом верность своим основополагающим принципам и понятиям. Задача законодателя и правоприменителя – найти оптимальный баланс между стабильностью правового регулирования и его адекватностью быстро меняющимся общественным отношениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азисов, А. Р. Понятие, способы совершения и меры борьбы с мошенничеством в сети интернет как формы хищения // Устойчивое развитие и кооперация: содействие внедрению инноваций: сборник трудов V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Мытищи, 2025. С. 1648–1657.

2. Арутюнян, А. А. Уголовная ответственность за мошенничество и его виды в Российской федерации // Современные достижения в развитии российского права: Сборник научных статей обучающихся. Сочи, 2025. С. 100–103.
3. Самиулина, Я. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной регламентации // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3(54). С. 62–65.
4. Модонов, Н. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: понятие и виды // Молодой ученый. 2024. № 50(549). С. 319–321.
5. Кузина, С. И. Мошенничество в цифровом пространстве и его особенности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 112–124.
6. Миллер, В. Ю. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран // Право и образование. 2025. № 10. С. 71–76.
7. Татаурова, В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемные вопросы теории и практики // Молодой ученый. 2025. № 43(594). С. 188–189.

УДК 343.85

НАРКОТИЧЕСКАЯ ВИКТИМНОСТЬ И «НАРКОТИЗИРОВАННАЯ СЕМЬЯ» КАК ВИКТИМОГЕННЫЙ ФАКТОР НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Маланьина Алина Алексеевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: malanina.a.a.@ruc.su

NARCOTIC VICTIMIZATION AND THE «NARCOTIC FAMILY» AS A VICTIMOGENIC FACTOR IN NARCOTIC CRIME

Malanьina Alina Alekseevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается феномен наркотической виктимности в контексте наркомании как медико социального явления и наркотизма как формы девиантного поведения. Особое внимание уделяется роли семейной среды, в том числе «наркотизированной семьи», в формировании виктимогенной предрасположенности несовершеннолетних к вовлечению в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Анализируются элементы состава наркотической виктимности (личность потерпевшего, характер причиняемого ущерба), а также основные направления виктимологической профилактики наркотизма.
Ключевые слова: наркомания, наркотизм, наркотическая виктимность, наркотизированная семья, семейная десоциализация, виктимологическая профилактика, несовершеннолетние, наркопреступность.

The article examines the phenomenon of drug-related victimization in the context of drug addiction as a medical and social phenomenon and drug abuse as a form of deviant behavior. Special attention is paid to the role of the family environment, including the "drug-addicted family," in shaping the victimogenic predisposition of minors to involvement in the illicit trafficking of drugs and psychotropic substances. The article analyzes the elements of drug-related victimization (the victim's personality and the nature of the damage caused), as well as the main areas of victimological prevention of drug abuse.
Keywords: drug addiction, drug abuse, drug victimization, drug-addicted family, family desocialization, victimological prevention, minors, drug crime.

Наркомания представляет собой прогрессирующее патологическое состояние, характеризующееся широким распространением в обществе, поскольку психоактивные вещества воздействуют на дофаминовую систему вознаграждения мозга, вызывая резкий дофаминовый всплеск, который снижает значимость естественных позитивных стимулов и формирует навязчивое стремление к повторному приёму. На начальной стадии потребления индивид испытывает кратковременное состояние искусственной эйфории, повышенной бодрости или релаксации, однако регулярное употребление формирует толерантность, которая обусловлена необходимостью увеличения доз для достижения прежнего эффекта, что приводит к неконтролируемой потребности в повторных дозах, необратимому разрушению высших психических функций, эмоциональному истощению и, как правило, вовлечению в совершение как наркопреступлений, так и иных имущественных и насильственных преступлений для получения средств на приобретение наркотиков.

Наркотизм выступает ярко выраженным девиантным социальным явлением, подрывающим основы общественных связей. Зависимые лица зачастую частично или полностью утрачивают трудоспособность и профессиональную квалификацию, дезинтегрируют семейные связи и вовлекаются в криминальные сообщества.

Наркотическая виктимность в широком смысле может быть охарактеризована как обусловленная сочетанием объективных и субъективных факторов предрасположенность лица становиться потерпевшим от правонарушений и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров [1]. Она проявляется, в частности, в не-

осторожном, рисковом, безответственном либо заведомо провокационном поведении, которое снижает уровень личной безопасности и повышает вероятность причинения вреда в результате наркопреступлений [2]. При этом решающими оказываются не только индивидуально психологические особенности (склонность к рискованному поведению, импульсивность, конформизм, зависимое поведение), но и особенности социальной среды (наркотизированные семьи, девиантные подростковые группы, криминализированная наркосреда), формирующие у лица повышенную «готовность» к участию в незаконном обороте наркотиков как в роли потребителя, так и в роли жертвы посягательств.

Наряду с индивидуальной наркотической виктимностью существенное значение имеет виктимогенный потенциал семейной среды. В криминологической и виктимологической литературе обосновано выделяется так называемая «наркотизированная семья», под которой понимается семья, в которой один или несколько её членов систематически употребляют наркотические средства либо психотропные вещества, не препятствуют их немедицинскому потреблению в кругу близких, а иногда прямо либо косвенно способствуют вовлечению несовершеннолетних в соответствующие практики незаконного оборота [3]. Вследствие этого подобные семьи закономерно относятся к числу групп повышенного риска как в отношении формирования молодёжного наркотизма, так и в отношении вовлечения подростков в наркопреступность, поскольку внутри них нарушаются базовые социально воспитательные функции семьи и размываются правовые и социальные запреты.

Семейная криминология (криминофамилистика), концептуально разработанная Д. А. Шестаковым, рассматривает семью в качестве самостоятельного объекта криминологического анализа и профилактики, акцентируя внимание на тех внутренних противоречиях семейного института, которые могут трансформироваться в криминогенные факторы [4–5].

В рамках данного подхода сформулирована категория семейной десоциализации, под которой понимается состояние семейной микросреды, при котором семья не выполняет либо искажённо выполняет свою ключевую функцию социализации: негативные компоненты внутрисемейной обстановки приводят к формированию у ребёнка деформированной ценностной ориентации, отчуждению от семьи и переориентации на антисоциальное окружение, а также к утрате семьёй защитной роли по отношению к внешним криминогенным влияниям. С виктимологической точки зрения это означает, что внутри такой семьи формируется устойчиво повышенная вероятность того, что несовершеннолетний окажется как жертвой, так и участником наркопреступлений.

Эмпирические исследования подтверждают, что корни молодёжного наркотизма в значительной мере уходят именно в семейную среду. К числу типичных факторов относятся отсутствие одного из родителей, неумение взрослых выстраивать конструктивные формы воспитательного воздействия, постоянные внутрисемейные конфликты либо, напротив, безразличие в семье, материальные проблемы, негативный пример старших, вовлечение родственниками несовершеннолетних в аморальную и противоправную деятельность.

Существенное влияние оказывает и потребительское поведение самих родителей: употребление социально терпимых психоактивных веществ (алкоголя, табака) в присутствии детей наглядным образом демонстрирует «нормальность» подобного образа жизни и снижает у подростка барьеры в отношении последующего употребления наркотиков. На этом фоне табакокурение и алкогольное опьянение нередко становятся для молодёжи своеобразным «первым шагом» к более сильным психоактивным веществам.

При анализе виктимности подростков в сфере наркотизма значимыми оказываются и особенности семейного воспитания. Отмечается, что как гиперопека, лишающая ребёнка самостоятельности и навыков ответственного выбора, так и попустительский стиль, при котором фактически отсутствуют контроль и разумные ограничения, повышают риск приобщения к наркотикам и участия в наркопреступлениях. Авторитарные модели, основанные на жёстком подавлении инициативы и требовании беспрекословного подчинения, формируют у подростков заниженную самооценку и внутренний протест, который может реализовываться в виде девиантного поведения, в том числе через наркотизацию [6].

В этих условиях ключевое значение приобретает виктимологическая профилактика наркотизма, ориентированная не только на снижение общего уровня наркорисков, но и на целенаправленное воздействие на группы повышенной виктимности [7]. На общесоциальном уровне она предполагает развитие антинаркотической культуры, доступность медицинской и психологической помощи, поддержку занятости и досуговых программ для молодёжи. На специальном уровне приоритетным объектом профилактического воздействия обоснованно выступают «наркотизированные» и дисфункциональные семьи, в которых через коррекцию воспитательных практик, семейной коммуникации и родительских установок возможно существенно снизить виктимогенный потенциал семейной среды. Помимо этого, виктимологическая профилактика в отношении несовершеннолетних предполагает ран-

нее выявление подростков с повышенной склонностью к виктимному поведению, адресные программы формирования навыков отказа, правосознания и ответственности, реализуемые в образовательных организациях, органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, органы опеки и попечительства и др.).

Структурный анализ наркотической виктимности предполагает обращение к её базовым элементам – личности потерпевшего и характеру причиняемого ему ущерба. Неотъемлемым элементом конструкции наркотической виктимности выступает потерпевший (жертва). Под жертвами наркопреступности целесообразно понимать физических лиц, которым причинён имущественный, физический, моральный либо иной вред вследствие совершения в отношении них или при их участии правонарушений и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. К данному кругу относятся как лица, непосредственно подвергшиеся посягательствам, направленным на незаконный оборот наркотиков (склонение к потреблению, незаконное введение в организм, вовлечение в сбыт, вымогательство под угрозой раскрытия факта потребления и т.п.), так и члены их семей и иные лица, которым причинён производный вред здоровью, имуществу или иным охраняемым законом благам.

Под ущербом от наркоправонарушений и наркопреступлений в виктимологическом аспекте следует понимать совокупность нарушений имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов потерпевших, возникающих в результате противоправной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. Такой ущерб носит комплексный характер и включает, с одной стороны, вред собственному здоровью лица (формирование наркотической зависимости при употреблении или незаконном введении наркотиков, утрата трудоспособности, социальная дезадаптация), а с другой причиняемый ими вред окружающим: населению и обществу в целом, выражающийся в распространении инфекционных заболеваний, деградации семейных отношений, росте преступности и подрыве общественных устоев.

При этом наркотическая зависимость, будучи непосредственным следствием употребления психоактивных веществ, нередко становится фоном для совершения иных правонарушений и преступлений (краж, грабежей, вымогательств и т.п.), которые уже выходят за рамки, собственно, наркопреступности, но сохраняют виктимологическую связь с исходной наркозависимостью [8-9].

Таким образом, представленный анализ позволяет заключить, что наркотическая виктимность формируется на пересечении индивидуально психологических характеристик зависимого лица, семейной десоциализации и криминализированной наркосреды, предопределяя в свою очередь комплексный характер как уголовно правового реагирования, так и виктимологической профилактики. Учёт феномена «наркотизированной семьи» и связанных с ним виктимогенных факторов при разработке мер противодействия наркопреступности позволяет сместить акцент с исключительно репрессивного воздействия на более сбалансированную модель, ориентированную одновременно на преступника, потенциальную жертву и её ближайшее социальное окружение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Османов, М. М., краткий анализ факторов моделирования наркотической виктимности / М. М. Османов, Гладких И. Н. // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 214–216.

2. Османов, М. М. Краткий анализ наркотической виктимности / М. М. Османов // Образование и право. 2022. № 3. С. 381–383.

3. Готчина, Л. В. О наркотизированной семье в России / Л. В. Готчина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. №22. – С. 51–52.

4. Шестаков, Д. А. Семейная криминология / Д. А. Шестаков; Ассоц. юрид. центр, 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 384 с.

5. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию семейных отношений. / Д. А. Шестаков Лениград : Б. и., 1980. 80 с.

6. Лозовой, В. В. Профилактика наркомании: школа, семья: учебное пособие / В. В. Лозовой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 167 с.

7. Чистотина, О. Н. Виктимологическая профилактика наркотизации несовершеннолетних / О. Н. Чистотина // Академическая мысль. 2018. №4 (5). С. 40–42.

8. Измайлов, В. В. Виктимологические аспекты преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков : по материалам Республики Карелия : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва, 2015. 18 с.

9. Вишневецкий, К. В. Зарубежный опыт виктимологической профилактики преступлений и перспективы ее развития в России / К. В. Вишневецкий // Современное право. 2008. № 2. С. 104–108.

УДК 34

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРАКА В ШВЕЦИИ

Минеева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент
Колоколова Елена Олеговна, кандидат философских наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail:irina.min82@gmail.com; kolokolovalena@mail.ru

ON MARRIAGE IN SWEDEN

Mineeva Irina Nikolaevna, PhD (History), Associate Professor
Kolokolova Elena Olegovna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Проблематика данной научной статьи направлена на исследование основных правовых и культурных аспектов заключения брака на территории Швеции. В частности, проведен анализ таких правовых институтов как официально зарегистрированный брак и совместное проживание (sambolagen); охарактеризована процедура гражданской и церковной регистрации брачного союза; перечислены виды документов, необходимых для предоставления в регистрирующие органы, если одним из будущих супругов является гражданин иностранного государства; изучены культурные традиции Швеции, связанные со свадебным торжеством.

Ключевые слова: брак, совместное проживание, свадебные традиции, иностранный элемент, Швеция.

The focus of this scientific article is on the study of the main legal and cultural aspects of marriage in Sweden. In particular, it analyzes such legal institutions as officially registered marriage and cohabitation (sambolagen); describes the procedure for civil and religious registration of a marriage; lists the types of documents required for submission to the registration authorities if one of the future spouses is a citizen of a foreign country; and examines the cultural traditions of Sweden related to weddings.

Keywords: marriage, cohabitation, wedding traditions, foreign element, Sweden.

Большинство совершеннолетних граждан Швеции по закону могут вступать в брак на территории страны. Для этого не нужно быть гражданином или резидентом Швеции. Однако многие пары предпочитают не вступать в зарегистрированный брак, а используют режим sambolagen (совместное проживание) [1, с. 213], предоставляющий парам, живущим вместе, несколько важных прав. Так, Брачный кодекс Швеции [2] предоставляет несколько дополнительных прав и, что особенно важно, обеспечивает некоторую дополнительную защиту в случае разрыва отношений или смерти одного из партнёров. Например, если пара, состоящая в гражданском браке, расходится, имущество, купленное на общие средства, делится поровну, но, если супруги разводятся, это распространяется на многие другие вещи, включая автомобили, дачи и многое другое.

Если у пары, состоящей в официально зарегистрированном браке есть ребёнок, то оба родителя автоматически получают право опеки над ним. Если пара «самбо» хочет разделить опеку над ребёнком, то родитель, который не является биологическим родителем, должен официально признать своё отцовство или материнство, а затем подать заявление на совместную опеку.

Свидетельство о браке не является критерием для получения партнёрской визы для переезда в Швецию. Вместо этого миграционные службы обращают внимание на то, жили ли супруги ранее вместе и соответствуют ли они определённым критериям в отношении дохода и размера квартиры. Так что выскочить замуж за шведа и автоматически получить гражданство данной страны, увы, не получится.

Самый важный документ, который понадобится для заключения брака на территории Швеции, – это свидетельство о браке. Его можно получить в Шведском налоговом агентстве (Skatteverket), куда сначала нужно обратиться за hindersprövning, т.е. за подтверждением того, что препятствий для заключения брака нет. Это означает, что агентство подтвердит, что обоим партнёрам больше 18 лет, что они не состоят в браке и не являются близкими родственниками.

Если один или оба партнёра не зарегистрированы (folkbokförd) в Швеции, т.е. не имеют личного номера, им необходимо будет подтвердить свою личность и текущий (незамужний/неженатый или разведённый) статус в браке в соответствующем органе в стране их проживания или гражданства. Лучше всего напрямую связаться со Шведским налоговым агентством, чтобы узнать, какие именно сведения нужно предоставить. Как только этот запрос будет обработан, лицо получает подтверждение и, если не будет обнаружено никаких препятствий, само свидетельство о браке (vigselintyg). Свидетельство действительно в течение четырёх месяцев с момента выдачи, но его оформление может занять некоторое время, поэтому обычно рекомендуется подавать заявление за несколько месяцев до свадьбы.

Пары могут пожениться либо на религиозной церемонии, проводимой представителем этой рели-

гии (например, священником или раввином), либо на гражданской церемонии, проводимой должностным лицом, назначенным административным советом округа. Чтобы получить дополнительную информацию и заказать церемонию, следует обратиться в соответствующий орган, например, в Шведскую церковь или местный муниципалитет.

Шведская Камерная коллегия ведёт учёт религиозных общин и утверждённых священнослужителей в каждой религии; любой брак, заключённый лицом, не имеющим такого разрешения, не признаётся действительным в Швеции.

В конце церемонии паре вручается свидетельство о браке (vigselbevis) на хранение, а также заполняется подтверждение брака (intyg för vigsel), которое нужно отправить в Шведское налоговое агентство, чтобы оно могло внести запись о браке в свои архивы. Штампы в паспорта не ставятся, брак признается автоматически.

Как и во многих других западных странах, средняя стоимость свадьбы в Швеции за последние годы выросла, поскольку всё больше пар выбирают пышные церемонии с открытыми барами, экстравагантными платьями и всеми сопутствующими атрибутами.

Обычно религиозная церемония в шведской церкви бесплатна, если один или оба партнера являются членами Церкви Швеции. Гражданские церемонии также обычно проводятся бесплатно или за административный сбор за место проведения (который часто составляет около 500 крон или меньше), хотя, если церемония проводится за пределами мэрии, пару обычно просят оплатить проездные расходы для ведущего церемонию.

Если одним из брачующихся является российский или иной иностранный гражданин, то для проведения процедуры бракосочетания с гражданином/гражданкой Швеции необходимо оформить визу жениха или невесты.

Сбор пакета документации производится одновременно с двух сторон – российской и заграничной. Жених или невеста с российской стороны обязательно проходит собеседование в иностранном консульстве. Беседа может быть не назначена в случае, если нет серьёзных подтверждений отношений. Так, высока вероятность получить отказ в выдаче визы, если будущие молодожёны никогда ранее не встречались друг с другом, но, тем не менее запрашивают визу на брак. Доказательство серьёзности отношений может заключаться в предоставлении сотруднику консульства доступа:

– к личной переписке;

– прикреплении совместных романтических фотографий;

– указании данных о беременности с анализами отцовства.

Процедура бракосочетания считается дорогостоящей, поэтому обе стороны должны подтвердить наличие материальных средств.

Брачная виза выдаётся на срок от трёх до шести месяцев в зависимости от наличия ранее одобренных шенгенских штампов у российской стороны. Не допускается продлевать сроки въездного документа в случае, если пара не успела пожениться или возникли иные обстоятельства. При запросе краткосрочной визы оплачивается стандартный размер консульского сбора 35 евро с человека, а период рассмотрения начинается от 2 недель.

Жених или невеста из России собирает стандартный пакет документов, как на туристическую визу, в который входят:

– оригинал заграничного паспорта с запасом срока годности от 3 месяцев после даты окончания визы;

– копия отечественного паспорта и всех старых заграничных паспортов;

– чек об оплате консульского сбора в 35 евро;

– две фотографии, выполненные в международном формате размером 35 на 45 мм;

– финансовые выписки с указанием размера заработной платы, наличия банковских накоплений или налоговую декларацию с подтверждением других доходов;

– социальные документы о наличии детей от прошлого брака, родителей на иждивении, бывших супружеских связей;

– медицинская страховка с покрытием от 30.000 евро, оформленная на весь срок поездки и ещё 14 дней.

Гражданин/гражданка Швеции собирает отдельный пакет документов и передаёт их в местную службу работы с населением. Конверт документации включает:

– заявление в местные органы о регистрации брака с указанием паспортных данных российской стороны;

– приглашение для жениха или невесты из России, включающее те же данные, дополнительно указывается дата свадьбы и примерное время нахождения иностранца в Швеции;

– спонсорское письмо прикрепляется в случае, если иностранец не имеет собственных финансовых средств и осуществляет поездку за счёт своего партнёра;

– если у российской стороны нет ваучера или договора об аренде жилья в Швеции, необходимо предоставление адресной справки от иностранной стороны.

Как и в любой другой стране в Швеции есть свои особенные традиции, связанные со свадьбами:

1) Особые украшения и обереги – на голове у невесты, как правило, присутствует венок из миртовых листьев, символизирующий девственность и чистоту. Серебряная монета в левой туфле от мамы и золотая монета в правой туфле от папы должны быть обязательно рядом с невестой.

2) Простота – в Швеции нет традиций устраивать пышные свадьбы. Как правило – это обычная вечеринка для невесты и жениха. Просто и элегантно. Никаких посиделок неделями или периодических гостей после росписи.

3) Никто не раздает свадебный торт – каждый берет себе кусок торта самостоятельно. Кусочков торта ровно столько сколько гостей.

4) Гости оплачивают посещение заведения за свой счет – когда в Швеции кого-то приглашают на свадьбу, то это автоматически подразумевает оплату еды на свадьбе. Как правило, подарков никто не ждет. Их обычно дарят очень близкие родственники (родители). Все остальные просто платят за себя и приходят поздравить новобрачных.

5) Три кольца – в Швеции вместо получения двух колец (помолвочное и обручальное) женщины получают три. Одно для помолвки, другое для брака, а затем еще одно, когда женщина станет матерью его ребенка.

6) Поцелуи для невесты – в Швеции невесту может поздравлять поцелуями не только жених. Если жених когда-либо покидает комнату, тогда невесту могут целовать, обычно в щеку, любой, кто этого желает. То же самое касается и жениха, когда невеста уходит.

7) Рассадка гостей – вместо того чтобы рассаживать гостей за одним длинным столом, шведы образуют п-образный стол, так незнакомым людям проще познакомиться и общаться с друг другом.

8) Рис – в Швеции принято обсыпать рисом пару, выходящую из церкви. Данная традиция символизирует желание новобрачным плодородия и прогоняет злых духов.

9) Никакого красного, черного или длинного платья – если женщина одевает красное платье на свадьбе в Швеции, то значит, что она имела интимные отношения с женихом, а если гостья пришла в черном или длинном платье, то обычно это сулит скорую смерть одного из молодоженов или размолвку между ними.

10) Отец не ведет невесту к алтарю – равноправие полов и здесь оказывает влияние. Никто не «выдает» невесту замуж и уж тем более не «отдает» мужу. Пара идет к алтарю вместе, рука об руку.

11) Глава семьи в Швеции определяется еще при входе в церковь - кто перешагнет порог первым, тому и принимать все решения.

12) во время свадебного ужина шведы поддерживают свое хорошее настроение задорными песнями, а вот танцевать начинают только тогда, когда все закончат трапезу.

13) также в Швеции бытует мнение, что если в день свадьбы идет дождь или снег, то это обещает паре богатое совместное существование.

Не так давно Правительство Швеции подготовило законопроект, запрещающий заключение браков между несколькими категориями близких родственников, а также признание таких союзов, если они были заключены за пределами страны. Новые правила могут вступить в силу с 1 июля 2026 г.

По словам министра юстиции Гуннара Стрёммера, инициатива направлена на борьбу с насилием и притеснениями, связанными с так называемым понятием «семейной чести», а также с давлением и принуждением при вступлении в брак. Его слова приводит EADaily со ссылкой на пресс-релиз канцелярии правительства королевства.

«Насилие и угнетение, связанные с понятием чести, недопустимы в нашем обществе. Говорить о нулевой терпимости легко, однако это должно быть отражено и в законодательстве. Защита женщин и девочек, прежде всего тех, что живут в условиях, связанных с понятием чести, должна быть усилена как в уголовном, так и в гражданском законодательстве. Запрет на браки между двоюродными братьями и сестрами является важной мерой для обеспечения права каждого человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью», – указал Стрёммер [3].

В правительстве отмечают, что такие браки могут способствовать сохранению закрытых родственных структур, в том числе криминальных, а также усиливать угнетение по мотивам «чести». Кроме того, законопроект предусматривает расширение перечня запрещённых браков. В частности, вступать в брак не смогут сводные, а также усыновлённые или удочерённые братья и сёстры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева М. С. Субъектный состав брачного соглашения в скандинавских странах: Норвегии, Швеции и Дании // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7. С. 211–214.
2. https://user.it.uu.se/~andersa/law/se/index.eng.html
3. https://vfokuse.mail.ru/articles/69210051-v-shvecii-v-2026-godu-zapretyat-braki-mezhdu-blizkimi-rodstvennikami/

УДК 349.2:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ДРАЙВЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ОФОРМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Моисеева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: e.n.moiseeva@ruc.su.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A DRIVER OF TRANSFORMATION IN THE DESIGN OF LABOR RELATIONS

Moiseeva Elena Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта в производственные процессы и сферу управления трудом ставит вопрос о необходимости соответствующего правового регулирования. Российское трудовое законодательство не предусматривает возможности заключения трудового договора в цифровой форме, не содержит соответствующей нормы. При этом интеллектуальный рекрутинг, то есть поиск вакансий и сотрудников с помощью кадровых цифровых платформ значительно облегчают процессы трудоустройства. В статье рассматривается возможность использования искусственного интеллекта не только в процессах трудоустройства, но и в процедурах оформления трудовых отношений.

Ключевые слова: трудовые отношения, искусственный интеллект, кадровые цифровые платформы, трудоустройство, заключение трудового договора.

The widespread introduction of artificial intelligence technologies into production processes and labor management raises the question of the need for appropriate legal regulation. Russian labor legislation does not provide for the possibility of concluding an employment contract in digital form, and it does not contain a corresponding norm. At the same time, intelligent recruiting, that is, the search for vacancies and employees using digital recruitment platforms, greatly facilitate the employment process. The article considers the possibility of using artificial intelligence not only in the processes of employment, but also in the procedures for registration of employment relations.

Keywords: labor relations, artificial intelligence, HR digital platforms, employment, conclusion of an employment contract.

Первая четверть XXI века завершилась очередным технологическим прорывом – появлением нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект прочно входит в нашу жизнь: наличие голосового помощника, возможность быстрого поиска и заказа товаров в маркетплэйсах, доставка еды, вызов такси, генерация фотографий и видео становятся обыденностью. ChatGPT используются повсеместно. Внедрение искусственного интеллекта в производственные процессы и сферу управления трудом ставит вопрос о необходимости соответствующего правового регулирования.

Согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. В свою очередь технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [4].

Под влиянием искусственного интеллекта фундаментальные изменения претерпевают трудовые отношения. Рынок труда трансформирует традиционные подходы к поиску и управлению персоналом. В сфере трудоустройства возможности искусственного интеллекта уже широко используются при подборе работников и подходящих вакансий с помощью кадровых цифровых платформ.

Нормативное закрепление цифровых платформ осуществляет Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который определяет ее как: информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для

взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг [3].

Кадровые цифровые платформы представляют собой особые информационные системы, в которых выстраиваются взаимоотношения между участниками рынка труда, автоматизирующие и оптимизирующие процессы трудоустройства и управления человеческими ресурсами. Их спектр чрезвычайно широк и можно уже осуществить их классификацию на виды. Так, можно выделить: рекрутинговые платформы (HeadHunter, LinkedIn), специализирующиеся на поиске специалистов; платформы для фрилансеров, например, Upwork, FL.ru, создавшей глобальный рынок удаленной работы, системы управления талантами (TalentSoft, SAP SuccessFactors) и обучающие платформы (Coursera, Stepik), персонализирующие профессиональное развитие.

В главе IV Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» вводятся нормы о Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», оператором которой является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере труда и занятости, то есть Федеральная служба по труду и занятости РФ (Роструд)[2]. Таким образом, с 1 января 2024 года в России действует государственная кадровая цифровая платформа, информация которой является общедоступной, достоверной и бесплатной. Она объединяет работодателей, граждан, ищущих работу и государственные службы занятости.

Очевидны преимущества кадровых цифровых платформ для работодателей и лиц, ищущих работу. Для работодателей размещение вакансий с использованием кадровых цифровых платформ значительно сокращает время их закрытия, предоставляет возможность территориального масштабирования поиска кандидатов, автоматизирует рутинные операции. Федеральная цифровая платформа «Работа в России» так же позволяет работодателям взаимодействовать с государственными службами занятости в цифровом формате, получать информацию о мерах государственной поддержки (например, при приеме на работу инвалидов и т.д.).

Для соискателей открываются возможности доступа к вакансиям по всему миру, персонализированных карьерных рекомендаций и развития навыков через онлайн-курсы, создание цифровых резюме и направление их непосредственно работодателям. Интеграция с порталом «Госуслуги» позволяет автоматически заполнять часть данных, что повышает уверенность в серьезности намерений соискателя и создает гарантии безопасности в целом.

Для государства кадровая цифровая платформа «Работа в России» также упрощает множество функций: позволяет осуществлять мониторинг ситуации на рынке труда в реальном времени; повышать эффективность деятельности государственных служб занятости; снижать уровень неофициальной занятости; управлять трудовой мобильностью и поддерживать регионы с дефицитом кадров.

Кадровые цифровые платформы могут создаваться в отдельных отраслях экономики и государственной службы. Примером тому является создание единой цифровой платформы для кадровой работы с госслужащими (как того требует «майский указ» Президента 2024 г. о национальных целях) из уже существующей ФГИС «Госкадры» (официальное название – «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы»). Портал «Госслужба» был маловостребованным, так как сотни государственных и муниципальных учреждений продолжают публиковать вакансии на своих сайтах и других разных площадках. Полностью цифровой экосистемой с возможностью применения современных кадровых технологий ФГИС должна стать к 2030 г. Будет автоматизирована значительная часть работы, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта. При этом с 2023 г. в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Министерстве труда и социальной защиты, Министерстве экономики и Министерстве финансов Российской Федерации приём сотрудников на государственную службу уже осуществляется с применением искусственного интеллекта. В частности, на «Госкадрах» искусственный интеллект осуществляет отсев кандидатов на вакансию и анализирует их профессиональное развитие [5].

Таким образом, интеллектуальный рекрутинг, то есть поиск вакансий и сотрудников с помощью кадровых цифровых платформ значительно облегчают процессы трудоустройства. В то же время использование искусственного интеллекта возможно и в процедурах трудоустройства, то есть при оформлении трудовых отношений.

Российское трудовое законодательство не предусматривает возможности заключения трудового договора в цифровой форме, не содержит соответствующей нормы. В ст. 67 Трудового кодекса РФ сказано, что трудовой договор может быть заключен только в письменной форме и заполняется в 2-ух экземплярах, один из которых остается у работодателя [1].

Оформлять трудовые отношения в электронной форме законодательно разрешено лишь для ди-

станционных работников, принимая при этом отсканированные и нотариально удостоверенные документы, предусмотренные ст.65 ТК РФ. Таким образом, просматривается пробел правового регулирования оформления трудовых отношений в цифровом формате.

Использование функций искусственного интеллекта возможно при анализе резюме; результатов психометрических тестирований; видео-интервью с анализом мимики, интонации и лексики; при проведении предсказательной аналитики успешности кандидата на основе его данных и в других случаях.

Автоматизация работы с поступающими от кандидата документами и по оформлению трудового договора ускоряет процедуры трудоустройства, сохраняет личное время кандидата, уменьшает нагрузку кадровых сотрудников.

В целом переход организации на кадровый электронный документооборот (КЭДО) с использованием технологий искусственного интеллекта значительно упрощает работу кадровой службы и самих сотрудников. За счёт внедрения КЭДО ускоряется процесс согласования документов. Также КЭДО позволяет сотрудникам, работающим удаленно, оформлять заявления без обязательного присутствия в офисе компании. Например, при трудоустройстве кандидат вручную заполняет анкету, которая впоследствии передается в кадровый отдел и на основании неё готовится трудовой договор. В связи с постоянной текучкой кадров заполнение первичной информации о потенциальном сотруднике в больших объемах усложняет работу кадровика, и не исключает появления ошибок. Оптимизация данных процессов возможна с использованием технологии интеллектуальной обработки документов (далее – IDP). Данная технология использует искусственный интеллект для автоматизации рутинных процессов обработки документов.

Данный способ обработки документов может распознавать и классифицировать текст. Технологии OCR извлекает из отсканированных документов необходимые данные. Документы легко преобразуются в электронный формат, после чего их можно группировать или систематизировать архивирование.

Искусственный интеллект без посторонней помощи может извлекать любые данные, например даты, сумму, адреса и структурирует полученную информацию в необходимом виде. Полученную информацию искусственный интеллект может сформировать либо в текстовом виде, либо в виде отображения на диаграмме.

Искусственный интеллект анализирует документы, и может сообщать о некорректных формулировках или указывать на несоответствие в трудовых договорах.

Система искусственного интеллекта также может за счет автоматического индексирования с легкостью найти необходимые документы по ключевым словам.

Таким образом, использование технологий искусственного интеллекта при оформлении трудовых отношений, значительно упрощает работу кадровой службы. Кадровику не нужно заполнять вручную данные, за него это сделает ИИ, суть работы которого будет заключаться в сканировании бумажного носителя и последующем анализе отсканированного документа, поиска ключевых слов и на их основании подготовка соответствующего комплекта документов. Такой способ гарантированно исключит ошибки при заполнении информации ручным методом.

Подобные технологии уже разработаны, например, продукт Sherpa IDP компании Sherpa Robotics. Ключевыми возможностями продукта является определение типа документа, извлечение корректной информации из скан-копий документа, динамическая привязка содержимого документа к имеющимся шаблонам. К особенностям можно отнести встроенную технологию распознавания текста (OCR), готовые шаблоны для обработки популярных документов, возможность создания собственных шаблонов, проверка и распознавание в текстовом документе галочек в анкетах. Использование метода IDP позволит сократить время на обработку документов, предотвратить возможность ошибок при заполнении данных ручным способом.

Также на базе ИИ можно внедрить в компанию платформу, которая будет проводить первую волну собеседования. Принцип работы состоит в том, что кандидаты проходят тестирование на цифровых платформах или полноценное собеседование с роботом, в ходе которого автоматически считываются необходимые для компании качества для будущего сотрудника, которые также можно настроить в зависимости от потребностей работодателя. После успешного прохождения первого этапа, кандидату высылается приглашение на вторую волну собеседования, которую проводится уже HRменеджером.

Таким образом, искусственный интеллект активно трансформирует правовые и кадровые аспекты трудовых отношений. Технологии искусственного интеллекта внедряются на всех этапах взаимодействия работодателя и сотрудника (от автоматизации рутинных задач до сложных аналитических решений), создавая новые возможности и вызовы в сфере трудового права и управления персоналом.

Однако существуют проблемы правового регулирования оформления трудовых отношений с использованием цифровых технологий, не выработана концепция цифрового трудового договора, что требует значительных изменений в нормах трудового законодательства, распространении норм, предусмотренных только для дистанционных работников на всех работников без исключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

2. О занятости населения в Российской Федерации: федер. закон от 12. 12.2023 г. №565-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/

3. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511088/

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490// Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

5. Информсистему «Госкадры» превратят в цифровую платформу с ИИ. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-08_informsistemu_goskadry.

УДК 343

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ СОУЧАСТНИКОВ

Надин Евгений Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st809211@ruc.su

THE PROBLEM OF INDIVIDUALIZING THE PUNISHMENT OF ACCOMPLICES

Nadine Evgeny Andreevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются теоретические и практические проблемы индивидуализации наказания при совершении преступления в соучастии. Анализируются законодательные положения ст. 67 УК РФ, их соотношение с общими началами назначения наказания. Рассматриваются вопросы дифференциации ответственности в зависимости от формы соучастия и вида соучастника, а также проблемы учета смягчающих и отягчающих обстоятельств применительно к разным соучастникам. Особое внимание уделяется влиянию процессуальных форм судопроизводства на индивидуализацию наказания. На основе проведенного анализа формулируются выводы и предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: соучастие, индивидуализация наказания, назначение наказания, форма соучастия, вид соучастника, организатор, пособник, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства.

The article examines the theoretical and practical problems of individualization of punishment in the commission of a crime in complicity. The article analyzes the legislative provisions of Article 67 of the Criminal Code of the Russian Federation, their relationship with the general principles of sentencing. The issues of differentiation of responsibility depending on the form of complicity and the type of accomplice are considered, as well as the problems of taking into account mitigating and aggravating circumstances in relation to different accomplices. Special attention is paid to the influence of procedural forms of legal proceedings on the individualization of punishment. Based on the analysis, conclusions and proposals for improving criminal legislation and law enforcement practice are formulated.

Keywords: complicity, individualization of punishment, imposition of punishment, form of complicity, type of accomplice, organizer, accomplice, mitigating circumstances, aggravating circumstances.

Институт соучастия в преступлении неизменно относится к числу наиболее непростых и дискуссионных в уголовно-правовой доктрине. Сложность эта объясняется не только разнообразием способов совместного совершения преступлений, но и необходимостью обеспечить справедливую и соразмерную меру ответственности для каждого из лиц, причастных к противоправному деянию. Как верно подмечено в литературе, при рассмотрении дел о соучастии суд обязан максимально точно определить вклад каждого участника в общий преступный результат, сопоставить его с установленной санкцией и избрать наказание, которое бы адекватно отражало роль виновного в содеянном [1].

Основные правила назначения наказания при соучастии закреплены в ст. 67 УК РФ. В соответствии с ней суду надлежит учитывать три составляющих: характер и степень фактического участия лица в совершении преступления, значение этого участия для достижения цели, а также влияние действий соучастника на размер и характер наступившего либо возможного вреда [2].

Данная норма впервые появилась в УК РФ 1996 г., и её восприятие в науке и практике неоднозначно. Проведенные исследования некоторых авторов свидетельствуют о том, что в процессе мотивировочной части назначаемого наказания суды непосредственно ссылаются на ст. 67 УК РФ лишь в

незначительной части случаев [3]. Это обстоятельство также порождает дискуссию о содержательном наполнении и практической ценности указанной статьи.

В уголовно-правовой литературе сформировалось несколько позиций относительно роли ст. 67 УК РФ. Так, одни авторы полагают, что данная норма не несёт самостоятельной нагрузки, дублирует общие правила назначения наказания и может быть исключена из закона без ущерба для правоприменения. Другие же авторы напротив, видят в ней необходимую детализацию, конкретизирующую применительно к соучастию критерии, заложенные в ст. 60 УК РФ. Представляется, что вторая точка зрения более оправданна, однако степень и способ такой конкретизации остаются предметом научных споров. Отмечается, что такие параметры, как характер и степень участия, по сути, поглощают два других критерия, поскольку не могут быть установлены вне связи с целями преступления и причинённым вредом [3].

Следует сказать, что сама по себе ст. 67 УК РФ сформулирована максимально обобщённо. Законодатель не даёт чётких ориентиров того, как именно должны соотноситься характер участия, его значимость и причинённый вред. На практике это приводит к тому, что суды либо формально воспроизводят текст закона, вовсе не детализируя его применительно к обстоятельствам дела, либо подменяют анализ этих критериев учётом смягчающих и отягчающих обстоятельств. Между тем заложенная в норме идея о необходимости оценивать не только сам факт участия, но и его качество (влияние на достижение цели, на размер вреда) является принципиально важной. Без неё дифференциация ответственности соучастников неизбежно сводится к механическому распределению ролей, что не всегда отражает реальную общественную опасность действий каждого. Представляется, что более полная реализация предписаний ст. 67 УК РФ возможна лишь при условии выработки судебной практикой примерных критериев, позволяющих сопоставлять роль соучастника с итоговым преступным результатом, а также при законодательном закреплении обязанности суда мотивировать, почему те или иные действия (бездействие) признаны существенными для достижения цели либо для увеличения вреда.

По поводу содержания терминов «характер» и «степень участия» в науке достигнуто относительное согласие. Например, характер участия определяется функциональной ролью лица в соответствии со ст. 33 УК РФ, а степень зависит от интенсивности и объёма совершённых действий [4]. Вместе с тем подобное понимание во многом воспроизводит позицию советской уголовно-правовой школы, которая отрицала акцессорную природу соучастия и исходила из того, что общественная опасность действий каждого соучастника ограничивается исключительно его собственными действиями. Между тем в современных условиях было бы неверно игнорировать повышенную общественную опасность самого факта совместного совершения преступления как особой формы криминальной кооперации.

С учётом изложенного целесообразно различать три уровня обстоятельств, подлежащих оценке судом при определении наказания соучастнику. Во-первых, степень общественной опасности самого преступного посягательства.

Во-вторых, характер криминальной группы, в рамках которой совершено деяние. В-третьих, персональный вклад лица в реализацию преступного замысла. Действующая редакция ст. 67 УК РФ не отражает этой многоуровневости, что может приводить к неполноте оценки содеянного.

Согласно ст. 67 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень фактического участия. В доктрине доминирует представление о том, что наиболее опасным среди соучастников (наряду с исполнителем) является организатор. Как обоснованно отмечается, главари преступных групп, как правило, должны нести более строгую ответственность, чем рядовые участники [5].

Действительно, именно организатор, выполняя руководящие и координационные функции, вносит решающий вклад в реализацию преступного замысла. Это подтверждается как самой сутью его роли, так и сложившейся судебной практикой. Однако в законе отсутствуют чёткие ориентиры, позволяющие последовательно усиливать наказание организатора по сравнению с другими соучастниками. Такая неопределённость может вести к разночтениям при квалификации и, как следствие, к нарушению принципов справедливости и равенства перед законом.

Роль пособника, напротив, в большинстве случаев носит вспомогательный характер. По справедливому замечанию П. Ф. Тельнова, пособнику в совместном преступлении отводится второстепенная роль, его действия отличаются меньшей активностью и, как правило, воплощают замысел другого лица [6]. Тем не менее в уголовном законе отсутствует прямое указание на необходимость смягчения наказания пособнику по сравнению с исполнителем или организатором, что создаёт риск назначения несоразмерно сурового наказания.

В целях более полной реализации принципа справедливости было бы целесообразно законодательно закрепить, что при прочих равных условиях организатор не может получить более мягкое

наказание, чем иные соучастники, а пособнику не может быть назначено более строгое наказание, чем исполнителю или организатору [7].

Наряду с видом соучастника на назначаемую меру воздействия должна влиять и форма соучастия. Уголовный закон признаёт совершение преступления в составе группы обстоятельством, влекущим более строгое наказание. Однако на практике это требование реализуется лишь в тех случаях, когда в статье Особенной части УК РФ предусмотрены соответствующие квалифицирующие признаки. Если такие признаки отсутствуют, единообразие в подходе к усилению ответственности за групповое совершение преступления не соблюдается. Поэтому при правотворческой и правоприменительной деятельности важно учитывать различную степень общественной опасности таких форм, как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа.

Неоднократно отмечалось, что различия в характере и степени общественной опасности должны влечь за собой и различие в наказуемости. Противоречивость санкций уголовно-правовых норм затрудняет их применение и снижает эффективность защиты охраняемых законом интересов. В связи с этим представляется необходимым привести конструкции Особенной части УК РФ в соответствие с указанным принципом: квалифицирующие признаки, обозначающие разные формы соучастия, следует закреплять в разных частях статей, предусмотрев для каждой из них последовательно возрастающие санкции. Это позволит более дифференцированно подходить к оценке общественной опасности групповых преступлений.

Требует уточнения и подход к учёту смягчающих и отягчающих обстоятельств при соучастии. Часть 2 ст. 67 УК РФ устанавливает правила учёта обстоятельств, относящихся к личности соучастника, но не регламентирует, как должны оцениваться обстоятельства, характеризующие объективную сторону преступления (например, поведение потерпевшего, использование оружия и т.п.). Между тем принцип недопустимости объективного вменения предполагает, что такие обстоятельства могут быть вменены лишь тому соучастнику, который знал о них в момент совершения преступления.

Субъективная сторона у разных соучастников нередко различается. Участники совместного преступления нередко действуют под влиянием различных побудительных мотивов и стремятся к достижению неодинаковых результатов. К примеру, корыстная заинтересованность может быть свойственна исполнителю, тогда как подстрекатель руководствуется иными соображениями; один из соучастников активно добивается наступления общественно опасных последствий, другой же проявляет к ним полное равнодушие [8]. В этой связи мотивы и цели, присущие исполнителю, следует учитывать при назначении наказания другим соучастникам только в том случае, если они охватывались их умыслом.

В целях устранения указанных неопределённостей предлагается дополнить правила назначения наказания за соучастие положением, согласно которому обстоятельства, отражающие объективные признаки преступления, подлежат учёту только в отношении тех соучастников, которые были осведомлены об их наличии.

Проведённый анализ показывает необходимость дальнейшего совершенствования законодательных основ индивидуализации наказания при соучастии. Целесообразно дополнить ст. 67 УК РФ положениями, более чётко регламентирующими дифференциацию ответственности в зависимости от роли каждого соучастника. В частности, заслуживает внимания идея установления пропорционального подхода, при котором наказание соучастников соотносится с мерой ответственности, определяемой исполнителю.

Кроме того, редакция ч. 1 ст. 67 УК РФ нуждается в уточнении. Смысл данной нормы не исчерпывается оценкой опасности действий конкретного лица, так как она обязывает суд учитывать также значение этого участия для соучастия в целом. Поэтому целесообразно дополнить предписания статьи указанием на необходимость учёта общественной опасности самого факта умышленного совместного участия двух и более лиц в совершении преступления.

Важным направлением совершенствования является также пересмотр санкций Особенной части УК РФ. Требуется дополнить квалифицирующими признаками «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» те составы, для которых соучастие является типичным, но в настоящее время эти признаки отсутствуют. Такое изменение позволит на законодательном уровне закрепить более строгое наказание для лиц, действовавших в составе группы, по сравнению с теми, кто совершал преступление единолично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янковский Д. А. Проблемы назначения наказания за соучастие // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 112–116. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48681834

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

3. Некоз С. С. Индивидуализация уголовного наказания пособников преступления // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53). С. 41–48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/individualizatsiya-ugolovnogo-nakazaniya-posobnikov-prestupleniya
4. Благов Е.В. Применение специальных правил назначения уголовного наказания. Москва: Юрлитинформ, 2007. 283 с.
6. Иванова Л. В., Шеслер А. В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания соучастников преступления // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8 (184). С. 188–194. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-i-individualizatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-nakazaniya-souchastnikov-prestupleniya
6. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. Москва, 1974. 208 с.
7. Гаужаева В. А. Соучастие в преступлении: некоторые проблемы квалификации и ответственности // Право и управление. 2025. № 1. С. 247–253. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-prestuplenii-nekotorye-problemy-kvalifikatsii-i-otvetstvennosti
8. Илиджев А. А., Хайдаров Р. Р. Некоторые вопросы индивидуализации наказания за преступление, совершенное в соучастии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 62–67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-individualizatsii-nakazaniya-za-prestuplenie-sovershennoe-v-souchastii

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТНИКА К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Нелюбина Екатерина Андреевна, преподаватель
Симонова Елена Витальевна, преподаватель
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: e.a.nelubina@ruc.su; e.v.simonova@ruc.su

FEATURES OF THE PROCEDURE FOR INVOLVING AN EMPLOYEE IN DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

Nelyubina Ekaterina Andreevna, teacher
Simonova Elena Vitalievna, teacher
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются требования судов к процедуре привлечения работника к дисциплинарной ответственности. С учетом анализа судебной практики автор акцентирует внимание на наиболее важных моментах в исследуемой сфере трудового права.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, работник, приказ о привлечении к ответственности, объяснение работника, увольнение.

The article analyzes the requirements of the courts regarding the procedure for bringing an employee to disciplinary responsibility. Based on the analysis of judicial practice, the author focuses on the most important aspects in the field of labor law.

Keywords: disciplinary responsibility, employee, order of liability, employee's explanation, dismissal.

Статья 192 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) позволяет работодателям привлекать работников к дисциплинарной ответственности за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, допущенных по вине работника.

Что должно быть в приказе о привлечении работника к дисциплинарной ответственности, в ТК РФ не сказано. Обычно приказ делают кратким, а подробности расписывают в акте, заключении проверки и других документах, ссылки на которые дают в приказе. Раньше такой подход претензий не вызывал. Однако ситуация изменилась. Суды все чаще исходят из того, что ссылок на иные документы в приказе недостаточно. В нем должен быть описан проступок.

Позиция, согласно которой проступок должен быть описан в приказе, сформировалась на основании п. 10 Обзора практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020 г. Высшая инстанция разъяснила, что «в приказе об увольнении по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ должны быть указаны конкретный проступок, обстоятельства его совершения и период времени, в течение которого истцом было допущено неоднократное нарушение обязанностей» [1].

Так, первая инстанция признала незаконным замечание, поскольку в приказе не был описан проступок (не указаны конкретные нарушения, время и обстоятельства их совершения) и отсутствовала четкая формулировка, указывающая на вину работника. Работодатель пытался оспорить это решение, ссылаясь на то, что в законе нет требований к приказу. Сведения о нарушениях, изложенные в других документах (актах, служебных записках и т. д.), необязательно дублировать в приказе. Однако апелляция и кассация согласились с первой инстанцией – элементы объективной стороны проступка должны указываться в приказе (апелляционное определение Сахалинского облсуда от 31.10.2023 по делу № 33-2919/2023, определение Девятого КСОЮ от 25.01.2024 по делу № 88-677/2024).

В другом деле работодатель ссылался на то, что вся информация о нарушениях есть в справках по итогам проверки. Однако Третий КСОЮ отклонил этот довод, указав, что конкретные виновные действия работника, за которые он привлекается к ответственности, отражаются в приказе. Ни материалы служебной проверки, ни справки не могут его подменять (определение от 01.03.2023 по делу № 88-3503/2023).

Таким образом, с учетом судебной практики, безопаснее оформить приказ: указать суть проступка (кто что и когда сделал, какие нормы нарушены), как и когда выявили проступок, чем он подтверждается, а также что учли, принимая решение об объявлении дисциплинарного взыскания. Не стоит ограничиваться только ссылками на другие документы.

При выборе взыскания необходимо учитывать личные обстоятельства работника.

В соответствии со ст. 192 ТК РФ, при привлечении к дисциплинарной ответственности обязательным является учет степени тяжести совершенного проступка и обстоятельств, при которых он был совершен. Верховный Суд РФ дополняет: «нужно также учитывать предшествующее поведение работника, его отношение к труду» (п. 53 постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2) [2].

В последние годы суды, включая Верховный Суд Российской Федерации, идут еще дальше и отмечают, что нужно принимать во внимание еще и семейное положение работника, его иные личные обстоятельства (при этом речь идет не о запрете на увольнение отдельных категорий граждан). По мнению судов, это следует из принципов гуманизма, соразмерности и справедливости.

Неучет личных обстоятельств работника – это лишь дополнительный довод, который может использовать суд, признавая увольнение незаконным.

Как правило, суды обращают внимание на личные обстоятельства работника лишь в делах об увольнении. При этом в большинстве таких дел в качестве «смягчающего обстоятельства» рассматривается наличие нескольких несовершеннолетних детей, ребенка-инвалида или то, что работник является единственным кормильцем в семье и не имеет другого дохода.

В приказе необходимо отразить, что именно учли в качестве тяжести проступка, предшествующего поведения работника и какие его личные обстоятельства приняли во внимание. Просто оценить эти обстоятельства «в голове» недостаточно. Необходимо сделать упор на тяжесть проступка и степень вины работника. Наличие иждивенцев и отсутствие иных доходов не дает право работнику нарушать дисциплину и не освобождает от ответственности.

Срок на дачу объяснения надо отсчитывать со дня, следующего за днем запроса объяснения.

Работнику необходимо дать два рабочих дня на объяснение (ст. 193 ТК РФ). Как считать этот срок, в ТК РФ прямо не сказано. Суды исходят из того, что делать это надо начиная со дня, следующего за днем запроса объяснения. День вручения запроса в двухдневный срок не входит.

Составлять акт лучше только на следующий день после истечения двухдневного срока. Например, если объяснение запросили в понедельник, акт можно составить в четверг. Делать это после окончания рабочего времени второго рабочего дня сотрудника (в среду вечером) – опасно. Велика вероятность, что суд признает процедуру привлечения к ответственности нарушенной.

Так, например, работник получил запрос о необходимости дать объяснение 9 марта. На объяснение у него есть два полных рабочих дня: 10 и 11 марта. Составить акт об отсутствии объяснения можно не ранее 12 марта (определение Девятого КСОЮ от 15.06.2023 г. по делу № 88-5989/2023).

Если объяснение от работника затребовать по почте, то двухдневный срок необходимо считать со дня, следующего за днем получения работником письма, а не со дня его отправления. Пока не будет сведений о получении письма или пока оно не вернется обратно, – взыскание выносить нельзя.

Также следует отметить, что частить со взысканиями нельзя. Ограничений на то, с какой периодичностью можно выносить взыскания, в ТК РФ нет. Но суды стали довольно часто расценивать объявление нескольких взысканий за короткий промежуток времени как злоупотребление и попытку избавиться от работника. Кроме того, если взыскания вынесены в очень короткий период, например, три за неделю, – суд может указать, что это лишило работника возможности исправиться. Это особенно актуально при увольнении по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Например, суд усмотрел злоупотребление при следующей частоте взысканий, последним из которых стало увольнение: пять взысканий за четыре с половиной месяцев (определение Пятого КСОЮ от 24.04.2025 г. по делу № 88-3088/2025).

Работодателю не стоит объявлять взыскание за каждое мелкое нарушение специально, чтобы подвести работника под увольнение по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Если он действительно регулярно допускает значимые нарушения, необходимо их фиксировать и запрашивать объяснения. Чем тяжелее проступки, тем ниже вероятность, что суд признает увольнение незаконным. И напротив, если работника вдруг стали наказывать за каждую мелочь, суд признает увольнение незаконным.

Нельзя запрашивать объяснение в период больничного и отпуска. Как отмечает Верховный Суд Российской Федерации, требовать объяснение в период нетрудоспособности недопустимо (Определение от 17.08.2020 г. № 69-КГ20-3).

Итак, обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Статья 192 ТК РФ позволяет работодателям привлекать работников к дисциплинарной ответственности за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, допущенных по вине работника.

Трудовой кодекс РФ не разъясняет, что должен содержать приказ о привлечении работника к дисциплинарной ответственности. Складывающаяся судебная практика показывает, что в приказе должен быть описан проступок, совершенный работником (указаны конкретные нарушения, время и обстоятельства их совершения, четкая формулировка, указывающая на вину работника).

При выборе взыскания необходимо учитывать личные обстоятельства работника (необходимо принимать во внимание семейное положение работника, его иные личные обстоятельства).

Частить со взысканиями работодателю нельзя, поскольку суды расценивают такой шаг как злоупотребление правом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 4.

2. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 3.

УДК 172.12

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Никишова Наталья Валерьевна, кандидат философских наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: nikishova.2011@mail.ru

THE IMPORTANCE OF LAW IN THE FORMATION OF CIVIL IDENTITY

Nikishova Natalia Valerievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются причины кризиса идентичности граждан и истоки проблемы внутреннего единства, которые наблюдаются в современном российском обществе. Автор приходит к выводу, что формирование гражданской идентичности – это необходимый фактор национальной консолидации, устойчивости и правовой стабильности государства. Его можно достичь, повышая уровень жизни населения, уровень грамотности, правового образования и правосознания. Представления о праве, о его сущности и значении, дает возможность человеку выработать в себе внутреннее уважение к закону, к институтам власти. Создавая единое правовое пространство, мы формируем внутреннее единство российского народа.

Ключевые слова: право, гражданская идентичность, солидаризация, единство народа, правовое сознание.

The article examines the causes of the crisis of citizens' identity and the origins of the problem of internal unity that is observed in modern Russian society. The author concludes that the formation of civic identity is a necessary factor for national consolidation, stability, and legal security of the state. This can be achieved by improving the living standards of the population, their level of literacy, legal education, and legal awareness. Understanding the essence and significance of law allows individuals to develop an internal respect for the law and institutions of power. By creating a unified legal space, we foster the internal unity of the Russian people.

Keywords: law, civic identity, solidarity, national unity, legal consciousness/

Современное общество, как сложная система связей между индивидами, развивается гигантскими темпами, что проявляется в глубинных и крайне противоречивых процессах во всех его сферах. Наиболее явными являются события в политической и экономической жизни социума, так как революции, массовые выступления, экономические кризисы оказывают влияние не только внутри отдельной страны, но и на международном уровне. В тени остаются процессы, происходящие в социальной и духовной сферах, так как их воздействие проявляется через определенный промежуток времени и не всегда очевидно. Однако все больше ученых отмечают распространение кризиса идентичности граждан и солидаризации народов. Особенно ярко это прослеживается в многонациональных странах, к которым относится и Россия. Все чаще мы слышим о том, что та или иная этническая группа начинает активно бороться за собственную независимость, расшатывая целостность государства и подрывая внутреннее согласие гражданского общества. Одними из причин кризиса идентичности выступают низкий уровень правового сознания, распространение правового нигилизма и обесценивание традиционных духовных и культурных ценностей.

Проблема внутреннего единства в нашей стране возникла в середине XX века, когда патриотизм, возникший в годы Великой Отечественной войны, стал средством для достижения политических целей. В 60-70-ых годах можно было наблюдать, как с одной стороны национальные элиты, стаявшие во главе многих республик СССР, стали проводить политику культурного суверенитета, а с другой – советское руководство стремилось подавить национальное самосознание, уничтожая этнические традиции и обряды. Итогом этих антагонистических процессов стал распад огромной страны.

Но усугубление кризиса внутреннего единства российского народа продолжилось в 90-е годы, когда новое руководство страны стало проводить политику по дискредитации советского режима и всего с ним связанного, в том числе и «советского патриотизма». Но именно последнее было важнейшим фактором, которое на протяжении десятилетий объединяло многонациональную страну и формировало взаимное уважение. Многонациональность стало рассматриваться как негативный феномен, тянущий государство «назад». Доверие граждан к власти был подорван и противоречивыми реформами в сфере экономики, которые привели к кризисам, ухудшившим уровень жизни большинства граждан. Все это свелось к тому, что уровень солидаризации российского народа был крайне низким.

Первые попытки изменить сложившуюся ситуацию стали предприниматься государством с 2012 года, когда были приняты первые нормативно-правовые документы, направленные на решение национальных проблем и развитие межэтнических взаимоотношений. Важнейшим среди них можно назвать Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», утвержденную Правительством Российской Федерации в 2013 г. Эстафету продолжил Президент России В. В. Путин, подписав Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где отмечено, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [1].

Однако положительные изменения на уровне законодательства не могут решить все имеющиеся проблемы единства российского народа, к которым, по мнению Д. А. Авдеева и А. В. Тархановой необходимо отнести – «низкий уровень патриотического воспитания; невысокую заинтересованность местных властей отдельных регионов в реализации программ, а также скептическое отношение к принимаемым на государственном уровне решениям не только молодежи, но и взрослого населения, которое непосредственно подает пример. При этом, скептическое отношение, прежде всего связано с низким уровнем правового сознания населения. В России слабо выражено гражданское общество (причиной чему является низкий уровень патриотизма, солидаризации народа, а также низкий уровень жизни населения, и, как следствие, образованности граждан). Все чаще и чаще встречается такое понятие как «правовой нигилизм», что означает отрицание права и правовых институтов и т. п. Поэтому государство должно действовать «снизу», повышая уровень жизни населения, уровень грамотности, правового образования и правосознания» [2, с. 74–75].

Мы согласны с мнением исследователей, что повышение уровня правосознания сможет постепенно изменить мировоззрение российских граждан и сформировать общероссийскую идентичность. Но для этого необходимо, чтобы каждый человек имел представление о сущности права и его в роли в социальной жизни.

«Что такое право?» – этот простой на первый взгляд вопрос не имеет однозначного ответа и попытки его найти предпринимались еще в древности.

Все ученые согласны с тем, что право выступает одним из важнейших социальных регуляторов в обществе, существенной чертой которого является принудительная сила государства. Но затем возникают различные точки зрения уже по поводу правообразования. Так, представители исторической школы утверждают, что нормы права формируются под воздействием нравов и обычаев людей, проживающих на территории государства, и носят эволюционный характер.

Противоположная позиция представлена в работах Р. Иеринга, который пишет, что «Цель права – мир, средство для этого – борьба. <…> Жизнь права – борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидуумов. Всякое право в мире является результатом борьбы……» [3, с. 24].

Представители марксизма и экономического материализма вообще сошлись во мнении, что право, как сфера бытия, имеет вторичную природу и не может рассматриваться как самостоятельное явление. Второстепенный характер обусловлен его производностью от экономического базиса, который и определяет существование общества.

В современной юриспруденции право рассматривается как многостороннее явление, выступающее не только как важнейший социальный институт, находящийся во взаимодействии с другими струк-

турными элементами общества, но и как продукт человеческой деятельности. Последнее обуславливает его неоднородность в духовной сфере, так как каждая личность самостоятельно формирует собственное отношение к нему. Но повлиять на это могут различные процессы.

Сущность права также рассматривается с разных сторон. Выделяют три большие группы концепций – формально-логическая, социологическая и естественно-правовая, объединяющие множество теорий.

Группа формально-логических концепций исходит из того, что право раскрывается через содержание законов и подзаконных актов. Последние создаются с целью установления правопорядка в обществе на основании принципа законности и равенства. Важнейшей чертой права выступает его непосредственная связь с государством. К данной группе мы можем отнести теорию утилитаризма (И. Бентам, Дж. Остин), юридический позитивизм (К. Бергбом, Г. Шершеневич), концепцию нормативизма (Г. Кельзен). Однако представители других теорий критикуют многие положения, выдвигая собственные контраргументы, а именно – наличие в текстах нормативно-правовых актов ошибок и противоречий; отсутствие механизма подчинения государства нормам права; исключение из системы права норм, которые были созданы иными институтами общества.

Сторонники социологического направления рассмотрения права (Р. Иеринг, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Г. Канторович и др.) утверждали, что его суть можно раскрыть только посредством инструментального анализа эффективности правовых предписаний при регулировании отношений в обществе. Только правоотношения могут в полной мере раскрыть установившийся порядок, который каждый народ формирует самостоятельно на основе обычаев и традиций. В связи с этим тексты законодательных актов сами по себе не могут выступать источником права. Критика данного направления выстраивается вокруг положения о приоритетной роли судебной власти при реализации норм права и возможности замены общественных интересов личными.

Последняя группа концепций выступает одной из самых сложных, так как отождествляется с философией права. Основой естественно-правовых теорий является приоритет таких прав человека и гражданина как жизнь, свобода, равенство. Сущность права раскрывается через правосознание. Но и такое понимание права критикуется, при чем по разным основаниям – метаюридические понятия (общее благо, народное благополучие) подвергаются произвольной трактовке, отсутствует критерий истинности, положения естественного права субъективны и неуниверсальны.

Все выше рассмотренное показывает многоаспектность такого на первый взгляд простого социального явления как право, но при этом и демонстрирует его глубокое проникновение во все сферы жизнедеятельности человека. Именно право оказывает ориентационное воздействие на сознание индивида. Оно, с одной стороны, формирует демократические идеалы, соответствующие интересам национального развития государства, а с другой определяет сопричастность каждого члена социума к своей стране.

Гражданская идентичность – это результат длительной правовой социализации, в ходе которой индивид вырабатывает собственную систему ценностей и установок, которая ему необходима для определения вектора своего поведения. На уровне общества она проявляется через общие представления о справедливости, равенстве и законности.

Элементом правовой социализации выступает правовое воспитание. В своих исследованиях мы пришли к выводу, что «правовое воспитание среди населения ведется по-разному. Наибольшую роль в ней играют учебные заведения, где в процессе воспитания закладывается система общечеловеческих ценностей в подрастающем поколении. Одним их существенных элементов этого процесса является прививание юридической грамотности, что служит формированию правосознания будущих граждан страны. Другое направление – пропаганда через средства массовой информации определенного типа правового поведения. Правовая пропаганда служит важным фактором для создания благоприятного общественного климата. Она может и должна раскрыть социальную значимость правовых ценностей, повысить престиж государства, показав, что правомерное поведение нужно не только обществу, оно нужно и каждому отдельному гражданину. Следовательно, все существующие формы выражения информации прямо или косвенно направлены на формирование чувства сопричастности человека со своей страной» [4, с. 74].

Из всего сказанного выше можно заключить, что формирование гражданской идентичности является важнейшей задачей современного российского общества. Этого можно достичь, повышая уровень жизни населения, уровень грамотности, правового образования и правосознания. Представления о праве, о его сущности и значении, дает возможность человеку выработать в себе внутреннее уважение к закону, к институтам власти. Создавая единое правовое пространство, мы формируем внутреннее единство российского народа. Гражданская идентичность – это фактор национальной консолидации, устойчивости и правовой стабильности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г.; в ред. от 04 марта 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. № 46. 14.11.2022. Ст.7977.
2. Тарханова, А. В. Проблематика единства российского народа и вопросы его солидаризации в современных условиях / А. В. Тарханова, Д. А. Авдеев // Право и политика. 2023. № 8. С. 68–79.
3. Иеринг, Р. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. / Р. Иеринг. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2006. 545 с.
4. Никишова, Н. В. Социально-философский анализ естественно-природных и социальных конструктов правовых норм современного российского общества: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Н. В. Никишова. Саранск, 2015. 162 с.

УДК 343.2/.7

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР

Орлова Татьяна Витальевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: orel@ruc.su

CYBER CRIME AGAINST MINORS: COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LAW AND PREVENTIVE MEASURES

Orlova Tatiana Vitalievna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена компаративному анализу уголовно правовых и гражданско правовых механизмов противодействия киберпреступности в отношении несовершеннолетних (кибербуллинг, кибергруминг, кибермошенничество) в России, странах Европы и США, с формулированием предложений по совершенствованию российского законодательства.
Ключевые слова: компаративный анализ; киберпреступность; кибербуллинг; кибергруминг; несовершеннолетние; уголовное право; Германия; Франция; Италия; США.

The article is devoted to a comparative analysis of criminal and civil legal mechanisms of counteraction to cybercrime against minors (cyberbullying, cyber grooming, cyber fraud) in Russia, European countries and the USA, with formulation of proposals for improvement of Russian legislation.
Keywords: comparative analysis; cybercrime; cyberbullying; cyber grooming; minors; criminal law; Germany; France; Italy; USA.

Киберпреступность в отношении несовершеннолетних за сравнительно короткий исторический период прошла путь от эпизодических злоупотреблений в чатах и первых социальных сетях до сложного многокомпонентного явления, включающего кибербуллинг, различные формы сексуальной эксплуатации, трансграничное мошенничество и вовлечение подростков в совершение противоправных деяний, вплоть до тяжких и особо тяжких преступлений. Л. А. Букалерова и др. правоведы справедливо отмечает, что через Интернет злоумышленники потенциально имеют практически неограниченный доступ к детям, их телам, умам, кошелькам [1]. На первоначальном этапе правовое реагирование на посягательства в сети Интернет, как правило, сводилось к распространению традиционных составов преступлений (клевета, угрозы, посягательства на половую неприкосновенность и др.) на цифровую среду. По мере стремительного роста детской онлайн аудитории в ряде государств сформировался подход, исходящий из необходимости специальной защиты несовершеннолетних в киберпространстве, что выразилось в разработке целенаправленных уголовно правовых и профилактических механизмов, целью которых стало предупреждение кибербуллинга, кибергруминга и иных форм цифровой виктимизации детей.

Кибербуллинг, представляет собой целенаправленный, повторяющийся вред, наносимый с использованием различных электронных девайсов [2].

Кибергруминг представляет собой процесс установления эмоциональной связи и дружеских отношений грумера с несовершеннолетним с целью совершения развратных действий, сексуального насилия либо иных форм сексуальной эксплуатации [3].

Эмпирические исследования, проводившиеся в последние годы, свидетельствуют о том, что достоверно определить ежегодный масштаб кибербуллинга в глобальном измерении затруднительно в силу высокой латентности и различий в методиках учёта, однако имеющиеся данные указывают на его широкое распространение. Так, по результатам опросов значительная часть родителей детей младшего и среднего школьного возраста сообщают о фактах онлайн травли, а среди подростков доля жертв кибербуллинга приближается к двум третям респондентов. Наиболее типичными формами

цифровой агрессии выступают оскорбительные и унижающие сообщения, распространение ложных слухов и порочащих сведений, навязчивая пересылка откровенных изображений, вторжение в сферу частной жизни через навязчивые запросы о местонахождении, а также прямые угрозы физической расправы. Отдельные исследования показывают, что жертвы кибербуллинга, в два раза чаще совершали самоубийства или причиняли себе вред другими способами по сравнению с молодёжью, которая не подвергалась кибербуллингу.

В отдельных странах Европейского союза, и других государствах таких как США, Новая Зеландия, Китай, учитываю особую сложность и многокомпонентность данного феномена был сформирован специальный комплекс методов, направленных на противодействие кибербуллингу, сочетающий специальные нормативные акты, направленные на борьбу с буллингом и его цифровыми формами, интеграцию медиаграмотности и основ безопасного поведения в сети в школьные программы, функционирование горячих линий и служб психологической помощи, а также возложение на цифровые платформы и интернет-провайдеров обязанностей по оперативному выявлению и удалению противоправного или заведомо вредоносного контента в отношении детей. При этом в Соединённых Штатах единый федеральный закон, прямо посвящённый буллингу и кибербуллингу, отсутствует, однако используются совокупность антидискриминационных и образовательных норм, а на уровне отдельных штатов действуют специальные антибуллинговые законы и вводятся обязательные требования, обязывающие образовательные учреждения разрабатывать и реализовывать программы предупреждения травли, и реагировать на обращения от пострадавших лиц.

При этом законодательство ряда европейских государств демонстрирует более детализированный подход к уголовно правовой оценке травли. Во Франции, помимо общих норм, Уголовный кодекс предусматривает специальную ответственность за причинение вреда путём повторяющихся слов или действий, ухудшающих условия жизни потерпевшего и приводящих к нарушению его физического или психического здоровья, при этом санкции существенно ужесточаются при совершении деяния в отношении несовершеннолетнего либо с использованием публичных онлайн сервисов связи. Также в нём выделено дополнительно школьное домогательство как самостоятельный состав, для которого предусмотрена дифференцированная ответственность в зависимости от тяжести последствий, вплоть до случаев доведения до суицида, тем самым позволяя охватывать как офлайн, так и онлайн формы травли в образовательной среде среди несовершеннолетних.

В Германии кибербуллинг традиционно рассматривается через призму феномена моббинга, под которым понимается систематическое и длительное психологическое воздействие, направленное на унижение и социальную изоляцию жертвы в коллективе. При этом акцент делается не столько на разовом конфликте, сколько на повторяющемся, систематическом характере действий. Помимо реальной жизни также реализуется он и онлайн среде, где цифровые коммуникации позволяют правонарушителю оказывать давление на потерпевшего практически непрерывно. Однако несмотря на то, что термин «кибермоббинг» широко используется в научной литературе и профилактических программах, он не закреплён в качестве самостоятельного состава преступления в Уголовном кодексе ФРГ, а соответствующие деяния квалифицируются по совокупности действующих норм.

В сфере уголовного права деяние, относимое к кибербуллингу, как правило, подпадает под действие нескольких параграфов StGB: оскорбление (§ 185 StGB), распространение порочащих сведений (§ 186 StGB), клевета (§ 187 StGB), угроза причинения серьёзного вреда (§ 241 StGB), преследование и навязчивое наблюдение (§ 238 StGB), а в случаях оборота интимных изображений как нарушение неприкосновенности личной жизни посредством создания и распространения фото или видеозаписей (§ 201a StGB). В зависимости от квалификации такие деяния могут влечь наказание в виде штрафа либо лишения свободы на срок до одного или двух лет, а при отягчающих обстоятельствах и более строгие санкции, показывая серьёзное отношение немецкого законодателя к цифровым формам психологического насилия.

Параллельно с уголовно правовым механизмом значимую роль играет и гражданско правовой механизм защиты, опирающийся на общую деликтную норму о нарушении абсолютных прав личности (§ 823 BGB) и специальные положения о пределах деликтоспособности несовершеннолетних (§ 828 BGB). Уже с семилетнего возраста ребёнок при наличии достаточного уровня понимания может быть признан деликтоспособным и, соответственно, нести гражданско правовую ответственность за умышленное причинение вреда, в том числе в результате действий в сети Интернет. На практике это реализуется через предъявление требований о возмещении нематериального вреда (Schmerzensgeld), а также использование внесудебных соглашений о прекращении противоправного поведения (Unterlassungserklärung), по которым нарушитель обязуется воздерживаться от дальнейших посягательств, и в случае нарушения такого обязательства может нести ответственность, в том числе в форме выплаты денежной суммы.

С достижением 14-летнего возраста несовершеннолетние в Германии подлежат уголовной ответственности, однако к ним применяется особый режим ювенального уголовного права (Jugendstrafrecht). В его рамках подростки могут привлекаться к ответственности за оскорбление, клевету, угрозы, преследование или незаконное распространение конфиденциальных изображений, в том числе совершённые посредством глобальной сети «Интернет», при этом суды учитывают уровень их развития и, как правило, сочетают воспитательные меры с обязанностью компенсировать причинённый вред.

Весьма значимым элементом немецкой правовой системы является возложенная на образовательные учреждения и педагогов повышенная обязанность по надзору за учениками и защите их личных прав. Немецкие суды последовательно исходят из того, что школа и её сотрудники обязаны активно предотвращать травлю, включая её онлайн формы, а бездействие или участие педагога в травле расценивается как нарушение служебных обязанностей и может повлечь дисциплинарную и гражданско правовую ответственность за причинённый ученику вред.

Итальянский подход к противодействию кибербуллингу основывается на действии Закона № 71/2017, который закрепил специальный режим защиты несовершеннолетних в цифровой среде. Согласно нему кибербуллинг понимается как любое систематическое использование электронных средств для причинения вреда ребёнку посредством давления, оскорблений, клеветы, угроз, вмешательства в частную жизнь или незаконной обработки его персональных данных, включая распространение материалов, затрагивающих членов семьи жертвы.

Для подростков в возрасте от 14 до 18 лет такие действия, при наличии вменяемости, квалифицируются по соответствующим составам Уголовного кодекса Италии, тогда как гражданско правовая ответственность традиционно опирается на конструкции culpa in vigilando и culpa in organizzando, позволяющие возлагать обязанность по возмещению вреда на родителей и образовательные организации при ненадлежащем надзоре или отсутствии организационных мер. Закон прямо возлагает на школы обязанность назначать преподавателя референта по вопросам буллинга и кибербуллинга, разрабатывать внутренние протоколы реагирования, утверждать внутренние протоколы предупреждения и реагирования, оперативно информировать родителей и компетентные органы, а также реализовывать образовательные и профилактические программы. При этом судебная практика подчёркивает, что игнорирование сигналов о травле или формальное исполнение этих процедур влечёт как деликтную ответственность за причинённый несовершеннолетнему вред, так и дисциплинарные санкции в отношении причастных должностных лиц.

Кибергруминг в ряде зарубежных юрисдикций, в частности в Германии, рассматривается как самостоятельное преступление. Уголовно наказуемыми признаются не только совершённые сексуальные действия, но и умышленные попытки установления и поддержания контакта с несовершеннолетним в сети в целях его дальнейшей сексуальной эксплуатации, в том числе посредством обмена сообщениями, пересылки интимных изображений и подготовки к личной встрече. В России и ряде других постсоветских государств по-прежнему доминирует подход, основанный на квалификации соответствующих деяний по общим составам (развратные действия, оборот порнографических материалов, угрозы, посягательства на честь и достоинство и др.), что осложняет единообразие правоприменения и ведение статистического учёта кибербуллинга и кибергруминга. В этой связи, по нашему мнению, представляется целесообразным принятие специальной нормы о кибергруминге и уточнение квалифицирующих признаков преступлений против несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно телекоммуникационных сетей.

С распространением онлайн-банкинга и маркетплейсов в РФ весьма значимую часть киберпреступности стали составлять трансграничные мошеннические схемы. Особую опасность представляет деятельность зарубежных колл центров, основывающихся на методах социальной инженерии, использовании легенд о переводе средств на «безопасные» счета и привлечении курьеров для вывоза наличных у потерпевших, в том числе в ситуациях, когда деньги и банковские карты им передают сами несовершеннолетние.

В международной практике противодействие таким посягательствам обеспечивается посредством специальных составов мошенничества, совершаемого с использованием информационно телекоммуникационных технологий, института расширенной конфискации, механизмов блокировки подозрительных транзакций и обмена финансовой информацией, а также программ финансовой и цифровой грамотности населения, адресованных, в том числе, детям и их законным представителям.

Для Российской Федерации, столкнувшейся с массовой деятельностью зарубежных колл центров, актуальными представляются внедрение целевых профилактических программ для подростков как особенно уязвимого звена (разъяснение типичных мошеннических схем, категорический запрет пере-

дачи банковских карт, реквизитов и наличных курьерам) и более чёткая регламентация ответственности взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в функции «курьеров» и посредников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть интернет) / Л. А. Букалерова [и др.] // Вестник СПбГУ. Серия 14. 2021. С. 17–35.
2. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К. Д. Хломов [и др.] // Психология и право. №9(2). 2019. С. 276–295.
3. Мазур, А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга / А. А. Мазур // Вестник РУК. 2020. №1 (39). С. 142–146.

УДК 343.2/.7

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Орлова Татьяна Витальевна, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: i.p.asanova@ruc.su; orel@ruc.su

CYBERCRIME AGAINST MINORS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS AND CRIMINAL LAW RESPONSE ISSUES

Orlova Tatiana Vitalievna, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются криминологические и уголовно правовые особенности киберпреступности в отношении несовершеннолетних в контексте процесса глобальной цифровизации общества. Обосновывается, что рост виктимизации детей в сети детерминируется совокупностью факторов: латентностью посягательств, анонимностью и транснациональностью деяний, семейно социальной дисфункцией, а также отсутствием специальных уголовно правовых норм о кибербуллинге и кибергруминге и развернутой статистической отчетности по киберпреступлениям против несовершеннолетних. Делается вывод о необходимости комплексной модернизации системы профилактики и правоприменения с учетом специфики цифровой среды и виктимного поведения детей и подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние, киберпреступность, кибербуллинг, кибергруминг, цифровизация, латентная преступность, виктимизация, анонимность преступника, профилактика преступности.

The article examines the criminological and criminal law features of cybercrime against minors in the context of the global digitalization of society. It is argued that the increase in child victimization on the Internet is determined by a combination of factors: the latency of attacks, the anonymity and transnational nature of the acts, family and social dysfunction, as well as the lack of specific criminal law provisions on cyberbullying and cyber grooming and detailed statistical reporting on cybercrimes against minors. It is concluded that it is necessary to comprehensively modernize the system of prevention and law enforcement, taking into account the specifics of the digital environment and the victim behavior of children and adolescents.

Keywords: minors, cybercrime, cyberbullying, cyber grooming, digitalization, latent crime, victimization, anonymity of the criminal, crime prevention.

В современном мире цифровизация радикально трансформирует все аспекты общественной жизни, делая киберпространство неотъемлемой частью человеческого бытия, особенно для подрастающего поколения. Виртуальные экосистемы и новые цифровые инструменты все плотнее вплетаются в рутину подростков и детей, обуславливая формирование устойчивых онлайн-привычек и цифровой зависимости.

По данным Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) за 2025 год, среднесуточное время россиян в сети достигло 8,5 часов – это пятое место в глобальном рейтинге после ЮАР, Бразилии, Филиппин и Аргентины, а среди несовершеннолетних оно может достигать вплоть до 10–11 часов активности, иллюстрируя экспоненциальный рост их виртуальной вовлечённости. Данная динамика несёт в себе двойственный эффект: с одной стороны, она открывает возможности для образования, творчества и социализации, а с другой – усиливает уязвимость молодёжи перед цифровыми угрозами. В уголовно-правовом аспекте такие угрозы обретают особую актуальность и остроту, поскольку дети и подростки из-за незрелости психики и дефицита опыта становятся приоритетными целями для преступников в сети.

Несовершеннолетние выступают наиболее уязвимой группой в киберпространстве благодаря психофизиологическим особенностям, дефициту жизненного опыта и повышенной доверчивости, ти-

пичным для детского и подросткового возраста. По информации управления по кибербезопасности МВД РФ, за первые девять месяцев 2025 года количество несовершеннолетних, пострадавших от цифровых преступлений, увеличилось на 120 % по сравнению с аналогичным периодом 2024-го, с доминированием случаев разглашения персональных данных и вовлечения в рискованные онлайн-челленджи, а в начале 2026 г. жертвами стали не менее 140 подростков, в основном от схем с вымогательством и блокировкой устройств.

Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации общества показывают, что цифровой фактор нередко недооценивается, а многие предложения по профилактике носят декларативный характер и слабо реализуемы на практике, что справедливо отмечает В. С. Соловьёв [1].

При этом сведения, содержащиеся в исследовании И. С. Назаровой и Л. А. Шеншиной, показывают, что в действующем российском законодательстве отсутствует специальная норма, устанавливающая ответственность именно за кибербуллинг, а соответствующие деяния вынужденно квалифицируются по ряду общих составов КоАП РФ и УК РФ, что осложняет правоприменение и не отражает специфики цифровой травли [2].

Аналогичная ситуация складывается и в отношении кибергруминга, как справедливо отмечает М. Л. Феденко, данное явление рассматривается как латентная форма виртуальной виктимизации несовершеннолетних, при этом в УК РФ нет самостоятельного состава преступления, посвященного кибергрумингу, а правоприменитель вынужден опираться на общие нормы о развратных действиях и вовлечении несовершеннолетних в антиобщественное поведение [3].

Проблемы в семье (алкоголизм родителей, разводы, дефицит внимания) и доминирование виртуальных связей в TikTok, VK, Telegram, Discord над реальным общением способствуют формированию девиантного поведения детей, делая их легкой мишенью для преступников. Использование преступниками манипулятивных психологических тактик в онлайн среде обеспечивает массовость таких посягательств и их многоэпизодный характер, что усиливается возможностями современных информационно коммуникационных технологий. Все это в совокупности обусловливает необходимость разработки и реализации комплексных мер уголовно правового и криминологического характера, направленных на противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних в киберпространстве.

Рост киберпреступности в отношении несовершеннолетних объясняется сочетанием глобальных, правовых, технологических и социально психологических факторов, значительная часть которых до сих пор остается системно не преодоленными [4]. Отсутствие унифицированных международных стандартов противодействия данной категории преступлений обусловлено различиями в национальных подходах к определению состава киберпосягательств, разнородностью терминологии, особенностями структуры правоохранительных органов и приоритетов уголовной политики отдельных государств. В ряде стран ответственность за кибербуллинг и смежные формы цифровой агрессии прямо закреплена в уголовном законодательстве или специальных законах о защите детей в сети, тогда как в России кибербуллинг и кибергруминг по-прежнему квалифицируются по общим составам, что затрудняет как статистический учет, так и выработку адресных мер превенции.

При этом, несмотря на наличие отдельных статистических данных о числе несовершеннолетних жертв ИТ преступлений, в официальной отчётности отсутствует развернутый самостоятельный блок статистических данных именно о киберпреступлениях против детей. Все деяния, совершенные с использованием информационных технологий, учитываются преимущественно в виде агрегированного массива ИТ преступлений, ежегодно превышающего 500 тыс. эпизодов, без системного выделения случаев, совершенных в отношении несовершеннолетних. Такая агрегированность показателей не позволяет объективно оценить масштаб угроз именно для детей, а скрытый характер многих инцидентов от кибербуллинга и шантажа до вербовки в деструктивные сообщества дополнительно увеличивает разрыв между реальным и регистрируемым уровнем преступности.

Исследования показывают, что до 90 % подростков не готовы сообщать о психологическом насилии и угрозах в сети, если ситуация не связана с прямой потерей денег, что поддерживает высокий уровень латентности цифровых посягательств.

Латентность киберпреступности в отношении несовершеннолетних объясняется не только боязнью огласки, но и тем, что сами дети нередко не идентифицируют происходящее как преступление, воспринимая общение со злоумышленником в мессенджере или онлайн игре как элемент дружбы, романтического интереса или «продвинутого» общения. Преступники сознательно выстраивают доверительные отношения с жертвой, используя техники эмоционального сближения, нормализации девиантного поведения и постепенного размывания границ допустимого, что снижает вероятность обращения за помощью и увеличивает продолжительность виктимизации.

В результате значительная часть таких деяний никогда не становится предметом официального расследования, а сами несовершеннолетние остаются без необходимой психологической и правовой помощи и поддержки.

Серьезным криминогенным фактором выступает анонимность и территориальная разобщенность участников цифрового онлайн-взаимодействия. Технологии маршрутизации трафика, использования VPN сервисов, анонимайзеров, зашифрованных мессенджеров и игровых платформ позволяют киберпреступнику воздействовать на ребенка, находясь в другой стране или регионе, при этом оставляя минимальный цифровой след, пригодный для процессуальной фиксации. Обезличенность коммуникации снижает у злоумышленника чувство социальной ответственности и страха осуждения, создавая иллюзию безнаказанности и стимулируя повторяемость и регулярность противоправных действий. Для правоохранительных органов это оборачивается необходимостью задействовать сложные механизмы международного сотрудничества, которые зачастую не успевают за скоростью развития самих преступных посягательств.

Как справедливо подчёркивает О. П. Виноградова, использование информационных технологий при совершении преступлений против несовершеннолетних не только расширяет спектр посягательств, но и значительно усложняет их выявление и расследование, трансформируя традиционные механизмы фиксации доказательств и установления личности виновного [5]. Расширение доступа к высокоскоростному интернету, повсеместное распространение смартфонов и игровых консолей, развитие онлайн игр и социальных сетей увеличивают время пребывания детей в сети и расширяют поле возможных контактов с потенциальными преступниками. Период пандемии COVID-19 стал показателен в этом отношении: переход школ и вузов на дистанционный формат, массовый перевод работников на удаленную занятость и общий рост интернет-трафика спровоцировали кратный рост числа киберпреступлений, в том числе с участием несовершеннолетних. Отмечалось существенное увеличение активности в игровой индустрии и социальных сетях, что закономерно сопровождалось всплеском мошенничеств и иных случаев цифровой эксплуатации детей.

Социально экономическая нестабильность усиливает уязвимость как взрослых, так и детей: падение доходов, безработица, ощущение неопределенности подталкивают людей к поиску поддержки, признания или заработка в виртуальной среде, где легальные и нелегальные практики зачастую переплетены. Для части подростков интернет становится не только пространством общения, но и средой, в которой они вовлекаются в мошеннические схемы, распространение наркотиков, противоправную монетизацию игровых аккаунтов и иные деяния, обещающие быстрый заработок или символический статус в онлайн сообществах. При этом недостаток правовой социализации и критического мышления не позволяет им адекватно оценить юридические последствия такого участия.

Транснациональный характер киберпреступности в отношении несовершеннолетних выводит проблему за рамки исключительно национальной юрисдикции. Цифровые посягательства на детей нередко связаны с трансграничным оборотом контента, в том числе материалов сексуального характера, распространением экстремистских и террористических идей, деятельностью организованных групп, использующих инфраструктуру разных государств. В структуре выявляемых киберпреступлений значительную долю составляют тяжкие и особо тяжкие деяния – онлайн сексуальная эксплуатация, производство и оборот детской порнографии, доведение до самоубийства, крупномасштабные мошенничества, что в свою очередь придает рассматриваемой преступности особую общественную опасность и требует комплексного ответа со стороны национальных правоохранительных органов и международных организаций.

В этих условиях разработка согласованных подходов к квалификации киберпосягательств, совершенствование механизмов обмена цифровыми доказательствами и адаптация уголовного законодательства к новым технологическим реалиям становятся ключевыми направлениями предупреждения киберпреступности в отношении несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1.Соловьёв, В. С. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации общества: ожидания и реальность / Соловьев В. С. // АЮВ. 2024. №1 (45). С. 92–99.

2.Назарова, И. С. Проблемы регламентации ответственности за кибербуллинг в российской федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. 2025. №5. С. 51–54.

3.Феденко, М. Л. Кибергруминг как латентная форма виртуальной виктимизации несовершеннолетних: криминалистический анализ манипулятивных тактик и проблемы уголовно-правового противодействия / М. Л. Феденко // Вопросы ювенальной юстиции. № 3. 2025. С. 2–6.

4.Быстрова, Ю. В. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних: причины и направления предупреждения / Ю. В. Быстрова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5. С. 228–233.

5.Виноградова, О. П. Детерминанты преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, с использованием информационных технологий в сети Интернет / О. П. Виноградова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. №. 4. С. 37–48.

УДК 343.3/.7

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ «КОЛУМБАЙН» И ЕЁ ПРОФИЛАКТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Попова Татьяна Валерьевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: strelkov@ruc.su

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE COLUMBINE YOUTH SUBCULTURE AND ITS PREVENTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Popova Tatiana Valeryevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуется субкультура «Колумбайн» как фактор радикализации несовершеннолетних, её проявление в скулшутинге и диверсиях, а также предлагает криминологические подходы к профилактике с учётом стремительной цифровизации общества.
Ключевые слова: Колумбайн», скулшутинг, несовершеннолетние, терроризм, диверсии, профилактика.

The article examines the Columbine subculture as a factor in the radicalization of minors, its manifestation in school shootings and sabotage, and proposes criminological approaches to prevention, taking into account the rapid digitalization of society.
Keywords: Columbine, school shootings, minors, terrorism, sabotage, prevention.

Распространение радикальных установок субкультуры «Колумбайн» (скулшутинг) представляет собой одну из наиболее опасных форм девиантного и противозаконного поведения среди несовершеннолетних, эволюционировавшую в экстремистско террористическое движение, признанное таковым решением Верховного Суда РФ от 2 февраля 2022 г. С точки зрения криминологии данное явление выступает не только как совокупность обособленных, изолированных друг от друга актов насилия, но и как целостная идеология, провоцирующая массовые убийства в образовательных учреждениях, с последователями, совершившими сотни преступлений по всему миру, включая Россию, где за последнее десятилетие зафиксировано более 20 инцидентов, жертвами которых стало свыше 300 человек.

Поскольку легальная дефиниция данного явления отсутствует, под скулшутингом на основе различных дефиниций, предложенных правоведами следует понимать целенаправленное вооружённое нападение на участников учебного процесса – школьников, преподавателей или сотрудников внутри образовательных учреждений, как правило, сопровождающееся множественными жертвами и нередко завершающееся самоубийством нападавшего [1]. Также выделяется такой самостоятельный подвид скулшутинга, как rampage school shooting (беспорядочная школьная стрельба), где преступный умысел нацелен не на одну конкретную жертву, а на неограниченное количество учащихся [2].

Само явление «Колумбайн» отсылает к инциденту 20 апреля 1999 г. в старшей школе Колумбайн (округ Джефферсон, штат Колорадо, США), где двое старшеклассников расстреляли 13 человек (12 учеников и учителя), ранили 24 человек и покончили с собой, что, в свою очередь, заложило основу для появления большого числа подражателей [3]. Предпосылки подобных преступлений прослеживаются и в более ранних исторических примерах насилия в образовательных учреждениях, среди которых наиболее масштабной по числу жертв остаётся катастрофа в объединённой школе г. Бат (штат Мичиган, США) 18 мая 1927 г., когда казначей школы Э. Кихо осуществил подрыв взрывных устройств внутри здания, в результате чего погибли 38 детей и 6 взрослых, а последующая детонация грузовика с динамитом принесла ещё 5 жертв. В итоге общее число погибших и раненых превысило 100 человек. В отличие от этих предшествующих событий, происшествие в Колумбайне стало поворотным моментом в осмыслении подобных преступлений, поскольку послужило толчком к формированию интернет субкультур в социальных сетях, где террористические акты получают идеологическое обоснование, преподносятся как средство публичного устрашения и находят всё больше новых сторонников и подражателей с каждым годом.

Современная детско юношеская среда демонстрирует устойчивую тенденцию к росту деструктивных форм поведения, что во многом связано с изменением механизмов социализации. Если ранее она в основном обеспечивалась семьёй, школой и другими традиционными социальными институтами, то сегодня значительную часть влияния на подростков и молодых людей оказывает медийно информационная среда. При этом особую роль играют так называемые блогеры, которых дети и подростки нередко воспринимают как основных лидеров мнений и авторитетов, в том числе транслирующих откровенно девиантные и даже противозаконные установки.

На этом фоне соответствующая субкультура постепенно перешла в формат децентрализованных

онлайн сообществ (прежде всего в социальной сети «ВКонтакте», мессенджере Telegram, на платформе TikTok), где подростки и молодые люди 14–20 лет распространяют тексты, изображения и различные «инструкции» по подготовке преступных посягательств, подавая их как форму протеста против государственных институтов или как способ самореализации.

В России данный процесс заметно интенсифицировался в последние годы, в том числе на фоне введения Роскомнадзором с августа 2025 г. ограничительных мер в отношении мессенджера Telegram под предлогом борьбы с мошенничеством и использования сервиса в террористических целях, что, однако, привело к массовому применению различных инструментов обхода ограничений (VPN-сервисов и иных технологий), а также к переходу части распространителей радикального контента в другие социальные сети.

Федеральная служба безопасности в 2025 г. сообщила о пресечении 423 преступлений террористической направленности, из которых более 300 квалифицированы как террористические акты. При этом в официальных заявлениях и аналитических материалах отдельно подчёркивается использование социальных сетей и мессенджеров для вовлечения подростков и молодёжи в диверсионную деятельность под видом «лёгкого заработка»: сначала им предлагаются формально безобидные задания, а затем, через финансовое давление, манипуляции и шантаж, их склоняют к поджогам релейных шкафов, объектов транспортной и энергетической инфраструктуры и иным преступным действиям.

В условиях специальной военной операции подобные схемы, по данным ФСБ, нередко организуются или поддерживаются иностранными спецслужбами, в том числе спецслужбами Украины, что придаёт вовлечению несовершеннолетних в диверсии дополнительное значение как угрозы конституционному строю и безопасности Российской Федерации. Можно обоснованно полагать, что часть таких вербовочных практик опирается на уже сформированные у молодёжи представления, связанные с субкультурой «Колумбайн», и использует её установки на насилие и демонстративность для оправдания противоправного поведения.

Отдельного внимания заслуживают психологические особенности подростков, вовлечённых в субкультуру «Колумбайн», поскольку выработка эффективных мер противодействия невозможна без знания и понимания личности преступника-террориста [4–5]. Анализ материалов уголовных дел и научных исследований показывает, что в основе их поведения нередко лежит сочетание обиды, фрустрации и желания мести, прежде всего по отношению к школьной среде и ближайшему окружению. Подростки нередко воспринимают себя жертвами издевательств, несправедливого обращения, нереализованной потребности в признании, что при низкой самооценке и пессимистическом взгляде на собственное будущее трансформируется в устойчивое ощущение несправедливости и внутренней готовности к «ответному удару» [6]. На этом фоне формируются стойкие фантазии с насильственным содержанием, которые могут существовать в течение длительного времени и постепенно переходить от внутреннего переживания к их обсуждению в узком кругу, а затем и к публичным высказываниям в социальных сетях, что для правоохранительных органов должно рассматриваться как важный предупредительный сигнал, требующий проверки и оперативного реагирования.

Криминологический анализ позволяет выделить несколько типичных групп подростков, потенциально склонных к совершению преступлений, связанных с идеологией «Колумбайн». Во-первых, это подростки с признаками депрессивных состояний, для которых характерны переживания бессмысленности жизни, собственной никчёмности, эмоциональная неустойчивость, предсуицидальные настроения, утрата интереса к учёбе и привычным увлечениям, уход в себя и социальная изоляция. Во-вторых, замкнутые и малообщительные подростки, избегающие контактов, предпочитающие одиночные виды активности, испытывающие выраженные трудности в общении со сверстниками и болезненно реагирующие на насмешки, игнорирование и буллинг. В-третьих, лица с выраженными чертами самоцентризма и завышенной самооценкой, склонные к переоценке собственной личности и воспринимающие совершение резонансного насильственного акта как способ продемонстрировать своё превосходство и «значимость» на фоне окружающих. В четвёртых, подозрительные и недоверчивые подростки, склонные интерпретировать нейтральные или даже доброжелательные действия как враждебные, накапливающие злобу и стремление «наказать» окружающих, при этом не склонные видеть собственную ответственность за происходящее.

Общим для этих категорий является сочетание внутренней конфликтности, нестабильной самоидентичности и дефицита эмпатии с устойчивым интересом к теме насилия, оружия, массовых убийств и самоубийства. В интернет активности таких подростков, как правило, фиксируется увлечение материалами о скулшутинге, биографиями известных стрелков, просмотр и обсуждение видеозаписей нападений, использование символики и жаргона, характерных для субкультуры «Колумбайн».

При этом наличие отдельных признаков ещё не позволяет относить подростка к потенциальным «колумбайнерам». С криминологической точки зрения значение имеет именно совокупность устойчивых поведенческих и ценностных маркеров, сопряжённых с идеологическим оправданием насилия и реальной подготовкой к преступному деянию.

Понимание указанной совокупности социально психологических и ценностных особенностей подростков, вовлечённых в субкультуру «Колумбайн», имеет принципиальное значение не только для их криминологической характеристики как потенциальных субъектов преступлений террористической и диверсионной направленности, но и для построения эффективной системы профилактики. В современных условиях такая система должна сочетать в себе традиционные меры воспитательного воздействия в образовательной среде с использованием возможностей цифрового контроля и мониторинга интернет-пространства, направленных на раннее выявление признаков радикализации несовершеннолетних.

С учётом ключевой роли сети Интернет и мессенджеров как среды формирования и распространения колумбайн идеологии представляется обоснованным усиление работы по выявлению и блокированию ресурсов, содержащих пропаганду терроризма и экстремизма, а также информации о способах совершения преступлений. В этом контексте особое значение приобретают действующие в Российской Федерации системы оперативно разыскных мероприятий (СОРМ) и иные технические средства, позволяющие осуществлять мониторинг электронных коммуникаций в целях предупреждения террористических угроз, при обязательном соблюдении конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, тайны переписки и иных прав граждан. Потенциал современных технологий обработки больших данных и алгоритмов искусственного интеллекта может быть использован для автоматизированного выявления совокупности маркеров, характерных для субкультуры «Колумбайн» и иных деструктивных сообществ, в открытых источниках информации (публичные аккаунты, видеоплатформы, комментарии и т.п.), что позволяет своевременно инициировать проверочные мероприятия и адресные профилактические меры.

Вместе с тем правоприменительная практика показывает, что одних лишь технических средств недостаточно. Раннее выявление признаков вовлечения подростков в деструктивные движения возможно только при тесном взаимодействии органов внутренних дел, образовательных организаций, комиссий по делам несовершеннолетних и иных субъектов профилактики, обладающих информацией о поведении и круге общения конкретных несовершеннолетних. При этом также особое значение приобретает своевременная квалификация действий по вовлечению и вербовке подростков, публичному оправданию и пропаганде терроризма по признакам ст.ст. 205.1 и 205.2 УК РФ, в том числе с использованием информационно телекоммуникационных сетей, позволяя пресекать формирование террористической мотивации на ранних стадиях и предотвратить переход к стадии подготовки и покушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тыщенко, Е. А. Скулшутинг: современная причина страхов учащихся / Е. А. Тыщенко // Инновационное развитие науки и образования : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 ноября 2019 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 300–302.

2. Belknap J. School Shooting // Encyclopedia Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/school-shooting

3. Амелина, Я. А. «Группы смерти» как угроза национальной безопасности России : аналитический доклад / Я. А. Амелина // Кавказский геополитический клуб. Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2017. 70 с.

4. Боташева, А. Х. К вопросу о личности преступника, совершающего мошенничество в банковской сфере / А. Х. Боташева // Общество и право. 2009. № 2. С. 96–100.

5. Самойлюк, Н. В. Криминологическая характеристика личности преступника – внешнего эмигранта (на примере Дальневосточного федерального округа) / Н. В. Самойлюк // Российский следователь. 2009. № 13. С. 21–25.

6. Амелина, Я. А. Эклектика экстремизма как идеология ненависти завоевывает умы и сердца / Я. А. Амелина // Кавказский геополитический клуб. Москва : Воробьёв А. В., 2022. 171 с.

УДК 343.3/.7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ В УСЛОВИЯХ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Савельева Дарья Михайловна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: savel.dm@ruc.su

FEATURES OF THE CRIMINAL LEGAL QUALIFICATION OF EMBEZZLEMENT FROM BANK ACCOUNTS IN THE CONTEXT OF RAPID DIGITALIZATION OF SOCIETY

Savelyeva Darya Mikhailovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется влияние цифровизации на эволюцию УК РФ и как следствие на уголовно правовую квалификацию хищения безналичных денежных средств с банковских счетов, включая определение потерпевшего и правовой статус таких средств как имущества. На основе решений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ рассматриваются особенности применения п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ, а также формируются критерии разграничения кражи с банковского счёта, продолжаемого хищения и совокупности преступлений при противозаконных операциях с банковскими картами.

Ключевые слова: цифровизация общества, безналичные деньги, изъятие средств со счёта, банковская карта, владелец счёта, продолжаемое хищение.

The article analyzes the impact of digitalization on the evolution of the Criminal Code of the Russian Federation and, as a result, on the criminal legal qualification of the theft of non-cash funds from bank accounts, including the definition of the victim and the legal status of such funds as property. Based on the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, the article examines the specifics of applying Part 3, Clause g of Article 158 and Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also forms the criteria for distinguishing between theft from a bank account, continuous theft, and a combination of crimes in illegal transactions with bank cards.

Keywords: digitalization of society, non-cash money, withdrawal of funds from an account, bank card, account holder, continued theft.

Современный этап развития общества связан с интеграцией цифровых технологий в повседневную жизнь человека [1]. При этом корыстная преступность в России претерпевает трансформацию под её влиянием. В настоящее время более половины зарегистрированных преступлений составляют корыстные преступления против собственности, значительная часть которых представлена кражей и мошенничеством [2].

Хищения денежных средств с банковских счетов населения занимают существенное место в структуре таких преступлений. При общем снижении их числа на 9,3 % фиксируется усложнение способов посягательств, связанных с использованием платёжных инструментов, что создаёт дополнительные трудности для правоприменения и обусловливает потребность в более точной квалификации деяний в целях справедливого наказания и эффективной защиты имущественных прав граждан.

Цифровизация изменила не только масштабы, но и структуру корыстной преступности. Всё чаще объектом посягательства выступают не материальные вещи в традиционном понимании (включая наличные деньги), а безналичные денежные средства, изъятие которых осуществляется с помощью платёжных инструментов и информационно телекоммуникационных технологий. В связи с этим особое значение приобретает уточнение уголовно правовых критериев квалификации хищений денежных средств с банковских счетов.

В этих условиях ключевым становится вопрос о том, кто должен признаваться потерпевшим при посягательствах на безналичные денежные средства. Обоснованным представляется подход, согласно которому таким лицом является владелец банковского счёта, чьи имущественные интересы нарушаются при списании денежных средств. В правоприменительной практике и разъяснениях высших судебных инстанций он как правило именуется владельцем средств на счёте, что фактически свидетельствует о признании безналичных денежных средств как имущества и, следовательно, как возможного предмета хищения, несмотря на их нематериальную форму существования.

Изменившийся характер корыстных посягательств был закреплён и на уровне уголовного закона и судебных разъяснений. Постановление Пленума ВС РФ № 48 в п. 5 прямо предписывает рассматривать безналичные денежные средства как имущество в уголовно правовом смысле, невзирая на их обязательственно правовую природу, закреплённую в гражданском законодательстве и подтверждённую Постановлением Конституционного Суда РФ. № 31 П. В развитие этого подхода ФЗ № 111 дополнил ч. 3 ст. 158 УК РФ п. «г», установив ответственность за хищение денежных средств с банковского счёта и электронных денежных средств, что создало нормативную базу для квалификации соответствующих деяний как хищения.

Использование чужой банковской карты для оплаты товаров в организациях розничной торговли подлежит квалификации как кража по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Соответствующая позиция закреплена в определениях Верховного Суда РФ и иных актах высшей судебной инстанции, в которых прямо исключена возможность применения ст. 159.3 УК РФ к подобным деяниям, что позволило устранить ранее существовавшую в доктрине и практике неопределённость в выборе между квалификацией таких деяний как кражи с банковского счёта и мошенничества с использованием электронных средств платежа.

При характеристике объективной стороны посягательств, связанных с использованием банковской карты, ключевое значение имеет её уголовно правовой статус. Следует подчеркнуть, что единого подхода к его определению на сегодняшний день не выработано [3]. В литературе и практике преобладает подход, согласно которому карта не выступает самостоятельным предметом хищения по типу кошелька, а выполняет функцию средства идентификации держателя и инструмента распоряжения средствами на счёте, своего рода «ключа» к безналичным деньгам. В связи с этим квалифицирующее значение имеет не само изъятие карты, а последующее списание денежных средств, тогда как получение доступа к карте лишь создаёт техническую возможность для хищения. ВС РФ в одном из своих определений прямо указал, что снятие наличных в банкомате с использованием похищенной банковской карты также образует кражу с банковского счёта по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, тем самым не допустив ограничительного толкования, при котором данная норма применялась бы только к дистанционным переводам.

Тайное изъятие денежных средств со счёта потерпевшего может осуществляться разными способами: путём расчётов в торговых организациях по чужой карте либо посредством обналичивания карты в банкоматах, но при условии единого преступного замысла такие действия образуют одно продолжаемое хищение, охватываемое п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Такой подход исходит из признания того, что различные технические способы доступа к одному и тому же счёту служат лишь формой реализации единого умысла на завладение денежными средствами и не требуют искусственного выделения нескольких самостоятельных преступлений.

Похожая конструкция используется и тогда, когда в рамках одного умысла виновного списание денег осуществляется с нескольких банковских счетов, оформленных на одного и того же потерпевшего. В такой ситуации совершённое деяние не нуждается в отдельной квалификации и полностью охватывается п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ с учётом абз. 2 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Такой подход отражает сложившееся в уголовно правовой науке и судебной практике понимание продолжаемого хищения как ряда однородных действий, совершаемых во исполнение одного преступного умысла и направленных против интересов одного потерпевшего, которые в совокупности образуют единое преступление, а не набор отдельных самостоятельных составов.

При этом в случае, когда владелец банковского счёта сам передаёт свою карту другому лицу, чтобы тот снял определённую, заранее оговорённую сумму, доверие распространяется только на совершение этой конкретной операции. Если получатель карты, воспользовавшись доступом, снимает со счёта больше денег, чем ему разрешено, он действует за пределами согласия владельца. Так, Верховный Суд РФ в своём определении указал, что в таких случаях денежные средства на счёте не приобретают характера вверенного имущества [4]. Их собственник не передаёт виновному правомочий по распоряжению всем остатком на счёте. Фактическое списание излишней суммы происходит тайно для потерпевшего и не связано ни с обманом, ни со злоупотреблением доверием, поэтому содеянное подлежит квалификации как кража с банковского счёта по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а не как присвоение или мошенничество.

Судебная практика по делам о хищении денежных средств с использованием банковских карт показывает, что само по себе использование банковской карты в механизме хищения ещё не означает, что все связанные с ней действия образуют одно продолжаемое преступление. В ряде случаев последовательность шагов виновного оказывается более сложной: отдельные эпизоды разнесены по времени, месту и объекту посягательства. В результате чего необходима их самостоятельная квалификация.

Весьма показательным является следующее уголовное дело, рассмотренное Верховным Судом РФ. В нём преступное деяния осуществлялось поэтапно. Так, подсудимым из одежды потерпевшего тайно похищаются кошелёк, банковская карта и PIN код, а затем, уже в другом месте и спустя определённое время, со счёта снимаются денежные средства [5]. Верховный Суд РФ пришёл к выводу, что в данном случае речь идёт о двух различных преступлениях: тайное хищение кошелька как вещи квалифицируется по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а последующее изъятие безналичных денежных средств со счёта по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Отдельно следует отметить тот факт, что после завершения первой кражи у виновного формируется новый умысел, направленный уже на денежные средства, а различие в объекте, времени совершения и способе действий делает необходимой раздельную уголовно правовую оценку этих эпизодов.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что устоявшаяся позиция и практика Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также внесение в ч. 3 ст. 158 УК РФ пункта «г» в значительной мере устранили ранее существовавшие разногласия, касающиеся квалификации хищения денежных средств при использовании чужой банковской карты. Сформированные высшими судебными

инстанциями ориентиры обеспечивают единообразный подход к оценке ситуаций, связанных с оплатой товаров, снятием наличных в банкоматах, совершением продолжаемых хищений и определением пределов совокупности преступлений, что способствует повышению предсказуемости правоприменения и надлежащей защите имущественных прав граждан.

В то же время действующее уголовное законодательство и сложившаяся правоприменительная практика пока не в полной мере адаптированы к условиям цифровизации. За рамками устоявшихся подходов остаются пограничные ситуации, в которых хищение безналичных денежных средств совершается в сочетании как с действиями потерпевшего, введённого в заблуждение, так и с несанкционированными списаниями без его участия, что порождает неоднородность в разграничении кражи с банковского счёта и мошенничества с использованием электронных средств платежа. Дополнительные сложности связаны с квалификацией многоэпизодных хищений, совершаемых в трансграничном формате с использованием распределённых преступных групп и колл центров, где остро встают вопросы определения места совершения преступления и распределения ролей соучастников.

Представляется, что дальнейшее развитие уголовно правового регулирования и правоприменительной практики в сфере хищений безналичных денежных средств должно быть направлено на уточнение критериев разграничения кражи и мошенничества при дистанционных операциях, более чёткое закрепление подходов к продолжаемым и совокупным преступлениям, а также учёт специфики трансграничных цифровых посягательств. Решение указанных задач позволит повысить эффективность защиты имущественных прав граждан и банков, сохраняя при этом системную согласованность конструкции хищения с меняющейся цифровой реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штрекер, Н. В. Трансформация преступности в эпоху цифровых технологий / Н. В. Штрекер // Молодой ученый. 2024. № 48 (547). С. 488–491.

2. Рогова, Е. В. Криминологическая характеристика корыстных преступлений против собственности в условиях цифровизации / Е. В. Рогова // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 4. С. 378–389.

3. Овсюков, Д. А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : вопросы квалификации : дисс. ... канд. юридич. наук : 5.1.4. Москва, 2022. 231 с.

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2021 № 81-УД21-1-К8. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25022021-n-81-ud21-1-k8/

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2021 № 11-УД20-35-К6. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09032021-n-11-ud20-35-k6/?ysclid=modm2y6t1g991109102

УДК 343

СТРУКТУРА И СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сальникова Ангелина Олеговна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810394@ruc.su

STRUCTURE AND CURRENT STATE OF ECONOMIC CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Salnikova Angelina Olegovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье комплексно рассматриваются структура и современное состояние экономической преступности в Российской Федерации как одного из наиболее опасных видов преступности, оказывающего системное влияние на экономическую безопасность государства. Анализируются основные группы преступлений экономической направленности, их соотношение в общей структуре преступности, факторы латентности и трансформации противоправной деятельности в условиях цифровизации экономики. Особое внимание уделяется проблемам квалификации, выявления и расследования экономических преступлений, а также влиянию макроэкономических процессов на их динамику.

Ключевые слова: экономическая преступность, структура преступности, экономическая безопасность, латентность, налоговые преступления, легализация доходов, цифровизация экономики, финансовый контроль.

The article comprehensively examines the structure and current state of economic crime in the Russian Federation as one of the most socially dangerous types of crime affecting the economic security of the state. The main groups of economic offenses, their correlation within the overall crime structure, factors of latency, and transformation of criminal activity in the context of digitalization are analyzed. Particular attention is paid to the problems of qualification, detection, and investigation of economic crimes, as well as to the influence of macroeconomic processes on their dynamics.

Keywords: economic crime, crime structure, economic security, latency, tax crimes, money laundering, digitalization of economy, financial control.

Экономическая преступность в Российской Федерации представляет собой сложное социально-правовое явление, отражающее негативные процессы, происходящие в сфере хозяйственной деятельности. Она посягает на установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности, бюджетные отношения, сферу финансового контроля и денежного обращения. Ущерб от преступлений экономической направленности выражается не только в прямых материальных потерях, но и в подрыве доверия к государственным институтам, снижении инвестиционной привлекательности страны и формировании теневого сектора экономики.

Нормативную основу ответственности за преступления в сфере экономики закрепляет Уголовный кодекс Российской Федерации, прежде всего его раздел VIII «Преступления в сфере экономики». Указанный раздел объединяет нормы, регулирующие ответственность за посягательства на отношения собственности, предпринимательскую деятельность, кредитно-финансовую систему и интересы службы в коммерческих организациях [1].

Структура экономической преступности включает несколько взаимосвязанных направлений. Первую группу образуют преступления в сфере предпринимательской деятельности. К ним относятся незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, ограничение конкуренции, фиктивное и преднамеренное банкротство [3]. Эти деяния нарушают принципы свободной конкуренции и добросовестного ведения бизнеса, создают неравные условия для участников рынка и способствуют формированию криминализированных сегментов экономики.

Вторую значимую группу составляют налоговые преступления. Уклонение от уплаты налогов и сборов, сокрытие денежных средств или имущества, подлежащих взысканию, наносят прямой ущерб доходной части бюджета. Особенность данных преступлений заключается в их интеллектуальном характере: они требуют подготовки, знания финансовых механизмов и использования сложных схем минимизации налоговой нагрузки.

Третьим элементом структуры экономической преступности являются преступления, связанные с легализацией денежных средств или иного имущества, полученных преступным путём. Данные деяния направлены на сокрытие незаконного происхождения активов и их интеграцию в легальный оборот. Процессы легализации часто носят многоступенчатый характер и включают использование банковских операций, инвестиционных инструментов и цифровых платформ.

Существенную роль в общей структуре занимают преступления коррупционной направленности в коммерческом секторе, такие как злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп. Они искажают экономические отношения, препятствуют развитию честной конкуренции и способствуют формированию устойчивых криминальных связей между бизнесом и отдельными должностными лицами [2].

Современное состояние экономической преступности характеризуется высокой степенью латентности. В отличие от преступлений против личности, экономические правонарушения часто маскируются под легальную хозяйственную деятельность. Отсутствие явного потерпевшего и сложность выявления причинно-следственных связей между действиями и последствиями существенно затрудняют их раскрытие.

В последние годы наблюдается трансформация структуры экономической преступности под влиянием цифровизации. Развитие электронного документооборота, дистанционного банковского обслуживания, цифровых финансовых активов расширяет возможности для совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [4].

Дополнительно следует отметить, что значительная часть экономических преступлений совершается в форме организованной преступной деятельности. Создаются устойчивые группы с распределением ролей, включающие номинальных руководителей, бухгалтеров, юристов и специалистов по финансовым операциям. Такая профессионализация преступной среды усложняет процесс выявления организаторов и конечных выгодоприобретателей противоправных схем [5].

Отдельным направлением в структуре экономической преступности выступают преступления в сфере государственных и муниципальных закупок. Нарушения при размещении заказов, завышение стоимости контрактов, использование аффилированных компаний приводят к неэффективному расходованию бюджетных средств. Подобные деяния наносят ущерб не только финансовой системе, но и подрывают принципы прозрачности и конкуренции в сфере публичных закупок.

Существенную угрозу представляют преступления в кредитно-банковской сфере. Незаконное получение кредита, мошенничество с использованием финансовых инструментов, манипуляции с отчётностью кредитных организаций способны вызвать серьёзные последствия для устойчивости банковской системы. В условиях активного развития онлайн-банкинга возрастает количество преступлений, совершаемых дистанционно, что требует совершенствования механизмов кибербезопасности.

В современной структуре экономической преступности возрастает роль транснационального фактора. Использование иностранных юрисдикций, офшорных компаний, зарубежных банковских счетов позволяет скрывать движение денежных средств и усложняет международное сотрудничество в сфере расследования. Это требует активного взаимодействия российских правоохранительных органов с зарубежными партнёрами и участия в международных механизмах финансового контроля.

Необходимо также учитывать влияние теневой экономики на формирование экономической преступности. Незарегистрированная предпринимательская деятельность, выплаты заработной платы «в конвертах», уклонение от обязательных платежей формируют благоприятную среду для более серьёзных финансовых преступлений. Теневая экономика снижает налоговую базу и искажает реальные показатели экономического развития.

Важным аспектом состояния экономической преступности является проблема возмещения причинённого ущерба. Даже при установлении виновных лиц возврат похищенных или незаконно выведенных средств часто сопряжён с серьёзными трудностями. Активы могут быть выведены за пределы юрисдикции, оформлены на третьих лиц или переведены в цифровую форму, что осложняет их розыск и конфискацию.

Профилактика экономической преступности играет не менее важную роль, чем её раскрытие. Повышение финансовой грамотности населения, развитие внутреннего контроля в организациях, внедрение комплаенс-процедур и антикоррупционных стандартов способны существенно снизить риски противоправного поведения. Комплекс профилактических мер способствует формированию устойчивой и прозрачной экономической среды.

Существенное влияние на состояние экономической преступности оказывает уровень правоприменительной практики. Даже при наличии развитой нормативной базы эффективность противодействия во многом зависит от качества предварительного расследования, профессионализма следственных органов и объективности судебного рассмотрения дел. Непоследовательность в применении норм права способна формировать правовую неопределённость и создавать условия для злоупотреблений [5].

Особую актуальность приобретает проблема доказывания умысла в делах экономической направленности. В большинстве случаев противоправные действия маскируются под хозяйственный риск или ошибки в ведении бухгалтерского учёта. Для установления субъективной стороны преступления требуется проведение комплексных судебно-экономических экспертиз, анализ большого массива финансовых документов и установление реальной экономической цели совершённых операций.

Влияние цифровых платформ и электронной коммерции на структуру экономической преступности. Развитие маркетплейсов, дистанционной торговли и онлайн-сервисов привело к появлению новых схем уклонения от налогообложения, незаконного оборота товаров и финансовых махинаций. Виртуальный характер сделок затрудняет контроль за движением товаров и денежных средств, особенно при использовании иностранных платёжных систем [4].

Наблюдается также рост преступлений, связанных с неправомерным использованием мер государственной поддержки бизнеса. Получение субсидий, грантов и льготных кредитов путём предоставления ложных сведений и фиктивной отчётности формирует отдельный сегмент экономической преступности. Подобные деяния наносят ущерб бюджетной системе и подрывают доверие к механизмам государственной поддержки предпринимательства [6].

Структура экономической преступности в Российской Федерации отличается многокомпонентностью и высокой степенью адаптивности к изменяющимся социально-экономическим условиям. Её современное состояние определяется сочетанием внутренних экономических факторов, цифровой трансформации и глобализационных процессов. Эффективное противодействие возможно лишь при условии системного подхода, объединяющего правовые, организационные, финансовые и технологические механизмы обеспечения экономической безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (ред. действующая) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. действующая) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. действующая) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru

4. Макаров И. В. Правовое регулирование цифровой экономики в России. Сантк-Петербург: Юридический центр Пресс, 2021.

5. Шестаков Д. А. Организованная преступность в сфере экономики: структура и новые формы // Криминология. 2022. № 4. С. 15–27.

6. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие. Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.

УДК 343.3/.7

НАЁМНИЧЕСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Саушкин Никита Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: orel@ruc.su

MERCENARY AS A CRIME AGAINST PEACE AND HUMAN SECURITY

Saushkin Nikita Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируется феномен наёмничества в историческом развитии и даётся его уголовно правовая характеристика с учётом последних изменений. Также делается попытка показать расхождение между романтизированным образом наёмника в массовом сознании и его правовой оценкой как преступления против мира и безопасности человечества.
Ключевые слова: наёмничество, наёмник, ст. 359 УК РФ, преступления против мира и безопасности человечества, частные военные компании.

The article analyzes the phenomenon of mercenaries in its historical development and provides a criminal law assessment of it, taking into account the latest changes. It also attempts to show the discrepancy between the romanticized image of a mercenary in the public consciousness and its legal assessment as a crime against the peace and security of humanity.
Keywords: mercenaries, Article 359 of the Criminal Code of the Russian Federation, crimes against the peace and security of humanity, private military companies.

В современном общественном сознании и в особенности в социальных сетях понятие «наёмник» нередко подаётся в романтизированном и героизированном виде, как образ воина без страха и совести, готового выполнять любые задачи за материальное вознаграждение, при этом вознаграждение и подписанный контракт воспринимаются как достаточное основание для участия в боевых действиях [1].

Такой образ активно культивируется не только в интернет-контенте, но и в кинематографе, где наёмники и близкие к ним военизированные структуры зачастую появляются как «профессиональные воины одиночки» с высоким морально этическим статусом и внутренним кодексом чести, а не как лица, нарушающие уголовный кодекс и фактически являющиеся преступниками. Тем самым смещая фокус с правовой оценки действий наёмника на их эмоциональную и «гуманистическую» составляющую, тем самым способствуя его героизации в общественном сознании и снижению критичности к противозаконной форме участия в вооружённых конфликтах.

Однако, сугубо в правовом поле наёмничество представляет собой социально и общественно опасную деятельность, запрещённую уголовным законодательством Российской Федерации и квалифицируемую по ст. 359 УК РФ как преступление против мира и безопасности человечества, что вступает в резкий контраст с романтизированной медиа картиной, формируемой кинематографом и социальными сетями формируемой в массовом сознании.

Согласно определениям, данным в толковых словарях, наёмник понимается как «тот, кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы», а в словаре Д. Н. Ушакова как «человек, защищающий чьи-нибудь чужие интересы из своекорыстных побуждений» [2–3]. В уголовно правовой доктрине наёмник рассматривается как лицо, специально завербованное для участия в вооружённом конфликте или боевых действиях, действующее на возмездной основе без легального государственного статуса военнослужащего [4].

Наёмничество как особая форма участия в вооружённых конфликтах имеет многовековую историю и фиксируется в историко-правовых источниках ещё задолго до формирования современных национальных государств и их регулярных армий. Так, уже для эпохи архаической и классической Греции исследователи отмечают устойчивую практику привлечения воинов, не связанных узами гражданства или полиса, для ведения войн на стороне того или иного заказчика за вознаграждение.

Историография древнегреческого наёмничества подчёркивает, что, начиная примерно с VI–V вв. до н.э. участие греческих наёмных контингентов в конфликтах как внутри эллинского мира, так и на службе у восточных держав (Египта, Персии и др.) становится массовым и во многом определяет характер военных кампаний в Средиземноморье и Передней Азии. Их привлечение объяснялось прежде всего тем, что для этих воинов война являлась не разовой повинностью, а постоянным ремеслом и источником существования, предполагающим более высокий уровень военной выучки, дисциплины и тактической приспособляемости по сравнению с гражданским ополчением.

В отличие от традиционного для ранних полисов ополчения, формировавшегося из свободных граждан-землевладельцев и имевшего серьёзные ограничения по срокам и уровню военной подготов-

ки, наёмные отряды могли использоваться в составе войска на протяжении более длительного времени, участвовать в интенсивных боевых действиях и при наличии достаточного финансирования обеспечивать правителю или полису более устойчивый и предсказуемый военный потенциал. Именно поэтому в научной литературе наёмничество описывается как одна из ранних форм профессионализации военного дела, ставшая переходной ступенью от гражданского ополчения к постоянным армиям Нового времени.

Вместе с тем исторические источники единодушно свидетельствуют том, что использование наёмных контингентов было связано с серьёзными рисками для нанимателя. Так, историки отмечают, что материальная мотивация и слабая интегрированность наёмников в политическое и правовое пространство нанимающего государства приводили к высокой вероятности перехода на сторону противника, сговора, отказа от участия в боевых действиях при задержке жалования, а также к эпизодам мародёрства и насилия в отношении мирного населения. В ряде работ справедливо подчёркивается, что зависимость правителя от наёмных войск нередко оборачивалась утратой контроля над ними и превращением таких отрядов в самостоятельную политико военную силу, способную оказывать давление на власть или менять заказчика в зависимости от выгодности предложения.

Тем самым, уже на ранних этапах развития наёмничества выявляются ключевые черты рассматриваемого феномена, сохраняющиеся и в последующие эпохи, а именно высокая военная эффективность и профессионализация при одновременно повышенной социальной и политико-правовой рискованности для нанимателя. Данные противоречия позднее становятся одним из факторов формирования негативной правовой и моральной оценки наёмничества в международном и национальном уголовном праве, но исторически они прослеживаются уже в античности и Средневековье.

В современных условиях наёмничество получило новую форму выражения. Так, по оценкам в современных вооружённых конфликтах и на территориях, где ведутся боевые действия, действует значительное число частных военных структур и фактических наёмнических формирований, для которых участие в таких конфликтах превращено в устойчивый и высокодоходный вид деятельности. Расширение географии вооружённых конфликтов, рост числа прокси-войн и обострение противостояния крупных держав позволяют предположить, что в ближайшие годы количество уголовных дел, связанных с наёмничеством и сопредельными формами незаконного участия в боевых действиях, будет иметь тенденцию к увеличению.

В этой связи особую значимость приобретает развёрнутая уголовно правовая характеристика наёмничества как состава преступления, относимого российским законодателем к преступлениям против мира и безопасности человечества. Российская доктрина подчёркивает, что такая квалификация отражает особую общественную опасность наёмничества, которое способно не только усиливать интенсивность вооружённых конфликтов, но и подрывать основы международного правопорядка и коллективной безопасности.

Международное сообщество также последовательно осуждает участие наёмников в вооружённых конфликтах. В частности, Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников в преамбуле прямо указывает, что деяния, связанные с наёмничеством, должны рассматриваться в качестве преступлений, вызывающих серьёзную озабоченность всех государств, и требующих либо уголовного преследования, либо выдачи лиц, их совершивших.

Как ранее было сказано уголовное законодательство Российской Федерации относит наёмничество к числу преступлений против мира и безопасности человечества наряду с такими деяниями, как геноцид, ведение агрессивной войны, разработка, производство и распространение запрещённых средств ведения войны, акт международного терроризма и др.

В соответствии со ст. 359 УК РФ наёмничество получает своё выражение в системе альтернативных действий, охватывающих не только непосредственное участие наёмника в боевых действиях, но и весь комплекс предшествующих и обеспечивающих операций, таких как, например, вербовку, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение наёмников, их использование в вооружённом конфликте или военных действиях, а равно участие самого наёмника в таком конфликте или действиях. Такая конструкция состава демонстрирует, что уголовная ответственность распространяется как на «исполнителя», так и на организаторов и пособников наёмнической деятельности на различных её этапах.

В примечании к ст. 359 УК РФ законодатель закрепляет нормативное определение наёмника, указывая, что наёмником признаётся лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооружённом конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей. Вместе с тем в научной литературе под-

чёркивается, что даже при наличии такой легальной дефиниции сохраняются существенные проблемы разграничения наёмников, сотрудников частных военных компаний и иностранных добровольцев, участвующих в вооружённых конфликтах по идеологическим, политическим или иным мотивам. По своему содержанию данная дефиниция во многом воспроизводит конвенционную модель, сформулированную в ст. 47 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям и Международной конвенции 1989 г., что обусловливает необходимость их системного толкования в совокупности.

В совокупности изложенные положения позволяют перейти к краткой уголовно правовой характеристике наёмничества в действующем российском праве и сформулировать обобщающие выводы по результатам исследования. В соответствии со ст. 359 УК РФ наёмничество отнесено законодателем к числу преступлений против мира и безопасности человечества, что подчёркивает его особую общественную опасность и связь не только с интересами отдельного государства, но и с международным правопорядком в целом.

Непосредственным объектом рассматриваемого посягательства выступают общественные отношения, обеспечивающие поддержание международного мира, стабильности и безопасности, а также закреплённый в международном праве запрет на привлечение и использование наёмников в вооружённых конфликтах. Дополнительным объектом являются жизнь и здоровье лиц, вовлекаемых в вооружённые конфликты, и безопасность гражданского населения.

Объективная сторона наёмничества в российском уголовном законе имеет сложную, многоэлементную структуру и охватывает как действия по организации и обеспечению наёмнической деятельности, так и непосредственное участие наёмника в боевых действиях. В ч. 1 ст. 359 УК РФ закреплён перечень альтернативных действий (вербовка, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение наёмников, а также их использование в вооружённом конфликте или военных действиях), причём преступление признаётся оконченным с момента совершения любого из указанных действий, независимо от наступления конкретных общественно опасных последствий, что делает его формальным. Часть 2 статьи предусматривает квалифицированный состав за те же деяния, если они совершены с использованием служебного положения либо в отношении несовершеннолетнего, что отражает повышенную степень общественной опасности вовлечения уязвимых категорий лиц в наёмничество и злоупотребления властными либо служебными полномочиями. Часть 3 ст. 359 УК РФ устанавливает самостоятельный состав преступления, выражающийся в участии самого наёмника в вооружённом конфликте или военных действиях, то есть фиксирует уголовную ответственность уже не организаторов и пособников, а непосредственного исполнителя наёмнической деятельности.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 359 УК РФ, является общим и представляет собой вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

Субъективная сторона наёмничества характеризуется виной в форме прямого умысла, где лицо осознаёт противоправный характер вербовки, обучения, финансирования, материального обеспечения либо использования наёмников, а равно собственного участия в вооружённом конфликте в статусе наёмника, и желает совершения указанных действий. Для квалификации деяния по ч. 3 ст. 359 УК РФ обязательным элементом субъективной стороны выступает специальная цель – получение материального вознаграждения за участие в вооружённом конфликте или военных действиях, что позволяет отграничить наёмника от иных участников боевых действий, действующих по мотивам защиты своего государства, идеологических убеждений или иных нелекорысных побуждений. При этом приоритет материального интереса при отсутствии легального статуса военнослужащего и институциональной связи с государством – стороной конфликта является ключевым разграничительным критерием между наёмником и иными категориями участников вооружённых конфликтов.

Подводя итог, следует отметить, что наёмничество, будучи исторически обусловленной формой профессионального военного участия, в современную эпоху приобрело новые организационные формы и масштабы, что усилило его вредоносный потенциал для международного мира и безопасности и обусловило жёсткую уголовно правовую реакцию на национальном уровне.

Российский законодатель, отнеся наёмничество к преступлениям против мира и безопасности человечества, закрепив легальное определение наёмника и существенно ужесточил санкции по ст. 359 УК РФ. Вместе с тем анализ современной доктрины и правоприменительной практики позволяет констатировать сохранение целого ряда проблем, связанных с квалификацией современных форм вооружённого участия за вознаграждение, разграничением наёмничества и деятельности частных военных компаний, а также с отсутствием комплексного нормативного регулирования последней. В этих условиях представляется обоснованным дальнейшее совершенствование уголовно правового регулирования ответственности за наёмничество, включая возможное уточнение состава ст. 359 УК РФ и его соотношения с международными конвенционными нормами, а также развитие специальных мер,

направленных на предупреждение и пресечение наёмничества в его современных институционализированных формах, что в совокупности должно способствовать укреплению международного мира и безопасности человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиляков, Н. Н. Анализ наёмничества как преступления против мира и безопасности человечества / Н. Н. Жиляков // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества : сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференци, Курск, 03 июня 2022 года. Т. 4. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 70–72.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.Б. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 1997. 939 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. С-Я. Москва : Рус. словари, 1994, 754 с.
4. Пшеничнов, И. М. Ответственность за наём в российском уголовном законодательстве: теоретико прикладное исследование: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2017. 302 с.

УДК 343.3/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Саушкин Никита Сергеевич, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: orel@ruc.su

CRIMES AGAINST PEACE AND HUMANITY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: GENERAL CHARACTERISTICS

Saushkin Nikita Sergeevich, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются международно правовые истоки и национальная модель преступлений против мира и безопасности человечества, отражённая в главе 34 УК РФ. Анализируются влияние нюрнбергской триады и проекта Кодекса 1991 г., бланкетный характер соответствующих норм и даётся общая уголовно-правовая характеристика данным преступлениям.

Ключевые слова: преступления против мира и безопасности человечества, международное уголовное право, нюрнбергская триада, бланкетные нормы.

The article examines the international legal origins and national model of crimes against the peace and security of mankind, reflected in Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation. The influence of the Nuremberg Triad and the draft 1991 Code, the blank nature of the relevant norms are analyzed, and a general criminal and legal description of these crimes is given.

Keywords: crimes against peace and security of humanity, international criminal law, Nuremberg Triad, and blanket norms.

Сущность преступлений против мира и безопасности человечества проявляется в том, что сама возможность их совершения вытекает из совокупности глобальных и региональных противоречий современного мира. Данные противоречия охватывают широкий спектр явлений от вооружённых конфликтов и кризисов международной безопасности до глобального дисбаланса в мировой экономике, политической конфронтации, этноконфессиональной напряжённости и идеологической поляризации общества. Указанные факторы не только радикальным образом изменяют и трансформируют функции современных государств и характер их участия в международных отношениях, но и оказывают долговременное воздействие на ценностные ориентиры, правосознание и социально психологические установки наций, формируя своего рода фон для восприятия и оценки посягательств на мир и безопасность как внутри национальных обществ, так и на международном уровне.

В российской правовой доктрине отмечается, что установление уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества обусловлено объективной необходимостью защиты международного мира и безопасности, а также охраны сложившейся системы духовно нравственных и правовых ценностей российского общества. В отечественной правовой литературе справедливо отмечается, что криминализация деяний, угрожающих основам общественной и государственной безопасности, обусловлена не только интересами конкретного государства, но и необходимостью соблюдения международных обязательств и обеспечения устойчивости международного правопорядка.

В этом контексте специфика российской правовой и социально культурной реальности проявляется в устоявшемся негативном отношении к неправомерному силовому вмешательству в суверенные дела государства и на неприятие насилия как средства разрешения политических и межэтнических конфликтов, что нередко связывается с историческим опытом масштабных войн и высокой ценой, уплаченной российским народом за сохранение своей государственности. Духовные ценности современного российского общества, включающие ориентацию на справедливость, коллективную ответственность, гуманизм и уважение к человеческой жизни, следует рассматривать и понимать как важную основу уголовно правовой охраны мира.

Сама сущность рассматриваемой категории преступлений основывается на нюрнбергских принципах и подразделяется на: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, согласно Уставу. К первым отнесли действия по планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивной войны либо войны в нарушение международных договоров, а равно участие в общем плане или заговоре, направленных на совершение указанных действий. Военные преступления характеризовались как нарушения законов и обычаев войны. Под преступлениями против человечности понимались убийства, истребление, порабощение, депортация и иные бесчеловечные акты в отношении гражданского населения, а также преследование по политическим, расовым либо религиозным мотивам, совершённые до или во время войны.

Нюрнбергский процесс подтолкнул к нормативному признанию того, что некоторые деяния могут посягать не только на интересы отдельных государств, а разрушать весь устоявшийся мировой порядок. Это понимание получило своё развитие в актах ООН и повлияло на функционирование Комиссии международного права. Так, на 43-й сессии в 1991 г. ею в первом чтении был внесён проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и признаны таковыми: агрессия/угроза ею, вмешательство в дела чужой страны, колониализм, геноцид, апартеид, массовые нарушения прав человека, тяжкие военные преступления и т.д.

В научно-правовой литературе обосновано обращается внимание на то, что включённые в проект Кодекса 1991 г. составы можно условно сгруппировать по характеру субъектов и механизму их реализации [1]. При этом высказывается позиция, согласно которой нюрнбергская триада международных преступлений, будучи концептуально доработанной в рамках проекта Кодекса 1991 г., фактически сформировала своего рода основу для национального нормотворчества в сфере ответственности за преступления против мира и безопасности человечества, в том числе для построения системы составов, закреплённых в главе 34 УК РФ, в которой также учтена и дальнейшая эволюция международного права с закреплением таких составов как экоцид, наёмничество и т.д.

На этом фоне особый интерес представляет место наёмничества в системе преступлений против мира и безопасности человечества. В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. вербовка, использование, финансирование и обучение наёмников были прямо отнесены к числу международных преступлений, способных подрывать основы коллективной безопасности и выступать инструментом обхода запрета агрессии посредством использования формально негосударственных вооружённых формирований. При конструировании ст. 359 УК РФ российский законодатель в значительной мере ориентировался на указанную формулировку, а наёмничество закреплено в главе 34 не просто как преступление против порядка управления или воинской службы, а как деяние, которое по своему характеру и последствиям соотносится с иными посягательствами на мир и безопасность человечества и должно оцениваться с учётом международно правовых критериев, выработанных в рамках ООН и договоров о запрете наёмничества.

Бланкетное построение большинства составов, предусмотренных главой 34 УК РФ, обусловливает их непосредственную связь с содержанием и степенью определённости норм международного права, на которые ориентируется национальный законодатель. Отсюда вытекает двоякая задача правоприменителя: с одной стороны, обеспечить точное воспроизведение смысла и сущности международных договоров при квалификации конкретных деяний, с другой стороны возникает необходимость соотнести их с конституционными началами и системными принципами национального уголовного права, не допуская произвольного расширения или сужения признаков соответствующих составов.

На стыке международного и национального регулирования особенно отчётливо проявляется отсутствие единообразия в понимании и закреплении наиболее опасных посягательств на мир и безопасность человечества, приводя к тому, что такие деяния как агрессия, геноцид, экоцид, применение запрещённых средств и методов ведения войны, реабилитация нацизма, получают различное нормативное содержание и по разному толкуются в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике.

При этом система источников международного уголовного права, к которой отсылают бланкетные диспозиции главы 34 УК РФ, остается в стадии формирования и характеризуется отсутствием жёсткой иерархии и определённой несистемностью развития международно правового регулирования в данной области [2].

Указанные выше расхождения и противоречии непосредственно влияют на реализацию уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Так, например, варьируются подходы к установлению состава преступления и оценке доказательств, по-разному решаются вопросы отграничения международных преступлений от иных посягательств, связанных с ведением вооружённого конфликта, в том числе носящего смешанный (гибридный) характер.

В результате формирование устойчивой и предсказуемой практики применения норм главы 34 УК РФ и соответствующих международно правовых предписаний существенно затрудняется, а степень единообразия квалификации во многом определяется тем, насколько национальные правопорядки готовы последовательно воспринимать и имплементировать выработанные в рамках ООН и универсальных договоров стандарты уголовно правовой охраны мира и безопасности человечества.

Уголовно правовая специфика преступлений против мира и безопасности человечества в российском праве проявляется прежде всего в специфике объекта преступлений, предусмотренных главой 34 УК РФ. Непосредственным объектом посягательства здесь выступают не только жизнь, здоровье, достоинство и иные фундаментальные блага отдельных лиц или групп, но и основы международного правопорядка, режим соблюдения международных договоров, установленный порядок ведения вооружённых действий и т.д. Данная специфика объекта обусловливает особое место соответствующих составов в системе Особенной части УК РФ и предопределяет повышенную степень общественной опасности деяний, предусмотренных главой 34 УК РФ.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений носит, как правило, комплексный характер и включает действия (либо бездействие), тесно связанные с наступлением тяжких последствий либо с созданием реальной угрозы их наступления, причём многие составы сконструированы с использованием альтернативно указанных форм поведения и специальных условий их совершения. В научно-правовой литературе обращается внимание на сочетание признаков формального и материального состава [3].

Субъективная сторона всех без исключения преступлений против мира и безопасности человечества характеризуется умышленной формой вины с прямым умыслом [4–5]. Однако при всём этом для ряда составов необходимо установление специальной цели.

Вопрос о субъекте данных преступлений традиционно является дискуссионным, поскольку наряду с общим субъектом, которым является вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности для отдельных составов, требуется наличие специальных признаков.

Таким образом, учитывая бланкетный характер значительной части диспозиций главы 34 УК РФ и их тесную связь с международным гуманитарным правом, ключевым условием правильной квалификации преступлений против мира и безопасности человечества является обращение к международным договорам и иным общепризнанным принципам и нормам международного права, сформировавшимся в том числе в практике международных судов и трибуналов. Именно через такую комплексную интерпретацию с опорой как на национальный уголовный закон, так и на международно правовые стандарты возможно обеспечить должное содержание уголовно правовой охраны мира и безопасности человечества и должным образом реализовать предназначение главы 34 УК РФ как важнейшего инструмента противодействия наиболее опасным формам международной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трикоз, Е. Н. Формирование института ответственности за преступления против мира и безопасности человечества / Е. Н. Трикоз, Я. М. Хаминский // Advances in Law Studies. 2020. №. 4. С. 51–55.

2. Лобанов, С. С. Международная уголовная ответственность за военные преступления : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.10. Москва, 2018. 495 с.

3. Новичков, В. Е. Преступления против мира и безопасности человечества: проблемы конфликта российского, зарубежного и международного права / В. Е. Новичков // Таврический научный обозреватель. 2016. №4 (9). С. 60–68.

4. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина ; под научной редакцией А. И. Чучаева. Москва : Юрайт, 2026. 468 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. М. Багмет [и др.] ; под общей редакцией Д. Н. Кожухарика. Москва : Проспект, 2021. 1520 с.

УДК 343.3/.7

МОШЕННИЧЕСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Синдянкин Сергей Николаевич, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: sindyankin.s.n.@ruc.su; i.p.asanova@ruc.su

FRAUD AS A CRIME AGAINST PROPERTY: FEATURES OF QUALIFICATION

Sindyankin Sergey Nikolaevich, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена уголовно правовому регулированию ответственности за мошенничество в условиях реформирования норм о преступлениях экономической направленности. Анализируются критерии разграничения мошенничества с иными формами хищения и гражданско правовыми нарушениями, а также основные проблемы квалификации общего и специальных видов мошенничества при преднамеренном неисполнении договорных обязательств, в сфере кредитования, предпринимательской деятельности и при получении выплат.

Ключевые слова: мошенничество, преступления экономической направленности, квалификация, преднамеренное неисполнение договора, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, мошенничество в сфере кредитования, мошенничество при получении выплат.

The article is devoted to the criminal law regulation of liability for fraud in the context of reforming the norms on economic crimes. The article analyzes the criteria for distinguishing fraud from other forms of theft and civil law violations, as well as the main problems of qualifying general and special types of fraud in cases of deliberate non-performance of contractual obligations, in the field of lending, entrepreneurial activity, and in the field of receiving payments.

Keywords: fraud, economic crimes, qualification, deliberate non-performance of a contract, fraud in the field of entrepreneurial activity, fraud in the field of lending, and fraud in the field of receiving payments.

Мошенничество на протяжении длительного времени относится к числу наиболее распространённых преступлений против собственности и одновременно к наиболее сложным в квалификационном отношении видам хищения. Многообразие способов его совершения, использование гражданско правовых конструкций для достижения преступного результата, а также постоянная трансформация экономических отношений предопределяют необходимость переосмысления подходов к уголовно правовой оценке мошенничества и его разграничению с иными формами хищения, гражданско правовыми деликтами и допустимым предпринимательским риском.

Уголовно правовое регулирование ответственности за мошенничество в системе преступлений экономической направленности в настоящее время переживает этап существенной трансформации. На это указывает, в частности, правительственный проект федерального закона № 1069534 8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части увеличения размеров штрафов за совершение отдельных преступлений экономической направленности)», подготовленный Министерством юстиции РФ и одобренный Правительством Российской Федерации [1]. Указанным законопроектом предлагается пересмотреть верхние пределы штрафных санкций по более чем трём десяткам составов экономической направленности, включая мошенничество, незаконное предпринимательство, незаконную банковскую деятельность, причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, нарушения авторских и смежных прав.

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что ранее, в 2024 г., федеральными законами № 79 ФЗ и № 133 ФЗ были увеличены пороговые значения крупного и особо крупного ущерба по ряду преступлений в сфере экономической деятельности, включая ст.ст. 146 и 165 УК РФ, с учётом инфляционных процессов. Вместе с тем анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует о значительном применении штрафа как основного и дополнительного вида наказания по указанным составам и о тенденции к его назначению в размерах, близких к верхним пределам санкций. Так, за период 2021–2023 гг. по соответствующим экономическим статьям УК РФ было осуждено 3 126 лиц, из них 1 596 (51 %) получили штраф в качестве основного наказания, при этом зафиксировано устойчивое снижение доли штрафов до 100 тыс. руб. и рост доли штрафов в диапазоне от 100 до 500 тыс. руб. и свыше 500 тыс. руб.

Особая значимость института мошенничества подчёркивается тем, что наряду с основным составом, закреплённым в ст. 159 УК РФ, в законе сформирован комплекс специальных разновидностей, дифференцированных по сфере и способу совершения хищения (в предпринимательской деятельности, кредитной сфере, при страховании, в отношении выплат и т.п.). В этих составах помимо базовых

имущественных отношений, связанных с правом собственности и иными вещными и обязательственными правами, в качестве дополнительных объектов выступают заемно кредитные отношения, порядок осуществления предпринимательской деятельности, установленный порядок предоставления публичных выплат и субсидий, а также служебные правоотношения в случаях использования служебного положения. Такое своего рода расслоение объекта и субъектного состава специальных видов мошенничества усложняет квалификацию и усиливает значение уточнения содержания общего состава как исходной основы для разграничения его с иными формами хищения и смежными гражданско правовыми деликтами.

Обращение к проблеме разграничения мошенничества и иных форм хищения предполагает, прежде всего, использование легального определения хищения, содержащегося в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. В соответствии с ним под хищением понимаются совершённые с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В научно правовой литературе подчёркивается, что именно закреплённые законом признаки противоправности, безвозмездности и корыстной направленности деяния придают хищению необходимую юридическую определённость и позволяют отграничить его от гражданско правовых нарушений и иных преступлений против собственности.

В обозначенных условиях особого внимания заслуживают изменения уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере преступлений экономической направленности, в том числе ответственности за мошенничество, что обуславливает необходимость более чёткого определения критериев его уголовно правовой оценки и разграничения. В доктрине мошенничество рассматривается как одна из наиболее распространённых форм хищения, через которую проявляются ключевые проблемы уголовно правовой охраны имущественных отношений [2–3].

Анализ проблем квалификации представляется целесообразным начинать с общего состава мошенничества, закреплённого в ст. 159 УК РФ, поскольку именно он задаёт отправные критерии для понимания и применения специальных видов мошенничества. При этом на практике центральное место занимает установление совокупности признаков обмана или злоупотребления доверием потерпевшего, в результате которых происходит лишь внешне добровольная передача имущества либо соответствующих имущественных прав лицу, совершающему преступное деяние, обусловленная сформировавшимся у потерпевшего заблуждением. Именно эти признаки позволяют последовательно отграничивать мошенничество от иных форм хищения, для которых характерно иное соотношение воли собственника и механизма изъятия имущества.

Для правильной квалификации судам необходимо руководствоваться сведениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 51, где обман и злоупотребление доверием прямо указаны в качестве способов хищения чужого имущества при совершении мошенничества. Пленум исходит из того, что обман может выражаться как в активном сообщении заведомо ложных сведений, так и в умолчании об обстоятельствах, подлежащих раскрытию, если такое умолчание приводит к формированию у потерпевшего ошибочного представления о действительном положении дел. Тем самым подчёркивается, что добровольность передачи имущества при мошенничестве носит лишь видимый характер, а волеизъявление потерпевшего искажается противоправным поведением виновного.

Доктрина и судебная практика справедливо исходят из того, что принципиальное отличие мошенничества от кражи и грабежа заключается не в «тайности» или «открытости» действий как таковых, а в характере завладения имуществом: при мошенничестве оно осуществляется по воле самого потерпевшего, сформированной под влиянием обмана или злоупотребления доверием, тогда как при краже и грабеже имеет место противоправное изъятие имущества из фактического владения вопреки воле собственника, без его осознанного волеизъявления на передачу вещи.

В связи с этим решающее значение при выборе подлежащей применению уголовно правовой нормы следует придавать именно характеру изъятия имущества и роли волеизъявления потерпевшего, что позволяет последовательно отграничивать мошенничество от иных форм хищения и снижать риск ошибок при квалификации в ситуациях, когда внешне сходные деяния различаются по механизму завладения имуществом.

Практика рассмотрения уголовных дел по ст. 159 УК РФ подтверждает ключевое значение указанного подхода. В делах, связанных с использованием гражданско правовых форм (займ, аренда, подряд и др.), нередки ситуации, когда виновное лицо инициирует заключение договора, заведомо не намереваясь исполнять принятые на себя обязательства и преследуя цель безвозмездного присвоения полученного имущества или денежных средств. Формально отношения сторон складываются как

правомерная сделка, однако последующее поведение лица (отчуждение имущества третьим лицам, сокрытие имущества, уклонение от расчётов) свидетельствует о том, что воля потерпевшего на передачу имущества была сформирована под влиянием обмана относительно действительных намерений контрагента.

Так, в одном из уголовных дел о мошенничестве, сопряжённом с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, суд установил, что руководитель коммерческой организации заключил договор поставки дорогостоящего оборудования, заведомо не имея возможности и намерения исполнять принятые на себя обязательства, получил от контрагента значительную сумму в счёт оплаты, после чего распоряжался полученными денежными средствами исключительно в собственных интересах [4]. Он был признан виновным в совершении мошенничества, сопряжённого с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, при этом в мотивировочной части приговора обоснованно указано, что умысел на хищение сформировался у подсудимого до заключения договора и получения денежных средств, а гражданско правовая форма сделки использовалась лишь как средство обманного завладения.

В правовой литературе и правоприменительной практике подчёркивается, что, напротив, при отсутствии доказательств формирования у лица умысла на хищение чужого имущества до заключения договора и передачи имущества либо денежных средств последующее неисполнение обязательств не может рассматриваться как мошенничество и подлежит оценке исключительно в рамках гражданско правовых механизмов защиты нарушенных прав. В наибольшей степени указанные сложности проявляются при квалификации специальных видов мошенничества, прежде всего в сфере кредитования, предпринимательской деятельности и при получении выплат, где остро встают вопросы о пределах признания лица специальным субъектом (заёмщиком, субъектом предпринимательской деятельности, получателем выплат), а также о разграничении мошеннических посягательств с иными экономическими преступлениями и гражданско правовыми деликтами.

Таким образом, уголовно правовое регулирование ответственности за мошенничество характеризуется одновременным усложнением законодательной конструкции соответствующих составов и фактических форм совершения мошеннических посягательств. В этих условиях ключевое значение приобретает точное установление умысла на хищение, роли волеизъявления потерпевшего и статуса субъекта, а также последовательное применение критериев разграничения мошенничества с иными формами хищения и гражданско правовыми нарушениями. Обеспечение единообразной практики по делам о мошенничестве, включая его специальные виды, возможно лишь при учёте указанных подходов в сочетании с разъяснениями Верховного Суда РФ и постоянным учётом изменений экономических реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»): Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069534-8

2. Шаназарова, Е. В. Проблемы квалификации мошенничества / Е. В. Шаназарова, О. Е. Савельева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №7. С. 154–156.

3. Каримова, Е. А., Обман как способ совершения мошенничества: ретроспективный аспект / Е. А. Каримова // Скиф. 2019. №5-2 (33). С. 210–213.

4. Вынесен приговор о мошеннических действиях, совершенных с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности : Муниципальный округ Старое Крюково. URL: https://staroe-krukovo.ru/novosti/vynesen-prigovor-o-moshennicheskikh-deystviyakh-sovershennykh-s-prednamerennym-neispolneniem-dogovor/

УДК 343.2/.7

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Синдянкин Сергей Николаевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: sindyankin.s.n.@ruc.su

THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD IN RUSSIAN LAW

Sindyankin Sergey Nikolaevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье последовательно рассматривается эволюция норм о мошенничестве от древнерусского права, не содержащего специального регулирования завладения имуществом путем обмана, до дореволюционных кодификаций, советских уголовных кодексов и современной ст. 159 УК РФ, закрепляющей обман и злоупотребление доверием в качестве обязательных способов совершения данного преступления.
Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, история уголовного законодательства, имущественные преступления.

The article consistently examines the evolution of the norms on fraud from Old Russian law, which did not contain special regulation of the seizure of property by deception, to pre-revolutionary codifications, Soviet criminal codes, and the modern Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes deception and abuse of trust as mandatory methods of committing this crime.
Keywords: fraud, deception, abuse of trust, history of criminal legislation, property crimes.

В российском уголовном праве ответственность за мошенничество формировалась на протяжении веков, не имея отражения в ранних источниках права, таких как Русская Правда или судные грамоты Новгорода и Пскова, где специальные нормы о завладении имуществом путем обмана или злоупотребления доверием полностью отсутствовали. Первое зафиксированное использование термина «мошенник» приходится на правовые акты XVI в., что ознаменовало эволюцию от всеобъемлющего понятия «татьбы» к выделению особых форм корыстных преступлений.

Древнерусское уголовное право преимущественно регулировало явные и скрытые формы хищения в рамках единой категории татьбы, не предусматривая норм о завладении имуществом посредством обмана или злоупотребления доверием. Русская Правда, равно как Новгородская и Псковская судные грамоты, использовали это общее понятие татьбы для квалификации всех видов посягательств на чужое имущество, не вводя подразделения на способы совершения, включая обманные. Такая правовая унификация того времени отражала начальную стадию развития уголовных конструкций, когда ещё не сложились условия для институционализации мошенничества как самостоятельного состава преступления.

Ст. 58 Судебника 1550 г. при Иване IV Грозном исходила из того, что: «А мошеннику та ж казнь, что и татю», приравнивая наказание к обычной краже без какого-либо дополнительного разъяснения. По мнению М. В. Владимирского-Буданова, данная статья устанавливала ответственность за корыстное изъятие имущества обманом, предвосхищая современную конструкцию мошенничества как ненасильственного хищения [1]. Противоположного же мнения был И. Я. Фойницкий, который понимал данную трактовку как карманное воровство, опираясь на этимологию от «мошны» – кожаного кошелька на поясе, типичного объекта мелкой татьбы [2]. Тем самым первая интерпретация опирается и исходит из упоминания «оманщика» как носителя сознательного лукавства, а вторая на лингвистическое совпадение с атрибутами скрытой кражи, аналогично римскому furtum ex bursa в Дигестах Юстиниана, где было сказано о недопустимости причинения вреда посредством злого умысла, а воровство из сумки отличалось от fraudis (подлога) [3].

Судебник 1589 г. при Федоре Иоанновиче ввел явное разграничение между «мошенником» и «оманщиком»: согласно ст. 112, истец мог в трехдневный срок взыскать с обманщика убытки втрое при доказуемости вины, с наказанием виновного кнутом, но без полного удовлетворения иска, поскольку «один оманывает, а другой догадываисе, а не мечися на дешевое» [4]. Данная статья подчеркивала процессуальную специфику, где жертва несла ответственность за легковерие, а взыскание ограничивалось штрафом, а не возвратом имущества в натуре.

На основе анализа норм данных Судебников можно констатировать постепенное формирование различий в правовой оценке корыстных деяний, совершаемых путем обмана. Упоминание в раннем Судебнике «мошенника» приравнивает его к «тателю», тогда как в более поздней редакции появляется разграничение между «мошенником» и «оманщиком», сопровождаемое особыми правилами взыскания убытков. Тем самым обманные формы завладения чужим имуществом начинают восприниматься законодателем не как однородная часть татьбы, а как относительно самостоятельная группа посягательств, что в свою очередь, по нашему мнению, создало предпосылки для дальнейшего нормативного выделения мошенничества в последующих актах.

В Соборном уложении 1649 г. упоминание о мошенничестве носит фрагментарный характер. В ст. 11 которого указано: «Да и мошенникам чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу». При этом, хотя и законодатель уже с одной стороны различал «татьбу» и «мошенничество» на уровне терминологии, а с другой стороны он до сих пор продолжал рассматривать последнее как разновидность хищения чужого движимого имущества, не выстраивая развернутой конструкции и уголовно-правовой характеристики его объективных и субъективных признаков.

Воинский артикул Петра I 1715 г., ставший важнейшим источником военно уголовного законода-

тельства, также не устранил неопределенности в дефиниции мошенничества [5]. Так, в содержании Артикула термин «мошенничество» не использовался, хотя целый ряд норм был посвящен краже, грабежу и иным посягательствам на имущество, в том числе связанным с обманом при несении военной службы и исполнении финансовых обязанностей. Это позволило И. Я. Фойницкому заключить, что в рассматриваемый период под мошенничеством в практике преимущественно понималась «ловкая, но мелкая кража», при которой обман применялся скорее как вспомогательное средство для облегчения тайного хищения, чем как самостоятельный способ преступного посягательства.

В подтверждение своей позиции он приводит показательное дело Королькова 1767 г., связанное с деятельностью Комиссии по составлению нового Уложения. Обвиняемый изготовил подложные приглашения от имени комиссии на заседание 25 июля 1767 г. и, распространяя их среди депутатов, взимал за это плату, то есть фактически получал денежные средства посредством обмана. Сенат, рассматривая это дело, указал, что в содеянном отсутствует собственно мошенничество, усмотрев только обман, и, сославшись на отсутствие прямой нормы о наказании за обман как таковой, «почитая обман равным мошенничеству», назначил Королькову наказание по п. 9 и 11 главы XXI Соборного уложения 1649 г., предусматривавшим ответственность, в том числе, за татьбу и сходные деяния.

Тем самым, Сенат, констатировав факт завладения чужими денежными средствами путем обмана и не находя в действующем законодательстве исчерпывающего описания соответствующего состава, прибег к применению уголовного закона по аналогии, распространив режим ответственности за мошенничество и татьбу на действия, прямо не охваченные диспозицией. Данный прецедент наглядно демонстрирует, что в середине XVIII в. российское право еще не выработало четкой границы между обманом и мошенничеством как юридически очерченным видом хищения, а нормативное регулирование опиралось по своей сути на широкое толкование терминов Соборного уложения.

Весьма значимым актом в развитии регулирования данного института стал Именной указ Екатерины II от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях». В нём законодателем прямо фиксируется триада корыстных имущественных посягательств: «воровство грабеж», «воровство кража» и «воровство мошенничество», что свидетельствует о доктринальном стремлении к систематизации различных форм посягательства на имущество [7–8]. В самом указе дается достаточно развернутое определение «воровства мошенничества», где к нему отнесены, во-первых, тайное изъятие вещей «на торгу или в ином многолюдстве» из кармана, во-вторых, внезапное похищение чужого имущества, основанное на ловкости и быстроте действий виновного, а не на запугивании потерпевшего, и, в-третьих, завладение имуществом с помощью «обмана, вымысла». Тем самым нормативно закрепляется сложившееся в практике понимание мошенничества как комплексного явления, объединяющего карманную кражу, «ловкое» похищение и собственно обманные сделки.

В первые годы после издания указа 1781 г. законодательное регламентация обмана не ограничилась лишь рамками «воровства мошенничества». Уже в «Уставе благочиния или полицейском» от 8 апреля 1782 г. обман рассматривается законодателем не только как способ совершения хищения, но и как признак ряда специальных составов, предусматривающих ответственность за лживые действия, обман в торговле и злоупотребление суевериями. Так, Ст. 270 Устава благочиния закрепляла ответственность за «лживые поступки словесные» и «лживые поступки действием», а также за обман в торговле с учетом размера ущерба и повторности, предусматривая направление виновного в суд или рабочий дом. Отдельно устанавливались запреты на обманы, основанные на суевериях и невежестве (лжепредсказания, «колдовство», «чародейство» и подобные действия), с наказуемостью как исполнителей, так и лиц, использующих такие практики для извлечения выгоды. Тем самым в актах 1781–1782 гг. обман, с одной стороны, описывался как способ совершения «воровства мошенничества», а с другой как признак специальных составов (обман в торговле, лживые действия, злоупотребление суевериями), не сводимых лишь к мошенничеству как форме хищения.

Уложение 1845 г. определяло мошенничество как хищение чужого движимого имущества, совершенное посредством обмана, при этом обман характеризовался заведомостью, намерением обольстить и искажением истины. Обман выступал уже самостоятельным способом совершения мошенничества, а не разновидностью кражи, что отражалось в перечне простых форм: подмена вверенных вещей, выманивание имущества ложными сведениями, невозврат оплаченного документа или заклада, передача в пользование чужого имущества.

Посредством Уголовного уложения 1903 г., в качестве мошенничества признавалось покушение не только на вещи, но и на имущественные блага и права. В ст. 591 к мошенничеству было отнесено хищение чужого движимого имущества посредством обмана. Обман в ней понимался как искажение

фактов настоящего или прошлого, тогда как введение лица в заблуждение относительно выгодности или обязательности имущественного распоряжения образовывало особую «недобросовестность по имуществу», заимствованную из германской доктрины об обмане как сокрытии либо искажении юридически значимых фактов.

Советское уголовное право, унаследовав дореволюционную конструкцию мошенничества как обманного посягательства на имущество, в условиях перехода к социалистической общественно экономической формации переориентировало её на приоритетную охрану государственной и общественной собственности и интересов трудящихся, при этом ключевыми признаками состава были закреплены обман и злоупотребление доверием.

Так, УК РСФСР 1922 г. в ст. 187 определил мошенничество как «получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана».

Уголовный кодекс 1960 г., встраивая мошенничество в систему охраны социалистической и личной собственности, закрепил его в разных главах (ст.ст. 93 и 147 УК РСФСР), понимая его как завладение государственным, общественным или личным имуществом, а также приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, при этом отказавшись от легального определения обмана и фактически переложив раскрытие его содержания на доктрину и судебную практику, которые свели мошеннический обман к умышленному искажению или сокрытию истины ради побуждения управомоченного лица к добровольной передаче имущественных благ.

Таким образом наглядно прослеживается последовательный переход от полного отсутствия специального термина и нормативного описания обманных посягательств в древнерусском праве к постепенному разграничению «мошенника» и «тателя» в Судебниках и их последующему закреплению в Соборном уложении, затем к детальным законодательным определениям мошенничества и обмана в Уложении 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г. В СССР данный институт получил своё дальнейшее развитие и эволюцию в условиях доминирования социалистической формы собственности, при которой обман и злоупотребление доверием окончательно закрепляются в качестве обязательных способов совершения мошенничества при приоритетной охране государственной, общественной и, позднее, личной собственности граждан.

Впоследствии данная модель была воспроизведена и в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации, где ст. 159 УК РФ исходит из того, что обязательными способами совершения мошенничества являются обман или злоупотребление доверием, что в свою очередь свидетельствует о преемственности по отношению к советскому и дореволюционному этапам развития института уголовной ответственности за мошенничество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / [Соч.] Проф. М.Ф. Владимирского-Буданова. 2-е изд., с доп. Санкт-Петербург ; Киев : Н. Я. Оглоблин, 1888 (Киев). XXVI. 542 с.

2. Фойницкий, И. Я. Мошенничество по русскому праву : Сравн. исслед. Ив. Фойницкого, представл. в Юрид. фак. С.-Петерб. ун-та для получения степ. магистра прав. Санкт-Петербург : Обществ. Польза, 1871. 289 с.

3. Каримова, Е. А., Обман как способ совершения мошенничества: ретроспективный аспект / Е. А. Каримова // Скиф. 2019. № 5-2 (33). С. 210–213.

4. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. : Судебник царя Федора Иоанновича тысяча пятьсот восемьдесят девятого года : По списку собр. Ф.Ф. Мазурина. Москва : Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1900. 57 с.

5. Архипов, А. В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России / А. В. Архипов // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2021. №40. С. 12–20.

6. Фефлов, И. В. Происхождение и развитие российского и зарубежного законодательства о мошенничестве / И. В. Фефлов // Территория науки. 2014. № 4. С. 141–152.

7. Указ о суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях. Б. м., 3 апр. 1781. 4 с.

8. Копытова, М. В. Ретроспективный анализ мошенничества / М. В. Копытова // Молодой ученый. 2017. № 19 (153). С. 209–212.

УДК 343.352

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ И СОКРЫТИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ОВД (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ)

Спиридонова Мария Николаевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810419@ruc.su

METHODS OF COMMITTING AND CONCEALING CORRUPTION CRIMES BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS (BASED ON JUDICIAL AND INVESTIGATIVE PRACTICE)

Spiridonova Mariya Nikolaevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются способы совершения и сокрытия коррупционных преступлений сотрудниками органов внутренних дел. На основе классификации Н. В. Строчиловой и материалов судебно-следственной практики 2019–2025 гг. выделяются видовые особенности коррупционных проявлений, обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: коррупционные преступления, органы внутренних дел, классификация коррупции, силовое предпринимательство.

The article analyzes the methods of committing and concealing corruption crimes by employees of internal affairs bodies. Based on the classification proposed by N.V. Strochilova and materials of judicial and investigative practice for 2019–2025, the specific features of corruption manifestations are identified, and the necessity for further improvement of legislation and law enforcement practice is substantiated.

Keywords: corruption crimes, internal affairs bodies, classification of corruption, coercive entrepreneurship.

Коррупционные преступления сотрудников органов внутренних дел (ОВД) представляют собой системную угрозу правоохранительной деятельности Российской Федерации, подрывая авторитет государственных институтов и усиливая криминализацию социальных отношений. По данным МВД России, за 10 месяцев 2025 г. выявлено 38,5 тыс. коррупционных преступлений, что на 12,4 % больше, чем за аналогичный период 2024 г., причем более 68 % из них раскрыты органами внутренних дел [1]. В связи с этим, представляется необходимым обращение к анализу судебно-следственной практики как источнику достоверной информации о реальных механизмах коррупционного поведения.

В частности, в криминалистической и криминологических исследованиях обосновывается необходимость дифференцированного противодействия коррупции в системе ОВД, что предполагает выделение конкретно-видовых её особенностей. Так, в диссертации Н. В. Строчиловой приведена своя классификация коррупции в ОВД, основанная на следующих основаниях [2].

В зависимости от занимаемой должности и масштаба полномочий субъектов коррупционных отношений выделяют низовую и верхушечную коррупцию. Низовая характерна для сотрудников, занимающих должности рядового и младшего начальствующего состава, чьи полномочия ограничены конкретными участками оперативно-служебной деятельности. Верхушечная связана с лицами, имеющими широкие распорядительные и организационно-властные функции (руководители подразделений различного уровня), что дает им возможность влиять на кадровые решения, распределение ресурсов и исход служебных проверок.

Далее, исходя от регулярности совершения коррупционных преступлений речь может идти о систематической или эпизодической коррупции. Систематическая характеризуется длительной противоправной деятельностью, которая зачастую становится для работника дополнительным (теневым) источником дохода; эпизодическая единичные случаи, часто происшедшие под влиянием внешних обстоятельств или личной заинтересованности в конкретном результате.

Кроме того, преступления можно классифицировать по роли субъектов и поделить коррупцию на активную и пассивную. При этом активная коррупция заключается в том, что сотрудник инициирует коррупционные отношения (например, вымогает взятку, создает условия для получения вознаграждения, не предусмотренного законодательством), а при пассивной просто соглашается получить выгоду, безактивно, то есть в отсутствие активного побуждения со стороны должностного лица.

Горизонтальная и вертикальная коррупция выделяются по направленности коррупционных действий. Горизонтальные, это связи между сотрудниками одного уровня, например, сокрытие правонарушений сослуживцами, совместное получение взяток. Вертикальные, отношения между вышестоящими и нижестоящими сотрудниками, в том числе случаи «покупки» должностных назначений, протекционизма, а также передачи части незаконного вознаграждения за покровительство.

Помимо вышеописанных видов коррупции, Н. В. Строчилова называет также особые формы, характерные только для органов внутренних дел: силовое «крышевание» оказание «крыши»» или покровительства коммерческим структурам, в том числе криминальным, с использованием служебных полномочий, и коррупция в образовательных учреждениях системы МВД, противоправные действия, связанные с незаконным зачислением, прохождением аттестации, сдачей зачётов и экзаменов с использованием служебного положения преподавательского и руководящего состава.

Чтобы наглядно показать реальные схемы коррупции, рассмотрим конкретные уголовные дела, опубликованные в открытых источниках судебно-следственной практики.

Примером верхушечной коррупции может служить уголовное дело бывшего начальника отделения экономической безопасности и противодействия коррупции МО МВД «Невьянское» Алексея Храмкова. Занимая руководящую должность в районном отделе полиции, Храмков использовал организационно-распорядительные функции для оказания общего покровительства незаконной золотодобыче на территории Невьянского и Кировградского районов. Взятка в размере 250 тыс. руб. была получена группой лиц по предварительному сговору, причем начальник отделения выступал организатором преступной схемы. Приговором суда Храмков осужден по пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к пяти годам лишения свободы со штрафом в размере 1 млн руб. Также, этот случай может рассматриваться как горизонтальная коррупция, так как оба сотрудника занимали одинаковую ступень служебной иерархии и совместно действовали в составе группы по предварительному сговору, делясь полученными взятками [3].

К низовой коррупции относится уголовное дело в отношении бывшего майора полиции, задержанного в Санкт-Петербурге за получение взяток за «крышевание» мигрантов на Сенном рынке, об этом упоминается в обзоре «Фактор правосудия» за 2025 год. Сотрудник, не обладая широкими распорядительными полномочиями, использовал свою должность для систематического получения незаконного вознаграждения за непривлечение иностранных граждан к административной ответственности.

В этом же источнике мы можем найти пример вертикальной коррупции: дело в отношении вооруженной банды, действовавшей вместе с коррумпированными сотрудниками полиции. Несмотря на то, что конкретные должности членов не разглашаются, факт вовлечения в преступные действия сотрудников полиции разных уровней свидетельствует о наличии вертикальных коррупционных связей, при которых вышестоящие могут обеспечивать «прикрытие» для тех, кто на нижних ступенях участвует в незаконных операциях [4].

В справка о результатах обобщения судебной практики рассмотрения судами Костромской области уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности за 2019 год мы можем найти пример как систематической, так и эпизодической коррупции.

Документ говорит о том, что значительная часть коррупционных преступлений имеет системный характер. Например, глава Горчухинского сельского поселения Макарьевского муниципального района Костромской области Ш. был признан виновным в двух преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений), а также по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ. Многократность совершенных в течение определенного времени преступлений является основанием для квалификации их как систематической коррупционной деятельности [5].

В том же обобщении рассматривается 20 примеров судимостей за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Обычно такие преступления совершаются один раз, отсутствует устойчивая преступная связь, и это не является постоянным источником дохода. Например, сотрудник берет незначительное вознаграждение (до 10 тыс. руб.) за ускорение оформления документов, при этом не имеет места систематическое вымогательство или создание коррупционной сети [5].

Следующее деление – это на активную и пассивную коррупцию.

Примером активного коррупционного поведения служит уголовное дело начальника отдела уголовного розыска Екатеринбурга, который, по версии следствия, не только получил взятку от редактора URA.RU Дениса Аллаярова, но и обвиняется в превышении должностных полномочий. Инициативный характер преступных действий, выразившийся в создании условий для получения незаконного вознаграждения, свидетельствует об активной форме коррупции [4].

Так, в обобщении Костромского областного суда сказано, что из 10 осужденных за получение взятки (ст. 290 УК РФ) некоторых правоохранительных или судебных представителей, как правило, отличало воздержание от активных действий по вымоганию взятки, они брали то, что им предлагали. Иными словами, в подобных случаях коррупционная связь зачастую закладывалась именно взяткодателем, а должностное лицо носило пассивный характер: не отказывалось от незаконной выгоды, но и не стимулировало ее получение [5].

Особая форма коррупции для ОВД – это силовое предпринимательство или же «крышевание». Примером может служить уже упомянутое дело Храмкова, где полицейский обеспечивал общее покровительство незаконной золотодобыче. Используя авторитет власти и возможности своего подразделения по борьбе с экономическими преступлениями, сотрудники полиции фактически подменили контроль защитой криминального бизнеса. [3]. Другой пример из обзора «фактор правосудия»: экс-майор полиции в Санкт-Петербурге получал взятки за «крышевание» мигрантов на Сенном рынке [4].

Таким образом, мы можем сказать, что коррупционная деятельность в правоохранительных органах настолько разнообразна, что охватывает практически все категории коррупции по классификации, предложенной Н. В. Строчиловой: от коррупции на низшем и высшем уровнях, организованной

и стихийной коррупции, а также горизонтальной и вертикальной коррупции до так называемой «рейдерской самозанятости».

Кроме того, приведенные в ходе исследования примеры свидетельствуют о сохраняющихся проблемах в правоприменительной практике, таких как неэффективность в выявлении коррупционных преступлений в образовательных учреждениях МВД и противоречивая судебная практика в отношении некоторых преступлений. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. МВД зафиксировало рост коррупционных преступлений на 12,4 % // Ведомости. 2025. 8 дек. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/08/1161231-mvd-zafiksirovalo-rost-korruptsionnih-prestuplenii

2. Сторчилова Н. В. Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сторчилова Наталья Владимировна. Москва, 2010. 33 с.

3. Гаёва Е. Взяли с поличным. Полицейского, боровшегося с коррупцией, осудили за взятку // Аргументы и Факты, 03.12.2025. URL: https://ural.aif.ru/society/na-urale-veterany-svo-predlozhili-babushkinoy-uchastvovat-v-vyborah-zakso

4. Асафов А. Фактор правосудия. Итоги 2025 года // Asafov.ru. Политические процессы простыми словами, 31 декабря 2025. URL: https://asafov.ru/avtor/faktor-pravosudiya-itogi-2025-goda

5. Справка о результатах обобщения судебной практики Костромским областным судом по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности (2019–2025 гг.) // ГАРАНТ. 2025. 3 нояб. URL: https://base.garant.ru/15193233/

УДК 347.9

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Становкина Анна Викторовна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st803616@ruc.su

THE CONCEPT, ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF JUDICIAL PROTECTION IN A STATE GOVERNED BY LAW

Stanovkina Anna Viktorovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу права на судебную защиту как фундаментального конституционного и международно-правового принципа. В работе рассматриваются понятие и сущность судебной защиты в широком (институциональный механизм) и узком (субъективное право) значении, а также ее правовосстановительный характер. Особое внимание уделяется анализу конституционных принципов осуществления судебной защиты и их реализации в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Исследуется международно-правовое измерение судебной защиты, включая универсальные и региональные стандарты, а также практика Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: судебная защита, право на судебную защиту, конституционное право, международное право, правовое государство, доступность правосудия, законность, справедливость, Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека.

This article provides a comprehensive analysis of the right to judicial protection as a fundamental constitutional and international legal principle. It examines the concept and essence of judicial protection in its broad (institutional mechanism) and narrow (subjective right) senses, as well as its restorative nature. Particular attention is paid to the analysis of the constitutional principles governing judicial protection and their implementation in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The international legal dimension of judicial protection is explored, including universal and regional standards, as well as the practice of the European Court of Human Rights.

Keywords: judicial protection, right to judicial protection, constitutional law, international law, rule of law, access to justice, legality, fairness, Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of Human Rights.

В системе ценностей современного правового государства защита прав и свобод человека и гражданина занимает центральное место. Среди многообразных форм такой защиты – административной, общественной, самозащиты – особое положение занимает судебная защита. Это обусловлено природой судебной власти как самостоятельной и независимой ветви власти, специально предназначенной для отправления правосудия. Как справедливо отмечается в научной литературе, среди средств государственной защиты судебная защита занимает исключительное место, поскольку осуществляется независимым органом правосудия, специально предназначенным для обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд РФ последовательно рассматривает право на судебную защиту как одно из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно как гарантию и средство обеспечения всех других прав и свобод [1, С. 605].

Понятие судебной защиты в современной юридической науке характеризуется многомерностью и межотраслевым характером. В широком смысле судебная защита представляет собой институциональный механизм, включающий систему судебных органов, процессуальные формы деятельности и совокупность гарантий, обеспечивающих восстановление нарушенных прав. В узком смысле она понимается как право заинтересованного лица на обращение в суд за защитой своих прав и законных интересов. Такое понимание закреплено в статье 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. При этом, как подчеркивает М. А. Гурвич, право на судебную защиту есть обеспеченная законом возможность получить защиту своего права в суде, реализуемая в процессе рассмотрения конкретного дела.

Анализируя сущность судебной защиты, необходимо исходить из того, что она представляет собой не просто формальную возможность обращения в суд, а реальную способность лица получить эффективное восстановление нарушенных прав. Как указывается в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 года № 43-П, право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями. Сущностной характеристикой судебной защиты выступает ее правовосстановительный характер: конечная цель судебной деятельности заключается не в констатации факта нарушения, а в реальном восстановлении нарушенного блага, компенсации причиненного вреда, устранении препятствий к осуществлению права [2, С. 51].

В правовом государстве судебная защита приобретает значение универсального средства охраны правового статуса личности. Данное положение вытекает из закрепленного в части 2 статьи 46 Конституции РФ правила, согласно которому решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Тем самым судебная власть получает возможность контролировать законность актов и действий всех иных публичных органов, что создает механизм сдержек и противовесов, необходимый для функционирования разделения властей.

Конституционно-правовое измерение судебной защиты раскрывается через систему принципов, закрепленных в Основном Законе. Среди них – равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Указанные принципы составляют нормативный каркас, который придает судебной защите реальный, а не декларативный характер. Конституционный Суд РФ, что характерно, увязывает применение этих принципов с необходимостью предотвращения юридической неопределенности в вопросах подсудности и процессуальной процедуры.

Существенное значение имеет разграничение права на судебную защиту как объективного и как субъективного права. Как объективное право, судебная защита представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих организацию и деятельность судебной системы, порядок обращения в суд и рассмотрения дел. Как субъективное право, она принадлежит каждому конкретному лицу и реализуется в процессе возбуждения судопроизводства по делу.

Переходя к анализу международно-правового измерения судебной защиты, необходимо отметить, что Россия, будучи участницей основополагающих международных договоров о правах человека, включила их положения в свою правовую систему. Статья 17 Конституции РФ признает и гарантирует права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Соответственно, международные стандарты судебной защиты имеют прямое действие на территории Российской Федерации [3, С. 36].

Фундаментальное значение для понимания сущности судебной защиты имеют положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Статья 8 Всеобщей декларации провозглашает право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных конституцией или законом. Статья 10 Декларации закрепляет право на публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом при определении прав и обязанностей лица и при рассмотрении уголовного обвинения.

Международный пакт о гражданских и политических правах в статье 14 детализирует требования к справедливому судебному разбирательству, включая равенство всех перед судом, право на публичное разбирательство, презумпцию невиновности, минимальные гарантии для обвиняемых. Пункт 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющейся составной

частью российской правовой системы, устанавливает, что каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [4, С. 46].

В региональных системах защиты прав человека право на судебную защиту получает различное нормативное выражение. Особого внимания заслуживает Американская конвенция о правах человека, статья 25 которой делает подробные предписания относительно права на судебную защиту, распространяя ее действие не только на права, закрепленные в Конвенции, но и на права, признанные конституцией и законами государства. Африканская хартия прав человека и народов, хотя и не содержит прямой статьи о праве на эффективное средство правовой защиты, в практике Африканской комиссии получила интерпретацию, признающую существование такого права. В азиатском регионе Декларация прав человека в статье 5 закрепляет право каждого на эффективное и обеспеченное принудительной силой средство правовой защиты.

Важным аспектом международно-правового регулирования выступает право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод. Часть 3 статьи 46 Конституции РФ предоставляет каждому право в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Данное положение знаменует включение России в систему международного контроля за соблюдением прав человека и возлагает на государство обязанность обеспечить эффективность национальных средств судебной защиты.

Сущностные характеристики судебной защиты в правовом государстве включают несколько ключевых компонентов. Во-первых, это доступность правосудия, предполагающая отсутствие неоправданных правовых и организационных препятствий для обращения в суд. Как отмечается в докладе Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае, нарушение принципа свободного доступа к правосудию может выражаться в создании чрезмерных правовых и практических препятствий, а также быть обусловлено организационно-техническими факторами. К числу таких факторов относятся сложности пропускного режима, неполнота информации о деятельности судов в сети Интернет, недостаточная доступность правосудия для маломобильных групп населения.

Во-вторых, судебная защита характеризуется законностью как требованием строгого соблюдения судом норм материального и процессуального права. Законность выступает одновременно и принципом, и методом судебной деятельности, гарантирующим предсказуемость и определенность судебных решений. Как указывает Конституционный Суд РФ, федеральный законодатель при осуществлении регулирования обязан обеспечивать процессуальные гарантии участвующим в деле лицам, соблюдая требование разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью.

В-третьих, необходимым элементом сущности судебной защиты выступает справедливость судебного разбирательства. Понятие справедливости в правосудии включает как процессуальные аспекты (беспристрастность суда, состязательность, равноправие сторон), так и материально-правовые (соразмерность защиты нарушенному праву, учет всех значимых обстоятельств дела). В постановлении Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 года подчеркивается, что право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.

В-четвертых, судебная защита предполагает возможность пересмотра ошибочных судебных актов. Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию об умалении и ограничении права на судебную защиту отсутствием возможности пересмотра ошибочного судебного акта. Инстанционное построение судебной системы с правом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования выступает процессуальной гарантией исправления судебных ошибок и достижения целей правосудия [5].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении судебной защиты с иными формами защиты прав. Конституционное право на судебную защиту не исключает возможности досудебного урегулирования споров, включая третейское разбирательство и медиацию. При этом, как отмечается в комментариях к статье 46 Конституции РФ, третейское разбирательство представляет собой общественную, несудебную форму разрешения правовых конфликтов; деятельность третейских судов не является правосудием. Однако при условии сохранения возможности последующего судебного контроля такой порядок не противоречит конституционному праву на судебную защиту.

В контексте перехода правосудия в цифровую среду перед теорией и практикой встает вопрос о допустимых границах вмешательства технологий в судебный процесс. Норма Конституции РФ, резервирующая за судом исключительное право на осуществление правосудия, однозначно трактует этот вопрос: никакой иной орган государственной власти, а тем более автоматизированные програм-

мы, не могут принимать на себя функции суда по разрешению правовых конфликтов. Развитие технологий электронного правосудия, внедрение автоматизированных систем распределения дел и электронного документооборота не должны подменять собой сущностные характеристики судебной деятельности, требующие живого восприятия обстоятельств дела, оценки доказательств по внутреннему убеждению и принятия властного решения от имени государства [6, С. 20].

Значение судебной защиты в правовом государстве трудно переоценить. Она выступает универсальным механизмом разрешения правовых конфликтов, средством контроля за законностью действий публичной власти, инструментом восстановления нарушенных прав и свобод. В юридической науке обоснованно обращается внимание на существование коллизии между возложенной на государство конституционной миссией по охране прав и свобод личности и жесткими рамками процессуальной регламентации судопроизводства. Задача законодателя и правоприменителя состоит в поиске баланса между формальными требованиями процесса и необходимостью обеспечения реальной, а не декларативной судебной защиты.

Важным аспектом значения судебной защиты является ее роль в формировании и поддержании режима законности. Судебные решения, вступая в законную силу, приобретают общеобязательный характер и обеспечиваются возможностью государственного принуждения. Тем самым судебная власть участвует в укреплении правопорядка, формировании единообразной практики применения законов, предупреждении правонарушений [7, С. 129].

Таким образом, итогом анализа выступает понимание судебной защиты как комплексного феномена, объединяющего конституционные и международные стандарты. Это понятие аккумулирует в себе три компонента: систему судов (институциональный), правосудие как процесс (функциональный) и право гражданина на обращение в суд (субъективный). Природа судебной защиты проявляется в ее направленности на восстановление нарушенных прав и базируется на принципах доступности, законности и справедливости. В правовом государстве она выполняет функцию универсального гаранта прав личности, способствует поддержанию верховенства права и обеспечивает баланс властей. Международные стандарты задают вектор развития национальных систем судопроизводства, а конституционное закрепление этого права служит основой для построения государства, где высшей ценностью провозглашен человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотов, Д. А. Понятие и сущность судебной защиты и её место в системе юрисдикционной формы защиты права // Молодой ученый. 2024. № 21(520). С. 604–607.

2. Михайлова, Е. В. Конституционно-правовые гарантии права на судебную защиту и проблемы их реализации // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2(72). С. 46–52

3. Воронов, А. Ф. Вопросы эффективности судебной системы Российской Федерации // Мировой судья. 2025. № 5. С. 34–37.

4. Анохина, С. Ю. Место судебной защиты в системе государственной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 4. С. 42–49.

5. Сидорчук, А. С. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2024. № 13 (512). С. 165–167.

6. Воронов, А. Ф. Современные проблемы доступности правосудия в Российской Федерации // Мировой судья. 2025. № 3. С. 18–23.

7. Пупанова, Л. Б. Судебная защита права человека в Российской Федерации // Современные студенческие исследования: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 127–131.

УДК 347.9

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Становкина Анна Викторовна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st803616@ruc.su

PRINCIPLES OF IMPLEMENTATION OF JUDICIAL PROTECTION

Stanovkina Anna Viktorovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена комплексному анализу принципов осуществления судебной защиты как основополагающих начал, определяющих содержание и механизм реализации конституционного права на судебную защиту. Рассматриваются конституционные (доступность правосудия, законность), межотраслевые (состязательность, диспозитивность) и организационные (независимость судей, гласность) принципы, раскрывается их содержание и взаимосвязь. Особое внимание уделяется проблемам реализации принципов в современных условиях, включая вопросы доступности правосудия в контексте судебной реформы, цифровизации судопроизводства и высокой судебной нагрузки.

Ключевые слова: судебная защита, принципы правосудия, доступность правосудия, состязательность, диспозитивность, законность, справедливость, независимость судей, правовая определенность.

This article provides a comprehensive analysis of the principles of judicial protection as fundamental principles that determine the content and mechanism for implementing the constitutional right to judicial protection. It examines constitutional (access to justice, legality), interdisciplinary (adversarial proceedings, discretionary nature), and organizational (independence of judges, transparency) principles, exploring their content and interrelationships. Particular attention is paid to the problems of implementing the principles in modern conditions, including issues of access to justice in the context of judicial reform, digitalization of legal proceedings, and high judicial workload.

Keywords: judicial protection, principles of justice, accessibility of justice, adversarial proceedings, discretion, legality, fairness, independence of judges, legal certainty.

Принципы осуществления судебной защиты представляют собой фундаментальные начала, определяющие сущность, содержание и механизм реализации конституционного права на судебную защиту. В современной юридической науке под принципами понимаются закрепленные в нормах права основополагающие идеи, которые пронизывают всю систему судоустройства и судопроизводства, обеспечивая единообразие правоприменительной практики и гарантированность защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Системный характер принципов судебной защиты обусловлен их закреплением на различных уровнях правового регулирования: конституционном, международно-правовом и отраслевом, что создает многоуровневую систему гарантий прав личности в сфере правосудия.

Право на судебную защиту является емким и многоаспектным понятием, существо которого состоит как в возможности обратиться в суд, так и в возможности реально защитить свои права в судебном порядке. В содержание данного права входит совокупность правовых возможностей: обращение в суд; осуществление процессуальных прав в судебном разбирательстве; справедливое, объективное и независимое судебное разбирательство; законный и обоснованный судебный акт; его обжалование и реальное исполнение. Каждый из названных элементов обеспечивается действием определенных принципов, образующих в своей совокупности гарантирующий механизм судебной защиты [1, С. 204].

Конституционные принципы судебной защиты образуют нормативную основу всей системы правосудия. Принцип осуществления правосудия только судом, закрепленный в статье 118 Конституции РФ, имеет фундаментальное значение, поскольку определяет исключительную компетенцию судебной власти по разрешению правовых конфликтов. Данный принцип не допускает передачу полномочий по отправлению правосудия никаким другим органам власти, а в условиях цифровизации актуализируется вопрос о недопустимости передачи таких полномочий компьютерным программам и алгоритмам искусственного интеллекта. Судебная защита сохраняет свою специфику как акт властного волеизъявления, исходящий от судьи – носителя судебной власти, действующего на основе внутреннего убеждения и при непосредственном исследовании доказательств.

Принцип доступности правосудия является одной из важнейших гарантий реализации права на судебную защиту. Доступность предполагает не только формальную возможность обратиться в суд, но и реальную способность лица использовать механизмы судебной защиты с учетом организационных, финансовых и временных факторов. В научной литературе выделяются две основные составляющие доступности: отсутствие неоправданных процедурных барьеров (чрезмерных судебных расходов, сложных формальностей) и территориальная приближенность судов к населению. Современное состояние доступности правосудия характеризуется рядом проблем, включая высокую судебную нагрузку, которая в настоящее время составляет в среднем 90–100 дел на одного судью в месяц. Такие показатели вряд ли можно назвать комфортными для качественного осуществления судопроизводства, что непосредственным образом влияет на реальную доступность эффективной судебной защиты.

Актуальные дискуссии о доступности правосудия связаны с проводимой реформой системы пересмотра судебных решений. Как отмечается экспертами, перевод кассационной инстанции на уровень субъектов Российской Федерации, с одной стороны, объективно делает правосудие доступнее для людей, у которых нет возможности приехать в федеральные кассационные суды из-за логистических, финансовых и других трудностей. Однако, с другой стороны, возврат кассации на уровень субъектов создает риск формирования «региональных стандартов» правосудия по массовым категориям дел, что ставит вопрос о необходимости эффективных сдерживающих механизмов, обеспечивающих единство судебной практики.

Принцип законности пронизывает всю деятельность по осуществлению судебной защиты, требуя от суда правильного применения норм материального и процессуального права, а от сторон – добро-

совестного использования своих процессуальных прав. При реализации данного принципа особое значение приобретает проблема баланса между формальными требованиями закона и необходимостью обеспечения справедливого разрешения дела по существу. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что гарантированное государством право на судебную защиту не может превалировать над принципом правовой определенности как одним из основополагающих аспектов требования верховенства права, вытекающего из принципа правового государства. Требование правовой определенности предполагает необходимость обеспечения стабильности сложившихся правоотношений, что, в частности, выражается в институтах процессуальных сроков, пресекательных характерах стадий обжалования и других механизмах, обеспечивающих незыблемость судебных актов, вступивших в законную силу [2, С. 43–44].

Межотраслевые принципы судопроизводства действуют в нескольких видах судопроизводства, обеспечивая единство подходов к осуществлению судебной защиты независимо от характера рассматриваемого спора. Принцип состязательности закреплен в статье 123 Конституции РФ и раскрывается в отраслевых процессуальных кодексах. Его сущность заключается в разделении процессуальных функций сторон и суда: стороны наделяются равными процессуальными возможностями по отстаиванию своей позиции, представлению доказательств и заявлению ходатайств, а суд, сохраняя независимость и объективность, руководит процессом, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств и принимает решение по делу. В контексте судебной защиты состязательность выступает инструментом, позволяющим лицу активно отстаивать свои интересы и влиять на исход дела.

Принцип диспозитивности характеризует степень свободы участников процесса в распоряжении своими материальными и процессуальными правами. Именно этот принцип обеспечивает инициативный характер судебной защиты: лицо самостоятельно решает, обращаться ли ему в суд, определяет предмет и основание иска, может изменить требования или отказаться от иска, заключить мировое соглашение. Средством возбуждения деятельности по осуществлению судебной защиты выступает, по общему правилу, иск – обращенное к суду требование об отправлении правосудия. В науке сохраняется дискуссия относительно соотношения права на судебную защиту и права на обращение в суд: одни авторы рассматривают право на судебную защиту как субъективное материальное право, средством реализации которого является право на обращение за судебной защитой; другие полностью отождествляют эти понятия; третьи рассматривают право на судебную защиту в двух аспектах – как право на обращение за защитой и право на получение защиты.

Организационные принципы деятельности судебной власти создают институциональные гарантии справедливого правосудия. Принцип независимости судей, закрепленный в статье 120 Конституции РФ, является важнейшей гарантией объективной и беспристрастной судебной защиты. Независимость означает, что судьи подчиняются только Конституции и федеральному закону, исключается какое-либо вмешательство в деятельность судей со стороны органов государственной власти, организаций или граждан. В отличие от иных органов государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих защиту прав граждан в качестве одной из своих функций, задача защиты прав и свобод является основной функцией органов всей судебной системы, что требует особых гарантий независимости. В современной научной литературе подчеркивается, что судебная власть должна выступать как «ум, честь и совесть» государства, что предполагает не только формальную независимость, но и высокий уровень правосознания и нравственности судей [3, С. 45].

Принцип гласности судопроизводства предполагает открытое разбирательство дел во всех судах, обеспечивая прозрачность правосудия, возможность общественного контроля и способствуя повышению доверия к суду. Однако в современных условиях наблюдается определенное противоречие: развитие примирительных процедур (медиации, судебного примирения) требует конфиденциальности, что может вступать в конфликт с конституционным принципом гласности. Ряд исследователей предлагают законодательно разграничивать публичные судебные процессы и конфиденциальные примирительные процедуры, что позволит сохранить баланс между открытостью правосудия и эффективностью внесудебного урегулирования споров.

Принцип справедливости судебного разбирательства занимает особое место в системе принципов судебной защиты. Понятие справедливости в правосудии включает как процессуальные аспекты (беспристрастность суда, состязательность, равноправие сторон), так и материально-правовые (соразмерность защиты нарушенному праву, учет всех значимых обстоятельств дела). Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. При этом справедливость судебного акта не может быть обеспечена исключительно

формальным соблюдением процессуальных норм – требуется учет существа спора, особенностей конкретной ситуации и действительной воли законодателя.

Важным аспектом реализации принципов судебной защиты является их дифференциация в зависимости от вида судопроизводства. В гражданском процессе акцент делается на диспозитивности и состязательности равных субъектов. В административном судопроизводстве, напротив, проявляется публично-правовая природа споров, что накладывает отпечаток на реализацию принципа состязательности (например, обязанность административного ответчика доказывать законность своих действий). Судебная защита субъективных публичных прав, закрепленных в административно-правовых нормах, должна гарантировать правовую безопасность как для граждан, так и для организаций в их взаимодействии с государственными структурами. В уголовном процессе ключевое значение приобретает принцип презумпции невиновности, который определяет особое положение обвиняемого как стороны защиты.

Современные тенденции развития судебной защиты характеризуются поиском оптимального баланса между различными принципами, а также адаптацией традиционных начал правосудия к новым социально-экономическим условиям. Одной из таких тенденций является развитие примирительных процедур, направленных на разрешение не только спора, но и конфликта в целом. Как справедливо отмечается в научной литературе, судебная защита и обращение к ней должны быть исключительным, а не единственным вариантом пресечения нарушений прав. Для изменения сложившейся ситуации стратегически важным является развитие различных форм внесудебного разрешения конфликтов, что требует переосмысления соотношения диспозитивных начал, преобладающих в примирительных порядках, и жестких нормативных правил, регламентирующих судопроизводство.

Цифровизация правосудия также оказывает существенное влияние на реализацию принципов судебной защиты. Развитие технологий электронного правосудия, внедрение автоматизированных систем распределения дел и электронного документооборота создают новые возможности для обеспечения доступности и оперативности правосудия. Однако, как подчеркивается в литературе, процесс цифровизации не должен подменять собой сущностные характеристики судебной деятельности, требующие живого восприятия обстоятельств дела и оценки доказательств по внутреннему убеждению. Принцип непосредственности судебного разбирательства сохраняет свое значение даже в условиях широкого использования информационных технологий [4, С. 3–4].

Особого внимания заслуживает вопрос о реализации принципов судебной защиты в условиях антикризисных мер и внешнего санкционного давления. Как отмечается исследователями, условия, в которых российское государство развивается в настоящее время, сопряженные с необходимостью противостоять незаконным действиям некоторых других государств, требуют обратить особое внимание законодателя именно на сферу защиты гражданских прав, свобод и законных интересов – тем более что наиболее сильное давление испытывают именно экономика и область предпринимательской деятельности. От эффективности и оперативности судебной защиты напрямую зависит качество принимаемых антикризисных мер, которые при неудовлетворительной работе судебной системы могут быть бесполезными и даже вредными [5, С. 22].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что принципы осуществления судебной защиты образуют сложную, иерархически организованную систему, эффективность которой зависит от согласованного действия всех ее элементов. Конституционные принципы задают общие параметры судебной защиты, межотраслевые определяют процессуальный механизм ее реализации, а организационные создают институциональные гарантии независимого и справедливого правосудия. Современное развитие системы принципов судебной защиты характеризуется поиском баланса между традиционными началами правосудия и новыми вызовами, включая необходимость снижения судебной нагрузки, развитие примирительных процедур и цифровизацию судопроизводства. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на обеспечение реальной, а не декларативной судебной защиты, соответствующей высоким стандартам правового государства и верховенства права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасаев, Х. А. Судебная защита как один из способов восстановления нарушенных субъективных гражданских прав // Молодой ученый. 2025. № 17 (568). С. 203–206.

2. Гизатуллин, И. А. Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 2. С. 43–44.

3. Иванченкова, Е. В. Судебная власть в системе защиты частных и публичных прав в условиях реализации антикризисных мер // Российский судья. 2024. № 1. С. 43–47.

4. Зорькин, В. Д. Судебная власть перед вызовами времени // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 2. С. 1–6.

5. Воронов, А. Ф. Современные проблемы доступности правосудия в Российской Федерации // Мировой судья. 2025. № 3. С. 18–23.

УДК 347.9

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И СПОСОБОВ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

Становкина Анна Викторовна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st803616@ruc.su

EVOLUTION OF FORMS AND METHODS OF JUDICIAL PROTECTION IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM (HISTORICAL ASPECT AND MODERN TRENDS)

Stanovkina Anna Viktorovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию эволюции форм и способов судебной защиты в российской правовой системе в исторической ретроспективе и на современном этапе. Анализируются основные этапы становления института судебной защиты. Особое внимание уделяется современным тенденциям: цифровизации правосудия, изменению правил подведомственности и подсудности, унификации цивилистического процесса, развитию примирительных процедур, а также поиску баланса между гуманизацией судопроизводства и защитой прав потерпевших. Обосновывается вывод о преемственности отдельных принципов и институтов при качественном обновлении механизмов судебной защиты в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: судебная защита, эволюция права, история правосудия, Судебная реформа 1864 года, советский период, цифровизация правосудия, доступность правосудия, примирительные процедуры, унификация процесса, гуманизация.

This article examines the evolution of forms and methods of judicial protection in the Russian legal system, both historically and in the present day. It analyzes the main stages in the development of judicial protection. Particular attention is paid to contemporary trends: the digitalization of justice, changes to the rules of jurisdiction and venue, the unification of civil proceedings, the development of conciliation procedures, and the search for a balance between the humanization of legal proceedings and the protection of victims' rights. The conclusion is substantiated regarding the continuity of certain principles and institutions while qualitatively updating judicial protection mechanisms in the face of modern challenges.

Keywords: Judicial protection, evolution of law, history of justice, Judicial reform of 1864, Soviet period, digitalization of justice, accessibility of justice, conciliation procedures, unification of the process, humanization.

Институт судебной защиты в российской правовой системе прошел длительный и сложный путь развития, отражающий общие закономерности эволюции отечественной государственности и права. Понимание исторической динамики форм и способов защиты прав имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет выявить устойчивые закономерности, оценить преемственность правовых институтов и определить перспективные направления совершенствования современного механизма судебной защиты [1, С. 52]. Как справедливо отмечается в современной историко-правовой литературе, в государственно-правовой истории России не сложился комплексный правовой институт судебной защиты, который можно было бы взять за основу для современной России и, на основе метода рецепции, «перенести» на другую «почву», как это наблюдалось в странах романо-германской правовой традиции применительно к рецепции римского частного права. Однако отдельные модели, образцы и принципы правового регулирования, выработанные в ходе исторического развития, сохраняют свое значение и сегодня.

Истоки российской судебной защиты восходят к древнерусскому праву, где защита прав осуществлялась в основном в рамках общинного правосудия и княжеского суда. В этот период формы защиты носили преимущественно состязательный характер, а способы защиты ограничивались восстановлением нарушенного владения и компенсацией причиненного вреда. Важной вехой стало появление института представительства, которое в древнерусский период осуществлялось родственниками, соседями или холопами, выполнявшими функцию «послухов» или «пособников». Однако профессиональная защита в современном понимании отсутствовала, а само судопроизводство характеризовалось отсутствием четкого разграничения между уголовным и гражданским процессом.

Существенный прорыв в развитии форм и способов судебной защиты произошел в результате Судебной реформы 1864 года, которая по праву считается одной из наиболее последовательных и глубоких судебных реформ в российской истории. Судебные уставы 1864 года ввели принципиально новые для России институты: состязательность процесса, независимость судей, гласность судопроизводства, суд присяжных, адвокатуру. Как отмечают исследователи, особое значение не только в доктринальном, но и в практическом плане имеет оценка особенностей становления – на основе идей Судебной реформы 1864 года – правотворческой функции отечественного суда, зарождение национальной модели прецедентных начал и создание предпосылок для формирования судебного права [2, С. 130]. Правительствующему Сенату отводилась роль высшего судебного органа, обеспечивающего единство судебной практики и формирующего прецеденты толкования закона.

Реформа 1864 года создала стройную систему судебных органов: мировые судьи для рассмотрения малозначительных дел, окружные суды и судебные палаты. Появилась апелляционная и кассационная инстанции, что обеспечило многоуровневую защиту прав участников процесса. Институт присяжных поверенных (адвокатуры) стал профессиональной основой для реализации права на защиту, а принцип состязательности превратил судебный процесс из инквизиционного в публичное состязание сторон. Способы судебной защиты существенно расширились: помимо традиционного иска, появились возможности обжалования судебных решений, заявления отводов, представления доказательств и участия в их исследовании.

Октябрьская революция 1917 года привела к радикальному слому дореволюционной судебной системы и формированию принципиально иной модели судебной защиты, основанной на классовых подходах и отрицании принципа разделения властей. Советский период развития института судебной защиты, как обоснованно отмечается в современной литературе, развивался довольно дискретно, имелись крупные эпохальные «повороты» и кардинальные политико-правовые изменения. Первые декреты советской власти упразднили старую судебную систему, адвокатуру и прокуратуру, заменив их местными судами, революционными трибуналами и коллегиями правозаступников [3].

Конституция РСФСР 1918 года и последующее законодательство закрепили приоритет классовых интересов над индивидуальными правами. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года провозгласили отказ от формальных юридических конструкций в пользу «целесообразности» и «революционного правосознания». В этих условиях судебная защита приобрела ярко выраженный идеологический характер, а ее эффективность зависела не столько от формальных процессуальных гарантий, сколько от политической лояльности участников процесса.

Определенная либерализация произошла в период нэпа, когда были приняты первые советские кодексы – Уголовный кодекс 1922 года и Гражданский кодекс 1922 года. Однако, как отмечают историки права, «право как отражение политического курса советского государства» продолжало оставаться инструментом классовой борьбы. Положение усугублялось в периоды усиления репрессивной политики, особенно в 1930-е годы, когда внесудебные органы (особые совещания, «тройки») фактически подменили собой судебную защиту.

Конституция СССР 1936 года формально провозгласила принципы независимости судей и осуществления правосудия только судом. Однако на практике сохранялась жесткая партийно-государственная вертикаль, а суды оставались частью репрессивного механизма. Участие народных заседателей в отправлении правосудия, призванное обеспечить демократизм судопроизводства, часто носило формальный характер. В послевоенный период и вплоть до 1980-х годов судебная защита постепенно приобретала более упорядоченные процессуальные формы, но сохраняла идеологическую обусловленность и ограничения, связанные с приоритетом государственных интересов [4, С. 19-20].

Качественно новый этап в эволюции форм и способов судебной защиты начался во второй половине 1980-х годов и получил конституционное закрепление в Конституции Российской Федерации 1993 года. Статья 46 Конституции провозгласила, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а решения и действия органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Это означало переход от советской модели ограниченной защиты к универсальной судебной защите, охватывающей все сферы правовых отношений.

Постсоветский период характеризовался активным реформированием процессуального законодательства. Были приняты новые Гражданский процессуальный кодекс (2002), Арбитражный процессуальный кодекс (2002), Уголовно-процессуальный кодекс (2001), а позднее – Кодекс административного судопроизводства (2015). Создание системы арбитражных судов обеспечило специализированную защиту прав предпринимателей, а воссоздание мировой юстиции приблизило правосудие к населению. Важным этапом стало объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в 2014 году, что положило начало унификации подходов к судебной защите в гражданско-правовой сфере.

Современные тенденции развития форм и способов судебной защиты характеризуются несколькими ключевыми направлениями. Во-первых, это цифровизация правосудия, которая трансформирует как формы судопроизводства, так и способы защиты прав. Внедрение систем электронного правосудия (ГАС «Правосудие», системы электронной подачи документов в арбитражных судах) существенно упростило доступ к суду и ускорило документооборот. Как отмечает новый председатель Верховного Суда РФ Игорь Краснов, «цифровизация – это уже даже не задача, мы все уже живем в цифровой среде. Самое главное, чтобы цифровизация была надёжна, безопасна для людей и доступна». В научной литературе подчеркивается, что информационные технологии должны войти в судебную систему, чтобы обновить судебную процедуру, например, малозначительные дела могут рассматриваться в суде исключительно в электронном порядке.

Однако цифровизация порождает и новые вызовы. Особую озабоченность вызывает риск «алгоритмической несправедливости» – когда искусственный интеллект, обученный на предвзятых данных, воспроизводит или даже усиливает неравенство. Поэтому ключевым условием этичного использования ИИ в правосудии должна стать не только технологическая надёжность, но и ориентация на человека. Активно обсуждаются вопросы стандартизации электронных доказательств, использования криптовалют в судебных спорах, защиты прав в цифровой среде [5, С. 93].

Во-вторых, происходит трансформация института подведомственности и подсудности. Как отмечают исследователи, с 2018 года термин «подведомственность» не применяется к гражданскому судопроизводству, поскольку законодатель счел его устаревшим после создания единого Верховного Суда. Однако явление, обозначаемое этим термином, сохраняет свое значение, поскольку правила подведомственности распределяют дела между судебными и несудебными органами и позволяют выявлять случаи, не подлежащие государственной защите. Современные тенденции включают оптимизацию судебной компетенции, создание новых правил подсудности без нарушения конституционного права на судебную защиту, а также развитие критериев отнесения дел к несудебной юрисдикции.

В-третьих, наблюдается тенденция к унификации цивилистического процесса. Объединение Верховного Суда создало предпосылки для сближения гражданского и арбитражного процессов, что проявляется в унификации правил доказывания, порядка пересмотра судебных актов, институтов обеспечительных мер. Как отмечается в литературе, унификация цивилистического процесса рассматривается как фактор снижения нагрузки на судебную систему и обеспечения единообразия судебной практики.

В-четвертых, существенное развитие получают примирительные процедуры и альтернативные способы урегулирования споров. Медиация, судебное примирение, третейское разбирательство рассматриваются как эффективные способы разгрузки судебной системы и обеспечения более гибкого разрешения конфликтов. Как подчеркивается в научной литературе, судебная защита и обращение к ней должны быть исключительным, а не единственным вариантом пресечения нарушений прав. Стратегически важным является развитие различных форм внесудебного разрешения конфликтов, что требует переосмысления соотношения диспозитивных начал, преобладающих в примирительных порядках, и жестких нормативных правил, регламентирующих судопроизводство.

В-пятых, современная судебная защита характеризуется гуманизацией при сохранении баланса с защитой прав потерпевших. Как отмечается в выступлениях руководства Верховного Суда, гуманизация является определенным общим трендом в праве, что подтверждается позицией Президента РФ и судебной практикой. Суды все чаще применяют альтернативные лишению свободы меры наказания, активно используют институт судебного штрафа, расширяют практику прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. По итогам 2024 года суды прекратили почти каждое пятое уголовное преследование, а лишение свободы назначили лишь трети осужденных. При этом важной задачей остается обеспечение прав потерпевших и недопущение формирования у обвиняемых необоснованных преференций перед законом.

В-шестых, наблюдается усложнение судебных споров и рост их стоимости. Как отмечается в обзорах судебной практики, судебные споры становятся дороже и сложнее, бизнес ищет способы разделить риски и расходы, появляются новые формы финансирования судебных процессов (например, привлечение инвесторов, оплачивающих процесс в обмен на долю в выигрыше). Верховный Суд подтвердил, что такая модель не нарушает адвокатскую этику, что открывает новые возможности для доступа к правосудию [6, С. 44–45].

Особого внимания заслуживает эволюция института субсидиарной ответственности в банкротных спорах, которая стала главным инструментом возврата долгов. Удовлетворяется уже более половины таких заявлений, а кредиторы все чаще отказываются от банкротства «пустых» компаний в пользу прямой внебанкротной субсидиарной ответственности. При этом Верховный Суд развивает практику дифференциации ответственности, позволяя снижать размер ответственности для отдельных лиц с учетом их роли в банкротстве [7, С. 16].

Важной тенденцией является также расширение международного измерения судебной защиты. В условиях санкционного давления и ограничения доступа к иностранным судам российские суды все чаще рассматривают споры вопреки арбитражным оговоркам, если санкции препятствуют обращению в иностранный суд. Появляется практика банкротства иностранных компаний в российских судах, что создает новые возможности для защиты прав российских кредиторов. При этом сохраняются сложности, связанные с признанием и исполнением российских судебных решений за рубежом, что требует развития международного сотрудничества и поиска новых правовых механизмов [8, С. 302–303].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция форм и способов судебной защиты в российской правовой системе представляет собой сложный, многоэтапный процесс, в котором прослеживаются как элементы преемственности, так и качественные разрывы, обусловленные сменой политических режимов и идеологических парадигм. Дореволюционный период заложил фундаментальные принципы состязательности, независимости суда и профессиональной защиты. Советский период, несмотря на идеологическую ограниченность и дискретность развития, сохранил отдельные процессуальные институты и обеспечил преемственность судебной системы.

Современный этап характеризуется конституционным закреплением универсального права на судебную защиту, активным реформированием процессуального законодательства и поиском адекватных ответов на новые вызовы, связанные с цифровизацией, усложнением экономических отношений и трансформацией международного правопорядка.

Дальнейшее развитие форм и способов судебной защиты должно быть направлено на обеспечение реальной, а не декларативной доступности правосудия, сочетание традиционных процессуальных гарантий с новыми технологическими возможностями, а также на поиск оптимального баланса между публичными и частными интересами в сфере судебной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волченко, О. Ю. Советский историко-правовой опыт в генезисе института судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1. С. 49–55.

2. Пупанова, Л. Б. Судебная защита права человека в Российской Федерации // Современные студенческие исследования: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 127–131.

3. Новые векторы развития судебной системы // Фонд поддержки пострадавших от преступлений. 2025. 24 сентября. // URL: https: fondpp.org/news

4. Ренц, И. Г., Ярков В. В. Эволюция пределов судебной защиты, или Куда идем, товарищи? // Закон. 2025. № 4. С. 12–24.

5. Бондарь, Н. С., Краковский К. П. У истоков национальной модели прецедентных начал, судебного правотворчества и судебного права (в свете великой Судебной реформы 1864 года) // Закон. 2025. № 4. С. 86–98.

6. Янкина, А. А. Судебная защита, как одно из основных механизмов государства // Студенческий. 2024. № 34-4(288). С. 44–45.

7. Ахмедов, З. Д. Судебная защита национальных интересов // Модернизация конституционных категорий современных государств: Материалы XVI Международного Конституционного Форума, посвященного 115-летию СГУ имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2025. С. 15–19.

8. Воронина, Н. А. «Доступ к правосудию» и «судебная защита»: соотношение понятий // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7(170). С. 302–303.

УДК 343.3/.7

ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И КОМПАРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ США И ЕВРОПЫ

Стрелков Иван Валерьевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: strelkov@ruc.su

EXTREMISM IN RUSSIAN AND FOREIGN CRIMINAL LAW: CONCEPT, HISTORICAL EVOLUTION, AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF U.S. AND EUROPEAN MODELS

Strelkov Ivan Valerievich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье анализируются понятие и признаки экстремизма в российском праве, а также сопоставляются российская, американская и европейская модели его уголовно правовой регламентации, учитывающие баланс между противодействием насильственным проявлениям и защитой свободы выражения мнения.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, свобода выражения мнения, насильственный экстремизм, преступления на почве ненависти, терроризм.

The article analyzes the concept and features of extremism in Russian law, and compares the Russian, American, and European models of its criminal legal regulation, taking into account the balance between countering violent manifestations and protecting freedom of expression.

Keywords: extremism, extremist activities, crimes of extremist orientation, freedom of expression, violent extremism, hate crimes, terrorism.

Российское законодательство в сфере противодействия экстремизму, сформированное в основном в начале 2000 х годов и впоследствии неоднократно корректировавшееся, до настоящего времени не

отличается достаточной системностью и понятийной определенностью. Оно не всегда обеспечивает надлежащую уголовно правовую оценку всех проявлений экстремистской деятельности и их чёткое отграничение от смежных составов преступлений, связанных с нарушением общественного порядка, разжиганием ненависти либо посягательством на основы конституционного строя [1].

Анализ действующего правового регулирования и доктринальных подходов показывает, что категория «экстремизм» по своему содержанию превосходит по объему легально закрепленную дефиницию «экстремистская деятельность». Обобщая существующие доктринальные подходы, экстремизм целесообразно понимать как социально опасное явление, выражающееся в системе радикальных политических, религиозных либо иных установок и соответствующей деятельности лиц или объединений, направленных на существенное преобразование или подрыв сложившегося общественного и государственно правового порядка преимущественно противоправными, в том числе насильственными способами, сопряжёнными с разжиганием ненависти, вражды либо иными формами подрыва общественной безопасности.

В условиях глобализации экстремизм утрачивает исключительно внутригосударственный характер и всё в большей степени проявляет себя как транснациональный криминогенный феномен, эффективность противодействия которому во многом предопределяет перспективы сохранения существующих моделей государственного и общественного устройства [2].

Представляется, что для уяснения содержания рассматриваемой категории весьма значимым является и её историко этимологический аспект. Термин «экстремизм» восходит к латинскому extremus («крайний»), что первоначально отражало идею о предельности позиций и используемых средств. В научной и общественно политической литературе данный термин закрепился как обозначение крайних, радикальных форм идей и соответствующей практической деятельности [3]. В работах, посвящённых генезису понятия экстремизма, обращается внимание на то, что уже Ш. Л. Монтескьё использовал его в преимущественно негативном значении, тогда как во второй половине XIX в. концептуализация экстремизма получила дальнейшее развитие в публикациях немецкого публициста К. Гейнцена, подчёркивавшего, что действия даже небольших экстремистских групп способны породить состояние хаоса и дестабилизировать государственный порядок [4-5]. В российской действительности термин «экстремизм» вошёл в устойчивый оборот в связи с событиями 1917 г. и периодом Гражданской войны [6]. При этом характер его употребления зависел от политической позиции: выражение «революционный экстремизм» могло использоваться как в положительном смысле в отношении сторонников большевистского движения, так и в явно негативном – применительно к его оппонентам.

На этом фоне переход от междисциплинарных (исторических, политологических, социологических) подходов к экстремизму к его юридическому осмыслению выявляет существенное расхождение между доктринальными конструкциями и действующим законодательством. В российском праве до настоящего времени отсутствует собственная легальная дефиниция экстремизма. Уголовный кодекс РФ содержит лишь совокупность составов преступлений экстремистской направленности, тогда как Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» фактически сводит данную категорию к перечислению деяний, признаваемых экстремистской деятельностью.

Сказанное обусловливает обращение к историко сравнительному анализу, позволяющему сопоставить российский подход к формированию категории экстремизма с решениями, реализованными в правопорядках зарубежных государств (прежде всего США и государств Европы).

С этой точки зрения особенно показательно сопоставление с англосаксской правовой семьёй, в частности, с правопорядком США, где термин «extremism» практически не используется в тексте уголовно правовых норм и выполняет преимущественно политико аналитическую, а не юридико техническую функцию. В официальных документах федеральные органы Министерство юстиции, ФБР, Министерство внутренней безопасности оперируют, как правило, конструкциями «violent extremism», «domestic violent extremism» и «domestic terrorism», акцентируя, что предметом уголовно правового реагирования выступают насильственные действия либо подготовка к ним, а не сама по себе радикальность убеждений.

В стратегических документах по противодействию внутреннему терроризму и насильственному экстремизму фиксируется рост числа расследований по делам о «domestic terrorism» и «racially or ethnically motivated violent extremism», однако даже в этих материалах соответствующие явления описываются через совокупность уже существующих составов – заговор, незаконный оборот оружия, нападение, убийство и т.п., а не через единую норму «об экстремизме» по образцу российского законодательства.

Тем самым американский правопорядок избегает превращения «экстремизма» в самостоятельный уголовно правовой состав и, напротив, дифференцирует соответствующие деяния на отдельные преступления, в рамках которых идеологический или дискриминационный мотив учитывается в качестве обязательного признака состава либо квалифицирующего обстоятельства.

Существенное отличие американской модели обусловлено конституционными гарантиями свободы слова и особенностями их толкования Верховным судом США. Первая поправка к Конституции США, как она интерпретируется Верховным судом, допускает уголовно правовое вмешательство в сферу выражения мнений лишь в исключительных случаях, когда речь превращается в подстрекательство к немедленным противоправным действиям либо в так называемую «истинную угрозу».

В прецеденте Brandenburg v. Ohio сформулирован критерий «imminent lawless action», согласно которому государство вправе ограничивать свободу выражения мнений лишь в тех случаях, когда соответствующие высказывания направлены на подстрекательство к немедленным противоправным действиям и создают реальную вероятность их совершения [7]. Соответственно, абстрактные радикальные высказывания, включая идеологически крайние оценки и лозунги, в общем случае остаются конституционно защищёнными и не образуют самостоятельного основания для уголовной ответственности. В совокупности с отсутствием единой уголовно правовой нормы об экстремизме это приводит к тому, что в США объектом уголовного преследования выступают прежде всего акты насилия, а также конкретные формы угроз и подстрекательства, квалифицируемые по специальным составам, тогда как экстремистские убеждения как таковые, даже будучи социально опасными, в значительной степени остаются вне сферы прямой уголовно правовой оценки.

По сравнению с российским подходом, в рамках которого экстремизм нормативно конструируется как обобщающая категория, включающая широкий перечень деяний, американская модель демонстрирует приоритет защиты свободы выражения мнения над задачами превентивного воздействия на радикальные убеждения, а уголовно правовая реакция ориентируется преимущественно на насильственные действия, угрозы и подстрекательство к ним.

В европейском правопорядке регулирование явлений, близких по своему содержанию к экстремизму, в значительной степени опирается на наднациональные стандарты Совета Европы и Европейского союза. Европейский суд по правам человека, исходя из статей 10 и 17 Конвенции, допускает более широкий, чем в США, объём ограничений свободы выражения мнения в отношении расистской и иной разжигающей ненависть риторики, признавая недопустимым использование конвенционных прав для подрыва демократического строя и прав других лиц.

На уровне права Европейского союза Рамочное решение Совета 2008/913/JHA исходит из необходимости осуществления государствами членами криминализации наиболее серьёзных форм публичного подстрекательства к насилию и ненависти по признаку расы, религии, национальной или этнической принадлежности, а также отрицания и оправдания геноцида и иных тяжких международных преступлений [8]. В результате в большинстве европейских стран деяния, которые в российской доктрине и законодательстве объединяются понятием экстремистской деятельности, квалифицируются как преступления на почве ненависти, посягательства на конституционный строй либо террористические преступления. При этом по сравнению с американским правом в европейской модели в целом устанавливаются более жёсткие ограничения для радикальных высказываний в публичном пространстве.

Таким образом сопоставление российской, американской и европейской моделей в рамках компаративного анализа свидетельствует о принципиально различных подходах к определению и уголовно правовой регламентации экстремизма. В российском праве экстремизм выступает в качестве обобщающей категории, нормативно закреплённой через специальный закон и систему составов экстремистской направленности, что обеспечивает широкий охват соответствующих проявлений, но одновременно осложняет их чёткое разграничение с иными преступлениями, в том числе террористического характера и преступлениями, связанными с нарушением общественного порядка и разжиганием ненависти.

В США отсутствует единая уголовно правовая норма об экстремизме, а уголовное преследование преимущественно ориентируется на насильственные действия, а также конкретные формы угроз и подстрекательства, при максимально возможной, в условиях действия Первой поправки к Конституции США и сформулированных Верховным судом критериев допустимого ограничения свободы выражения, защите радикальных высказываний.

В странах Европы, опирающихся на стандарты Совета Европы и Европейского союза, сходные по своему содержанию явления институционализируются преимущественно в рамках составов преступлений на почве ненависти, посягательств на конституционный строй и террористических преступле-

ний, при более жёстком, чем в американском праве, режиме допустимых ограничений публичных высказываний, содержащих элементы разжигания ненависти, вражды либо оправдания насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахъядов, Э. С. Сравнение законодательного регулирования экстремизма в России и зарубежных государствах / Э. С. Ахъядов // Закон и право. 2024. № 11. С. 185–188.
2. Турышев, А. А. Экстремистский мотив преступления / А. А. Турышев, Р. Р. Абдулганеев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №1 (35). С. 103–109.
3. Рузавина, А. К. Определение экстремизма в современном научном дискурсе / А. К. Рузавина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. №.1. С. 9–15.
4. Корнилов, Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма / Т. А. Корнилов // Российский следователь. 2011. № 17. С. 23–25.
5. Воронцов, С. А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки / С. А. Воронцов // Философия права. 2007. № 4. С. 65–71.
6. Антюхов, Ю. В. История значения понятия экстремизма в России до легализации термина в отечественном законодательстве (историческая ретроспекция) / Ю. В. Антюхов // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 11–16.
7. Юридический словарь и юридическая энциклопедия. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/brandenburg_test
8. Рамочное решение Совета Европейского Союза 2008/913/ПВД от 28 ноября 2008 г. о борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии средствами уголовного права. URL: https://base.garant.ru/2568518/

УДК 343.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Теричева Марина Юрьевна, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810422@ruc.su

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO ACCESS TO JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Tericheva Marina Yurievna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Право на доступ к правосудию представляет собой одну из базовых конституционных гарантий, обеспечивающих защиту прав личности в демократическом государстве. В уголовном судопроизводстве реализация этого права приобретает особую значимость, поскольку затрагивает наиболее острые конфликты между индивидом и государством. Статья анализирует современное состояние механизмов обеспечения доступа к правосудию в российском уголовном процессе, выявляет системные барьеры - экономические, территориальные, информационные - препятствующие полноценной реализации этого права. Рассматриваются практические аспекты функционирования института бесплатной юридической помощи, цифровизации судопроизводства, упрощенных процедур.

Ключевые слова: доступ к правосудию, уголовное судопроизводство, конституционные гарантии, бесплатная юридическая помощь, цифровизация правосудия, процессуальные барьеры, защита прав личности.

The right to access justice represents one of the fundamental constitutional guarantees ensuring the protection of individual rights in a democratic state. In criminal proceedings, the realization of this right acquires particular significance as it affects the most acute conflicts between the individual and the state. The article analyzes the current state of mechanisms ensuring access to justice in Russian criminal procedure, identifies systemic barriers - economic, territorial, informational - that prevent the full realization of this right. Practical aspects of the functioning of the institution of free legal aid, digitalization of legal proceedings, and simplified procedures are examined.

Keywords: access to justice, criminal proceedings, constitutional guarantees, free legal aid, digitalization of justice, procedural barriers, protection of individual rights.

Концепция доступа к правосудию выходит за рамки формального провозглашения права на судебную защиту. Речь скорее о создании реальных условий, при которых каждый человек может беспрепятственно обратиться в суд и получить квалифицированное рассмотрение своего дела. Конституция Российской Федерации в статье 46 закрепляет фундаментальную гарантию: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Казалось бы, достаточно ясная формулировка, однако практическая реализация этого положения в уголовном процессе сталкивается с множественными препятствиями.

В уголовном судопроизводстве право на доступ к правосудию приобретает двустороннее измерение. С одной стороны, обвиняемый должен иметь возможность защищаться от предъявленного обвинения через механизмы судебного разбирательства. С другой - потерпевший нуждается в доступном способе добиться справедливости и возмещения причиненного вреда. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году районными судами рассмотрено более 728 тысяч уго-

ловных дел [1]. При этом около 18 % обвиняемых не имели защитника на стадии предварительного расследования, хотя впоследствии заявляли о необходимости юридической помощи.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что доступ к правосудию не может быть чисто формальным. В одном из определений 2023 года отмечается: даже наличие законодательно установленной процедуры обращения в суд не обеспечивает автоматически реализацию конституционного права, если существуют фактические препятствия к его осуществлению [2, с. 14]. Это положение особенно актуально для уголовного процесса, где сторона обвинения располагает значительно бóльшими ресурсами – организационными, информационными, финансовыми – по сравнению с частным лицом.

Пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов темы связан с определением пределов государственных обязательств по обеспечению доступа к правосудию. Должно ли государство лишь устранять юридические барьеры или также активно содействовать преодолению барьеров фактических – бедности, неграмотности, территориальной удаленности? Анализ судебной практики показывает постепенное расширение понимания государственных обязанностей в этой сфере. Если ранее считалось достаточным формально закрепить право на защитника, то теперь все чаще поднимается вопрос о качестве предоставляемой юридической помощи и ее реальной эффективности.

Однако практическая реализация этих норм неоднородная. В крупных городах инфраструктура позволяет достаточно эффективно использовать современные технологии, тогда как в отдаленных районах даже базовые процессуальные возможности остаются труднодоступными.

Препятствия в реализации права на доступ к правосудию в уголовном процессе можно условно разделить на несколько групп. Экономические барьеры связаны с необходимостью нести судебные издержки, оплачивать услуги защитника, экспертов, компенсировать транспортные расходы для участия в судебных заседаниях. Территориальные – с удаленностью судебных учреждений от места проживания граждан, особенно в сельской местности и малых городах. Информационные барьеры проявляются в недостаточной правовой грамотности населения, сложности процессуальных процедур, непрозрачности судебной системы для рядовых граждан.

Начнем с экономического измерения проблемы. По данным исследования, проведенного Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2023 году, средняя стоимость услуг адвоката по уголовному делу в регионах России составляет от 80 до 250 тысяч рублей в зависимости от сложности дела и региона [3, с. 82]. Для значительной части населения такие суммы недоступны. При среднемесячной заработной плате в российских регионах около 50 тысяч рублей (данные Росстата за 2024 год) оплата квалифицированного защитника становится непосильным бременем для семейного бюджета.

Институт бесплатной юридической помощи призван компенсировать этот барьер. Федеральный закон № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» устанавливает перечень категорий граждан, имеющих право на такую помощь: инвалиды I и II группы, ветераны Великой Отечественной войны, граждане с доходом ниже прожиточного минимума и другие. Впрочем, эта система функционирует неравномерно. В Москве и Санкт-Петербурге действуют разветвленные сети юридических клиник и адвокатских бюро, участвующих в программах бесплатной помощи. В Псковской, Курганской, Забайкальском крае ситуация иная – дефицит специалистов, готовых работать по государственным расценкам, приводит к тому, что помощь предоставляется формально, без должной подготовки к защите.

Качество бесплатной юридической помощи – болевая точка системы. Исследование Крыловой М. С. и Соколовой Н. В., опубликованное в журнале «Российское правосудие» в 2024 году, выявило: более 40 % обвиняемых, получивших бесплатного защитника, оценивают его работу как неэффективную [4, с. 49]. Основные претензии связаны с формальным подходом к защите, недостаточным временем на консультации, отсутствием активной позиции в судебных прениях. Государственные тарифы на оплату труда адвокатов по назначению не стимулируют качественную работу – средняя выплата составляет около 1800 рублей за один рабочий день, что существенно ниже рыночной стоимости аналогичных услуг.

Территориальная доступность правосудия становится критической проблемой для жителей отдаленных районов. В России насчитывается более 20 тысяч населенных пунктов, удаленных от районного центра на расстояние более 100 километров. Участие в судебных заседаниях для жителя такого села требует многочасовых поездок, часто с ночевкой, что влечет дополнительные расходы. В Республике Саха (Якутия), например, некоторые населенные пункты доступны только авиатранспортом, стоимость билета до районного центра может превышать 30 тысяч рублей. Фактически это делает личное участие в процессе экономически невозможным для большинства жителей.

Цифровизация судопроизводства должна была стать решением проблемы территориальной недоступности. Действительно, с 2022 года активно внедряется участие в судебных заседаниях через системы видеоконференцсвязи. По статистике Судебного департамента, в 2024 году таким образом было проведено более 140 тысяч судебных заседаний по уголовным делам. Однако технические возможности распределены неравномерно. Современное оборудование имеется преимущественно в судах региональных центров и крупных городов. Районные суды небольших городов часто сталкиваются с проблемами качества связи, устаревшим оборудованием, отсутствием технической поддержки.

Информационные барьеры проявляются на всех стадиях уголовного процесса. Граждане зачастую не знают о своих процессуальных правах, не понимают юридической терминологии, не могут самостоятельно составить процессуальные документы. Исследование правовой грамотности населения, проведенное в 2023 году, показало: только 23 % опрошенных правильно ответили на вопросы о базовых процессуальных правах обвиняемого. Сайты судов содержат значительный объем информации, но она представлена в формате, труднодоступном для понимания человека без юридического образования. Попытки внедрения понятных навигаторов по судебной системе предпринимаются в отдельных регионах – Московской, Свердловской областях, – но системного решения пока не выработано.

Стоит сделать оговорку: не все барьеры одинаково значимы для разных категорий участников процесса. Для потерпевших, особенно по тяжким преступлениям против личности, основная проблема часто заключается не в экономических издержках (их несет преимущественно сторона обвинения), а в психологических травмах, длительности процесса, необходимости многократно давать показания, переживая заново травмирующее событие. Здесь доступность правосудия измеряется в категориях эмоциональной переносимости процедуры, наличия психологической поддержки, возможности дистанционного участия без личной встречи с обвиняемым.

Преодоление системных барьеров требует комплексного подхода, сочетающего законодательные изменения, организационные реформы и внедрение технологических решений. Опыт последних лет демонстрирует несколько перспективных направлений.

Реформирование системы бесплатной юридической помощи видится первоочередной задачей. Существующая модель, основанная на низких государственных тарифах, не обеспечивает притока квалифицированных специалистов в эту сферу. Одним из возможных решений может стать создание системы государственных защитников по аналогии с институтом публичных защитников в США или Канаде. Это штатные юристы, получающие фиксированную заработную плату от государства и специализирующиеся исключительно на защите по уголовным делам. В нескольких российских регионах - Татарстане, Новосибирской области – проводились пилотные проекты по созданию региональных служб государственной правовой помощи. Результаты показали повышение качества защиты и удовлетворенности подзащитных, однако широкого распространения эта модель не получила из-за необходимости значительного финансирования [5, с. 225].

Альтернативный подход - существенное повышение тарифов на оплату труда адвокатов по назначению до уровня, сопоставимого с рыночным. В 2024 году Федеральная палата адвокатов РФ направляла в Правительство предложение об увеличении тарифов как минимум в три раза – до 5–6 тысяч рублей за рабочий день. Такое повышение сделало бы работу по назначению экономически привлекательной для опытных специалистов, что естественным образом повысило бы качество защиты. Картина здесь, впрочем, неоднородная: региональные бюджеты не всегда готовы выделять дополнительное финансирование, ссылаясь на недостаток средств при общей социально-экономической напряженности.

Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для преодоления территориальных барьеров. Проект «Электронное правосудие», реализуемый Верховным Судом РФ совместно с Судебным департаментом, предполагает создание единой цифровой платформы для подачи процессуальных документов, ознакомления с материалами дела, участия в судебных заседаниях. К 2025 году планируется обеспечить возможность подачи жалоб и ходатайств в электронном виде по всем категориям уголовных дел. Это существенно упростит доступ к правосудию для жителей отдаленных территорий, снизит транспортные издержки, ускорит документооборот.

Цифровизация судопроизводства открывает новые возможности для преодоления территориальных барьеров и упрощения документооборота. Однако внедрение технологических решений само по себе недостаточно без обеспечения равного доступа к цифровой инфраструктуре и повышения цифровой грамотности уязвимых категорий населения. Наиболее перспективным видится комплексный подход, сочетающий реформирование системы правовой помощи, развитие технологической инфраструктуры, упрощение процессуальных процедур и систематическое правовое просвещение граждан.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении конкретных проблемных зон,

требующих первоочередного внимания законодателя и правоприменителей. Направления дальнейших исследований могут включать сравнительный анализ зарубежных моделей обеспечения доступа к правосудию, оценку эффективности пилотных проектов по внедрению института государственных защитников в российских регионах, изучение влияния медиативных процедур на снижение нагрузки на судебную систему и повышение удовлетворенности участников процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79

2. Беспалов Ю. Ф. Гарантии доступности правосудия в гражданском и уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 12–15. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54217896

3. Поздняков М. Л. Экономические барьеры доступа к правосудию: эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 11. С. 78–94.

4. Крылова М. С., Соколова Н. В. Проблемы реализации права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе // Российское правосудие. 2024. № 3. С. 45–52. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=56893421

5. Данилов В. В. Отдельные проблемы источников и качества исходных данных для криминалистического анализа преступной деятельности в сфере экономики / В. В. Данилов // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. XV Макаркин. науч. чтения / отв. ред. Н. И. Учайкина; Мордов. гуманитар. ин-т. Саранск, 2015. С. 220–226.

УДК 343

НАРКОМАНИЯ И НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Тимошкин Павел Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810656@ruc.su

DRUG ADDICTION AND ILLICIT DRUG TRAFFICKING IN RUSSIA: CURRENT STATE, LEGAL REGULATION AND SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES

Timoshkin Pavel Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье проводится комплексный анализ проблемы наркомании и незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации. Рассматривается современная наркоситуация, характеризующаяся ростом потребления синтетических веществ, смещением возрастных групп потребителей и высокой долей преступлений в сфере незаконного оборота в общей структуре преступности. Детально исследуется правовое регулирование, включая уголовную и административную ответственность за преступления и правонарушения, связанные с наркотиками, а также анализируются статистические данные судебной практики. Особое внимание уделяется социально-экономическим последствиям наркотизации общества, включая прямые и косвенные потери для государства, а также эффективности профилактических и правоохранительных мер. На основе проведенного исследования формулируются выводы и предлагаются рекомендации по оптимизации антинаркотической политики.

Ключевые слова: синтетические вещества, наркомания, наркопреступления, наркотики, уголовный закон, незаконный оборот, наркопреступность, противодействие наркотизму.

This article provides a comprehensive analysis of the problem of drug addiction and illegal drug trafficking in the Russian Federation. The current drug situation is examined, characterized by an increase in the consumption of synthetic substances, a shift in the age groups of consumers, and a high proportion of crimes in the sphere of illegal trafficking in the overall structure of crime. The legal framework, including criminal and administrative liability for drug-related crimes and offences, is examined in detail, and statistical data from judicial practice is analysed. Particular attention is paid to the socio-economic consequences of drug addiction in society, including direct and indirect losses for the state, as well as the effectiveness of preventive and law enforcement measures. Based on the conducted research, conclusions are formulated and recommendations are proposed for optimizing anti-drug policy.

Keywords: synthetic substances, drug addiction, drug-related crimes, drugs, criminal law, illegal trafficking, drug crime, counteraction to drug addiction

Проблема наркомании и незаконного оборота наркотиков остается одним из наиболее серьезных вызовов для национальной безопасности и общественного здоровья Российской Федерации. Данное явление имеет сложную многофакторную природу, тесно переплетаясь с социальными, экономическими, культурными и правовыми аспектами жизни общества. Несмотря на предпринимаемые государством меры, масштабы незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ (НС и ПВ) продолжают представлять существенную угрозу, особенно для молодежной среды [1, С. 27].

Актуальность исследования обусловлена динамичным изменением наркоситуации, включая появ-

ление новых видов синтетических наркотиков, трансформацию рынка и моделей потребления, что требует постоянного мониторинга и корректировки стратегий противодействия. Целью данной статьи является системный анализ современного состояния проблемы наркомании и незаконного оборота наркотиков в России, исследование действующей правовой базы и правоприменительной практики, а также оценка социально-экономических последствий этого явления. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: обобщение данных о текущих тенденциях наркопотребления и наркопреступности, рассмотрение системы уголовной и административной ответственности, анализ статистики судимости, изучение методологии оценки социально-экономического ущерба и мер профилактики.

Наркоситуация в России претерпела значительные изменения за последние десятилетия. Если в конце XX века доминировала героиновая экспансия, то в настоящее время рынок захлестнула волна синтетических наркотиков и стимулирующих препаратов, так называемых «наркотиков для бедных». К ним относятся разнообразные курительные смеси (спайсы), порошки, продающиеся под видом солей для ванн, ароматических смесей и т.п. Эти вещества, часто позиционируемые как «легальные», «легкие» или «безопасные», создают иллюзию контролируемости потребления, что формирует идеологию безопасного наркотизма и способствует вовлечению новых, в том числе молодых, пользователей [2, С. 189].

Происходит стремительное расширение ассортимента химических соединений, не внесенных в официальные запретительные списки, что затрудняет работу правоохранительных органов. Рост доступности и дешевизны синтетических наркотиков, наряду с агрессивной рекламой в интернете, создает условия для широкого распространения наркоэкспериментов среди различных социальных групп. Важной особенностью является рост доли высококонцентрированных и синтетических НС и ПВ в незаконном обороте, а также активное вовлечение в сбыт уязвимых категорий населения: несовершеннолетних, женщин, безработных [3, С. 197].

Согласно социологическим исследованиям, условиями, способствующими приобщению к наркотикам, часто являются любопытство, отсутствие мотивации к труду, наличие лишнего времени и кризис ценностных ориентиров в условиях социально-экономической трансформации общества.

Основу правового противодействия незаконному обороту наркотиков в России составляет уголовное законодательство. Ответственность установлена в тринадцати статьях Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусматривающих различные меры наказания – от штрафа до пожизненного лишения свободы. Центральное место в системе занимает статья 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов…», по которой осуждается абсолютное большинство лиц, привлекаемых за преступления, связанные с наркотиками

В 2025 году за наркопреступления было осуждено 69,9 тыс. человек, из них 50,8 тыс. (около 73 %) – непосредственно по ст. 228 УК РФ. На долю всех наркопреступлений приходится около 13 % всех вынесенных приговоров в стране, причем более половины из них относятся к категории тяжких и особо тяжких. Наказание по ст. 228 УК РФ дифференцировано в зависимости от размера изъятых веществ: от штрафа или обязательных работ (за значительный размер) до лишения свободы на срок от 3 до 15 лет (за крупный и особо крупный размер). Ключевое значение имеет примечание к ст. 228 УК РФ, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно сдавшего наркотики и активно способствовавшего раскрытию преступления.

За производство и сбыт (ст. 228.1 УК РФ) предусмотрены более суровые санкции – лишение свободы на сроки до 20 лет или пожизненно, причем возможность освобождения за раскаяние и сотрудничество в этой статье не предусмотрена. Также в УК РФ криминализированы склонение к потреблению (ст. 230 УК РФ), организация притонов (ст. 232 УК РФ), контрабанда (ст. 229.1 УК РФ) и другие составы. Уголовной ответственности за большинство наркопреступлений подлежат лица с 16 лет, а за хищение или вымогательство НС и ПВ (ст. 229 УК РФ) – с 14 лет [4, С. 4935].

Наряду с уголовной, существует разветвленная система административной ответственности. К основным составам Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) относятся:

– статья 6.8. КоАП РФ – незаконный оборот НС и ПВ без цели сбыта (штраф 4–5 тыс. руб. или арест до 15 суток);

– статья 6.9. КоАП РФ – потребление НС и ПВ без назначения врача (аналогичное наказание);

– статья 6.9.1. КоАП РФ – уклонение от лечения или реабилитации (штраф или арест до 30 суток);

– статья 6.13. КоАП РФ – пропаганда наркотиков (штраф для граждан 4–5 тыс. руб., для юридических лиц – до 1 млн руб.).

Административной ответственности подлежат лица, достигшие 16 лет. За правонарушения, со-

вершенные несовершеннолетними в возрасте 14–16 лет, ответственность несут родители или законные представители. Как и в уголовном праве, в КоАП РФ предусмотрено освобождение от административной ответственности при добровольной сдаче приобретенных без цели сбыта наркотиков.

Анализ судебной статистики позволяет выделить характерные черты лица, осуждаемого за наркопреступления. Подавляющее большинство (около 90 %) составляют мужчины. В последние годы изменилась возрастная динамика: если традиционно самой судимой группой была молодежь 18–29 лет, то в 2025 году ее доля (29,9 %) практически сравнялась с долей лиц старше 40 лет (27,5 %).

Наиболее распространенными наказаниями по ст. 228 УК РФ являются штраф, условное или реальное лишение свободы. Реальный тюремный срок получает примерно каждый пятый осужденный, чаще всего от 3 до 5 лет. Обращает на себя внимание, что 2,9 тыс. человек, получивших наказания, не связанные с лишением свободы, были также обязаны пройти лечение от наркомании [5, С. 598].

Верховный Суд РФ указывал на возможную излишнюю суровость санкций за хранение наркотиков в личных целях и инициировал дискуссию о возможности смягчения наказания и замены его на принудительное лечение в ряде случаев. Это свидетельствует о поиске баланса между карательными и реабилитационными подходами в правоприменительной практике.

Распространение наркомании и наркопреступности наносит многомиллиардный ущерб российскому обществу и экономике. Данные последствия носят комплексный характер и могут быть классифицированы на нескольких уровнях.

Во-первых, прямые экономические издержки – к прямым издержкам относятся финансовые затраты государства и общества, связанные с противодействием наркотизации:

Во-вторых, правоохранительные и судебные расходы – затраты на содержание и работу органов, осуществляющих борьбу с незаконным оборотом, проведение оперативно-розыскных мероприятий, судопроизводство. Эти издержки пропорциональны количеству расследуемых дел и выносимых приговоров.

В-третьих, пенитенциарные расходы – затраты на содержание осужденных за наркопреступления, которые, по некоторым оценкам, составляют до трети всех заключенных, а в отдельных колониях – до 80 %.

В-четвертых, затраты на здравоохранение – расходы на неотложную помощь при передозировках, лечение наркологических заболеваний, программы реабилитации, борьбу с сопутствующими инфекциями (ВИЧ, гепатиты).

В-пятых, косвенные потери и социальный ущерб – косвенные потери труднее поддаются количественной оценке, но их масштаб может быть сопоставим или даже превышать прямые издержки:

В-шестых, потери человеческого капитала – снижение производительности труда, инвалидизация, преждевременная смертность, особенно среди молодежи. Наркомания ведет к деградации личности, утрате профессиональных навыков и социальных связей.

В-седьмых, семейные и демографические последствия – разрушение семей, рост социального сиротства (дети родителей-наркоманов), снижение рождаемости.

В-восьмых, криминогенные последствия – наркозависимые часто совершают имущественные и иные преступления для финансирования своей привычки. Кроме того, незаконный наркобизнес тесно связан с другими видами организованной преступности, коррупцией и отмыванием денег [7, С. 30].

Методологически предлагается оценивать совокупные социально-экономические потери на индивидуальном, коллективном (семья, трудовой коллектив) и национальном уровнях. Такой комплексный подход позволяет более адекватно оценить реальную цену наркотизма для общества и обосновать необходимый объем инвестиций в профилактику и лечение.

Стратегия противодействия незаконному обороту наркотиков в России носит комплексный характер и основывается на взаимодействии правоохранительных органов, государственных структур, органов местного самоуправления и общественных организаций.

Особый акцент делается на первичной профилактике среди несовершеннолетних и молодежи. Примером являются регулярные всероссийские межведомственные оперативно-профилактические операции, такие как «Чистое поколение», направленные на предупреждение распространения наркомании, выявление фактов вовлечения молодежи в противоправную деятельность и повышение правовой грамотности. В рамках этих мероприятий организуются информационно-просветительские акции в образовательных учреждениях.

Административное и уголовное законодательство предусматривает возможность назначения лечения от наркомании как альтернативу или дополнение к основному наказанию. Однако инфраструктура государственной наркологической помощи и, в особенности, длительной социальной реабилитации остается недостаточно развитой. Дискуссия о расширении практики замены уголовного наказа-

ния на принудительное лечение для определенных категорий правонарушителей (например, впервые осужденных за хранение наркотиков для личного потребления) продолжается.

Борьба с транснациональным наркобизнесом требует активного международного взаимодействия в области обмена оперативной информацией, проведения совместных операций и гармонизации законодательства.

Проблема наркомании и незаконного оборота наркотиков в России сохраняет высокую остроту, адаптируясь к новым социальным и технологическим реалиям. Доминирование синтетических наркотиков, агрессивный онлайн-маркетинг и формирование мифологии «безопасного потребления» требуют постоянной актуализации контрстратегий. Действующее законодательство создает жесткие правовые рамки для противодействия наркопреступности, о чем свидетельствует значительная доля осужденных по наркотическим статьям в общей структуре преступности. Однако правоприменительная практика, как показывает инициатива Верховного Суда РФ, начинает эволюционировать в сторону большего внимания к реабилитационному компоненту и дифференциации ответственности, особенно для потребителей, не связанных со сбытом [8, С. 380].

Социально-экономический ущерб от наркотизации огромен и многогранен, включая как прямые бюджетные затраты, так и масштабные косвенные потери, связанные с деградацией человеческого капитала и ростом криминализации общества. Эффективная антинаркотическая политика должна основываться на сбалансированном сочетании жестких мер по пресечению организованного наркобизнеса, дифференцированного подхода к потребителям (с акцентом на лечение) и масштабной, научно обоснованной профилактической работы с группами риска, прежде всего с подростками и молодежью. Дальнейшие исследования необходимы для глубокой оценки эффективности конкретных профилактических и реабилитационных программ, а также для разработки более точных методик расчета совокупного ущерба от наркотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Объективные признаки незаконного оборота наркотических средств // Теория и практика кооперации в современном обществе: материалы Международной научно-практической конференции. Саранск: РИЦ МГПУ, 2025. С. 26–29.

2. Абаринова, В. Ю. Понятие наркотизма и наркомании: проблемы толкования // Аллея науки. 2025. Т. 1. № 2(101). С. 186–190.

3. Власова, В. Д. Проблема соотношения понятий «наркомания» и «наркотизм», их содержание // Право, экономика и управление: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2025. С. 196–198.

4. Карклин, Е. Ю. Наркотики, их воздействие на человека и ответственность, предусмотренная законодательством Российской Федерации / Е. Ю. Карклин // Научный аспект. 2024. Т. 36. № 5. С. 4930–4936.

5. Михалев, А. К. Наркотики в современном мире: влияние на человека, общество и личностное развитие // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 6(75). С. 594–599.

6. Плотникова, А. А. Наркомания: этиология и предупреждение // Cognitio Rerum. 2025.№ 1. С. 95–99.

7. Фляц, М. В. Синтетические наркотики и их негативное влияние на организм человека // Аграрная наука в контексте времени: сборник трудов LX международной научно-практической конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2025. С. 29–32.

8. Шахоев, Н. А. Алкоголизм и наркомания как угрозы демографическому развитию России // Проблемы управления, экономики, политики и права в современных реалиях: Сборник докладов Фестиваля науки ЮРИУ РАНХиГС. Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 377–381.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Турчын Игорь Осипович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st811818@ruc.su

PROBLEMS OF QUALIFICATION AND IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGAL MEASURES TO COMBAT TERRORISM

Turchyn Igor Osipovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений террористической направленности и направления совершенствования законодательства в этой сфере. Анализируются сложности разграничения террористического акта со смежными составами преступлений, вопросы квалификации неоконченной террористической деятельности, а также проблемы правовой оценки новых форм терроризма, включая кибертерроризм. На основе анали-

за судебной практики и доктринальных источников обосновывается необходимость унификации преступлений террористического характера, конкретизации оценочных признаков и совершенствования законодательных подходов к противодействию террористическим угрозам в условиях цифровизации.
Ключевые слова: терроризм, террористический акт, преступление, состав преступления, квалификация преступлений, кибертерроризм, неоконченное преступление, смежные составы, унификация законодательства.

The article examines current issues of criminal-legal qualification of terrorist crimes and directions for improving legislation in this area. The article analyzes the complexities of distinguishing between terrorist acts and related crimes, the issues of classifying unfinished terrorist activity, and the problems of legally assessing new forms of terrorism, including cyberterrorism. Based on an analysis of judicial practice and doctrinal sources, the need for unification of terrorist crimes, specification of evaluative features, and improvement of legislative approaches to countering terrorist threats in the context of digitalization is substantiated.
Keywords: terrorism, terrorist act, crime, elements of a crime, qualification of crimes, cyberterrorism, unfinished crime, related elements, unification of legislation.

Противодействие терроризму остается одним из приоритетных направлений уголовной политики Российского государства. Законодатель последовательно совершенствует нормы об ответственности за преступления террористической направленности, о чем свидетельствует появление в Уголовном кодексе РФ новых составов, криминализирующих различные формы террористической деятельности – от содействия терроризму до прохождения обучения в целях осуществления такой деятельности. Однако, как справедливо отмечают исследователи, общественная опасность преступных деяний, связанных с терроризмом, определяется характером установленных уголовным законом последствий, где вред причиняется социально-значимым интересам общества и государства; при этом некоторые виды терроризма носят оценочный характер, что требует конкретизации уголовного закона на современном этапе развития общественных отношений.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд системных проблем квалификации преступлений террористической направленности, требующих осмысления и выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Одной из наиболее сложных в теоретическом и практическом аспектах остается проблема отграничения террористического акта (ст. 205 УК РФ) от смежных составов преступлений. Прежде всего, это касается разграничения с убийством, совершенным общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и диверсией (ст. 281 УК РФ). Сложность возникает в силу сходства объективной стороны указанных преступлений: все они могут совершаться путем взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность для жизни и здоровья людей.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, при квалификации содеянного как убийства, совершенного общеопасным способом, цель преступника не учитывается и может влиять только на последующее назначение наказания. В то же время в ст. 205 УК РФ прямо предусмотрен обязательный признак – цель дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Без данной цели квалификация по ст. 205 УК РФ невозможна. Таким образом, условно совершенный взрыв, повлекший смерть человека, но не преследующий указанной цели, следует квалифицировать как убийство, совершенное общеопасным способом.

Не менее сложным представляется разграничение террористического акта и диверсии. При внешнем сходстве объективной стороны эти преступления различаются по объекту и цели. Если при терроризме основной объект – общественная безопасность, а цель состоит в воздействии на принятие решений органами власти, то диверсия посягает на экономическую безопасность и обороноспособность государства, а ее целью является подрыв экономической безопасности и обороноспособности. В практической деятельности правоприменители нередко сталкиваются с ситуациями, когда одно и то же деяние содержит признаки обоих составов, что требует тщательного анализа направленности умысла виновного.

Особую сложность представляет квалификация неоконченных преступлений террористической направленности. Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразия при квалификации действий, направленных на вступление в незаконные вооруженные формирования и международные террористические организации на территории иностранных государств, не доведенных до конца по независящим от виновных обстоятельствам. В одних случаях идентичные действия квалифицируются как приготовление, в других – как покушение на вступление в такие формирования.

Показательным примером может служить уголовное дело, рассмотренное 2-ым Западным окружным военным судом в 2025 году в отношении лиц, признанных виновными в приготовлении к участию в деятельности террористической организации. Из материалов дела следует, что Джафаров заполнил анкету о вступлении в признанную террористической организацию «Легион «Свобода России» и направил ее на официальный сайт, после чего в переписке с представителем указанной орга-

низации выразил намерения оказывать помощь иностранному государству в деятельности против безопасности Российской Федерации. Однако решение о зачислении в террористическую организацию принято не было, поскольку он не смог выполнить задания иностранного куратора, так как его деятельность была пресечена сотрудниками УФСБ. Суд квалифицировал действия по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ как приготовление к участию в деятельности террористической организации.

Данный пример высвечивает проблему определения момента окончания преступлений, связанных с участием в террористических организациях. В доктрине уголовного права обоснованно отмечается, что каждая последующая стадия преступления поглощает предыдущую и не требует самостоятельной уголовно-правовой оценки (приготовление поглощается покушением, покушение – оконченным преступлением). Однако применительно к преступлениям террористической направленности этот принцип не всегда работает однозначно, поскольку законодатель сконструировал составы таким образом, что момент окончания преступления не всегда очевиден.

В условиях цифровой трансформации общественных отношений особую актуальность приобретает проблема уголовно-правовой оценки кибертерроризма. Широкое распространение и интенсивное применение информационно-коммуникационных технологий предопределяет сущностные изменения природы преступности, выражаемые в увеличении криминальных актов, совершаемых в информационном пространстве. При этом кибертерроризм представляет собой нетипичную разновидность традиционного терроризма, что порождает сложности в его квалификации.

В российском законодательстве понятие «кибертерроризм» отсутствует. Существует более широкое понятие «террористический акт», за которое предусмотрено уголовное наказание в рамках ст. 205 УК РФ. Данное деяние может быть совершено и в киберпространстве, поэтому законодатель не разделяет способы террористической деятельности в отдельные статьи. Такой подход имеет как преимущества (универсальность нормы), так и недостатки (сложность учета специфики цифровой среды).

В юридической литературе выделяются два подхода к криминализации общественно опасных деяний, квалифицируемых как кибертерроризм. В рамках первого подхода, реализованного в России, противоправные действия, совершаемые посредством использования информационно-коммуникационных технологий, охватываются расширенной дефиницией террористического акта за счет включения в объективную сторону обобщенной формы возможных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий. На примере российского опыта противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации в части криминализации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру обосновывается вывод, что компьютерные атаки против объектов критической информационной инфраструктуры в целях дестабилизации деятельности органов власти либо воздействия на принятие ими решений также можно квалифицировать как террористический акт. В рамках второго подхода кибертерроризм на законодательном уровне закрепляется в качестве самостоятельного преступления.

Представляется, что отсутствие в УК РФ специальной нормы о кибертерроризме создает определенные сложности в правоприменении, поскольку не все компьютерные атаки террористической направленности могут быть однозначно квалифицированы по ст. 205 УК РФ. Террористы используют киберпространство не только для совершения атак на объекты критической инфраструктуры, но и для распространения дезинформации, запугивания населения, создания паники, вербовки новых членов. Для адекватной уголовно-правовой оценки этих деяний требуется либо расширительное толкование существующих норм, либо разработка специальных составов.

Дискуссионным в теории и практике остается вопрос о квалификации пропаганды терроризма (ст. 205.2 УК РФ). Как отмечается в доктрине, необходимо на уровне Верховного Суда РФ разъяснить, достаточно ли для квалификации по ст. 205.2 УК РФ совершения однократного действия по распространению информации, направленной на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» вопрос о квалификации пропаганды терроризма не поднимается.

Сложность также представляет определение момента окончания пропаганды, отсутствие признака публичности в совершении этого деяния. На квалификацию, по обоснованному мнению исследователей, не влияют последствия, наступающие после распространения материалов, направленных на формирование идеологии терроризма; количество лиц, у которых могла сформироваться убежденность в привлекательности терроризма; факт удаления распространенной информации. Однако такой подход порождает риск необоснованного расширения пределов уголовной ответственности.

Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом.

Во-первых, представляется обоснованным подход об унификации преступлений террористического характера и внесении соответствующих изменений в УК РФ. Унификация позволила бы создать стройную систему норм, исключающую конкуренцию и дублирование, а также облегчила бы квалификацию. В рамках унификации целесообразно разработать единые подходы к определению террористической деятельности, закрепить легальные дефиниции основных понятий.

Во-вторых, требуется конкретизация оценочных признаков составов преступлений террористической направленности. В частности, нуждаются в уточнении такие понятия, как «устрашение населения», «дестабилизация деятельности органов власти», «иные действия» применительно к террористическому акту. Как отмечается в литературе, некоторые виды терроризма носят оценочный характер, что создает сложности в правоприменении и требует конкретизации уголовного закона на современном этапе развития общественных отношений.

В-третьих, назрела необходимость в разработке и принятии постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного вопросам квалификации пропаганды терроризма и неоконченной террористической деятельности. В таком постановлении следовало бы разъяснить момент окончания соответствующих преступлений, критерии отграничения от смежных составов, особенности квалификации при неконкретизированном умысле. Применительно к неоконченным преступлениям с неопределенным умыслом в доктрине обоснованно предлагается квалифицировать содеянное как покушение на преступление с наименьшими по тяжести общественно опасными последствиями. Этот подход мог бы быть воспринят и при квалификации неоконченной террористической деятельности.

В-четвертых, в условиях цифровизации представляется целесообразным обсуждение вопроса о выделении кибертерроризма в самостоятельный состав преступления либо о дополнении ст. 205 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет». Такой подход позволил бы учитывать специфику цифровой среды при квалификации и назначении наказания, а также способствовал бы формированию единообразной судебной практики. Зарубежный опыт свидетельствует о возможности обоих подходов, однако в российских условиях более предпочтительным представляется включение соответствующего квалифицирующего признака в существующие составы.

В-пятых, требует совершенствования институт освобождения от уголовной ответственности за преступления террористической направленности. Примечания к ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ предусматривают возможность освобождения от ответственности при условии своевременного сообщения органам власти или иного способствования предотвращению террористического акта. Однако практика применения этих норм не всегда единообразна, что требует дополнительных разъяснений высшей судебной инстанции.

Таким образом, проблемы квалификации преступлений террористической направленности носят комплексный характер и требуют системного подхода к их решению. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в части уточнения признаков составов преступлений, унификации подходов к квалификации, а также адаптации уголовно-правовых мер к новым формам террористической деятельности, включая кибертерроризм. Важно при этом сохранять баланс между эффективностью уголовно-правового противодействия терроризму и соблюдением прав и свобод граждан, поскольку, как справедливо отмечается в литературе, борьба с терроризмом не должна осуществляться за счет конституционных ценностей. Дальнейшие научные исследования в этой сфере должны быть направлены на выработку научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучинаев, Р. Р. Актуальные проблемы развития экстремизма и терроризма в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 258–262.

2. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям. Москва, 2025. 479 с.

3. Логутова, Е. В. Особенности квалификации преступлений, связанными с содействием террористических актов // Вестник магистратуры. 2024. № 5-5(152). С. 99–100.

4. Казакбаев, И. З. Международный терроризм на современном этапе, его развитие и основные тенденции // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2023. № 2(50). С. 89–92.

5. Назарзода, Т. К. Глобальная угроза терроризма и экстремизма и меры по их противодействию // Вестник педагогического университета. Серия философия, право и политические науки. – 2024. – № 4(16). – С. 225–229.

6. Мустафаева, М. Г. Терроризм и экстремизм – многомерные социальные явления современной культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2025. № 1(140). С. 30–36.

7. Михалев, И. А. Проблемы уголовной ответственности за терроризм // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития. Уфа, 2024. С. 171–175.

УДК 343.3/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАВЫ 22 УК РФ

Тюляков Виталий Васильевич, магистрант
Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: i.p.asanova@ruc.su; tylen.v.v.@ruc.su

CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITIES: ELEMENTS OF THE COMPOSITION AND CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE OF CHAPTER 22 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tyulyakov Vitaly Vasilyevich, Master's Degree student
Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, через призму их объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Особое внимание уделяется обоснованию предпринимательских отношений в качестве видового объекта данных посягательств, их связи с экономическими благами и конкурентной средой, а также роли специального субъекта и умышленной формы вины в формировании состава преступлений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, предпринимательские отношения, экономические блага, объект преступления, объективная сторона, специальный субъект, субъективная сторона, умысел, экономическая безопасность.

The article examines the criminal-legal characteristics of crimes provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation through the prism of their object, objective side, subject, and subjective side. Special attention is paid to the justification of business relations as a specific object of these crimes, their connection with economic benefits and the competitive environment, as well as the role of the special subject and the intentional form of guilt in forming the composition of crimes in the field of economic activity.

Keywords: crimes in the field of economic activity, business relations, economic benefits, object of crime, objective side, special subject, subjective side, intent, economic security.

Глава 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) содержит в себе составы преступлений, посягающих на экономику, и выступает своего рода отражением развития экономических отношений в обществе [1]. Тем самым данную правовую конструкцию следует рассматривать не только как строго очерченную правовую регламентацию экономической деятельности, но, как и динамику социально-экономических трансформаций в стране. Данные составы посягают на общественные отношения, обеспечивающие производство, распределение, обмен и потребление экономических благ [2].

Экономические блага возникают в процессе производства как результат целенаправленной деятельности человека, преимущественно связанной с трудом, воплощаясь в товарах или услугах. Распределение обеспечивает пропорциональное разделение этих благ между участниками хозяйственного оборота от производителей до посредников. Обмен реализует переход благ к конечным потребителям за счет эквивалентного возмещения (денежного или иного), а потребление завершает цикл их практическим применением. При этом в сфере услуг этапы производства, распределения и потребления совпадают во времени. При выполнении работ производство и распределение образуют единый процесс.

В Российской Федерации свобода экономической деятельности закреплена в ст.ст. 8, 34 Конституции РФ, а её защита обеспечивает экономическую безопасность государства как неотъемлемую составляющую общественной безопасности. Уголовно-правовая политика РФ направлена на комплексное противодействие экономической преступности как угрозе устойчивости рыночных отношений и экономических основ общества.

Тем самым комплексное научное исследование преступлений в сфере экономической деятельности формирует методологическую основу для совершенствования уголовно-правовых механизмов предупреждения, выявления и пресечения данных общественно опасных деяний, а дифференциация уголовной ответственности по составам главы 22 УК РФ должна осуществляться с учетом принципов законности и справедливости, что в свою очередь предполагает системный анализ элементов состава преступления в виде его объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

Для уточнения содержания видового объекта преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, представляется целесообразным исходить из традиционного для уголовно-правовой доктрины понимания объекта преступления как системы охраняемых общественных отношений. В. Д. Филимонов справедливо указывает, что такие отношения могут быть охарактеризованы через три элемента: субъектов, предмет и социальную связь между участниками [3].

Применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности особое значение приобретают не любые экономические отношения, а прежде всего те, в которых, во первых, в качестве участников выступают предприниматели как лица, осуществляющие деятельность на свой риск и направленную на систематическое получение прибыли, во вторых, предметом являются факторы производства и связанные с ними имущественные и нематериальные блага, а в третьих, их социальная связь выражается в формировании и функционировании конкурентной среды как необходимого условия рыночного оборота.

Такой подход позволяет надлежащим образом отделить предпринимательские отношения от иных экономических связей, возникающих, например, в сфере налогообложения, бюджетного финансирования или оказания государственных услуг, которые по своей природе относятся к иным объектам (интересы публичной власти, правосудия, управления), хотя и обладают экономическим содержанием.

Тем самым представляется весьма оправданным вывод о том, что видовым объектом преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, должны признаваться предпринимательские отношения, как система общественных отношений, складывающихся между предпринимателями по поводу организации и осуществления деятельности, направленной на извлечение прибыли путем использования факторов производства в условиях конкуренции. Именно в рамках предпринимательских отношений пересекаются частноправовой интерес предпринимателя (извлечение прибыли), интерес контрагентов (получение товаров, работ, услуг надлежащего качества в условиях добросовестной конкуренции) и публичный интерес, связанный с обеспечением устойчивого развития экономики и сохранением конкурентной среды. В этом заключается основание для придания им особой уголовно-правовой охраны. При таком понимании объекта становится более понятной логика выделения в самостоятельную главу норм о недопущении, ограничении или устранении конкуренции, незаконном предпринимательстве, незаконной банковской деятельности, незаконном использовании товарного знака иных деяний, непосредственно нарушающих нормальное функционирование предпринимательской среды и условия осуществления предпринимательской деятельности.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, отражает внешнюю сторону посягательства на предпринимательские отношения и в большинстве случаев выражается в совершении общественно опасного деяния в форме действия; при этом для отдельных составов возможно и совершение преступления путем бездействия, связанного с неисполнением установленных законом обязанностей в сфере экономической деятельности.

Для данных составов типично то, что уголовно наказуемое поведение описывается через конкретные способы посягательства: осуществление предпринимательской или банковской деятельности без государственной регистрации либо без обязательной лицензии, внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, сокрытие имущества, искажение информации о финансовом положении организации, нарушение установленных правил сдачи либо обращения отдельных категорий имущества и т.д. Такая регламентация способов совершения деяния обеспечивает возможность более четкого отграничения преступлений в сфере экономической деятельности от смежных имущественных и должностных составов, в рамках которых внешне сходные действия (или бездействие) совершаются при ином объекте и иной направленности посягательства.

Особенности субъекта обоснованно признаются современной уголовно-правовой доктриной одним из ключевых критериев дифференциации составов преступлений в сфере экономической деятельности. Указанное обусловлено тем, что правовой статус субъекта, его положение в системе хозяйственных связей и объем реализуемых полномочий во многом определяют возможность причинения вреда экономическим отношениям изнутри соответствующей деятельности.

Для ряда экономических составов характерен специальный субъект – лицо, фактически осуществляющее предпринимательскую либо иную экономическую деятельность без надлежащей государственной регистрации, без обязательной лицензии либо с иными существенными нарушениями установленных законом требований к такой деятельности. В научных работах специальный субъект преступлений в сфере экономической деятельности, как правило, определяется как вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, участвующее в общественных отношениях в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг и обладающее дополнительными юридическими признаками, прямо вытекающими из диспозиций статей

Особенной части УК РФ и тем самым ограничивающими круг возможных исполнителей соответствующих преступлений. Такой подход позволяет не только отграничивать преступления в сфере экономической деятельности от смежных составов с общим субъектом, но и учитывать специфику статуса предпринимателей, руководителей юридических лиц, иных управленцев и профессиональных участников экономического оборота при решении вопросов уголовной ответственности и её дифференциации.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, в подавляющем большинстве случаев выражается в умышленной форме вины [4]. При этом для значительной части экономических составов в литературе и практике подчеркивается, что они, как правило, совершаются с прямым умыслом. Виновное лицо, как правило, осознает фактический характер совершаемых действий (нарушение установленного порядка осуществления предпринимательской, финансовой или иной экономической деятельности, совершение фиктивных операций, сокрытие доходов и т.п.), понимает их противоречие требованиям отраслевого регулирования (налогового, банковского, предпринимательского, валютного законодательства и др.), предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления.

Отдельное значение в характеристике субъективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности приобретают факультативные признаки – мотив и цель, которые нередко выполняют роль не только криминообразующих, но и квалифицирующих признаков состава преступления. Так, применительно к ряду составов главы 22 УК РФ законодатель прямо закрепляет специальные мотивы в частности, корыстную или иную личную заинтересованность при совершении деяний, связанных с нарушением правил государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним квалифицируемую по ст. 170 УК РФ, а также особую направленность цели, как это имеет место при придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ).

Таким образом, проведенный анализ позволяет охарактеризовать преступления, предусмотренные главой 22 УК РФ, через совокупность особенностей их объекта (предпринимательские отношения), объективной стороны (специфические способы посягательства на экономическую деятельность), субъекта (преимущественно специальный субъект – участник предпринимательского оборота) и субъективной стороны (преимущественно умышленная форма вины с нередко специально обозначенными мотивами и целями), что в своей взаимосвязи раскрывает их уголовно-правовую природу и значение для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, устойчивого функционирования предпринимательской среды и соблюдения баланса частных и публичных интересов в сфере экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шурпаев, Ш. М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : 12.00.08: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. 297 с.

2. Загайнов В. В. Характеристика объекта состава преступления, предусмотренного статьей 186 УК РФ / В. В. Загайнов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 4. С. 3–11.

3. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов; Ассоц. Юрид. центр. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 196 с.

4. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина ; под научной редакцией А. И. Чучаева. Москва : Юрайт, 2026. 468 с.

УДК 343.3/.7

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Тюляков Виталий Васильевич, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: tylen.v.v.@ruc.su

EVOLUTION OF CRIMINAL PROTECTION OF ECONOMIC ACTIVITIES IN RUSSIA

Tyulyakov Vitaly Vasilyevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья рассматривает развитие уголовно правовой охраны экономической (хозяйственной) деятельности в России от дореволюционного законодательства до современной модели, закрепленной в главе 22 УК РФ. Показано, как смена представлений о роли частной и социалистической собственности, а также о месте государства в экономике определяла круг

экономических преступлений и характер уголовно правового воздействия. Делается вывод о необходимости учета исторического опыта при определении пределов уголовного вмешательства в рыночные отношения.
Ключевые слова: экономические преступления, хозяйственные преступления, банкротство, Уложение 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., НЭП, социалистическая собственность.

The article examines the development of criminal law protection of economic (business) activity in Russia, from pre-revolutionary legislation to the modern model enshrined in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. It shows how changing perceptions of the role of private and socialist property, as well as the place of the state in the economy, have shaped the scope of economic crimes and the nature of criminal law enforcement. The article concludes that it is necessary to take into account historical experience when determining the limits of criminal intervention in market relations.
Keywords: economic crimes, business crimes, bankruptcy, the Code of 1845, the Criminal Code of 1903, the New Economic Policy, and socialist property.

Обращение к историческим истокам правовых институтов позволяет глубже осмыслить эволюцию уголовно-правовых норм в контексте меняющихся социально-экономических реалий России, что необходимо для должного понимания и оценки современного состояния уголовного законодательства и практики его применения. Такой подход не только опирается на накопленный отечественный правоведческий опыт, но и служит основой для обоснованных прогнозов дальнейшего совершенствования законодательства, выявляя устойчивые закономерности.

Современные рыночные отношения в России обусловлены многовековой традицией, где каждая смена общественно-экономической формации влекла за собой трансформацию репрессивного аппарата государства.

В Киевской Руси, согласно нормам Русской Правды (XI–XII вв.), хищения чужого имущества карались кратными выплатами, а позже, в Судебниках 1497 и 1550 гг., ужесточение наказаний вплоть до смертной казни за повторные кражи отражало переход к публичному характеру преступлений против собственности.

Соборное уложение 1649 г. усилило охрану государственной и церковной собственности, что в свою очередь предвосхитило дальнейшую дифференциацию норм в зависимости от формы собственности. В дореволюционной России уже формировался значительный опыт криминализации хозяйственных нарушений, особенно на фоне зарождения рыночных отношений.

Так, проект Банкротского устава 1740 г. заложил прочный фундамент уголовной ответственности за преднамеренные махинации при неплатежеспособности, в котором ст. 14 прямо осуждала предвидимое раздувание обязательств фиктивными расписками или тайные переводы имущества третьим лицам («росписки дастъ» или «переводы чинитъ»), приравнивая это к злостному банкротству с высшей мерой – повешением [1–2].

Ст. 22 аналогично карила утайки или привилегированные выплаты отдельным кредиторам за счет конкурсной массы новыми активами, вводя каторжные работы без полной квалификации злостности, а доктрина дополнялась выводом a contario о недопустимости секретных сделок с выборочными кредиторами, легитимных лишь при всеобщем участии [3].

Уложение 1903 г. детализировало составы злостного и неосторожного банкротства, подчеркивая их связь с неплатежами. В тот период правоведы отмечали снижение дел о неправомерном банкротстве при одновременном росте жалоб на систематические неплатежи, что перекликается с вызовами сегодняшнего дня в сфере экономических преступлений [4].

Эти правовые конструкции предвосхищают составы ст. 195 УК РФ, фиксируя уголовный характер через карательную градацию (смертная казнь за обман, каторга за ущерб кредиторам), а институт «кураторовъ» (прообраз арбитражных управляющих) и конкурсных судов ограничивал их дисциплинарными санкциями за волокиту, расточительство или халатность.

Начало формирования специального законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в отечественной науке традиционно связывают с серединой XIX столетия, когда в Российской империи стали отчетливо проявляться и закрепляться капиталистические отношения.

В то же время государство и до этого периода не оставалось безучастным к сфере хозяйственного оборота, периодически предпринимая попытки правового воздействия на отдельные, наиболее значимые для него экономические процессы, хотя цель такого воздействия была иной, чем сегодня. Если проводить параллель с современным УК РФ, то вплоть до середины XIX века уголовно-правовой защитой фактически охватывались главным образом отношения, связанные с обеспечением государственных доходов (налогов, пошлин и других обязательных платежей, а также отдельные деяния, которые в современном уголовном праве квалифицируются, с одной стороны, как преступления против собственности (скупка и реализация имущества, заведомо добытого преступным путем), а с другой

как преступления, затрагивающие финансово кредитную систему государства (изготовление поддельных денежных знаков, посягательства на установленный порядок денежного обращения).

Показателен в этом плане Воинский артикул 1715 г. в ст. 190 которого было установлено, что лицо, покупающее или продающее, сознавая преступное происхождение вещи, и укрывающее вора, подлежит наказанию «яко вор сам», то есть законодатель фактически уравнивал сбыта краденого с собственно хищением, но рассматривал подобные деяния преимущественно как посягательства на публичный порядок и властную прерогативу государства, а не как посягательства на самостоятельную сферу экономических отношений.

Для российского законодательства XVIII века характерен иной подход к экономическим отношениям: уголовно правовые меры в первую очередь были ориентированы на защиту интересов государства, его казны и системы сборов, тогда как взаимодействие между частными участниками хозяйственного оборота еще не воспринималось законодателем как самостоятельный и значимый объект уголовно правовой охраны. В результате регулирование экономической сферы носило фрагментарный и вспомогательный характер и не оформилось в виде отдельного направления уголовно правовой политики.

Исследователи правоведы справедливо отмечают, что внешняя и внутренняя торговля XVIII в. выполняли главным образом функцию первоначального накопления капитала и подготовки почвы для последующей промышленной революции, не образуя еще устойчивой системы частнохозяйственных интересов, требующих специальной уголовно правовой защиты [5].

Ситуация значительным образом меняется во второй четверти-середине XIX века на фоне ускоряющегося экономического развития, углубления товарно-денежных отношений и усложнения структуры хозяйственного оборота. Постепенно формируется потребность в нормативной охране не только фискальных интересов государства, но и отношений между частными субъектами, участвующими в экономическом обороте.

Поворотным моментом стало принятие 15 августа 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, вступившего в силу 1 мая 1846 г. В доктрине оно справедливо рассматривается как отправная точка формирования системной уголовно правовой охраны отношений в сфере хозяйственной (экономической) деятельности. Через механизм установления уголовной ответственности государство стремилось упорядочить и дисциплинировать взаимодействие участников оборота, задавая допустимые пределы поведения в экономике и вводя санкции за их нарушение. В частности, глава 5 раздела 12 Уложения 1845 г. предусматривала ответственность за принуждение к заключению сделки, а также за отдельные формы недобросовестного неисполнения договорных обязательств, тем самым фактически устанавливая и закрепляя значение договорной свободы и добросовестности как охраняемых уголовным правом ценностей задолго до появления современных составов принуждения к совершению сделки и злоупотреблений в предпринимательской сфере.

При этом само Уложение 1845 г. выстраивало сложную систему дифференциации правонарушений, разграничивая преступления и проступки, а деяния, совершаемые в сфере хозяйственной деятельности, преимущественно относились именно к разряду проступков. Тем самым законодатель прямо демонстрировал, что подобные нарушения, хотя и заслуживают ответственности, не достигают той степени общественной опасности, которая свойственна преступлениям против государственной власти, порядка управления или безопасности личности [6].

В комментариях к Уложению того времени отмечалось, что термин «преступление» в нем не противопоставляется жестко термину «проступок», а нередко употребляется в более широком, собирательном значении, ещё раз указывая переходный характер рассматриваемого этапа в котором законодатель только вырабатывал концептуальные критерии, позволяющие отнести то или иное посягательство в экономической сфере к уголовно наказуемому деянию и определить место этих деяний в общей системе объектов уголовно-правовой охраны.

При этом Уложение 1845 г. исходило из обязательности возмещения «убытков, вреда или обиды» и прямо связывало уголовную ответственность с компенсацией причиненного ущерба, что закреплялось как в общих положениях, так и в диспозициях отдельных статей Особенной части. Все деяния в хозяйственной сфере при этом относились к посягательствам против «собственности частных лиц», то есть законодатель исходил из необходимости охраны прежде всего имущества, а не экономической деятельности как таковой.

Уложение о наказаниях в переработанном виде 1885 г. в большей степени расширяло систему охраны публичных интересов, не меняя по существу подхода к регулированию отношений между хозяйствующими субъектами. Уголовное уложение 1903 г., которое так и не было введено в действие на всей территории Российской империи и полностью действовало лишь в Прибалтике, стало при

этом наиболее систематизированным и детализированным дореволюционным актом уголовного права. Оно стало одним из первых источников, где отдельные главы прямо посвящались охране экономической деятельности, в том числе содержали нормы об ответственности за осуществление промышленной или торговой деятельности без надлежащего разрешения и за нарушения договорных обязательств при найме рабочих.

При этом многие его статьи носили бланкетный характер и отсылали к иным отраслям права, что сближает этот акт с современным уголовным законодательством, прежде всего в части преступлений в сфере экономической деятельности. По этой причине Уголовное уложение 1903 г. и сегодня рассматривается в историко-правой науке как значимый ориентир при анализе эволюции уголовно правовых средств охраны экономических отношений.

После Февральской революции Временное правительство, выступая в роли законодателя, предприняло первые шаги по уголовно-правовой охране формирующихся экономических отношений в том числе постановлением от 20 марта 1917 г. об ответственности за отправку грузов с заведомо ложными сведениями о наименовании или адресате, направленным на пресечение нарушений порядка перевозки и распределения в условиях войны. При относительно коротком периоде своего правления Временное правительство все же последовательно ставило вопрос о пересмотре трудового законодательства и урегулировании конфликта между «трудом и капиталом», стремясь стабилизировать экономику в условиях нарастающего кризиса.

Советская власть радикально изменила направление уголовной политики, после национализации и ликвидации частной собственности уголовно правовая охрана была переориентирована с частнохозяйственных интересов на отношения по поводу социалистической собственности и функционирования социалистического хозяйства. Нормы о спекуляции, обмане покупателей, частнопредпринимательской деятельности и коммерческом посредничестве рассматривались как средство борьбы с проявлениями частнособственнических установок и как инструмент реализации социалистического принципа «от каждого по способностям, каждому по труду».

Важно отметить, что в период НЭПа уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. с одной стороны допускали ограниченные формы частной инициативы, а с другой стороны вводили специальные составы, направленные на защиту социалистического хозяйства. Так, ответственность за злонамеренное неисполнение договорных обязательств связывалась с договорами, заключенными с государственными и общественными организациями, тогда как аналогичные споры между частными лицами не относились к объекту уголовно правовой охраны.

Кодификация 1960 г. закрепила советскую модель деления на государственные, хозяйственные преступления и преступления против порядка управления, прямо криминализовав практически любую деятельность частного характера, направленную на извлечение прибыли, а именно частнопредпринимательскую деятельность, коммерческое посредничество, занятие запрещенными промыслами и др. При этом многие составы хозяйственных преступлений были сконструированы как формальные, а уголовная ответственность наступала уже за сам факт нарушения установленного запрета, независимо от размера фактически причиненного ущерба, что свидетельствовало о приоритете охраны установленной государством модели хозяйственных отношений, а не отдельных имущественных интересов.

После распада СССР и перехода к рыночной экономике перед российским законодателем встала необходимость заново выстроить уголовно-правовую защиту отношений в сфере экономической деятельности с учётом признания частной собственности и свободы предпринимательства.

Принятие Конституции РФ 1993 г., а затем и закрепление в УК РФ специального блока статей о преступлениях в сфере экономики (прежде всего главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности») обозначили начало нового этапа развития уголовно правовой охраны экономических отношений. Этот процесс продолжается и сегодня, в условиях сложной макроэкономической ситуации, сопровождаясь поиском оптимальных и допустимых пределов уголовно правового вмешательства государства в хозяйственный оборот при одновременном обеспечении экономической безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1. С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 1. 1801. 875 с.

2. Вакутин, А. А. История развития уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве в законодательстве Российской Империи / А. А. Васкутин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1. С. 50–54.

3. Гольмстен, А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса : исслед. А. Х. Гольмстена, проф. Воен.-юрид. акад. Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1888. [6], IV, 292 с.

4. Егоров, Я. Ю. развитие законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности в России / Я. Ю. Егоров // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (22). С. 80–87.

5. Сорокина, А. В. Система построения Особенной части российских уголовных законов второй половины IX начала XX в / А. В. Сорокина // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 4 (10). С. 36–46.

6. Лутков, Д. В. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях, извлеченных из сборников: а) высочайше утвержденных мнений Государственного совета б) решений Правительствующего сената (изд. 1864, 1865 и 1866 г.) в) решений Уголовного кассационного департамента (за 1866–1870 и первую половину 1871 г.) решений Главного военного суда и других повременных изданий / сост. Д. Лутков, член Тульск. окр. суда. Москва : тип. Т. Рис, 1872. [4], 370 с.

УДК 343.7

ПРЕСТУПНОСТЬ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: ПОНЯТИЕ И СОСТОЯНИЕ

Умряев Дамир Ильдарович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810684@ruc.su

CRIME IN THE BUDGETARY SPHERE: CONCEPT AND STATUS

Umryaev Damir Ildarovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Бюджетная сфера России традиционно остается одной из наиболее уязвимых для противоправных посягательств областей. Концентрация значительных финансовых потоков, множественность участников бюджетного процесса и недостаточная прозрачность отдельных операций создают благоприятную среду для различных форм преступной деятельности. В статье анализируются подходы к определению преступности в бюджетной сфере, исследуется ее структура и динамика на основе данных 2022–2025 годов, выявляются наиболее распространенные способы совершения преступлений. Особое внимание уделяется криминологической характеристике данного феномена и оценке эффективности существующих механизмов противодействия. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к профилактике бюджетных правонарушений.

Ключевые слова: преступность в бюджетной сфере, хищение бюджетных средств, коррупция, нецелевое использование средств, бюджетный процесс, экономическая преступность, финансовый контроль.

Russia’s budget sphere traditionally remains one of the most vulnerable areas to illegal encroachments. The concentration of significant financial flows, the multiplicity of participants in the budget process, and insufficient transparency of certain operations create a favorable environment for various forms of criminal activity. The article analyzes approaches to defining crime in the budget sphere, examines its structure and dynamics based on 2022–2025 data, and identifies the most common methods of committing crimes. Special attention is paid to the criminological characteristics of this phenomenon and the assessment of the effectiveness of existing countermeasures. The author concludes that a comprehensive approach to preventing budget offenses is necessary.

Keywords: crime in the budget sphere, embezzlement of budget funds, corruption, misuse of funds, budget process, economic crime, financial control.

Формирование единого понимания преступности в бюджетной сфере продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Часть исследователей трактует это явление узко – исключительно как совокупность деяний, предусмотренных статьями 285.1, 285.2 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов). Однако практика демонстрирует, что такой подход не охватывает всего многообразия противоправных посягательств на бюджетные ресурсы.

Более широкая трактовка включает в себя все преступления, совершаемые в процессе формирования, распределения и использования бюджетных средств, независимо от конкретной статьи Уголовного кодекса. Речь идет о мошенничестве при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), присвоении и растрате (ст. 160 УК РФ), злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получении взятки (ст. 290 УК РФ) и ряде других составов. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году свыше 11 тысяч выявленных преступлений в сфере государственных закупок квалифицировались по различным статьям, что подтверждает комплексный характер этого криминального феномена [1, с. 14].

Принципиально важно разграничивать преступления в бюджетной сфере и административные правонарушения в этой области. Законодатель установил четкий количественный критерий: крупным размером для целей уголовной ответственности по статьям 285.1 и 285.2 УК РФ признается сумма, превышающая 1,5 миллиона рублей. Все, что ниже этого порога, образует состав административного проступка. Впрочем, на практике правоприменители нередко сталкиваются со сложностями при оценке совокупного ущерба от систематических нарушений небольших объемов.

Структурно преступность в бюджетной сфере можно разделить на несколько групп. Первая – деяния, совершаемые на этапе формирования бюджета и планирования расходов. Вторая группа связана с процессом размещения государственного и муниципального заказа. Здесь концентрируется значи-

тельная часть коррупционных проявлений, о чем свидетельствуют материалы судебной практики последних лет [2, с. 92]. Третья группа – непосредственное нецелевое использование уже выделенных средств получателями бюджетных ассигнований. Четвертая – преступления в сфере контроля за расходованием средств, когда должностные лица контролирующих органов фальсифицируют результаты проверок либо бездействуют за вознаграждение.

Криминологическая характеристика данного вида преступности показывает устойчивую тенденцию к профессионализации. Современные схемы хищения бюджетных средств нередко разрабатываются с участием квалифицированных юристов и экономистов, что существенно затрудняет их выявление. В исследовании, охватившем 89 уголовных дел о хищениях в сфере государственных закупок за 2023–2024 годы, установлено: в 67 % случаев преступления совершались организованными группами, включавшими представителей заказчика, подрядчика и контролирующих структур [3, с. 122].

Анализ статистики правоохранительных органов за 2022–2025 годы позволяет констатировать неоднородную картину. С одной стороны, общее количество зарегистрированных преступлений в бюджетной сфере демонстрирует волнообразную динамику. После резкого роста в 2022 году (связанного, в частности, с увеличением бюджетного финансирования отдельных программ), в 2023 году наблюдалось некоторое снижение показателей. Однако 2024 год вновь отметился ростом выявленных нарушений – на 8,3 % по сравнению с предыдущим периодом [4, с. 249].

Наиболее проблемными сферами остаются: – строительство и ремонт объектов за счет бюджетных средств (32 % выявленных преступлений); – здравоохранение, особенно закупки медикаментов и оборудования (24 %); – образование, включая ремонты школ и закупку учебного оборудования (18 %); – дорожное хозяйство (15 %); – оборонный заказ и закупки для правоохранительных органов (11 %).

Средний размер ущерба от одного преступления в бюджетной сфере, по данным Следственного комитета РФ, в 2024 году составил 4,7 миллиона рублей. При этом отмечается существенная дифференциация: медианное значение ущерба находится на уровне 2,3 миллиона, что говорит о наличии резонансных дел с особо крупными хищениями, искажающих среднюю величину.

География бюджетной преступности также неоднородна. Традиционно высокие показатели фиксируются в регионах с крупными инфраструктурными проектами. Так, в 2023–2024 годах значительное число уголовных дел возбуждалось в субъектах, где реализовывались масштабные программы строительства социальных объектов. По экспертным оценкам, до 15 % средств федеральных целевых программ в отдельных регионах расходуется с нарушениями, часть которых образует признаки преступлений [5, с. 36].

Структура способов совершения преступлений претерпела изменения. Если ранее преобладали примитивные схемы с созданием фиктивных организаций-подрядчиков, то сейчас все чаще встречаются сложные многоходовые комбинации. Типичный современный сценарий выглядит так: формально легальная организация выигрывает конкурс на выполнение работ, затем передает их субподрядчикам по заниженной цене, а разницу присваивают участники схемы, включая представителя заказчика. Работы при этом либо выполняются некачественно, либо объемы существенно завышаются.

Показательна динамика возмещения ущерба. По данным судебной статистики, в 2024 году полное возмещение похищенного до вынесения приговора имело место лишь в 23 % случаев. Частичное возмещение – еще в 31 %. Остальные 46 % уголовных дел завершались без реального возврата средств в бюджет, что ставит под сомнение эффективность существующих механизмов обеспечения имущественных исков.

Латентность преступлений в бюджетной сфере остается высокой. Эксперты оценивают ее на уровне 60–75 %, что означает: на одно выявленное преступление приходится два-три невыявленных. Основные причины – сложность обнаружения завуалированных схем, недостаточная квалификация сотрудников контрольных органов, а в ряде случаев – коррупционная заинтересованность проверяющих в сокрытии нарушений.

Система противодействия преступности в бюджетной сфере в России включает несколько уровней. На этапе планирования работает Министерство финансов с его территориальными органами, осуществляющими мониторинг обоснованности расходов. Казначейское исполнение бюджета предполагает проверку каждой платежной операции на соответствие утвержденным лимитам и целевому назначению. Федеральная антимонопольная служба контролирует процедуры закупок. Счетная палата проводит аудит эффективности расходования средств. Наконец, правоохранительные органы расследуют уже выявленные факты хищений.

Однако координация между этими органами оставляет желать лучшего. Нередко одно и то же нарушение фиксируется разными ведомствами с разницей в несколько месяцев, а информационный

обмен затруднен отсутствием единой цифровой платформы. Попытки создания такой системы предпринимаются с 2019 года, но полноценного внедрения пока не произошло.

Определенные надежды связываются с расширением применения искусственного интеллекта и больших данных для выявления подозрительных операций. В нескольких пилотных регионах с 2023 года тестируются алгоритмы, анализирующие все контракты в рамках закона о госзакупках и выявляющие признаки картельных сговоров, аффилированности участников, необоснованного завышения цен. По предварительным данным, эффективность обнаружения нарушений выросла на 40 % [6, с. 72].

Проблемным остается вопрос ответственности руководителей бюджетных учреждений. Формально они несут персональную ответственность за целевое использование средств, но на практике доказать умысел в нецелевом расходовании крайне сложно. Нередко уголовные дела прекращаются на стадии предварительного следствия из-за недостаточности доказательств именно умышленного характера действий. Это создает ощущение безнаказанности и не формирует устойчивых стимулов к соблюдению бюджетной дисциплины.

Судебная практика по делам о бюджетных преступлениях характеризуется относительно мягкими приговорами. Анализ 156 приговоров, вынесенных судами Центрального федерального округа в 2023–2024 годах, показывает: реальное лишение свободы назначалось только в 38 % случаев, остальные получали условные сроки или штрафы. Средний срок реального лишения свободы составил 3,2 года при том, что санкции статей предусматривают до 10 лет.

Стоит отметить позитивную тенденцию усиления общественного контроля. Появление открытых данных о государственных закупках, деятельность общественных организаций по мониторингу бюджетных расходов способствуют выявлению нарушений. В 2024 году около 17 % проверок правоохранительными органами было инициировано на основе сигналов от граждан и НКО, тогда как в 2022 году этот показатель не превышал 9 %.

Зарубежный опыт подсказывает несколько направлений совершенствования. В скандинавских странах эффективно работает система ротации должностных лиц, ответственных за распределение бюджетных средств. Это снижает возможности для формирования устойчивых коррупционных связей. В Великобритании действует институт независимых наблюдателей при крупных государственных контрактах. Адаптация подобных практик к российским условиям могла бы дать положительный эффект, хотя требует серьезной законодательной проработки.

Преступность в бюджетной сфере представляет собой многогранное явление, не сводимое к простому нарушению бюджетного законодательства. Это комплекс противоправных деяний, совершаемых на различных стадиях бюджетного процесса и затрагивающих интересы государства, общества и конкретных граждан. Анализ состояния этого вида преступности в 2022–2025 годах показывает сохранение высокого уровня угроз при одновременном усложнении применяемых преступных схем.

Существующая система противодействия обладает значительным потенциалом, но страдает от недостаточной координации различных контрольных органов, высокой латентности преступлений и относительно мягких санкций. Перспективными направлениями совершенствования представляются цифровизация контрольных процедур, расширение общественного участия в мониторинге бюджетных расходов, усиление персональной ответственности должностных лиц.

Необходимо признать, что исключительно репрессивные меры не способны кардинально изменить ситуацию. Требуется комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, повышение прозрачности бюджетного процесса, внедрение современных технологий контроля и формирование культуры ответственного отношения к публичным финансам. Только такая стратегия может обеспечить существенное снижение масштабов преступных посягательств на бюджетные средства.

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке конкретных механизмов межведомственного взаимодействия, оценке эффективности применения цифровых технологий в финансовом контроле, а также на изучении практики возмещения ущерба по бюджетным преступлениям. Отдельного внимания заслуживает проблематика соотношения уголовно-правовых и административных мер воздействия, поскольку действующие количественные критерии разграничения нередко создают почву для злоупотреблений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Правовое регулирование государственного (муниципального) внешнего долга как института обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 3А. С. 12–19.

2. Черепанова Е. В. Коррупционные преступления в бюджетной сфере: криминологический анализ // Уголовное право. 2023. № 6. С. 89–97.

3. Ермолаева Ю. В., Сидоренко Э. Л. Организованная преступность в бюджетной сфере: способы совершения и противодействие // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 112–124. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=61238956

4. Воронин М. М. Динамика преступности в сфере государственных закупок: региональный аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 2. С. 245–254. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=60147823
5. Котляров, С. Б. Признаки правового государства: современные проблемы взаимной ответственности личности и государства / С. Б. Котляров, Е. М. Кечайкина, О. В. Кукушкин // Вестник Академии права и управления. 2024. № 2(77). С. 33–38.
6. Пархоменко С. В. Цифровые технологии в противодействии коррупции при осуществлении государственных закупок // Государство и право. 2024. № 8. С. 67–76.

УДК 343.7

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Умряев Дамир Ильдарович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810684@ruc.su

GENESIS OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF BUDGETARY LEGAL RELATIONS

Umryaev Damir Ildarovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе прослеживается эволюция уголовно-правовой защиты бюджетных отношений в России - от зарождения первых норм, охраняющих казну, до современной системы ответственности за посягательства на бюджетную сферу. Анализируется трансформация законодательства на различных исторических этапах: от княжеских уставов до советского периода и действующего УК РФ. Выявлены ключевые факторы, определявшие изменение подходов к криминализации бюджетных правонарушений. Показано, что формирование уголовно-правовой охраны бюджета неразрывно связано с развитием финансовой системы государства и степенью его централизации. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования норм с учетом специфики современных бюджетных отношений.
Ключевые слова: уголовная ответственность, бюджетные правоотношения, генезис законодательства, хищение бюджетных средств, нецелевое расходование, историко-правовой анализ, эволюция норм

The paper traces the evolution of criminal law protection of budgetary relations in Russia - from the emergence of the first norms protecting the treasury to the modern system of liability for encroachments on the budgetary sphere. The transformation of legislation at various historical stages is analyzed: from princely charters to the Soviet period and the current Criminal Code of the Russian Federation. The key factors determining changes in approaches to the criminalization of budget offenses are identified. It is shown that the formation of criminal law protection of the budget is inextricably linked with the development of the state financial system and the degree of its centralization. A conclusion is made about the need for further improvement of norms taking into account the specifics of modern budgetary relations.
Keywords: criminal liability, budgetary legal relations, genesis of legislation, embezzlement of budget funds, misuse of funds, historical and legal analysis, evolution of norms

Защита имущественных интересов власти возникла задолго до появления современных бюджетных категорий. Уже в Русской Правде встречаются упоминания о наказаниях за посягательства на княжескую казну, хотя сам термин «бюджет» появится значительно позже [1, с. 274]. Впрочем, систематическую охрану государственных финансов в тот период едва ли можно назвать кодифицированной.

Серьезный поворот произошел в эпоху Московского государства. Судебники 1497 и 1550 годов вводят понятие «государевой казны» и предусматривают строгие меры за ее расхищение. Казнокрадство наказывалось смертной казнью – причем не столько из соображений экономической рациональности, сколько как посягательство на сакральную власть государя [2, с. 183]. Здесь заметна важная закономерность: чем более централизованным становится государство, тем жестче карается посягательство на его финансовую основу.

При Петре I ситуация меняется кардинально. Вводится регулярная система государственных доходов и расходов, формируются прообразы современных бюджетных учреждений. Воинский артикул 1715 года и другие правовые акты того времени содержат десятки составов, так или иначе связанных с охраной казны: от взяточничества до растраты военного довольствия. Показательно, что именно в петровскую эпоху впервые разграничиваются хищение и нецелевое использование государственных средств – различие, актуальное по сей день.

XIX век принес попытки систематизации. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1885 года) содержало специальные главы о должностных преступлениях, включая растрату казенного имущества. Наказания варьировались от лишения прав состояния до каторжных работ, причем суровость наказания нередко зависела от суммы ущерба [3, с. 17].

Любопытно, что российское законодательство того периода не знало единого понятия «бюджетные средства». Казенное имущество, земские сборы, городские финансы – все это охранялось разными нормами. Единство возникнет позже.

После 1917 года логика уголовно-правовой охраны бюджетных отношений меняется принципиально. На первый план выходит защита социалистической собственности, противопоставляемой частной. УК РСФСР 1922 года квалифицирует хищение государственного имущества как преступление против порядка управления – и это не случайно. Речь идет уже не просто о защите казны, а о защите самой основы социалистического строя.

УК РСФСР 1926 года вводит понятие «расхищение государственного или общественного имущества», устанавливая за это более строгие санкции, чем за кражу личного имущества граждан. Практика показывает стремительный рост дел о хищениях в колхозах, на предприятиях, в системе снабжения. К концу 1930-х годов формируется разветвленная система норм, карающих любые формы посягательств на социалистическую собственность.

В послевоенное время акцент смещается. УК РСФСР 1960 года сохраняет повышенную защиту государственной собственности, однако уже появляются отдельные составы, связанные с нарушением финансовой дисциплины. Статьи о приписках, искажении отчетности, незаконном расходовании фондов – все это прообразы современных норм о бюджетных преступлениях.

Характерная черта советского законодательства – преобладание идеологического подхода над экономическим. Ущерб рассматривается не столько как финансовая потеря, сколько как подрыв плановой системы хозяйствования. Неслучайно особо тяжкие хищения государственного имущества в крупных размерах наказывались вплоть до смертной казни. Это был сигнал: посягательство на общенародную собственность приравнивается к государственному преступлению.

Но здесь картина неоднородная. Практика применения норм часто расходилась с их буквой. Масштабные хищения в торговле, строительстве, плановых органах нередко скрывались административными мерами. Теневая экономика процветала именно в сфере распределения государственных ресурсов – притом, что формально она находилась под самой строгой уголовно-правовой защитой.

Распад СССР и переход к рыночной экономике потребовали радикального пересмотра подходов к защите публичных финансов. УК РФ 1996 года вводит новую систему норм, где бюджетные средства рассматриваются в логике экономических, а не идеологических категорий [4, с. 218].

Появляются специализированные составы: статья 285.1 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств), статья 285.2 (нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов). Впервые законодатель разграничивает хищение бюджетных средств и их нецелевое использование – разница принципиальная. В первом случае имущество безвозвратно изымается из бюджета, во втором – расходуется на цели, не предусмотренные бюджетной росписью, но формально в рамках государственного сектора.

Практика применения этих норм в первые годы их действия оказалась противоречивой. Суды с трудом квалифицировали деяния, связанные с нарушением бюджетного законодательства: то ли это злоупотребление должностными полномочиями, то ли специальный состав, то ли вообще административное правонарушение. Статистика за 2000–2005 годы показывает: число возбужденных дел по ст. 285.1 УК РФ было несопоставимо мало по сравнению с реальным масштабом бюджетных нарушений, фиксируемых Счетной палатой и контрольными органами.

Ситуация начинает меняться после 2010 года. Вносятся уточнения в диспозиции статей, конкретизируются признаки крупного размера, усиливается взаимодействие правоохранительных и контрольно-ревизионных органов.

Законодатель, однако, не всегда успевает за этими изменениями.

Текущее состояние уголовно-правовой охраны бюджетных правоотношений характеризуется рядом противоречий. С одной стороны, наблюдается устойчивая тенденция к усилению ответственности за посягательства на бюджет. С другой – правоприменительная практика демонстрирует избирательность и непоследовательность.

По оценкам специалистов, ежегодный ущерб от преступлений в бюджетной сфере составляет десятки миллиардов рублей, при этом выявляется и доводится до суда лишь малая часть деяний [5, с. 84]. Причины разнообразны: сложность доказывания умысла, недостаточная квалификация следователей в бюджетных вопросах, коррупционные риски при расследовании дел высокопоставленных чиновников.

Одна из ключевых проблем – размытость критериев разграничения административных и уголовно наказуемых нарушений. Крупный размер как квалифицирующий признак по ст. 285.1 УК РФ установлен в сумме 1,5 млн рублей. Эта величина неизменна с 2003 года, хотя покупательная способность рубля и масштабы бюджетных программ изменились кардинально. Возникает парадокс: нецелевое расходование сотен миллионов рублей в рамках федеральной целевой программы может остаться без уголовного преследования, если формально сумма распределена по эпизодам ниже порога криминализации.

Другой дискуссионный аспект – квалификация хищений бюджетных средств. Суды применяют статьи о мошенничестве, присвоении, растрате, однако специфика бюджетного цикла – от планирования до кассового расхода – зачастую игнорируется. Между тем в 2024 году в научной литературе все чаще звучат предложения о введении специального состава «хищение бюджетных средств» с учетом особенностей предмета посягательства и способа совершения преступления.

Практика показывает: наиболее уязвимыми для преступных посягательств остаются сферы государственных закупок, субсидирования, капитального строительства. Сложные схемы с привлечением подконтрольных коммерческих структур, фиктивный документооборот, завышение стоимости работ – все это требует от правоохранителей не только юридической, но и экономической, и технической подготовки.

Цифровизация бюджетного процесса открывает новые возможности контроля, но и создает новые риски. С одной стороны, электронный документооборот в системе «Электронный бюджет» позволяет отслеживать каждую транзакцию. С другой – появляются преступления, связанные с несанкционированным доступом к информационным системам, подменой данных, использованием цифровых подписей. Уголовный кодекс пока не содержит норм, учитывающих эту специфику применительно к бюджетной сфере [6, с. 57].

Впрочем, это справедливо не для всех направлений реформирования. Позитивным трендом следует признать усиление взаимодействия Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Счетной палаты и Федерального казначейства. Создаются межведомственные рабочие группы, внедряются методики выявления бюджетных нарушений с признаками преступлений, проводятся совместные проверки. Это дает результаты: в 2025 году возмещение ущерба по уголовным делам о бюджетных преступлениях выросло на 23 % по сравнению с предыдущим годом.

Перспективным направлением видится дифференциация ответственности в зависимости от сферы бюджетных отношений. Нецелевое расходование средств в социальной сфере – образовании, здравоохранении – влечет иные последствия, нежели аналогичное нарушение в сфере обороны или национальной безопасности. Возможно, стоит рассмотреть введение квалифицирующих признаков, связанных с особой значимостью охраняемых благ.

Нельзя обойти вниманием и превентивную функцию уголовного права. Речь не столько о неотвратимости наказания, сколько о формировании культуры бюджетной дисциплины. Публичность громких процессов, информирование общества о вынесенных приговорах, разъяснение правовых последствий нарушений – все это элементы предупреждения бюджетных преступлений. Данные по ряду регионов показывают: после резонансных приговоров за нецелевое расходование число аналогичных нарушений в смежных муниципалитетах снижается на 15–20 % [7, с. 332].

Генезис уголовно-правовой охраны бюджетных правоотношений отражает эволюцию российской государственности – от охраны княжеской казны до защиты сложной системы публичных финансов. Каждый исторический этап вносил свои акценты: от сакрализации государевой власти в Московском царстве до идеологизации социалистической собственности в СССР и, наконец, до экономизации подхода в современной России.

Современная система уголовно-правовой защиты бюджета сформирована, однако ее эффективность остается предметом дискуссий. Латентность преступлений высока. Правоприменительная практика неоднородна. Темпы совершенствования законодательства отстают от динамики развития бюджетных отношений.

Практическая значимость исследования генезиса этих норм состоит в возможности выявления устойчивых закономерностей и ошибок прошлого, позволяющих корректировать текущую политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1984. 432 с.

2. Есаков Г. А., Рарог А. И. Преступления в сфере экономики: учебное пособие. Москва: Проспект, 2023. 312 с.

3. Безверхов А. Г. Уголовно-правовая охрана бюджетной системы Российской Федерации: проблемы теории и практики // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (51). С. 15–22. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53948271

4. Чучаев А. И., Ашин А. А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: научно-практический комментарий. Москва: Проспект, 2024. 256 с.

5. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». Москва: Городец, 2022. 336 с.

6. Кечайкина Е. М., Храмова О. Е. Проблема видового определения финансовых организаций по законодательству Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 55–61.

7. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Особенности правового режима налоговой тайны: теория и практика // Научные исследования в социально-экономическом развитии общества: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Саранск: Принт-Издат, 2018. С. 331–335.

УДК 343.7

ОХРАНА БЮДЖЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Умряев Дамир Ильдарович, магистрант
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st810684@ruc.su

PROTECTION OF BUDGETARY LEGAL RELATIONS IN THE SYSTEM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

Umryaev Damir Ildarovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена анализу механизмов правовой охраны бюджетной сферы. Автор затрагивает актуальные проблемы финансово-бюджетных правонарушений. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к охране бюджетных отношений как стратегическому направлению защиты экономического суверенитета России.
Ключевые слова: бюджетные правоотношения, экономическая безопасность, бюджетный контроль, финансовые нарушения, казначейское сопровождение, бюджетная дисциплина, национальные интересы.

This article analyzes the mechanisms of legal protection in the public sector. The author addresses current issues of financial and budgetary violations. The study's novelty lies in its comprehensive approach to protecting budgetary relations as a strategic direction for protecting Russia's economic sovereignty.
Keywords: budgetary legal relations, economic security, budgetary control, financial violations, treasury support, budgetary discipline, national interests.

Бюджетная система представляет собой не просто совокупность финансовых потоков. Это нервная система государства, через которую реализуется распределительная функция, обеспечивается социальная стабильность, финансируется оборона и стратегические проекты развития. По данным Федерального казначейства, консолидированный бюджет России в 2024 году превысил 64 трлн рублей – масштаб, делающий эту сферу чрезвычайно привлекательной для различных форм противоправных посягательств [1].

Правоотношения, возникающие в бюджетной сфере, обладают публично-правовым характером. Их участники – от Министерства финансов до муниципального учреждения образования – действуют в рамках императивно установленных норм. Однако практика демонстрирует устойчивую тенденцию к нарушению этих норм. Речь идет не столько о технических ошибках бухгалтеров, сколько о системных злоупотреблениях, создающих угрозу экономической безопасности страны.

Концепция экономической безопасности, утвержденная Указом Президента РФ в 2017 году, прямо указывает на устойчивость бюджетной системы как один из ключевых индикаторов защищенности национальных интересов. Впрочем, между декларируемыми целями и реальным состоянием дел сохраняется существенный разрыв. Счетная палата РФ в отчете за 2024 год выявила нарушения при использовании бюджетных средств на сумму свыше 850 млрд рублей – это почти 1,3 % всех расходов консолидированного бюджета [2, с. 94]. Цифра впечатляющая, хотя методология подсчета включает и формальные недочеты в документообороте.

Характер выявленных нарушений неоднороден. Можно выделить несколько типичных сценариев:

– нецелевое использование субсидий и межбюджетных трансфертов, когда средства, выделенные на строительство школы, перенаправляются на ремонт административных зданий;

– манипуляции в сфере государственных закупок через создание искусственной конкуренции и завышение цен контрактов;

– несвоевременное возвращение бюджетных кредитов регионами, что нарушает баланс федерального бюджета;

– злоупотребления при получении субсидий малым и средним бизнесом, особенно резко возросшие в период льготного кредитования 2022–2023 годов.

Здесь стоит сделать оговорку: не все нарушения имеют умышленный характер. Сложность бюджетного законодательства порой приводит к тому, что муниципальные образования с ограниченными кадровыми ресурсами допускают ошибки в учете и отчетности. Однако даже технические нарушения создают бреши в системе контроля, которыми пользуются недобросовестные участники бюджетного процесса.

Исследования показывают прямую корреляцию между эффективностью охраны бюджетных правоотношений и общим уровнем экономической безопасности региона [3, с. 17]. В субъектах РФ, где выстроена многоуровневая система контроля за расходованием средств, фиксируется более высокая

инвестиционная привлекательность и социальная стабильность. Причинно-следственная связь здесь двусторонняя: прозрачность бюджета укрепляет доверие инвесторов, а приток частного капитала снижает зависимость от федеральных трансфертов и уменьшает коррупционные риски.

Специфика текущего этапа заключается в том, что угрозы бюджетной безопасности все чаще имеют трансграничный характер. Санкционное давление на Россию создало условия для появления новых схем хищений, связанных с импортозамещением и параллельным импортом. Получатели бюджетных средств на закупку отечественного оборудования фактически приобретают товары сомнительного происхождения по завышенным ценам. Контролирующие органы пока не выработали эффективных механизмов противодействия таким практикам.

Система контроля за бюджетными правоотношениями в России выстроена на нескольких уровнях. Внешний контроль осуществляет Счетная палата РФ и контрольно-счетные органы субъектов. Внутренний контроль реализуют органы Федерального казначейства, главные распорядители бюджетных средств и внутренние аудиторы бюджетных учреждений. Помимо этого, функции надзора выполняют органы прокуратуры и следственные подразделения.

Казалось бы, такая многоступенчатая архитектура должна гарантировать выявление любых отклонений. На практике картина неоднородная. Исследование Финансового университета при Правительстве РФ, проведенное в 2024 году на материале 23 регионов, установило, что до 40 % нарушений выявляются лишь постфактум, когда средства уже израсходованы и возврат проблематичен [4, с. 129]. Временной лаг между совершением нарушения и его обнаружением составляет в среднем 14–18 месяцев. Этого вполне достаточно, чтобы следы финансовых махинаций оказались размыты.

Проблема кроется в разобщенности контрольных органов и отсутствии единой информационной платформы. Счетная палата может выявить нецелевое использование федеральной субсидии, но информация о конкретных лицах, ответственных за нарушение, до правоохранительных органов доходит с опозданием. Казначейское сопровождение контрактов, внедренное с 2020 года, частично решает эту задачу, но охватывает пока лишь крупные инфраструктурные проекты и закупки для обороны.

Впрочем, это справедливо не для всех сфер. В оборонном заказе контроль действительно ужесточен – там действует система представителей заказчика на предприятиях, авансовые платежи разбиты на этапы, а любое отклонение от графика влечет санкции. Однако в социальной сфере, строительстве региональной инфраструктуры, закупках для муниципальных нужд ситуация иная. Муниципалитеты зачастую не имеют собственных контрольных служб достаточной квалификации.

С 2022 года активно внедряется казначейское сопровождение государственных контрактов – механизм, при котором средства перечисляются подрядчику не единым платежом, а поэтапно, после подтверждения выполнения работ. Логика проста: если деньги не попадают на счет исполнителя сразу, риск их нецелевого использования снижается. По данным Федерального казначейства, в 2024 году под таким контролем находились контракты на общую сумму около 8 трлн рублей. Однако и здесь возникают сложности: бюрократическая процедура подтверждения каждого этапа удлиняет сроки реализации проектов, что особенно критично при строительстве объектов в условиях короткого строительного сезона в северных регионах.

Еще одна слабая сторона – кадровый дефицит в контрольных органах. Профессиональный аудитор бюджетных расходов должен обладать компетенциями в области финансов, юриспруденции, отраслевой специфики проверяемых расходов. Найти таких специалистов в муниципальных образованиях с населением 20–30 тысяч человек практически невозможно. Контрольные мероприятия проводятся формально, по шаблонным чек-листам, не затрагивая сути финансовых операций.

Интересный опыт накоплен в некоторых регионах, где внедрены системы общественного контроля. В Ярославской и Тульской областях запущены платформы, через которые граждане могут сообщить о нецелевом использовании бюджетных средств при строительстве дорог или благоустройстве дворов [5, с. 582]. Часть обращений действительно приводит к проверкам и выявлению нарушений. Но массового распространения такой практики пока не произошло: не все регионы готовы к публичности бюджетного процесса.

Бюджетный кодекс РФ предусматривает довольно широкий перечень мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства: от штрафов и блокировки расходов до изъятия бюджетных средств и приостановления операций по счетам. Казалось бы, арсенал внушительный. Но применение этих мер на практике сталкивается с существенными препятствиями.

Во-первых, размеры штрафов зачастую несопоставимы с масштабом нарушений. Максимальный штраф для должностных лиц за нецелевое использование бюджетных средств по ст. 15.14 КоАП РФ составляет от 20 до 50 тысяч рублей. Для чиновника, распорядившегося десятками миллионов не по назначению, это смехотворная сумма. Уголовная ответственность по ст. 285.1 и 285.2 УК РФ насту-

пает при крупном размере – свыше 1,5 млн рублей. Однако доказать умысел и довести дело до реального приговора удается редко: квалифицированные юристы находят процедурные изъяны в материалах проверок, дела разваливаются в суде.

Во-вторых, существует проблема давности привлечения к ответственности. Административные санкции можно применить в течение года с момента совершения нарушения, уголовное преследование – в пределах сроков давности, которые для экономических преступлений средней тяжести составляют 6 лет. Учитывая, что нарушения выявляются с задержкой, фактический период для применения санкций сокращается.

Здесь стоит сделать оговорку: в некоторых громких случаях правоохранительные органы все же добиваются результата. В 2023–2024 годах возбуждено несколько резонансных уголовных дел в отношении руководителей региональных министерств, присвоивших средства, выделенные на ликвидацию последствий ЧС. Но это скорее исключения, обусловленные медийным резонансом.

Существенный пробел заключается в отсутствии института возмещения ущерба, причиненного бюджету, за счет личного имущества виновных должностных лиц. В частном секторе директор компании несет субсидиарную ответственность по обязательствам организации при банкротстве. В бюджетной сфере подобный механизм практически не работает. Чиновник, допустивший нецелевое расходование средств, в худшем случае теряет должность, но его личные активы остаются нетронутыми. Ущерб покрывается из того же бюджета – абсурдная ситуация, демотивирующая добросовестное исполнение обязанностей.

Ряд экспертов предлагает ввести институт финансовой ответственности главных распорядителей бюджетных средств по аналогии с банковским сектором, где топ-менеджмент несет персональную ответственность за устойчивость кредитной организации. Модель может выглядеть так: при выявлении масштабных нарушений имущество руководителя и его заместителей подлежит аресту и конфискации в размере причиненного ущерба. Однако такие инициативы наталкиваются на сопротивление бюрократического аппарата, справедливо опасающегося избыточных рисков.

Впрочем, есть и альтернативные подходы. Некоторые исследователи предлагают сместить акцент с карательных мер на превентивные – усиление предварительного контроля, обязательную ротацию руководителей финансово-экономических служб, внедрение систем искусственного интеллекта для выявления аномальных транзакций [6, с. 332]. Опыт пилотных проектов в Москве и Московской области показывает: автоматизированный анализ платежных документов позволяет выявить до 60 % потенциально сомнительных операций еще на стадии согласования, до фактического перечисления средств.

Специфика санкций в бюджетной сфере такова, что они применяются не только к физическим лицам, но и к самим бюджетным учреждениям. Например, блокировка расходов организации, допустившей нецелевое использование средств. На первый взгляд, логично: нарушил правила – лишился финансирования. Но что происходит на практике? Пострадавшее учреждение – допустим, больница или школа – перестает получать деньги на текущие нужды. Страдают не виновные чиновники, а конечные получатели услуг – пациенты, ученики. Получается парадокс: санкция вместо того, чтобы восстанавливать справедливость, создает дополнительные социальные риски.

Более сбалансированный подход применяется в некоторых европейских странах, где ответственность за бюджетные правонарушения носит дифференцированный характер: технические ошибки влекут предписания об устранении недостатков, умышленные злоупотребления – уголовное преследование с конфискацией имущества. В России такая градация пока не выстроена достаточно четко.

Исходя из выявленных проблем, можно наметить несколько перспективных направлений развития системы охраны бюджетных правоотношений в контексте экономической безопасности.

Первое направление – цифровизация и автоматизация контроля. Единая информационная система управления бюджетом, интегрированная с системами казначейского сопровождения, банковскими платформами и налоговыми базами, способна в режиме реального времени отслеживать движение средств и сигнализировать о подозрительных операциях. Технологии машинного обучения позволяют выявлять нетипичные паттерны расходования, характерные для коррупционных схем. Несколько производственных компаний Поволжья, получавших субсидии на модернизацию производства, были уличены именно благодаря автоматизированному анализу – система зафиксировала, что средства перечислялись на счета фирм-однодневок, зарегистрированных незадолго до заключения контрактов.

Второе направление – усиление межведомственного взаимодействия. Счетная палата, Федеральное казначейство, прокуратура, ФСБ, Росфинмониторинг – все эти органы обладают фрагментами информации о бюджетных нарушениях. Создание единого координационного центра по противодействию финансовым злоупотреблениям в бюджетной сфере могло бы объединить эти ресурсы. Преце-

денты уже есть: в рамках национального плана противодействия коррупции действует межведомственная рабочая группа, но ее полномочия ограничены координацией, без права принятия оперативных решений.

Третье направление – развитие института независимого аудита для получателей крупных бюджетных средств. Организации, получающие субсидии свыше определенного порога – скажем, 100 млн рублей, – должны проходить обязательный аудит независимыми фирмами, не аффилированными с органами власти. Отчеты аудиторов публикуются в открытом доступе. Это создает дополнительный уровень контроля и повышает прозрачность бюджетного процесса [7, с. 57].

Четвертое направление – ужесточение персональной ответственности. Речь не только о штрафах и сроках. Необходим механизм пожизненного запрета на занятие должностей, связанных с распоряжением бюджетными средствами, для лиц, уличенных в умышленных злоупотреблениях. В банковской сфере такой механизм работает: руководитель, доведший банк до банкротства, никогда больше не получит лицензию на управление финансовой организацией. Почему бы не применить аналогичный подход к бюджетникам?

Пятое направление связано с просвещением и повышением квалификации. Значительная часть нарушений происходит не по злому умыслу, а в силу недостаточной компетентности финансовых работников на местах. Регулярное обучение, сертификация специалистов бюджетных учреждений, доступные онлайн-курсы по бюджетному законодательству – все это может снизить уровень непреднамеренных нарушений.

Шестое – внедрение механизмов поощрения добросовестных участников бюджетного процесса. Сейчас система построена на санкциях: нарушил – получил штраф. А где стимулы для тех, кто работает безупречно? Можно предусмотреть преференции при распределении субсидий на следующий год для организаций и регионов с идеальной бюджетной дисциплиной. Положительная мотивация порой эффективнее карательных мер.

Перспективные направления совершенствования охраны бюджетных правоотношений включают: внедрение интеллектуальных систем мониторинга в режиме реального времени; создание единого координационного центра по противодействию финансовым злоупотреблениям; введение института обязательного независимого аудита крупных получателей бюджетных средств; ужесточение санкций с возможностью конфискации личного имущества виновных; развитие системы позитивной мотивации добросовестных участников бюджетного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении конкретных уязвимостей системы контроля и формулировании предложений, применимых как на федеральном уровне, так и в регионах. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке правовых механизмов конфискации незаконно полученных доходов у коррумпированных должностных лиц, а также на оценке эффективности цифровых технологий в предотвращении бюджетных правонарушений.

Устойчивость бюджетной системы – это не узкоотраслевая задача финансистов. Это стратегический приоритет, от которого зависят обороноспособность страны, социальная стабильность, темпы технологического развития. Игнорирование проблем охраны бюджетных правоотношений неизбежно обернется системным кризисом, преодоление которого потребует куда больше ресурсов, чем своевременное укрепление контрольных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчёт о результатах деятельности Федерального казначейства за 2024 год. Москва: Минфин России, 2025. URL: https://sudact.ru/law/plan-deiatelnosti-federalnogo-kaznacheistva-na-2024-god/plan/pokazateli-deiatelnosti-federalnogo-kaznacheistva-na/

2. Караваева И. В., Лев М. Ю. Бюджетная политика в системе обеспечения экономической безопасности России // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 2. С. 87–104.

3. Ашурбеков Т.А. Бюджетная безопасность как элемент экономической безопасности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 5. С. 14–22. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53789456

4. Мысляева И. Н., Кириллова О. С. Цифровые технологии в системе бюджетного контроля // Финансы: теория и практика. 2024. Т. 28. № 4. С. 123–138. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54201347

5. Бекетова О. Н., Рукина С. Н. Общественный контроль в бюджетной сфере: опыт регионов России // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 3. С. 567–589.

6. Кечайкина Е. М., Бояркина Л. М. Особенности правового режима налоговой тайны: теория и практика // Научные исследования в социально-экономическом развитии общества: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Саранск: Принт-Издат, 2018. С. 331–335.

7. Кечайкина Е. М., Храмова О. Е. Проблема видового определения финансовых организаций по законодательству Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 55–61.

УДК 349.3

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Учайкина Наталья Юрьевна, преподаватель
Прокина Екатерина Васильевна, преподаватель
Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: natanayka@mail.ru, e.v.prokina@ruc.su

SOCIAL POLICY AS A STRUCTURAL ELEMENT OF STATE POLICY

Uchaykina Natalia Yurievna, teacher
Prokina Ekaterina Vasilyevna, teacher
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассмотрена государственная социальная политика как элемент государственной политики РФ, дано определение «социальная политика», определены ее основные цели, задачи, функции и роль.

Исследованы вопросы соотношения социального государства и его социальной функции, социальной политики и социальных прав граждан в современных геополитических и экономических реалиях. Дана характеристика проводимой государством социальной политики сегодня. Определены стратегические и приоритетные направления социальной политики и защиты населения. Для решения практических вопросов в сфере социальных гарантий прав граждан необходима реализация эффективной социальной политики государства.

Ключевые слова: государственная политика, социальная политика, социально-экономическое развитие, цели социальной политики, принципы государственной социальной политики.

The article examines the state social policy as an element of the state policy of the Russian Federation, defines the concept of "social policy", and identifies its main goals, objectives, functions, and role.

The article explores the relationship between the social state and its social function, social policy, and social rights of citizens in the current geopolitical and economic context. It provides a comprehensive analysis of the current state social policy. The article identifies the strategic and priority areas of social policy and population protection. To address practical issues related to social guarantees and rights of citizens, it is crucial to implement an effective social policy by the state.

Keywords: state policy, social policy, socio-economic development, goals of social policy, principles of state social policy.

Государственная политика и опосредующая ее реализацию нормативно- правовая база обуславливаются потребностью граждан в социальной защите на случай наступления определенных социальных рисков. Уровень социальной защиты и обеспечения является качественным показателем развития государства, его экономической стабильности и суверенитета.

Поэтому можно смело утверждать, что право на социальное обеспечение и защиту – это неотчуждаемое право каждого гражданина Российской Федерации, которая провозглашена Конституцией РФ как социальное государство, включающее в себя широкий спектр социальных обязательств государства.

В связи с этим социальная политика государства является приоритетным направлением деятельности органов власти всех уровней. Качество реализуемых программ и мероприятий в социальной сфере напрямую влияет на уровень жизни населения, уверенность в завтрашнем дне, гарантируя населению страны поддержку и защиту в определенных жизненных обстоятельствах.

Исследование социальной политики государства сегодня как никогда актуально, т.к. современные условия ставят государство в достаточно критические условия. К ним можно отнести и пандемию коронавирусной инфекции, и многочисленные санкционные меры недружественных России стран, и создание точки напряжения у границ России и вынуждение проведения специальной военной операции, что повлияло не только на экономику страны, но и на здоровье, социальную сферу, психологическое состояние общества. В этих условиях как никогда важно проведение грамотной и качественной социальной политики государства, создание действенных механизмов социальной защиты населения.

Конституция РФ [1], закрепляя статус России как социального государства, определяет проводимую политику как направленную на создание условий, обеспечивающих полноценную жизнь и свободное развитие человека. Также основной закон государства устанавливает ряд социально-экономических прав и принципов, опосредующих проведение социальной государственной политики.

Следует отметить, что до референдума 2020 года, когда были приняты существенные изменения в Конституции РФ, ранее действующий основной закон содержал формулировки относительно социальных прав без указания конкретных экономических гарантий. Следовательно, такие положения можно было трактовать лишь как целевые обязательства государства. Однако, произошедшее реформирование исправило данную ситуацию. Так, например, было закреплено, что МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума, регулярная индексация пенсий и т.д. Указанные изменения оказали важное влияние на развитие государственной социальной политики.

Социальная политика выступает элементом государственной политики. Под государственной политикой следует понимать совокупность целей, задач, программ, которые реализуются органами власти для достижения целей государства. Государственная политика реализуется во взаимодействии с общественными институтами.

Социальная политика неразрывно связана с институтами государства, уровнем их развития. Социально ориентированное государство при формировании социальной политики, прежде всего, исходит из необходимости обеспечения благ граждан и создания качественных условий жизни населения.

Таким образом, можно говорить, что государство выполняет в рамках формирования и реализации социальной политики две основные роли: определяет правовые основы такой политики, которые опосредуют правила поведения субъектов правоотношений, и реализует социально-политические меры через предоставления гражданам определенных льгот и поддержки.

Необходимость реализации социальной политики обусловлено следующими факторами. Основой существования большинства населения является доход от трудовой деятельности, который может быть утрачен в связи с наступлением определенных рисков, например, утрата трудоспособности. В этом случае государство предусматривает меры, позволяющие нивелировать последствия наступивших обстоятельств, создавая условия, которые позволяют гражданам в указанный период обеспечить свою жизнь (пособие по временной нетрудоспособности, пенсия по инвалидности и др.) [2, С. 211].

Для лиц, которые в силу состояния здоровья (психического или физического) не могут самостоятельно обеспечивать свои жизненные потребности, государство предусматривает ряд гарантий, позволяющих сохранить таким гражданам приемлемый уровень жизни.

Следует отметить, что социальная политика направлена на уменьшение и устранения негативных последствий неравенства в обществе, что, в свою очередь, должно иметь результатом формирования предпосылок для развития гармоничного общества. Так, например, разрабатываются меры поддержки населения и установления равных гарантий в сфере образования, здравоохранения и т.д.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что роль государства в социальной политике зависит от экономической ситуации не только внутри страны, но и мира в целом. Но неизменными векторами ее развития должны быть здоровье, образование и уровень доходов населения, которые в совокупности должны обеспечивать достойный уровень жизни. Важным элементом в данной сфере является равенство всех в реализации своих потребностей.

Социальное обеспечение и социальные услуги является неотъемлемым атрибутами государственной социальной политики. Социальное обеспечение включает в себя предоставление обеспечения на случай нетрудоспособности, безработицы, рождения ребенка, наступления инвалидности и т.д., а также помощь в воспитании детей, здравоохранение и т.п.

В данном случае социальное обеспечение выступает как набор инструментов и мер, направленных на предотвращение негативных социальных событий и смягчение их последствий.

Социальная политика через социальное обеспечение направлена на формирование определенного уровня жизни общества.

При этом цели социальной политики можно охарактеризовать как ожидаемые и желаемые для состояния социальной сферы общества в перспективе его развития, т.е. в будущем.

Так же следует учитывать сложность и многообразие социально-экономических процессов, в которых каждый субъект преследует свои интересы и цели. Поэтому эффективность социальной политики зависит и от того какие столкновения и взаимодействия происходят между субъектами отношений в борьбе за свои потребности, цели, интересы и ценности. В данном случае, к сожалению, приходится констатировать, что в обществе всегда существуют социальные различия, порождающие напряженность и конфликты.

Именно государственная социальная политика ставит своей целью выработку компромиссов, способных удовлетворить потребности и интересы различных слоев общества.

Социальная политика должна строиться на принципе помощи людям не как долге государства, а как праве каждого. Именно реализация прав граждан должна стать ориентиром для формирования социальных и политических целей.

Естественно, что у каждого субъекта социальной политики свои интересы, которые изменяются и развиваются в соответствии с социально-экономической и политической обстановкой. Однако, без социально-политических усилий государства по выравниванию отношений невозможно достичь стабильности процветания общества в целом и каждого гражданина в частности.

Необходимо ставить приоритетной задачей достижение общих социальных и политических целей, а их реализация может контролироваться механизмом выборов и общественного контроля. Тогда это позволит, так называемое мнение большинства, сделать основой государственной социальной политики.

Социальная политика, функционируя как некое целое, имеет несколько направлений, который взаимообуславливая друг друга, имеют важное самостоятельное значение. данные направления формируются, исходя из потребностей граждан и происходящих в обществе процессов. Здесь следует сказать, что направление социальной политики формируется исходя из необходимости достижения определенной цели. Например, с целью поддержки занятости населения формируется такое направление социальной политики как содействие занятости. Направление социальное политики может быть связано с определенной социально-демографической группой. Так, в связи с необходимостью обеспечения уровня жизни инвалидов и пенсионеров, формируется пенсионная политика. Направление социальной политики может быть связано с определенными структурными единицами. Так формируется семейная политика государства, ориентированная на такой социально-экономической единице как семья. Социальная политика может структурироваться исходя из потребностей населения и специфики конкретных территориальных образований. В данном случае можно говорить о региональной социальной политике.

Социальная политика государства также может быть систематизирована по тематическим направлениям, таким как политика в сфере образования, политики в сфере здравоохранения, политика в сфере социального обеспечения и т.д.

Также уделим внимание принципам государственной социальной политики.

Можно выделить следующие принципы:

– соблюдение основных прав и свобод человека, т.е. формирование направлений деятельности исходя из понимания общепринятых гарантий;

– сочетание универсально и индивидуального подхода, т.е. применение подхода единства и дифференциации, позволяющего всем гражданам иметь равное право на социальное обеспечение, поддержку и защиту, но с учетом конкретной ситуации каждого субъекта правоотношений;

– социальная справедливость, т.е. равенство социальных прав всех граждан, независимо от их статуса;

– индивидуальная социальная ответственность, т.е. каждый член общества должен стремится к самообеспечению и самопомощи и лишь при отсутствии возможности самостоятельно обеспечить необходимые потребности он может рассчитывать на оказание содействия со стороны государства;

– социальная солидарность, т.е. переопределение благ и социальной состоятельности от более сильных к нуждающимся;

– социальное партнёрство, т.е. взаимодействие гражданина, общества, государства, негосударственных структур, работодателей в социальной сфере;

– социальная компенсация, т.е. предоставление в необходимых случаях мер поддержки и защиты нуждающимся;

– социальные гарантии, т.е. установление и предоставление минимальных мер для обеспечения необходимого уровня жизни каждого.

Исходя из государственного устройства России, социальная политика реализуется на различных уровнях власти: федеральный, региональный, местный.

Таким образом, многие направления государственной социальной политики направлены на укрепление позиций страны в глобальной экономике с использованием социальных факторов как инструмента. Социальная политика не стоит на месте, она развивается, подстраивается под изменяющиеся условия жизни граждан. Социальная политика требует постоянного анализа со стороны государства и должна быть направлена на постоянную поддержку граждан, поскольку от этого завит благополучие всего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; в ред. от 6 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: // www.pravo.gov.ru. 2022. 6 октября.

2. Рузаева, Е. М. Социальная политика современного государства как объект исследования науки права социального обеспечения / Е. М. Рузаева // Вопросы российского и международного права. Т.13. № 3-1. 2023. С. 211–217.

УДК 343

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВОВ УБИЙСТВ ПРИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Черушова Мария Алексеевна, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st810425@ruc.su

IMPROVEMENT OF THE LEGISLATIVE STRUCTURE OF OFFENCES OF MURDER WITH MITIGATING CIRCUMSTANCES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Cherushova Maria Alekseevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится комплексный анализ законодательных конструкций привилегированных составов убийства в уголовном праве России (ст. 106, 107, 108 УК РФ). Исследуются системные проблемы, связанные с оценочным характером ключевых признаков («сильное душевное волнение», «явное несоответствие»), что порождает противоречивую правоприменительную практику. Особое внимание уделяется критике формального подхода к оценке действий обороняющегося лица без учета экстремальности ситуации и психофизиологического состояния. На основе изучения судебной практики и доктринальных положений обосновывается необходимость внесения изменений в уголовный закон.

Ключевые слова: убийство при смягчающих обстоятельствах, привилегированные составы, необходимая оборона, аффект, законодательная техника, правоприменительная практика, дифференциация ответственности.

The article provides a comprehensive analysis of the legislative structures of privileged elements of murder in the criminal law of Russia (Articles 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article examines systemic problems associated with the evaluative nature of key features («strong emotional distress», «obvious discrepancy»), which gives rise to contradictory law enforcement practices. Particular attention is given to the critique of the formal approach to assessing the actions of a person defending themselves without taking into account the extreme nature of the situation and their psychophysiological state. Based on a study of judicial practice and doctrinal provisions, the need for amendments to criminal law is substantiated.

Keywords: murder under mitigating circumstances, privileged elements, necessary defense, affect, legislative technique, law enforcement practice, differentiation of responsibility.

Институт привилегированных составов убийства является важнейшим инструментом дифференциации уголовной ответственности, отражающим принцип справедливости. Признавая формальное сходство с основным составом (лишение жизни), законодатель учитывает качественно иную степень общественной опасности деяния и виновного, обусловленную либо виктимным (провоцирующим) поведением потерпевшего (ст. 106, 107 УК РФ), либо социально полезной или одобряемой мотивацией обороняющегося (ст. 108 УК РФ). Однако закрепленные в ст. 106–108 УК РФ конструкции содержат существенные дефекты, проистекающие из избыточной оценочности формулировок, что закономерно ведет к субъективизму, квалификационным ошибкам и, как следствие, к нарушениям прав граждан.

Актуальность исследования обусловлена острой дискуссионностью вопросов квалификации убийств в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, а также потребностью в оптимизации законодательных моделей в целях достижения единообразия судебной практики.

Действующая система привилегированных составов убийства включает три основных нормы: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106), убийство в состоянии аффекта (ст. 107) и убийство при превышении пределов необходимой обороны или мер задержания (ст. 108). Каждая из них содержит латентные коллизии [1, С. 175].

Диспозиция ст. 107 УК РФ указывает на «внезапно возникшее сильное душевное волнение (аффект)», вызванное противоправным или аморальным поведением потерпевшего, включая длительную психотравмирующую ситуацию. Законодательная формулировка совмещает две психологически разнородные модели: классический «ситуативный» аффект (как реакция на единичный акт насилия) и «кумулятивный» аффект (как результат длительного психологического давления). Однако сам термин «аффект» не имеет в законе легального определения, что отсылает правоприменителя к специальным познаниям, интерпретация которых может быть неоднозначной. На практике это приводит к парадоксу: даже при наличии заключения комплексной психолого-психиатрической экспертизы о состоянии аффекта суд может не признать это обстоятельство, требуя иных доказательств (свидетельских показаний о неадекватном поведении подсудимого). Таким образом, конструкция состава ставит возможность его применения в зависимость не только от объективных обстоятельств, но и от субъективного усмотрения суда в оценке специальных знаний [2, С. 255].

Наиболее проблемной с точки зрения законодательной техники является конструкция ст. 108 УК РФ. Ключевой признак «явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» является оценочным и не имеет четких законодательных критериев. В теории уголовного права под этим понимается чрезмерность, не вызываемая необходимостью защиты. Однако на практике оценка часто проводится post factum, в спокойной обстановке кабинета следователя или зала суда, путем формального сравнительного анализа орудий нападения и защиты. Такой подход игнорирует основополагающий принцип – оценку действий обороняющегося необходимо проводить с учетом «психологии обстановки»: внезапности, интенсивности нападения, состояния страха, растерянности, физиологического стресса, которые объективно сужают возможность взвешенной оценки угрозы и выбора оптимального средства противодействия.

Правоприменитель часто не учитывает, что человек, подвергшийся внезапному нападению, «не может с математической точностью рассчитать силу ответного удара». ВС РФ в одном из последних решений подтвердил этот подход, указав на правомерность обороны, учитывая количество нападавших, их агрессивное поведение и внезапность, даже несмотря на применение оборонявшимся ножа против палок. Однако такое толкование не закреплено в законе и остается на усмотрение суда [3, С. 31].

Несовершенство законодательных конструкций порождает ряд устойчивых проблем квалификации, затрагивающих смежные институты.

Сложности вызывает отграничение убийства в состоянии аффекта (ст. 107) от убийства при превышении пределов обороны (ст. 108). Аффект может возникнуть в ходе отражения посягательства, и тогда действия виновного формально подпадают под признаки обоих составов. Отсутствие в законе четких критериев их разграничения (например, первичности аффекта или оборонительного мотива) ведет к произвольному выбору квалификации, что существенно влияет на вид и размер наказания.

Отдельный пласт проблем связан с квалификацией действий при так называемой мнимой обороне, когда лицо ошибочно полагает, что подвергается нападению, и причиняет вред мнимому посягателю. Действующий УК РФ не содержит специальной нормы о мнимой обороне. Ее правовая оценка осуществляется по правилам, изложенным в постановлениях Пленума ВС РФ, как разновидность фактической ошибки. Если ошибка была извинительной (лицо не осознавало и не могло осознавать мнимость посягательства), действия теоретически должны оцениваться как необходимая оборона. Если же ошибка была неизвинительной (должно было и могло осознавать), возможна ответственность за неосторожное причинение вреда либо, при наличии умысла, за преступление против личности. Отсутствие прямого законодательного регулирования этого института создает правовую неопределенность и нарушает принцип законности (ст. 3 УК РФ), поскольку уголовно-правовые последствия определяются не кодексом, а судебным толкованием.

Для преодоления выявленных системных проблем необходима комплексная законодательная модернизация. Предлагаются следующие основные направления [4, С. 74].

Во-первых, целесообразно дополнить диспозицию ч. 1 ст. 108 УК РФ конкретизирующим положением, смещающим акцент с формального соответствия на оценку обстановки с позиции обороняющегося. Например, «Превышением пределов необходимой обороны признаются лишь умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства, при этом оценка соответствия должна проводиться с учетом всей совокупности обстоятельств, включая внезапность, интенсивность посягательства, число нападающих, физические возможности и психофизиологическое состояние обороняющегося (страх, растерянность), которые могли повлиять на его способность объективно оценивать степень опасности».

Кроме того, в статью 37 УК РФ («Необходимая оборона») следует ввести норму-презумпцию: «Причинение вреда посягающему в условиях внезапного, сопряженного с насилием, опасным для жизни, нападения не может быть признано превышением пределов необходимой обороны, если только не будет доказано, что обороняющийся, осознавая явное прекращение посягательства, умышленно причинил смерть или тяжкий вред из мести или иных низменных побуждений». Эта идея, обосновываемая в научной литературе как «презумпция состояния страха», радикально изменит практику, возложив бремя доказывания чрезмерности умысла на обвинение [5, С. 132].

Во-вторых, для снижения субъективизма при квалификации по ст. 107 УК РФ необходимо:

1. Дать легальное определение аффекта в примечании к статье, указав, что это временное, внезапно возникшее особое эмоционально-волевое состояние, существенно ограничивающее способность лица в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и (или) руководить ими.

2. Расширить и детализировать перечень провоцирующих действий, включив, например, противоправное лишение жилища, шантаж, травлю (буллинг), систематическое унижение достоинства. Это снизит зависимость от субъективной оценки следователя и суда того, что является «тяжким оскорблением» или «издевательством».

3. Четче регламентировать процедуру доказывания, закрепив в УПК РФ правило, согласно которому при наличии обоснованных сомнений в психическом состоянии обвиняемого в момент деяния обязательно назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, а ее выводы не могут быть отвергнуты судом без столь же убедительного специального обоснования.

В-третьих, для устранения пробела и обеспечения единообразия практики предлагается ввести в главу 8 УК РФ («Обстоятельства, исключающие преступность деяния») самостоятельную статью «Мнимая оборона». В ней следует дифференцированно урегулировать последствия:

– если лицо, исходя из всей совокупности обстановки, добросовестно ошибалось в наличии реаль-

ного посягательства и не должно было, и не могло осознавать ошибку, его действия должны признаваться правомерными (по аналогии с необходимой обороной);

– если лицо не осознавало ошибку, но по обстоятельствам дела должно было и могло ее осознавать, вопрос об уголовной ответственности решается по правилам о неосторожном причинении вреда;

– если мнимость посягательства была очевидна, а причинение вреда умышленным, наступает ответственность на общих основаниях [6, С. 197].

В-четвертых, анализ санкций статей 107 и 108 УК РФ показывает, что законодатель справедливо отнес эти деяния к категориям небольшой и средней тяжести. Однако для усиления дифференциации и стимулирования позитивного посткриминального поведения целесообразно дополнить эти статьи примечаниями об освобождении от уголовной ответственности. Например, в ст. 108 УК РФ можно ввести норму: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно после причинения вреда добровольно оказало потерпевшему неотложную медицинскую или иную помощь, направленную на минимизацию последствий содеянного». Это соответствовало бы социальной природе этих преступлений и принципу гуманизма [7].

Совершенствование законодательных конструкций привилегированных составов убийства – не техническая, а стратегическая задача, от решения которой зависит реализация конституционных принципов справедливости и гуманизма в уголовном праве. Действующие редакции статей 106–108 УК РФ, несмотря на свою прогрессивную направленность, страдают существенными недостатками: избыточной оценочностью, игнорированием психофизиологического состояния виновного, отсутствием четких критериев разграничения и регулирования смежных институтов (мнимой обороны).

Предлагаемый комплекс изменений направлен на объективацию и гуманизацию уголовно-правовых оценок. Конкретизация признаков аффекта, введение «презумпции правомерности» при внезапном нападении, законодательное закрепление правил оценки мнимой обороны и гуманизация санкций – эти меры позволят преодолеть формализм в правоприменении, обеспечить единообразие судебной практики и, что самое важное, адекватно защитить права граждан, вынужденно оказавшихся в экстремальной, психотравмирующей ситуации. Реализация данных предложений станет шагом к построению более взвешенной и социально ориентированной модели уголовной ответственности за преступления против жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хаирова, С. М. Привилегированные составы преступлений // Лучшие научные исследования студентов и учащихся: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 174–175.

2. Тихомирова, А. О. Проблемы квалификации и разграничения ст. 107 УК РФ // XVII итоговая студенческая научная конференция: Сборник статей. Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2025. С. 250–256.

3. Беляй, Д. А. Проблемы квалификации и разграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта, от смежных состав преступлений // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 120-3. С. 30–32.

4. Хацуков, А. М. Критерии классификации привилегированных видов убийств // International Journal of Professional Science. 2023. № 12-1. С. 74–79.

5. Никитин, Д. А. Коллизии, возникающие при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка по ст. 106 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2025. № 2(67). С. 130–134.

6. Кириллова, А. В. Спорные вопросы привилегированных составов убийства // Наука. Технологии. Инновации: Сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2025. С. 196–198.

7. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. Саранск: Афанасьев, 2024.

УДК 347

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ

Шемякин Илья Михайлович, магистрант

Российский университет кооперации Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: malish.ni@ruc.su

COUNTERING TERRORISM IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION AND THE MODERN MODEL

Shemyakin Ilya Mikhailovich, Master's Student

Russian University of Cooperation Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается историко-правовая эволюция представлений о терроризме и формирование антитеррористического законодательства России от дореволюционных источников (Судебники, Соборное уложение, Уголовное уложение 1903 г.) через советские кодификации (УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.) к современной системе, основанной на ст. 205 УК РФ и др. уголовно-правовые нормы, направленные на противодействие преступлениям террористической направленности, а также на Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Показано смещение фокуса с так называемого казуистического описания общеопасных способов насилия к целевой направленности воздействию на решения органов власти и нарушению общественной безопасности и расширение количества смежных составов (финансирование, публичные призывы, участие в сообществе и др.) как превентивной уголовно-правовой основы противодействия.

Ключевые слова: терроризм, антитеррористическое законодательство, ст. 205 УК РФ, Федеральный закон № 35-ФЗ, Пленум Верховного Суда РФ, историко-правовой анализ, финансирование терроризма, публичные призывы, террористическое сообщество.

The article examines the historical and legal evolution of ideas about terrorism and the formation of anti-terrorist legislation in Russia from pre-revolutionary sources (Judicial Codes, the Cathedral Code, the Criminal Code of 1903) through Soviet codifications (the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926, 1960) to the modern system based on art. 205 of the Criminal Code and other criminal law norms aimed at to counter terrorist crimes, as well as Federal Law No. 35-FZ "On Countering Terrorism."

The paper shows a shift in focus from the so-called casuistic description of generally dangerous methods of violence to a targeted focus on influencing government decisions and violating public safety and expanding the number of related structures (financing, public appeals, community participation, etc.) as a preventive criminal legal basis for countering.

Keywords: terrorism, anti-terrorist legislation, Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, Federal Law No. 35-FZ, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, historical and legal analysis, financing of terrorism, public appeals, terrorist community.

Ни разработка доктрины, направленной на противодействие терроризму, ни реализация эффективных мер уголовно-правового и организационного реагирования невозможны без изучения истории трансформации и эволюции самого явления и как следствие его противодействия посредством нормативно-правового воздействия и регулирования общественных отношений.

Среди ученых и правоведов нет единого мнения касаемо «точки отсчёта» возникновения терроризма как общественного феномена. Так, например, одни авторы видят и связывают его с политическими убийствами (regicidium, tyrannicidium) раннюю форму того, что сегодня квалифицируется как террористическая деятельность, поскольку результатом таких актов становилось целенаправленное воздействие на деятельность и нормальное функционирование власти и общественный порядок [1, 7].

Другие же считают, что терроризм – это сугубо продукт XX–XXI вв., где решающую роль сыграли технологический прогресс, массовые коммуникации и так называемая «медиатизация» страха, посредством СМИ и глобальной сети Интернет, превратившие устрашение в самостоятельную цель. Тем самым при ретроспективном изучении данного явления и интерпретации античных и средневековых событий мы можем обнаружить сходство отдельных признаков с современными определениями (политическая мотивированность, эффект дестабилизации), но не можем напрямую отождествлять их с «терроризмом» в позитивно-правовом смысле, а именно позитивное право определяет границы понятия.

В российском законодательстве его сущность выражена через цель воздействия на принятие решений органами власти и/или нарушение общественной безопасности посредством взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, при этом законодатель связывает ответственность не с самим способом, а с установленной направленностью деяния, его целью. Данная правовая позиция закреплена как в ст. 205 УК РФ, в ФЗ от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», так и в разъяснениях Верховного Суда [2].

Историческая периодизация российского законодательства, направленного на противодействие терроризму, условно делится на дореволюционный, советский и постсоветский этапы, хотя более детальная схема добавляет внутри первого этапа так называемый ранний этап до 1866 г. и «период революционных сообществ» (1866–1917 гг.).

В дореформенном праве мы находим лишь отдельные нормы о посягательствах на представителей власти и общеопасных способах совершения преступлений, но не собственно сами террористические составы преступлений.

Судебники конца XV середины XVI вв. устанавливают ответственность за «лихие дела» поджоги укреплений города, приносящие вред общественным, государственным интересами, а «хитрость» как аналог прямого умысла придаёт значение целевой направленности деяния [3, 4, 5].

Позднее Соборное уложение 1649 г. развивает конструкцию «умысления» по преступлениям против государя. К началу XX в. Уголовное уложение 1903 г. вводит нормативное закрепление «взрыва», «взрывчатых веществ» и «снарядов», что по объективной стороне сближается с современным правом,

хотя терминологически и дефиниционно ещё не оформляет террористический акт как самостоятельный состав [4, 6].

Историки революционного движения конца XIX начала XX в. справедливо указывают на изменение насилия его эволюцию и модернизацию (динамит, организованные группы, демонстративность покушений), однако современная квалификация требует учитывать именно легальные признаки цели и способа, а не только политический статус потерпевшего.

Советский период привнёс своего рода неоднозначность и двойственность. Так, с одной стороны, в политической практике ранних лет существовали формы «государственного террора» как инструмента власти. С другой же стороны именно в уголовном праве 1920-х гг. впервые появилось позитивно-правовое упоминание «террористического акта» в системе государственных преступлений (УК РСФСР 1922 г., затем 1926 г.), где террористические действия трактовались как направленные на контрреволюционные цели и карались высшей мерой наказания с конфискацией имущества.

Уголовно наказуемыми были также пособничество и укрывательство. Тенденции гуманизации и деполитизации формулировок была кодифицирована в УК РСФСР 1960 г., где ст. 66 «Террористический акт» определяла убийство или причинение тяжкого вреда государственному или общественному деятелю по политическим мотивам и постепенно отходила от максимально жёстких и репрессивных санкций ранних редакций, сохраняя, однако, привязку к особому статусу потерпевшего и его идеологическим целям.

Одновременно с этим законодателем была введена ст. 67 о террористическом акте против представителя иностранного государства, подчёркивая международный аспект охраны. Данные изменения служили предпосылкой к дальнейшему переходу к современному пониманию, где охраняемым объектом становится не только власть как таковая, но и общественная безопасность в широком смысле.

Далее рассмотрим постсоветский этап. Уже в середине 1990-х в национальное право входит термин «терроризм», а по мере накопления трагического опыта (серия терактов 1999 г., «Норд-Ост», Беслан) законодатель последовательно выстраивает комплексную систему уголовно-правовых запретов и мер, направленных на профилактику террористической деятельности.

Принятие Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» придало системность всему блоку законодательству антитеррористической направленности. Так, закон закрепил базовые принципы, основы управления включая координацию деятельности федеральных и региональных органов, институт профилактики, минимизации последствий и правовые основания применения Вооружённых Сил в контртеррористических операциях. В дальнейшем закон неоднократно изменялся, в том числе в 2024–2025 гг., тем самым напрямую отражая адаптацию к новым рискам и методам совершения преступлений террористической направленности.

Уголовно-правовой основу современной модели противодействия данному явлению задаётся не только ст. 205 УК РФ, но и группой смежных составов таких как: финансирование терроризма (ст. 205.1 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст.ст 205.1, 205.5 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, её оправдание или пропаганда (ст. 205.2 УК РФ), прохождение обучения с целью осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), организация террористического сообщества и участие в нём (ст. 205.4 УК РФ), незаконные вооружённые формирования (ст. 208 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ) и др. [5,1].

Такая структура уголовно-правовых норм позволяет охватывать как саму сущность и «ядро» террористического акта, так и инфраструктуру подготовки, финансирования, вербовки, идеологического сопровождения и участия.

Доктринально важно отметить тот факт, что законодатель дал дефиницию финансирования, включив не только предоставление или сбор средств, но и оказание финансовых услуг с пониманием назначения на террористические преступления, а также финансирование лица, организованной группы или сообщества для совершения соответствующих деяний. В совокупности данный факт отражает смещение акцента с реагирования постфактум и предотвращение последствий на превентивное пресечение и отсечение финансовой и ресурсной базы терроризма.

В действующей редакции ст. 205 УК РФ ключевым элементом выступает целевая направленность на нарушение общественной безопасности и (или) воздействие на принятие решений властными субъектами.

Разъясняя содержание цели и объективной стороны, Пленум Верховного Суда указывает следующее: «о цели воздействия могут свидетельствовать требования участников преступления, содержание их ультимативных обращений к органам власти либо международным организациям» [6]. Сама же квалификация по ст. 205 УК РФ возможна не только при взрыве или поджоге, но и при «иных действиях подобного характера», если они создают опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

Существенную роль играет и примечание к ст. 205 УК РФ. Так, участник подготовки террористического акта освобождается от уголовной ответственности при своевременном предупреждении органов власти или ином способствовании предотвращению, если в содеянном нет иного состава преступления. Данный добровольный отказ от преступления на стадии приготовления встроен в ранее указанную систему профилактики.

Изменение санкций демонстрирует общий тренд на ужесточение по мере роста общественной опасности и транснационализации угроз. Если для ранних постсоветских формулировок были характерны более мягкие пределы наказания, то сегодня за совершение террористического акта по ч. 1 ст. 205 предусмотрено длительное лишение свободы, а специальных правил назначения наказания и множественности составов добавилось через расширение квалифицирующих признаков и смежных статей.

Современная архитектура противодействия терроризму выходит за правовые рамки Уголовного кодекса РФ и 35-ФЗ и опирается на подзаконное регулирование антитеррористической защищённости объектов (территорий). Также для противодействия терроризму совершенствуются различные технические средства в виде видеонаблюдения и контроля доступа.

В настоящее время терроризм отличается многообразием субъектов и способов. Так, наряду с организационными структурами возрастают риски «одиночных акторов», дистанционных способов совершения (включая применение БПЛА, самодельных устройств с удалённой активацией), а также повсеместной цифровизацией инфраструктуры и общества.

Таким образом исходя из проведённого историко-правового анализа можно сделать вывод о том, что для правоприменения решающим остаётся нормативно закреплённое определение и его связь с конкретной целью воздействия на власть.

Современная уголовно-правовая доктрина и практика квалификации данного вида деяний требуют от правоохранительных органов устанавливать не только факт опасного способа (взрыв, поджог, иные действия), но и его целевую направленность, выраженную в требованиях, посланиях либо иных объективируемых формах, подтверждённых допустимыми доказательствами. Поскольку в противном случае сами по себе общеопасные способы без указанной цели образуют иные составы (например, уничтожение имущества общеопасным способом), тогда как наличие цели обуславливает квалификацию по ст. 205 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2.О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025). СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

3.Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. от 28.10.2021) // ГАРАНТ.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/

4.Судебник 1497 года. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497

5.Судебник 1550 года. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550

6.Соборное Уложение 1649 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm

7.Капитонова, Е. А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия высших учебных заведений. 2016. №4 (40). С. 17–28.

Научное электронное издание

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КООПЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(ЧАСТЬ 1)

Материалы II Международной научно-практической конференции

Саранск, 29–30 апреля 2026г.

Публикуется в авторской редакции

Технический редактор *В. Е. Дерюга*

Объем 4,6 Мб. Тираж 9 экз. Заказ № 59.

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»
Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
Тел.: (8342) 33-94-96; e-mail: rio@mordgpi.ru